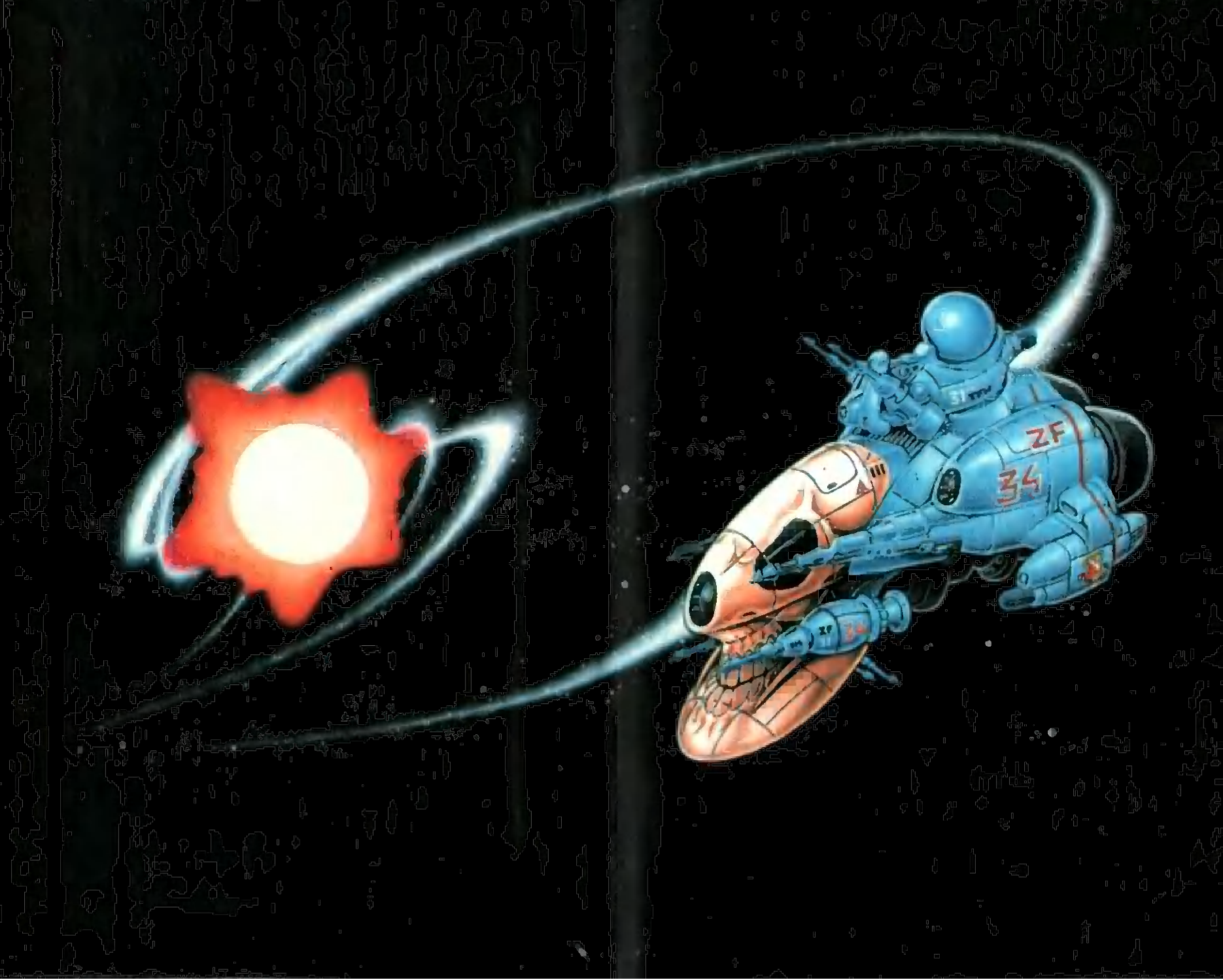
Издательство
«Аргус»
Серия фантастики
«Хронос»

Врата времени

Врата времени

Врата времени

Врата времени


ZF
34

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ТРЕТЬЯ

Врата времени

сборник
англо-американской
фантастики

МОСКВА
«АРГУС»
1995

ББК 84(0)6
В81

Составитель О. П. Пуля

В81 Врата времени: Сб. фант. произведений: Пер. с англ. / Сост. Пуля О. П. — М.: Аргус, 1995. — 608 с.: ил. — (Хронос).

ISBN 5-85549-036-X

Сборник представляет практически неизвестный читателю роман Филипа Жозе Фармера «Врата времени», его же лукаво-озорную повесть «Божественный промысел», повесть знаменитого своим циклом «Города в полете» Джеймса Блиша и более двух десятков рассказов.

Среди авторов сборника — Фред Сейберхаген, Теодор Старджон, Кит Ломер, Альфред Ван-Вогт, Рэй Брэдбери.

В $\frac{4701000000 - 010}{Я46(03) - 95}$ Подписное ББК 84(0)6

© Изд-во «Аргус», 1994
© Составление, название серии — О. П. Пуля, 1994
© Оформление, иллюстрации — В. Ю. Мартыненко, 1994

ISBN 5-85549-036-X

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В тот миг, когда перед горящим бомбардировщиком распахнулись Врата Времени — врата параллельного мира, двое чудом уцелевших американцев не представляли, что их ждет...

А ждала их другая Земля — планета, где нет Американского континента, жестокий мир, не знающий христианства и не ведающий жалости; мир, где во славу странных богов на скованных льдами просторах обрушиваются друг на друга бронированные орды империй и королевств. Перкуния, Блодландия, Итскапинтик, Ихвани — с изощренной жестокостью их правители пытаются похитить друг у друга американских летчиков — лейтенанта Ту Хокса и сержанта О'Брайена, заставить их работать на себя и, воспользовавшись их знаниями, развернуть войну в воздухе.

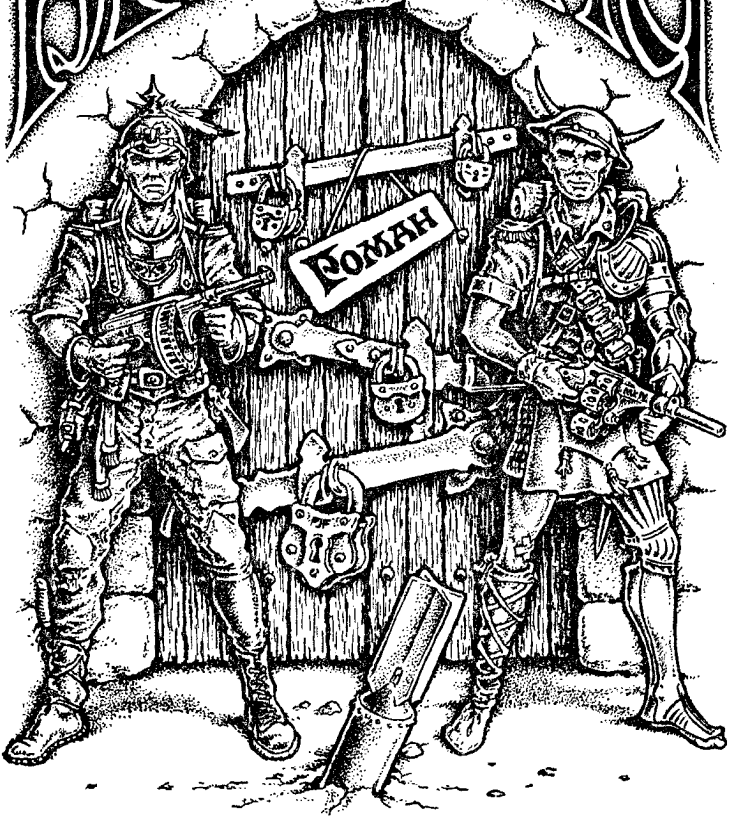
Но выжили не только американцы. Пилот сбившего их немецкого истребителя попадает в этот параллельный мир вместе с ними — его холодный ум и жажда власти во многом изменят их судьбу...

...А далее — повести и рассказы, другие миры, неожиданные и парадоксальные. Там земляне с летающих городов будущего в столкновении с убийцами-Прокторами восстанавливают справедливость на Большом Магеллановом Облаке, а другие земляне едва не гибнут, побежденные загадочной тварью с безымянной планетки; там пробуждается вызванная из небытия нежить, а новоявленное божество устанавливает Золотой Век; там открывается бесконечный путь в преисподнюю, а тени воителей прошлого разбивают армаду одержимых жаждой истребления звездолетов-роботов...

Farmer
357

Филип Жозе Фармер

Врата времени



Philip José Farmer
THE GATE OF TIME

1

Прошел ровно год, как война наконец закончилась, и мой издатель решил направить меня в норвежский городок Ставангер — записать нашумевшую историю Роджера Ту Хокса и заключить с ним контракт на условиях весьма и весьма выгодных для автора, особенно если вспомнить, что напечататься после войны было очень непросто. Честно говоря, я сам мечтал встретиться с Ту Хоксом и попросту напросился на это задание — ибо слухи о нем, противоречивые и невероятные, меньше всего походили на правду, хотя рассказчики клялись в абсолютной своей правдивости.

Любопытство как заноза сидело во мне, так что, не подвернись столь удачно предложение моего шефа, я бы, пожалуй, даже рискнул взять расчет и, не задумываясь о последствиях, помчался бы в Норвегию. Кстати, результат подобного безумия выглядел однозначно: сложности послевоенного времени практически не давали надежды на вакантное место очеркиста или репортера. Мир лежал в руинах, и умение каменщика или слесаря ценилось много выше искусства владеть пером.

Но люди, тем не менее, оставались людьми и продолжали читать и, как ни странно, покупать книги. Газеты подогревали интерес к таинственному Роджеру Ту Хоксу, почти каждый хоть что-то да слышал о нем, но лично знавших его либо невозможно было найти, либо они уже перекочевали в мир иной.

Единственным средством передвижения, на которое мне удалось раздобыть билет, оказалась древняя чадящая посудина, тащившаяся до Ставангера морем целую неделю. Оказались мы там поздним вечером, и мне стоило больших усилий выяснить на моем скверном норвежском, где находится гостиница, имеющая, по моим данным, в числе своих постояльцев Ту Хокса.

Ехать пришлось на другой конец города, и тройной тариф на такси отнюдь не улучшил настроения, но при

© Перевод на русский язык, Башлакова Н. В., 1994

виде отеля я несколько приободрился: он был ярко освещен и казался оазисом комфорта среди мрачных улочек, где тьму разрежали лишь мутные пятна фонарей, а по обочинам мелькали безликие дома с наглухо зашторенными окнами. А здесь, в просторном светлом холле, жизнь била ключом: люди смеялись, беззаботно болтали и несомненно были счастливы сознанием того, что тяготы минувшей войны остались позади окончательно и бесповоротно.

Портье сообщил мне, что Ту Хокс уже прошел в банкетный зал. Мэр Ставангера устраивал сегодня какой-то прием, и именно это послужило причиной удивившей меня радостной суеты в холле.

Узнать Ту Хокса среди гостей труда не составило: его лицо слишком часто мелькало на страницах газет, и гадать, кто стоит в углу, окруженный кольцом приглашенных, не приходилось. Не переставая извиняться, я протиснулся вперед и оказался рядом. Что сказать? Чуть выше среднего роста, приятное широкоскулое лицо с четко вырезанными крыльями орлиного носа. Темно-каштановые волосы. Смуглая кожа, но лишь немногим темнее, чем у любого хорошо загоревшего норвежца. Зато глаза! Они не вязались с его внешностью привлекательного европейца — пронзительные, льдисто-серые, словно небо полярной зимы. Держа бокал, он что-то говорил мягким, слегка приглушенным баритоном, изредка улыбаясь немного застенчивой мальчишеской улыбкой. Норвежский язык он, очевидно, знал еще хуже меня, грамматика хромала на обе ноги, а акцент был просто ужасен. Рядом с Ту Хоксом спокойно стояла красивая, изящная блондинка; судя по фотографиям в прессе — его жена.

Воспользовавшись первой же короткой паузой, я представился. Поскольку мой издатель письменно оговорил эту встречу заранее, Ту Хокс должен был вспомнить о ней и, соответственно, обо мне. Действительно, он обернулся и, вежливо осведомившись, благополучно ли я путешествовал, добавил с той же обаятельной улыбкой:

— А я уж было решил, что ваш шеф почему-то передумал и вы не приедете...

Помолчав, он пояснил:

— Через два дня я покидаю Норвегию. А значит, смогу уделить вам от силы день-полтора. С рассказом придется спешить, и будем надеяться, что вы сумеете запомнить всё. Кстати, как у вас с памятью?

— Без проблем,— поклялся я.— Даже учитывая мою и вашу неизбежную бессонницу в эту ночь. Когда начнем?

— Сейчас же. Я только попрощаюсь с мэром.

Минут через пять мы уже были в его номере. Пока я извлекал из чемоданчика документы, бумагу и набор ручек, Ту Хокс водрузил на электроплитку устрашающих размеров кофейник.

— Не уверен,— проговорил он негромко,— правильно ли я поступаю, но мне нужны деньги, а эта книга — самый простой и честный способ получить их. Может случиться и так, что я не смогу вернуться за гонораром... Все будет зависеть от того, что ждет меня в конце Пути...

Я удивленно приподнял брови, но промолчал. Ту Хокс быстро пересек комнату, снял со шкафа небольшой глобус и бережно поставил его на стол. Маленький земной шар был устаревшего образца, с довоенными границами уже исчезнувших государств.

— Подойдите ближе,— позвал Ту Хокс,— я покажу вам, где начался мой Путь.

Медленно повернув шар глобуса, он придержал его пальцем и коснулся кончиком карандаша точки чуть западнее Черного моря.

— Плоешти...— прошептал он.— Вот здесь. Я начну отсюда, хотя мог бы рассказать многое о том, что было до того, но это долгая история и займет она слишком много времени — а его-то у нас как раз и нет. Но я могу оставить вам свои дневники, где описал наиболее важное из моей биографии до того самого дня, когда мы получили задание бомбить нефтепромыслы у Плоешти.

— Плоешти... Это Румыния, да? — блеснул я эрудицией.

— Точно. Крупнейшие нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы немцев. Лишить немцев всего этого горючего, лишить возможности воевать — это было основной целью нашего девятого авиаполка, поднявшегося в небо с аэродрома в Южной Италии. Американцам удалось осуществить массированный налет на Плоешти, когда война шла уже четыре года, зато в воздух поднялись сразу сто семьдесят пять четырехмоторных бомбардировщиков. Вполне достаточно, чтобы сжечь дотла все нефтехранилища и сровнять с землей заводы. Если бы не один пустячок, о котором командование не сочло нужным сообщить. Никто не позаботился сказать нам, что и сам город, и нефтепромыслы защищены двойным кольцом

зенитных батарей всех калибров. Правда, скажи они нам это — ничего бы не изменилось. Мы и так знали, что идем не на прогулку. Я был командиром B-24, "Гайаваты",— Ту Хокс усмехнулся,— так мы прозвали нашу машину. Вторым пилотом у меня летал Джим Эндрюс. Славный он был парень, этот Джимми, хоть и вырос в Алабаме, и его ничуть не смущало, что половина крови во мне — индейская. В общем, мы с ним крепко сдружились.

Ту Хокс улыбнулся и добавил:

— Да, я совсем забыл сказать вам, моя мать из ирокезов, а вот отец — самый что ни на есть чистокровный шотландец.

Кивнув, я осторожно спросил:

— А в рукописи... ну, в записках, вы не забыли упомянуть об этом?

— Нет, конечно не забыл. Итак...

2

Ведущий звена бомбардировщиков упрямо держал курс к югу от Тырговиште. Вместо того чтобы повернуть на север, к Плоешти, он продолжал идти в сторону Бухареста. Ошибка штурмана всполошила пилотов, и, нарушая строжайший приказ, в эфир полетели радиозапросы ведомых. Однако командир звена, не отзываясь, упорно не менял курс. Держась за ведущей машиной, лейтенант Ту Хокс заметил маслянисто-черное облако, клубившееся у самого горизонта,— это горели нефтехранилища. Первая волна бомбардировщиков накрыла цель. Ту Хокс снова и снова спрашивал себя, как же мог полковник не заметить расползшиеся на полнеба и постепенно уходившие назад сгустки дыма. Совершенно неожиданно ведущая машина сделала резкий разворот, наконец-то нацелившись на горящие прииски. Пытаясь сохранить строй, Ту Хокс и другие пилоты спешно повторили маневр. Четыре мотора "Гайаваты" надсадно взревели, увлекая самолет на предельной скорости все ближе и ближе к цели. Звено бомбардировщиков стремительно понеслось вниз, выходя на необходимую для атаки трехсотфутовую высоту. Под крылом замелькали, сменяя друг друга, разноцветные лоскуты полей, паутина каналов, спичечные коробки домов, серые ленты дорог. Впереди на клубящейся стене дыма тускло отсвечивали китообразные туши заградительных аэростатов.

Не так, всё не так! Ту Хокс прикусил губу, сдерживая готовые вырваться проклятия: звено вышло на цель с другой стороны, и теперь весь штабной инструктаж о расположении объектов не стоил и цента. При заходе с юга все снимки воздушной разведки годились разве что для клозета. Но он промолчал, не желая показывать сидевшему рядом Эндрюсу свою растерянность.

Не выйдя еще и к первой линии аэростатов, бомбардировщики оказались под плотным огнем немецких зенитных батарей. Каждый стог сена на лугу, каждый куст, каждый невзрачный сарай — все обернулось прекрасно замаскированными позициями зениток. Из-за безобидных кустиков, из неприметных окопчиков и траншей навстречу несущимся на бреющем полете самолетам остервенело залаяли автоматные очереди. Стоявшие на заброшенной железнодорожной ветке старые вагоны внезапно ощетинились длинными дымными пиками — это вступили в игру длинноствольные 88-миллиметровые зенитки, плюющиеся зажигательной шрапнелью.

Близкие разрывы сотрясали "Гайавату", осколки скрежетали и щелкали по обшивке, впивались в фюзеляж и плоскости. Машина содрогалась. Стиснув зубы, оба бортовых стрелка пытались не выпустить из прицела позиции зениток. Мир вокруг казался гигантской светящейся паутиной, сотканной из нитей трассирующих пуль дымными пауками разрывов.

Несколько машин уже горело, другие, спешно отбомбившись, рвались прочь из зоны обстрела, натужно набирая высоту на двух-трех неповрежденных моторах. Безумная какофония взрывов, воя моторов и грохота бортовых пушек терзала нервы невыносимой болью.

Лейтенант Ту Хокс, сжимая штурвал, пока еще удерживал машину в разваливающемся строю. Удивительное везение: ни одного прямого попадания, все четыре мотора целы, подача горючего в норме, бензобак не пробит... Вот тогда и раздался в наушниках панический вопль одного из стрелков:

— Командир, хвостовая часть фюзеляжа — вдребезги!

Ту Хокс сжал зубы и непроизвольно оглянулся — самолет, летевший справа, разваливался, словно рассеченный страшным ударом исполинского меча; машина слева вдруг провалилась вниз, задирая дымящийся нос. Прямое попадание... Уже у самой земли она исчезла в облаке черно-багрового пламени.

Перед завесой аэростатов строй окончательно рассыпался. Закладывая крутые виражи, пилоты уцелевших машин пытались не столкнуться с сетью стальных тросов. Сквозь поредевшую пелену дыма внизу обозначились бесконечные ряды нефтяных цистерн и очистных башен. Вспыхнули двигатели летящего в паре с "Гайаватой" бомбардировщика, он обрушился на какой-то барак и взорвался. Еще один американец, волоча за собой дымные шлейфы, безнадежно уходил к земле. Другой бомбардировщик, объятый пламенем, уже избавившись от бомб, пытался набрать высоту: экипаж, очевидно, рассчитывал спастись на парашютах.

Серия бомб головного Б-24 впереди четко накрыла цель, нефтяные цистерны беззвучно лопнули, взметнувшись к небу шквалом пламени; ослепительным фейерверком брызнули обломки вышек. Ударная волна жестко ударила по "Гайавате", подбросила вверх и тут же потащила вниз. Намертво вцепившись в штурвалы, Ту Хокс и Эндрюс яростно боролись, пытаясь выровнять машину, и почти не заметили, как самолет полковника, будто сломанная игрушка, беспомощно закувыркался, разваливаясь в воздухе.

Но "Гайавата" еще держался. На просторном — от горизонта до горизонта — поле прямо по курсу тянулись ряды буровых вышек, переплетения трубопроводов и составы железнодорожных цистерн.

— Цель! Бомбы сбросить! — рявкнул Ту Хокс в микрофон и инстинктивно напрягся, ожидая рывка освобожденной от груза машины. Но не дождался. Ответом ему был плачущий крик второго стрелка О'Брайена:

— Всё, командир! Гиссар убит! Лежит тут, на полу, у бомбового люка...

Ту Хокс выругался. Выгодная цель с каждой секундой убегала назад. Оглядевшись, он поймал взглядом железнодорожную развилку чуть дальше по курсу и направил туда "Гайавату". Эндрюс поспешно надавил кнопку бомбосбрасывателя, и освободившаяся от груза машина устремилась вверх. Вернулся Эндрюс, размазывая ладонью грязь по потному лицу.

— Чарли тоже убит,— удивительно спокойно сообщил он.— Вся хвостовая часть как решето, еле держится.

— Когда же нас долбануло? — Щека Ту Хокса дернулась.— Я ничего не заметил...

— Я тоже,— отозвался Эндрюс.— Да и какая разница. Мы теперь в любом случае не дотянем...

Ту Хокс не ответил и развернул машину вправо, пытаясь выйти на прежний курс. Самолет трясло как в лихорадке. Внезапный оглушительный взрыв шквальным ветром пронесся по пилотской кабине. Там, где сидел Эндрюс, плексиглас колпака вдруг разлетелся мутными осколками, и тело второго пилота безжизненно обвисло на ремнях, запрокинув окровавленное нечто с торчащими вместо лица осколками костей.

Ту Хокс резко взял на юго-запад, но уже на выходе из виража машину вновь ударило. Раздался пронзительный скрежет металла; треск разламывающегося фюзеляжа слился с ревом вспыхнувшего в левом баке горючего. Отлетел, рассыпаясь в воздухе, пропеллер.

Ну хоть на двух, хоть на одном моторе, но только продержаться, только выше, выше, набрать высоту, а там — прыгать...— металась в мозгу Ту Хокса однаединственная мысль, а сам он из последних сил пытался выровнять едва слушавшуюся рулей машину.

...И тут странное чувство внезапно нахлынуло на него, странное чувство раздвоения сознания. Длилось оно какое-то мгновение, но, уйдя, оставило непонятную уверенность, что за этот неуловимый миг в реальный мир вторглось нечто чуждое, чужеродное, неземное... И самым странным было знание, что с ним самим, с Роджером Ту Хоксом, ничего не случилось. Не шок, не краткая потеря сознания — нет, это было что-то внешнее, будто и он, и его бомбардировщик какой-то неведомой силой вырваны из реального мира, будто на мгновение порвались все связи причин и следствий, будто...

Но наваждение это тотчас схлынуло, ушло, когда "Гайавата" внезапно, будто протаранив изнутри стену преисподней, вырвался в тишину. Ни грохота разрывов, ни летящих прямо в лицо огненных трасс. Тишина. И только ветер, посвист ветра в разбитой кабине...

Откуда-то из небытия, словно в небе раскрылся и мгновенно захлопнулся невидимый люк, рядом с машиной Ту Хокса черной молнией вынырнул истребитель и ринулся навстречу горящему бомбардировщику. Ни осмыслить, откуда взялся противник, ни определить его тип Ту Хокс не успел. Столкновение казалось неизбежным, но немецкий истребитель, перевернувшись через крыло, ловко ушел вниз, прямо под брюхо "Гайаваты". Бортовые пушки немца выплеснули пламя, и левое крыло "Гайаваты", легко и почти неслышно отделившись от фюзеляжа, серым парусом ушло вниз.

Но Ту Хокс уже не видел этого: он прыгнул, сразу же дернув кольцо,— они были так низко, что соблюдать инструкции мог только ненормальный. Проваливаясь навстречу земле, он позволил себе удивиться. Сгинул с горизонта горящий Плоешти, исчезли нефтепромыслы. Вместо пригородов, над которыми они пролетали минутой раньше, под ними оказались немощеные дороги, рощицы и редкие хутора. На абсолютно чистом горизонте — ни облачка дыма.

Резкий рывок парашюта заставил его поднять голову. Слева, чуть выше, покачивался тоже только что раскрывшийся серебристый купол; присмотревшись, Ту Хокс узнал Пата О'Брайена, второго стрелка. Итак, из пятерых лишь им двоим выпало пережить "Гайавату"; то, что совсем недавно было бомбардировщиком, воющим клубком огня и дыма неслось к земле. Через мгновение за ближайшей рощей взметнулся дымный гриб, рассыпавшись снопом искр.

3

Ту Хокс настороженно всматривался в приближающуюся землю. Чем ниже он опускался, тем больше различал деталей, но обзор постепенно сужался.

Благодаря сильному ветру его сносило в сторону, за лес, к скошенному пшеничному полю. За полем тянулась узкая, окаймленная кустарником тропка, ведущая к какой-то странной постройке с конусообразной соломенной крышей, чуть поодаль сиротливо притулился кособокий сарай и столь же неказистого вида хозяйственные сооружения. В глубине виднелся обнесенный плетеной загородкой сад; за ним — поросший густым ивняком ручей.

Как Ту Хокс и предчувствовал, он опустился возле самой опушки, задев ногами крону невысокого дерева. Порыв ветра потянул купол парашюта вбок, закрутил, пилота поволокло по земле. Внизу деревья защищали от ветра, и коснувшийся травы купол моментально опал. Секундой позже Ту Хокс уже твердо стоял на ногах. Отстегнув стропы, он торопливо скатывал парашют. Тем же был занят и приземлившийся неподалеку О'Брайен.

Свернув упругий шелк в скатку, Ту Хокс бросился к О'Брайену, смотревшему куда-то в сторону и выразительно жестикулировавшему.

— Командир, ты заметил солдат у... ну, как это здесь называется... хутора? — встретил его встревоженный О'Брайен.

Ту Хокс нахмурился:

— Скверно. Куда они шли? К нам? От нас?

— Они были на дороге, которая пересекается с этой. Там что-то вроде грунтового шоссе. Подробнее я сверху не разглядел...— Ирландец на миг запнулся и хихикнул: — Но черт меня побери, если местные вояки не выглядят немножко идиотами!

— Идиотами?

О'Брайен стащил шлем со слипшейся ярко-рыжей шевелюры, пригладил ее короткопалой веснушчатой пятерней и заявил:

— Ага! У них были повозки, запряженные ослами, а впереди колонны ползли две машины, похожие на что угодно, кроме нормальных машин. Одна была чем-то вроде броневика — я видел такие в книжках о первой мировой войне.

— Ладно! Отходим в лес и первым делом закапываем парашюты,— распорядился Ту Хокс.— Кстати, тебе случайно не удалось прихватить НЗ?

О'Брайен покачал головой и криво усмехнулся:

— Знаешь, босс, я чертовски рад, что сумел прихватить в целости собственную шкуру. Может, другим больше повезло?

— Нет, парень,— тихо ответил Ту Хокс.— Другим не повезло совсем.

Пробираясь вместе с О'Брайеном сквозь густой подлесок, Ту Хокс заставлял себя быть спокойным, хотя руки его дрожали. Всё в норме, уже всё в норме, отдохнуть малость — и порядок... Увы, отдыха-то как раз и не предвиделось. Немцы или румыны наверняка уже прочесывают лес, а кто-нибудь из местных вполне мог заметить парашюты и известить власти либо по телефону, либо послав гонца на ближайший пост.

Стоя на коленях, Ту Хокс тщательно забросал землей и прелыми листьями засунутый в углубление между двумя стволами парашют. Поднялся, отряхнул прилипший мусор и замер, озадаченный внезапно заинтересовавшим его обстоятельством. Он вдруг вспомнил, что во время прыжка не заметил с высоты ни единого телеграфного столба. Ничего похожего на привычное переплетение проводов, убегающих к горизонту. Странно... Румыния, правда, не центр

цивилизации, но ведь бой-то шел над самыми нефтепромыслами, а немецкий истребитель атаковал "Гайавату" совсем недалеко от Плоешти. А кстати, сам истребитель откуда взялся? Так внезапно и странно. Ту Хокс готов был поклясться, что враг просто вынырнул из неба...

Убедившись, что парашют закопан надежно, Ту Хокс стянул тяжелый комбинезон и наконец-то почувствовал себя свободней. Практичный О'Брайен сделал это еще раньше и теперь, потирая челюсть, подозрительно косился по сторонам.

— Уж очень тихо тут, лейтенант, а? Боюсь, не к добру...— Он покосился на кобуру под мышкой Ту Хокса.— Н-да, пушка, что говорить. Патронов-то сколько?

— Пять в обойме, двадцать в запасе.

— Н-да,— повторил ирландец и добавил с наигранной бодростью: — Все же лучше чем ничего. С одними нашими ножами мы бы далеко не ушли.

— Кто знает...— задумчиво откликнулся Ту Хокс. Добыв из планшета карту, он расстелил ее на траве. Затем оба заспорили, что делать дальше. Через полчаса волнение и поистине летняя жара заставили их сбросить куртки и расстегнуть рубашки. План появился. Даже целых три. Объединяла варианты лишь необходимость идти ночью, отсиживаясь днем в укрытии.

— Вернемся к опушке — оттуда видна дорога,— предложил Ту Хокс. — Да и за фермой приглядеть не помешает. Допустим, мы счастливчики и никто ничего не заметил. Но если хоть кто-то из местных все же видел нас, считай, что облава может начаться в любую минуту. Так что лучше уж контролировать ситуацию, чтобы вовремя отсюда исчезнуть.

Потянулись бесконечные минуты абсолютной тишины. Лишь жужжание слепней, комариный звон — и изредка сдавленные проклятия людей: гнус пикировал не хуже немецких истребителей. Полчаса. Вокруг — ни души, ни звука, только убаюкивающее шуршание теплого ветерка в листве... Лишь однажды где-то вдалеке залаяла собака и донеслось ленивое мычание коровы.

Еще полчаса. Ничего. О'Брайен тоскливо вздохнул, пытаясь устроиться поудобнее.

— Охотника из тебя не получится, это точно...— шепнул Ту Хокс.

— Я же не индеец,— обиженно отплатил О'Брайен.— Зато в любом городе не растеряюсь.

— Да уж. Но пока мы не в городе, учись терпеть.

Спустя еще четверть часа лейтенант кивнул своему товарищу:

— Ладно. Теперь к ферме, только тихо, поищем съестного... А если что — оттуда к лесу ближе.

Поднявшись с земли, Ту Хокс неторопливо зашагал вперед, придерживая за плечо неугомонного О'Брайена. Ирландец упорно пытался перейти на бег.

— Не спеши, парень, некуда нам спешить. Идем спокойно — значит имеем полное право разгуливать тут. Тогда хоть и увидят, внимания не обратят. А вот если побежим, любой заподозрит, что тут что-то неладно.

Перепрыгнув через заполненную водой канаву, отделявшую стерню от дороги, они ступили на утрамбованную землю. Недавний дождь прибил пыль, в выбоинах поблескивали подсыхающие лужицы. Приглядевшись, Ту Хокс различил множество отпечатков коровьих и овечьих копыт, перечеркнутых широкими росчерками колес проезжавших недавно машин.

— И ни единого следа подковы...— пробормотал лейтенант.

— Ну и что? — отозвался ирландец.

— Да так, ничего,— отмахнулся Ту Хокс, берясь за щеколду калитки и отмечая про себя, что и засов, и непривычной формы петли выстроганы из дерева.

Просторный двор был пуст, за исключением нескольких уныло щипавших пожухлую траву курдючных овец, которые сонно подняли головы и медленно потрусили к сараю, где умиротворенно квохтали куры да изредка фыркало какое-то животное. Дом под островерхой соломенной крышей, выстроенный латинской буквой "L" из потемневших грубо обструганных бревен с замазанными глиной щелями, оказался неожиданно большим. Почти усадьба, и уж никак не крестьянская изба: три комнаты, не меньше, а возможно, и больше... Удивила Ту Хокса дверь — прочная, потемневшая, с грубо намалеванной на ней головой орла. Над орлом был изображен глаз, а еще выше — черный косой крест.

Откинув деревянный крюк, Ту Хокс шагнул было через порог — и замер: из-за угла дома появилась женщина. Испуганно вскрикнув, она остановилась как вкопанная, ее смуглое лицо побледнело.

Кляня в душе собственную леность на инструктажах и лихорадочно припоминая слова, Ту Хокс выдавил

улыбку, а вместе с ней — приветственную фразу по-румынски.

Женщина изумленно нахмурила брови, но все же сделала пару шагов вперед, произнеся несколько гортанных слов на совершенно неизвестном языке. Лицо у нее было открытое, добродушное, длинные черные волосы заплетены в косы и щедро политы каким-то маслом; на шее — ожерелье из красных и белых ракушек; одета в старую синюю кофту и широкую бордовую юбку до щиколоток; ноги — босые, перепачканные птичьим пометом... "Несомненно, здешняя хуторянка,— с облегчением убедился Ту Хокс,— и, кажется, с ней можно договориться".

Попытка заговорить по-немецки была не более удачной. Когда в конце концов Ту Хокс, признавая поражение, развел руками, женщина медленно, с трудом произнесла какую-то фразу на другом, явно чужом для нее языке.

Ту Хокс вновь пожал плечами — и настороженность в глубине женских глаз моментально исчезла. Она улыбнулась и снова быстро заговорила. Нечто знакомое почудилось Ту Хоксу в ее речи: вслушиваясь, он словно бы узнавал те или иные слова. Почти узнавал...

— А если жестами? — вмешался О'Брайен и ткнул себя в грудь: — Я...

Но женщина, глядя куда-то мимо него, вдруг взволнованно протянула руку в сторону дороги. Летчики обернулись: там, блестя металлом под яркими лучами солнца, ехала машина...

— Сматываемся, командир! — энергично кивая на спасительную сень леса, заключил ирландец.

— Поздновато, пожалуй.— Ту Хокс мысленно прикинул расстояние от опушки до фермы.— Уже не успеть. Ну что ж...— Он не договорил, женщина решила за него. Крепко ухватив Ту Хокса за локоть, она потянула его за угол, другой рукой маня за собою ирландца. Намерения ее были вполне очевидны: по каким-то причинам хозяйка превратилась в их сообщницу и хотела спрятать американцев от тех, кто приближался в сверкающей металлом машине.

Ту Хокс счел за благо подчиниться. Запоздалое бегство к лесу могло плохо кончиться.

Обогнув дом, нежданная проводница взбежала на заднее крыльцо, вновь призывно махнув рукой. Спеша за ней через кухню, Ту Хокс успел заметить сложенный из камня очаг, ярко тлеющие угли и большой чугунный

котел на треноге. Женщина откинула крышку узкого люка и решительным движением указала вниз. Подпол в чужом доме вполне мог оказаться ловушкой, но выбирать не приходилось. Кивнув О'Брайену, Ту Хокс пропустил стрелка вперед и сам неловко спустился по перекладинам узкой лесенки. Люк захлопнулся — и наступила тьма.

4

Наверху что-то заскрежетало, затем грохнуло о доски. Хозяйка, очевидно, строила над ними баррикаду из мебели. О'Брайен извлек карманный фонарик и посветил по сторонам. Луч обежал низкую тесную комнатку — обычный погреб с обмазанными глиной стенами и земляным полом. Прямо перед их лицами с балки свисали два копченых окорока, на полках и на полу громоздились кадушки соленых огурцов и солонины, глубокие миски, до краев засыпанные бобами, круги остро пахнущего овечьего сыра. Возле груды пустых мешков валялась треснувшая деревянная маска, мгновенно приковавшая внимание Ту Хокса. Лик демона, монстра из страшной сказки с сохранившейся кое-где раскраской напоминал нечто неуловимо знакомое, полузабытое...

— Чудна́я вещица,— шепнул О'Брайен и добавил уже громче: — Вообще все здесь чудно́е, а, лейтенант? А теперь я скажу, что давно собирался сказать, и можешь считать меня кретином! Так вот, прямо перед тем как на нас выскочил тот немецкий истребитель, меня словно бы закачало, голова пошла кругом. Ну вроде морской болезни что-то. Решил — в горячке зацепило. Но ведь ни царапины! Я и думать-то забыл. А потом это повторилось уже в лесу. Правда, слабее...

О'Брайен помолчал.

— И знаешь, командир, сдается мне, что случилось кое-что похуже зениток. И вообще хуже многого.

Ту Хокс задумчиво кивнул:

— Пожалуй. Сам чувствую — что-то неладно, но разобраться пока не могу.

Послышалось урчание подъезжающей машины. Судя по звуку двигателя — чуть сбоку, над их головами,— та остановилась совсем рядом с домом. Подсвечивая фонариком, О'Брайен отыскал наиболее уязвимое место между стенами и потолком и начал пальцами выцарапывать

сухую глину в зазоре между стенкой подпола и нижним брусом дома. Довольно скоро тонкий луч дневного света просочился в подвал. Щель была не шире сантиметра, но сквозь нее просматривался двор. Из странного вида машины уже выбирались солдаты, впрочем, машина выглядела не то чтобы странно, но... старомодно, что ли.

— Н-да,— промелькнуло у Ту Хокса,— Румыния, пусть и с лучшими в Европе нефтепромыслами, все же удивительно отсталая страна. Ну и то славно, что солдатики — не из германского вермахта. Форма совсем другая и вообще ни на что не похожа. Подобного обмундирования не попадалось даже на бесчисленных фотографиях при инструктаже.

Офицер — или, во всяком случае, некто отдающий распоряжения — щеголял блестящим шлемом в виде металлической волчьей головы с разинутой пастью, в глубине которой смутно виднелось лицо. По бокам шлема торчали весьма натурального вида волчьи уши. На офицере была серо-зеленая длинная куртка с меховым воротником; алые рейтузы в обтяжку, на коленях — вышитые бычьи головы; костюм довершали мягкие полусапожки. Что-то приказывая, офицер то и дело повелительно размахивал пистолетом совершенно неизвестной системы, а когда он повернулся, летчики с изумлением разглядели свисающий с пояса широкий меч в черных ножнах.

Шлемы солдат были попроще командирского — просто остроконечные колпаки, защищающие лоб и затылок; шинели — черные, почти до икр, с подобранными и пристегнутыми к бокам полами; алые шаровары заправлены в низкие сапоги. У каждого — меч на кожаной перевязи, в руках — какие-то допотопные ружья с неуклюжими револьверными барабанами вместо обычных магазинов. Офицер, насколько это позволял разглядеть шлем, был гладко выбрит, остальные — бородаты и нечесаны, сальные космы, выбивающиеся из-под шлемов, придавали им какой-то цыганистый, диковатый вид.

С ружьями наготове солдаты рассыпались по двору, заглядывая в каждый закоулок. Захлопали двери, над головами летчиков прогрохотали сапоги. Офицер, видимо, допрашивал хозяйку: до Ту Хокса доносились голоса — мужской, тщательно и раздельно выговаривающий слова явно известного ему только по учебникам языка, и женский — быстрые, сбивчивые фразы на родном наречии. И опять прозвучало в них нечто неуловимо

знакомое; внимательно прислушиваясь, Ту Хокс пытался уловить смысл. Порой ему казалось, что он уже почти понял то или иное слово, но фраза сменялась фразой, и смысл ускользал, память пасовала. Минут через десять протестующее кудахтанье кур возвестило, что на птичнике началась экспроприация в пользу армии. Да, подумал Ту Хокс, война есть война. Но, с другой стороны, не на своей же земле. Хотя... их спасительница и эти солдаты — разной национальности. Он же сам слышал, как трудно давался офицеру допрос на чужом языке... Или женщина вовсе не румынка, а, скажем, мадьярка — венгров в Румынии много. Логично, но Ту Хокс почему-то никак не мог избавиться от неуверенности. Слишком чудно́, как сказал О'Брайен.

Солдаты, обремененные добычей, весело гоготали; на молча стоящую в стороне хозяйку внимания не обращал никто. Наконец офицер что-то отрывисто выкрикнул, и солдаты полезли в машину. У многих на поясах болтались связки трофейных кур.

Когда урчание мотора стихло в отдалении, Ту Хокс впервые позволил себе расслабиться, прислонившись к стене. Так. Солдаты вряд ли искали именно их, уж очень плохо искали. Иначе обязательно простучали бы пол и сразу нашли люк. Значит, охотились не за летчиками. Тогда за кем?..

Теперь ему очень хотелось поскорее выбраться из подвала, но торопиться не следовало. Солдаты вполне могли вернуться.

Уже в сумерках наверху снова послышались чьи-то шаги, загрохотала передвигаемая мебель. Скрипнула, приподнимаясь, крышка люка, и свет лампы тусклым прямоугольником упал на земляной пол.

Сжимая в руке пистолет, Ту Хокс начал осторожно взбираться по лестнице, твердо решив, уж если на то пойдет, продать свою жизнь подороже.

Ничего опасного, впрочем, не было. У самого люка стоял мирно жующий бутерброд мужчина, и даже охотничий нож у него за поясом не выглядел угрозой — так спокойно он наблюдал за вылезавшими из подвала незнакомцами. Лицо его было непроницаемо. Пряди таких же, как у хозяйки, иссиня-черных волос беспорядочно падали на лоб и шею. Грубая домотканая рубаха и такие же штаны, грязные сапоги, резкий запах давно немытого тела. Супруг спасительницы? Судя по возрасту, скорее отец.

В кухне ярко пылал очаг, над огнем кипело какое-то варево. Щедро зачерпнув из котла, хозяйка наполнила похлебкой две глиняные миски и жестом пригласила мужчин к столу. Еще в подвале О'Брайен и Ту Хокс перекусили окороком и огурчиками, но Ту Хокс опасался, что отказ обидит хозяев. Улыбнувшись женщине, лейтенант подтолкнул ирландца к столу и посоветовал не брезговать угощением.

При первых же прозвучавших словах на бесстрастном лице старика отразилось неприкрытое изумление, он хмурил брови, поочередно оглядывая странных гостей.

Положив перед летчиками пару деревянных ложек, хозяйка принялась хлопотать по дому, а хуторянин, в раздумье походив у стены, вполголоса бросил ей несколько слов, пожал плечами и подсел к миске с недоеденной похлебкой.

Ели молча. Когда миски опустели, хозяин поднялся и красноречиво поманил гостей за собой. Откинув прикрывавшую двери тонкую занавеску, все трое вышли из дома. Проходя мимо редкой сетчатой ткани, неспособной, вероятно, защитить даже от комаров, Ту Хокс коснулся ее и вдруг уловил нечто знакомое — горьковатый аромат, запах масла, тот же, что исходил от умащенных волос женщины.

И этот-то запах, а не слова, сделал смутную тревогу предчувствием. Ту Хокс вспомнил: не такой, но похожий запах витал над густыми прическами его индейских тетушек. Обычай смазывать волосы маслом подсолнечника — обычай индейцев. Предчувствие стало догадкой, и она не показалась нелепой. Все становилось на свои места; в незнакомой речи хозяев явно проскальзывало нечто напоминавшее говор ирокезов! Звучание, строй фраз — все безусловно похоже: так говорят онондаги, могавки, сиу, чероки. Слова, правда, оставались непонятными, но он мог поклясться, что это не был ни румынский, ни любой из славянских языков...

Рассказать о своих догадках О'Брайену Ту Хокс не рискнул: уж слишком невероятно было поверить в такое и самому.

Не оглядываясь, хозяин провел их к сараю в глубине двора, отпер заскрипевшие ворота, которые захлопнулись, едва летчики переступили порог. Внутри царила непроглядная тьма. Ту Хокс на ощупь отыскал плечо О'Брайена и толкнул стрелка в сторону. Если проводник

решит напасть, пусть не сразу найдет их. С полминуты было слышно только, как шуршат соломой потревоженные мыши. Затем — негромкое звяканье металла... Или клацанье взводимого курка? Ту Хокс присел, положив вспотевшую ладонь на рукоять пистолета. Внезапно вспыхнувшая спичка осветила фигуру хозяина, подносившего огонь к масляной лампе. Старик подкрутил фитиль, и рожденные неверным светом по стенам заплясали тени.

Увидев настороженность гостей, старик усмехнулся и кивнул на неприметную дверь в противоположной стене сарая. Дойдя до нее, он осторожно стукнул три раза, затем, выждав несколько секунд,— еще три. Кто-то отворил. Пропустив летчиков вперед, старик шагнул следом и плотно прикрыл за собою дверь.

В тесной низкой пристройке кроме них оказались еще шестеро. Теснота. Воздух спертый. Вонь грязного белья и прогорклого масла. Пятеро смуглолицых мужчин примостились на корточках — спины подпирают бревенчатый сруб; одежда та же, что на хозяине,— грязная донельзя. У двоих — длинноствольные шомпольные ружья, третий держит наготове лук с наложенной на тетиву стрелой. Еще у двоих ружья с револьверными барабанами, почти такие же, как те, что Ту Хокс видел у солдат днем. И у каждого на поясе — длинный нож в кожаных ножнах.

— Господи помилуй,— выдохнул О'Брайен, не столько испуганный, сколько ошеломленный при виде этих диких фигур, вооруженных допотопным оружием. Но удивительнее всего было то, что здесь оказалась женщина. Совсем молодая, одетая столь же неприглядно, как остальные, но этим внешнее сходство и исчерпывалось: под слоем грязи кожа незнакомки была все же гораздо светлее, чем у других. Пепельные волосы, маленький прямой нос, твердо очерченный подбородок и чуть надменный прищур голубых глаз, подчеркивающий красоту холодного лица.

"Увы,— подумал Ту Хокс, очутившись рядом с ней,— от красотки пахнет".

От девушки исходил такой же тяжелый запах, как и от остальных. Грязные руки, обломанные почерневшие ногти — судя по всему, девчонке изрядно досталось. Да и вся экзотическая группа напоминала то ли беглых каторжников, то ли одичавших после поражения повстанцев.

Предводительствовал ими высоченный, смахивающий на жердь парень с голодно запавшими щеками и при-

стальным взглядом горящих черных глаз. Черная копна волос острижена по бокам, производя на голове впечатление шлема. Он оказался единственным, кто был обут в относительно прочные сапоги. Руки — в сплошной татуировке, изображавшей причудливое сплетение демонских физиономий.

Говоря со стариком, парень то и дело бросал косые взгляды на американцев. Ту Хокс жадно ловил каждое произнесенное слово, и временами ему казалось, что он почти понимает ту или иную фразу. Но он все еще сомневался.

Пару раз Джикозес (так звучало имя вожака в устах хуторянина) спрашивал о чем-то девушку, причем на совсем другом языке, странным образом тоже напомнившем Ту Хоксу что-то удивительно знакомое. Этот второй язык был скорее сродни чему-то европейскому, северному. Скандинавия? Пожалуй, грубоват. Немцы? Стоп. Точно. Больше всего похоже на нижненемецкие диалекты...

Внезапно Джикозес шагнул к летчикам, прямо и жестко вглядываясь в их лица, затем, помедлив, осмотрел американцев с головы до ног. Грязный палец коснулся нашивок О'Брайена, прошелся по лейтенантским полоскам на воротнике Ту Хокса. Несколько фраз, непонятных, но явно вопросительных. И — столь же явное недоумение, когда Ту Хокс попытался объясниться на ирокезском и наречии чероки: Джикозес ошеломленно вскинул брови и переключился на язык, на котором недавно говорил с девушкой. Ту Хокс пожал плечами. Джикозес заговорил на каком-то ином языке, еще не слышанном американцами, затем — медленно и с трудом — испробовал два других. Когда Джикозес красноречиво махнул рукой и повернулся к своим людям, Ту Хокс был уверен в одном: парень, знающий столько языков, далеко не прост.

Тем временем сидящие, подчиняясь коротким командам Джикозеса, собирались: мужчины, подтянув ремни, забросили на плечи ружья, девушка, добыв из глубин мешковатой куртки револьвер, пересчитала патроны. Оглядев еще раз американцев, Джикозес вдруг что-то сообразил и потянулся к кобуре Ту Хокса. Лейтенант, дружелюбно улыбаясь, отрицательно покачал головой, осторожно, чтобы никого не испугать, извлек пистолет, вытянул из рукоятки обойму и вбил обратно со щегольским стуком. Затем, щелкнув предохранителем, убрал оружие и выразительно указал поочередно на себя, О'Брайена и Джикозеса. Мы — с вами!

"Повстанцы" взволнованно зашумели, но Джикозес, как и положено вожаку, смирил их любопытство властным взмахом. Старик хозяин задул лампу; люди, вмиг умолкнув, цепочкой направились к выходу. И вскоре их окружал лес — суровый и неприветливый.

5

Всю ночь шла заросшими лесными тропами группа Джикозеса, покидая спасительное прикрытие нависших ветвей только для того, чтобы перебежать поляну. В застывшем, мрачно чернеющем лесу раздавался единственный звук — шорох их собственных шагов... Лишь под утро, отыскав неглубокий сухой овраг, надежно скрытый сверху кустарником, Джикозес решился устроить привал.

Уже засыпая на охапке прошлогодней листвы, О'Брайен шепнул Ту Хоксу:

— По-моему, наши бравые ребята держат курс на северо-восток. Может, хотят махнуть через границу, в Россию?

Ту Хокс молча кивнул — он сам подумывал о том же.

О'Брайен вдруг встрепенулся:

— Но эти парни не румыны и не русские. И не поляки! У нас в Чикаго их всех прорва, но никто не лопочет так, как эти... Кто же они такие, черт бы их побрал?!

— Наверно, какой-то редкий диалект,— покривил душой Ту Хокс. Смутные догадки его были слишком фантастичны, чтобы делиться с впечатлительным ирландцем.

— А знаешь, что еще мне показалось совсем чудным?— продолжал окончательно раздумавший засыпать О'Брайен.— Лошадей-то нигде нет, даже на хуторе. Не могли же немцы реквизировать коняг подчистую, а?

— Я тоже думал об этом. На снимках нашей авиаразведки, которые я просматривал перед вылетом, они мелькали довольно часто. Возможно, сами жители попрятали их от греха.— Ту Хокс зевнул.— Ну ладно, хватит. Спать пора. Нам предстоит долгая и трудная ночь.

Но сперва им пришлось испытать все прелести дня: комары, зудевшие в темноте, не унялись и с рассветом. Шипя под нос проклятия, летчики пытались зарыться поглубже в листья, но комарье доставало и там. Только теперь Ту Хокс понял, почему, несмотря на отчаянный зной, их спутники преют в своей грубой и тяжелой одеж-

де. Одно из двух: либо плавать в собственном поту от жары, что в общем не так уж и страшно, либо свихнуться от рассвирепевших комаров.

Набросав на себя целый ворох листьев, Ту Хокс наконец задремал, но сон был тяжелым и беспокойным. Солнце перевалило за полдень и просачивалось теперь горячими струями сквозь кустарник. Ту Хокс проснулся от удушливой жары. Приоткрыв глаза, он увидел над собой костистое лицо Джикозеса и, хмыкнув, перевернулся на другой бок.

Будь что будет. Убить их с О'Брайеном этим людям ничего не стоит. Если захотят, конечно. Но пока что Джикозес явно видит в них не врагов, а просто чужаков — непонятных, зато и неопасных. Ну а его любопытство можно понять!

Уже в сумерках всем раздали по полоске вяленого мяса и ломтю черствого темного хлеба; не подавиться ужином помогла вода из ближайшего ручья. А затем началось непонятное: вместо сигнала к выходу Ту Хокс стал свидетелем совершенно неожиданной мистерии. Достав из замшевых мешочков нечто вроде четок или ожерелий из перламутровых горошин и деревянные статуэтки, мужчины дружно повернулись лицом к востоку. Надев на шею ожерелье и перебирая шарики левой рукой, каждый высоко поднял над головой правую, держа на ладони статуэтку. Послышались негромкие голоса, бормотавшие что-то речитативом, причем Ту Хокс заметил, что каждый бормочет свое. Маленькие статуэтки тоже были различны. Мужчина, оказавшийся ближе всех к Ту Хоксу, держал стилизованную фигурку вскинувшего хобот мамонта с острыми бивнями; на месте глаз были вставлены красные камешки... В стороне от всех опустилась на колени светловолосая девушка, повернувшись лицом к западу и поставив перед собой маленького серебряного идола — фигурку повешенного на дереве человека.

Все это было странно и непонятно. О'Брайен, истый, как все ирландцы, католик, чертыхнулся, перекрестился и пробормотал "Отче наш"; затем прошептал, наклонившись к Ту Хоксу:

— Мы что, никак к идолопоклонникам каким попали?

— Хотел бы я знать...— буркнул Ту Хокс и добавил примирительно: — Ну до их религии нам дела нет. Вывели бы в какую-нибудь нейтральную страну или в Россию — и на том спасибо.

Молитвенное пение продолжалось минуты три. Затем четки и идолы исчезли в кисетах и группа отправилась дальше. Шли долго — первый привал Джикозес сделал только к полуночи. Двое отправились в ближнюю деревню и возвратились вскоре с корзиной вяленого мяса, черным хлебом и шестью бутылками кислого вина. Каждый получил свою порцию, а бутылки просто ходили по кругу. Отдых длился недолго, и они вновь пробирались по узким тропам до самого рассвета. Когда Джикозес нашел наконец подходящее место и позволил своим спутникам отдохнуть, издалека донесся приглушенный гул артиллерийской канонады.

Под вечер Ту Хокса разбудил О'Брайен. Ирландец тряс его за плечо, показывая пальцем на клочок неба меж раскачивающимися вершинами деревьев. Ту Хокс пригляделся: примерно в полумиле над ними медленно плыла большая, серебристо поблескивающая сигара. Глаза ирландца от изумления были совершенно круглыми.

— Смотри,— бормотал О'Брайен.— Это же цеппелин! Вот уж не думал, что немцы их до сих пор используют.

— У немцев их нет,— покачал головой Ту Хокс.

— Так ты думаешь, это русские?

— Может быть. У русских много чего устаревшего...

В глубине души Ту Хокс был уверен, что никакие это не русские, но зачем отнимать у О'Брайена и эту надежду. В конце концов, Ту Хокс сам еще толком ни в чем не разобрался. И кто знает — уж не игра ли воспаленного воображения его невероятные догадки?

Он сел, зевнул и потянулся, демонстрируя полное спокойствие, которого вовсе не испытывал. Начали подниматься другие, только девушка все еще спала. Ту Хокс заметил, что к Илмике Хэскерл, как все ее называли, спутники относились с большим почтением. Однако на этот раз Джикозес растолкал ее довольно невежливым образом, и уже через полчаса люди шагали дальше. Без всякого отдыха. До самого вечера. Шедший впереди Джикозес заметно повеселел, и Ту Хокс почти поверил, что они наконец-то достигли безопасных мест. Хутора стали попадаться реже, едва заметные лесные тропинки часто исчезали совсем, теряясь в густом подлеске, выше и мощнее стали деревья. После нескольких тяжелых дневных переходов они вышли к предгорьям. Посмотрев на карту, Ту Хокс подумал, что это, должно быть, Карпаты. Однако видневшиеся на горизонте горы были зна-

чительно выше, чем показывала карта, вершины их скрывали снежные шапки, а по склонам тянулись сверкающие языки мощных ледников.

Запасы вяленого мяса и хлеба скоро кончились, и настал день, когда людям пришлось час за часом одолевать крутой склон, питаясь одними только сорванными по пути омерзительными на вкус ягодами. На следующий день, когда все еще спали, кое-как устроившись на сухой сосновой хвое, Кахни, стрелок из лука, отправился на охоту. Здесь, на высоте, было значительно свежее, чем в долине, а ночи были так холодны, что О'Брайену с Ту Хоксом приходилось целыми охапками наламывать лапник и зарываться в него поглубже, чтобы не закоченеть в своей летной форме.

Через несколько часов Кахни возвратился, сгибаясь под тяжестью туши дикого кабана. Довольно ухмыляясь, охотник выслушал радостные восклицания спутников и завалился спать, предоставив остальным заниматься принесенной им добычей. Ту Хокс тоже старался помочь, чем мог. Кажется, размышлял он, Джикозес считает эту местность достаточно безопасной для дневных переходов, но опасается все же позволить людям стрелять. Может, лук и стрелы были запасены именно на такой случай? Или тут каждый вооружался кто чем мог? Во всяком случае ружья достались спутникам Джикозеса не иначе как от убитых врагов...

Ноздри вдруг защекотал умопомрачительный аромат, вмиг разогнавший досужие мысли. Мясо было жестковатым и не совсем прожаренным, но душистым и сочным. Подсев к людям Джикозеса, Ту Хокс и О'Брайен уплетали за обе щеки. Ту Хокс не без удовольствия глянул на порозовевшего сержанта. Истинный горожанин, тот не привык к тяжелым и долгим переходам на голодный желудок и вымотался за последние дни так, что еще час назад на него было больно смотреть.

Проглотив последний кусок и облизав пальцы, О'Брайен довольно похлопал себя по животу, икнул и, привалясь спиной к стволу сосны, мечтательно протянул:

— Ну, дружище, вот теперь и жить можно! Залечь бы еще в спячку этак на недельку, я бы совсем другим человеком стал.

Увы, об отдыхе оставалось лишь мечтать. День, и еще день, и еще. Ущелья, каменные осыпи, бурные ручьи. Едва заметные тропы, петляя, уводили их все дальше на

восток. Иногда они поднимались высоко-высоко, и тогда в туманной дали расстилалось голубоватое одеяло леса, иссеченное складками скалистых отрогов; потом тропа снова уводила вниз, и люди шли, не видя вокруг ничего, кроме мшистых валунов и уходящих к небу каменных стен. Но однажды, когда, наскоро поев, они собирались продолжить свой путь, случилось так, что им пришлось пустить в ход оружие.

В этот день они оказались в глубоком ущелье. Справа и слева поднимался лес, под ногами хлюпала жижа, сквозь тростниковые заросли впереди проглядывали мелкие зеленоватые озерца. Местность была на редкость богата живностью. Где-то невдалеке слышалось курлыканье журавлей, чуть не из-под самых ног взлетали, суматошно хлопая крыльями, потревоженные гуси и дикие утки, опасливо вытянув морду перебежала дорогу лиса; из-за валуна, мокрого от брызг прыгавшего с камня на камень ручья, высунулась голова любопытного медведя. С минуту он пристально глядел на людей, беспокойно принюхиваясь, затем шарахнулся назад и с треском исчез в кустах. Миновав болотистую низину, люди Джикозеса шагали уже по обозначившейся среди кустарника тропе, когда откуда-то сзади послышался грубый и низкий рев. Головы как по команде повернулись, и люди застыли, сбившись в тесную кучку.

Метрах в пятидесяти от них темной глыбой возвышалась над кустарником воинственно поднятая голова исполинского быка с налитыми кровью глазами и мощными, изогнутыми полумесяцем рогами-ятаганами.

— О Господи! — О'Брайен попятился.— Это еще что?

— Тур... да это же тур! — Пальцы Ту Хокса инстинктивно сжали пистолет, словно это была единственная реальная вещь в окружающем его непонятном и чужом мире. И вовсе не страх заставил дрогнуть его сердце, он понимал, что вооруженные люди смогут справиться и не с таким колоссом, а пронзительное, щемящее чувство безвозвратной потери своего мира и стремительного полета назад, сквозь века...

Тур снова заревел, наклонив голову и угрожающе поводя ею из стороны в сторону, двинулся было вперед, остановился, и было непонятно, простое любопытство движет им или желание защитить свою территорию. Позади зверя спокойно паслись несколько самок, которых, похоже, нисколько не волновал воинственный пыл их повелителя.

Джикозес, перекинувшись несколькими короткими фразами со своими товарищами, внезапно выступил вперед, и с его губ сорвалась резкая, пронзительная трель. Бык переступил с ноги на ногу, моргнул. Джикозес крикнул снова, и тот, вздернув голову, потрусил прочь. Ту Хокс облегченно вздохнул. Но словно почуяв что-то или передумав, тур одним мощным движением снова повернулся к людям, ударяя передними копытами в землю и низко опустив увенчанную ятаганами рогов голову. Секунда, и задрав, как штандарт, хвост, зверь ринулся вперед. Дробные удары копыт сотрясли землю.

Джикозес выкрикнул что-то, и люди бросились врассыпную, пытаясь окружить зверя. Только оба американца продолжали стоять на тропе. Краем глаза Ту Хокс заметил, как девушка, выхватив из кармана револьвер, скользнула за дерево.

— Бежим! — выдохнул О'Брайен.— Ты налево, я направо!

Они побежали. Тур тем временем развернулся и бросился за Ту Хоксом. Послышались беспорядочные выстрелы, просвистела стрела Кахни. Меткая пуля застряла под лопаткой тура, но не остановила его разъяренный бег. А выстрелы из револьвера девушки, казалось, только удвоили ярость зверя.

Вторая стрела вонзилась ему в грудь. Ноги его подогнулись, но мощь устремленного вперед гигантского тела была столь велика, что он проехал в падении еще несколько метров, свалившись у самых ног Ту Хокса. Огромная голова продолжала тянуться вперед. Роджер взглянул вниз, и странное дело — темные, с длинными ресницами глаза зверя неожиданно напомнили ему девушку, которую он некогда знал в Сиракузах. Позднее Ту Хокс сам себе удивлялся, как в такой момент вообще мог подумать об этом. Он сделал шаг вперед и, прицелившись в глаз зверю, спустил курок. Тур дернулся, но жизнь все еще не хотела покидать пораженное не менее чем десятком пуль исполинское тело. Хрипло взревев от боли и ярости, он сделал отчаянную попытку подняться, в последнем усилии тянул вверх залитую кровью морду. Следующая пуля прервала оглушительный рев. Бык завалился на бок, еще раз приподнял голову, судорожно вздохнул и затих.

Только теперь Ту Хокса начало трясти, и лишь боязнь опозориться перед спутниками помогла ему справиться с накатившей тошнотой.

Подошедший Джикозес вытащил из-за пояса нож и перерезал зверю глотку. Выпрямившись и вытерев нож о шкуру животного, он снова сунул его в ножны, казалось, моментально потеряв интерес и к поверженному гиганту, и к окружающим. Подняв руку, он приказал своим спутникам молчать и внимательно оглядел уходящую вдаль лощину и горные склоны. Судя по его напряженному взгляду, он явно боялся, что грохот выстрелов привлек чье-то нежелательное внимание. Ту Хокс собрался было спросить его, какой опасности он ждет в столь дикой и безлюдной местности, но подумав, промолчал. Все дни похода он внимательно прислушивался, пользуясь тем, что люди свободно и много говорили при нем о своих делах, и постепенно с пятого на десятое начинал понимать смысл. Было трудно, мешал непривычный выговор, но он учился.

Мужчины ловко освежевали тушу, вырезали большие куски мяса из грудины и крупа. Ту Хокс заметил, что Кахни все порывался вырезать сердце зверя, но Джикозес резко остановил его. Они заспорили, и Ту Хоксу стало ясно, что стрелок хотел вынуть сердце не ради пополнения запасов мяса: Кахни думал поделить сердце могучего зверя между людьми, чтобы те, отведав его, преисполнились такого же мужества и отваги. Джикозес, однако, не соглашался на ритуальное пиршество, стремясь как можно скорее увести отряд.

Нагрузившись мясом, люди тут же отправились дальше. Джикозес выбрал темп, каким нередко уходят от опасности волки: сто шагов бегом, сто — обычным шагом. Так они быстро одолели миль пять, если не шесть, затем начался подъем. Дыхание сбивалось, пот заливал глаза, а неутомимый Джикозес шел и шел, не давая своим спутникам ни минуты отдыха. Невидимая в высокой траве и зарослях папоротника тропа резкими зигзагами уводила их все выше.

Уже не меньше ста метров отделяло людей от дна лощины, когда вблизи неожиданно раздался выстрел. Коротко вскрикнул Кахни, покачнулся, уронив лук, тело его темным комком покатилось вниз и застряло в колючих зарослях. Сжимая в руках оружие, люди ничком бросились на землю. Лежа в густой траве, Ту Хокс повертел головой, тщетно стараясь разглядеть врага.

Снова сухо щелкнул выстрел — пуля срезала листья папоротника над самой его головой. Ту Хокс дернулся в

сторону и в этот короткий миг заметил фигуру, метнувшуюся за толстый ствол дуба. Послал вдогонку пулю — без пользы: брызнув фонтанчиком сорванной коры, она впилась в дерево. Ту Хокс опустил пистолет — при стрельбе на пятьдесят, а то и все шестьдесят шагов рассчитывать на точное попадание не приходилось, и благоразумнее было поберечь патроны.

Джикозес приглушенно крикнул и ужом пополз к густым зарослям; остальные последовали за ним. Видимо, опасаясь, что его могут обойти с тыла, невидимый противник открыл стрельбу по колышущейся траве, в которой молча ползли люди. Глухие хлопки выстрелов и появлявшиеся то тут, то там дымные облачка подсказали Ту Хоксу, что стреляют из шомпольных ружей и только поэтому никого, кроме бедняги Кахни, еще не задело.

Почти одновременно Ту Хокс и Джикозес нырнули под защиту дубовой и буковой поросли, из которой поднимались колонны могучих старых деревьев. Они подождали немного, переводя дух и до боли в глазах приглядываясь к каждому стволу выше по склону, за которым мог укрываться враг, затем Джикозес осторожно шагнул вперед, готовый снова броситься в укрытие, однако выстрелов не последовало.

Ту Хокс тронул его за плечо и указал глазами вверх, на низко нависший над головой толстый, росший почти параллельно земле сук. Тот понял, улыбаясь протянул Ту Хоксу свое оружие, ухватился за сук и полез наверх. Ту Хокс вложил в протянувшуюся вниз руку ружье и, подождав, пока Джикозес займет удобную позицию, вскарабкался за ним. Еще минута прошла в полной тишине, затем над головой Ту Хокса грохнул ружейный выстрел, и невидимый человек с глухим стоном рухнул, ломая кусты. Ударил еще один выстрел, и снова раздался стон. Ту Хокс видел, как, низко пригнувшись, на помощь раненому бросился третий, но тут же споткнулся и повалился навзничь, встреченный пулей Скенаске, одного из друзей Джикозеса. Ободренный успехом, Скенаске сунулся было вперед, снова поднимая ружье, и отпрянул, едва успев укрыться за деревом от просвистевших рядом пуль.

Дружный залп нескольких ружей вновь сменился тишиной. Вдалеке между деревьями замелькали тени; казалось, враги пытаются собраться вместе и решить, что им делать дальше.

Спутники Джикозеса тоже прекратили стрельбу и осторожно пробирались поближе друг к другу и к дереву, на котором занял позицию их предводитель. Джикозес подождал, пока подойдут все, и спустился чуть пониже, чтобы товарищам был слышен его приглушенный голос. Он приказал им, разделившись на две группы, напасть на противника с флангов. Сам Джикозес остался в густой кроне дуба и, невидимый для противника, время от времени постреливал, отвлекая внимание от остальных. Ту Хокс, спустившись, оказался почти рядом со Скенаске, шедшая за ним Илмика вдруг пропала из виду — наверно, присоединилась к другой группе. О'Брайен, единственный из всех безоружный, остался далеко позади.

Внезапно с вражеской стороны донеслись частые выстрелы, на которые тут же отозвалось ружье Джикозеса. Ветки кустов впереди зашевелились, и Ту Хокс сообразил, что враги решились оставить укрытие и рассредоточиваются, чтобы занять лучшую позицию для нового нападения. "Как глупо,— подумал он,— погибнуть здесь, в этом Богом забытом углу, среди чужих, сражаясь неизвестно с кем и неизвестно за что..."

Справа послышался женский крик, затрещали ружейные выстрелы, им ответил одинокий выстрел из револьвера. Переглянувшись, Скенаске и Ту Хокс одновременно нырнули в подлесок и, пригнувшись, устремились туда, откуда слышалась перестрелка. Через пару минут они наткнулись на почти скрытое травой недвижное тело. Человек лежал на спине, устремив в небо застывший взгляд уже ко всему равнодушных глаз. На голове убитого ярко алел завязанный сбоку узлом платок, в правом ухе поблескивала серебряная серьга. Под распахнутой курткой виднелась когда-то белая, а теперь потемневшая от грязи и крови рубаха, за поясом блестела сталь узкого клинка и выглядывала инкрустированная рукоять какого-то совсем уж немыслимого, музейного вида однозарядного пистолета; черные шаровары были заправлены в сапоги с серебряными пряжками. Смуглая желтоватая кожа и весь облик убитого навели Ту Хокса на мысль, что перед ними цыган. Обменявшись понятными обоим знаками, Ту Хокс и Скенаске разделились и продолжали поиски. И хотя никаких следов борьбы не было, Ту Хокс знал: спутники цыгана захватили Илмику и увели с собой. Его опасения вскоре подтвердились — впереди мелькнуло что-то светлое, какое-то движение почудилось

за деревьями, а сделав несколько осторожных шагов вперед, Ту Хокс заметил Илмику, которую толкал перед собой один из нападавших. Второй, держа наготове ружье и настороженно поглядывая по сторонам, прикрывал тыл. Руки девушки были связаны за спиной.

Ту Хокс выждал, пока все трое не скрылись за невысоким крутым пригорком, махнул рукой Скенаске и побежал следом, стараясь сократить расстояние, пока идущие впереди не могут его заметить. Через несколько секунд он снова их увидел. Девушка всхлипывала и молча сопротивлялась — каждый ее шаг сопровождался ударом кулака следовавшего за ней конвоира. Сбоку хлопнуло ружье Скенаске, прикрывавший отступление человек пошатнулся, ударившись головой о ствол, но не выпустил из рук оружия. Остановившись на бегу, Ту Хокс положил дуло пистолета на согнутый локоть левой руки, и выстрел с сорока шагов настиг свою цель. Подгонявший девушку конвоир рухнул лицом вниз, Ту Хокс бросился вперед, но огонь из зарослей тут же заставил его отскочить за ближайшее дерево.

Снова начал стрелять Скенаске, и Ту Хокс смог выглянуть из-за своего укрытия. Скенаске, должно быть, заметил его и что-то закричал, но все было ясно и без слов: засевший в кустах за большим мшистым валуном человек оказался как раз между ними. Теперь дело решала выдержка. Скенаске продолжал обстреливать валун, а Ту Хокс осторожно выскользнул из-за дерева и двинулся вперед, стараясь ступать как можно тише. Однако хруст веток под ногами выдал его — за валуном мелькнула обвязанная черным платком голова, дуло ружья дернулось в его сторону. Ту Хокс бросился на землю, на долю секунды опередив пулю, с резким чмоканьем врезавшуюся в дерево над его головой. Позиция оборонявшегося была неудачной: он не мог поднять голову и вести прицельный огонь. Отчаянные попытки удержать на расстоянии заходивших с двух сторон людей не могли продолжаться долго — короткая перестрелка, и человек у валуна затих, пораженный меткими выстрелами в грудь и висок.

Ту Хокс распутал веревку на руках тихо всхлипывавшей девушки, и они поспешили к остальным, которые полностью овладели положением: трое нападавших были убиты, двое ранены и взяты в плен, остальные разбежались.

Джикозес начал допрашивать одного из пленных, который был ранен в плечо навылет и сидел на земле скорчившись, зажимая рану ладонью. Ненависть и адская боль искажали его перепачканное грязью и кровью лицо, но пленный молчал, и единственным ответом на вопросы Джикозеса был смачный плевок. Взведя курок, тот приставил дуло к виску раненого и резко повторил вопрос. Новый плевок. Ружье Джикозеса изрыгнуло огонь, и пленный, взмахнув здоровой рукой, ткнулся лицом в землю.

Второй пленник был ранен в бедро. Джикозес двинулся было к нему, собираясь пристрелить, но вдруг передумал и, повернувшись к своим, обронил несколько слов. Пленного тотчас подхватили, связали и подвесили вниз головой, захлестнув конец веревки за нижний сук ближайшего дерева. Группа добралась уже до верхней кромки леса, а позади все еще слышался вой оставленного умирать человека. И только когда они вышли к перевалу, далекий крик утонул в шуме ветра и плеске горного ручья.

Ту Хокс и О'Брайен молча шли рядом, тяжело переставляя ноги, но это была не усталость.

— Матерь Пресвятая Богородица! — вырвалось наконец у ирландца.— Они же совсем не знают жалости!

Ту Хокс покосился на Илмику. Да уж, вся эта история с пленными вроде бы даже доставила девчонке удовольствие. Его передернуло. Ясное дело, попади они сами в руки этих цыган или кто они там, те тоже не стали бы церемониться. И все-таки так сводить счеты с пленными, ранеными... Это не укладывалось в голове.

Вскоре Ту Хокс стал замечать, что светловолосая Илмика благодарна ему за спасение, хотя он и не пытался приписывать эту заслугу себе одному. Она начала заговаривать с ним и при случае даже пыталась учить его своему языку.

6

Так прошло две недели. Группа оставила наконец позади горную гряду и вышла на широкое плоскогорье. Снова стали встречаться селения, но и здесь, похоже, хозяйничали враги, поскольку Джикозес опять приказал двигаться только ночью. Первый день они скоротали в лесу, а для второй стоянки выбрали одиноко стоящий

дом, недавно ставший местом жестокого побоища. Ту Хоксу представилось, что на дом совершили нападение некие партизаны, совсем было захватившие его, но позже все до единого перебитые в рукопашном бою. Около дома и внутри него валялось вперемешку не меньше шестнадцати трупов, одни в непривычной взгляду военной форме, другие — в пестрых лохмотьях. Казалось, что солдаты тоже понесли большие потери и почему-то вынуждены были бежать, не успев подобрать оружие и похоронить убитых.

Люди Джикозеса оттащили трупы к ближайшему оврагу, наскоро забросали землей и занялись оружием: вместо неудобных шомпольных ружей каждый отыскал себе кое-что получше.

Судя по всему, этот дом был местом заранее условленной встречи, иначе осторожный Джикозес никогда не остановился бы на открытом месте, да еще недалеко от дороги. Прислушавшись к разговорам спутников — а разбирал он уже многое,— Ту Хокс понял: поход закончен, и теперь остается только ждать. Джикозес позаботился расставить караулы, сменявшие друг друга каждые два часа. Впрочем, пока все было тихо.

Ту Хокс обошел разоренный дом, с интересом заглядывая в каждую из комнат. Одно из помещений было раньше чем-то вроде класса. Взрыв ручной гранаты высадил окно и разнес в щепки книжные шкафы у противоположной стены — под ногами шуршали клочья книг. Посередине комнаты валялся большой чуть помятый глобус. Ту Хокс поднял его и поставил на стол. Уже первый взгляд подкрепил самые мрачные предположения.

Азия... Африка... Австралия... Европа. Всё вроде бы так, но очертания континентов то здесь, то там вовсе не походили на те, что услужливо подсказывала память. Ту Хокс медленно протянул руку и повернул глобус. Перед глазами поплыл Тихий океан...

Вошел О'Брайен. Инстинктивно Ту Хокс попытался загородить глобус, однако сержант подошел уже почти вплотную. Крутанув глобус, он внимательно присмотрелся и пробормотал:

— Да что же это такое, черт возьми? — Оглянулся на стоявшего рядом лейтенанта и вдруг закричал: — Но ведь этого же не может быть!..

На месте Аляски тянулась, плавно изгибаясь к юго-востоку, цепь небольших островов, заканчивавшаяся до-

вольно крупным островом там, где полагалось быть Мексиканскому нагорью. Несколько совсем крошечных островков на востоке — все, что осталось от самых высоких вершин Аллеган. И кругом — вода. Огромный, разлившийся на полмира океан.

Цепочка островов тянулась дальше, через Центральную Америку. Южной Америки не оказалось тоже. Только там, где Ту Хокс ожидал увидеть Боливийское нагорье, из воды поднимались редкие острова.

Ладони Ту Хокса вдруг стали влажными. Еще несколько минут он молча разглядывал западное полушарие, затем повернул глобус и стал внимательно изучать восточное. Попытался прочесть названия стран. Алфавит был явно сродни греческому, хотя некоторые буквы вообще ни на что не походили, а гамма оказалась повернутой набок. Все буквы были заглавными.

О'Брайен застонал:

— Я как чувствовал, что здесь что-то не так. Но никак не мог понять, в чем дело. Что же это за мир?!

— Ты что-нибудь читал о параллельных мирах? — вопросом на вопрос ответил Ту Хокс.— Так вот, боюсь, что мы находимся в параллельной Вселенной.

— Помнишь то странное чувство, когда мы летели на "Гайавате"? — запинаясь пробормотал ирландец. Ты думаешь, это было... что мы проходили через какие-то... врата в этот... ну в этот параллельный мир?

— Именно. Если хочешь, назови это вратами. То, что было фантазией писателей, стало реальностью для нас. Параллельные миры существуют, и каким-то образом мы попали в другую Вселенную. Мы на Земле, но эта Земля — не наша.

О'Брайен снова повернул глобус западным полушарием к себе:

— И на этой Земле Северная и Южная Америка под водой. Их просто нет!

Он вздрогнул и перекрестился.

Ту Хокс кивнул:

— Я уже давно понял, что здесь существует то, что никак не должно бы существовать. Смотри: Джикозес и его люди говорят на индейском диалекте, он похож на диалект чероки. Или вот девушка... Хочешь верь, хочешь нет, только она говорит на языке, напоминающем английский, но называет этот язык блодландским или "ингвиналу". Я думал, она исландка или, может быть, шведка...

Ту Хокс вертел глобус.

— На нашей Земле индейские народы еще в доисторические времена ушли из Восточной Азии через Аляску и расселились сперва в Северной, а потом в Центральной и Южной Америке. Переселение началось двадцать тысяч лет назад и продолжалось в течение жизни многих поколений. Из этих когда-то монголоидных народов и племен со временем, уже в Америке, и развился тот индейский тип, который известен нам. Эскимосы же, скорее всего, мигрировали последними.

Но здесь-то нет Америки, вот в чем штука. Некуда им было идти — только на запад, в Европу.— Ту Хокс провел указательным пальцем по европейскому континенту и легонько постучал по Аппенинскому полуострову. Желтая линия границы государства охватывала, кроме Италии, знакомые ему Хорватию и Словению. Ту Хокс попытался прочесть название.

— Аххевия. Ахейя? Если это должно соответствовать Ахейе, то значит древние греки здесь по каким-то причинам обосновались на Аппенинском, а не на Балканском полуострове.

Ту Хокс присмотрелся к Греции. Здесь она называлась "Хэтти".

— Хетты? — подумал он вслух.— На нашей Земле они завоевали часть Малой Азии, пережили время расцвета, совпавшее с периодом Среднего царства Египта, а затем постепенно и незаметно исчезли. А что здесь? Греки в Италии, зато хетты в Греции. Ну и Греция тут, соответственно, Хэтти.

Ту Хокс говорил и говорил, пытаясь разобраться сам и растолковать свои догадки О'Брайену.

— Что и как было в точности, не скажу, но готов спорить, что предки здешних индейцев заселили Восточную Европу и осели в этих местах. Если это произошло достаточно рано, то переломало всю историю! Тогда понятно появление хеттов в Греции и греков — в Италии. Индейцы погнали хеттов, хетты — греков. И пошло, и пошло. Все сместилось как бы на страну западнее. Н-да! Спрашивается, что же сталось здесь с италийскими народами, с самнитами, латинянами, сабинами, вольсками? То ли их оттеснили дальше на запад, то ли они населяли Аппенины до ахейцев, были завоеваны ими и ассимилировались...

Он указал на светло-зеленое пятно, поглотившее Восточную Румынию и Украину:

ТИРСЛАНДИЯ
ИТСКАПИНТИК
НУРЛАНДИЯ
ИРЛАНДИЯ
БЛОДЛАНДИЯ
Кондай
ПЕРКУНИЯ
ГРЕТТИРСЛАНДИЯ
КИНУККИНУК
ПАНИОНИЯ
ХОТТИНХОСОНИХ
БРЕТАНЬ
АККУЕВИЯ
ХЭТТИ
САМНИЯ
ИБЕРИЯ

— "Хотинохсоних". У ирокезов есть похожее слово — котсоних, означает — "построивший дом". Вот тебе и доказательство. А вот еще: Днестр зовется здесь Ог-хийо, и это значит "красивая река". Если не ошибаюсь, наша Огайо получила свое имя от индейского слова с таким же значением. Ну и как тебе все это нравится, О'Брайен?

Сержант слабо усмехнулся:

— Лекция хоть куда. Но мне нужно чего-нибудь поувесистей парочки знакомых названий, чтобы прийти в себя. Никогда не поверю, что...

— Придется поверить,— вздохнул Ту Хокс.

С воодушевлением первооткрывателя он снова склонился над глобусом. Большая страна, отмеченная красным, включала в себя земные Данию, Голландию, Германию, Польшу и часть Чехословакии и именовалась Перкунией.

— Перкуния... Забавно. Похоже на литовское слово "перкунас". Перкунас был главным божеством древних литовцев. И я слышал, как Джикозес называл врагов "посоша". Если сделать поправку на произношение, то речь идет о пруссах, которых в нашем мире оттеснили на восток крестоносцы. А пруссы родственны литовцам...

Взгляд Ту Хокса скользнул к северу. Вся северная половина Скандинавского полуострова, примерно до широты Тронхейма, была помечена белым цветом — снег? — и в центре красовалась фигура белого медведя. Тихо присвистнув, Ту Хокс немного повернул глобус.

Да, все именно так. Гольфстрим был обозначен. Но здесь он не отклонялся североамериканским континентом, а шел к северо-западу вдоль островов Роки Монтэн и соединялся дальше с северным рукавом течения Куросио.

Он снова присвистнул. Для истории здешней Европы это было даже важнее, чем появление индейско-монгольских народов.

— Знаешь что,— повернулся он к О'Брайену,— сейчас-то здесь жарко. Но держу пари — впереди долгая, очень долгая и холодная зима.

Ту Хокс прошелся по комнате, поддевая носком сапога корешки полуобгоревших книг. Заметил атлас и, присев рядом, начал перелистывать. Карты были весьма подробны и сопровождались пояснениями на двух языках — здешнем греческом и языке Хотинохсониха. Читать греческий этого мира было трудно — он сильно отличался от классического: то и дело попадались совсем

непонятные слова, видимо, заимствованные из других языков. Однако это все-таки было легче, чем пытаться разобрать индейские тексты.

Не выпуская из рук атласа, Ту Хокс повернулся к ирландцу.

— Теперь тебе ясно, почему никто тебя не понял, когда ты пытался раздобыть сигарету?

О'Брайен досадливо мотнул головой:

— Ну да, ведь испанцы привезли табак из Америки. Этот проклятущий мир не знает, наверное, и что такое картошка. И помидоров тут нет!

— Да... это уж точно,— задумчиво протянул Ту Хокс,— и шоколада тебе тут попробовать тоже не придется. Но раз уж мы здесь, что ж... Надо осваиваться.

Географические изыскания Ту Хокса были прерваны самым неожиданным образом: в комнату вломилась толпа. Человек двадцать, почти все черноволосые и очень смуглые, разве что у двоих или троих кожа чуть посветлее. На всех светло-зеленая форма, коричневые, до колен, сапоги со шнуровкой, головы покрыты широкими остроконечными шлемами, похожими на шляпы китайских кули; на поясах — длинные кривые сабли. Картину дополняли закинутые на плечи однозарядные ружья.

Вместе с офицером вошел Джикозес, продолжая давно уже, видно, начатый разговор. Время от времени офицер что-то спрашивал, искоса поглядывая на чужаков. Нахмурив брови, он внезапно оборвал беседу и, оставив Джикозеса, направился к летчикам. Резким начальственным голосом он потребовал у Ту Хокса сдать оружие и протянул руку к его кобуре. После недолгого колебания Ту Хокс подчинился — ничего другого не оставалось. Убедившись, что пистолет на предохранителе, он молча вложил его в протянутую руку. С каменным лицом офицер покрутил оружие в руках и сунул в конце концов за поясной ремень.

Джикозес и его люди остались в доме и даже не соизволили проститься, когда вооруженный отряд, к которому присоединилась Илмика Хэскерл, уводил с собой О'Брайена и Ту Хокса. Шли только ночами, скрываясь днем в укромных и, вероятно, давно знакомых местах. Страна хоть и подверглась нашествию врагов, но те, по-видимому, еще не успели освоиться на захваченной территории. Во всяком случае, отряд довольно успешно избегал стычек с патрулями и дозорами перкунианцев,

чего нельзя было сказать о тучах комаров, неотступно преследовавших их и днем и ночью. Солдаты каждый день натирали лицо и руки каким-то безобразно вонючим жиром, чтобы отогнать этих кровопийц, и вскоре оба американца скрепя сердце были вынуждены последовать их примеру.

На третий день пути О'Брайен почувствовал себя плохо, он то весь горел, то трясся в ознобе, покрываясь холодным потом. Это напоминало малярию, и осмотревший сержанта санитар подтвердил диагноз.

Следующим утром ирландец не смог встать. Из одеяла и стволов двух молодых березок солдаты соорудили примитивные носилки и уложили на них сержанта. Впереди встал один из солдат, сзади за носилки ухватился Ту Хокс. Каждые полчаса в носилки впрягался новый солдат, Ту Хокса же не сменял никто, и он, стиснув зубы, шел и шел, уже не чувствуя боли в судорожно сведенных пальцах.

На привале санитар дал О'Брайену воды, заставил проглотить две большие таблетки, зеленую и красную, и повторял эту процедуру по четыре раза в день, впрочем, без особого успеха. О'Брайен все так же трясся, потел и стонал в горячечном полузабытьи. Когда же приступы, как это бывает при малярии, сами собой прекратились, офицер ясно дал понять: носилок больше не будет,— и еле волочившему ноги О'Брайену пришлось встать и идти. Каждый переход Ту Хоксу приходилось почти что тащить полубесчувственного товарища на себе — можно было не сомневаться, что офицер не моргнув глазом пристрелит О'Брайена, стоит тому хоть немного отстать. Двигаться самостоятельно сержант не мог, а офицера заботил лишь отданный его отряду приказ. Уже в первый день Ту Хокс понял, что этот приказ — провести девушку через занятую неприятелем территорию к своим.

Прошло еще четыре мучительных дня — О'Брайен становился все слабее и слабее,— и наконец они достигли деревни, где ничто им уже не угрожало. Здесь Ту Хокс увидел первую железную дорогу. Труба паровоза, такого допотопного, что в своем мире он отнес бы его к концу прошлого века, была сделана в форме головы сказочного демона, а борта выкрашенных в красный цвет вагонов покрывали приносящие удачу в дороге знаки.

Деревня оказалась поселком при железнодорожной станции. По обеим сторонам пути теснилось десятка три

домиков, лавчонок и складов. На каждом красовалась вырезанная из дерева и пестро размалеванная фигурка духа-хранителя.

Офицер почтительно проводил девушку к пассажирскому вагону и помог ей войти. На американцев его вежливость, увы, не распространилась — он прорычал, что их место, дескать, тремя вагонами дальше. Не желая признаваться, что понял приказ, Ту Хокс молчал, и солдаты тычками погнали их вдоль состава, грубо втолкнув в какое-то подобие теплушки.

Тяжелый, спертый воздух ударил им в нос, отовсюду приподнимались, с любопытством приглядываясь к новичкам, лежавшие вповалку на соломе раненые солдаты. С превеликим трудом Ту Хокс отвоевал достаточно места, чтобы уложить больного товарища, и отправился на поиски воды. Сопровождать его вызвался уже немолодой солдат с замотанной грязным бинтом рукой и повязкой на голове, сквозь которую проступала кровь. В здоровой руке солдат сжимал нож и не уставал напоминать Ту Хоксу, что не замедлит пустить его в ход при малейшем намеке на попытку к бегству. И в подтверждение своих слов весьма выразительно изображал, как перережет Ту Хоксу глотку. То ли назначенный, то ли добровольный надзиратель не отходил от них ни на шаг до самого Эстокуа — столицы и конечной станции.

Дорога растянулась на пять суток: поезд едва тащился, часами простаивал на запасных путях, пропуская двигавшиеся на запад воинские эшелоны. Весь первый день пути раненым и больным не дали ни капли воды. О'Брайен, у которого снова начались приступы, был так плох, что сидевший рядом Ту Хокс с ужасом ждал скорого конца его мучений. Наконец поезд остановился вблизи небольшой речки, и те, кто мог ходить, сломя голову бросились из вагона, похватав все, что только можно наполнить водой.

Духота, вонь и стоны превращали вагон в камеру пыток. У лежавшего рядом с О'Брайеном человека началась гангрена. Запах гниющей плоти был так ужасен, что несмотря на голод Ту Хоксу кусок в горло не лез. Наконец несчастный умер, и раненые, не дожидаясь станции, выбросили его тело из вагона.

Удивительно, но на третий или четвертый день такого пути О'Брайен начал поправляться. Когда поезд доплелся до Эстокуа, жар и озноб уже отпустили сержанта.

Бледный, слабый и отощавший, похожий скорее на тень прежнего О'Брайена, он все-таки сумел справиться с болезнью. Ту Хокс так и не понял, была ли тому причиной природная живучесть ирландца, или сыграли роль таблетки санитара; возможно, помогло и то и другое. Не исключено, что свалившая О'Брайена болезнь вовсе и не была малярией. Так или иначе, он поднялся на ноги — и только это имело значение!

7

Поезд встретила бушевавшая над полуночным Эстокуа гроза. Лежа в темноте теплушки, Ту Хокс сквозь узкие щели окошек под самой крышей видел только ослепительные вспышки ветвящихся молний.

После томительных часов ожидания Ту Хокса вытолкнули из вагона, накинули на глаза повязку и связали руки за спиной. Оскальзываясь в чмокающей под ногами грязи, он сделал несколько нерешительных шагов, тяжело влез в машину, подбадриваемый ударами, и, прислонившись к борту, опустился на скамью. Рядом, задев лейтенанта плечом, грузно плюхнулся связанный О'Брайен. Барабанная дробь дождя над головой подсказала, что их везут в крытой машине.

— Куда они волокут нас? — Голос сержанта прозвучал слабо и безнадежно.

Ту Хокс ответил, что вероятнее всего — на допрос. Ему очень хотелось верить, что цивилизация в какой-то мере смягчила принятые у индейцев методы обращения с пленными. Впрочем, кто сказал, что "цивилизованность" исключает жестокость? Ту Хокс достаточно хорошо знал историю собственного мира и не забыл, как цивилизованные народы двадцатого столетия обращались с покоренными народами и побежденными врагами; их методы были ничуть не гуманнее варварских обычаев древности и средневековья.

Минут через пятнадцать машина остановилась. Те же грубые руки сдернули О'Брайена и Ту Хокса со скамьи, накинули им на шеи петли и повели куда-то — сперва вверх по лестнице, потом по длинному коридору и снова по лестнице, круто уходившей вниз. Ту Хокс молчал, О'Брайен тихо ругался. Рывок петли на шее заставил их остановиться. Заскрежетала дверь, и их толкнули вперед.

Спустя мгновение кто-то сорвал повязки. В глаза ударил яркий свет висевшей под потолком голой электрической лампы.

На секунду ослепленный, Ту Хокс моргнул, сгоняя слезу. Они находились в комнате с высоким потолком и унылыми неоштукатуренными стенами, сложенными из блоков темного гранита. Лампа над головой погасла. Вспыхнула другая, настольная, развернутая прямо в лицо пленникам. У стола стояли несколько людей, затянутых в одинаковую темно-серую форму, с одинаковыми короткими стрижками и холеными руками.

Увы, Ту Хокс не ошибся: их действительно привели на допрос. И столь же увы, им совершенно не в чем было признаваться. Правда была настолько невероятной, что дознаватели не смогут поверить ни единому слову. Их рассказ они сочтут всего лишь неумной выдумкой одуревших от ужаса перкунианских шпионов. Да и чего еще можно было ожидать? Разве было бы иначе, попадись человек из этого мира в руки контрразведки на Земле Ту Хокса? Никакой контрразведчик — ни американец, ни гестаповец — не поверил бы подобному бреду. Да что там — и сам Ту Хокс не поверил бы...

И все же Ту Хоксу пришлось говорить. Молчание на допросах обходится дороже любого вздора. А серые следователи знали толк в методах дознания. О'Брайену еще повезло, если вообще тут можно было говорить о везении: вконец измотанный болезнью, он почти в самом начале допроса потерял сознание. О притворстве не могло быть и речи — серые профессионалы поняли это быстро, и ирландца за ноги выволокли прочь. Теперь вся энергия и изощренная изобретательность серых мундиров обратилась на Ту Хокса. То ли они были так твердолобы, то ли им позарез требовался разоблаченный шпион, но пытки продолжались с удвоенной силой, хотя уже давно было ясно: никакой он не перкунианец.

Скрипя зубами, Ту Хокс терпел всё — лишь это могло спасти. В давние времена краснокожие на его Земле чтили мужество у пыточного столба. Изредка сохранивших достоинство врагов даже щадили, а еще реже — принимали в свое племя.

Хватило его, впрочем, ненадолго. Ирокезские предки, молчаливо терпевшие любую боль, огорчились бы за Ту Хокса. Предки могли молчать, петь или даже осыпать своих врагов оскорблениями. Видимо, у них было больше

мужества. Лейтенант же просто начал кричать. Крик не мог ни спасти, ни помочь, но дал хоть какой-то выход боли и отчаянию. Да и что можно было сделать еще, валяясь под ногами мучителей?

Шесть раз он терял сознание. Приходил в себя от льющейся в лицо ледяной воды. Снова и снова повторял свою историю и клялся, что каждое сказанное им слово — правда. В конце концов Ту Хокс уже сам перестал понимать, что́ срывалось с разбитых губ. Но одно он знал твердо: в его криках не было мольбы о пощаде. И наконец, собрав последние силы, Ту Хокс проклял своих истязателей, прохрипев им в лицо, что нельзя терпеть на земле таких ублюдков и как только он сможет добраться до них, месть его будет жестока.

После этого он мог лишь стонать, и вскоре все окружающее словно взорвалось, растворившись в кровавом тумане.

Когда он очнулся, все тело его стонало от боли, но странно: это был как бы отзвук перенесенных им мучений. Жуткие воспоминания о комнате с гранитными стенами теснились в его голове, и он искренне пожелал себе смерти, холодея от одной мысли о новом допросе. Но затем невольно подумал о людях в серых мундирах, с равнодушным упорством терзавших его,— и ему отчаянно захотелось выжить. Хотя бы ради одного — мести. С этой мыслью он снова провалился в забытье, а очнувшись, почувствовал, как кто-то осторожно пытается влить ему в рот прохладную кисловатую жидкость. Он открыл глаза и увидел женщин в длинных темных платьях, с белыми лентами в волосах. На все его попытки спросить, где он, они отвечали успокаивающими жестами и просьбами не волноваться, быстро и ловко меняя опутавшие его с ног до головы бинты. Руки их были мягки и нежны, но даже легчайшее касание отзывалось внутри такой болью, что он снова потерял сознание. Обморок, видимо, длился долго — когда он в следующий раз открыл глаза, ему опять меняли повязки, протирая тело обезболивающим раствором.

Теперь он до тех пор повторял свой вопрос, пока одна из женщин не ответила, что беспокоиться ему больше не о чем, он в спокойном и безопасном месте и никто никогда больше не сделает ему больно. Что-то словно сломалось в нем, и он заплакал. Женщины молча стояли рядом, опустив глаза, и было неясно, смущены ли они

неожиданной истерикой, или им просто жаль его. Потом он снова погрузился в тяжелый долгий сон...

Проснувшись, Ту Хокс не мог оторвать голову от подушки. Слабость и темнота, словно его чем-то опоили; тупая бездумная тяжесть в мозгу, во рту пересохло. Только к вечеру, после нескольких безуспешных попыток, ему удалось сползти с постели и встать на ноги. Пошатываясь, Ту Хокс направился к двери. Никто не сказал ему ни слова, никто не пытался удержать, и он сумел добраться до соседней палаты и даже поговорить с теми, кто там лежал. Охваченный ужасом, вернулся Ту Хокс на свою койку. Лежавший рядом О'Брайен заметил его окаменевшее лицо. Повернув голову, он тихо спросил:

— Где мы?

— В лечебнице для душевнобольных,— так же тихо ответил Ту Хокс.

О'Брайен был еще слишком слаб, чтобы бурно отреагировать на такую ошеломляющую новость, и почти спокойно поинтересовался:

— А почему?

— Надо думать, наши заплечных дел мастера решили, что мы с тобой просто сумасшедшие. Мы же так цеплялись за наши объяснения, а ведь то, что случилось с нами, просто не может случиться. В общем, мы здесь, и нам, пожалуй, еще повезло. Сумасшедших тут вроде бы уважают, у нас ведь тоже когда-то почитали безумцев. Так что пытать больше не будут. Но и не выпустят, это уж точно.

— Я не могу больше, я не вынесу всего этого.— Голос О'Брайена задрожал. — Я умру, слышишь? Чего только эти дьяволы не делали с нами... И потом еще эта лечебница... И придется жить здесь, в этом мире. Нет, с меня хватит...

— Да не хнычь,— прикрикнул на него Ту Хокс,— жизнь в тебе сидит цепко. Или ты просто хочешь, чтоб тебя пожалели?

— Нет. Но все-таки, на тот случай, если меня не будет... Обещай мне кое-что, ладно? Найди этих гадов, Роджер! Прошу тебя — найди и отдай должок... Только не сразу... Ме-е-длен-но...

— Знаешь, поначалу и я думал точно так же,— задумчиво ответил Ту Хокс,— но потом мне пришло в голову вот что. Во-первых, на этой Земле и понятия не имеют о Гаагской конвенции и подобных ей вещах. То,

что случилось с нами,— обычная судьба пленных, когда есть подозрение, что тем известно хоть что-то. Попади мы в руки перкунианцев, с нами вряд ли обошлись бы лучше. Радуйся, что мы хоть не остались калеками. Думаю, самое страшное уже позади. Теперь всё в порядке. Индейцы всегда верили, что безумцы одержимы великими духами. В духов и богов они, может, уже не верят на полном серьезе, но все равно — традиции живучи.

— Нет, ты все-таки должен убить их...— С этими словами ирландец снова погрузился в сон.

К концу следующей недели Ту Хокс чувствовал себя уже гораздо лучше. Ожоги и раны все еще давали о себе знать, но ощущение, словно с него живьем содрали кожу, прошло. Постепенно он подружился с Тархе, главным врачом лечебницы, длинным тощим человеком, весьма дружелюбным и образованным. Как психиатр, он чрезвычайно заинтересовался случаем Ту Хокса, относился к нему внимательно и даже позволил необычному пациенту пользоваться своей библиотекой, где тот и просиживал часами, изучая новый мир, или Землю-2 (как он называл ее теперь).

Болезнь обоих странных пациентов Тархе рассматривал как некий вызов своему профессионализму и уделял американцам все свободное время, несмотря на занятость. Ему и просто нравилось болтать с Ту Хоксом. Во время одной из бесед Тархе намекнул, что у него составилось наконец определенное мнение о причинах недуга. Он подозревает, что оба пациента, будучи на западном фронте, пережили нечто ужасное, что и привело к некоему психическому разлому. Они как бы выпали из реальности в иллюзорный мир Земли-1, это нечто вроде защитной реакции мозга, который иначе не выдержал бы кошмара действительности.

Ту Хокс рассмеялся:

— Положим, все так и было, но чем вы тогда объясните точно такой же психоз у О'Брайена? Почему наши иллюзорные миры совпадают до мелочей? Вы не находите странным, даже более чем странным, что расспрашивая его, вы получаете информацию, точь-в-точь совпадающую с моей?

Тархе пожал плечами.

— Видите ли, ваш психоз настолько необычен, что мог подсознательно так увлечь О'Брайена, что он последовал за вами в мир ваших иллюзий. Случай нередкий.

Я заметил, что эмоционально он зависим от вас, и не последуй он за вами на эту... как ее... Землю-1, он бы чувствовал себя одиноким.

— Ну а незнание вашего языка? — Ту Хокс все еще надеялся пробить брешь в твердокаменной уверенности лекаря.

— Вы же интеллигентный человек и должны понимать: уход в мир иллюзий — вещь окончательная. Вы просто забыли свой родной язык. Это помогает разорвать связь с миром действительности, прочнее отгородиться от него.

— Простите, доктор,— вздохнул Ту Хокс.— В теории вы сильны, не спорю. Но неужели вам ни разу не пришла в голову простая мысль: то, что я говорю, может оказаться правдой? Почему бы вам не провести эксперимент, строго научный и непредвзятый? Расспросите нас с О'Брайеном по отдельности во всех подробностях о нашем мире. Он уже может кое-как говорить на вашем языке, вы поймете его. Конечно, мы могли заранее обговорить многое, но не мельчайшие детали. Раньше это были общие вопросы. Попытайтесь копнуть поглубже, коснитесь деталей истории, географии, религии, обычаев, языков — чего угодно! И если все действительно нами придумано, сразу выплывет масса несоответствий и противоречий. И наоборот.

Тархе снял очки и, подышав на стекла, принялся задумчиво протирать их.

— Да, пожалуй, это был бы чисто научный эксперимент, чисто научный. Вы правы, невозможно самому придумать язык с его словарным запасом, грамматикой и фонетикой. И по частным вопросам, скажем, истории или архитектуры, вы тоже не смогли бы договориться.

— Тогда почему же вы не хотите провести такой эксперимент?

Тархе, водрузив очки на нос, с дружелюбным скепсисом поглядел на Ту Хокса:

— Да-а... Ну что ж, возможно, мы сделаем и это... когда-нибудь. Но сейчас не лучше ли нам все-таки заняться вашей навязчивой идеей? — Он наклонился к пациенту.— Ну-ка, постарайтесь поподробнее описать свои чувства, когда я излагал свою теорию.

Подавив вспышку бессильной ярости, Ту Хокс откинулся на спинку стула и расхохотался. Вправе ли он упрекать Тархе? Окажись он сам на месте психиатра, разве смог бы он поверить в эту историю?

Бóльшая часть дня в лечебнице уделялась странным и далеко не медицинским процедурам. Ежедневная баня должна была осложнять существование вселившимся в тела пациентов демонам. Приходившие с завидным постоянством священнослужители из ближнего храма устраивали пышные церемонии изгнания бесов. Тархе никогда в этом не участвовал и с трудом скрывал раздражение, считая подобные действа пустой тратой времени. Однако же предпочитал держать свое мнение при себе — власть жрецов была велика.

Ту Хокс не упускал случая поболтать с персоналом и пациентами, используя любую возможность узнать свежие новости, или закрывался в библиотеке. "Если мы когда-нибудь вырвемся отсюда,— думал он,— то следует хорошо знать причуды этого мира". Найденный на полке школьный учебник многое прояснил в истории Земли-2. На планете завершался последний ледниковый период и как раз теперь началось великое таяние. Счастливое обстоятельство для здешней Европы, которую не омывал теплый Гольфстрим! Как и предполагал Ту Хокс, отсутствие этого теплого течения во многом повлияло на расселение человечества и всю цивилизацию этого странного мира. К примеру, весь Скандинавский полуостров и большая часть северной России все еще были погребены под снегом и могучими ледниками.

Многие тысячелетия предки индейских племен волнами накатывались на Европу из сибирских просторов и Центральной Азии, поглощали покоренные племена или сами растворялись в них. Как правило, со временем завоеватели ассимилировались, но иногда им удавалось навязать аборигенам свой язык и культуру. Так возникло государство Хотинохсоних, а на территории южнее Чехословакии Земли-1 укреплялось государство Кинуккинук. И наконец еще одна страна, заселенная белыми и индейцами, подпала в последнее время под власть Перкунии, сохранив лишь жалкое подобие былой независимости.

Меж строк истории Земли-2 Ту Хоксу виделось прошлое Земли-1, рвущиеся на запад орды гуннов, аваров, кипчаков и монголов...

Малая Азия представляла собой нечто совершенно незнакомое. На землях привычной Турции здесь жили говорившие на хеттском и других индоевропейских наречиях, а западные тюрки, оттесненные к югу, создали свою культуру на севере Индии.

Германские племена, чью территорию почти полностью покрывали льды, были малочисленны и уже в древности устремились на запад, покорив Британские острова и Ирландию. Нашествие сменялось нашествием, бесконечные войны терзали страну, которая, в сущности, была не чем иным, как Англией, но здесь называлась Блодландией, "кровавой страной". Поначалу господство захватили племена ингвеонов, но вскоре их смело вторжение из Дании, Норвегии и Фрисландии. Кровавые битвы, в сравнении с которыми нашествия норманнов на Земле-1 показались бы детскими играми, сотрясали страну. Всего лишь за два поколения едва ли не половина населения Дании перебралась в Блодландию.

Датские конунги сумели удержаться надолго. Набеги прекратились, а Ирландия, Нурландия (земная Шотландия), Блодландия, Греттирсландия (Нормандия), Южная Скандинавия и Бретань именовались "шестью королевствами". Подобное разделение земель сохранялось и теперь, но во всех шести государствах изъяснялись на более или менее сходных диалектах древнего нордического языка, по-местному — "ингвинеталу". Хотя Ту Хокс и находил в них кое-что знакомое, ему все чаще казалось, что он учит абсолютно незнакомый язык.

8

О'Брайен по-прежнему был уверен, что смерть его уже на пороге, но тем не менее поправлялся. Однажды, когда Ту Хокс почти насильно заставлял его заниматься гимнастикой, в палату вошел санитар и торжественно возвестил, что Ту Хокса в приемной ожидает посетитель. Переглянувшись с сержантом, Ту Хокс молча двинулся за санитаром, не ожидая ничего хорошего. Ждать его могли только люди из контрразведки, а это означало новые истязания. Нет, решил он про себя, если это снова серые мундиры, новых пыток он не допустит, просто бросится на них и будет драться до последнего.

Он ошибся — притом приятно. Ожидавшим его посетителем оказалась Илмика Хэскерл. С первого взгляда было видно: жизнь в Эстокуа пошла ей на пользу. Словно и не было никогда грязной дикарки, исхудалой, измученной и одетой в вонючие лохмотья. Изящная, очень привлекательная девушка в длинном темно-зеленом платье;

блеск шелка слился с сиянием золотистых волос. Она была просто великолепна. Ту Хокс склонился к ее протянутой руке.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Илмика.

— Уже лучше.

Девушка улыбнулась:

— С вами хорошо обращаются?

— С тех пор как я здесь, никаких претензий,— ответил он,— разве что одна: я — пленник...

Чуть подавшись вперед, Илмика заглянула ему в глаза:

— Знаете, я не верю, что вы сумасшедший.

Так. Возможно, ее появление — не простой визит вежливости. Ту Хокс осторожно поинтересовался:

— У вас что же, есть причины так думать?

— Ну... скажем, я просто не могу поверить в это,— протянула Илмика; пытаясь вести себя непринужденно, она откинулась на спинку кресла, теребя пальцами длинные белые перчатки.— Но если вы не безумец, то кто же?

Он не потеряет абсолютно ничего, рассказав ей правду. Если девушка и подослана контрразведкой разузнать, не сочинил ли он чего-нибудь более правдоподобного, то услышит то же, что он, полумертвый от боли, выкрикивал в лицо своим мучителям. С другой стороны, может ли она вообще быть связанной с контрразведкой? Она, дочь посланника Блодландии при правительстве Паннонии (иначе — Венгрии его Земли-1)? После вторжения в Паннонию перкунианских войск посланник Хэскерл выехал к границе Хотинохсониха, но в неразберихе и панике первых дней войны отец и дочь потеряли друг друга. Уже с захваченной перкунианцами территории девушку чудом вывели партизаны.

Ну уж нет,— решил Ту Хокс.— Если эта девица и согласится стать агентом, то только своей страны. Не исключено, что Блодландия располагает информацией, неизвестной здесь, или она просто хочет выведать, не может ли он принести определенную пользу секретным службам ее родины. В любом случае, рассказать ей всё— вреда не будет...

Впрочем, когда он попытался в качестве предисловия разъяснить свою теорию параллельных вселенных, девушка даже не старалась понять его, слушала молча и ни единым жестом не показывала, верит ему или нет. Но она хотя бы не прерывала его, и, постепенно увле-

каясь, он стал приводить ей примеры различия двух миров. Кратко описав историю второй мировой войны, он рассказал о себе, о "Гайавате", о налете на Плоешти, заново переживая сверхъестественный прорыв "Гайаваты" сквозь "врата времени" и прыжок с парашютом, выбросивший его в иную реальность...

Когда он умолк, девушка улыбнулась:

— Ваш Плоешти — это, должно быть, тот город, который мы называем Дарес. Вам еще повезло, что вы не появились двумя днями позже. Ровно через два дня Дарес был занят перкунианцами, и вы попали бы прямо им в руки.

Ту Хокс пожал плечами.

— Эта война — не моя, и меня она не касается. Еще неизвестно, у кого лучше находиться в плену. Я ничего не имею против перкунианцев, они ничего мне не сделали, а хуже, чем здесь, мне бы вряд ли где могло быть.

Он подошел к большому окну, за которым проступали размытые очертания Эстокуа. Весьма современный город по рассказам людей, живущих в этой действительности. Ту Хокс часто жалел, что с дальнего холма, где располагалась лечебница, никак не удавалось рассмотреть город и архитектуру, которую смогли со временем создать индейцы.

С непонятной ему самому грустью он вдруг понял, что никогда не сумеет почувствовать себя своим среди этих людей, быть может, и близких ему по крови, но столь чуждых во всем остальном. Пусть они и ирокезы, но совсем не те, которых он знал и к которым причислял себя. Их прошлое и настоящее были несовместимы, а весь ход истории двух миров разводил их все дальше и дальше.

"Со временем,— думал он,— я смог бы, пожалуй, прижиться и здесь, даже слиться с этим миром, прими он меня хоть немного дружелюбней". Однако все, что ему пришлось здесь пережить, отнюдь не подкрепляло подобных надежд. К тому же Хотинохсоних погибал: бои шли уже километрах в тридцати или сорока северо-западнее Эстокуа, и от падения столицу отделяло вряд ли больше недели. Приближался кошмар уличных боев, безжалостных разрушений и диких расправ.

Погруженный в свои невеселые мысли, Ту Хокс не сразу заметил в небесной голубизне три сверкающие точки. Точки приближались, росли, и опытный глаз пилота различил очертания дирижаблей. Три серебристые сига-

ры заложили вираж, и тотчас под ними расцвели дымные облачка. Не обращая внимания на огонь зенитных батарей, дирижабли упорно шли к цели, выстроившись друг за другом, как на параде. Они прошли над центром города и уронили вниз смертоносные цветы. Секундой позже зазвенели стекла, грохот разрывов смешался с воем дальних сирен, словно карточные домики рассыпались, исчезая в пламени и клубах дыма, какие-то строения.

Скрипнула дверь, и Ту Хокс обернулся. На пороге возникла служанка Илмики Хэскерл, молодая девушка, явно принадлежавшая к тому коренному белому населению Хотинохсониха, которое после долгих столетий рабства получило наконец жалкие права полусвободных граждан. Илмике, жившей в посольстве Блодландии в Эстокуа, девушку предоставило для услуг правительство страны. Нетрудно было догадаться, что этим ее роль не ограничивалась и что она так или иначе работала на разведку Хотинохсониха.

Дрожащим голосом служанка спросила, не желает ли госпожа переждать бомбежку в подвале и не подвергать себя опасности. Побледневшая Илмика нашла в себе силы улыбнуться и покачать головой, заметив, что здесь, на окраине города, опасность не так уж велика и вряд ли что может случиться. Однако девушка стояла у двери, пока Илмика, нетерпеливо махнув рукой, не отослала ее прочь. И только когда за девушкой захлопнулась дверь, повернулась к Ту Хоксу.

— Мое правительство имеет основания полагать, что ваша история может оказаться правдой,— вполголоса проговорила она, поглядывая на дверь и прислушиваясь, из чего Ту Хокс заключил, что Илмика прекрасно понимает, кому на самом деле служит служанка.

— Вашему правительству что-нибудь известно о гибели моего самолета?

— Да, но очень немногое. Перкунианцы тоже знают об этом. Видите ли, они нашли вторую машину и человека в ней. Все держится в большом секрете, но у нас есть свои возможности...

Пораженный Ту Хокс уставился на Илмику. В мешанине событий и переживаний он ни разу не вспомнил о немецком истребителе, невесть откуда вынырнувшем рядом с провалившимся сквозь врата "Гайаватой". Как же он не подумал раньше, ведь немецкий летчик тоже должен был оказаться в этом мире!

— Вам грозит опасность,— так же тихо продолжала Илмика.— Мы разузнали об этом... этом... немце, но перкунианская разведка тоже знает о вас. Знает, что вы пришли из другой Вселенной. Разумеется, перкунианцы сделают все возможное, чтобы использовать знания немца о новейшем оружии. И постараются, чтобы ваши знания не достались нам. Короче...

— Короче, надо думать, что перкунианцы собираются купить нас или уничтожить,— подытожил Ту Хокс.— Странно, что они до сих пор еще ничего не предприняли. Черт возьми, вот было бы здорово, избавь они нас тогда от допроса!

По лицу Илмики пробежала тень.

— Быть может, они просто выжидали. Результат допроса лишь подтвердил, что ваш рассказ — не бред сумасшедшего. Теперь всё иначе. Правители Хотинохсониха в отчаянии могут ухватиться за вас, хотя сначала ничему не верили. Перкунианцы понимают это и попытаются использовать общую панику, чтобы добраться до вас. Думаю, ближайшей ночью или даже сейчас, во время бомбежки.

— Но в этом случае опасности подвергнетесь и вы,— заметил Ту Хокс.— Высоко же меня ценит ваше правительство, если так старается перетянуть на свою сторону, что рискнуло послать вас в такую минуту.

Ту Хокс глянул в окно. Над городом кружили уже пять дирижаблей. Пожелай перкунианцы покончить с ним и О'Брайеном, и парочка сброшенных на лечебницу бомб разом решила бы все проблемы, но ни один дирижабль вблизи так и не появился. Значит, перкунианцы попробуют вступить с ними в контакт и при случае похитить обоих. Но если уж случая не представится, исход будет однозначным — смерть. Впрочем, ясно как день, что и блодландцы не преминут воспользоваться тем же сценарием: либо заполучить обоих чужаков, либо убрать их.

"Да, только наши знания, сами-то мы никому не нужны,— с горечью подумал Ту Хокс.— Вдвоем, только вдвоем в этом враждебном мире..." Он усмехнулся. Ну что ж, хорошо. Он постарается подготовиться ко всему. И что бы ни ожидало их с О'Брайеном, пусть даже смерть, кому-то придется дорого заплатить за это...

Уже не скрывая усмешки, он снова повернулся к девушке:

— Но почему ваше правительство не считает нужным уведомить Хотинохсоних? Здешние власти могли бы организовать охрану или, скажем, перевести нас в более безопасное место.

К великому его изумлению, Илмика покраснела. Лгать с невозмутимостью агента-профессионала она явно не умела, и скорее всего ее послали лишь потому, что они были знакомы. Банальная причина, усмехнулся Ту Хокс.

— Не знаю,— тихо сказала она, но, заметив его недоверчивый взгляд, замялась, покраснела еще сильней и вдруг выпалила: — Нет, знаю. Я слышала, что правительство Хотинохсониха не захочет вас выдать. Оно намерено сохранить вас и вашего друга для себя, а это уже бессмысленно. Здесь все равно никто не успеет воспользоваться вашими знаниями. Эти люди слишком заняты войной и не желают понять, что обречены. Они только погубят вас. Вы должны уехать в Блодландию. У нас есть ученые, есть материалы и время. А Хотинохсоних долго не продержится.

— Вот в этом я не уверен,— покачал головой Ту Хокс.— У них весьма мощный тыл. Падение столицы — это еще не разгром страны.— Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил: — Хорошо, но если я отправлюсь в Блодландию, то только не как пленный. И платить за мою работу вам тоже придется.

— Конечно, конечно, вы получите всё: привилегии, дом, машину. Вы будете работать как свободный человек. У меня есть полномочия обещать вам это от имени моего правительства. А также надежную охрану и гарантию от возможных покушений.

— Что ж, я поеду. Но как мы выберемся отсюда?

— Будьте готовы,— деловито заговорила девушка.— Сегодня к полуночи или чуть позже. А как ваш друг? Ему уже лучше? Он может ходить?

— Да, но с трудом, да и сил ему надолго не хватит.— Ту Хокс нахмурился. Это хорошо, что агенты Блодландии не собираются оставлять О'Брайена здесь. Он тоже им нужен, но... они не задумываясь пристрелят его, если тот станет слишком большой обузой в пути.

— Если ваши люди вздумают убить моего друга,— медленно, почти по складам проговорил Ту Хокс,— ничего у нас с вами не выйдет. Тогда вам придется убить и меня.

Лицо девушки потемнело от гнева. "Хотел бы я знать,— подумал Ту Хокс,— действительно она так здорово умеет притворяться или и впрямь не задумывалась о такой возможности?"

— Я... я уверена, что моим землякам никогда и в голову не придет ничего подобного. Они же не дикари!

Невольно ему припомнилось выражение ее лица в момент, когда Джикозес хладнокровно расправлялся с ранеными пленниками.

— Контрразведка везде одинакова,— скептически заметил Ту Хокс.— Повсюду одно и то же: когда речь идет о национальной безопасности или о том, что контрразведка понимает под этим словом, жизнь человека не значит уже ничего. Без О'Брайена я не пойду. И скажите своим людям, чтобы они не дурили, если не хотят вернуться с пустыми руками.

— И вы смеете говорить со мной таким тоном? — Лицо ее покраснело, глаза недобро сузились.— Вы... вы... низкий...

— Ну, договаривайте же: варвар. Плебей. Там, откуда я пришел, давно нет ни королей, ни высокородных господ. Нет их, ясно? Все рождаются равными, по крайней мере на словах. На деле, конечно, все выглядит не совсем так, но даже в самой дикой стране у нас лучше, чем тут с этой вашей феодальной системой. Не забывайте: для моего мира ваш — далекое прошлое. И для него не я, а вы — дикарка. Неразвитая, да к тому же не очень-то чистоплотная. Какая разница, ведете вы свой род от датского графа Торстейна Блотхакса или от самого короля Хротгара. Плевать я на это хотел. По мне так можете кричать о своем происхождении, пока не охрипнете, лучше-то ведь не станете!

Лицо ее исказилось, и, отшвырнув в сторону стул, она опрометью бросилась вон, с треском захлопнув за собой дверь. Вслед ей неслся насмешливый хохот Ту Хокса.

Через минуту смеяться расхотелось. Как быть с О'Брайеном, если тот свалится по дороге? — размышлял он, направляясь в свою палату. Сержант лежал на койке, прикрыв глаза рукой. Услышав шаги товарища, он повернулся.

— Санитар сказал, что у тебя посетитель. Дама. Мисс Илмика. С чего бы это такая честь?

Ту Хокс коротко пересказал свой разговор. О'Брайен присвистнул и выпучил глаза:

— Слушай, а машина у них будет? Я же так не дойду... И вообще, как они собираются вывезти нас из страны?

— Наверное, через Черное море и Дарданеллы, но точно не знаю.

— А силы где взять? — вздохнул ирландец.— Эх, поесть бы как следует, глядишь, сил бы и прибавилось. Кормят тут неплохо, но все такое странное. Сказал бы ты этим, на кухне, пусть хоть раз приготовят нормальный картофельный суп со шкварками... И побольше лука... мм... как моя матушка готовила...

Ту Хокс вздохнул и грустно покачал головой. Вспыхнувшие было глаза О'Брайена погасли.

— Нет-нет, только не говори, что и картофельного супа...

Ту Хокс кивнул.

— Картофель же рос в Андах, в Южной Америке.

— Вот проклятье! — Сержант шарахнул кулаком по подушке.— Ну что за поганый мир! Ни тебе табака, ни даже картошки!

— Во всяком случае одному можешь порадоваться: здесь нет сифилиса. Хотя взамен ты скоро подхватишь триппер, знаю я тебя!

— Это в моем-то состоянии? Да мне сейчас хоть в монастырь — как родного примут. Какой уж тут триппер!

Ту Хокс собрался было обсудить подробности побега, но О'Брайен уже дремал. Ладно, подумал Ту Хокс, разговор подождет. Да и о чем, собственно, говорить? Им оставалось одно — ждать.

9

Время подползало к полуночи издевательски неторопливо. Лечебница спала, лишь изредка тишину нарушали шаги спешившего по своим делам санитара. Ту Хокс лежал, разглядывая крохотное окошко под самым потолком,— через него не выбраться, а толстая дубовая дверь заперта снаружи. Хотя доктор Тархе и предоставлял своим пациентам — тем, что не из буйных,— относительную свободу днем, ночью предпочитал все же держать их под замком.

Из приемного покоя донесся мелодичный бой часов. Ту Хокс сосчитал удары. Полночь.

Маленький глазок на двери приоткрылся, впустив в палату желтоватый луч фонаря. Расплывчатое пятно света скользнуло от его постели к постели ирландца и обратно: ночной санитар Кайзерха исправно нес свою службу. Едва служитель удалился, Ту Хокс соскочил с постели и потряс за плечо О'Брайена. Тот моментально сел, тихо рассмеялся:

— Ты что же думал, я спать буду в такую ночь?

Они быстро оделись и снова устроились на своих койках. Эх, был бы пистолет, сокрушенно подумал Ту Хокс.

Ждать им пришлось недолго. Часы только успели пробить половину первого, как в коридоре послышался придушенный вскрик, затем торопливые шаги и скрип открываемого отмычкой замка. Дверь распахнулась. Вскочившие с коек американцы стояли рядом, готовясь встретить спасение или смерть. Шесть фигур в масках загородили дверной проем. На них была одежда, какую обычно носят простолюдины, четверо сжимали в руках револьверы, двое были вооружены длинными ножами. Приземистый, почти квадратный парень выступил вперед и спросил густым басом, непривычно выговаривая слова:

— Ту Хокс и О'Брайен?

Ту Хокс кивнул.

— Дайте нам оружие, револьвер или хотя бы нож.

— Обойдетесь. Давайте быстрей, время дорого!

Двое похитителей бросились к входной двери, а обладатель густого баса и утонувшего в огромном кулаке револьвера жестом приказал американцам следовать за ним. Возле двери в луже крови лежал, раскрыв в безмолвном крике рот, ночной санитар Кайзерха. Свет фонаря, который он все еще сжимал в неловко подвернутой руке, бил в выпученные немигающие глаза.

— Ну зачем было убивать его? — с горечью воскликнул О'Брайен.— Бедняга! Я ни слова не понимал из его рассказов, но он так здорово умел развеселить. Хороший же был человек...

— Тихо! — прикрикнул бас.

Быстро спустившись по лестнице, люди почти бегом устремились к главному входу. Двое выскользнули наружу и почти тотчас же вернулись назад, сделав знак, что путь свободен. Окруженные блодландцами, Ту Хокс и О'Брайен переступили порог. Далеко внизу простирался погруженный во тьму город, лишь бледное зарево догоравших пожаров то тут, то там высвечивало бесфор-

менные груды руин. Они стояли на веранде, широкая лестница уходила вниз, а у подножия ее неясно поблескивали две полускрытые кустарником машины. Мелькнувшая в разрыве туч луна снова скрылась.

Они были почти на середине лестницы, а один из бежавших впереди блодландских агентов уже протягивал руку к дверце машины, когда в кустах замелькали неясные тени и ночную тишину разорвал сухой треск револьверных выстрелов. Ту Хокс с силой оттолкнул О'Брайена и прыгнул через несколько ступенек вниз.

Удар был настолько силен, что у него перехватило дыхание и он на секунду замер, прижавшись лицом к земле, но тут же перекатился вправо, под прикрытие кустов. Прятавшиеся где-то в зарослях люди продолжали обстреливать блодландцев. Один из похитителей, то ли раненый, то ли убитый, неподвижно лежал на последней ступеньке, свесившись головой вниз. Другой залег неподалеку, посылая пулю за пулей в сторону нападавших. Ту Хокс почти не сомневался, что это были перкунианские агенты, явившиеся в лечебницу с той же целью, но немного опоздавшие.

Откуда-то сверху послышался стон. Перевалившись через парапет веранды, тяжко ударилось о землю тело, задев ногу Ту Хокса. Оставшиеся в живых блодландцы укрылись за балюстрадой. Один из нападавших, неосторожно высунувший голову из кустов, тут же был убит, а его товарищи перебегали к стоявшим у зарослей машинам блодландцев, надеясь найти за ними более основательную защиту. Казалось, они никак не ожидали серьезного отпора и несколько растерялись. В окнах лечебницы начал вспыхивать свет, делая засевших на веранде людей прекрасной мишенью для притаившихся в темноте. Один из блодландцев попытался спрыгнуть вниз, ближе к кустарнику, но сраженный меткой пулей так и остался висеть на балюстраде; выпавший из разжавшихся пальцев револьвер стукнулся о землю недалеко от Ту Хокса. Лежавший на нижней ступеньке блодландец тоже не подавал признаков жизни.

Ту Хокс ужом прополз вперед, схватил валявшийся револьвер, вскочил и, пригибаясь, метнулся к телам своих похитителей. Используя их как прикрытие, он быстро обыскал карманы обоих. Обнаружив несколько плоских коробочек, он приоткрыл одну и убедился, что там патроны в картонных гильзах с латунными капсюлями. В руке одного из убитых тускло блестел револьвер.

Ту Хокс не раздумывая сунул оружие за пояс, затем ощупал револьвер, подобранный раньше, и поспешно дозарядил. Сзади послышались негромкий стон и знакомые проклятия. Прижимаясь к земле, Ту Хокс пополз к ирландцу.

— Я ранен,— хрипло забормотал тот.— Рука немеет, я кровью истекаю, Роджер...

— Не мели чепухи! — прикрикнул Ту Хокс. Осторожно ощупал его руку. Рукав был мокрым и горячим.

— Мне конец,— снова захрипел О'Брайен,— силы уходят... С каждым ударом сердца...

— Перестань ныть! Это ты просто внушаешь себе, что умрешь. Может, потому, что сам того хочешь. Задеты только мягкие ткани, да и рана не такая уж глубокая. Вот, держи револьвер.— Он вытащил из-за пояса и вложил в руку товарища оружие.

О'Брайен опустил револьвер в карман.

— Да, тебе хорошо говорить, ведь не в тебя попало...

Ту Хокс, осторожно приподнявшись, оглядел поле боя. Двое мужчин на веранде и двое прятавшихся за машинами все еще продолжали перестрелку. Один из тех, наверху, подсвеченных лившимся из окон лечебницы светом — судя по комплекции, басовитый парень,— слегка откинулся, целясь в лампу, предательски светившую в спину. Лишь на мгновение потерял он осторожность, но и такой ошибки оказалось достаточно. Раздался выстрел, мерзко чмокнуло, словно кто-то швырнул на стол большой кусок мяса, и он рухнул лицом вниз, последним усилием нажав на курок. Вдребезги разлетелось стекло.

Единственный оставшийся в живых блодландец метнулся в сторону, пытаясь увернуться от летевших в него пуль. Уже заворачивая за угол, он внезапно вскинул руки, на секунду замер, словно желая взлететь, и распластался ничком. Готов,— подумал Ту Хокс,— или прикидывается мертвым. Но если это притворство, то чересчур уж убедительное: револьвер с грохотом откатился в сторону.

— Тех, других, вроде бы осталось двое,— прошептал Ту Хокс на ухо товарищу.— У них наверняка приказ: взять нас живыми или мертвыми. После такой пальбы и переполоха они теперь затаятся и сразу стрелять не станут, даже если заметят нас. Так что давай осторожней.

Он скосил глаза в сторону машин, понаблюдал немного, но никого не заметил. Вероятнее всего, перкуни-

анцы выжидали, перезаряжали оружие и совещались, как быть дальше. Они не могли определить, живы ли беглецы, и потому, если не решат уходить, рано или поздно выйдут из укрытия, чтобы обшарить все вокруг.

Времени не оставалось совсем. В лечебнице царила суматоха, бестолково носились санитары и сиделки, слышались испуганные голоса, где-то истошно вопил больной. Было ясно, что вот-вот нагрянет полиция. Даже если телефонные провода и перерезаны заранее, перестрелку наверняка услышали в городе. Полицейские машины могли появиться в любую минуту и перекрыть единственную дорогу, отрезав путь к отступлению как перкунианским агентам, так и обоим американцам. Нужно было срочно искать выход.

Ту Хокс терпеливо ждал. О'Брайен снова начал стонать. Ту Хокс зло цыкнул на него, затем подполз к мертвецу, лежавшему возле лестницы, и осторожно вытянул из судорожно сжатых пальцев нож. Наконец перкунианцы решились на осторожный маневр. Выглянув пару раз из-за машины и оглядевшись, один из них вскочил, постоял секунду и на цыпочках двинулся к углу веранды. Едва уловимо прошуршали шаги. Он был весь на виду, но расстояние не позволяло сделать прицельный выстрел.

Ту Хокс не отводил глаз от зарослей на противоположной стороне дороги, делавшей здесь крутой поворот. Так и есть — второй агент пробирался в эту минуту через кусты, чтобы выйти к веранде с другой стороны. Ту Хокс сообразил, что оба хотят обойти площадку перед верандой и встретиться у середины лестницы. Хрустнула ветка. Ту Хокс поспешно вернулся к чуть приподнявшему голову О'Брайену и, приложив палец к губам, двинулся дальше. Прокравшись мимо аккуратно подстриженных кустов, подступавших к веранде, он неподвижно застыл под наружной лестницей. Из темноты зарослей выскочил один из перкунианцев и крадучись побежал через просторную лужайку к веранде. Рука Ту Хокса, сжимавшая нож, напряглась для броска, и когда перкунианец неслышной тенью скользнул всего в нескольких шагах от него, нож молнией вылетел навстречу и точно нашел цель. Тихий булькающий звук вырвался из горла человека, дрогнув, подломились ноги, и он мешком осел на землю. Ту Хокс был уже рядом, резко вырвал из тела упавшего нож и снова отступил в спасительную тень веранды.

На другой стороне лестницы возник смутный силуэт второго перкунианца, донесся приглушенный голос — агент спрашивал что-то, видимо, все же заподозрив неладное. Чуть выступив вперед, Ту Хокс по-перкунианski — он помнил несколько слов — ответил, что все, мол, в порядке, стараясь при этом, чтобы голос его звучал поневнятнее. Наверное, перкунианский агент успокоился, потому что тут же вышел из-за своего укрытия. Ту Хокс шагнул навстречу, надеясь, что ночной мрак не позволит сразу распознать в нем чужака. Но лившийся из окон лечебницы свет был все же достаточно ярок, и перкунианец понял свою ошибку. Что-то гортанно выкрикнув, он выстрелил. Этот невольный крик, к счастью, заставил Ту Хокса метнуться в сторону. Пуля просвистела рядом. Стараясь держаться ближе к зарослям, агент помчался к стоявшим невдалеке машинам. Бросившийся следом Ту Хокс успел заметить, в какой из кабин скрылся враг. В нескольких шагах от машины Ту Хокс прижался к земле, стараясь ничем себя не выдать, и прислушался. Из машины послышалась какая-то суетливая возня, затем донесся звук, похожий на скрип несмазанной телеги, словно машину пытались подтолкнуть сзади. Но звук не походил на скрежет колес по гравию, и Ту Хокс наконец понял, что это просто попытки запустить паровой котел. Держа наготове нож, он осторожно подкрался к машине, стараясь оставаться в тени.

Скорчившись возле заднего колеса, он снова замер; опущенное стекло кабины подсказало ему, что делать. Один стремительный прыжок вперед — и направляемый твердой рукой нож вонзился в горло перкунианца. Успев лишь дернуться навстречу вынырнувшей неизвестно откуда тени, перкунианец уткнулся в приборный щиток. Ту Хокс распахнул дверцу, за руку выволок труп наружу, затем забрался на место водителя и с торопливостью, подстегиваемой отчаянием, попытался разобраться в многочисленных рычагах, маховичках и переключателях, мысленно возблагодарив доктора Тархе, допустившего его в библиотеку, и собственную любознательность, однажды заставившую долго листать книгу, посвященную такой диковинной для него вещи, как паровой автомобиль. Все это теперь пригодилось, хотя на практике оказалось гораздо сложнее.

Два коротких рычага, торчавших из прорези в металлическом щитке, служили регуляторами. Поворот одного

из них налево или направо задавал машине нужное направление, другой обеспечивал разгон паромобиля. Ту Хокс двинул рычаг вперед и тут же, нажав ногой на педаль, резко остановил машину, отозвавшуюся на такое обращение дрожью и негодующим лязгом. Поставив рычаг скорости в нейтральное положение, он снял ногу с тормоза. Машина стояла как вкопанная. Снова рычаг от себя, и паромобиль двинулся вперед; рычаг к себе — машина дала задний ход. Уже уверенно взявшись за рычаги, он под тихое пыхтение парового двигателя и шорох гравия подвел машину к месту, где залег О'Брайен. Быстро пройдясь рукой по переключателям, он обнаружил, что первый включал стеклоочистители, а второй — подсветку на приборной доске и передние фары; неяркий свет вырвал из тьмы подъездную дорогу, лестницу и веранду лечебницы с разбросанными повсюду неподвижными телами. Ту Хокс позвал О'Брайена — тот медленно поднялся с земли и пошатываясь побрел к машине.

— Ну и куда мы теперь? — тускло поинтересовался он.

Ту Хокс и сам не знал, потому не ответил, продолжая разглядывать индикаторы на приборной доске — стеклянные трубки с делениями, заполненные красной жидкостью. Уровень жидкости везде оказался различным. Скорее всего, это были указатели запасов воды и топлива, давления и температуры пара. По логике, блодландцы, готовя серьезную операцию, должны были под завязку запастись как топливом для котла, так и водой, а в остальном Ту Хокс решил положиться на предохранительный клапан. Когда он осторожно выводил машину на дорогу, серпантином уходившую вниз, к городу, то успел заметить, как распахнулись двери лечебницы и на веранде засуетились отчаянно жестикулирующие фигуры — санитары и врачи...

Сквозь тучи снова проглянула луна, и он выключил фары — ни к чему привлекать к себе внимание. Заметив первый же дорожный знак, он вылез прочитать его. Самим своим появлением этот указатель лучше всяких слов говорил, что они находятся недалеко от центральных улиц. Ту Хокс уже давно знал, что не в обычае местных жителей было как-то называть рядовые улицы и переулки, и, оказавшись тут впервые, надо было или заранее запастись планом, или подолгу выспрашивать дорогу у прохожих.

В библиотеке лечебницы Ту Хоксу как-то попался план столицы, и названия главных улиц прочно засели в памяти. Прочитав указатель, он понял: всего лишь несколько кварталов отделяют их от шоссе, ведущего из города на восток. Снова взгромоздившись на водительское сиденье, он медленно повел машину дальше и вскоре выехал на широкую улицу, до краев заполненную волнующимся потоком беженцев. Запряженные ослами повозки, ручные тележки, тачки, паровые грузовики смешались в едином порыве бегства. Все повозки и машины были до отказа забиты всевозможной домашней рухлядью, между ними брели мужчины, женщины и дети, навьюченные рюкзаками и узлами.

Однако первое впечатление всеобщего смятения и паники оказалось обманчивым. Когда живая река, словно вязкая жижа, втянула паромобиль и повлекла его за собой, Ту Хокс заметил солдат с карбидными лампами и фонарями. Стоя по обеим сторонам улицы через каждые треть мили, они направляли движение. Первые два поста машина миновала беспрепятственно, однако Ту Хокс не слишком жаждал выяснять, как далеко им удастся уйти, пока кому-то придет в голову проверить у них документы. В военное время отсутствие документов грозило арестом, а может, по принципу "на войне как на войне" — и расстрелом. Поэтому при первой же возможности он свернул на узкую улочку, уводившую куда-то вбок.

— Попытаюсь сделать крюк,— пояснил он О'Брайену.— Оставаться на шоссе слишком рискованно. Надеюсь, не заблудимся.

— Все равно,— простонал тот.— Я же кровью истекаю, мне недолго осталось...

— Не думаю, что так уж и недолго,— проворчал Ту Хокс, но тут же затормозил и осмотрел рану товарища при тусклом свете фонаря, обнаруженного в ящике с инструментами. Как он и предполагал, рана была, в сущности, царапиной и почти перестала кровоточить — рукав уже подсыхал. Перевязав О'Брайена его же платком, он погнал паромобиль вперед.

Ирландец совсем скис, и это наводило на грустные размышления. Сержант всегда был славным солдатом, энергичным, смелым, любил пошутить и очень редко хандрил. Но здесь, когда до него окончательно дошло, что в прежний мир возврата нет, он стал совсем другим. Мысли о смерти постоянно преследовали беднягу, чужого

в чужом ему мире, которого он совершенно не понимал. Он был болен, просто болен смертельной тоской по своему миру, тоской, неведомой доселе ни одному человеку.

Ту Хокс прекрасно понимал ирландца, хотя сам не так страдал от всего случившегося. К некой безродности он привык с детства. Сын двух разных культур, он не мог назвать своей ни одну из них и воспринимал духовные ценности и моральные принципы обеих с изрядным скепсисом. В родном мире он тоже был в какой-то степени чужаком. К тому же, по самой своей природе он мог лучше многих приспособиться к любой перемене. И значит ему было вполне по силам преодолеть шок перехода в иной мир, даже преуспеть, если судьба окажется благосклонной. И тем сильнее он беспокоился за судьбу О'Брайена.

10

Часа два спустя, после бесконечных блужданий сперва по улочкам, а затем по проселочным дорогам, они снова выехали на магистраль. Город остался уже далеко позади, и они спокойно влились в колонну беженцев. Но вскоре Ту Хокс заметил впереди заграждения и группу солдат — те как раз вытащили из какой-то машины человека и поволокли его к палатке, разбитой на обочине.

— Не иначе ищут шпионов и дезертиров,— пробормотал Ту Хокс.— Значит, придется опять в объезд...

Впрочем, сказать было куда легче, чем сделать. После двухчасовой тряски по рытвинам и кочкам они на полном ходу проскочили неглубокий ручей, но через пять минут пришлось-таки остановиться, наткнувшись на выложенную из камня пограничную стену, тянувшуюся, казалось, от горизонта до горизонта. Забрезжил рассвет. Ту Хокс проехал вдоль стены не меньше двух миль, прежде чем разглядел ее дальний конец, но здесь их ждал новый сюрприз: путь пересекала какая-то речушка, а справа вставал непроходимый лес.

Ту Хокс поискал глазами подходящее место для переправы, и, съехав с довольно крутого берега, машина медленно пошла вперед, вспарывая, словно плуг, ровную гладь воды. Река в этом месте была не шире тридцати футов, и они благополучно проехали уже около половины, как вдруг дно резко пошло под уклон и вода с буль-

каньем хлынула внутрь, заливая пол кабины. Еще несколько футов, и полузатопленная машина встала. Ту Хокс передвинул рычаг скорости до упора. Бешено вращались колеса, поднимая со дна ил и песок, желтоватая муть облаком расплывалась вокруг, но все было напрасно — машина застряла окончательно.

— Придется идти пешком,— Ту Хокс бросил рычаги.— Может, это и к лучшему. По крайней мере, будем меньше бросаться в глаза. Да и котел может рвануть, если мы еще глубже загоним машину в ил.

— Правда-правда,— поспешно согласился О'Брайен и вдруг заволновался: — Давай скорей отсюда, скорей, пока не грохнуло!

Три дня они пробирались полями и лесами, держась поблизости от проселочных дорог, и кормились тем, что удавалось стащить на нечасто попадавшихся хуторах. На четвертый день им повезло: они наткнулись на одиноко стоявший у дороги автомобиль — к их великой радости, с двигателем внутреннего сгорания. Пока не кончился бензин, они сумели отыграть у судьбы еще миль сорок, потом снова пошли пешком.

— К северу от нас начинается Итокапинтик,— сообщил Ту Хокс шагавшему рядом с ним О'Брайену.— Насколько мне известно, эта страна вроде бы держит нейтралитет. Придется нам перейти границу и сдаться на милость властей.

— Не нравится мне все это,— подозрительно возразил ирландец.— Что там за люди?

— Индейцы, частью смешавшиеся с белыми. Они говорят на языке нагуа, примерно как мексиканские ацтеки. Эти племена объявились в Европе позже других, долго воевали, подчинили себе местные народы и обратили их в рабство.

— Н-да, не очень-то приятные ребята,— поцокал языком О'Брайен.— Ну а сейчас они что?..

— В одной книге я вычитал, что они всего лишь лет пятьдесят как перестали приносить человеческие жертвы. А рабы у них вовсе не считаются за людей, не говоря уж о том, что не имеют даже надежды хоть когда-нибудь получить свободу. Весьма, так сказать, архаический народ.

— Ну и зачем туда соваться?

— По правде сказать, я тоже не мечтаю о знакомстве. Попробуем идти ночами, а днем будем где-нибудь отси-

живаться. Больше всего нам повезет, если вообще ни с кем не встретимся. Пройдя Итскапинтик, мы попадем в Тирсландию, это как Швеция на нашей Земле. Пока к Тирсландии и будем пробираться, а там посмотрим. Может, удастся попасть на корабль, плывущий в Блодландию. А уж там-то мы сможем стать важными персонами, с нами будут обращаться как с королями и заживем мы с тобой весьма приятно.

Смелые прожекты заметно взбодрили О'Брайена, он повеселел и безропотно брел по пустынным ночным дорогам, которым, казалось, не будет конца.

Минуло не меньше двух недель со дня побега из Эстокуа, когда они заметили широкую дорогу, ведущую на север. Уже издалека удалось разглядеть, что дорога забита людьми и машинами. Притаившись на вершине холма, они долго наблюдали, как поток беженцев молча катится вдаль, гонимый единственным желанием: уйти от врага. Среди беженцев вроде бы не было ни единого солдата, и Ту Хокс решил, что они с О'Брайеном без особого риска могут присоединиться к колонне.

Два долгих дня они шли в этом потоке — и продвигались теперь намного быстрей, чем раньше. На рассвете третьего дня с запада донеслась далекая канонада. С каждым часом грохот усиливался, и ближе к ночи ветер доносил уже ясно различимые хлопки ружейных выстрелов. На следующее утро колонну беженцев догнали передовые армейские части Хотинохсониха, спешившие прикрыть неожиданный прорыв фронта. Полевая жандармерия окриками и прикладами сгоняла перепуганных беженцев к левой обочине, освобождая путь пехоте и технике. Ту Хокс и О'Брайен поспешили смешаться с толпой, стараясь не высовываться. Маршевым шагом проходили батальоны грязных, хмурых солдат, на бешеной скорости проносились машины, едва различимые в облаках удушливой пыли.

Ближе к полудню четвертого дня, когда беженцы достигли пересечения двух дорог, военный патруль развернул колонну на восток.

— Должно быть, перкунианцы прорвались к шоссе севернее нас,— подумал вслух Ту Хокс.— И видать по всему, продвигаются на юг.

— А я-то думал, индейцы — великие мастера воевать,— откликнулся О'Брайен.— Что ж это они так опозорились?

Ту Хокс почувствовал себя немного задетым. Он знал, что О'Брайен всегда считал его индейцем и, никогда не высказываясь вслух, имел о них особое мнение.

— Вот что я тебе скажу,— покусывая губу, ответил Ту Хокс,— здешние войны малость не похожи на наши. Здесь нет конвенций об обращении с военнопленными, нет никаких правил ведения войны. Пленных здесь не берут — вернее, берут, но только для того, чтобы допросить и прикончить. А допрос означает пытки, сам знаешь. Тот, кому не повезло и кто оказался среди побежденных, заранее представляет свою участь и дерется до последнего. Когда войска отходят, они сами добивают своих раненых, не желая оставлять их в руках врага. По тем же причинам нападающая сторона никогда не рассчитывает на легкую победу. А что перкунианцы продвигаются так быстро... Ну, может, у них техника лучше и командование поумнее.

— И еще, наверно, их солдаты драться умеют,— не удержался О'Брайен.— Но как бы там ни было, меня интересует сейчас только одно: куда мы пойдем дальше. Эта дорога ведет на восток.

Ту Хокс признался наконец, что сам не знает толком, куда идти.

— Я думаю только, что в Тирсландию нужно попасть как можно раньше, до первых холодов. Когда начнется зима и выпадет снег, нам несдобровать.

О'Брайена передернуло.

— Ох, дружище, ну и мир свалился на нашу голову! Уж если нам было суждено влететь в какие-то там ворота, ну что стоило судьбе отправить нас в теплое и дружелюбное место, а?

Ту Хокс улыбнулся и молча кивнул в ответ. Что ж, может, и есть такие миры, но они угодили сюда...

Дорога, уводившая на восток, была обычной для далеких от города мест: вся в колдобинах и ухабах, покрытая непросыхающей грязью, она петляла среди унылых холмов. За очередным поворотом они увидели засевший в топкой грязи паромобиль. Трое мужчин суетились вокруг и, беспокойно переговариваясь, снова и снова пытались сдвинуть тяжелую машину. Приглядевшись, Ту Хокс тронул товарища за рукав:

— Видишь женщину за рычагами на месте водителя? Ту, что в платке? Спорю, это Илмика Хэскерл, хоть и выглядит она так, что не сразу узнаешь.

Он в нерешительности остановился и только когда ирландец стал горячо уверять, что эта встреча — перст судьбы и наверняка поможет им перебраться через границу, направился к возившимся у машины людям.

О'Брайен прав, рассудил Ту Хокс. Дочь посланника наверняка пользуется неприкосновенностью, и ей скорее всего даже помогут добраться до родины. А она должна быть заинтересована привезти с собой О'Брайена и самого Ту Хокса. Вряд ли блодландцы отказались от намерения заполучить их.

Уже не колеблясь, Ту Хокс подошел к машине. Недоумение, удивление, недоверие отразились в глазах девушки, когда она узнала его. Наконец Илмика радостно улыбнулась.

— Можем мы поехать с вами? — спросил он.

Илмика с готовностью кивнула.

— Такая неожиданность, даже не верится, что это на самом деле! Мы уж и не надеялись...

Не теряя больше времени, Ту Хокс и О'Брайен присоединились к мужчинам, выталкивавшим из грязи забуксовавшую машину.

Общими усилиями им удалось выкатить паромобиль на ровную дорогу, оба американца забрались на переднее сиденье, а служащие блодландского посольства в Эстокуа устроились сзади. Илмика, почти не снимая пальца с кнопки клаксона, вела машину так быстро, как только было возможно среди сплошной людской толчеи, каким-то чудом избегая почти неминуемых столкновений и съезжая порой на обочину, чтобы обогнуть очередную застрявшую в грязи машину.

По дороге Ту Хокс рассказал, как им удалось спастись. Она, разумеется, знала о гибели всех блодландских агентов, но пребывала в полной уверенности, что перкунианцы сумели увести чужаков с собой. В свою очередь она рассказала, как выжидала целых два дня, пока верные люди безуспешно искали Ту Хокса и О'Брайена. В конце концов ей пришлось бежать из обреченного города.

Они ехали весь день и всю ночь, все дальше и дальше на север, не сбавляя скорости и не останавливаясь ни на минуту. А утром следующего дня беспомощно застряли у поворота. Кончилось топливо. Снова и снова пытались они остановить хоть один армейский грузовик и выпросить центнер угля, но на них и не думали обращать

внимания... Оставалось попробовать топить котел дровами. Без конца останавливаясь, усталые и злые как черти, они протащились еще миль тридцать и встали окончательно: налетевший ливень превратил все вокруг в топкое болото, не оставив ни единой сухой ветки.

— Ничего не поделаешь, придется идти,— сказала Илмика.— Если бы только удалось переговорить хоть с каким-нибудь офицером, мне наверняка выделили бы другой транспорт...

Увы, это было слабым утешением. Стало ясно, что армия Хотинохсониха слишком занята собственными проблемами, и ей не до иностранцев с их заботами, даже если речь идет о юной и к тому же знатной даме. Убедиться в этом пришлось буквально через пару часов, прошагав первые четыре мили в колонне беженцев.

Из подступавшего почти вплотную к дороге леса внезапно выскочили с полсотни пехотинцев. Распихивая людей, они перебежали дорогу и сломя голову понеслись к полого спускавшимся на восток холмам. За солдатами, побросав свои повозки и узлы, ринулись беженцы. Захлестывая людей, волной покатилась паника. Дорога мгновенно обезлюдела, на ней остались лишь перевернутые повозки и растерзанный скарб.

Провизжал в воздухе снаряд и разорвался футах в сорока от дороги. В дымном облаке взлетели срезанные осколками ветки и комья земли. Ту Хокс ничком бросился в канаву, через секунду рядом с ним оказались и остальные. Еще несколько снарядов разорвалось на обочине и посреди дороги. Поднятые ураганом взрывов, закружились в воздухе обломки утвари, сорванные с осей колеса, горящие тряпки, на лежащих в канаве людей посыпалась перемешанная с мелкими камнями земля.

Постепенно разрывы стали удаляться, затем и вовсе прекратились. Уловив знакомый низкий гул приближающихся броневиков, Ту Хокс осторожно приподнял голову. Из-за близкой кромки леса медленно выползали пять тяжелых машин. Две из них были вооружены пушками, на башнях трех других можно было рассмотреть тонкие стволы, издали похожие на пулеметы. Ту Хокс знал, что автоматического оружия здесь еще не успели изобрести, но стволы выглядели слишком угрожающе, чтобы рисковать. Надо было уходить. Махнув рукой остальным, он помчался через пшеничное поле, стараясь как можно

скорей выбраться из зоны обстрела. Беглецы были еще на середине поля, когда броневики, смяв брошенные на дороге повозки, открыли огонь по убегающим солдатам и толпам устремившихся за ними людей. Частота выстрелов ошеломила Ту Хокса. Выходило, что перкунианцам все же каким-то образом удалось создать скорострельное оружие. Ни в одной из книг о нем не говорилось ни слова — значит, где-то шли секретные разработки и теперь их пустили в дело. Вот почему перкунианцы продвигаются так быстро...

Грохот обстрела затихал, удаляясь к востоку. Беглецы тем временем переправились через ручей и под прикрытием прибрежного ивняка повернули на север, к лесу. Они продолжали идти, пока сумерки не укрыли тропу, а после устроили привал, расположившись на почти сухом пятачке под кронами могучих деревьев. Пару дней спустя они наткнулись на четыре трупа, валявшихся на лесной дороге около совершенно исправного вездехода. В баке еще оставался бензин, так что им удалось проехать несколько десятков миль — но дальше опять пришлось пробираться пешком. Изматывающие переходы, длившиеся целую неделю, привели их наконец в приграничный район. Однажды утром, обшаривая в поисках съестного заброшенную ферму, они совершенно неожиданно столкнулись с уютно расположившимся на чердаке перкунианским дезертиром — гигантского роста детиной с гладкими черными волосами и плоским лицом.

Один из блодландцев, Элфред Хэррот, неплохо изъяснявшийся на перкунианском, не медля приступил к допросу. Великан принадлежал к одному из племен Кинуккинука, и звали его Куазинд. Он охотно признался, что как-то заспорил с офицером и, погорячившись, убил его. За такое полагался военно-полевой суд, приговор был предрешен, поэтому он счел за благо бежать и перебраться через границу в Итскапинтик. Узнав, что беглецы направляются туда же, Куазинд осторожно поинтересовался, не разрешат ли ему присоединиться к ним. Никто не возражал, и следующие два дня они шли по совершенно обезлюдевшим местам. Такое спокойствие царило кругом, что война казалась почти нереальной. Впервые за много дней не было нужды искать ночлега в надежно укрытых глухих местах, но однажды на рассвете безмятежный сон был прерван гулом приближающихся моторов.

Ту Хокс вскочил, скользнул, пригибаясь, в придорожные кусты и, разведя ветки, глянул туда, откуда доносился рокот. Проползли бронированные монстры и грузовики, тащившие за собой орудия. Колонна шла на юг. Все машины были выкрашены в темно-синий цвет, с красными полосами по бокам. На люках броневиков и дверцах машин красовался вздыбленный медведь.

— Это итскапинтикцы,— раздался рядом приглушенный голос Илмики.— Значит, свершилось. Они тоже решили вторгнуться в Хотинохсоних. Мы уже давно знали, что перкунианцы предлагают им союз, обещая за это весь север страны...

Ту Хокс с интересом рассматривал нескончаемый поток техники. За броневиками и артиллерией пошли машины с открытыми прицепами, забитыми пехотой, затем снова броневики. Лица сидящих солдат скрывали низко надвинутые круглые стальные каски.

Одна колонна сменяла другую, и беглецы не отваживались приближаться к дороге: по обочинам то и дело сновали патрули. Лишь поздно вечером, когда гул машин затих вдали, они рискнули снова выйти на тракт.

Рассвет застал беглецов недалеко от большой деревни. Обойдя ее стороной, они очутились на огромном поле, у дальнего края которого виднелся кособокий сарай с провалившейся крышей. Только проникнув в волглый полумрак заброшенного строения, люди почувствовали себя в относительной безопасности. День и правда прошел спокойно, но вечером, когда они собрались уже покинуть свое пристанище, навстречу им из травы беззвучно поднялись затянутые в темную форму солдаты.

Держа оружие наизготовку, они в мгновение ока окружили беглецов и, подталкивая их стволами, сбили в тесную кучку.

— Жандармерия Итскапинтика...— испуганно прошелестел чей-то голос над ухом Ту Хокса.

Дальнейшее было делом одной минуты: они стояли обезоруженные, с умело связанными за спиной руками. Маленький мальчуган, по всей вероятности, сын одного из местных крестьян, горделиво улыбаясь стоял рядом.

Низкорослый офицер, щеря в ухмылке кривые черные зубы, презрительно оглядел пленных и остановил свой взгляд на Илмике. Ухмылка стала еще шире. Развинченной походкой приблизившись к девушке вплотную, он схватил ее за подбородок, провел другой рукой по ее

спине и, прижимая к себе, толкнул в траву. Окруженным солдатами пленникам со скрученными руками оставалось только беспомощно смотреть на то, что должно было последовать за этим.

Стоявший рядом с Ту Хоксом мертвенно бледный О'Брайен внезапно со всхлипом втянул в себя воздух и ринулся вперед. Прежде чем офицер успел его заметить, ирландец подпрыгнул, вскинув колени к груди, и со всей силой, удесятеренной весом падающего тела, выбросил ноги вперед. Закричали солдаты, офицер, оторвавшись от Илмики, глянул через плечо, и в этот миг каблуки сапог О'Брайена врезались в его подбородок. Раздался хруст, словно от раздавливаемых в кулаке орехов, и жандарм, скатившись со своей жертвы, распластался на земле.

О'Брайен упал на спину, вся тяжесть пришлась на его связанные руки. Рыча от боли, он покатился по траве, пытаясь подняться. Удар прикладом пришелся чуть ниже затылка, и он снова упал ничком. Ударивший быстро приставил оружие к голове ирландца. Щелкнул выстрел, О'Брайен дернулся, выгнулся в мучительной судороге и затих.

Но и офицер был мертв. Отчаянный удар сержанта раздробил ему челюсть и сломал шею. Жандармы с яростными воплями накинулись на пленных и принялись избивать их прикладами. Ту Хокса сбили с ног, и тут же посыпались пинки сапогами под ребра и в пах. Еще один удар — и он потерял сознание. Выместив на беззащитных людях первый приступ злобы, жандармы собрались вокруг своего мертвого начальника, о чем-то визгливо споря. Избитые пленники ворочались на земле, двое лежали неподвижно, получившего удар в живот Хэррота рвало.

Сознание вернулось к Ту Хоксу быстро, но прошло еще немало времени, прежде чем в голове немного прояснилось. Голову раздирала боль, будто кто-то с тупым упорством вбивал ему в череп раскаленные гвозди, на избитом теле не осталось живого места.

Гораздо позже, вспоминая гибель О'Брайена, он понял, почему ирландец решился на поступок, означавший верную смерть. С того самого дня, когда сержант окончательно уверился, что все пути возвращения в родной мир для него закрыты, воля к жизни покинула его. Мучительная тоска по исчезнувшему миру, безысходность и полная невозможность хоть как-то изменить свою судьбу привели его к мысли уйти из навязанной неизвестно кем

действительности. И он сам призвал свою смерть. Никто из его спутников никогда не заподозрил бы, что мужественный и истинно рыцарский поступок О'Брайена был не чем иным, как самоубийством. Но Ту Хокс знал это.

Однако подвиг ирландца все же заставил жандармов забыть о девушке. После долгих споров они пинками подняли пленных и погнали их к только что подъехавшему грузовику. Все десять часов езды в открытом кузове их не кормили, не дали ни глотка воды. Было уже позднее утро, когда грузовик остановился на плацу какого-то военного лагеря. Под окрики и тычки пленных загнали в барак, выставив у запертых дверей охрану. Ближе к вечеру один из часовых притащил ведро с водой, несколько ломтей черствого хлеба и миску вонючего супа, в котором плавало несколько хрящей.

Пришла ночь, а с ней — комары, мучившие людей до рассвета, когда начались допросы. Офицер, говоривший на блодландском и языке Хотинохсониха, допрашивал пленных несколько часов подряд, не прерываясь ни на минуту. Многократно повторенный рассказ привел его в странное, близкое к панике состояние. Была вызвана охрана, Илмику увели; остальных отправили обратно в барак и снова заперли.

Ту Хокс спросил у Хэррота, что тот думает об их дальнейшей судьбе. Распухшие губы, не скрывающие обломков выбитых зубов, искривились. Ту Хоксу стоило немалого труда разобрать невнятный ответ:

— Если бы Итскапинтик оставался нейтральным, нам помогли бы и принесли всяческие извинения. Но теперь... Лучшее, на что мы можем рассчитывать,— жизнь в рабстве. Девушку, вероятно, отдадут старшему офицеру, а когда она поднадоест ему, то пойдет солдатам. Одни боги знают, что будет потом. Но она из благородного блодландского рода и наверняка при первой же возможности покончит с собой.

Ситуация была ясна, но Ту Хокс, сам не зная почему, чувствовал, что еще не все потеряно. Интуиция не обманула: через два дня его и Куазинда привели в комендатуру, где Ту Хокс увидел Илмику Хэскерл, допрашивавшего их итскапинтикского офицера и некоего перкунианца, облаченного в красно-белый мундир с золотыми эполетами, сплошь увешанный орденами. С Илмикой эти дни обращались неплохо — ей дали возможность помыться и одели в женское платье, однако она

казалась такой подавленной и отрешенной, что перкунианцу приходилось по нескольку раз повторять обращенные к ней вопросы.

Все это могло означать только одно: секретная служба Перкунии, получив информацию о захваченных беглецах, быстро сориентировалась и через правительственные каналы затребовала выдачи Ту Хокса.

Уже потом он узнал, почему вместе с ним оказались Илмика и Куазинд. У Илмики было множество родственников в весьма влиятельных кругах и благородных семействах Перкунии, а Куазинда по ошибке приняли за О'Брайена. Ошибка эта рано или поздно должна была открыться, но сейчас всех троих отправили в Комай, столицу Перкунии. Об остальных своих спутниках-блодландцах Ту Хокс никогда больше не слышал; скорее всего они так и сгинули где-то в клоаке какого-нибудь трудового лагеря.

Для себя самого он не ждал ничего хорошего и сильно сомневался, что ему понравится то, что преподнесет судьба в Комае, но все же почувствовал облегчение, когда граница Итскапинтика осталась позади.

Вагон, в котором их везли, был, по местным меркам, высшего класса. Ту Хоксу и Куазинду отвели целое купе; их прекрасно кормили, давали сколько угодно вина и пива, даже предоставили в единоличное распоряжение небольшую душевую. Возможность пользоваться давно забытыми благами цивилизации почти примирила с толстыми прутьями решеток на окнах вагона и вооруженными охранниками в тамбурах. Специально выделенный для сопровождения офицер, хилиархос (полковник, как прикинул Ту Хокс) по имени Вилкис, не отходил от них ни на шаг и дважды в день учил Ту Хокса азам перкунианского языка.

Илмика почти не выходила из своего купе. Изредка сталкиваясь с ним в коридоре, она избегала любых разговоров. Он поневоле стал свидетелем ее унижения, но замкнутость выражала не просто стыд перед человеком, видевшим ее позор,— скорее презрение к мужчине, не попытавшемуся защитить ее. Ту Хокс даже не пробовал оправдаться. Объяснять ей разницу в их понятиях о чести у него не было ни малейшего желания. В конце концов она сама видела, что случилось с О'Брайеном, да и ее собственные земляки, Хэррот и остальные, тоже не бросились ее спасать, подчинившись обстоятельствам. Разве

не так? — уговаривал он себя.— Что она думала о своих блодландцах?

Илмика молчала, отвечая на приветствия Ту Хокса коротким холодным кивком. В ответ он пожимал плечами да иногда улыбался. В сущности, ему было все равно. Судьба столкнула их ненадолго — и что с того? Между ними пропасть. Он не блодландец, не аристократ. Даже реши она полюбить его, это будет лишь мимолетной прихотью.

Ту Хокс усердно занимался языком, а в свободные часы с удовольствием просиживал у окна. Пейзажи Польши и Восточной Германии его мира вряд ли сильно отличались от тех, что сейчас медленно проплывали за окном. Жатва была уже закончена, поля перепаханы, и уныло-серая голая земля тянулась порой до самого горизонта. Вилкис не преминул с гордостью заметить, что в сельском хозяйстве Перкунии работает больше тракторов, чем в любой другой стране на свете.

Когда поезд остановился на станции городка Гервводж, в вагоне появился новый офицер. Худой и долговязый, с тонкогубым ртом, Вияутас щеголял темно-синей формой с серебряными эполетами и серебряной же кокардой в виде вепря на фуражке. Он оказался любезным и общительным собеседником, весьма неглупым и ироничным. Впрочем, его любезность и остроумие не смогли обмануть Ту Хокса: Вияутас явился провести предварительный допрос.

Ту Хокс сразу же решил рассказать про себя всё как есть. Начни он умалчивать или лгать, немедленно последуют пытки, молчанием он не спасет никого, у него нет обязательств перед этим миром и нет дела до его распрей. Молчать — погубить себя. Всего лишь случай бросил его сперва на сторону Блодландии и Хотинохсониха, чья контрразведка пытала и мучила его, а блодландцы — те просто обманули своих союзников, пытаясь заполучить американцев в свои руки. И было ясно как день, что методы допроса с пристрастием, если дело дойдет до того, и в Перкунии, и в Блодландии не слишком отличаются друг от друга. Единственное, что смущало его душу, так это мысль о предстоящей встрече с немцем. Необходимость работать на ту же нацию, на которую, быть может, уже усердно трудится пилот немецкого самолета, вызывала злость и чувство необъяснимого стыда, как будто он предавал и свою страну, и свой собственный мир.

Вот только... Вот только здесь не было ни Соединенных Штатов, ни Германии.

После получаса беседы Ту Хокс начал постепенно понимать истинный смысл вопросов, непринужденно задаваемых Вияутасом порой на самые отвлеченные темы и без всякой связи с предыдущим: он сравнивал показания. Перед офицером лежала толстая папка, время от времени он заглядывал в нее, умолкал на минуту и переводил разговор на другое. Без сомнения, он пользовался информацией, полученной от немца.

— Отчего вы решили,— попробовал проверить свои подозрения Ту Хокс,— что этот парень, не знаю, как его там зовут, говорит правду?

Вияутас озадаченно приподнял бровь, затем улыбнулся и протянул:

— А... так вы знаете о нем? Конечно же от блодландцев? Вообще-то его зовут Хорст Раске.

— Ну и что вы скажете о наших показаниях? Ведь они даны совершенно независимо друг от друга.

— Они в достаточной мере сходятся, чтобы убедить тех, кого нужно. Но ваши немыслимые предположения никак не укладываются у меня в голове. Допустим, существует вселенная, занимающая то же пространство, что и наша, но никак не пересекающаяся с ней. Допустим даже, что в обоих вариантах этой планеты может развиться одинаковый животный мир, включая человека. В конце концов, астрономические и геофизические предпосылки остаются одними и теми же. Но я никак не могу понять, каким образом существуют в обоих мирах почти одинаковые языки. Вы сознаете, насколько невероятно подобное совпадение? Я бы сказал, единица против многих миллиардов. И я еще должен поверить, что не только один, а многие языки на нашей Земле родственны тем, которые есть у вас! — Вияутас энергично мотнул головой.— Нет, нет и тысячу раз нет!

— Раске и мы прошли через какие-то "врата",— задумчиво сказал Ту Хокс,— наверное, эти "врата" не единственные. Кто знает, может, за сто или двести тысяч лет был не один случай связи наших миров. Могло случиться и так, что человек появился впервые не на вашей Земле, а пришел с моей: археологические находки подтверждают, что колыбель человечества была именно там, хотя и есть кое-какие сомнения.

— Еще около пятидесяти лет тому назад всякие рас-

суждения об эволюции человека были под запретом,— ответил Вияутас.— Даже сейчас теорию о том, что человек не создан богами и его история насчитывает более пяти тысяч лет, многие встречают без восторга.

Последние дни пути Ту Хокс почти все время проводил в обществе Вияутаса и, хотя был тем, кому надлежало лишь отвечать на вопросы, пытался спрашивать сам. Чем дальше, тем больше рассказывал Ту Хокс, и все поведение Вияутаса показывало, что перкунианский контрразведчик верит ему.

— Хотелось бы узнать,— не удержавшись, спросил однажды Ту Хокс,— что ваше правительство намерено сделать с нами?

— Поскольку вы готовы к сотрудничеству и располагаете весьма ценными знаниями, вам будет неплохо. Я думаю, мы сможем предложить вам наше подданство.

11

В Комай поезд прибыл поздно вечером. Города Ту Хокс почти не увидел: вместе с Илмикой и Куазиндом его усадили в закрытый автомобиль, который сопровождали несколько бронемашин.

Сквозь прорези окон Ту Хокс сумел разглядеть только узкие улицы, освещенные редкими газовыми фонарями, и высокие дома с башенками и ступенчатыми фасадами, чем-то смахивающие на уменьшенные в несколько раз средневековые замки.

Кортеж подкатил к центру и следовал теперь по широкому мощеному каменными плитами бульвару. По обеим сторонам его росли деревья, почти скрывавшие украшенные множеством колонн и скульптурами особняки. Возле одного из них автомобиль остановился, и вышедший навстречу человек предложил Илмике следовать за ним. Девушка быстро взглянула на Ту Хокса. Прочитав в ее взгляде тщательно скрываемый страх, он ободряюще улыбнулся. Большего он сделать не мог.

Автомобиль тронулся снова, и вскоре Ту Хокс вместе с Куазиндом вышли у другого, не менее роскошного дворца. Их провели по лестнице на второй этаж, и там, пройдя по коридору, устланному пышными коврами, они попали в элегантно обставленные апартаменты из четырех комнат. Однако провожатые дали понять, что за две-

рями — охрана, а железные прутья на окнах говорили сами за себя. Уже уходя, Вияутас задержался на пороге:

— Простите, Роджер. Уже поздно, но Раске очень хотел бы поговорить с вами еще сегодня. Я думаю, вам тоже любопытно познакомиться с, так сказать, товарищем по судьбе.

Буквально через несколько минут послышались голоса. Дверь распахнулась, вошел высокий, еще молодой человек, одетый в синюю с красным форму гвардейского офицера. Он снял отороченную мехом белого медведя фуражку, в свете лампы блеснули коротко подстриженные белокурые волосы. Вошедший улыбнулся, и улыбка отразилась веселыми огоньками в глубоких синих глазах, опушенных длинными темными ресницами. Это был один из самых красивых мужчин, которых Ту Хоксу приходилось видеть, однако во всем его облике было в избытке и той мужественности, что не позволяла назвать его красавчиком.

Офицер щелкнул каблуками и чуть склонив голову произнес глубоким баритоном:

— Лейтенант Хорст Раске, к вашим услугам.

Его английский был почти безупречен, лишь изредка едва уловимо проскальзывал жесткий акцент.

— Лейтенант Роджер Ту Хокс.

Ту Хокс представил Куазинда, однако Раске лишь холодно кивнул великану: он знал, что этот человек бесполезен и находится здесь только потому, что об этом просил Ту Хокс. Еще в поезде, разобравшись, что великан вовсе не О'Брайен, перкунианцы хотели сразу же вернуть его в лагерь, а если бы еще стало известно, что он из Кинуккинука, да к тому же дезертир, его моментально поставили бы к стенке. Но Ту Хокс сказал Вияутасу, что Куазинд якобы из Хотинохсониха и что он один из тех, кто помог ему бежать из психиатрической лечебницы. Это спасло великану жизнь. Пользуясь случаем, Ту Хокс заявил, что ему нужен слуга, и попросил оставить Куазинда при нем. Вияутас не возражал.

Ту Хокс послал Куазинда принести пива. Раске вальяжно расположился на внушительных размеров диване, рука его потянулась было к нагрудному карману мундира, но он тут же опустил ее на колено и улыбаясь сказал:

— Все никак не отвыкну искать сигареты. Увы, увы... Курение здесь вещь, о которой следует забыть. Но это ничтожная цена за мир, который может дать так много,

неизмеримо больше, чем родной. Поверьте, лейтенант, здесь мы будем великими людьми. Этот мир выложит за наши знания все. Абсолютно все!

Он испытующе взглянул на Ту Хокса, проверяя действие своих слов. Ту Хокс уселся в кресло напротив.

— Мне кажется, вы уже успели хорошо прижиться здесь и совсем освоились?

Хорст Раске расхохотался.

— Я не из тех, кто упускает удачу. На мое счастье, у меня есть кое-какие способности к языкам, так вот, здесь говорят: "Он не ждет, пока над ним прорастет трава". Это варварское изречение я сделал своим жизненным принципом.

Он взял с принесенного Куазиндом подноса кружку и, подняв ее, торжественно провозгласил, обращаясь к Ту Хоксу:

— За наш успех, друг мой! За двух землян в чужом, но многообещающем мире! За нашу долгую жизнь и удачу! За удачу, которой мы никогда не дождались бы там!

— Что ж, за это нельзя не выпить,— согласился американец.— И позвольте поздравить вас с вашей гениальной приспособляемостью. Другие от такого шока не оправились бы до конца жизни.

— Но и вы, кажется, чувствуете себя здесь совсем неплохо,— усмехнулся Раске.

— Я не слишком чувствителен. Ем что дают. Но это вовсе не значит, что я не ищу куска поаппетитней.

Раске подмигнул.

— Право, вы мне нравитесь! Вы из тех людей, какие мне всегда по вкусу, на это я и надеялся.

— Почему?

— Буду с вами откровенен. Я вовсе не так упоен собой, как может показаться на первый взгляд. Честно сказать, чувствую себя немного одиноким, правда, совсем немного. Понимаете, какая-то такая тоска по обществу человека с нашей старушки Земли.— Он пожал плечами, улыбаясь.— Не скрою, общество женщины мне было бы, конечно, приятнее, но нельзя же всегда и везде иметь все что хочешь. И кроме того...— Он поднес стакан к губам.— Кроме того, женского общества здесь у меня предостаточно. Самые лучшие, из высшего круга. Да что там! Ко мне проявляет интерес... я бы даже сказал, больше чем интерес, дочь правителя. А ее папаша, замечу, стоит перед дочуркой навытяжку...

— Стало быть, мое общество вам ни к чему,— подытожил Ту Хокс.— Но тогда что же заставило вас так меня разыскивать?

— Приятно, что вы не тугодум. Иначе от вас не было бы пользы. Да, вы мне нужны. Больше того, вы здесь исключительно благодаря тому, что я приложил руку к вашему освобождению. Один мой друг почти что главный в здешней тайной полиции, и он рассказал мне о двух пришельцах из другого мира, которые сидят в сумасшедшем доме. Я предложил похитить вас, и...

— Значит, это была именно ваша идея — пристрелить нас, если не удастся вытащить?

На лице Раске мелькнула растерянность, он отвел взгляд, но тут же овладел собой и с улыбкой подтвердил:

— Да, конечно. Я не мог допустить, чтобы вы передавали Хотинохсониху информацию, которая подняла бы этих дикарей на один технический уровень с Перкунией, моей второй родиной. Разве я не прав? Разве лейтенант Ту Хокс поступил бы на моем месте иначе?

— Н-ну...

— Оставьте, и вы бы так сделали. Но в конце концов вы живы. И должны быть хоть немного благодарны мне, что не гниете в трудовых лагерях Итскапинтика. Это я предложил правительству Перкунии потребовать вашей выдачи. Конечно, наличие при вас девицы облегчило задачу: она племянница герцога Торстейна, министра иностранных дел.

— А с ней что собираются делать? — поинтересовался Ту Хокс.

— Ей разъяснят, что перкунианское подданство ничем не хуже блодландского. Если малышка присягнет на верность Перкунии, жизнь ей обеспечена завидная — ее дядюшка просто стонет под тяжестью собственного богатства. Если же она вздумает капризничать, а именно этого и следует ожидать от упрямой британки, придется ей посидеть под арестом. Конечно, не в тюрьме! В каком-нибудь тихом, отдаленном замке. Природа, уют, слуги и все такое...

Ту Хокс небольшими глотками потягивал свое пиво и разглядывал немца. Немца? Раске уже позабыл войну в своем родном мире. Его интересовало теперь только то, что он мог получить здесь, и он был счастлив, что обладает тем, за что Перкуния готова выложить любую цену. Его рассуждения и действия, это Ту Хоксу при-

шлось признать, были логичны. Враги ли они здесь? Ведь и Германия, и Америка, и Россия с тем же успехом могли быть на какой-нибудь планете в самой удаленной галактике. Присяга, которую давали и он, и Раске, не стоила здесь ровным счетом ни цента; в том мире не осталось от них ничего, словно оба нашли свою смерть в бою над Плоешти...

Всё так, однако это вовсе не значило, что он полностью доверял Раске. Тот по натуре прагматик. Стоит ему прийти к выводу, что Ту Хокс больше не нужен, он не задумываясь уберет его с дороги. Но это печальное обстоятельство имело и оборотную сторону: Ту Хокс тоже может попытаться использовать Раске.

Немец тем временем продолжал оживленно рассказывать:

— Я могу оказать Перкунии неоценимую помощь, поскольку изучал самолетостроение и кое-что смыслю в химии и радиотехнике. В Германии, конечно, с моими знаниями пробиться было бы трудновато, но здесь... здесь всё иначе. А вы что изучали?

— Боюсь, моя специальность не принесет тут особой пользы,— осторожно заметил Ту Хокс.— Я лингвист, изучал индоевропейские языки. Правда, параллельно занимался математикой и физикой, поскольку с дипломом языковеда я мог только преподавать в университете. Для практической работы индоевропейские языки — материя слишком отвлеченная. Потом, уже на войне, стал радистом и пилотом. Ну и, естественно, разбираюсь в автомобилях: пока учился — подрабатывал в автомастерской.

— А знаете, не так уж и плохо,— заявил Раске.— Мне нужен кто-то, кто смог бы помочь мне разработать радиопереговорные системы для самолетов. Я уже готовлю чертежи истребителя, снабженного автоматическими пушками и радио. Вообще-то это не слишком похоже на современный самолет. Нечто вроде истребителей времен первой мировой войны. Но моя машина будет достаточно быстрой, чтобы догнать в небе любой вражеский дирижабль, а кроме того сгодится и для воздушной разведки и как штурмовик против наземных целей.

Ту Хокс ничуть не удивился, услышав, что в Перкунии нет современной авиации: для этого необходимы материалы, основанные на достаточно высоких технологиях. Конечно, Раске мог получить лучшие сорта стали и алюминий (еще неизвестный в этом мире), построить

необходимые для этого заводы и создать оборудование, но все это заняло бы массу времени, а правительство Перкунии жаждало получить чудо-оружие немедленно и использовать его сейчас, пока не закончилась война.

Соотнеся запросы и возможности, немец разработал самолет, устаревший и несовершенный по его понятиям, но способный сделать революцию в авиации этого мира.

Раске продолжал: он буквально завален работой, ему почти некогда спать, режим совсем не оставляет времени бывать в обществе и волочиться за дочерью правителя. Это еще счастье, что он вообще спит мало и наловчился, к тому же, работать одновременно над несколькими проектами. Но ему так нужен человек, способный избавить его от рутины, взять на себя исполнение отдельных задач и контроль за текущими делами. Да-да, именно такой человек, как Ту Хокс!

Он коснулся серебряного значка в виде двуглавого волка, красовавшегося на левой стороне мундира.

— У меня воинское звание, которое соответствует нашему званию полковника. Могу гарантировать вам чин майора, когда решится вопрос с вашим подданством. Такого решения приходится обычно ждать неделями и даже месяцами, но мы все устроим в два-три дня. В вашем положении это идеально. Тем более что Перкунии предопределено господствовать над Европой.

— Как Германии, а?

Раске улыбнулся.

— Я не фанатик и умею мыслить здраво,— возразил он.— Такую надпись я видел последний раз в сорок третьем намалеванной на стене. А здесь, вы же понимаете, все совсем по-другому. Америки нет вовсе, а Перкуния, если судить объективно, много сильнее Германии. Она и по площади больше, а по технологии и военной стратегии далеко обогнала все остальные страны. И благодаря нам оторвется от них еще больше. Но нужно многое сделать! Надо создавать современные установки для выплавки стали и получения алюминия, а это дело долгое. Нужно искать и разрабатывать месторождения бокситов, что-то придумать с транспортировкой. Наладить производство синтетической резины. Для всего нужны новые заводы и станки, все потребует громадного управленческого персонала, займет уйму людей. И всех их надо выучить. Задача грандиозная, но это задача для настоящего мужчины, если хотите — вызов. Справиться

с этой работой можно, и только представьте — плоха ли будет жизнь творцов такого технологического прорыва? Я спросил, но отвечать не трудитесь. Мы будем значительными, даже очень значительными людьми, Роджер! Вы будете влиятельнее и богаче, чем могли представить себе в самых смелых мечтах.— Раске встал и, подойдя к Ту Хоксу, положил ему руку на плечо.— Я не знаю ваших вкусов, не знаю, что вам по нраву, а что нет. Разберусь со временем... А пока давайте сотрудничать — сотрудничать в лучшем смысле слова. И не забывайте при этом, какое нам уготовано будущее!

У самой двери Раске обернулся:

— Теперь отдыхайте, Роджер. Утром вы сможете принять ванну, я распоряжусь об одежде и остальном. И... за работу! А если устанете, думайте о том, что принесет вам ваш труд. До завтра!

— До завтра,— отозвался Ту Хокс и, когда за гостем закрылась дверь, направился в спальню. Кровать выглядела как некий музейный экспонат, эдакое произведение искусства на четырех резных ножках, под шелковым балдахином. Он разделся, лег, утонув в мягких подушках, и натянул на себя одеяло. Надо признаться,— размышлял он,— предложение весьма и весьма заманчиво. Почему бы и нет? Что одна страна на Земле-2, что другая, ему все равно. Он никому и ничем не обязан. Даже те люди, которые были наиболее близки по крови, среди которых ему легче всего было бы найти себя, истязали его и заперли в доме умалишенных.

Дверь приоткрылась, и широкое темное лицо Куазинда просунулось в комнату. Он спросил, можно ли ему поговорить с господином. Ту Хокс похлопал по краю кровати, приглашая сесть рядом, но великан остался стоять.

— Я не мог понять языка, на котором вы говорили с Раске,— сказал он.— Будет ли мне позволено узнать, о чем шла речь?

— Перестань разговаривать как раб,— рассердился Ту Хокс.— Ты должен играть роль моего слуги, если хочешь остаться живым, но это вовсе не значит, что мы не можем разговаривать как нормальные люди, когда мы одни.— Ту Хокс основательно обшарил все помещение в поисках подслушивающих устройств и ничего не нашел, но нельзя было исключить, что разговоры все равно слушают чьи-то чуткие уши. Поэтому он сказал: — Давай,

Куазинд, садись-ка сюда, ближе ко мне, тогда мы сможем говорить тихо.

Тот повиновался, и Ту Хокс коротко рассказал, о чем беседовал с немцем. Куазинд долго молчал, задумчиво насупив мохнатые брови.

— То, что говорит этот человек,— правда,— сказал он наконец.— Вы сможете стать большим вождем. Но когда война закончится и вы больше не будете нужны, что тогда? Любой недруг станет искать повод подозревать вас, постарается лишить всех чинов.

— Конечно, если занимаешь высокое положение, всегда нужно думать, как обезопасить себя,— согласился Ту Хокс.— Но ведь ты хочешь сказать мне что-то еще? До сих пор ты никогда не говорил ничего такого, чего бы я уже не знал.

— Эти люди мечтают превратить всю Европу в Великую Перкунию,— торопливо зашептал Куазинд.— В один прекрасный день останется только один язык — перкунианский. Знамена других народов сожгут, а их историю предадут забвению. Наступят времена, когда каждый ребенок в Европе станет считать себя перкунианцем, а не ибером, расна, блодландцем или аххивиром, то есть не тем, кем он рожден!

— Ну и что? Быть может, это лучший выход. Не будет национальной вражды, не будет войн.

— Вы говорите как один из них!

— Я не один из них,— поморщился Ту Хокс.— Если говорить о целях, то они разумны. Но средства мне не по душе. Однако есть ли выбор? И разве те же блодландцы, например, хоть чуточку лучше? Будь такая возможность, неужели они отказались бы поживиться за счет Итскапинтика или Хотинохсониха? Разве не мечтает Блодландия о господстве над другими странами? Разве не надеется Аххевия возродить свою разрушенную империю?

Ноздри Куазинда дрогнули:

— Вы говорили мне о равноправии всех рас. Говорили, что черные и цветные люди в этой... этой Америке все еще чувствуют себя рабами, хотя рабства в вашем мире не существует уже давно. Говорили, что все порядочные люди помогают им бороться за одинаковые с другими права. Говорили...

— Оставь, ты же не за этим пришел! К чему тогда эта лекция по этике? — прервал его Ту Хокс.— Ты хо-

дишь кругами, потому что не уверен, можно ли мне довериться. Я прав?

— Вы видите меня насквозь и читаете в моей душе все, что записано там...

— Ну я бы не сказал. Но ставлю сотню против одного, что кто-то заговаривал с тобой о побеге. Не иначе это был блодландский агент?

Куазинд кивнул:

— Я вынужден довериться вам. Не сделаю этого — выхода не будет. Нужны вы, а не я.

Ту Хокс в задумчивости посмотрел на великана.

— Если я отвечу, что хочу остаться и работать на Перкунию,— наконец заговорил он,— ты ведь убьешь меня. Или я не прав? Блодландцам я нужен живой, но если они не смогут заполучить меня, то попытаются сделать все, чтобы я не достался и врагу. Это так?

— Не хочу врать,— ответил Куазинд, чувствовавший себя все неуютнее под пристальным взглядом Ту Хокса.— Вы мой друг, вы спасли мне жизнь. Но во имя своей родины я мог бы задушить вас вот этими руками. А потом постарался бы убить столько перкунианцев, сколько бы смог, прежде чем они убьют меня.

— Понятно. Короче, что ты собираешься делать?

— Меня известят, когда настанет подходящий момент. А пока вы должны начать работать на врага.

Куазинд поднялся и вышел, тихо прикрыв дверь. А Ту Хокс еще долго лежал в своей царской постели без сна, размышляя обо всем, вспоминая недавний разговор с Хорстом Раске. Немец был уверен, что уже держит мир в своих руках. Но раз блодландцы решили похитить или убить Ту Хокса, если он будет работать на Перкунию, то они должны иметь какой-то план, чтобы убрать Раске. Только смерть обоих может помешать Перкунии овладеть теми оружием и технологией, которые разрабатывает немец.

12

Изматывающая работа навалилась уже с первого дня. Каждое утро по три часа без передышки Ту Хокс занимался изучением языка. После занятий начиналась работа в бюро, длившаяся до полуночи, а то и дольше. Бюро находилось в офисе большого завода где-то на

окраине Комая, и Ту Хокса привозили туда на бронированной машине, выделенной специально для него. Время от времени машину провожал эскорт из двух армейских броневиков. Ту Хокс понимал, что власти опасаются не столько его бегства, сколько возможных покушений.

Раске поручил ему разработать синхронизатор стрельбы из автоматических пушек со скоростью вращения пропеллера. Основной принцип был Ту Хоксу известен, но чертежи и расчеты удалось закончить лишь на четвертый день. Вслед за этим ему пришлось выступить в роли консультанта группы, которая занималась разработкой реактивных снарядов типа воздух-земля, и на это ушла вся следующая неделя. Затем, не дав и передохнуть, его направили в отдел внедрения конвейерной сборки для массового производства самолетов.

Впрочем, Ту Хокс не успел даже обговорить первый рабочий план с инженерами и техниками, как Раске снова вызвал его к себе.

— Вы, Роджер, достойны более интересной работы,— без предисловий заявил немец.— Надо обучить пилотов, ядро новой перкунианской авиации. Как вам понравится роль отца-основателя новых военно-воздушных сил Перкунии?

Раске как всегда был полон энтузиазма, так и сиял довольством. Ту Хокс прекрасно сознавал, что немец не колеблясь прикажет расстрелять его, едва заподозрив в предательстве, однако ничего не мог с собой поделать: Раске был ему симпатичен. И это во многом облегчало работу с ним и для него.

Быстро промелькнули три недели. Пришла осень, а с ней — первые приметы надвигающейся зимы. У Ту Хокса совсем не оставалось времени на беседы с Куазиндом, да и не хотел он признаваться, что в последние дни почти и думать забыл о побеге. Совершенно неожиданно для самого себя он увлекся обучением пилотов. К этому моменту были уже почти готовы первые двухместные машины. На каждом из самолетов был установлен двенадцатицилиндровый звездообразный двигатель с водяным охлаждением, самолеты имели дублированную систему управления, дальность полета двести миль и могли развивать скорость до сотни миль в час.

Конечно, Раске был способен сконструировать и лучшую машину, имей он в своем распоряжении больше времени и подходящее сырье. Но алюминия здесь не

знали вообще, а лучшие марки стали нельзя было даже сравнивать с теми, что имелись на Земле-1 еще в 1918 году. Авиабензин тоже был плох, со слишком низким октановым числом, что сильно ограничивало скорость и дальность полетов. Однако при всех недостатках самолет как нельзя лучше отвечал требованиям перкунианского командования, желавшего иметь самолет-разведчик, штурмовик, бомбардировщик и истребитель одновременно. Машина Раске намного превосходила все другие в скорости и маневренности.

В день, когда Раске назначил летные испытания первой машины, на аэродром в окружении генералитета явился собственной персоной правитель Перкунии.

Перкунианский монарх, шествовавший впереди своей почтительной свиты, оказался крупным широкоплечим человеком лет пятидесяти с густой окладистой бородой и небрежными, немного замедленными движениями. В дни последней войны с Блодландией, которая шла на территории Европы, он лишился правой руки: один из блодландских офицеров, защищавших укрепленные позиции, в рукопашном бою отрубил тогда еще совсем молодому правителю руку саблей. Пришедшие в бешенство перкунианские солдаты с удвоенной яростью ринулись в сражение, выбили защитников с их позиций и устроили кровавую резню, не пощадив никого. Офицер, изувечивший владыку, был пленен, опознан и четвертован.

Когда высокие гости расселись на приготовленных для них трибунах, из ангара появился Раске. Забравшись в кабину, он запустил мотор. По рядам прокатился восхищенный шепот: высшее командование ни разу не видело электрического стартера и даже не слышало о таком; все машины с двигателями внутреннего сгорания запускались вручную, с помощью рукоятки. А для запуска самолетных моторов все еще использовались примитивные вспомогательные устройства. Выкрашенный серебристой краской самолет разбежался, взлетел, быстро забравшись на более чем километровую высоту, резво вошел в пике, заставив гостей втянуть головы в плечи, снова взмыл вверх, выполнил несколько фигур высшего пилотажа и пошел на посадку. Ту Хокс вздрогнул, когда обтянутые, за неимением резины, гуттаперчей колеса коснулись земли, однако шасси выдержало, самолет прокатился по взлетной полосе, вырулил к трибунам и замер. Пока окружившие Раске гости восхищались и выкрикивали поздравления,

Роджер подошел к самолету и осмотрел шасси. Спицы слегка погнуты — еще несколько посадок, и колеса придется менять. До изготовления синтетического каучука Перкуния дозреет года через два, если не позже. Химики упорно экспериментировали, консультируясь с Раске, однако у немца были самые смутные представления о получении неопрена из хлоропрена.

Всю следующую неделю Раске и Ту Хокс совершали вылеты, по очереди испытывая готовые образцы: пристреливали пулеметы, проверяли автоматические пушки и бомбили бутафорские наземные цели. Вскоре Ту Хокс заметил, что во время его вылетов баки заполняются только на четверть: Раске побеспокоился избавить коллегу от искушения перелететь границу, проходившую по северному побережью в какой-нибудь сотне миль от аэродрома.

Авиационный завод работал на износ, в три смены, однако массовое производство могло начаться не раньше чем через месяц. Все дни с утра до позднего вечера Раске и Ту Хокс проводили в воздухе, обучая пилотов. Когда первые десять курсантов набрались хоть какого-то опыта, их тотчас назначили инструкторами. Но пришел день, когда случилось то, что рано или поздно должно было случиться. Одна машина не смогла выйти из штопора, инструктор и курсант погибли. Другой самолет не оторвался вовремя от земли, проскочил полосу, перевернулся и врезался в окружавшие аэродром заграждения. Пилот отделался ушибами, но машина полностью вышла из строя. Раске рвал и метал:

— У нас осталось только две машины, а если учесть время ремонта и замены колес, то в воздухе может находиться лишь одна!

Однажды вечером, когда Ту Хокс занялся чертежами дозаправочного бака, который можно было бы сбрасывать в полете после использования, к нему в бюро заглянул Куазинд, остававшийся обычно в коридоре на случай, если потребуются его услуги.

— Послезавтра,— сказал он.— Блодландский агент говорит, нам пора готовиться.

— И как это будет выглядеть?

— Ночью ехать, днем где-нибудь прятаться. На берегу будет ждать лодка, которая отвезет нас в Тирсландию. Оттуда нас доставят в Блодландию на дирижабле.

— Рискованная затея,— хмыкнул Ту Хокс.— Тут надо хорошо подумать. Мы еще поговорим об этом.

Возвращаясь в ангар после второго полета с курсантом, Ту Хокс неожиданно столкнулся с Раске. Тот весело приветствовал его. На лице немца блуждала странная улыбка, и Ту Хокса невольно кольнула мысль: уж не дознались ли о связях Куазинда с иностранными агентами? Он быстро огляделся — нет, все вроде бы как обычно. В глубине ангара рабочие занимались сборкой двух новых самолетов, невдалеке курсанты внимательно слушали молодого инструктора, а немногочисленные солдаты были обычными охранниками.

Раске остановился рядом.

— Вы мне как-то намекали, что вам нравится эта девушка, Илмика. Хотите ее?

— Как вас понимать? — изумился Ту Хокс.

— Так вы ничего не знаете?

Ту Хокс покачал головой.

— Она впала в немилость. Правитель лично предложил ей свободу, если она перестанет упрямиться и примет перкунианское подданство. Но эта идиотка оскорбила его и вообще повела себя довольно-таки истерично. Можете себе представить? Просто чудо, что ее не прикончили на месте. Пока правитель ограничился тем, что отправил ее в тюрьму.— Раске ухмыльнулся.— Припоминаю, девчонка вроде бы нравится вам, но вы так и не смогли ее добиться. Так вот, мой друг, чтобы показать, сколь высоко я вас ценю и как забочусь о своих людях, я устроил так, чтобы жажда вашего сердца была утолена. Сегодня утром я переговорил с правителем, и ему чрезвычайно понравилась моя идея. Он полагает, что таким образом девушка будет примерно наказана, чего и заслуживает. А вам от этого — одно удовольствие. Знаете, дорогой мой, я вам почти завидую!

— Это что, шутка? — осторожно поинтересовался Ту Хокс.

Раске хохотнул.

— Благородная Илмика, старшая племянница министра, родственница королей, герцогов и уж не знаю кого там еще, будет вашей! Вашей рабыней! Можете делать с ней все что заблагорассудится. Я... Да что это с вами? Вы не рады?

— Ошеломлен. Так, пожалуй, точнее,— ответил Ту Хокс.— Только... что станет с ней, если я откажусь?

— Откажетесь? Да вы в своем уме? Но если вы действительно такой ненормальный... тогда я не знаю. Мо-

жет, оставят гнить в одиночке. Или отправят в солдатский бордель. Кого это заботит?

Будущее Илмики не должно было бы заботить и Ту Хокса. Однако для себя он уже решил: он примет Илмику, пусть пока как рабыню. Это единственная возможность спасти ее. Он сказал:

— Порядок. Присылайте ее ко мне.

Раске похлопал его по плечу и подмигнул:

— Не забудьте рассказать, как пройдет премьера. Ладно?

Ту Хокс заставил себя улыбнуться в ответ:

— Дайте срок...

Посерьезнев, немец объявил, что девчонка девчонкой, а работа ждать не станет. Ту Хокс должен заняться инструктажем курсантов, а самому Раске предстоит конференция, которую проводит военный министр.

— Болван из болванов, к тому же упрямый,— плевался Раске.— Я принес ему модель автомата, представляете — пехотного автомата! Это же победа! Скорострельность в десять раз выше, чем прежде. И что, вы думаете, заявляет мне этот осел? Ему, видите ли, такие выдумки не подходят! Он, видите ли, считает, что солдаты не станут экономить патроны — вместо того, чтобы тщательно целиться, начнут палить куда попало. Он, дескать, не позволит зря расходовать боеприпасы! Но и это еще не всё. Оказывается, хоть сколько-нибудь совершенным оружием имеют право пользоваться только офицеры. Простым солдатам доверяют его лишь в самых исключительных случаях. Оказывается, в тридцатые годы случился бунт, и несколько пехотных полков примкнули к черни. Бунт давно подавлен и забыт, но с тех пор аристократия опасается доверять солдатам серьезное оружие. Каково, а?!

Ту Хокс провел занятия в летной школе и, поскольку еще оставалось время, решил поработать над системой отделения дозаправочного бака, изготавливаемого по его чертежам. К бакам должно было привариваться крепление для подвески под крыльями, снабженное патроном для отстрела. Два первых бака уже изготовили и установили на самолете, все шланги были на месте и даже подсоединены к бензонасосу. Для перекачки бензина в основные емкости были установлены два дополнительных

клапана, управляющихся из кабины пилота. Бензин из основных баков был слит, но, по небрежности техников, не до конца. Забравшись в кабину, Ту Хокс запустил мотор и, дав ему поработать несколько минут, открыл клапаны, соединявшие основные баки со шлангами дозаправочных. После переключения мотор продолжал работать без единого сбоя.

Было уже около полуночи. Ту Хокс приказал отсоединить шланги и снять баки с самолета, затем направился к автомобилю, который повез его в Комай.

Куазинд, как обычно сидевший рядом, шепотом сообщил, что агент объявился снова и назвал окончательный срок побега — понедельник следующей недели. Ту Хокс не захотел даже слушать.

— Скажи ему, у меня есть другой план. Нет, пусть лучше придет сам, нам надо бы поговорить.

Куазинд запротестовал, уверяя, что агент откажется, что с Ту Хоксом слишком опасно устанавливать прямой контакт.

— Тогда передай: если он не придет, пусть вообще забудет об этом деле.

Вернувшись в свою квартиру, они увидели двух солдат охраны и Илмику Хэскерл. Она сидела, напряженно выпрямившись, сжав руки на коленях. Несмотря на все старания сохранить достоинство, девушка выглядела подавленной. На ней была бесформенная кофта и широкая юбка из самой дешевой материи. При виде входящего Ту Хокса глаза ее широко раскрылись. Наверное, она даже не представляла, какая судьба ей предназначена.

Ту Хокс отослал солдат.

— Зачем я здесь? — спросила Илмика.

Без обиняков и не особенно выбирая слова, Роджер объяснил ей ситуацию. Девушка восприняла новость без истерик.

— Вы, вероятно, устали и голодны,— сказал он.— Куазинд, приготовь что-нибудь.

— И... потом? — спросила девушка.

Усмехаясь, он пристально разглядывал ее, пока она не залилась краской.

— Совсем не то, что вы думаете,— произнес он наконец.— Мне не нужна женщина, которая не хочет меня, и я ни к чему не стану вас принуждать. Спите в комнатке поварихи, благо по вечерам она уходит домой. По мне так можете запирать дверь изнутри.

Внезапно губы ее задрожали, по щекам потекли слезы. Она встала и, громко всхлипывая, разрыдалась. Мягко обняв ее за плечи, он прижал лицо девушки к своей груди. Еще с минуту она безудержно рыдала, затем отстранилась от него. Он протянул ей свой носовой платок. Илмика еще вытирала заплаканные глаза и нос, когда вошел Куазинд и сообщил, что приготовил в кухне поесть. Илмика безмолвно последовала за ним.

Вернувшись, великан откашлялся, явно собираясь что-то сказать, но Ту Хокс перебил:

— Я поговорю с ней перед сном. Должна же она знать, что происходит.

— Почему вы делаете для нее все это?

— Ну, может быть, я влюблен. А может, это просто приступ безнадежного рыцарства. Не знаю. Мне ясно одно: я не могу позволить сгноить ее в тюрьме или в солдатском борделе.

Куазинд только пожал плечами, всем своим видом выражая полное непонимание. Но раз таково было желание Ту Хокса, он примирился с ним.

Бросившись ничком на постель, Ту Хокс задумался. Появление девушки меняло все. До сих пор он гнал от себя мысли о побеге, в лучшем случае соглашался скрепя сердце. Но теперь бегство представилось ему вынужденной необходимостью. Наконец он встал и только вышел из спальни, как заметил в холле незнакомца, с жаром убеждавшего в чем-то стоявшего у полуоткрытой двери Куазинда. Незнакомец был одет в серую куртку лакея и держал в руках свежевыглаженные простыни. Его имя, настоящее имя, как позже узнал Ту Хокс, было Рульф Эндерссон.

Кивком Ту Хокс предложил обоим войти в спальню. В то время как Эндерссон перестилал постель, а Куазинд стоял на страже у двери, Ту Хокс спросил:

— Что сказало бы правительство Блодландии, получив новехонький самолет, который сэкономит ей многие месяцы и лишит перкунианцев превосходства в воздухе?

— Даже не могу представить.— Голос Эндерссона прозвучал хрипло.— Это фантастика...

— Вы можете связаться с вашими людьми в Тирсландии? — И американец коротко обрисовал свой новый план.

— Да. Но чтобы подготовить всё, как вы хотите, потребуется несколько дней.

— Исключено,— твердо заявил Ту Хокс.— Если сам Раске не обратит внимания на мое маленькое усовершенствование, позаботятся рассказать другие. И Раске не придется долго гадать, что я задумал. Нет, мы должны действовать быстро, не позже, чем послезавтра. Это крайний срок.

— Хорошо. Мы попытаемся. Я скоро свяжусь с Куазиндом...

Ту Хокс еще раз повторил основные пункты своего плана и убедился, что Эндерссон понял его правильно. Затем агент исчез. Ту Хокс подошел к каморке Илмики, подергал ручку — дверь была заперта.

— Куазинд, завтра ты останешься здесь. Надо показать ей, что такое рабство. Заставь ее хорошенько поработать: готовить, убирать, вытирать пыль,— ну сам знаешь...

Сон был недолог. Рано утром Ту Хокс снова отправился на аэродром. Работы было по горло, приходилось замещать Раске, отправившегося на совещание верховного командования. Впрочем, это было Ту Хоксу только на руку. Он приказал внести еще кое-какие изменения в систему дозаправочных баков, а когда это было исполнено, поднялся на машине в воздух.

Система работала отлично. У посадочной полосы Ту Хокса ожидал офицер, отвечавший за сборку двух новых самолетов, и доложил, что монтаж практически закончен, но баков для горючего нет.

— Необходимо,— отчеканил он,— демонтировать дозаправочные со старой машины, отсоединить шланги, снять подвесные приспособления и использовать баки в качестве основных на новых машинах.

— Очень хорошо,— кивнул Ту Хокс,— сделаете это завтра.

— У меня приказ Раске подготовить новые машины к полетам как можно скорее. Ночная смена как раз успеет переставить баки на одну из них.

Ту Хокс изобразил возмущение.

— Я хочу, чтобы Раске видел мои баки в действии. Они увеличат радиус полета на сотню миль. А это намного важней, чем день задержки с испытаниями новых самолетов. Все должно остаться как есть.

— Но это означает простой! Раске отдаст меня под трибунал за опоздание!

— Всю ответственность я беру на себя,— решительно заявил Ту Хокс.— Вы и вся ночная смена можете быть

свободны, считайте это просто выходным. Вы и так работаете сверх нормы. Я подпишу разрешение.

Офицер, явно продолжая терзаться сомнениями, пожал плечами и направился к ангару. Ту Хокс задумчиво смотрел ему вслед. Не исключено, что тот захочет получить подтверждение приказа от самого Раске, и уж кто-кто, а немец в момент поймет, что происходит.

— Мне кажется, вы боитесь осложнений,— сказал Ту Хокс.— Поэтому лучше позвоните Раске. Если он прикажет продолжать работы, так и делайте. Как бы то ни было, ваши сомнения разрешатся.

Казалось, офицеру как-то сразу полегчало. Он поспешил в контору, но минут десять спустя вернулся; на лице его читалось разочарование.

— Он на совещании и очень занят. Но велел передать, что я должен обращаться к вам, если возникнут какие-либо проблемы.

— Ну вот, видите, вся ответственность на мне.— Ту Хокс перевел дух. Игра, похоже, шла в его пользу.

Куазинд встретил его у дверей квартиры.

— Эндерссон уведомил агентов в Тирсландии. Люди на побережье будут в готовности. Но его крайне волнует погода. Там сейчас шторм, а пока не утихнет ветер, самолет встретить не смогут.

— Тогда машину придется бросить и воспользоваться лодкой. Где Илмика?

— В своей комнате. Спит. Я рассказал ей все.

Кивнув Куазинду, Ту Хокс тоже отправился в спальню. Заснул он моментально и проспал, как ему показалось, не более минуты, как его разбудил Куазинд.

— Уже пора вставать?

— Нет,— буркнул великан.— Вас требуют к телефону. Раске.

— Прямо сейчас? — Ту Хокс взглянул на часы, стоявшие на столике. Было два часа пополуночи. Выбравшись из постели, он сонно добрел до аппарата. В трубке шипело и щелкало, голос Раске звучал неясно. Телефонная связь в Перкунии оставляла желать лучшего.

— Раске?

— Ту Хокс! — Мембрана злобно взвизгнула.— Что это за фокусы? Думали, я не узнаю? Я считал вас умнее, друг мой!

— Откуда вы звоните? — перебил Ту Хокс.

Раске был взбешен. Случилось то, чего Ту Хокс и опасался. Дежурный офицер решил-таки подстраховаться и попытался еще раз связаться с Раске. Вторая попытка удалась, и стоило немцу узнать о дозаправочных баках, как намерения Ту Хокса стали ясны как день.

— Забудем об этом,— продолжал Раске уже спокойнее.— Вы мне симпатичны. И кроме того, вы мне нужны. Я не дам хода делу, но буду вынужден ограничить вашу свободу. Теперь все ваши планы согласовывайте со мной. А я приму меры, чтобы в любой час дня и ночи знать, чем вы заняты и где находитесь.

Раске умолк, как бы ожидая возражений, но Ту Хокс молчал. Когда немец заговорил опять, в голосе его звучало искреннее огорчение.

— Почему вы хотите сбежать? Разве вам здесь плохо? Вас высоко ценят, а Блодландия не сможет предложить вам ничего. Между прочим, она сама сейчас в весьма щекотливом положении — не позже чем через год эта страна будет оккупирована.

— Мне просто не очень-то подходят перкунианцы,— ответил Ту Хокс.— Слишком уж они смахивают на немцев.

Раске фыркнул, помолчал секунду и обронил:

— Еще один такой фокус, и вас поставят к стенке. Вы меня поняли?

— Естественно,— подтвердил Ту Хокс.— Еще что? Я спать хочу...

Неожиданно Раске расхохотался.

— Ну и хладнокровный же вы дьявол! Но мне это нравится. Даже очень. Ладно, выезжайте в шесть утра. Доло́жите о своем прибытии коменданту аэродрома. Вашему слуге, как его... Куазинду, впредь запрещено без особого разрешения покидать квартиру. Охрана получит соответствующие указания. И вот еще что: не будете вести себя как надо, распрощаетесь с вашей блондиночкой. Дошло?

— Дошло,— сказал Ту Хокс и повесил трубку.

13

Ту Хокс повернулся к Куазинду, невозмутимо стоявшему рядом:

— Он все разнюхал. Нужно действовать немедленно.

Уйти через парадный подъезд не получится, надо искать другую дорогу.

На лице Куазинда изобразилась работа мысли, он молча огляделся вокруг.

— Попытаемся через окно, приятель,— продолжал Ту Хокс.— Иди в мою спальню и пощупай на прочность решетку. А я пока разбужу девушку.

Через пять минут он вернулся вместе с Илмикой. Один прут был уже выдран из стены. Ту Хокс и девушка уставились на Куазинда с почтительным восхищением. Великан уперся ногами в стену чуть пониже окна и схватился руками за второй железный, толщиной с человеческий палец, прут. Спина его выгнулась подобно натянутому луку, каждый мускул, казалось, дрожал от нечеловеческого напряжения. Одна минута, другая, и кирпичи стены, уступая напору медленно прогибавшегося стержня, хрустнули, покрылись змейками трещин. Посыпалась штукатурка. Внезапно прут со скрежетом вылетел, потерявший опору Куазинд опрокинулся на ковер, но тут же вскочил с довольной ухмылкой.

— Готово, теперь вроде можно пролезть.

В молчании они разорвали простыни и, связав полосы узлами, выбросили один конец за окно. Ту Хокс внимательно оглядел лужайку перед домом и улицу. Вокруг не было ни души. Не теряя времени, он затянул узлом конец импровизированной лестницы на одном из оставшихся прутьев, вылез на подоконник, затем, схватившись одной рукой за жгут, немного спустился вниз, проверяя его надежность, и заскользил к земле. Уже стоя внизу он еще раз осмотрелся. Все было тихо. Спустилась Илмика и наконец, с трудом протиснувшись между прутьями, Куазинд.

Ту Хокс повел своих спутников вниз по улице, стараясь держаться самой густой тени. Он искал какую-нибудь машину, но пришлось пройти не меньше трех кварталов, прежде чем удача улыбнулась им: у темного особняка стоял припаркованный на ночь громоздкий и угловатый лимузин. Выломать замок на двери было для Куазинда делом одной минуты. Затем все трое дружно налегли сзади, толкая автомобиль под уклон. Только в самом конце улицы Ту Хокс решился занять место водителя; Куазинд завел двигатель и прыгнул на заднее сиденье, где уже примостилась Илмика. С тихим рокотом автомобиль тронулся, набирая скорость.

Не зажигая фар, Ту Хокс правил к аэродрому по давно знакомой ему дороге. В этот предутренний час улицы были пусты, темные громады домов мелькали, уходя назад, отступая,— город оставался позади. Проскочив предместья, они выехали на шоссе, ведущее к аэродрому. Ту Хокс извлек из кармана два револьвера и протянул их Илмике и Куазинду, а свой служебный револьвер положил рядом.

Аэродром был огражден колючей проволокой и охранялся по ночам вооруженными патрулями с собаками. Вход был лишь один — главные ворота. Либо блефовать, либо пробиться силой — ничего другого не остается, думал Ту Хокс, притормаживая рядом с поднявшим руку охранником. Солдат медленно приблизился к автомобилю, в то время как другой, державший на сворке пса, настороженно застыл у ворот.

— Майор Ту Хокс с сопровождающими.— Голос Ту Хокса прозвучал спокойно и немного надменно. Заметив офицерские нашивки, солдат поспешно отдал честь, но тут же засомневался:

— А где ваша личная охрана, господин?

— Меня вызвали для срочного ремонта вне служебного времени,— невозмутимо продолжал лгать Ту Хокс.— Личная охрана осталась у меня дома. Но на всякий случай я взял с собой своего слугу.

Солдат снова отдал честь и махнул рукой своему товарищу. Заскрипели ворота, машина въехала на территорию аэродрома. Ту Хокс перевел дух, вытер рукавом пот со лба и, не выбирая пути, погнал автомобиль через заросшую бурьяном и пожухлой травой защитную полосу к широко раскрытым воротам ангара. Внутри ангар был ярко освещен, и беглецы быстрым шагом направились прямо к самолету с крупными буквами на борту "Раскe-II". Техники, копошившиеся в глубине ангара у двух новых самолетов, не обратили на них никакого внимания; только лейтенант, руководивший ночной сменой, недоуменно взглянул на прибывших и направился им навстречу.

Ту Хокс тихо выругался, увидев, что дозаправочные баки все же сняты и шланги отсоединены. Делать было нечего — он кивнул спутникам, показывая на заднюю кабину. Илмика и Куазинд быстро забрались внутрь. Ту Хокс уже открывал колпак, чтобы сесть к штурвалу, когда его окликнул подошедший офицер. Нервно теребя

кобуру, он потребовал объяснить, в чем дело и что им здесь надо.

Ту Хокс забормотал что-то о срочных испытаниях, о безотлагательном задании, но лейтенант, видимо, уже заподозрил неладное и, заявив, что полеты в ночное время категорически запрещены, приказал немедленно покинуть машину. Ту Хокс выстрелил в упор.

Надев летный шлем, он включил приборы. К счастью, основные баки были полны. Рука нажала на стартер, и низкий вибрирующий звук сменился пронзительным визгом, когда медленно вращавшийся деревянный пропеллер получил импульс от заработавшего мотора.

Испуганные выстрелом люди, работавшие у других машин, бросились врассыпную, бестолково засуетились, явно не понимая, что происходит. Но времени оставалось в обрез — с минуты на минуту из казарм могли примчаться солдаты, наверняка разбуженные шумом.

"Раске-II" выкатился из ангара и, мягко пружиня на выбоинах, устремился к взлетной полосе. Ту Хокс бросил быстрый взгляд на казармы, еще несколько минут назад погруженные в сон. Теперь за вспыхнувшими окнами мелькали тени, то и дело хлопали двери и, громко перекликаясь, выбегали полуодетые солдаты. Некоторые не целясь палили в темноту.

Частые взлеты и посадки сделали свое дело: Ту Хокс знал аэродром как свои пять пальцев. В нужный момент он вслепую развернул машину, выводя ее с рулежки на взлетную полосу, и дал полный газ. Самолет рванулся вперед, набирая скорость. Сориентировавшись по ангару, он потянул штурвал на себя — машина оторвалась от земли, уходя в черное беззвездное небо. Ту Хокс глубоко вздохнул и на секунду прикрыл глаза; теперь оставалось только лететь на север до тех пор, пока рассвет не позволит уточнить курс.

Занялся новый день, над холмистым горизонтом показалось бледное солнце, и чем выше поднималось оно, тем ниже падал барометр настроения Ту Хокса: горючее убывало куда быстрее, чем он ожидал; к тому же он не был уверен, что преждевременное бегство не помешает заранее условленной промежуточной посадке возле какого-то заброшенного хутора. Кто знает, может, блодландские агенты не успели запасти бензин для заправки, может, они вообще еще не добрались до места. Или того хуже, угодили в руки перкунианцев — тогда в ус-

ловленном месте машину будет ожидать контрразведка Перкунии.

Когда он разглядел впереди очертания южного берега озера Раумай, стрелка горючего стояла почти на нуле. Это означало, что в баках оставалось не больше десяти литров. Не очень-то много, если придется кружить, разыскивая одинокий хутор. Но и это было бы не так страшно, не отклонись он далеко на восток. И теперь нужно было при сильном встречном ветре выходить на прежний курс, имея в запасе все те же десять литров.

Несколькими минутами позже самолет пролетел над развилкой дорог, похожей на букву "Y". Значит, до места встречи еще около трех миль. Карта, показанная ему накануне агентом, прочно впечаталась в память: вот пронеслась внизу и исчезла широкая прямая просека, вот справа показался маленький полуостров, похожий на вопросительный знак. Теперь близко. Еще с милю на запад, и между болотом и лесом должен появиться хутор с нарисованным на крыше дома желтым опознавательным треугольником.

Хутор возник неожиданно, и Ту Хокс заложил крутой вираж, чтобы на подходе к цели как следует рассмотреть окрестности. Одинокий хутор и впрямь выглядел совершенно заброшенным и пустым. Оттягивать посадку больше было нельзя, мотор вот-вот начнет чихать... Он уже подыскивал глазами подходящее ровное место, когда из сарая выбежали трое мужчин. Размахивая блодландским флагом, они указывали в сторону ближнего луга, предназначенного служить посадочной площадкой. Довольно высокая изгородь тянулась почти через весь луг, и Ту Хоксу понадобилось все его умение, чтобы провести самолет, не задев ее. Машина коснулась земли в нескольких метрах от изгороди, пробежала почти до самой кромки леса, развернулась и медленно покатилась обратно к хутору. Ту Хокс заглушил мотор и спрыгнул на землю. Шестеро мужчин и одна женщина, все в грубой крестьянской одежде, уже поджидали его.

Приветствия были краткими и деловитыми. Элфред Хэнненд, командир группы, немедленно послал своих людей в сарай за канистрами с бензином и маслом. Ту Хокс первым же делом попросил убрать дурацкую изгородь. Хэнненд с готовностью пообещал сделать все необходимое и повел беглецов завтракать, прибавив, что надолго задерживаться никак нельзя:

— Неподалеку есть еще хутора, и кто-нибудь мог оказаться поблизости. Чего доброго самолет заметили и вот-вот заявятся сюда. Не исключено, кто-то уже потрудился вызвать полицию и солдат. Уходить придется всем. Мы тоже исчезнем отсюда, как только заправим самолет. Жаль, конечно, бросать это место, прекрасный был перевалочный пункт для наших людей. Но если вся затея удастся, будем считать, что жертва не была напрасной.

Еще сидя за столом, Ту Хокс с набитым ртом начал расспрашивать Хэнненда о месте следующей посадки, отслеживая маршрут по карте, которую тот развернул перед ним. Беседу прервал радист, объявивший, что погода на побережье вполне подходящая, а тирсландский дирижабль уже вылетел.

Ту Хокс лично проследил за заправкой и убедился, что блодландцы потрудились на совесть, развалив больше сотни футов изгороди и убрав доски к сараю. Через полчаса, когда баки были полны, он и его спутники распрощались с блодландцами.

Взлет прошел легко, машина скользнула над кронами деревьев и набрала высоту, взяв курс на ровный участок скалистого побережья Балтийского моря. Вскоре Ту Хокс заметил внизу широкую дорогу, помеченную на карте Хэнненда красным карандашом,— отсюда следовало держать строго на север. Когда вдалеке обозначились контуры портового города Салдуса, он немедленно увел машину на восток: Салдус следовало обойти стороной — это был большой город, тысяч пятьдесят жителей; издалека можно было рассмотреть стоявшие в гавани военные корабли и на окраине города — большое поле для посадки дирижаблей, сейчас совершенно пустое.

Двенадцатью милями восточнее Салдуса берег перешел в возвышенность, местами ровную и выветренную до базальта, местами покрытую темными трещинами и беспорядочными нагромождениями валунов. Еще несколько миль на восток, и Ту Хокс увидел побережье с обозначенной камнями посадочной площадкой. Здесь же стояли несколько мужчин, а невдалеке виднелся двухмачтовый рыбачий бот. Посадка при боковом ветре была весьма жесткой, и Ту Хокс, спрыгнув с крыла, первым делом осмотрел шасси. Спицы колес погнулись, но все же оставалась надежда, что самолет еще выдержит два-три взлета и посадки.

Потянулись беспокойные часы ожидания, хотя блодландские агенты и сообщили, что из Комая пока не было никаких известий о побеге. Прошло уже часа три, когда наблюдатель с рыбачьего бота крикнул, что показался воздушный корабль из Тирсландии. Ту Хокс живо повернулся в сторону моря и вскоре различил темную точку, которая становилась все больше, пока не стала наконец громадной серебристой сигарой.

14

Снизившись до пятидесяти футов, тирсландский дирижабль приблизился к посадочной площадке, развернулся с медлительностью великана прямо над стоящим на берегу самолетом и стабилизировал свою скорость так, чтобы неподвижно удерживаться против ветра. Через люк в днище дирижабля вниз сбросили стальной трос с сетью на конце. Агенты разложили сеть на земле, закатили в нее самолет и, закрепив края сети металлическими крюками, обернулись к Ту Хоксу. Тот тщательно проверил надежность строповки и взмахнул рукой. Последовал неизбежный рывок, затем опутанный сетью самолет плавно пошел вверх. Давление сети могло повредить машину, но Ту Хокс не слишком беспокоился. Если удастся добраться до Блодландии, подумал он, все можно будет привести в полный порядок.

Самолет исчез в чреве летающего кита, и вскоре трос снова начал опускаться вниз — теперь на его конце болталась большая корзина вроде тех, которые подвешиваются к обычным аэростатам. Не теряя времени на прощание, лишь коротко кивнув остающимся на берегу, Илмика, Куазинд и Ту Хокс залезли в корзину, и пока та ползла вверх, дирижабль начал набирать высоту, одновременно разворачиваясь к северу; прежде чем все трое оказались на борту, воздушный великан уже летел над морем, держа курс на Тирсландию.

Корзину втянули в люк и оттащили в сторону. Переведя дыхание, они, ведомые одним из офицеров, направились по узкому переходному мостику в кормовую часть дирижабля. По пути Ту Хокс завороженно разглядывал огромное нутро воздушного корабля. Для прохода оставалось лишь совсем немного места: прямо над головой начиналось немыслимое переплетение деревянных

PERSEVERANCE
RASHID II

конструкций и ферм, матово поблескивали бока громадных ячеек-баллонов, заполненных водородом. Протиснувшись в люк и спустившись по небольшой лесенке, они попали наконец в довольно тесную гондолу, где капитан и несколько офицеров поджидали своих пассажиров. Последовали взаимные поздравления с удачей, после чего капитан выразил желание взглянуть на "улов". Ту Хокс проводил его к своей машине и не без удовольствия начал отвечать на вопросы, пока не обнаружил с изумлением, что капитан Этелстен отнюдь не разделяет восторгов. Весь вид его, насупленного и поджавшего губы, выражал явное неодобрение. Ту Хокс даже растерялся, но, приглядевшись к пожилому капитану, понял: Этелстен просто всей душой привязан к своему воздушному кораблю, его медлительной величавости и великанской мощи, и маленький хрупкий аппарат, укрывшийся, как птенец в гнезде, внутри громадного дирижабля, казался ему неким знамением судьбы. Стоит построить побольше этих маленьких быстрых машин, и дирижаблям не останется места в небе. А с ними не останется места и ему.

Таких людей, как этот капитан, должно было быть предостаточно. Уже начало войны принесло с собой немало перемен, а к концу ее бесчисленное множество людей будут чувствовать себя обманутыми и преданными, ибо уходит, становится ненужным то, что они любили, чему посвятили всю жизнь. Вторжение в этот мир Раске и его, Ту Хокса, стало своего рода катализатором, ускорило лавину неизбежных перемен...

В Бамму, столицу королевства Блодландия, прибыли на третий день. Город находился там же, где Лондон на Земле-1, но был много меньше, архитектура напоминала средневековую, и в ней проглядывали чужеземные формы. В общественных зданиях и дворцах угадывалась рука архитекторов восточного Средиземноморья, да и вообще — влияние западносемитской культуры чувствовалось повсюду: даже король не носил привычного древнегерманского титула, а именовался "соф" (от критского "софет", что в сущности означало просто "властитель").

Для Ту Хокса опять настало время допросов, хотя, разумеется, здесь никто и в мыслях не держал обращаться с ним так, как это было в Хотинохсонихе,— блодландцы знали ему цену. Прошло немного больше недели, а Ту Хокс уже работал над проектом авиационного завода. Ему было пожаловано низшее дворянское звание; он по-

лучил титул "благородный господин Фенхопа". К титулу прилагались ленные владения — пятнадцать крестьянских дворов и обветшалый замок на севере страны. В Бамму он стал обладателем особняка со множеством рабов и слуг.

— Ну уж коли я стал благородным дворянином,— шутя спросил он как-то Илмику,— то, наверное, имею и право взять в жены даму голубых кровей, не так ли?

Она покраснела:

— О, нет! Титул пожалован вам только пожизненно и не может быть передан по наследству. Лен в случае вашей смерти снова отойдет королевской казне, а дети ваши останутся простолюдинами. Нет, вы никогда не сможете жениться на потомственной дворянке.

— Значит мои дети могут остаться нищими? Из дворца — в хижину, так это называется?

Неожиданно Илмика взорвалась:

— А что вы себе вообразили? Чтоб вам еще позволили запятнать чистоту крови древнего блодландского дворянства?! Наши дети, например — даже представить себе такое невозможно,— были бы какой-то помесью, не больше! Разве вам мало, что вы получили титул и теперь ваш суверен — король?! И все это вам дали несмотря на ваше... ваше сомнительное происхождение!

Гнев горячей волной нахлынул на Ту Хокса. Он едва сдержался, чтобы не залепить ей пощечину,— просто повернулся и пошел прочь. Снова и снова прокручивая в памяти недавний разговор, он наконец признался себе, что причина его ярости не столько в том, что его считают плебеем, сколько в таившейся в самой глубине души надежде: Илмика может стать его женой. Проклятье! Влюбиться в холодную, лицемерную патрицианку! Да черт с ней! Самое время для того, что давно пора было сделать,— выбросить девчонку из головы, и дело с концом!

Не желая больше ни о чем думать, Ту Хокс набросился на работу: строить самолеты, только строить самолеты... Он трудился сутками, занимался не только возведением авиационного завода, но и обучением летчиков, изготовил пробный образец автомата для вооружения пехотинцев, работал над чертежами танка. Он попытался даже внушить военным медикам мысль о необходимости соблюдать чистоту в лазаретах и представления о современных методах обработки ран. Увы, в борьбе с медициной он потерпел поражение: этот мир еще не знал

своего Пастера и не был готов признать таковым Ту Хокса. А пока раненые солдаты и больные продолжали умирать от инфекций и тифа. Проклиная неповоротливость и косность блодландцев, Ту Хокс сосредоточил все силы на основной цели — разработке эффективных орудий убийства.

Так прошел месяц, а потом пришло известие: на Блодландию напали перкунианцы. Вражеская эскадра атаковала блодландские военные корабли в проливе и после жестокого сражения обратила их в бегство. Одновременно началась война в воздухе, армады цеппелинов сталкивались в ближнем бою, неся ужасающие потери.

Казалось, сама природа вступила в сговор с перкунианцами. С самого первого дня вторжения на море стоял полнейший штиль, в небе не было ни облачка. Перкунианцы прекрасно использовали подарок судьбы и через каких-то пять дней уже закрепились во многих местах на побережье острова. Видя успех Перкунии и боясь в случае чего быть обойденными, войну Блодландии объявили иберы: их десант высадился на южном побережье Ирландии, быстро захватив огромную территорию.

Внезапно, буквально в один день, наступила зима — зима, какой Ту Хокс не видел никогда. В несколько дней весь остров укрыла метровая толща снега. Арктические ветры с ревом выстуживали города; температура упала до тридцати градусов мороза. Ту Хокс, который никак не мог согреться в своей шубе из овчины и валяных сапогах, с внутренним содроганием понял, что это только начало. И прежде чем зима окончательно вступила в свои права, ртутный столбик почти недвижимо застыл на отметке минус сорок.

Ту Хокс полагал, что воевать в таких условиях просто немыслимо, однако не учел привычки людей к своему миру: бои продолжались. Когда колеса бронемашин и грузовиков застревали в снегу, технику ставили на полозья и тащили волоком, пехотные колонны шли на лыжах. Миля за милей продвигались перкунианцы вглубь Блодландии, захватив под конец зимы почти все южные провинции.

К тому времени Ту Хокс располагал двадцатью монопланами, вооруженными скорострельными пушками, вместо колес он решил установить полозья. Из-за лютого мороза почти невозможно было запустить моторы, но ему удалось обучить пилотажу четверых добровольцев,

в свою очередь ставших инструкторами. В начале апреля, к первой оттепели, Блодландия имела уже сотню истребителей и сто пятьдесят пилотов. Еще двести курсантов проходили обучение.

Однако оптимизм Ту Хокса сразу улетучился, когда разведка донесла: Раске имеет в своем распоряжении свыше пятисот самолетов и до восьмисот хорошо обученных летчиков.

И в том же апреле немного южнее столицы произошел первый воздушный бой. Головную машину повел сам Ту Хокс — он знал, что его людям, впервые вступавшим в схватку, нужен опытный ведущий и командир. И его пилоты бились на совесть: потеряв восемь самолетов, сумели сбить двенадцать вражеских. Не давая противнику опомниться, Ту Хокс в тот же день во главе эскадрильи из пятидесяти самолетов совершил налет на ближайший к линии фронта аэродром. Двадцать вражеских машин было уничтожено на земле, взорван склад бомб, выведены из строя четыре зенитные батареи. Война в воздухе набирала силу с каждым днем, блодландские самолеты поднимались порою еще до рассвета, неся тяжелые потери в многочисленных боях над столицей,— перкунианцы не жалели сил, стремясь добиться преимущества в воздухе.

Сам Раске все еще оставался в Комае, не решаясь покинуть город из чисто политических соображений: в высших придворных кругах и генералитете у него совершенно неожиданно обнаружилось множество недоброжелателей, мечтавших использовать его отсутствие, чтобы вытеснить чужака со всех его постов и лишить с таким трудом завоеванной власти.

Ту Хокс мог бы гордиться успехами своей авиации, окажи они хоть какое-нибудь влияние на общий ход весенней кампании. Увы, война на земле принимала совсем скверный оборот. Враг занимал город за городом, подавлял один очаг сопротивления за другим и упорно продвигался вперед. Потери перкунианцев были огромны, но они, словно не замечая этого, бросали в бой все новые части. И вот случилось то, во что не верилось никому: враг прорвался к столице — форт в устье Темзы пал, а оборонявшие подступы к Бамму гвардейские части были разгромлены.

А через два дня на острове приземлились пятьдесят новых двухмоторных бомбардировщиков Раске. Запра-

вившись на дальних аэродромах, они ринулись на столицу, эскортируемые сотней истребителей. Едва ли много больше половины машин вернулось из этого боя на свои аэродромы: один лишь Ту Хокс сбил в тот день десять вражеских истребителей и записал на свой счет уже пятьдесят одну победу в воздухе. Но даже такие успехи в отдельных сражениях уже не могли спасти положения: авиация блодландцев теряла самолетов больше, чем могла получить с завода. У Ту Хокса оставалось всего двадцать девять боеспособных машин.

15

Несмотря на колоссальные потери, бомбардировка столицы принесла перкунианцам успех. Прямое попадание превратило в груду развалин королевский дворец как раз в ту минуту, когда там в последний раз перед эвакуацией на север заседал придворный совет. Среди многочисленных жертв оказались не только высшие сановники, но и сам соф вместе с наследником, супругой и двумя младшими братьями. За одну минуту в небытие ушла вся королевская фамилия за исключением дяди софа, уже двадцать с лишним лет пребывавшего в психиатрической лечебнице. Среди всеобщей неразберихи, последовавшей за известием о катастрофе, правителем Блодландии объявил себя молодой генерал Эрик Ленитха, внебрачный сын безумного дядюшки короля. Он тотчас приказал перенести линию обороны к северу от столицы и издал указ об отмене рабства — не столько из человеколюбия, сколько из желания избежать восстания рабов в тылу. Благородное дворянство возроптало, и новый правитель, опасаясь потерять вожделенную власть, рискнул пойти дальше: он объявил свободу крепостным крестьянам и мелким полузависимым арендаторам, ликвидировал подушный налог и посулил простолюдинам после победы над врагом небывалые права. Это был гениальный ход: поддержка бывших крепостных была новому режиму обеспечена.

На свой страх и риск Ту Хокс приказал эвакуировать авиационный завод. Сам он оставался в Бамму, где уже шли уличные бои, пока не был отправлен последний станок,— они с Куазиндом едва успели занять места в последнем эшелоне, увозившем беженцев из столицы. Поезд тронулся, когда Ту Хокс шел по вагону, протис-

киваясь между запрудившими его людьми. Где-то совсем близко начали рваться снаряды...

С трудом добрался он до своего маленького купе, зарезервированного для него командованием. Купе было двухместным, и навстречу ему поднялся человек в форме полковника. Ту Хокс отдал честь, но полковник улыбнулся и к изумлению Ту Хокса дружески протянул руку.

— Лорд Хэмфри Гилберт,— представился он.— Судьбе было угодно исполнить мое желание. Я давно хотел познакомиться с вами.

Гилберт был плотным невысоким человеком лет пятидесяти, с густой шапкой седых волос и кустистыми черными бровями. Воротник кителя подпирал двойной подбородок, немного расплывшееся лицо очень скрашивали веселые глаза, приветливо разглядывавшие Ту Хокса. Он заговорил тоном давнего и близкого приятеля. Простота и откровенность попутчика приятно удивили Ту Хокса. Как выяснилось, Гилберт собирал о нем сведения везде, где только мог.

— Я унаследовал свой титул от отца,— начал Хэмфри.— Гилберты — древний и очень богатый купеческий род, наши корабли знали в портах всего мира. А теперь я потерял и родину, и почти все, что имел. Но это никак не связано с историей, которую я хочу рассказать, просто вам следует знать некоторые детали. Так вот, род наш был основан предком, осевшим в Блодландии около пятисот шестидесятого года...

Ту Хокс быстро пересчитал дату по летосчислению своего мира — 1583 год.

— Мой предок, которого звали как и меня, Хэмфри Гилберт, прибыл не с европейского континента. Он пришел со стороны западного океана на корабле, каких никто и никогда здесь не видел.

Прочтя в глазах Ту Хокса лишь вежливый интерес, Гилберт разочарованно улыбнулся:

— Я понимаю, конечно, что исчезновение моего предка из вашего мира не оставило никакого следа в истории, хотя, может, он и был важной персоной. Не в этом дело. Хэмфри Гилберт был англичанином, одним из первых капитанов, плававших в Америку...

— Откуда вам все это известно? Ну, я имею в виду, откуда вы знаете об англичанах и американцах? — встрепенулся Ту Хокс.

Гилберт поднял пухлую ладонь:

— Терпение! Я как раз и перехожу к этому. Мой предок совершал плавание в сопровождении другого парусника, однако буря разметала корабли. Когда море успокоилось, он не обнаружил и следа второго судна, поэтому решил вернуться в Англию один. Однако он вошел в гавань не Бристоля, а нашего Энта. Представляете? Естественно, и самого предка, и его матросов сочли безумцами. Но для Гилберта и его людей с ума сошел весь окружающий мир. Он не мог понять, что случилось. Вокруг был народ, во многом похожий на англичан, но говоривший на языке, лишь отдаленно напоминавшем английский. Ничего, абсолютно ничего знакомого вокруг. Разве могла память так подвести всю команду? Тогда куда же они попали?

Кончилось тем, что блодландцы запихнули его вместе со всеми его матросами в приют для скорбных разумом. Многие моряки там действительно сошли с ума, и неудивительно! Но мой предок, видимо, был крепким орешком — все выдержал и даже сумел убедить власти, что безобиден. Его выпустили, он снова отправился в море, сперва простым моряком, а затем и капитаном. Занимался работорговлей, ввозил негров из Африки; как раз в то время Африку только что открыли. С годами он разбогател, выгодно женился и умер почтенным, уважаемым человеком.

Предок был достаточно умен, чтобы не настаивать на правдивости своей истории, которую поначалу пытался рассказывать всем. Кажется, он никогда больше не заговаривал об этом. Но записал все, что с ним случилось, и приложил к дневнику описания родного мира. Записки он озаглавил "О том, как мы проплыли через морские врата богов". После его смерти рукопись хранилась в семейной библиотеке, но большинство потомков не удосужилось даже заглянуть в нее, а те, которые всё же прочли, считали предка не иначе как человеком с буйной фантазией...

Помолчав немного, Гилберт продолжил:

— Но я никогда не спешил соглашаться с ними. В его истории слишком много деталей, которые просто невозможно выдумать. Я нашел даже примерную карту его Земли и англо-блодландский словарик. Во всей же рукописи было больше пяти тысяч страниц. Это настолько поразило меня, что я всерьез занялся изучением манускрипта, начал собирать и систематизировать легенды о

других столь же невероятных случаях, пока не пришел к убеждению, что другая Земля действительно существует и время от времени люди каким-то образом попадают с одной на другую. Вы точно уверены, что никогда не слышали о моряке по имени Хэмфри Гилберт?

Ту Хокс покачал головой.

— Не помню. Может, я и читал о нем, но забыл. Вообще-то я много читаю. Наверное, он один из тех, о ком обычно пишут: "погиб во время шторма" или "стал жертвой моря"...

— Да-да. Возможно. Но для меня главное, что ваше появление здесь подтверждает рассказанное им. Выходит, все, что он написал в дневнике,— не фантазия. Что же до моих исследований, то они привели меня к еще одному выводу: "врата" — это некие слабые участки сил, разделяющих наши миры. Через какие-то промежутки времени эти участки становятся проходимыми, некоторые — всего лишь раз...

Полковник наклонился к Ту Хоксу, глаза его горели торжеством.

— Я уверен, мне удалось рассчитать место, где такой переход возможен достаточно часто. Во всяком случае, "врата" существуют в четко ограниченном пространстве, открывались уже много раз и будут, вероятно, открываться и впредь!..

Нетерпеливое, смешанное со страхом возбуждение охватило Ту Хокса.

— Так вы знаете место? Где оно?

— Само это место мне видеть не приходилось,— охладил его порыв Гилберт.— Думал туда отправиться, да вот война помешала. А на саму мысль о существовании такого места меня навела книга о чудесах Хивики. Там говорится о совершенно необычайных явлениях, и объяснить их можно только существованием "врат" в другую реальность...

Хивика, думал Ту Хокс, Хивика... Так называлась здесь цепь островов на месте Северной Америки. Они соответствовали наиболее возвышенным участкам суши его Земли, а самый большой остров располагался примерно над штатом Колорадо.

Гористые эти острова населяли полинезийцы. Хивика оставалась независимой и нейтральной. Подобно народностям маори Земли-1, островитяне рано узнали силу пороха и научились делать огнестрельное оружие. Пер-

выми людьми Старого Света, установившими связь с Хивикой, были не европейцы, а жившие в Южной Африке арабы из государства Икхвани: прежде чем первый блодландский корабль совершенно случайно наткнулся на Хивику, Икхвани торговала с островитянами уже больше века. Европейцы встретили на островах весьма цивилизованных темнокожих людей, добывавших золото и руду, выплавлявших металлы. У них были парусные корабли, вооруженные пушками, и техника белого человека оставила их абсолютно равнодушными. Хивиканцы очень страдали когда-то от болезней, появившихся с икхванскими мореходами, зато потомки переживших прежние эпидемии оказались почти невосприимчивы к болезням, завезенным на этот раз европейцами.

— Хивиканцы по сей день поклоняются своим древним богам, это вам нужно помнить,— продолжал тем временем Гилберт,— их священнослужители, точнее шаманы, приписывают себе власть над некими магическими силами. И наблюдают за определенными местами, которые объявлены табу для остальных жителей Хивики. Одно из таких мест — пещера на склоне горы недалеко от побережья самого большого острова. Об этом мало что известно, но одному перкунианскому ученому удалось разузнать прелюбопытнейшие вещи. Шаманы-охранители называют пещеру "дырой между мирами". Оттуда иногда доносятся странные жуткие звуки, и время от времени "дыра" открывается. Похоже, что в такие моменты дальняя стена пещеры расступается и посвященным удается заглянуть в другой мир. Впрочем, "мир" — это, пожалуй, не очень удачный перевод того слова, которым пользуются они. Правильнее было бы сказать "обитель богов". Шаманы сами не решаются подходить слишком близко, ибо верят, что в том, другом, мире обитает Ке Акуа, бог небес и бурь.

Ту Хокс был поражен.

— Все это звучит очень уж хорошо, чтобы оказаться правдой,— после недолгого раздумья заметил он.— Боюсь, судьба слишком упряма, чтобы выпустить меня. Может, пещера окажется просто естественным феноменом...

— "Врата", естественно, феномен,— уточнил Гилберт.— Во всяком случае все это чертовски интересно, не правда ли?

— Мне очень хотелось бы побывать там,— ответил

Ту Хокс.— И охотнее всего я бы двинулся в Хивику прямо сейчас. К сожалению, это невозможно.

— Как только закончится война, мы просто обязаны поехать туда вместе. Если это действительно "врата" и через них можно пройти, я бы, кажется, не сомневался ни секунды. Такой случай взглянуть на Землю предка!

Ту Хокс кивнул, поймав себя на мысли, что Земля-1 будет для Гилберта,— попади он туда,— интересна лишь как место краткого визита. Оставшись там навсегда, он страдал бы от того же страшного своей неодолимостью отчуждения, что было так знакомо ему и О'Брайену. Даже теперь, когда Ту Хокс попривык, почти начал сживаться с новым миром, он все же оставался для него чужим. Здесь ему просто не было места...

Осторожный стук в дверь вывел его из задумчивости. Ту Хокс открыл, и стоявший на пороге молодой офицер лихо козырнул.

— Извините за беспокойство, но в нашем поезде находится больная дама. Она спрашивала о вас.

Ту Хокс последовал за офицером в другой вагон. Окруженная озабоченными и всем своим видом излучавшими готовность помочь мужчинами, на диване лежала бледная и осунувшаяся Илмика Хэскерл. Стоявший рядом врач, заметив Ту Хокса, заговорщицки подмигнул ему и тихо проговорил:

— Если она поест досыта, ей сразу полегчает.— Он покачал головой.— Обычное дело в эти скверные времена. Многие родовитые потеряли и земли и богатства. Все потеряли, кроме своих пышных титулов. Ну и...

Врач умолк, решив, видимо, что и так сказал слишком много, однако незавидное состояние Илмики явно доставляло ему изрядное удовольствие. Что ж, Ту Хокс его понимал: доктор был из простолюдинов, немало натерпелся и вряд ли мог питать к высокородным теплые чувства. Но все же злобная радость врача была ему неприятна. Илмике пришлось много вынести за эти месяцы. Почти все ее близкие погибли или пропали без вести в первые же дни войны. Дом и поместья оказались в руках врагов. А у нее самой не было теперь даже мелкой монетки, в чем Ту Хокс и убедился, когда приказал принести ей тарелку горячего супа.

Илмика ела, и слезы текли по ее щекам.

— Со мной просто случился обморок. Целых два дня у меня даже крошки во рту не было. Теперь все узнают,

что я разорена... Теперь мне дорога только в приют для нищих. Мое имя обесчещено...

— Обесчещено? — не выдержал Ту Хокс.— Значит, то же самое можно сказать чуть не о каждом из блодландских дворян. Оставьте вы вашу спесь! Нет тут вашей вины, виновата война. И сейчас дворянству самое бы время доказать, что титул — не пустой звук. Называете себя благородными — так и поступайте благородно.

Она слабо улыбнулась в ответ. Ту Хокс раздобыл кусок сала и ломоть хлеба, которые она тут же с жадностью проглотила. Поев, Илмика закрыла глаза и тихо прошептала:

— Если б я только могла отделаться от этих назойливых соболезнующих взглядов со всех сторон!

— В моем купе достаточно места и для вас.— Он помог ей подняться и, протискиваясь сквозь забитые людьми коридоры, повел в купе, где девушка тотчас же прилегла на диван и моментально заснула. Проснулась она только поздно вечером, и Ту Хокс предложил ей поужинать вместе с ним, никуда не выходя. Гилберт ушел в вагон-ресторан, прицепленный специально для обслуживания старших офицеров, Куазинд стоял у дверей в проходе, и они были в купе одни. Ту Хокс подождал, пока Илмика всухомятку доест холодный ужин, потом спросил, не согласится ли она работать на него, ему все равно нужна секретарша. Краска так густо залила лицо Илмики, что Ту Хокс решил было, что вновь вызвал ее благородное негодование, на сей раз предложением заурядной работы. И только услышав в ответ какой-то сбивчивый лепет, понял, что́ увидела она в его предложении.

Он криво усмехнулся:

— Нет, я не спрашиваю, хотите ли вы стать моей любовницей. И не имею в виду ничего, кроме самых обычных секретарских обязанностей.

— Почему бы мне и не стать вашей... вашей наложницей? Я перед вами в большом долгу...

— Не в таком уж и большом. К тому же я никогда не потребую такой платы. Я хочу женщину, которая бы любила или по крайней мере желала меня.

Краска еще пылала на ее лице, но глаза не отрываясь глядели прямо в лицо Ту Хокса.

— Если бы я не желала вас, разве приняла бы вашу заботу и пищу?

Он медленно встал и склонился над ней. Девушка подняла лицо навстречу и закрыла глаза. Ее руки охватили его затылок, и, прижавшись к нему всем телом, она потянула его голову вниз, к полуоткрытым губам, лихорадочно искавшим его губы...

Резким движением Ту Хокс оттолкнул ее:

— Немного перестаралась! Ведь тебе же не хочется целовать меня.

— Извини...— Она отвернулась и расплакалась, все еще не открывая глаз.— Я теперь никому не нужна, да?.. Я тебе противна, потому что эти звери в Итскапинтике обесчестили меня?

Ту Хокс взял ее за плечи и повернул к себе:

— Никак не пойму тебя, Илмика. Я же люблю тебя и хотел бы, чтобы и ты меня любила. Но скорее соглашусь быть повешенным, чем возьму женщину, для которой я всего лишь последнее прибежище за неимением лучшего, которая считает меня недостойным себя.— Он встал и подошел к двери.— Мое предложение остается в силе. Подумай, до Толкингэма время есть. А сейчас мне лучше уйти.

Он плотно прикрыл за собой дверь купе и остаток ночи провел в коридоре, сперва стоя, затем усевшись на пол и пытаясь заснуть. Сон был беспокойным и недолгим — ранним утром поезд уже стоял на вокзале Толкингэма. Ту Хокс поднялся и, протиснувшись к двери купе, приоткрыл ее. В купе был только Гилберт.

— А где девушка? — спросил Ту Хокс.

— Не знаю. Я думал, хотела попрощаться с вами.

Расталкивая снующих в проходе людей, Ту Хокс заторопился к выходу, спрыгнул на перрон и осмотрелся. Илмики нигде не было видно. Он собрался было послать Куазинда на поиски, но его придержал за рукав словно из-под земли выросший запыхавшийся офицер и выпалил приказ: Ту Хоксу надлежит немедленно явиться к генералу Греттирсону. "Непонятно,— подумал Ту Хокс,— зачем это я мог понадобиться пехотному генералу?" Однако приказ оставался приказом, и он отправился в военный лагерь под Толкингэмом. Греттирсон, ожидавший его в приспособленном под штаб бараке, кратко и предельно ясно обрисовал ситуацию: военно-воздушных сил Блодландии больше не существует: горючего едва-едва хватает для бронемашин и армейского транспорта. Ту Хокс назначается командиром бронеди-

визиона, должен оставаться на этом посту, пока не будет израсходовано последнее горючее, а затем ему и его людям предписывается соединиться с ближайшей пехотной частью.

Ту Хокс покинул барак генерала в полной уверенности, что война проиграна. Еще месяц, ну, может быть, два, и Блодландия будет поставлена на колени.

Однако пока упорное сопротивление продолжалось. Следующие четыре недели бои шли за каждый укрепленный пункт — всегда с одним и тем же результатом: блодландские войска откатывались все дальше и дальше к северу. Правда, до Ту Хокса стали доходить интересные новости о развитии событий в самой Перкунии: несмотря на крупные победы и стремительное наступление по всем фронтам, в Комае дела шли куда как не гладко. Оба взрослых сына правителя погибли в железнодорожной катастрофе, и блодландская контрразведка имела серьезные подозрения, что это был не просто несчастный случай. Когда правителю доложили о гибели сыновей, с ним случился удар, за которым последовал полный паралич, и он, окруженный врачами, недвижимо лежал теперь в своем пышном дворце, полностью отрезанный от жизни. Племянник правителя, поспешивший в Комай, чтобы занять опустевший трон, подвергся в дороге нападению и был убит. Подозрения блодландских контрразведчиков превратились в уверенность: след выводил их на Раске.

Амбиции немца были известны всем. Он намеревался жениться на дочери правителя и, если Великий совет признает ее королевой, стать принцем-консортом. Великий совет заседал день за днем и никак не мог решить, короновать дочь правителя или передать верховную власть дворянину из старейших родов.

А для армий продолжалась их ежедневная кровавая работа. Эрик Ленитха, новый соф Блодландии, неожиданно показал себя блестящим тактиком. Трижды ему удавалось наголову разбить превосходящие силы противника и трижды он уступал поле сражения — поредевшая армия была не в силах удерживать отбитую территорию. Вражеская авиация, которой теперь не угрожали самолеты Ту Хокса, ежедневными налетами опустошала север страны.

И вот наступил день, когда иссякли последние запасы горючего. Блодландская армия, делая изнурительные пе-

шие переходы, спешила достичь гор, чтобы попытаться собрать там силы для последнего отчаянного сопротивления. Перкунианские самолеты и бронированные дивизии выбивали отступавших целыми колоннами.

Ту Хокс и Куазинд, теперь простые пехотинцы, пробились с отходившими частями к городу Улфстал. Здесь Роджера ждало письмо от Хэмфри Гилберта. Пробежав глазами листок, Ту Хокс повернулся к Куазинду:

— Илмика служит сестрой милосердия в здешнем полевом лазарете, а до этого работала на оружейном заводе. Мужественная девушка. Я всегда чувствовал, что влюбился не просто в смазливое личико.

Особым тактом Куазинд не отличался:

— Ну и что тебе толку от ее мужества? Разве она тебя любит?

— Не знаю, но все еще надеюсь. Может, она стала работать, чтобы доказать мне свою независимость. А может, хочет прийти ко мне как равная. И доказать, что ей не нужно цепляться за меня, чтобы уцелеть.

— Женщина не может быть равной мужчине,— отрезал Куазинд.— Тебе следовало бы взять эту твою Илмику и научить любить себя, вот и все. А от болтовни о всяком там равенстве один только вред. Женщина должна зависеть от мужчины.

Уже к вечеру Ту Хокс отправился на поиски Илмики. Полевой лазарет состоял из множества битком набитых ранеными палаток; пришлось кружить между ними больше часа.

Увидев возникшего у входа в палатку Ту Хокса, Илмика вздрогнула и выронила бинты, которые держала в руках, но, тут же овладев собой, почти спокойно произнесла:

— Добрый вечер, милорд.

— Добрый вечер. Черт возьми, Илмика, да оставь ты эти церемонии! Мы слишком много пережили вместе, чтобы продолжать всю эту чепуху с титулами!

Она улыбнулась.

— Ты прав, как всегда. Что ты здесь делаешь?

— Ну, скажем, пришел навестить больную подругу.

— Это ты обо мне?

Ту Хокс кивнул.

— Хочешь выйти за меня?

Она судорожно глотнула, снова уронив бинты.

— Ты же не... Ты не должен так шутить!

Он положил руки ей на плечи.

— Шутить? Я ведь люблю тебя, сама знаешь. Но я бы никогда не заговорил об этом раньше, потому что... ну да что тут объяснять... А теперь все изменилось. Теперь ничего не значат ни дворянство, ни сословные предрассудки. Будет война проиграна или нет, прежние времена никогда не вернутся. Если ты сумеешь понять это и посмотришь на меня просто как женщина на мужчину, мы будем счастливы.

Она промолчала.

— Ну как, сможешь? — Он ждал, вглядываясь в ее лицо, пока молчание не стало невыносимым.— Скажи же наконец, да или нет?

— Да!

Он крепко обнял ее и поцеловал. На этот раз ей не было нужды изображать страсть.

Вошедший врач прервал их уединение, напомнив Илмике об ее обязанностях. Ту Хокс быстро проговорил:

— Если тут станет совсем плохо, попытаюсь найти тебя в Лефсвике. Оттуда уходят корабли в Ирландию. Я кое-что придумал для нас, только сейчас нет времени об этом говорить. Пока!

— Но, Роджер,— прошептала Илмика, и в глазах ее блеснули слезы,— что будет, если ты не приедешь в Лефсвик?

— Тогда тебе придется пробираться одной. Но я не приеду только если меня не будет в живых.

— Не говори так!

— Всякое может случиться...— Поцеловав ее еще раз на прощание, он вышел, улыбаясь в ответ на сердитый взгляд врача.

Возле самой части навстречу ему выбежал унтер-офицер с сообщением, что Ту Хокса ожидает Верховный Главнокомандующий, причем по весьма срочному делу. Непонятно, размышлял Ту Хокс, шагая вслед за показывавшим дорогу посыльным, что Ленитхе может понадобиться от него теперь? Прежде чем он был допущен к Главнокомандующему, охрана из полевой жандармерии проверила его документы и обыскала: покушения на высших офицеров следовали одно за другим. Буквально накануне чудом избежал смерти сам соф. Одному из покушавшихся перкунианских агентов удалось уйти от расплаты, застрелившись прежде чем его схватили. Другому

повезло меньше: он был ранен и не сумел покончить с собой; когда агент пришел в сознание, его накрепко связали и повесили вниз головой.

16

Войдя в палатку Главнокомандующего, Ту Хокс вытянулся и отдал честь правителю, стоявшему в окружении генералов перед картой театра военных действий. В глубине палатки, непринужденно развалившись на стуле, сидел еще один человек, и Ту Хокс застыл с поднесенной к виску рукой.

— Раске!

Немец широко ухмыльнулся и небрежно помахал рукой:

— А!.. Старый друг мой — враг мой — краснокожий Ту Хокс!

Правитель счел нужным объясниться. Великий совет Перкунии отдал трон одному из известных в стране сановников, и первым решением нового монарха был приказ об аресте Раске. Немца обвинили в убийстве наследников престола.

Раске, однако, сумел улизнуть. На новой двухмоторной машине он перелетел Северное море, посадил самолет на лугу неподалеку от блодландского побережья, сдался военным властям и тут же попросил политического убежища.

— Не знаю, то ли следует расстрелять его, то ли прислушаться к его словам,— рассуждал Ленитха.— В качестве заложника от него никакого проку, а воспользоваться его техническими познаниями мы не сможем, уже слишком поздно.

Раске с живостью возразил:

— Если мы получим достаточно горючего, я и Ту Хокс сможем перелететь в Ирландию. Мы оба еще потребуемся вашей стране, ведь именно там, в Ирландии, будет окончательно решен исход войны.

— В Ирландии горючего тоже нет,— возразил Ту Хокс.— И что мы вообще станем там делать?

— Я имею сообщить вам то, что перкунианцы держат в строжайшей тайне: до следующего года о вторжении в Ирландию не может быть и речи. Силы Перкунии истощены, у нее нет ни людей, ни оружия для продолжения

войны. Естественно, перкунианцы будут блефовать и потребуют капитуляции размещенных в Ирландии блодландских войск. Но если вы воспротивитесь и сможете немного продержаться, у вас будет почти год, чтобы собрать силы и подготовиться к отпору. К тому времени вы успеете запастись бензином, маслами и боеприпасами. У меня была возможность прощупать икхванцев: на определенных условиях они готовы поставить все, в чем нуждается Ирландия. В обмен на помощь, которую Ту Хокс и я можем оказать Икхвани в создании ее авиации.

Правитель обернулся к Ту Хоксу:

— Ему можно верить?

— О да! Я ничуть не сомневаюсь, что он связался с Икхвани. Но то, что он говорит об их помощи оружием и боеприпасами,— полнейшая чепуха. Даже если икхванцы рискнут направить в Ирландию транспортные корабли, из этого все равно ничего не выйдет — об этом позаботится авиация Перкунии. Нет, от икхванцев помощи ждать нечего!

— Так я и предполагал! — Ленитха повернулся к Раске.— Вы отправитесь под арест — будете сидеть, пока я не решу, что с вами делать.

Правитель кивнул жандармам, и те повели Раске к выходу. Когда немец проходил мимо, Ту Хокс не удержался:

— Не повезло, друг мой. Вы побыли большим человеком, о чем и мечтать не могли на нашей Земле. Утешьтесь же этой мыслью.

Раске презрительно сморщился.

— Краснокожий, я еще не умер. Поживем — увидим. Если, конечно, вы еще будете живы!

Ту Хокс задумчиво посмотрел ему вслед, чувствуя, что за этими словами кроется больше, чем юмор висельника и злоба все потерявшего человека. Завтрашнее сражение вполне могло оказаться для Ту Хокса последним.

Но удача не изменила и на этот раз. Весь следующий день жестокие схватки волнами прокатывались по всей линии фронта. Однако Ту Хокса всего лишь царапнуло осколком гранаты, да в рукопашном бою он получил легкое штыковое ранение. Наступил вечер, а с ним новое беспорядочное отступление. Ту Хокс и Куазинд пробивались к западу в уверенности, что основной удар перкунианской армии будет направлен на север, чтобы не дать блодландцам возможности перегруппировать силы перед новыми боями.

— Можно было бы уйти в горы, начать партизанить,— вслух размышлял Ту Хокс.— Но если мы не умрем с голоду и не замерзнем зимой, рано или поздно все равно угодим в плен. Единственный выход — дойти до побережья, а там — на лодке в Ирландию. К черту все, мы ничего не должны этим людям! Это не наша война, это даже не мой мир. Любой ценой, но я должен добраться до Хивики!

На следующий день они вошли наконец в Лефсвик, портовый город на побережье Ирландского моря. Город шумел: орущие толпы беженцев осаждали уходившие в Ирландию корабли. В гавани еще стояли четыре больших парохода и несколько рыбацких суденышек, но Ту Хокс и Куазинд, с трудом протискиваясь вперед, с каждым шагом теряли надежду попасть на борт какого-нибудь из них. Им все же удалось протиснуться к пирсу, и тут Ту Хокс услышал чей-то знакомый голос, радостно окликавший его. Обернувшись, он увидел Хэмфри Гилберта, своим обширным животом разрезавшего людские толпы, словно ледокол арктические льды.

— Роджер! Милый мой попутчик! Какое счастье! Я вас повсюду искал! Могу предложить вам свою каюту, она высшего класса, ха-ха! Только вам придется спать на полу. И поспешите! Пароход отчаливает через тридцать пять минут! Я-то уж было совсем не надеялся!..

— Вы не видели Илмику Хэскерл? — прервал его Ту Хокс.

— Не видел ли я ее? — Толстяк даже подпрыгнул от избытка чувств.— Так она же в моей каюте высшего класса! Мы вместе разыскивали вас. Живые воссоединились, счастье в наших руках, и все такое прочее!..

Ту Хокс был слишком счастлив, чтобы отвечать, и лишь вполуха прислушивался к словоизвержению Гилберта. У причала, где, перегораживая проход, растянулась цепь солдат, их остановил офицер, который потребовал и долго изучал документы. Продлись процедура минутой дольше, и Куазинд, пожалуй, стреб бы офицера в охапку и швырнул в воду. Весьма неразумное намерение, учитывая присутствие на верхней палубе вооруженных матросов,— однако обуреваемый желанием скорее пробиться к Илмике, Ту Хокс и сам готов был штурмовать пароход.

Хотя радость близкой встречи и занимала все его мысли, но все же не настолько, чтобы не заметить в

толпе на носу парохода знакомое лицо. Он остановился, присмотрелся повнимательнее и потряс головой. Этого просто не могло быть! Но это было! Высокий, белокурый и по всем статьям свободный человек насмешливо улыбался ему. Раске. Немец кивнул, повернулся и пропал из виду. Ту Хокс озадаченно хмыкнул. Каким чудом Раске умудрился сбежать из-под ареста и оказался на борту парохода, доступ на который возможен лишь для избранных? Ну что ж, в конце концов сказал себе Ту Хокс, если уж Раске так ловок и удачлив, что сумел вырваться на свободу, пусть наслаждается ею, по крайней мере до поры до времени. Сейчас же единственное, чего он желал,— обнять Илмику.

И он сделал это, хотя и не в романтическом уединении — помимо Гилберта и Куазинда, в каюте оказались еще пятеро.

Пароход отчалил и со всей скоростью, какую только могли выжать натужно пыхтящие машины, взял курс к берегам Ирландии. Неуверенность и страх не отпускали пассажиров весь первый день: в любую минуту в небе могли появиться перкунианские самолеты, а набитый людьми пароход представлял собой слишком заманчивую цель для их бомб и пулеметов. Но на следующее утро спасительным пологом опустился туман, сквозь который расплывчатым пятном едва проглядывало солнце, и люди облегченно вздохнули, почувствовав себя в относительной безопасности. Густой туман сопровождал корабль до Дублинского порта, а город встретил их влажным ветром и мелким моросящим дождем. Гилберт отвел Илмику, Ту Хокса и Куазинда в дом одного из своих друзей, где они спокойно отдыхали до вечера. А вечером стало известно о новой напасти: разразилась эпидемия.

Повторялась история тридцатилетней давности, когда война тоже принесла с собой чуму и холеру. Непогребенные трупы, изнуряющий голод, жестокая зима, отсутствие элементарных удобств, грязь и набеги тысяч и тысяч вынырнувших откуда-то крыс снова вызвали из небытия черную смерть.

Обычно розовое и улыбающееся лицо Гилберта покрылось нездоровой бледностью, он больше не смеялся.

— Тогда умерли мои родители, трое братьев и сестра. Тетка увезла меня в Исландию, надеясь спастись от заразы, но болезнь оказалась проворней, и моей тетки тоже не стало. О Боже, спаси человечество! Теперь начнется

такая пляска смерти, какую не могли бы представить себе и перкунианцы в самых кровожадных мечтах. Впрочем, и им несдобровать. Я не пророк, но рискну предсказать, что в ближайшие года два от человечества останется едва ли половина!

— Если бы вы послушали меня...— начал Ту Хокс, но не договорил, пожал плечами и резко спросил: — Так что, будем сидеть и ждать здесь конца?

Гилберт оживился.

— Нет! Один из моих кораблей все еще стоит в гавани, правда, это последний. Провиант загружен, и судно готово к отплытию. Сегодня же вечером отправимся в Хивику! Одна надежда, что прибудем раньше, чем туда дойдет весть об эпидемии. Иначе нас никогда не впустят в страну.

Ту Хокс сразу понял, какой идеей загорелся вдруг Гилберт.

— Мне тоже хотелось бы надеяться,— сказал он,— но я не очень-то верю россказням суеверных шаманов и всем этим чудесам.

— Но почему? — огорченно спросил Гилберт.

А действительно,— подумал Ту Хокс,— почему?

День проходил за днем, а вокруг плескались всё те же холодные серые волны Атлантики. От вспыхнувшего ярким пламенем оптимизма Ту Хокса остались едва тлевшие угольки. Даже если в горной пещере у побережья и скрывались "врата", разве можно рассчитывать, что они открыты? Шаманы рассказывали, что это происходит якобы два-три раза в столетие, да и то всего на несколько минут. Гилберт разузнал, что в последний раз это случилось лет тридцать назад. Да и как пробраться в саму пещеру? На острове она считалась табу, священным и запретным местом. Кроме жрецов и немногих знатнейших хивиканцев никто и думать не смел попасть туда. Хотя сама гора находилась неподалеку от берега, она была окружена высокой каменной стеной и надежно охранялась.

Бессмысленно предугадывать будущее, и Ту Хокс терзался сомнениями, хотя и благословлял каждый день нечаянного путешествия, подарившего ему и Илмике возможность спокойно проводить свой медовый месяц. Вопреки всему на душе у него было светло. И лишь однажды словно холодная рука сжала сердце: корабль

пересек ту невидимую черту, за которой на его родной Земле начинался берег Североамериканского континента. Призывая себя к благоразумию, он все же невольно прислушивался, не вздрогнет ли корабль, не раздастся ли треск и скрежет под килем. Но "Золото хвелов" спокойно шел вперед, а где-то там, глубоко внизу, должен был быть Нью-Йорк. Ту Хоксу представился громадный затопленный город с темными, подобными горным пикам небоскребами, лежащими на улицах скелетами людей и рыбами, неслышно скользящими в изгибах мертвых улиц... Конечно, то была чистая фантазия — никогда на Земле-2 не бывало этой страны, она лежала на глубине полутора миль, укрытая пластами ила, а вокруг царили вечный мрак и холод...

Несколькими днями позднее — Ту Хокс подсчитал, что они находятся где-то на востоке Канзаса его Земли,— капитан сообщил, что заметил на севере дым труб другого парохода. Вооружившись полевым биноклем Гилберта, Ту Хокс разглядел у самого горизонта, почти на грани видимости, маленькое дымное облачко, медленно продвигавшееся с юга. Капитан отдал команду "полный вперед".

— Быть может, это и вполне мирный "торговец" из Южной Африки,— заявил он,— но все же лучше избегать любой встречи.

Ближе к вечеру облачко дыма приблизилось и стало видно уже невооруженным глазом.

— Для обычного грузового судна скорость слишком велика,— заключил капитан.— Это может быть только военный корабль.

На следующее утро преследователь оказался не далее одной морской мили от "Золота хвелов": уже ясно различались палубные надстройки, отливавшие в лучах низкого солнца бледной голубизной, и капитан распознал крейсер одной из арабских стран.

Наступила ночь. Крейсер все еще отделяли добрые полмили, но резкий свет его прожекторов ни на минуту не выпускал "Золото хвелов". Отказавшись от бесполезных маневров, капитан угрюмо скомандовал "самый полный вперед". Пока икхванцы не начали обстрел и не потребовали остановиться, он и не мог сделать ничего другого.

Около полуночи внезапно обрушился шторм, о котором капитан молился уже больше суток; сплошная чер-

ная стена поднялась с запада, заслоняя собой звезды. Резко рванул ветер, хлестнули струи дождя, пустились в неистовый танец волны. Выждав минуты две, капитан приказал выключить все навигационные огни и круто повернуть к югу. Когда взошло солнце, океан был пустынен, и капитан, беспокоясь за машины, столь долго работавшие под полной нагрузкой, решил сбавить ход. Вскоре "Золото хвелов" шел уже своей обычной скоростью — около десяти узлов в час.

17

Три следующих дня прошли спокойно — горизонт был чист, никаких угрожающих дымков. А на четвертый день корабль находился уже ста морскими милями восточнее Куалоно, самого крупного атлантического порта Хивики.

— Через полчаса,— сообщил капитан,— пройдем небольшой остров Микиао.

И действительно, ровно через тридцать минут над горизонтом поднялась островерхая шапка вулкана, обрамленная бахромой темно-зеленых зарослей. Глядевший на часы капитан не без самодовольства ухмыльнулся, но ухмылка тут же сползла с его лица: вопль наблюдателя возвестил о появлении на горизонте корабля. Восходящее солнце слепило глаза, и матрос заметил его слишком поздно. Крейсер шел полным ходом, вырастая на глазах и явно намереваясь отрезать "Золото хвелов" от спасительной гавани Куалоно.

Кратко посовещавшись с Гилбертом, капитан изменил курс на сорок пять градусов к северо-западу.

— У восточного побережья много опасных рифов,— объяснил он,— но мне они хорошо известны. Пройдем через рифовый пояс — если нам хоть немного повезет, икхванцы там застрянут. Но если они все же проскочат, я поведу корабль прямо на берег, какой только найдется среди всех этих скал. Так или иначе, а мой корабль в руки арабов не попадет.

— Мы держим курс прямо на гору Лаппу, где та пещера,— торопливо добавил Гилберт.— Если удастся встать там на якорь, у нас будет чем объяснить наше вторжение в запретное место. Кроме того уже наступит вечер и хивиканцы могут не заметить нас...

На всех парах "Золото хвелов" устремился к рифам. Преследователь повторил маневр, постепенно нагоняя идущий впереди корабль. Когда прямо по курсу встали во всей своей мрачной красе черные, отполированные ветром прибрежные скалы, корабли разделяло уже менее полумили. Черное облачко вырвалось из жерла восьмидюймовой пушки крейсера, и футах в пятидесяти по правому борту "Золота хвелов" фонтаном взметнулась вода. Не прошло и минуты, как второй снаряд вздыбил воду, на этот раз совсем близко за кормой.

Стоя у руля, капитан вел корабль какими-то немыслимыми зигзагами по узким проходам между подводными скалами. Одни рифы скрывались под водой, едва различимые в глубине, другие подступали к поверхности и даже высовывали мокрые черные спины, а вода бурлила и пенилась, обтекая их.

Сделав два выстрела, крейсер прекратил огонь. По всей вероятности, он не собирался расстреливать свою добычу, а хотел всего лишь заставить ее остановиться. Однако когда на крейсере заметили, что преследуемый корабль пытается уйти через рифы, икхванцы бросились вслед. Теперь они явно осторожничали, что очень замедляло их продвижение. Ту Хокс не мог понять, зачем арабы вообще идут на такой риск. Что привлекательного в старой торговой посудине? Неужели их шпионы в Блодландии дознались о стремлении Ту Хокса попасть в Хивику? Если так, то только этим и можно объяснить, что "Золото хвелов" попросту не пустили ко дну. И тогда суждено повториться той же истории, что в Перкунии или Блодландии: Ту Хокса снова хотят захватить живым. Всем нужна новая авиация...

Остров приближался, и гора Лаппу сумрачной громадой вырастала впереди, заслоняя собой все остальное. Северный и восточный склоны трехсотфутовой гладкой стеной отвесно падали в море, исчезая в пенной круговерти прибоя; южный, более пологий, уступами спускался к небольшой лагуне, похожей на круто выгнутый полумесяц,— уже ясно различался берег, покрытый мелким черным песком. В эту лагуну и вел свой корабль капитан, лавируя в одному ему известных проходах сквозь рифы. Только один раз под килем заскрежетало, корабль вздрогнул, дернулся, но уже через секунду вошел в бухту и тихо закачался на зеркально спокойной

воде. Капитан Вилфтик со вздохом облегчения отпустил штурвал и оглянулся. Лицо его просияло:

— Крейсер не пройдет здесь, не получив пробоины. Ну что ж, пусть попробуют!

Он медленно повел корабль к берегу, пока под килем не осталось менее сажени воды, после чего сделал поворот, приказал бросить якорь и спустить обе спасательные шлюпки. Арабы даже не пытались повторить головоломный маневр, их крейсер осторожно развернулся носом в сторону моря и остановился, не заглушив машин; тяга работающих винтов удерживала корабль, не давая прибою отнести его на рифы, и Ту Хоксу, наблюдавшему за преследователями в бинокль Гилберта, было видно, как матросы торопливо спускали на воду два баркаса, вооруженных двухдюймовыми пушками и переносными бомбометами. Солдаты в нагрудных панцирях, с винтовками за плечами, мигом заполнившие оба баркаса, выглядели весьма живописно в своих обмотанных тюрбанами шлемах и ярких шароварах с широкими поясами, из-за которых торчали кривые сабли и рукояти кинжалов. Уже спрыгнув в шлюпку, Ту Хокс вспомнил: именно так выглядели на гравюрах средневековые сарацины, и от таких самое лучшее держаться подальше...

Ту Хокс, Гилберт, Куазинд, Илмика с частью корабельной команды, поместившейся в обеих шлюпках, быстро добрались до берега и, перебежав неширокую полосу черного песка, устремились вверх по склону. Солнце уже скрылось, и прибрежные скалы отбрасывали на склон глубокую бархатистую тень. Впереди черным конусом возвышалась вершина Лаппу, подсвеченная сияющим ультрамарином неба, внизу зеленела прочерченная белыми полосами прибоя вода.

Пока баркасы подошли к берегу и икхванцы попрыгали в воду, переговариваясь и бурно жестикулируя, преследуемые выиграли не менее двадцати минут. Вокруг разливалась все более густая тень, и пока не наступила полная тьма, люди изо всех сил торопились добраться до полоски леса, опоясывавшего гору словно кольцо, вросшее в палец великана. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шорохом шагов, приглушенными проклятьями оступившегося матроса да хриплым пыхтением толстяка Гилберта. Когда, обессиленные, они присели среди деревьев, тишина стала абсолютной, словно в давно опустевшем, покинутом храме.

Позволив себе лишь несколько минут передышки, они снова двинулись вперед. Два часа пришлось проблуждать в кромешной темноте, а затем небо внезапно посветлело и из-за горы выскользнула ущербная луна, заливая все вокруг серебристым светом. Идти сразу стало легче, да и деревья уже редели, расступались, и вскоре Ту Хокс со спутниками вышли на голый каменистый склон, а прямо перед ними, метрах в сорока, четко обрисовалась монументальная стена едва ли не в четыре человеческих роста высотой. Ту Хокс разглядел, что сложена она без раствора из плотно пригнанных громадных каменных блоков. По верху стены на одинаковом расстоянии друг от друга высились небольшие стройные башенки.

— Где же стража? — прошептал Гилберт.

Ни движения, ни звука, ни единой тени на залитом спокойным лунным светом склоне.

Ту Хокс настороженно разглядывал узкие сводчатые арки по бокам башенок.

— Если стражники здесь, то наверняка прячутся. Но ждать мы не можем.

Взяв в левую руку свернутую кольцом веревку и зажав в правой привязанный к ней крюк-трезубец, он метнулся к стене, готовый услышать злобный окрик из бойниц ближайшей башенки, однако все было тихо. Выждав несколько секунд, он бросил крюк вверх; звонкий скрежет железа заставил его вздрогнуть и затаиться, прижавшись к стене. Тишина. Он подергал веревку — крюк зацепился прочно. Перебирая руками по веревке и опираясь ногами о стену, он полез наверх. Когда его голова оказалась чуть выше края стены, он замер, прислушался и еще раз вгляделся в темноту.

Вскочив, Ту Хокс бросился к ближайшей сторожевой башне и нырнул в темную щель входа, держа наготове револьвер. Таинственный лунный свет лился сквозь прорези бойниц, но внутри не оказалось ни одной живой души. Узкая приставная лестница вела наверх, к деревянному помосту, где полагалось бы сидеть наблюдателю, но и там было пусто.

Прихватив лестницу, Ту Хокс вышел из башни, спустил лестницу вниз и махнул рукой притаившимся в отдалении спутникам. Вскоре все собрались на крепостной стене. Гилберт приказал матросам из корабельной команды рассредоточиться между двумя башнями и занять позицию для обороны. Если иккванцы сунутся на стену

именно здесь, их встретит огонь блодландских моряков, а попытайся они преодолеть ее в другом месте, преследователей, без сомнения, найдут пули стражников.

Пройдя немного по узкому ходу в крепостной стене, Гилберт, Куазинд, Илмика и Ту Хокс обнаружили дверь, за которой находились площадка и лестница, уводившая вниз. Прямо от подножия лестницы начиналась довольно широкая дорога к вершине. Переглянувшись, все четверо решительно зашагали вперед. Засад можно было не опасаться, коль скоро хивиканская стража бросила свой пост. Почему? Об этом сейчас оставалось только гадать.

По дороге, хоть и крутой, идти было намного проще — когда забрезжил рассвет, люди были уже совсем близко к вершине. Здесь им и встретился первый хивиканец. Он лежал ничком прямо посреди дороги, неловко вывернув голову, лицо скрывала украшенная бирюзой и изумрудами деревянная маска, накидка из пестрых перьев сползла с плеч. Человек был мертв.

Перевернув труп на спину, Ту Хокс снял маску. В неверном свете занимавшегося дня лицо шамана казалось серым. Ту Хокс стащил с холодного тела накидку и разрезал просторное одеяние из легкой ткани. Ни ран, ни даже синяков на теле мертвеца не было.

Мурашки пробежали по спине Ту Хокса. Другие выглядели не менее ошеломленными, лишь Куазинд сохранял на лице каменную невозмутимость, хотя Ту Хокс и подозревал, что того терзает дикий страх, как всегда, когда Куазинд сталкивался с чем-то непонятным и необъяснимым.

Они продолжили подъем, и сотню шагов спустя все вокруг разительно изменилось. Вместо голых скал по обеим сторонам дороги громоздились высеченные из гранита, черного базальта и выветренного пористого туфа статуи, грубые и отвратительные в своей дикости. Жутко искаженные морды демонов или неведомых богов гримасничали со всех сторон, а между ними хищно скалились каменные изваяния сказочных зверей, длинноухих и остромордых. Почти на одинаковом расстоянии друг от друга вдоль дороги выстроились стелы или, быть может, тотемные столбы, изображавшие торчавших один из пасти другого полулюдей, мифических животных и драконов. Морды почти всех были обращены к морю, лишь немногие слепо глядели в сторону вершины.

Шедший вплотную за Ту Хоксом Куазинд так часто наступал ему на пятки, что американец вынужден был приказать ему отстать на несколько шагов.

— Это всего лишь камень,— сказал он успокаивающе.

— Камень мертв,— пробормотал Куазинд,— но разве мертво то, что живет в нем?

Ту Хокс, пожав плечами, двинулся дальше. Далеко внизу послышались выстрелы, люди остановились, сбившись в тесную кучку. Однако когда первый испуг прошел, лица их выражали скорее облегчение, чем страх. Звуки далекой пальбы были такими знакомыми, такими привычными, что разрядили гнетущее напряжение нескольких часов зловещей тишины.

Ту Хокс вздохнул и, посмотрев вперед, заметил:

— Еще футов триста, и мы будем у пещеры.

Однако сделав всего несколько шагов, он снова остановился. Темно-коричневая, утоптанная земля дороги кончилась, все пространство впереди толстым слоем покрывало непонятное серое пористое нечто. Коснувшись его ногой, Ту Хокс почувствовал сквозь подошву сапога тепло.

— Лава,— догадался он.— Еще горячая.

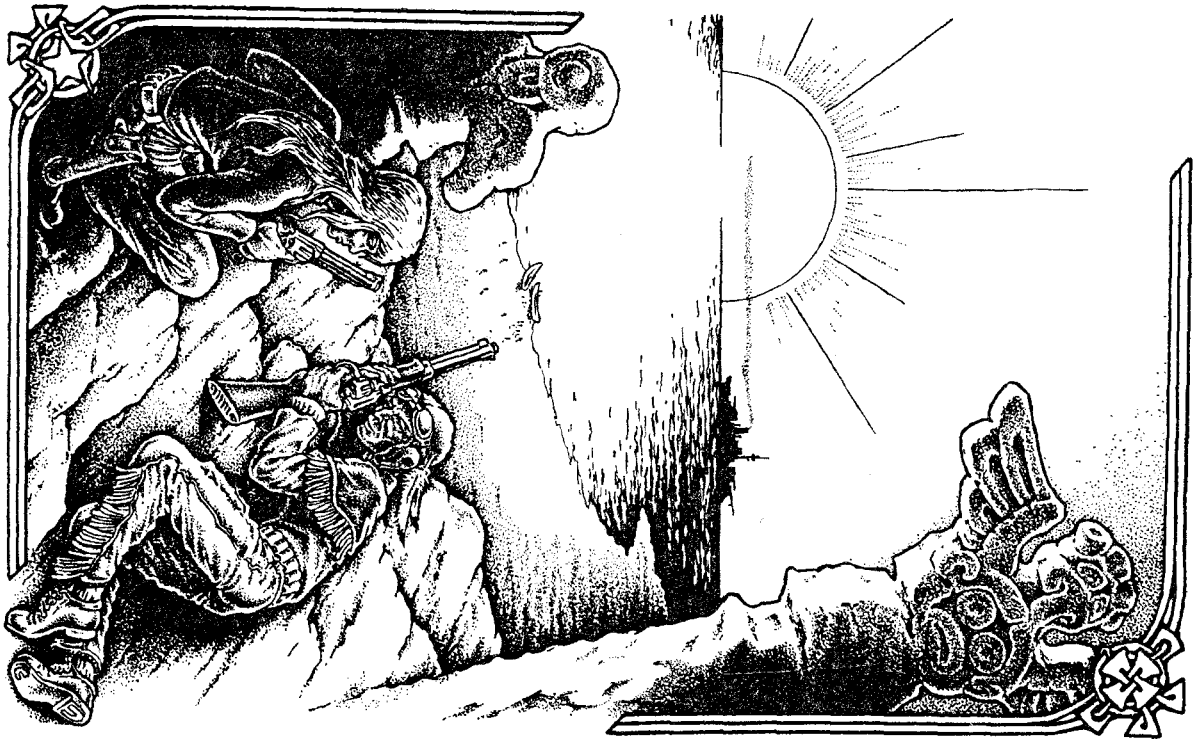
Поток лавы, вырвавшийся из пещеры, одеялом расползся по склону, и даже издали было видно, что некогда широкий вход наполовину закупорен уже застывшей массой.

— Теперь понятно, почему разбежалась стража. Да и жрецы...— сказал Ту Хокс.— Должно быть, подумали, что гора разверзнется и исторгнет огонь. А может, решили, что разгневали богов. Тот шаман на дороге умер просто от разрыва сердца.

Медленно и осторожно они попытались приблизиться к пещере, но жар становился все сильнее. Одежда намокла от пота, а ступни весьма ощутимо припекало. И когда они достигли наконец входа в пещеру, то сразу поняли, что долго оставаться здесь невозможно.

Да оставаться не было и смысла. Луч фонаря уперся в сплошную стену лавы, вздымавшуюся уже в двадцати шагах от входа. По рассказам Гилберта Ту Хокс помнил, что длина пещеры — больше сотни шагов. А "врата", если они и вправду тут были, находились в самом дальнем конце. Путь был отрезан извержением.

— Интересно, из какого мира пришло оно? — невесело усмехнулся Ту Хокс.



Теперь им не оставалось ничего другого, как выбросить из головы всякие мысли о "вратах" и попытаться избежать встречи с икхванцами. Пустившись в обратный путь, они не прошли еще и половины расстояния до стены, как перестрелка утихла. Ту Хокс поднял руку:

— Если икхванцы прорвались, они пойдут наверх. Если нет, все равно нужно подождать.

Укрывшись за массивным каменным идолом шагах в пятидесяти от дороги, они пожевали всухомятку вяленой рыбы и хлеба и улеглись, подставив спины утреннему солнцу. Изредка Ту Хокс вставал, осторожно высовывал голову из-за слоновьей ноги истукана и поглядывал вниз. С полчаса дорога была пуста, но выглянув в очередной раз, он различил множество человеческих фигурок, бодро маршировавших в гору. Покачивались белые тюрбаны, блестело на солнце оружие.

— Ваши люди либо погибли, либо уже в плену, Гилберт.

Посылая небу проклятия, Гилберт вскочил и схватился за бинокль. Несколько минут он смотрел молча, затем обернулся к Ту Хоксу:

— Там вместе с икхванцами человек, одет как они, только без тюрбана. И он блондин! Да вот, посмотрите, не ваш ли приятель?

Ту Хокс взял из рук Гилберта бинокль. Излишне напрягать глаза не потребовалось.

— Это Раске. Надо думать, он связался с икхванским посольством в Ирландии. Каким-то образом ему удалось выведать, куда мы отправились, и он уговорил икхванцев послать за нами вдогонку крейсер. И эти тоже не прочь заполучить меня, по той же самой причине, что и Перкуния или Блодландия. И желания те же: или взять меня живым, или прикончить, чтоб никому не достался. Вот так-то, Хэмфри...

Снова вооружившись биноклем, он попытался пересчитать поднимавшихся в гору арабов: тридцать два человека. Шестеро, нагруженные разобранными бомбометами, плелись далеко позади. Внизу, в лагуне, все еще стоял на якоре "Золото хвелов", подстерегаемый у самой кромки пояса рифов икхванским крейсером, а у горизонта можно было различить два темных облачка дыма.

Пусть, взмолился про себя Ту Хокс, пусть это будет дым военных кораблей Хивики, спешащих выставить незваных гостей...

Теперь была дорога каждая минута. Он снова повел своих спутников в гору и, не доходя до залитого лавой склона, свернул на север, огибая кривой зуб вершины. Когда они уже почти миновали клонящееся к морю каменное острие, дорогу преградила широкая расщелина. Не оставалось ничего другого, как повернуть назад и, отыскав подходящее место, перебраться через вершину.

Тем временем икхванцы заметили их и ринулись вверх едва ли не бегом. Преследователи все еще были на дороге и могли быстро продвигаться вперед.

— Жить в Южной Африке, вероятно, не хуже, чем где-нибудь еще,— невесело улыбнулся Ту Хокс,— но как только подумаю, что мне придется учить еще и арабский язык...

Он снова поднес к глазам бинокль. "Золото хвелов" горел, вокруг вздымались и опадали пенные фонтаны воды. Ветер далеко разносил клочья порохового дыма, окутавшего корму крейсера. Крошечная белая точка, оставляя длинный молочно-белый след, удалялась от него в сторону рифов: на берег спешил новый отряд икхванских солдат.

Ту Хокс сжал кулаки:

— Черт бы побрал этих икхванцев! Ну сколько ж можно таскать меня туда-сюда, как товар на продажу! Надо бежать. Если не сможем уйти далеко, будем драться. Рано или поздно хивиканцы заметят, что происходит, и вмешаются. Тогда мы сможем сдаться на их милость.

— Уж мы покажем этим икхванцам, что значит иметь дело с блодландцами,— воинственно пообещал Гилберт. Ту Хокс расхохотался: среди них только двое блодландцев, к тому же один из этих двоих — женщина.

Они карабкались все выше и выше, пока не достигли скалистой террасы длиной более сотни футов и футов пятидесяти шириной. Уходить было некуда — терраса упиралась в почти отвесную гладкую стену. Единственным преимуществом беглецов было то, что края террасы природа украсила россыпью массивных глыб гранита, представлявших собой идеальное укрытие, в то время как подходившие снизу солдаты были видны как на ладони. Напасть неожиданно икхванцы могли только перебравшись через вершину горы. Если бы им это и удалось, то потребовало бы многих часов труднейшего пути.

18

После полудня под террасой появились первые ихванцы. Тщетно пытаясь хоть как-то укрыться среди редко разбросанных по склону валунов, они двигались короткими перебежками, выжидали и снова устремлялись вперед. Тем временем трое мужчин на террасе не теряли ни минуты: они подкатили к ее краю множество валунов и собрали кучу камней, после чего каждый выбрал себе наиболее удобную позицию. Подсчитав боеприпасы, Ту Хокс обнаружил, что на каждого приходится всего-навсего по тридцать патронов. Значит, необходимо стрелять наверняка...

Раздался далекий гортанный возглас, и на террасу обрушился град пуль. Непрерывный обстрел продолжался минуты три, пули свистели над головами, чмокая на излете о скальную стену, звонко отскакивали от камней, выбивали мельчайшие гранитные брызги, ударяясь о кромку террасы. Залегшие наверху беглецы не ответили ни единым выстрелом. Ободренные этим молчанием, с десяток арабов стали карабкаться вверх; остальные прикрывали их огнем. Высунув голову из-за валуна, Ту Хокс увидел приближающиеся фигуры. Бросив быстрый взгляд вниз, он заметил, что солдаты с бомбометами не одолели даже половины пути: орудия, которые они тащили, были гораздо тяжелее, чем минометы его мира.

Ту Хокс ждал. Ружейный огонь почти прекратился, но он не спешил покинуть укрытие. Через некоторое время обрушился новый шквал огня, и Ту Хокс быстро прикинул, что нападающие находятся теперь сотней футов ниже террасы. Быстрый взгляд вниз. Точно! С десяток ихванцев, держа винтовки в одной руке и нащупывая опору другой, растянувшись цепью, упорно лезли вверх.

Ту Хокс махнул рукой. Пора. Куазинд и Гилберт, стоявшие на коленях за одной из глыб, поднатужились и перекатили ее через край террасы. Валун тяжело закувыркался по склону, подпрыгивая и раскидывая мелкие камни, однако не задел никого, не считая нервов солдат, с воплями попрыгавших в стороны. Оступившись, один из арабов упал и покатился вниз. Когда ему наконец удалось остановиться, зацепившись за что-то, он с трудом встал и, пошатываясь, тут же снова сел на землю,

потеряв не только ружье, но и всякое желание проявлять инициативу.

Не долго думая, осажденные осыпали солдат градом камней. Одному солдату камень попал в голову, тот опрокинулся, перекувырнулся несколько раз, съехал вниз, увлекая за собой небольшую лавину щебня, и больше не шевелился. Прикрывавшие авангард взволнованно перекликались, стараясь угадать траекторию летящих сверху каменных ядер и напрочь забыв, что в руках у них ружья. Ту Хокс и Илмика, воспользовавшись наступившей передышкой, тщательно прицелились и успели сделать по три выстрела каждый. Еще четверо икхванцев ткнулись лицами в камень. Нервы у четверых оставшихся не выдержали, и они повернули назад. В панике отступления один из арабов потерял равновесие и катился вниз, пока не застрял между двумя большими камнями.

— Теперь до них дошло,— сказал Ту Хокс.— Если они не совсем дураки, то будут ждать тех, с бомбометами. Ну а мы тогда сможем пожелать друг другу спокойной ночи... навсегда.

— Они раздумали брать тебя живым, Роджер...— прошептала Илмика.

— Знаю. Зачем им я, если у них есть Раске?

Теперь икхванцы ограничивались лишь редкими выстрелами. Носильщики хоть и спешили, продвигались вперед очень медленно, и несколько человек отправились вниз — сменить уставших. Ту Хокс предполагал, что бомбометы подтащат только к вечеру, а пока соберут и установят, настанет ночь. Но это было слабым утешением: точность попадания у подобных орудий от времени суток не зависела.

Третий баркас с крейсера уже давно причалил, и солдаты с него находились сейчас где-нибудь на уровне лесного кольца. Сожженный корабль Гилберта затонул в лагуне и теперь лежал на боку, задрав левый борт к небу. А два дымка на горизонте превратились в ясно различимые корабли, идущие под всеми парами.

Гилберт рассказал Ту Хоксу, что дальность стрельбы из бомбометов не более семисот футов, и тот почувствовал огромное облегчение. Чтобы установить орудия на нужной позиции, икхванцам придется покинуть спасительные скалы и выйти на довольно открытое место перед террасой. Отважиться на это они смогут лишь в темноте.

Солнце медленно опустилось за горизонт, небо начало наливаться густеющей синевой.

— Когда совсем стемнеет,— заметил Ту Хокс,— нужно убираться отсюда. Икхванцам понадобится какое-то время, чтобы подтащить орудия ближе и установить их. Это наш шанс. Мы пойдем вправо по склону и вверх, а потом вниз. Может быть, нам удастся обойти их, пока они будут стрелять по камням.

К восторгу людей, ожидавших темноты и окончательного решения своей судьбы, над горой начали быстро сгущаться облака. Вскоре вершина совсем потонула в серой вате, туман опускался по склону, протягивал свои влажные щупальца в расщелины, растекался вокруг скал. Вот первые туманные полосы заклубились вокруг людей, и уже через минуту все расплылось и исчезло в быстро темневшей пелене. Помогая друг другу, все четверо по очереди спустились с террасы и, осторожно нащупывая тропу, почти поползли вверх. Спустя несколько минут грязно-молочная темень слева от них осветилась вспышками — арабы снова принялись обстреливать террасу, чтобы не дать осажденным поднять голову, пока не будут установлены бомбометы.

И тут Ту Хоксу пришла в голову некая идея. Он в двух словах разъяснил спутникам ситуацию и предложил выбор: либо придерживаться прежнего плана, либо идти за ним. С Ту Хоксом согласились все.

Они повернули и поползли назад, туда, где под защитой каменных глыб икхванцы собирали свои орудия. Их приближение осталось незамеченным, и отделенные от икхванцев только пятнадцатифутовой толщей камня, они замерли, вслушиваясь в гортанный говор усердно трудившихся врагов. Те были так заняты, что не обратили внимания на мелькнувшие в полутьме тени. Ту Хокс с Илмикой укрылись за огромным камнем, Гилберт и Куазинд отползли вбок и заняли позицию футах в тридцати от них, за скалой. Первая часть плана удалась, причем значительно легче, чем смел надеяться Ту Хокс. Теперь предстояло выполнить вторую.

Высунувшись из-за камня, Ту Хокс начал стрелять. Слева громыхнул револьвер Илмики. После первых же выстрелов в дело вступили и Гилберт с Куазиндом. Цель была отличная — даже в темноте проглядывали белые тюрбаны и яркие шаровары икхванцев. Оставалось только брать на прицел темный силуэт между белым и пестрым пятнами.

Нападение было больше чем неожиданностью. Те из солдат и носильщиков, что пережили первые секунды, в панике искали спасения, сломя голову удирая вниз. Лишь двое или трое пытались оказать сопротивление, за что тут же и поплатились жизнью. Через минуту все было кончено.

Однако вторую часть плана довести до конца не удалось. Илмика и Ту Хокс не успели еще добежать до первого бомбомета, как были вынуждены снова броситься на землю и прижаться к камню. Оставшиеся внизу солдаты, догадавшись, в чем дело, открыли бешеный огонь. План Ту Хокса использовать бомбометы против самих же арабов провалился, и самым печальным было то, что икхванцы уже спешили отбить свои орудия. Разделившись на два отряда, они пытались окружить беглецов.

То один, то другой из четверки пробовали стрелять, но град пуль снова и снова заставлял их вжиматься в землю за ненадежными укрытиями, делая самоубийством любую попытку защититься.

Ту Хокс проклинал всё и вся, и прежде всего — самого себя. Зачем только он надумал менять первоначальный план?! Ведь если бы не увлекся так своей легкомысленной идеей, они были бы сейчас на пути к спасению!

Шум, доносившийся снизу, внезапно стал громче, послышались невнятные вопли. Пули перестали свистеть над головами, однако стрельба продолжалась — где-то ниже по склону. В шум боя ворвался свист, отчетливо донеслись выкрики на незнакомом, но явно не арабском языке. Ту Хокс не понял ни слова, но певучий выговор напоминал мелодичную речь полинезийцев.

Явились хозяева острова...

Бой длился еще с четверть часа, затем уцелевшие икхванцы сдались. Вскоре вокруг четверых лежащих за камнями выросли тени вооруженных солдат, и они, бросив оружие, подняли руки. Хивиканцы погнали их вниз, подбадривая прикладами, и втолкнули в стадо пленных, всего лишь несколько минут назад бывших врагами.

С руками на затылке в первом ряду стоял Раске. Заметив Ту Хокса, он вдруг громко расхохотался:

— Ах вы скользкий дьявол! Ведь на этот раз все могло скверно кончиться, а? Ну, у вас счастье прямо как у Гитлера!

— А кто это — Гитлер? — спросил Ту Хокс.

19

...В окна гостиничного номера уже заглядывал рассвет, когда Ту Хокс закончил рассказ.

Я спросил:

— Но ведь это, конечно, еще не все?

— Я совсем забыл,— ответил тот,— что слова Раске ничего вам не говорят. Я тогда тоже не обратил на них внимания — слишком был озабочен нашей дальнейшей судьбой. Все пленные были отданы под суд за нелегальный въезд и осквернение священной земли. Последнее считалось преступлением, каравшимся смертной казнью. Однако мы с Раске могли предложить Хивике нечто весьма ценное и потому сумели спасти не только свою жизнь, но и жизнь друзей. К сожалению, верховный судья решил, что в назидание прочим следует все же кого-то казнить, и на виселицу отправили и арабов, и наших моряков, переживших гибель судна и бой с преследователями.

Мы провели в Хивике целый год, очень напряженный и заполненный работой; в сущности, той же работой, что и раньше в Перкунии и Блодландии. А потом война закончилась — как раз тогда, когда нам дали свободу. Эпидемия, собрав за один год в четыре раза больше жертв, чем унесла война, утихла и наконец незаметно исчезла. Распались прежние государства, некий простолюдин Виссамбр объявил Перкунию республикой — ну да вы все это знаете сами.

— Но какая здесь связь с тем замечанием об этом... как его... Гитлере? — поинтересовался я.

Ту Хокс улыбнулся:

— Раске ответил на этот вопрос, когда мы сидели в хивиканской тюрьме. Он рассказал мне о своем мире, из которого пришел. Как я уже говорил, в Комае мы были слишком заняты, чтобы беседовать о нашем прошлом на Земле, которую считали своей общей родиной. Кроме того, вообще избегали обсуждать политические взгляды. Чувствовали, наверно, всю бессмысленность споров о потерянном навсегда мире. Только попав в Хивику, мы ясно осознали, что пришли одновременно через одни и те же "врата", но из двух разных миров.

— Невероятно...

— Да. Правителем Германии моего мира был кайзер,

внук узурпатора, захватившего власть после первой мировой войны. А у Раске в его родном мире кайзер после первой мировой пребывал в изгнании, в Голландии. Да и сама первая мировая началась на его Земле десятью годами позднее, чем на моей, если справедливы хронологические сравнения. Во вселенной Раске диктатором Германии стал некий австриец по имени Гитлер, который позднее и начал вторую мировую войну.

Кайзер Германии в моем мире не имел ничего общего с кайзером мира Раске, да и звали их по-разному. Но вот что странно: весь ход истории наших миров почти одинаков, слишком много аналогий, многие события буквально невозможно различить, и это не может быть простой случайностью. Моя былая теория, что эта Земля заселена людьми, пришедшими через "врата" из моего мира, не подтвердилась. Известно ли вам — впрочем, откуда...— что в один и тот же день американцы в двух разных мирах бомбили два города Плоешти? Раске вел "мессершмитт", совершенно неизвестный мне тип самолета. И у него тоже возникло впечатление, что он атаковал непонятно откуда вынырнувший бомбардировщик незнакомой ему конструкции. Итак, теперь вам должно быть понятно, что "врата" могут соединять одновременно несколько миров...

— И что вы думаете делать теперь? — спросил я Ту Хокса.

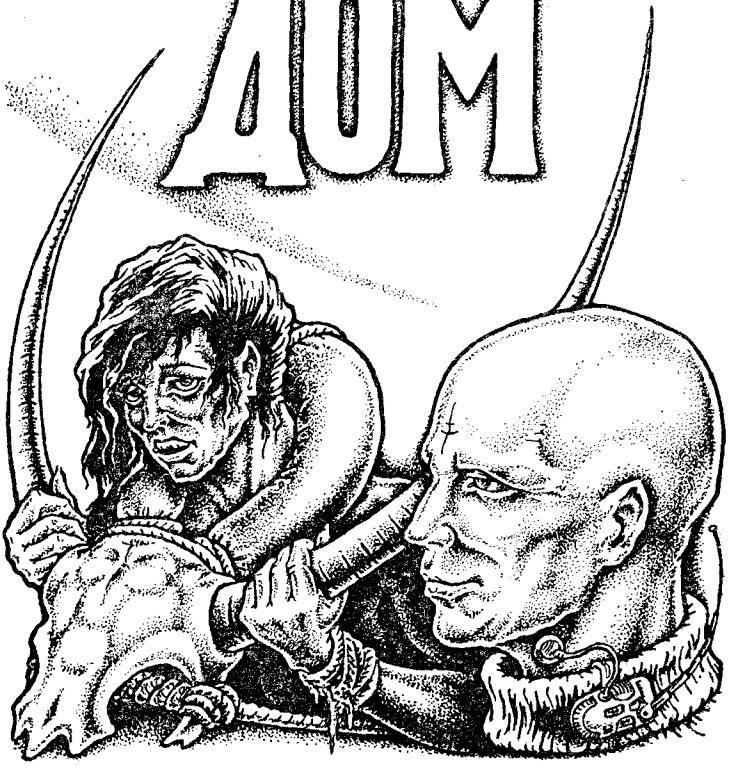
— Мы узнали об очень странных явлениях в ледниках на севере Тирсландии,— ответил американец.— У племен вакашаномадов, живущих там, есть множество легенд о чудесах, случающихся время от времени в той ледяной долине. Вероятно, "врата" следует искать именно там. Если все эти легенды не лгут, мы, вернее всего, больше уже не увидимся. Но если это досужие выдумки суеверных людей, что мне кажется более вероятным, нам придется остаться в этом мире. Раске тоже хотел бы, если удастся, вернуться на свою Землю. Если нет — он отправится в Саарисет. Ему сделали весьма выгодное предложение, и если он примет его, будет жить как король. Что же касается меня, то мы с Илмикой вернемся в Блодландию.

Он снова улыбнулся и встал.

— Этот мир, быть может, и не самый лучший из возможных. Но это мир, в котором мы живем! Так постараемся прожить в нем как следует...

ДЖЕЙМС БЛИШ

ЗЕМЛЯНИН, ВОЙДИ В СВОЙ ДОМ



James Blish

EARTHMAN, COME HOME

1

Город парил в предрассветной дымке — над планетой, над полегшим вереском огромного плато, отведенного Прокторами для посадочной площадки. Туманный край Большого Магелланова Облака в этот час едва касался западного горизонта, а само Облако занимало почти десятую часть неба. Оно зашло бы в 5.12, а в 6.00 показался бы самый край Млечного Пути, но летом солнца встают раньше и растворяют слабое мерцание звезд.

Мэра Амалфи это вполне устраивало. Быть может, он оттого и выбрал эту планету, что на здешнем ночном небе виднелся лишь краешек родной галактики. Городу, обремененному бесконечными проблемами, не хватало только ностальгии...

Город приземлился, едва различимое гудение гипердвигателей смолкло, но снизу быстро нарастал шум: город оживал, лязгал выгружаемым оборудованием — разведывательная команда, как всегда, не теряла времени.

Спускаться вниз, на эту новую землю, Амалфи не спешил. Он остался на обзорной галерее города, вглядываясь в усыпанное алмазной пылью ночное небо. Мэр размышлял. Плотность звезд в Большом Магеллановом даже здесь, на периферии галактики, оставалась очень высокой — по крайней мере расстояние между звездами составляло лишь световые месяцы, но никак не годы. Что ж... Город останется тут навсегда — попытайся он взлететь, гипердвигатель Шестидесятой улицы вдребезги разнесет машину Двадцать третьей,— но для межзвездной торговли хватило бы и малых кораблей... Это не слишком походило на бесконечные скитания среди разбросанных цивилизаций Млечного Пути, но все же это была коммерция — кислород Странников. Десантные катера уже вылетели наружу — их было достаточно, чтобы составить небольшой флот.

Амалфи посмотрел вниз. К западу, насколько хватало глаз, колыхался вереск, но на востоке унылая пустошь

© Перевод на русский язык, Денисов А. А., 1994

в километре от места посадки сменялась землей, разделенной на аккуратные квадратики. Было ли каждое из этих крошечных полей отдельным наделом, Амалфи понять не мог, но что-то подсказывало ему, что так оно и есть. Во всяком случае повадки Прокторов явно отдавали чем-то феодальным.

Тем временем геологическая партия уже почти установила буровую вышку — по ее черному скелету ползали последние роботы-сборщики. На ограждении галереи запищало устройство связи, и Амалфи снял трубку.

— Босс, мы начинаем бурить,— послышался в трубке голос Марка Хэлтона, городского управляющего.— Спускаешься вниз?

— Да. Как зондирование?

— Ничего многообещающего, но скоро будем знать точно. По-моему, есть шанс наткнуться на нефтяные горизонты.

— Шанс — это хорошо,— проворчал Амалфи.— Начинай бурить, я иду.

Едва он успел положить трубку, как оглушительный грохот молекулярного бура ворвался в тихую летнюю ночь, болезненной дрожью разнесся по всему гигантскому телу города. Наверняка эта планета Большого Магелланова впервые слышала крик коллапсирующих молекул, хотя на Млечном Пути такая технология применялась уже добрую сотню лет.

Но прежде чем мэр успел спуститься, лавина неотложных дел закружила его, так что он оказался на земле, когда уже рассвело. Поисковая скважина была готова, теперь из нее вытаскивали бур, а рядом с первой вышкой уже поднялась вторая, и вездесущий Хэлтон успел на нее забраться. Амалфи помахал ему рукой и шагнул в лифт.

Наверху теплый ветер трепал шевелюру управляющего, и лысый Амалфи вдруг позавидовал ему. После долгих лет кондиционированного воздуха города это будило в нем какие-то смутные движения души.

— Что-нибудь еще, Марк?

— Ты как раз вовремя. Тут она должна быть.

Первая вышка вздрагивала каждый раз, когда очередной стержень выдергивался из земли и отлетал в сторону к боковым опорам. Черного фонтана все не было.

— Зря мы тут копаемся,— пробормотал Хэлтон с отвращением.— Говорил же я, что Прокторам доверять нельзя!

Внизу один из геологов перешагнул через трубы, подошел к скважине и принялся разглядывать лежащий рядом наконечник-концентратор. Когда глыбоподобная тень Амалфи нависла над ним, геолог бросил на мэра быстрый взгляд.

— Нет нефти,— сообщил он коротко.

Амалфи это предполагал. Теперь, когда город был навсегда отрезан от родной галактики, никакая работа за деньги не имела смысла. Самой большой необходимостью была нефть — город должен есть. Работой, приносящей прибыль в местной валюте, можно было заняться позднее. Теперь же город вынужден соглашаться на всё, лишь бы расплатиться с Прокторами, разрешившими бурить скважины.

При первом контакте все выглядело достаточно просто. Хозяева этой планеты не могли опуститься ниже самых богатых и наиболее доступных нефтяных горизонтов, так что, казалось, город будет купаться в нефти. В свою очередь люди Амалфи могли бы добывать побочные продукты бурения — низкосортный титан и молибден, — чтобы выполнить условия Прокторов.

Но если нет нефти для синтезирования пищи...

— Ели вчера и будем есть завтра,— проворчал Хэзлтон,— но кто же принесет поесть сегодня?

Амалфи качнулся к управляющему, чувствуя, как кровь бросилась ему в лицо.

— Ты что, сможешь получить жратву каким-то другим способом? — прорычал он.— С этого момента проклятая планета должна стать нашим домом. Может, ты предпочитаешь всю жизнь ковыряться в земле, как аборигены? Я думал, ты избавился от этих бредней еще после рейда на Горт.

— Не надо кричать,— тихо сказал Хэзлтон. Его загорелое лицо не могло побледнеть, лишь чуть посинело под тонкой бронзой кожи.— Я не хуже тебя знаю, что мы здесь навсегда. Только мне кажется, что, оставаясь на планете навсегда, следует с уважением относиться к любой работе.

— Извини,— буркнул, успокаиваясь, Амалфи,— я погорячился. Хорошо, мы еще не знаем, насколько мы здесь состоятельны. На этой планете аборигены никогда не докапывались до богатых рудой глубин, они выплавляют металлы какими-то первобытными способами. Если мы избавимся от проблем с едой, у нас еще есть шанс превратить все Облако в неплохое предприятие.

Он махнул рукой и неторопливо направился прочь от города.

— Мне хочется прогуляться,— сказал он.— Может, пойдем вместе, Марк?

— Прогуляться? — в голосе Хэзлтона явственно читалось удивление.— Почему бы и нет в самом деле? О'кей, босс.

Они пробирались через вересковую пустошь. Идти было трудно, хотя в неверном утреннем свете изрытая оврагами степь выглядела обманчиво. В сплошных зарослях вереска кое-где пробивались островки чахлого кустарника и привычной ко всему крапивы.

— Не слишком-то здесь подходящая для ферм земля,— хмыкнул Хэзлтон.— Во всяком случае на уровне моих представлений о сельском хозяйстве!

— Там, где кончается этот чертов вереск, земля получше,— ответил Амалфи,— но насчет пустоши, тут ты прав. Это прóклятое место. Если бы я не видел собственными глазами данных анализа, решил бы, что тут порядочный уровень радиации.

— Война?

— Если и так, то очень давно. Но думаю, дело не в этом. Земля не обрабатывалась слишком долго, и плодородный слой полностью выветрился. Странно... похоже, это поле просто боятся использовать...

Они съехали в глубокий овраг и с проклятьями стали выдираться из каких-то колючих зарослей.

— Почему мы выбрали эту планету даже после того как узнали, что у нее есть хозяева? Мы отвергли несколько миров, которые были ничуть не хуже. Неужели мы пришли, чтобы кого-то отсюда выгонять? В таком случае город не слишком удачно приземлился, не говоря уже о том, что это не вполне законно.

— Ты думаешь, Марк, что даже здесь, в Большом Магеллановом, шастает земная полиция?

— Нет,— сказал Хэзлтон,— но здесь уже есть Странники, и если я хочу, чтобы все было по справедливости, я должен узнать их мнение, а не обращаться к полиции. Тебя устроит такой ответ, Амалфи?

— Мы можем вытолкать конкурентов самым законным образом,— усмехнулся Амалфи, вытирая пот со лба. Утро незаметно перешло в день, и оба солнца уже жарили вовсю.— Ты вспомни, Марк, кого мы будем выталкивать. Знаешь же, как отзывались об этом месте жители

даже далеких отсюда планет, когда мы просили указать нам путь.

— Да, они их на дух не переносят,— ответил Хэзлтон, задумчиво выщипывая из штанины репей.— Похоже, Прокторы не слишком любят гостей и каким-то нашим предшественникам не повезло...

Амалфи взобрался на другой склон оврага и остановился. Управляющий отодрал последнюю колючку и вскарабкался вслед за мэром.

В нескольких метрах начиналась возделанная земля. А прямо перед ними стояли двое. Аборигены.

Один из них явно был мужчиной: обнаженный, кожа цвета шоколада, иссиня-черные волосы свалялись клочьями. Он опирался на рукоятку однолопастного плуга, сооруженного из костей какого-то большого животного, и пропаханная им борозда тянулась далеко в поле — туда, где виднелась приземистая хижина. Заслонившись от света широкой, как лопата, ладонью, он смотрел на город Странников. Его плечи, необычайно мощные и мускулистые, были робко опущены.

Вторая фигура, впряженная в грубый кожаный хомут, тоже была человеком — женщиной. Она наклонилась вперед, безвольно свесив руки, а волосы, такие же черные, как у мужчины, падали длинными прядями, полностью скрывая лицо.

Когда Хэзлтон остановился, мужчина опустил голову и уперся взглядом в двух Странников. Взгляд его голубых глаз был неожиданно пронзителен и чист.

— Вы... боги из города? — спросил он, с трудом подбирая слова.

Губы Хэзлтона зашевелились, но крестьянин не мог ничего услышать — управляющий говорил в горловой микрофон, связанный только с горошиной приемника в правом ухе Амалфи.

— Английский, боги всех звезд! А ведь Прокторы говорят на интерлингве. Что это, босс? Неужели Облако колонизировано так давно?

Амалфи кивнул.

— Мы из города,— громко сказал мэр.— Кто ты?

— Карст, мой господин.

— Не называй меня "господин". Я не из ваших Прокторов. Это ведь твоя земля?

— Нет, мой господин. Прости меня, господин... У меня нет другого слова...

— Называй меня просто Амалфи.

— Это земля Прокторов, Амалфи. Я работаю на ней. Ты пришел с Земли?

Амалфи покосился на Хэзлтона. Лицо управляющего было непроницаемо.

— Хм... Да,— протянул Амалфи наконец.— Откуда ты узнал?

— Это чудо,— ответил Карст,— великое чудо — построить город за одну ночь. Сам ИМТ потратил на это столько лет, сколько пальцев у девяти человек, как говорят в песнях. Но чтобы возвести второй город на Пустошах за ночь — это больше, чем великое чудо...

Он сделал шаг им навстречу, еле волоча ноги, нерешительно, словно у него враз заболели все мускулы. Женщина подняла голову от борозды и отбросила волосы с лица. В тупых глазах, смотревших на Странников, металась тревога. Она вытянула руку и коснулась локтя Карста.

— Это... не нужно...— сказала она.

Мужчина отбросил ее руку.

— Вы построили город за одну ночь,— повторил он,— вы говорите на английском, как мы по праздникам. Вы обращаетесь к таким, как мы, со словами, а не с плетками. У вас прекрасная одежда с яркими заплатами...

Эта речь была вдвое длиннее, чем все, что ему когда-либо приходилось говорить. Глина на его лбу растрескалась от непривычных усилий.

— Ты прав,— сказал Амалфи,— мы с Земли, хоть и давно ее покинули. Но я скажу тебе кое-что еще, Карст. Ты тоже землянин.

— Это не так,— неуверенно проговорил Карст.— Я родился здесь, и весь мой народ тоже. В нас нет земной крови...

— Я понял,— кивнул Амалфи,— ты с этой планеты. Но ты — землянин. А вот твои Прокторы, я думаю, потеряли право называться землянами на планете Тор-V!

Карст вытер мозолистые ладони.

— Я хочу понять,— сказал он.— Научи меня.

— Карст! — умоляюще произнесла женщина.— Это все не нужно. Чудеса кончатся. Мы опоздаем с севом.

— Научи меня,— упрямо повторил Карст.— Всю жизнь мы возделываем поля, а во время праздников они рассказывают нам о Земле. Теперь свершилось чудо — здесь город землян и два землянина говорят со мной!

Он осекся. Казалось, что-то застряло у него в горле.

— Пойдем,— мягко сказал Амалфи.

— Научи меня. Теперь Земля построила город на Пустошах, и Прокторы больше не смогут прятать свое знание. Даже когда вы уйдете, мы будем учиться у вашего пустого города, прежде чем он разрушится от дождей и ветра. Лорд Амалфи, если ты землянин, научи нас тому же, чему учат землян!

— Карст,— всхлипнула женщина,— это не для нас. Это колдовство Прокторов. Все это колдовство Прокторов. Они отберут у нас детей. Они хотят, чтобы мы пошли на Пустоши и умерли. Они искушают нас.

Раб Прокторов повернулся к ней. Было что-то неуловимо мягкое в движениях его крепкого тела, обтянутого шоколадной кожей.

— Тебя никто не заставляет,— произнес он устало на местном диалекте интерлингвы,— иди паши, если тебе нравится. Это не колдовство Прокторов. Прокторы не искушают рабов. Мы слушались законов, отдавали десятину, соблюдали праздники. Эти люди пришли с Земли.

Женщина задрожала всем телом, прижав кулаки к подбородку.

— Нельзя говорить о Земле не в праздничные дни. И я закончу пахоту. Иначе наши дети умрут.

— Можешь идти с нами,— сказал Амалфи Карсту,— тебе предстоит многому научиться.

К изумлению Амалфи, Карст упал на колени. Секундой позже, когда Амалфи в растерянности ожидал, что будет дальше, он поднялся и все еще неуверенно двинулся навстречу землянам. Хэзлтон протянул ему руку и чуть не подпрыгнул, когда Карст пожал ее,— крестьянин был крепок и силен как буйвол и так же крепко стоял на ногах.

— Ты вернешься до ночи? — заплакала женщина.

Карст не ответил. Амалфи первым повернулся к городу. Хэзлтон спускался за ним, но какое-то движение заставило его оглянуться. Женщина брела вперед. Она неуклюже впряглась в хомут, и плуг снова царапал поле, хотя никто уже не управлял им.

— Босс,— обронил Хэзлтон в микрофон,— ты слушаешь?

— Да.

— Мне что-то не хочется отнимать планету у этих людей.

Амалфи не ответил: он как никто другой понимал, что ответа не было. Городу Странников никогда не взлететь. Эта планета должна стать их домом. Уходить некуда. За их спинами послышалось тихое пение женщины, продолжавшей свою работу, и эта песня походила на колыбельную. Хэзлтон и Амалфи сошли с небес, чтобы отобрать у нее все, кроме скудного каменистого поля. Амалфи надеялся вернуть ей нечто гораздо большее.

...Гипердвигатели — вот что вычерпало до дна города Земли, а позднее и многих других планет, послав их обитателей в космос. Два обстоятельства способствовали возникновению культуры Странников, просуществовавшей три тысячелетия и, вероятно, способной просуществовать еще не менее пятисот лет до окончательного распада.

Первое — это личное бессмертие. Естественная смерть была побеждена как раз тогда, когда инженеры на Джавиан Бридж разработали принцип гиперпространственных полетов, так что одно подошло к другому, как перчатка к руке. Несмотря на то что гипердвигатель мог перемещать корабль или целый космический город со скоростями, многократно превосходящими световую, межзвездные перелеты отнимали все-таки немалое время. Огромные размеры галактики делали их столь долгими, что человеческой жизни не хватало даже при использовании предельной скорости.

Но когда смерть отступила под натиском медицины, перестало существовать само понятие продолжительности жизни в том смысле, какой в него когда-то вкладывался.

Вторым фактором стала экономика. Германий превратился в джинна, вырвавшегося из бутылки. Задолго до полетов в дальний космос этот элемент стал потребляться в электронике в немыслимых количествах. Исчезновение межзвездного барьера понизило стоимость германия до приемлемого уровня и сделало его основной валютой космической торговли. Денежная система, основанная на металлах, и раньше-то державшаяся главным образом из соображений политики, тихо скончалась. Стало невозможным и дальше поддерживать иллюзию, будто золото и серебро — драгоценные металлы, когда их было полно на каждой вновь открываемой планете земного типа. Полупроводник германий стал полновесной монетой во владениях Человека Галактического.

И вот теперь, три тысячелетия спустя, бессмертие и германиевый стандарт общими усилиями разрушили цивилизацию Странников.

С самого начала было ясно, что германиевый стандарт не последний. Время его закончится, как только станет возможен дешевый синтез элементов, будут найдены более технологичные вещества или какой-нибудь из межзвездных центров торговли вынужден будет пустить в обращение значительные количества денег. Не надо было гадать о причинах кризиса, чтобы точно предсказать, что случится с экономикой всей галактики. Если бы кризис грянул чуть раньше, чем в экономике тысяч звездных систем утвердился германиевый стандарт, последствия его не были бы столь разрушительны. Но когда германиевый стандарт умер, вместе с ним погибла и основа, на которой держалась цивилизация Странников. Полупроводниковый фундамент экономики отправился в отставку так же, как благородные металлы. Наиболее влиятельной силой в галактике стали лекарства против старения, и новая валютная система основывалась именно на них.

Это был превосходный стандарт, отвечающий всем требованиям, какие можно предъявить к деньгам. Лекарства могли неопределенно долго храниться, не теряя свойств, их никому и никогда не удавалось синтезировать, и любая подделка разоблачалась с помощью биотестов; они были необходимы всем, сырье для них встречалось исключительно редко, что позволяло без труда контролировать их получение.

К несчастью, путешествующим среди звезд Странникам лекарства нужны были именно в своем изначальном качестве. Они не могли использовать их как деньги.

С этого момента Странники уже не были гражданами единой галактической цивилизации. Они превращались в межзвездных бездельников. Для них больше не было места на Млечном Пути, а торговые дороги Странников никогда прежде не выводили их за пределы родной галактики...

Город был стар, гораздо старше населявших его людей,— впрочем, люди тоже жили долго. И как почти всякий старик, город вспоминал свои грехи чаще и охотнее, чем добродетели. Когда на Отца Города — электронный мозг, и без того склонный к брюзжанию,— на-

падала ностальгия, невозможно было получить самую простую справку, не выслушав вдобавок лекцию, изложенную максимально морализаторским тоном. Это было довольно странно для машины, но, в конце концов, имел же мозг право на некоторые слабости!

Амалфи хорошо знал, на что себя обрекает, запрашивая Реестр Преступлений. Реестр был огромен. Отец Города выложил ему все, начиная с того самого дня двенадцать столетий назад, когда обнаружил, что никто не вытирал пыль в городской подземке с тех пор как город впервые ушел в космос.

Амалфи выдержал лекцию стоически и продолжал слушать. Если не считать кучи жалоб и горьких воспоминаний об упущенных возможностях, кое-что все-таки прояснилось.

Отец Города хранил в электронной памяти все, даже список уволенных полицейских, которые несли службу во время войны на Утопии. Позднее, в ту же кампанию, город преследовала цепь технических неисправностей — мелких, но сопровождавшихся излишне жесткими наказаниями виновных. Это происходило во время соседства с планетой Хранта. Затем город поспешил покинуть сцену, оставив на память о себе некие записи в архивах земной полиции. Причем город пустился на небольшую хитрость, которую полицейские вряд ли могли забыть. Фокус не был недозволенным, но после этого над полицией хохотали в кают-компаниях Странников по всей галактике, и полицейским это веселье совсем не нравилось.

Потом было перемещение планеты Хе. Город точно выполнил свой контракт, но, к сожалению, это уже никак нельзя было проверить, поскольку теперь Хе двигалась в межгалактических пространствах, направляясь к Андромеде, и не могла ничего подтвердить. Полиция заявила, что город разрушил планету Хе, доказать ничего не сумела и снова оказалась в дураках.

Впрочем, наихудшим стало участие города в Походе на Землю. Поход был трагедией от начала и до конца, и лишь несколько сотен городов Странников пережили его. Сам Поход вызвала охватившая всю галактику экономическая депрессия, разразившаяся вслед за смертью германиевого стандарта. Город Амалфи обвинили в нескольких преступлениях, совершенных в звездной системе, из которой начинался Поход,— и эти преступления

город действительно когда-то вынужден был совершить. Поэтому у города не оставалось иного выхода, кроме как ввязаться в почти безнадежную авантюру, при этом все-таки пытаясь избежать всеобщей резни, заключив коллективное торговое соглашение,— но произошла именно резня: ни один город, в том числе и город Амалфи, не был услышан другими в грохоте галактической войны.

Во время Похода город сумел отчасти искупить свою вину — он обнаружил и истребил последние остатки Веганской тирании. Но и это, подобно случаю с планетой Хе, никто не мог подтвердить, ибо город сделал свое дело так безупречно, что даже доказательств не осталось.

Просмотрев реестр, Амалфи убедился, что полицейские Земли могут помнить о его городе только две вещи. Первое: у города длинный список подтверждаемых архивами правонарушений и еще живы очевидцы. Второе: город отправился по направлению к Большому Магелланову Облаку, как раз туда, куда три тысячелетия назад ушел еще один древний город, вырезавший до последнего колониста планету Тор-V. Это преступление и спустя века продолжало вызывать в галактике ненависть ко всем Странникам.

Одолеваемый воспоминаниями, Амалфи отключил Отца Города и задумался. Пульт перед ним как и всегда весело мигал огоньками. Но сейчас в нем был безнадежно разрушен главный блок, управляющий межзвездными полетами. Город приземлился. И у него не было иного выхода, кроме как сделать эту планету своей. Если, конечно, позволит земная полиция.

Магеллановы Облака со все возрастающей скоростью удаляются от Млечного Пути, пространство между ними столь огромно, что пересечь его можно только используя в качестве топливного бака целую планету. Вряд ли у полицейских нашлось бы время для такой немыслимой погони за единственным жалким городом Странников. Но в конце концов они могли решиться и на это. Чем меньше оставалось Странников на Млечном Пути (а теперь полиция, несомненно, уже сожгла большинство странствующих городов), тем острей становилось желание выследить последние из них.

Значит, полиция Млечного Пути вполне может добраться до Большого Магелланова Облака, а техника у полицейских получше, чем у Амалфи. Если полиция

захочет организовать погоню, она их уничтожит. Если только...

Амалфи вновь пробежал пальцами по пульту и задал вопрос:

— Могут ли у кого-нибудь быть достаточные мотивы и технические возможности, чтобы преследовать и уничтожить нас?

Отец Города помедлил несколько мгновений, обрабатывая данные обо всем, что случилось на протяжении тысячелетий, и наконец ответил:

— ДА, МЭР АМАЛФИ. ПОМНИ, МЫ НЕ ОДНИ В ЭТОМ ОБЛАКЕ. ПОМНИ TOP-V.

Существовал древний обычай: за Тор-V Странников презирали и ненавидели даже там, где их летающих городов никогда не видели и не предполагали увидеть. Вероятность того, что город, заливший кровью целую планету, совершил удачный побег на Облако, была ничтожна, и все это произошло очень давно. Но если компьютер прав, то рано или поздно сюда явится земная полиция и город Амалфи ответит за чужие преступления.

Помни Тор-V... Ни один город Странников не будет чувствовать себя в безопасности, пока не отмщен тот изнасилованный и убитый мир,— даже здесь, на далеком Большом Магеллановом...

— Босс? Прости, мы не знали, что ты занят. Мы составили график работ. Когда у тебя будет время взглянуть на него?

— Прямо сейчас, Марк,— пробурчал мэр, отворачиваясь от пульта.— Привет, Ди. Как тебе нравится новая планета?

Девушка, беглянка с Утопии, улыбнулась:

— Она просто прекрасна, мэр.

— По крайней мере бóльшая ее часть,— согласился Хэзлтон.— Эта вересковая пустошь довольно мерзкое место, но остальная планета выглядит великолепно — гораздо лучше, чем можно было предполагать, зная, как варварски с ней обращаются. Похоже, даже я разбираюсь в земледелии лучше, чем здешние крестьяне.

— Неудивительно,— скривился Амалфи.— Полагаю, Прокторы построили свою власть на том, что просто запретили любые знания за исключением элементарных.

Впрочем, для этих деятелей запрет был самым удобным выходом.

— Что ж, действительно самым удобным,— спокойно согласился Хэлтон.— Во всяком случае, это разом избавило их от всех проблем с крестьянами.

— Ладно,— откликнулся мэр,— так что там у вас с планом?

— Тут по соседству на вересковой пустоши есть подходящий участок, там и устроим экспериментальное поле. Анализы почвы уже получены. Это для начала, потом попробуем нашу технологию и на хороших землях. Я подписал предварительный контракт с Прокторами об аренде земли: они отведут нам участок, расположенный так, чтобы свести к минимуму контакты с крестьянами. И в то же время договор откроет все возможности — почти что старый добрый Ограниченный Колониальный контракт, правда с сильными уступками предрассудкам Прокторов. Я им не доверяю, но они подпишут его. Ну а затем...

— Они не подпишут его,— перебил Амалфи,— они его даже не увидят. Больше того, я хочу, чтобы ты вообще выбросил из своей башки всю эту затею с экспериментальными полями!

Хэлтон схватился руками за голову и выпалил раздраженно:

— Черт возьми, только не говори мне, что мы опять должны вести себя как белки в колесе — интриги, интриги и снова интриги. Я по горло сыт ими, прямо тебе говорю. Неужели тебе мало двух тысяч лет? Я думал, мы действительно пришли на эту планету, чтобы сделать ее своим домом!

— Мы и сделаем ее домом! Но как ты сам мне вчера сказал, на этой планете уже живут люди, нельзя же просто взять их и выставить! Мы не можем позволить Прокторам получить ни малейшего доказательства, что намерены остаться здесь,— они и так подозревают нас и наверняка следят...

— О нет! — вскрикнула Ди. Она порывисто шагнула вперед и положила руки на плечи Амалфи.— Джон, ты обещал нам после Похода, что здесь мы обретем дом. Не обязательно на этой планете, но где-то на Облаке. Ты же обещал, Джон!..

Мэр опустил глаза. Ни для кого из троих не было секретом, что Амалфи любил ее, но по жестокому неписаному закону Странников мэр города не имел права

вступать в постоянный союз с женщиной. Лишь душевный кризис, пережитый Амалфи в звездном скоплении Аколит, где город оказался на грани гибели, заставил мэра сознаться в этой любви Хэзлтону, но раньше, почти девяносто лет, никто ни о чем не догадывался.

Ди была новичком среди Странников и к тому же женщиной. Она не желала считаться с неписаными законами.

— Конечно обещал,— согласился Амалфи,— почти две тысячи лет назад. Но я точно знаю, что если приму ваш план, Отец Города отстранит меня от власти и прикажет расстрелять. И будет прав. Кстати, Марк не раз был близок к этому. Планета станет нашим домом, если вы хоть чуточку поможете мне выиграть. Эта планета — лучшая из всех, что мы встречали, и тому есть много причин. Первую вы поймете, когда увидите зимнее звездное небо, вторая станет очевидной через столетие. О третьей я говорить не вправе, но и она имеет самое непосредственное отношение к моему обещанию.

— Пусть так,— сказала Ди и улыбнулась.— Я верю тебе, Джон, но так трудно быть терпеливой!

— Босс, ты бы лучше дал нам хоть какие-нибудь указания,— холодно заметил управляющий.— Кроме того, все обитатели города, включая уличных кошек, готовы выскочить наружу и разбежаться по планете, как только ты прикажешь улетать. Впрочем, ты даешь им все основания опасаться этого! Если отлет задерживается, следовало бы занять людей какой-то работой.

— Заключи честный рабочий контракт,— хмыкнул Амалфи,— никакой эксплуатации планеты, как мы это обычно делали. Это значит — никакого копания в земле, никаких экспериментальных полей — будем добывать нефть, разводить хлореллу и прочее в том же духе!

— Это не работа,— вздохнул Хэзлтон.— Так можно обмануть Прокторов, но как ты обманешь своих? Что ты будешь делать с городской полицией? Весь отряд сержанта Паттерсона уже нельзя заставить шататься с пистолетами по городу, девять из десяти готовы плюнуть на службу и заняться фермерством.

— Вот и пошли их на свое картофельное поле — осваивать пустошь. Пусть собирают все, что вырастет.

Хэзлтон направился было к лифту, кивнул на прощание Ди, но на полдороге все же опять обернулся к Амалфи.

— Почему, босс? Почему ты думаешь, что Прокторы только и ждут от нас подвоха? И потом, что они могут сделать?

— Прокторы потребовали стандартный рабочий контракт,— сказал Амалфи.— Они прекрасно знают, что это такое, и настоят на своем праве наблюдать за нами, чтобы позднее разорвать контракт и потребовать, чтобы мы убирались. Как ты знаешь, это невозможно. Но мы будем притворяться, что можем улететь.

Хэзлтон пошатнулся. Ди успокаивающе положила ему руку на плечо.

— Спросишь, зачем это Прокторам? — Амалфи развернулся в своем кресле к экрану.— Я еще не знаю. Но что я знаю точно, так это то, что Прокторы уже вызвали земную полицию.

2

В сером приглушенном свете классной комнаты голоса и образы пестрой толпой хлынули в сознание. Они давили на разум Амалфи, их назойливость была неприятна — он знал все это давным-давно, но двойники его детских впечатлений упрямо пытались привлечь к себе внимание и были ярки, как реальность.

Бесконечная вереница городов проходила перед его глазами: города среди звезд; в поисках работы; синтезирующие пищу из нефти и ищущие эту нефть на колонизируемых планетах; снова в поисках работы,— иногда неохотно приглашаемые, иногда прогоняемые без оплаты, всегда под подозрением земной полиции, всегда готовые нарушить законы в глухих уголках галактики...

Он взмахнул рукой, словно отгоняя непрошеные воспоминания, оглянулся на старосту, обнаружил его возле себя и удивился, как долго он здесь простоял во власти прошлого, навеянного обучающим гипнополем.

— Где Карст? — не слишком вежливо осведомился Амалфи.— Первый крестьянин, которого мы сюда привели. Он мне нужен.

— Да, мэр. Он в соседней комнате.

Староста, совмещавший обязанности классного наставника и няньки, повернулся к стене и нажал какую-то кнопку. Из стены выехал небольшой поблескивающий цилиндр, староста взял его и повел Амалфи через ком-

нату, заставленную длинными рядами мягких кресел с пологими спинками. Обычно большинство из них пустовало, поскольку полный курс обучения вплоть до овладения тензорным исчислением занимал каких-нибудь пять тысяч часов, а более сложным вещам пассивно научиться было нельзя. Но теперь почти все места были заняты, причем многие детьми.

Бесцветный голос тихо шелестел: "...Некоторые города вскоре оставили пиратство и бродяжничество и вместо этого обосновались на отдаленных планетах, установив там тиранические диктатуры, большинство из которых было свергнуто космической полицией Земли, поскольку города — не слишком эффективные летательные устройства. Те, что выдержали такой штурм, более не преследовались, но оказались изолированными от коммерческих операций. Не исключено, что иные из этих империй все еще остаются вне юрисдикции Земли. Самым нашумевшим примером их преступлений стало вторжение на Тор-V одного из первых Странников, тяжеловооруженного города, получившего впоследствии кличку "Бешеные Собаки" и скрывшегося..."

— Вот твой крестьянин,— тихо произнес староста.

Карст сильно изменился. Он больше не был карикатурой на человека — почерневшим от солнца, ветра и грязи и столь похожим на дикого зверя, что почти не вызывал жалости. Теперь он скорее походил на плод в утробе матери — еще не развившийся плод, вся жизнь которого — впереди. Прошлое Карста — все его двадцать лет — казалось настолько тяжелым, однообразным и безрадостным, что могло быть отброшено с легкостью и без остатка, как старая одежда. И сейчас Карст был ребенком гораздо больше, чем любой младенец Странников.

Староста дотронулся до плеча Карста, и крестьянин тяжело заворочался, сел и наконец проснулся. В его пронзительных синих глазах застыл вопрос. Староста снял крышку с металлического цилиндра, наполненного чем-то холодным, и протянул его Карсту. Тот отпил глоток. Шипучая жидкость ударила в нос, крестьянин чихнул быстро и незаметно, как кошка.

— Ну как сеанс, Карст? — спросил Амалфи.

— Трудно.— Крестьянин сделал еще глоток.— Но однажды разобравшись в чем-то, дальше идешь гораздо легче. Лорд Амалфи, Проктоpы утверждают, что ИМТ

спустился сюда с неба на облаке. Вчера я только верил в это, сегодня я это знаю.

— Да, ты прав,— сказал Амалфи.— Мы приведем в город других крестьян и будем их учить. Они научатся большему, чем просто физика или основы культуры. Они научатся свободе, начиная с самой первой — свободы ненавидеть.

— Я уже знаю этот урок,— с ледяным спокойствием ответил Карст,— но он вызывает у меня кое-какие опасения.

— Да,— зло согласился мэр,— у нас был посетитель, которого, как мне кажется, ты должен знать. Он приходил к нам с предложением. Мне и Хэзлтону оно показалось забавным, но мы не вполне его поняли. Карст, ты не мог бы нам помочь?

— Мэр, ему надо передохнуть,— нерешительно вмешался староста.— Когда человека внезапно выводят из обучающего сна, он испытывает сильный шок. Дайте ему хотя бы час отдыха.

Приступ бешенства был внезапным и яростным. Мэр хотел ответить, что ни Карст, ни город не имеют в запасе лишнего часа, но зачем столько слов, когда хватит одного.

— Вон! — прорычал Амалфи, и староста почел за лучшее исчезнуть.

...Карст внимательно наблюдал за тем, что было снято скрытой камерой. Человек на экране повернулся к ней спиной, расположившись перед пультом в кабинете управляющего, свет отражался от его бритой и смазанной маслом головы. Амалфи поглядывал на экран через левое плечо Карста, и его зубы крепко сжимали тонкую сигару, табак для которой был выращен в гидропонных оранжереях города.

— Почему этот человек лыс, как я? — спросил мэр.— Судя по черепу, он не стар, максимум сорок пять лет. Ты узнал его?

— Нет еще,— ответил Карст.— Все Прокторы бреют головы. Если бы он только повернулся... А-а, да. Это Халдон. Сам я видел его только однажды, но его легко узнать. Он молод, как почти все Прокторы. Халдон — координатор Великой Девятки. Некоторые даже считают его другом простых людей. Во всяком случае он не так скор на расправу, как остальные.

— Что ему здесь нужно?

— Возможно, он сам это скажет.

Карст не отрывал глаз от экрана.

— Ваш вопрос ставит меня в тупик,— раздался голос Хэзлтона, который находился сейчас где-то за кадром, но по тону управляющего можно было совершенно точно представить себе его лицо в эту минуту: тигр маскировался кошачьим мурлыканьем и улыбкой.— Мы, конечно, рады слышать о новой работе, требующейся для таких клиентов, как вы. Но мы совершенно не ожидали, что у ИМТ есть антигравитационные механизмы.

— Не считайте меня глупцом, мистер Хэзлтон,— спокойно заметил Проктор,— вам хорошо известно, что ИМТ однажды прилетел сюда точно так же, как и ваш город. Давайте будем считать друг друга несколько более осведомленными.

— Хорошо,— не стал спорить Хэзлтон.

— Тогда позвольте мне заявить, что вы готовите смуту. Вам следует быть осторожными, чтобы не выйти за рамки соглашения, поскольку вы опасаетесь разорвать его не меньше, чем мы. На время действия контракта каждый из нас находится под защитой закона и земной полиции.

Мэру Амалфи хорошо известно, что крестьянам запрещено разговаривать с вашими людьми, но, к сожалению, в обратную сторону запрет не действует. Если мы оказались не в состоянии оградить крестьян от общения с вашим городом, то вы, конечно, не обязаны делать это для нас...

— Что ж, в таком случае вы избавили меня от неприятности самому указывать на это обстоятельство,— в голосе Хэзлтона прозвучала едва заметная усмешка.

— Пусть так. Добавлю только, что, когда эта ваша революция начнется, я не сомневаюсь, на чьей стороне будет победа. Не знаю, какое оружие вы вложите в руки крестьян, но, полагаю, оно будет лучше, чем наше. У нас, к сожалению, нет вашей технологии. Мои коллеги со мной не согласны, но я реалист.

— Интересная мысль,— ответил Хэзлтон.

Последовала короткая пауза. В наступившей тишине было слышно лишь мягкое постукивание. По-видимому, это пальцы Хэзлтона выбивали нетерпеливую дробь на крышке стола. На лице Проктора нельзя было прочесть ничего.

— Великая Девятка считает, что мы сможем отстоять

свою собственность,— наконец произнес Халдон.— И если вы будете тянуть с подписанием контракта, начнется война. Справедливость на нашей стороне. Но, разумеется, правосудие Земли слишком далеко, так что вы, скорее всего, выиграете. Я же заинтересован в том, чтобы отыскать способ уйти отсюда.

— Уйти, не используя гипердвигателей?

— Вы поняли меня,— Халдон позволил ледяной улыбке коснуться уголков губ.— Я буду честен с вами, мистер Хэзлтон. Если дело дойдет до войны, я изо всех сил буду отстаивать наш мир. И сейчас пришел к вам только потому, что вы можете починить гипердвигатели ИМТ. Надеюсь, мне нет необходимости излишне распространяться на этот счет.

Казалось, что Хэзлтон законченный тупица.

— Я не вижу ничего, что заставило бы меня для вас хоть пальцем пошевелить,— задумчиво произнес он.

— Придется рассказать подробней. Прокторы будут воевать, поскольку считают, что эта планета принадлежит им. Скорее всего, война будет безнадежно проиграна, но она затронет и ваш собственный город. Военные действия нанесут ему непоправимые повреждения, и избежать этого вы не сможете. Далее. Никто из Прокторов, за исключением меня и еще одного человека, не знает, что гипердвигатели ИМТ всё еще способны действовать. Следовательно, у них просто не будет путей к отступлению и они попытаются вышвырнуть вас. Но с неисправными машинами и крестьянским бунтом впридачу...

— Сколь я понимаю,— подытожил Хэзлтон,— вы хотите улететь, пока ИМТ еще в состоянии покинуть планету целым и невредимым? И вы предлагаете эту планету нам, причем наш собственный ущерб будет минимальным. Хм-м, это интересно. Давайте посмотрим ваши гипердвигатели и определим, действительно ли они исправны. Они, конечно, могут хорошо выглядеть, но со временем любые машины портятся. Если они всё еще работают, мы вернемся к этому разговору. Хорошо?

— Договорились,— проворчал Халдон.

Амалфи сразу заметил в глазах Проктора блеск холодного удовлетворения — он так часто видел его, глядя на себя в зеркало. Этот бритый мальчишка совсем не умеет скрывать свои мысли... Мэр выключил экран.

— Ну и что? — спросил он у Карста через несколько минут.— Что ему было нужно?

— Трудно сказать,— медленно ответил Карст,— но будет большой глупостью дать или продать ему хоть какое-то преимущество. Его предложения — ложь, и приходил он не за этим.

— Вот именно,— хмыкнул Амалфи.— Кто там? А, привет, Марк. Что скажешь о нашем приятеле?

Хэзлтон шагнул из кабины лифта, пружинисто ступая крепкими ногами по бетонному полу; сейчас он еще больше походил на тигра — на тигра, которому уже не надо притворяться кошкой.

— Он глуп,— презрительно бросил управляющий,— но опасен. Ему известно далеко не все. Но Халдон не хуже нас знает, что мы сейчас можем только догадываться, куда он клонит, к тому же он у себя дома. Такой расклад мне не нравится.

— Мне тоже не нравится,— согласился Амалфи.— Когда враг начинает выдавать информацию — значит тут что-то не то! Думаешь, большинство Прокторов на самом деле не знают, что у ИМТ исправные гипердвигатели?

— Я уверен, все обстоит иначе,— произнес Карст.

Мэр и управляющий резко повернулись к нему.

— Прокторы не верят, что вы собираетесь захватить планету, а остальное их не заботит.

— Почему? — спросил Хэзлтон.— Я думал, они боятся именно этого.

— Вы никогда не владели миллионами рабов,— просто ответил Карст,— вы нанимаете крестьян, которые на вас работают, и платите им деньги. Это само по себе катастрофа для Прокторов. Они не в силах этого остановить, поскольку знают, что деньги, которые вы платите,— законные, за ними стоит мощь Земли. Они не могут удержать людей от стремления заработать. Это сразу бы вызвало бунт.

Амалфи взглянул на Хэзлтона. Деньги, которыми рассчитывался город, были долларами Странников. Они были законными только здесь, но отнюдь не на Млечном Пути. Их германиевое обеспечение обесценилось. Неужели Прокторы столь наивны? Или ИМТ слишком стар и у него нет мгновенных дираковских передатчиков, а потому Прокторы ничего не слышали об экономическом крахе в родной галактике?

— А гипердвигатели? — спросил Амалфи.— Кто еще из Великой Девятки знает о них?

— Эйсор, конечно,— сказал Карст.— Хранитель ре-

лигии. Он до сих пор ежедневно практикует все тридцать йог Семантической Строгости и возводит себя на каждую ступень Лестницы Абстракции. Пророк Малвин запретил полеты навечно, так что Эйсору вряд ли захочется позволить ИМТ летать.

— У него на это веские причины,— хмуро заявил Хэзлтон.— Религии редко существуют в вакууме и всегда влияют на общество, отражением которого являются. Он, вероятно, просто боится гипердвигателей. Зная о них, слишком просто совершить переворот и захватить власть. ИМТ не посмел бы оставить свои гипердвигатели в работоспособном состоянии.

— Продолжай, Карст.— Амалфи жестом остановил управляющего.— Как насчет других Прокторов?

— Есть еще такой Бемайди, но его вряд ли следует принимать в расчет. Дай мне подумать. Насколько я помню, остальных я никогда не видел. Единственный, кто, как мне кажется, может иметь к этому отношение,— это Лэрри, старик с вечно недовольным лицом и здоровенным брюхом. Он обычно на стороне Халдона, но редко следует за ним постоянно, и его меньше других будут беспокоить деньги, зарабатываемые крестьянами. Он найдет способ отнять их у нас, хотя бы объявив праздник в честь посещения землянами нашей планеты. Его обязанность — сбор десятины.

— Может он позволить Халдону восстановить гипердвигатели ИМТ?

— Нет, скорее всего нет. По-моему, Халдон не лгал, когда говорил, что должен хранить это в тайне.

— Не знаю,— сказал Амалфи,— мне его затея не нравится. На первый взгляд все выглядит так, будто Прокторы надеются выставить нас с планеты, как только истечет контракт, а затем собрать все деньги, что мы заплатим крестьянам. Но это же безумие! Как только полиция обнаружит настоящее название ИМТ, а на это не потребуется много времени, она просто разрушит оба города. Такая удача выпадает им не каждый день.

Карст вздрогнул:

— Это потому, что ИМТ как раз тот город Странников, который... который совершил... на Торе-V?

Амалфи вдруг почувствовал, как к горлу подкатил ком.

— Оставь это, Карст. Нам не стоит распространяться об этой истории еще и в Облаке. Ее нужно было стереть из твоей обучающей программы.

— Теперь я знаю,— спокойно произнес Карст,— и я не удивлен. Прокторы никогда не меняются.

— Забудь это. Забудь это, ты слышишь? Забудь все, Карст. Ты можешь вернуться назад и быть просто молчаливым крестьянином?

— Вернуться назад к земле? — спросил Карст.— Это, пожалуй, трудновато. У моей жены теперь наверняка новый мужчина...

— Нет, я не о том. Я хочу пойти с Халдоном и взглянуть на его гипердвигатели. Мне нужно взять кое-какое оборудование, и еще мне нужна помощь. Ты пошел бы со мной?

Управляющий недоуменно вскинул брови.

— Ты собрался шутки шутить с Халдоном, босс?

— Именно. Конечно, он знает, что мы обучаем крестьян, но совсем другое дело, когда он это увидит своими глазами. Весь его жизненный опыт восстанет против такого святотатства. Он совершенно не в состоянии думать о тех, кто для него безмолвные рабы, как о людях, способных мыслить. Он знает, что у нас их здесь сотни, но еще не понял, что́ это значит. Он допускает, что мы в состоянии кое-что втолковать им или собрать из них вооруженную толпу. Но не может и представить, что крестьяне могут научиться чему-то иному, кроме обращения с легким стрелковым оружием, и притом гораздо более опасному!

— Почему ты так уверен? — спросил Хэзлтон.

— Простая аналогия. Помнишь планету Тета Альфы Фицджеральда, местные жители там еще для чего угодно используют лошадей, от перевозки грузов до верховой езды? Предположим, ты приехал туда, где тебе сказали, что несколько лошадей умеют говорить. И, допустим, к тебе подойдет некто, чтобы пожать руку, и при этом он вежливо приподнимет цилиндр, открывая лошадиные уши (извини, Карст, но дело есть дело). Разве после этого ты сможешь думать, будто это была говорящая лошадь? Ты так и не привыкнешь к мысли, что лошади умеют говорить.

— Хорошо.— Хэзлтон про себя улыбнулся явному смущению Карста.— Что мы теперь будем делать, босс? Полагаю, ты уже все решил. Как ты окрестишь свою новую стратегию?

— Ну-у,— ухмыльнулся мэр,— если тебе не нравятся длинные названия, то пусть это будет хотя бы фокус политической мимикрии...

Амалфи бросил взгляд на задумчиво-отсутствующее лицо Карста и ухмыльнулся еще шире.

— Или,— продолжил он,— тонкое искусство замены своей шкуры шкурой оппонента.

3

ИМТ был приземист, глубоко врос в каменистую почву и уже многие века неизменен, как старое кладбище. Его тишина походила на покой смерти, а Прокторы, носившие веерообразные жезлы, украшенные маленькими колокольчиками,— знак своего сана,— и коловшие фанатиков культа великого пророка Малвина их заостренными наконечниками, очень смахивали на монахов, прогуливающихся среди надгробий.

Тишина объяснялась просто. Крестьянам не разрешалось самим говорить в стенах ИМТ, пока к ним не обратятся, а Прокторы редко разговаривали с ними. Для Амалфи это было молчанием в память о миллионах убитых на Торе-V. Он удивился бы, окажись сами Прокторы в состоянии слышать первозданную тишину их города.

Абсолютно голый крестьянин, проходя мимо, бросил на Халдона робкий взгляд и поднял руку к губам в установленном жесте почтения. Халдон снисходительно кивнул. Амалфи постарался никак не выразить своего отношения к этой сцене.

Карст, тащившийся за Амалфи, бросил на Халдона осторожный взгляд, опасаясь привлечь излишнее внимание Проктора. Они прошли через площадь, в центре которой возвышалась скульптурная группа, настолько источенная ветром, что почти потеряла целостность.

Вечность, размышлял Амалфи, это не для монументов.

Острый взгляд мог определить, что камень на пьедестале был не чем иным, как средней величины метеоритом. Скульптура, высеченная из этой глыбы камня в стиле древнего ваятеля Мура, два тысячелетия назад имела вполне определенный смысл. Она изображала фигуру могучего человека, попиравшего ногой шею более слабого. Очевидно, когда-то ИМТ действительно гордился памятью о Торе-V...

— Перед вами храм,— резко произнес Халдон.— Машинное отделение внизу. В этот час там не должно быть никого, но я лучше проверю. Подождите здесь.

— А если кто-нибудь нас заметит? — спросил Амалфи.

— Этой площади обычно избегают. К тому же я расставил своих людей, чтобы они отвлекли случайных прохожих. Если вы не забредете слишком далеко, то будете в безопасности.

Проктор направился к огромному, напоминающему колокол зданию и скрылся в боковой двери. За спиной Амалфи Карст начал что-то напевать хрипловатым голосом. Мелодии, которую когда-то связывали с городом Кзан, было слишком много лет, и Амалфи ее не знал, хотя никогда не был глух к музыке.

Карст пел:

...Вихрем настежь растворены
Малвина праведные врата...

Мэр вдруг обнаружил, что слушает Карста, словно сова, выслеживающая мышь:

Чтоб Пустоши сжечь, он воссиял
Пламенем факела, а не свечи,
Силы повстанцев ручей иссякал.
Холодные звезды сияли в ночи,
ИМТ наносил небесный удар!

Заметив, что Амалфи прислушивается, Карст слегка смутился.

— Продолжай, Карст,— попросил Амалфи.— Что там дальше?

— Не хватит времени. Есть сотня версий, и каждый певец добавляет к песне хотя бы по одному собственному куплету. Правда, она всегда кончается одинаково:

Был черен от крови могильный курган,
И рушились башни в пыль и слизь.
Смертный урок был отступникам дан,
Их души как брызги летели ввысь,
*ИМТ наносил небесный удар!**

— Вот это герои,— зло бросил Амалфи.— Похоже, мы в самом деле попали в скверное положение — под каток, я бы сказал. Мне кажется, я слышал эту песню неделю назад.

— Что она тебе может говорить? — спросил Карст удивленно.— Это ведь только старая легенда.

---

* Перевод В. Мартыненко.

— Она объясняет, зачем Халдон хочет починить гипердвигатели. Я знаю, что он не сказал ни одного слова правды, но этот старый лапутянский трюк* со мной не пройдет. Новые города не настолько сильнее в космосе, чтобы рисковать, но своей массой взлетевший ИМТ может раздавить нас в лепешку, а нам нечем будет ответить!

— Я не понял.

— Это проще простого. Твой Малвин когда-то использовал ИМТ вроде щипцов для колки орехов. Он поднимал город в воздух и опускал его на противника. Этот фокус, насколько мне известно, был придуман еще до космических полетов. Карст, подойди поближе, возможно, мне придется кое-что сказать тебе на виду у Халдона, так что следи за мной. Тс-с-с, он идет сюда...

Вернувшись к ним, Проктор буркнул что-то, что могло сойти за приглашение, и повел их за собой внутрь храма.

— Думаю,— сказал он, когда дверь закрылась,— мы сможем заплатить вам любую цену, мэр Амалфи.

Проктор поставил ногу на выступающую из пола каменную пирамидку и надавил на нее. Амалфи внимательно наблюдал за ним, но ничего не произошло. Он осветил фонарем безликие каменные стены подземелья, затем опять направил луч на пол. Халдон нетерпеливо лягнул маленькую пирамидку.

На этот раз послышался протестующий скрежет. Медленно и неохотно каменный блок пяти футов в длину и двух в ширину начал со скрипом подниматься. Луч фонаря устремился в отверстие, освещая узкий ряд ступеней.

— Всего-то? — хмыкнул Амалфи.— А я ожидал, что оттуда по крайней мере выйдет Джонатан Свифт. Хорошо, Халдон, ведите нас.

Проктор стал осторожно спускаться вниз, брезгливо поддерживая полы одежды, чтобы не намочить их. Карст шел последним, согнувшись под тяжестью ноши. Сквозь тонкие подошвы сандалий Амалфи ощущал холод и сырость, влага сочилась со стен узкого коридора. Он вне-

---

* Намек на слова Гулливера относительно того, каким способом властитель летающего острова Лапуту подавлял восстания: "Если мятежники продолжают упорствовать, король применяет... решительное средство: остров опускается на головы непокорных и расплющивает их вместе с домами". (Джонатан Свифт "Путешествия Лемюэля Гулливера". Перевод Б. М. Энгельгардта.) — *Прим. ред.*

запно почувствовал непреодолимое желание закурить сигару, почти реально ощутил ее аромат. Но руки следовало держать свободными.

Он уже готов был допустить, что гипердвигатели разрушены всей этой сыростью, но тут же отбросил расслабляющую мысль. Это было бы слишком просто и, кроме того, в таком случае их ждала неизбежная гибель. Если же люди Амалфи назовут эту планету своей, ИМТ вынужден будет улететь.

Мэр, как всегда в критических ситуациях, попытался, задержав дыхание, на несколько мгновений отрешиться от окружающего, сосредоточив мозг лишь на проблеме, угрожавшей самому существованию его города. Это было приемом, позаимствованным цивилизацией Странников у последователей одного из древних восточных учений.

Ступени вдруг кончились в маленькой камере, настолько тесной, холодной и захламленной, что она казалась пещерой. Пятно света от фонаря обшарило стены и наткнулось на опечатанную пломбой овальную дверь из серого металла — наверняка свинцовую. Итак, гипердвигатели ИМТ "горячие"? Это было уже хуже, поскольку отсылало Амалфи к самому началу эпохи гиперпространственных полетов, а тут он был не слишком уверен в своих знаниях.

— Это они? — спросил Амалфи.

— Это — дорога к ним,— кивнул Халдон, дернув неприметную ручку.

Как только дверь за ними закрылась, под потолком вспыхнули люминесцентные лампы, бросая голубые блики на лица людей и горбатые кожухи двигателей. Здесь воздух был совершенно сух — очевидно, машинное отделение сохранялось опечатанным, и Амалфи не смог подавить резкий укол разочарования. Он небрежно оглядел огромные машины и проверил пару контрольных панелей.

— Порядок? — резко спросил Халдон. Казалось, он из последних сил сдерживает нервы. Это доказывало, что Проктор мог действовать только из честолюбия, а официальная политика Великой Девятки была тут ни при чем. Халдону в этом случае придется туго, если только соправители увидят его здесь со Странниками.

— Вы будете их проверять?

— Разумеется,— отозвался Амалфи,— только я несколько смущен их размерами.

— О, это действительно древняя техника,— усмехнулся Проктор.— Конечно, они в несколько раз больше сегодняшних.

Проктор ошибся — гипердвигатели города Амалфи были всего лишь немногим компактнее самых первых, хотя и гораздо мощнее. Это замечание бросило новую тень сомнения на статус Халдона. Раньше Амалфи предполагал, что Проктор не позволит ему даже дотрагиваться до гипердвигателей за исключением контрольных тестов. Техники ИМТ должны были уметь ремонтировать двигатели хотя бы с помощью инструкций, а сам Халдон или любой другой Проктор не мог не знать физику настолько, чтобы не понять объяснений Амалфи. Теперь он в этом не был столь уж уверен и по невежеству, прозвучавшему в словах Проктора, понял, что может творить тут что угодно — бояться все равно нечего.

Мэр приставил металлическую лестницу к узкому мостику, тянувшемуся между колпаками генераторов, взобрался наверх и оглянулся на Карста.

— Эй, болван, не стой как бревно! — презрительно крикнул он.— Иди сюда и неси инструменты.

Карст послушно поднялся на несколько ступенек. Не обращая на Халдона ни малейшего внимания, Амалфи аккуратно вскрыл контрольную панель и с интересом заглянул внутрь. Под крышкой находились мощная цепь выпрямления тока и усилитель для какого-то управляющего устройства — вероятно, примитивного компьютера. В усилителе было больше вакуумных ламп, чем Амалфи видел за всю свою жизнь, а две из них были размером с кулак.

Карст наклонился и поставил мешок на подставку. Амалфи достал длинный тонкий кабель и подсоединил к ближайшему разъему. Маленькая неоновая лампочка загорелась красным светом.

— Ваш компьютер все еще работает,— сообщил он,— правда, неизвестно, в своем ли он уме. Халдон, могу я включить главные блоки?

— Я сам их включу,— хмуро отозвался Проктор.

Он повернулся и пошел к пульту в другом конце зала.

Амалфи что-то прошептал, не разжимая губ. Карсту это должно было показаться жутким. Искусство чревовещания заключается в замене согласных на звуки, которые не требуют движения губ. Если звук производится только при участии горла, речь отличается от обычной

лишь пониженной четкостью. Когда ее слышат издалека, она становится похожей на японскую.

— Смотри за Халдоном, Карст. Запоминай расположение кнопок, которые он нажимает.

Лампы загорелись. Карст едва заметно кивнул. Проктор смотрел снизу, как Амалфи тестирует цепи.

— Они будут работать? — спросил наконец Халдон. Его голос звучал приглушенно, словно Проктор боялся быть услышанным.

— Думаю, да. Одна из этих ламп испорчена, возможно, есть и несколько других неисправностей. Лучше пройти весь участок, прежде чем пытаться включать. У вас есть возможность проверить лампы?

По лицу Халдона пробежала тень, несмотря на явные попытки не выдать эмоций. Вероятно, он без труда мог дурачить любого из своих людей, но Амалфи, как всякий мэр Странников, читал игру лицевых мускулов так легко, словно это была исповедь.

— Решено,— сказал Проктор.— Это все?

— Никоим образом. Думаю, вам придется убрать примерно половину электрических цепей и заменить их транзисторами там, где это возможно. Мы продадим вам германий по обычным ценам. В этом блоке двести или триста ламп, и, если он перегорит в полете, вашему городу конец.

— Вы можете показать, как это сделать?

— Допустим,— ответил мэр.— Если вы позволите мне проверить всю систему, я дам вам точный ответ.

— Хорошо,— сказал Халдон,— но соображайте побыстрее. Я могу потратить на все лишь половину завтрашнего дня.

Это лучше, чем предполагал Амалфи,— гораздо лучше. Получив так много времени, он мог выяснить, где расположен главный пульт управления. Но тон Халдона был вопиющим нарушением договора, а сами его слова до глубины души возмутили Амалфи — впрочем, теперь уже ничего нельзя изменить. Он поискал лист бумаги и карандаш и принялся за наброски схемы двигателей.

После того как он нашел простой способ вывести из строя первый генератор, стало легче блокировать главные цепи второго. На это ушло около часа, но Халдон только расхаживал внизу, погруженный в свои мысли, и не проронил больше ни слова.

Третий гипердвигатель завершал картину, оставляя

Амалфи в недоумении, зачем вообще понадобился четвертый. Этот четвертый был направлен вертикально вниз и представлял собой стартовый двигатель, сконструированный так, чтобы компенсировать поломку любого из основных гипердвигателей и превратить падение в посадку. Для управления им использовалась простая, легко восстанавливаемая цепь, через которую проходили все корректирующие команды компьютера. Таким образом, любая коррекция приводила к маленькой, но серьезной встряске всей системы. Гипердвигатели ИМТ были установлены еще два тысячелетия назад, но они по-прежнему могли поднять город в воздух, и с этим приходилось считаться.

Амалфи закончил проверку генератора стартового двигателя и выпрямился, мучительно расправляя затекшие мышцы. Он не знал, сколько времени на это потратил. Казалось, прошли месяцы. Халдон теперь наблюдал за ним широко открытыми внимательными глазами, вокруг которых уже легли синие круги.

Но Амалфи так и не обнаружил точки, из которой можно было бы контролировать все гипердвигатели ИМТ. Пульт управления явно находился где-то в другом месте — главный кабель уходил в трубу и скрывался в потолке.

"...ИМТ наносил небесный удар..."

Амалфи притворно зевнул и опять склонился к вскрытому нутру стартового двигателя. Карст сидел на корточках рядом с ним и откровенно спал — расслабленно и уютно, как кошка, дремлющая на высоком карнизе. А Халдон все смотрел.

— Я готов выполнить эту работу,— сказал Амалфи,— но она может отнять не меньше недели.

— Я предполагал, что вы так скажете,— помедлив, ответил Халдон,— и рад бы дать время закончить. Но мы не станем менять электрические цепи.

— Вам это необходимо.

— Возможно. Но у двигателей большой запас надежности, иначе наши предки никогда бы не взлетели в космос. Вы понимаете, мэр Амалфи, что мы не можем рисковать и доверить вам работу, которую не в состоянии проконтролировать. Причем выигрыш от нее — лишь повышение надежности. Если машины будут работать и так, этого вполне достаточно.

— О, они будут работать,— усмехнулся Амалфи и

принялся методично упаковывать свое оборудование.— Какое-то время. Честно говоря, это просто небезопасно — они могут выйти из строя в любую минуту.

Халдон только пожал плечами. Амалфи чуть задержался наверху и с показной грубостью толчком разбудил Карста. Причем толкнул сильно — не стоило недооценивать прирожденного надзирателя. Карст взвалил на плечи мешок, и они спустились на пол по металлической лестнице.

Проктор улыбался. И это была неприятная улыбка.

— Небезопасно? — произнес он.— А я никогда и не предполагал, что двигатели абсолютно надежны. Но сейчас опасность исходит отнюдь не от двигателей.

— Почему? — спросил Амалфи, пытаясь успокоить дыхание. Он очень устал и не знал, который час.

— Вам известно, сколько сейчас времени, мэр Амалфи?

— Утро, если не ошибаюсь,— вяло сказал Амалфи и плотнее надел мешок на опущенные плечи Карста,— поздно во всяком случае.

— Очень поздно,— согласился Халдон, не скрывая радости. Затем злорадно прокаркал: — Контракт между твоим городом и моим истек сегодня в полдень. Сейчас — час дня, мы пробыли здесь всю ночь и утро. И твой город все еще на нашей земле в нарушение контракта!

— Оплошность...

— Нет, наша победа.— Халдон вытащил из складок одеяния тонкую серебряную трубку и дунул в нее.— Мэр Амалфи, вы можете считать себя военнопленным.

Трубка издала неразличимый для уха звук, но в комнате уже и так стояли десять человек. Их мезонные винтовки были такими же древними, как и гипердвигатели ИМТ.

И подобно гипердвигателям, они казались вполне исправными.

4

Карст застыл на месте, но Амалфи вывел его из оцепенения незаметным щелчком по ребрам и пересыпал содержимое своего маленького пакета в мешок крестьянина.

— Вы послали сообщение земной полиции, не так ли? — поинтересовался он.

— И очень давно. Так что можете на нее не надеяться. Позвольте вам сообщить, мэр Амалфи, что если вы рассчитывали найти здесь пульт управления, то я достаточно хорошо подготовился, чтобы не дать вам этого сделать. Вы ожидали от меня слишком большой глупости.

Амалфи промолчал и начал невозмутимо перекладывать инструменты.

— Вы делаете слишком много лишних движений, мэр Амалфи. Поднимите руки вверх и медленно повернитесь. Медленно, я сказал!

Амалфи поднял руки и повернулся. В каждой руке он держал по маленькому черному предмету, размером и формой напоминающему куриное яйцо.

— Я ожидал ровно столько глупости, сколько и оказалось,— произнес он спокойно.— Вы видите, что́ я держу в руках? Я могу бросить и действительно брошу одно или оба, если в меня выстрелят. Я могу просто уронить их. Мне осточертел ваш набитый призраками город.

Халдон фыркнул: — Взрывчатка? Газ? Это просто смешно, мэр. Что бы там у вас ни было, такая маленькая вещь не может содержать достаточно энергии, чтобы разрушить город, и вам не удастся меня обмануть. Или вы принимаете меня за дурака?

— Жизнь вам это докажет,— кивнул Амалфи.— Когда вы позвали меня сюда, стало ясно, что тут будет засада. Я мог бы привести с собой охрану. Вы не встречались с моей полицией, а они крепкие парни и так долго не имели возможности поразмяться, что были бы рады случаю проверить свои навыки на местных воронах. Я покинул свой город без телохранителей только потому, что мне нетрудно защитить себя и без них. Вам понятно?

— Яйца,— хмыкнул Халдон.

— Вы необыкновенно догадливы — это действительно яйца, а черный цвет — анилиновая краска, нанесенная на скорлупу для предупреждения. Они содержат эмбрионы цыплят, привитых мутированной легочной чумой, инициируемой воздухом. Чуму мы вывели в нашей бактериологической лаборатории. Космос и свободное время создают прекрасные условия для подобных экспериментов — город Странников, специализирующийся на биологии, поделился с нами этим секретом несколько столетий назад. Всего лишь пара куриных яиц, но если я уроню их, вы поползете за мной на брюхе, чтобы вымолить укол вакцины. Ее мы тоже разработали.

Повисла тишина, нарушаемая лишь судорожным дыханием Проктора. Стражники ошеломленно смотрели на черные яйца, и дула их винтовок уже не были нацелены на Амалфи. Мэр выбрал оружие весьма продуманно. Феодальные общества панически боялись чумы — они видели ее слишком часто.

— Хорошо,— наконец сказал Халдон.— Хорошо, мэр Амалфи. Вы и ваш раб можете свободно выйти из этой комнаты...

— ...И из этого города. Но если я услышу хотя бы шорох за своей спиной, я сразу же бросаю эти штуки на пол. Вы их обязательно увидите по вспышкам — вирус генерирует немного газа.

— Пусть так,— процедил сквозь зубы Проктор,— и из города тоже. Но ты ничего не выиграл, Амалфи. Если ты даже и доберешься до своих, то поспеешь как раз вовремя, чтобы увидеть победу ИМТ, которой сам же помог. Хотя не думаю, что эта новость слишком тебя обрадует.

— Ничего подобного,— холодно и безжалостно ответил Амалфи.— Я знаю об ИМТ все, Халдон. Это конец дороги Бешеных Собак. Когда вы будете подыхать — ты и все твое воронье с Интерстеллар Мастер Трейдерс,— вспомните Тор-V!

Халдон побелел как бумага. Затем кровь бросилась к его пухлым щекам.

— Пошел вон,— прошипел он едва слышно и вдруг завизжал: — Вон! Вон!

Небрежно жонглируя яйцами, Амалфи направился к свинцовой двери. Карст неуклюже двинулся за ним и, проходя мимо Халдона, отвесил тому раболепный поклон. Амалфи подумал, что крестьянин переборщил, но, судя по всему, Карст по-прежнему казался Проктору лошадью.

Дверь тяжело захлопнулась, скрыв искаженное бешенством и страхом лицо Халдона, а заодно и блеск оружия в руках его охраны. Амалфи сунул руку в мешок Карста, спрятал одно яйцо в гнездо из мягкого пластика, а взамен извлек устрашающего вида пистолет системы Шмайсера — старый, как винтовки стражников ИМТ. Это произведение древних оружейников он засунул за пояс.

— Теперь быстрей наверх, Карст. Быстрей. У меня тут остались еще кое-какие дела. Как ты думаешь, где

может находиться пульт управления двигателями? У тебя есть какие-нибудь догадки? Кабель уходил прямо в потолок машинного зала.

— На вершине храма,— ответил Карст, уже взбираясь по узким высоким ступеням огромной лестницы.— Вверху, в Звездном Куполе, где собирается Великая Девятка. Никакой другой дороги туда нет.

Они вбежали в холодное каменное преддверие. Мэр пошарил по полу лучом фонаря, отыскал выступающую из камня пирамидку и быстро наступил на нее. С раскатистым грохотом перед ним опустилась наклонная плита, превратившись в еще один блок пола. Халдон, разумеется, с любого из пультов мог вновь поднять ее и преградить им дорогу назад, но, судя по всему, решил не рисковать — при движении плита немилосердно скрипела, и первый же шум предупредил бы Амалфи. В том, что мэр бросит черное яйцо, Халдон явно не сомневался.

— Лучше всего, если бы ты поскорее выбрался из города и прихватил с собой всех крестьян, каких найдешь,— сказал Амалфи,— но на это уйдет время. А мне нужно, чтобы кто-то отключил энергопитание в подвале, поэтому я и просил тебя запомнить, что там нажимал Халдон. Сам я пойду в Звездный Купол. Проктор об этом догадывается и со всей командой отправится за мной. Когда он пройдет мимо, Карст, ты должен спуститься вниз и отключить энергию...

Прямо перед ними была низкая дверца, через которую Халдон провел их в храм. Отсюда вверх вело множество ступеней, освещенных ярким дневным светом.

Амалфи приоткрыл дверь на пару дюймов и посмотрел в щель. Ослепленный солнцем, он сперва увидел только расплывчатые тени. Через площадь тащилась дюжина полусонных крестьян в сопровождении Проктора.

— Найдешь дорогу обратно в этот склеп? — прошептал Амалфи.

— Туда только одна дорога.

— Хорошо. Тогда иди. Брось мешок за дверью, он нам больше не нужен. Как только Халдон поднимется по этим ступеням, спускайся вниз и нажми переключатель. Затем уходи из города, у тебя будет еще четыре минуты — время нагрева электронных ламп, смотри не задерживайся дольше. Понял?

— Да. Но...

Что-то похожее на камешек мелькнуло над храмом и исчезло в небе. Амалфи прищурился.

— Ракета,— произнес он.— Иногда удивляюсь, зачем я настоял на выборе этой примитивной планеты. Может, когда-нибудь я и научусь любить ее... Пока, Карст.

Он двинулся по ступеням.

— Они схватят тебя! — крикнул ему вслед крестьянин.

— Меня им не схватить. К тому же другого выхода нет, Карст. Иди прячься.

Еще одна ракета ушла вверх, и где-то очень далеко грохнул взрыв. Амалфи бросился по лестнице к Звездному Куполу.

Лестничные пролеты были длинными, кривыми и к тому же узкими, а сами ступени такими маленькими, что выводили из себя. Амалфи вспомнил, что Прокторы никогда не поднимались по лестнице самостоятельно — их на руках несли крестьяне. Эти муравьиные ступени были сделаны для устойчивости носильщиков, но не для быстрой ходьбы.

Насколько Амалфи видел, лестница плавно поднималась вдоль внешней стороны купола храма, описывая полтора оборота от его основания до вершины. Зачем? Казалось бы, Прокторам утомительно подниматься по длинным маршам лестницы даже на руках слуг. Почему пульт управления не мог находиться внизу, рядом с гипердвигателями, а не на такой верхотуре?

Он прошел пол-оборота лестницы, прежде чем понял одну из причин. Амалфи все время слышал шелест толпы, вливающейся под купол через узкую дверь,— там, очевидно, начиналась служба. Чем выше он поднимался, тем отчетливее становились голоса, пока не стали слышны даже отдельные слова. Под самым полом Звездного Купола находился геометрический фокус свода храма — Проктору достаточно было приложить ухо к стене, и он мог услышать любой шепот в толпе молящихся.

Гениально, признал Амалфи. На планетах с теократическим правлением заговорщики обычно считают храмы самым безопасным местом для встреч. И почти на всех таких планетах подслушивание поднято до уровня искусства.

Тяжело дыша, он вскарабкался по последним ступенькам. Плотно закрытая дверь, сплошь усеянная псевдовизантийскими завитушками, смотрела прямо на него. Но

в этот момент он был далек от восхищения и не долго думая ударил ногой по узору из синтетических сапфиров. Дверь распахнулась.

Амалфи с первого взгляда почувствовал разочарование. Круглая комната походила скорее на монашескую келью, чем на пристанище Великой Девятки. Из мебели в ней был лишь тяжелый деревянный стол и девять жестких кресел — и никакого пульта управления. Здесь не было даже окон.

Это и натолкнуло его на разгадку. Звездный Купол не мог быть нигде в другом месте: рядом с ним находилась навигационная рубка. В таком древнем городе, как ИМТ, получить максимальный угол обзора можно было только поместив рубку в самую высокую точку. По-видимому, Амалфи забрался еще не на самый верх.

Он взглянул на потолок. В центре одной из каменных плит виднелась полукруглая чашеобразная выемка размером не больше монеты, с сильно стертыми краями.

Амалфи усмехнулся и посмотрел на стол — там лежал шест с крючком в виде клюва хищной птицы на конце. Мэр взял шест и надавил клювом в углубление.

Плита опустилась вниз точно так же, как в комнате с генераторами: предки Прокторов были не слишком разнообразны. Край плиты почти коснулся стола. Амалфи вскарабкался на стол и сделал несколько шагов вперед; тут что-то щелкнуло, и плита со скрежетом встала на прежнее место.

Это и была рубка управления — крошечная, забитая густо покрытыми пылью панелями. Бычьи глаза иллюминаторов из толстенного стекла давали круговой обзор. В комнатке было всего одно кресло, перед которым горел единственный зеленый огонек. Когда Амалфи подошел, тот погас: Карст отключил питание.

Амалфи надеялся, что крестьянин успеет убежать. Карст ему все больше нравился. Его смелость, прошедшая через жестокие испытания, ненасытность изголодавшегося ума напоминали Амалфи кого-то смутно знакомого из далекого прошлого. Того, что этот кто-то был сам Амалфи в молодости, мэр не знал, и уже не осталось никого, кто мог бы ему это подсказать.

Гипердвигатели просты в управлении, и Амалфи не составило труда запрограммировать навигационный компьютер так, чтобы он блокировал некоторые электронные цепи. Это оказалось даже легче, чем можно было ожи-

дать. Но как скрыть все, что он сделал, если каждое движение оставляло следы в пустом слое пыли на пультах? Тут задача была трудней. После некоторых раздумий он стащил с себя рубаху и стал ею размахивать. В результате он расчихался до слез, но своего добился: на первый взгляд ничего заметно не было.

Теперь все сделано как надо.

Внизу, в Звездном Куполе, уже слышались топот и крики, но Амалфи не опасался прямого нападения. У него все еще оставалось черное яйцо, и Прокторы это знали. Кроме того, шест с клювом тоже был у него, и чтобы попасть в рубку, один из Прокторов должен встать другому на плечи. Спортивная форма владык ИМТ оставляла желать лучшего, к тому же им следовало бы знать, что люди, пускающиеся в такие фокусы, могут быть легко побеждены простым ударом в зубы.

Тем не менее Амалфи вовсе не собирался провести остаток дней в этой рубке. На то чтобы покинуть город у него оставалось не более шести минут.

Прикинув, какой эффект произведет его появление, Амалфи снова встал на каменную плиту и вместе с ней торжественно соскользнул вниз — прямо на стол в Звездном Куполе.

Десяток рук тут же вцепился в него. Перед ним оказалось лицо Халдона, совершенно неузнаваемое от ярости и страха.

— Что ты сделал? Отвечай, или я прикажу разорвать тебя на куски!

— Не будьте идиотом. Скажите своим людям, чтобы они отошли от меня. Ваше обещание еще действует, а если вы отречетесь от него, у меня осталось то оружие, которое заставило вас это обещание дать. Уберите руки, или...

Охранники поняли все прежде чем он договорил. Халдон тяжело взобрался на стол и поплелся вверх по наклонной плите. Еще несколько бритоголовых людей в черных тогах, отталкивая друг друга, двинулись за ним — видимо, Халдону пришлось-таки покаяться во всем перед Великой Девяткой. Амалфи незаметно выбрался за дверь и сделал два шага вниз. Затем он наклонился, осторожно положил черное яйцо на порог и бросился вниз по ступеням в отчаянное состязание со смертью.

Халдону потребуется минута на то, чтобы включить пульты управления и обнаружить, что, пока он гонялся

за Амалфи, генераторы были отключены, следующая минута на то, чтобы послать кого-то в подвал включить генераторы. Затем должно будет пройти время нагрева ламп — еще четыре минуты. После этого ИМТ взлетит.

Амалфи выбежал из здания и бросился по аллее, ведущей к площади, увертываясь от изумленных охранников. За его спиной поднялся крик. Он пригнулся и добавил скорости.

Улица погружалась в сумерки. Он бросился в тень и свернул за ближайший угол. Карниз здания над ним вдруг осыпался ослепительными белыми каплями — и только потом до него донесся взвизг мезонной винтовки. Амалфи попытался думать о чем-нибудь другом.

Кратчайший путь до границы города, насколько он помнил, проходил по улице, с которой он только что свернул, впрочем, о ней теперь не могло быть и речи. Но уносить ноги из ИМТ надо как можно быстрее.

Задыхаясь, он бежал что было сил. В него стреляли еще пару раз, причем стрелявшие даже не знали, в кого целятся. Просто Амалфи был человеком совершенно не подходившим под какие бы то ни было категории, и сбитые с толку охранники палили скорее для порядка.

...Земля задрожала осторожно, как шкура чудовища, стряхивающего во сне мух. Каким-то образом Амалфи нашел в себе силы бежать еще быстрее.

Дрожь снова сотрясла ИМТ, на этот раз гораздо сильнее. Затем ударил долгий протяжный гром, и тяжелая волна прокатилась через весь город. Из домов, словно ошпаренные кипятком, посыпались Прокторы.

При третьем ударе что-то взорвалось в самом центре города. Амалфи был захвачен водоворотом, в котором перемешались черные тоги Прокторов, вылинявшие рубахи крестьян и комбинезоны техников и охраны.

Земля под ним стонала все громче и громче. Амалфи, работая локтями, вырвался вперед. Толпа, вопя, спотыкаясь и падая, ринулась следом. Отовсюду слышались отчаянные крики, но хуже всего было тем, кто оставался внутри зданий. Над головой Амалфи со звоном распахнулось окно, и из него выбросилась женщина.

Мэр поднялся, стер брызнувшую на него кровь и побежал дальше. Тротуар впереди был расколот на причудливые куски, подобно мозаике безумного мастера. Сразу за ним плиты были сдвинуты набок и вздыблены, словно

глыбы льда в ледоход, который Амалфи видел когда-то на одной из планет.

Он вскарабкался на них прежде чем понял, что это и есть граница старого города ИМТ. Большая часть зданий находилась по ту сторону огромного, утыканного расколотыми плитами рва, показывавшего, где край древнего города Странников врос в почву планеты. Отчаянно спеша, Амалфи перебирался с камня на камень — это было самое опасное место: если бы ИМТ взлетел именно сейчас, камни перемололи бы мэра в фарш. Только бы добраться до вересковой пустоши!

Грохот за его спиной нарастал, пока не превратился в треск, словно где-то рвали огромную металлическую ленту. Впереди, на востоке, его собственный город сиял в последних лучах двух солнц. Над ним шел бой, и крохотные яркие искры вспыхивали в темнеющем небе. Оттуда доносился тонкий свист ракетных катеров, круживших над прозрачным куполом и сбрасывавших на него какие-то черные точки. Город Странников отвечал струями дыма.

Затем над городом словно взорвалось одно из солнц, и, когда Амалфи снова смог видеть, в небе осталось только три катера. В следующие несколько секунд не останется ни одного. Отец Города никогда не ошибался.

Наконец Амалфи почувствовал под подошвами сандалий податливый дерн, споткнулся и упал, вскрикнув от боли в ноге.

Он попытался встать. Иссохшая земля, на которой стоял древний город, угрожающе затрещала. Приподнявшись на локте, Амалфи огляделся. Совсем рядом с ним огромные глыбы земли вспучивались, словно морские волны. Тончайшая полоска красного сияния появилась между ИМТ и развороченной землей — будто где-то под городом загоралось новое, третье, солнце.

Полоса расширялась. Старый город взлетал, и грохот лопавшегося фундамента разрывал барабанные перепонки. От города к пустошам бежали люди, причем все, кого видел Амалфи, были крестьянами. Прокторы, конечно, еще пытались управлять полетом...

Город поднимался величественно, медленно набирая скорость. Сердце Амалфи стучало. Если бы Халдон и его команда смогли разобраться, что именно Амалфи сделал с управлением, старая баллада Карста повторилась бы снова и тирания Прокторов сохранилась навечно.

Но Амалфи сделал свое дело хорошо. ИМТ уходил в небо. Амалфи прикинул, что высота составляет уже почти милю, и черная громада все ускорялась. Прокторы забыли слишком многое, чтобы понять, как выпутаться...

Полторы мили.

Две мили.

ИМТ становился все меньше. На высоте пяти миль город казался чернильной кляксой с пятнышком красного свечения в середине. На семи милях клякса превратилась в тусклую точку.

Всклокоченная голова и пара широченных плеч осторожно поднялись из ближайших зарослей вереска. Это был Карст. Он молча смотрел вверх до тех пор, пока ИМТ не скрылся из глаз. Потом повернулся к Амалфи.

— Могут... могут они вернуться?..— спросил он хрипло.

— Нет,— ответил Амалфи, его дыхание постепенно успокаивалось.— Смотри, смотри, Карст. Еще ничего не кончилось. Помни, что Прокторы вызвали полицию Земли...

В это мгновение ИМТ появился — но как! Новое солнце расцвело в небе — на три или четыре секунды. Затем оно потускнело и погасло.

— Полиция выполнила приказ,— беззлобно подытожил Амалфи.— Простой приказ — найти город Странников, пытающийся скрыться бегством. Они нашли его и нанесли удар. Конечно, это был другой город, но они об этом не знают. Они отправились домой, а мы уже дома, и весь твой народ тоже. Дома, на Земле. Навсегда.

Вокруг него слышались голоса, приглушенные катастрофой и чем-то еще, таким старым и таким новым, вряд ли имевшим имя на планете, управляемой ИМТ. Это что-то называлось свободой.

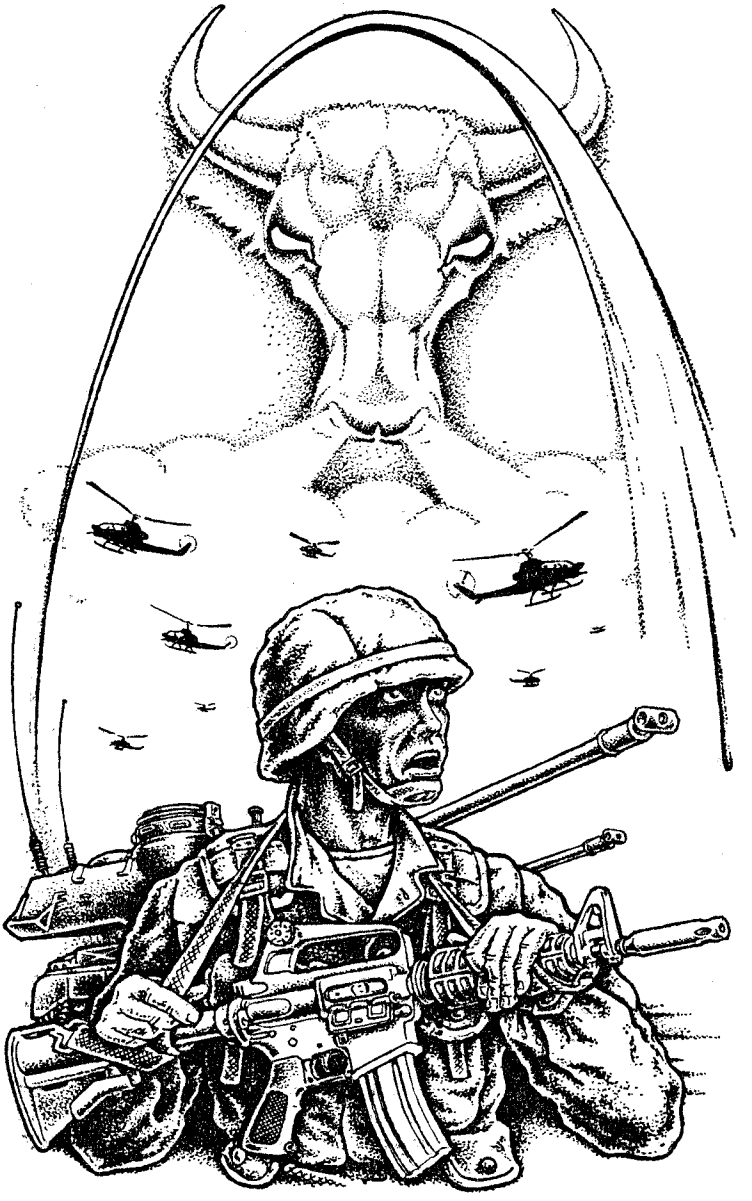
— На Земле? — повторил Карст. Поддерживая друг друга, он и Амалфи с трудом встали на ноги.

Среди пустошей сиял город Странников — непонятных пришельцев, явившихся сюда лишь затем, чтобы малость подзаработать,— и облако холодных звезд вставало за ним.

— На Земле?..

— Теперь это так,— сказал Амалфи.— Мы все земляне, Карст. Земля — это больше, чем просто маленькая планета, затерянная в другой галактике. Земля гораздо важней.

Земля — это не место. Это идея.



ФИЛИП ЖОЗЕ ФАРМЕР

БОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ

Philip José Farmer

THE GOD BUSINESS

Впервые американская морская пехота была наголову разбита при помощи обыкновенных водяных пистолетов.

Экран замерцал, картинка сменилась, но прежняя сцена все еще стояла перед глазами.

Перекошенное полуденное солнце изнывало от безделья в иллинойсском небе, заливая окрестности таким ярким светом, что всю сцену оказалось возможным заснять длиннофокусной камерой. Полк морской пехоты в полном снаряжении, вооруженный до зубов, беспорядочно отступал, спасаясь бегством от цепочки голых мужчин и женщин. Нудисты, смеясь и дурачась, постреливали в морских пехотинцев из игрушечных ковбойских пистолетов. Тонкие струи жидкости били пехотинцам в лицо, рассыпаясь радужным веером по грозно ощетинившимся автоматам.

И железные парни вдруг побросали оружие. Потом одни из них припустили бегом, а другие, застыв как вкопанные, глупо хлопали ресницами и облизывали мокрые губы, пока победители уводили их под белы рученьки в тылы своих разрозненных боевых порядков.

Почему же морская пехота не стреляла? По очень простой причине. Капсюли в патронах *не желали* взрываться.

Огнеметы, гаубицы, базуки — толку от этих грозных орудий оказалось не больше, чем от дубинок.

Экран погас. В зале вспыхнул свет. Алиса Льюис, майор разведки, опустила указку:

— Есть ли вопросы, господа? Нет? Мистер Темпер, может, *вы* расскажете нам, на чем основана ваша уверенность в том, что вы добьетесь успеха там, где все до сих пор терпели поражение? Господа, мистер Темпер представит нам только *голые* факты.

Я встал. Ладони вспотели, лицо запылало. Разумнее было бы, конечно, рассмеяться в ответ на злобный намек майора касательно моей лысины, но за четверть века я так и не разучился стесняться своего яйцеобразного че-

© Перевод на русский язык, Куртишвили Ш. С., 1994

репа. Когда мне было двадцать, я чуть не помер, подцепив какую-то лихоманку, которую врачи так и не смогли идентифицировать, однако выкарабкался. Но после болезни стал лысым как коленка. Более того, выяснилось, что у меня еще и аллергия на парики. Так что можете себе представить, каково сиять лысиной перед аудиторией после подобного каламбура прехорошенькой мисс Льюис.

Я направился к столу, за которым она стояла — дерзкая и, черт побери, красивая. Но подойдя поближе, заметил, как дрожит указка в ее руке, и решил не реагировать на воинственность майора. В конце концов, нам с ней вдвоем идти на боевое задание, и с этим придется мириться — и ей, и мне. Кроме того, у майора и без того предостаточно причин для волнения. Для всех настало время испытаний, а уж для военных — тем более.

В зал было больно глядеть — звезд там сияло больше, чем на небе в ясную ночь, хотя были, конечно, и штатские шишки. Из окна открывался вид на заснеженный город Гейлсбург, штат Иллинойс. Клонившееся к закату солнце было совершенно нормальной формы. По улицам безмятежно сновали прохожие, будто не было ничего непривычного в том, что в городе расквартированы пятьдесят тысяч солдат, а в долине реки Иллинойс среди буйно разросшейся растительности шныряют престранные существа.

Я выдержал паузу, сражаясь с волной отвращения, неизменно накрывающей меня с головой перед каждым публичным выступлением. Моя верхняя вставная челюсть, как обычно в критические моменты, почему-то принялась отбивать чечетку:

— Д-д-дамы и г-г-господа! Я в-видел С-с-сюзи вчера, н-на в-взморье.

Вот так всегда! Вы ведь меня понимаете? Даже если я рассказываю о трагедии сирот, чьи родители погибли в азербайджанской резне, слушатели начинают улыбаться и прикрывать рты рукой. Ощущаешь себя полным идиотом.

Следовало поскорее собираться с духом, потому что майор вновь перехватила инициативу. Презрительно скривила губы. Восхитительные, надо сказать, губы, и не думаю, что эта ухмылка сделала их краше.

— Мистер Темпер уверяет, что у него в руках ключ к решению проблемы. Возможно. Тем не менее я считаю своим долгом предупредить вас о том, что в сообщении

мистера Темпера речь пойдет о событиях, не имеющих никакого отношения к данной проблеме и никак не связанных между собой, как-то: побег быка со скотного двора, пьяные проказы профессора, прежде убежденного трезвенника, а также исчезновение означенного профессора классической литературы вместе с двумя его студентами в ту же ночь.

Я переждал, пока стихнет хохот. Майор ничего не знала еще о двух никак не связанных с проблемой фактах: во-первых, о том, что два года назад я купил в маленькой ирландской таверне бутылку и подарил тому самому профессору; и во-вторых, я не сказал ей, что думаю по поводу фотографии, снятой с армейского дирижабля в Онабаке. На этом снимке красовалась огромная статуя быка из красного кирпича, воздвигнутая на футбольном поле Трайбеллского университета.

— Господа,— начал я.— Прежде всего позвольте упомянуть о причинах, побудивших Управление по контролю за качеством продовольствия и медикаментов — УПМ — заслать одинокого шпиона туда, где потерпели поражение объединенные силы армии, военно-воздушных сил, береговой охраны и морской пехоты.

Красные рожи расцвели, как цветочки по весне.

— Участие УПМ в операции обусловлено сложившимися обстоятельствами. Как вам известно, в реке Иллинойс от Чилликоты до Гаваны течет пиво.

На сей раз не засмеялся никто. Пиво — слишком соблазнительная штука, чтобы поднимать его на смех. Что же до меня, так я терпеть не могу алкоголь и наркотики. И на то есть серьезные причины.

— Но тут надо внести уточнение,— продолжил я.— Жидкость, которая течет в Иллинойсе, действительно имеет привкус хмеля, но несколько добровольцев, пивших из реки, отреагировали на нее иначе, чем на обычные алкогольные напитки. Они утверждают, что испытывали некую эйфорию в сочетании с полным раскрепощением всех инстинктов. Это состояние не прекращалось даже после очистки крови кислородом. Далее. Жидкость, в отличие от алкоголя, не приводит в угнетенное состояние, а, напротив, оказывает на организм стимулирующее воздействие. И наконец еще одно необъяснимое обстоятельство: наши специалисты не обнаружили в составе жидкости ни одной неизвестной доселе субстанции. Впрочем, все это для вас не секрет. Как и то, почему к операции

привлечено УПМ. Главной же причиной лично моего участия в операции — помимо того, что я родился и вырос в Онабаке,— является предложенная мною версия, позволяющая выявить человека, ответственного за всю эту фантастическую неразбериху. Моя гипотеза произвела большое впечатление на всех высокопоставленных чиновников, включая самого президента Соединенных Штатов.— Бросив не слишком дружелюбный взгляд на мисс Льюис, я добавил: — Все они полагают, что, поскольку мне первому пришла в голову мысль о необходимости подготовки агента, психологически устойчивого к соблазнам реки, то именно я этим агентом и стану.

Как только о ситуации прознали в УПМ, администрация завела дело, вести которое поручено мне. Поскольку к тому времени на территории Онабака пропали без вести несколько федеральных агентов, я решил для начала навести кое-какие справки на стороне. Я отправился в библиотеку Конгресса и проштудировал подшивки онабакских газет "Морнинг Стар" и "Ивнинг джорнэл", начав с тех последних номеров, после которых газеты в библиотеку Конгресса поступать перестали. А потом перелистал в обратном порядке все номера за предыдущие два года. И не обнаружил там ничего существенного, пока не добрался до номеров от 13 января позапрошлого года...

Я перевел дыхание, чтобы оценить, какое впечатление производят мои слова на этих прожженных шишек. Никакого. Но моей решительности это не убавило. Они еще не знают о моем козырном тузе. Вернее, о козырной мартышке в клетке.

— Господа,— продолжил я,— газеты от 13 января помимо прочего сообщали, что накануне вечером пропали доктор Босуэлл Дарэм, который вел курс классической литературы в Трайбеллском университете, и двое его студентов. Версии происшествия, изложенные газетами, во многом противоречили одна другой, но кое в чем журналисты и сходились. Итак, 12 января студент Эндрю Поливайнозел во время занятий позволил себе несколько ехидных замечаний по поводу классической литературы. В ответ д-р Дарэм, известный прежде своей мягкостью и снисходительностью, вспылил и обозвал Поливайнозела ослом. Тогда здоровяк Поливайнозел, один из лучших университетских футболистов, встал и заявил, что возьмет Дарэма за задницу и вышвырнет вон из аудитории. Однако, если верить свидетелям, хлипкий и робкий по-

жилой профессор одной левой ухватил нахального силача за шкирку, выставил за дверь и в самом прямом смысле слова спустил с лестницы.

Увидев это, студентка Пегги Рурк — прехорошенькая подружка Поливайнозела — бросилась к пострадавшему, пытаясь уговорить атлета не давать профессору сдачи. Оказалось, однако, что у Поливайнозела не было решительно никакого желания связываться с профессором. Ошеломленный верзила покорно поплелся за мисс Рурк.

По свидетельству других студентов, отношения между д-ром Дарэмом и Поливайнозелом всегда были натянутыми, и футболист не раз подстраивал профессору всякие пакости. Теперь у Дарэма появилась великолепная возможность отомстить Поливайнозелу и выгнать этого идиота, пусть он и входил в национальную студенческую сборную, из университета. Однако профессор никому не стал докладывать о случившемся. Говорят, он лишь пробурчал что-то насчет того, что Поливайнозел — осел и этот факт вскоре станет очевидным для всех и каждого. Один из студентов сказал было, что ему почудилось, будто от профессора несло перегаром, но тут же опроверг самого себя, заявив, что согласно традициям их кампуса, уважающие себя преподаватели не притрагиваются даже к "коке". Похоже, особо к этому приложила руку супруга профессора Дарэма, пылкая сторонница трезвого образа жизни и достойная продолжательница дела Фрэнсис Уиллард.

Вам может показаться, господа, что все это не имеет к делу никакого отношения, но смею вас заверить — имеет! Взять хотя бы свидетельские показания еще двух студентов.

Оба клятвенно заверяют, что из кармана профессорского пальто, висевшего на вешалке в аудитории, торчало горлышко откупоренной бутылки. И что несмотря на мороз профессор — известный мерзляк — распахнул настежь все окна. Наверное, чтобы выветрить алкогольные пары.

Затем профессор вызвал к себе Пегги Рурк. Примерно через час она выскочила из кабинета вся пунцовая и в слезах. Как свидетельствует ее соседка по комнате, Пегги сказала, что профессор вел себя как безумный. Будто бы он признался, что влюблен в нее с того самого дня, как она впервые переступила порог университета, но понимал, что слишком стар и некрасив, и потому даже думать

не смел о ее похищении. Однако теперь, когда "все" изменилось, он хотел бы сбежать вместе с нею. Пегги сказала в ответ, что всегда преклонялась перед ним, но даже при самом больном воображении не сможет представить себя влюбленной в профессора. На что Дарэм заявил, что еще к вечеру того же дня он станет совершенно другим человеком и Пегги увидит, как он неотразим.

Несмотря на этот инцидент, вечером, когда Поливайнозел с Пегги Рурк пришли на бал второкурсников, профессор Дарэм, исполнявший на балу обязанности распорядителя, поздоровался с ними так, будто ничего не произошло. Ничего подозрительного не заметила и супруга профессора, что само по себе странно, ибо миссис Дарэм из той породы жен, у которых уши служат антеннами для мгновенного улавливания всех без исключения слухов и сплетен. Более того, будучи женщиной крайне нервной, она никогда не скрывала своих эмоций. Покорностью своему мужу она тоже не отличалась. Наоборот, как раз профессор служил объектом насмешек из-за того, что не вылезал из-под каблука супруги. Миссис Дарэм частенько выставляла его дураком, и вообще доктор напоминал бычка на привязи. И вот вечером...

Майор Льюис прочистила горло:

— Мистер Темпер, пожалуйста, не вдавайтесь в детали. Уважаемые джентльмены весьма ценят свое время, и интересуют их только голые, я повторяю — *голые* факты.

Я продолжил:

— Голые факты таковы. В тот же вечер, вскоре после окончания вечеринки, в полиции раздался звонок бившейся в истерике миссис Дарэм. Она сообщала, что ее супруг сошел с ума... Нет, он не пил... Об этом не может быть и речи... Он бы не посмел...— Майор Льюис вновь кашлянула. Я не стал скрывать своей неприязни, когда взглянул на нее. Разве трудно понять, что некоторые детали просто необходимы?! — Один из полицейских, выехавших по вызову, сообщал затем в рапорте, что профессор носился по снегу в одних портках, из кармана которых торчала бутылка, и постреливал во всех из водяного пистолета, заправленного алой краской. Согласно показаниям второго полисмена, доктор Дарэм разбрызгивал краску кистью, которую окунал в ведерко.

Впрочем, каким бы инструментом ни пользовался профессор, он сумел заляпать краской по самую крышу свой собственный дом и еще несколько соседских. Когда

же подоспели полицейские, профессор окатил краской их автомобиль и, пока те протирали глаза, сбежал. Спустя полчаса Дарэм изукрасил здание женского общежития, доведя его обитательниц до истерики, затем ворвался внутрь, отшвырнул прочь обалдевшую директрису и носился по этажам, обливая из своего бездонного ведерка каждого, кто высовывался в коридор. В конце концов, так и не сумев обнаружить Пегги Рурк, Дарэм ретировался. Добавлю только, что все это время профессор хохотал как безумный и, оглашая окрестности дикими воплями, грозился размалевать за ночь весь город.

А мисс Рурк в это время вместе с Поливайнозелом и парой его приятелей ужинали в ресторане. Потом, проводив своих друзей, они, как мы предполагаем, направились к женскому общежитию. Однако до общежития мисс Рурк и Поливайнозел так и не дошли. И с тех пор их, равно как и профессора, в городе больше не видели. По мнению местных обывателей, свихнувшийся от ревности профессор убил мисс Рурк и Поливайнозела, закопал трупы, а затем исчез в неизвестном направлении. Мне же представляется, что все было иначе, и тому есть веские доказательства.

Я заметил, что публика нервничает, и мне пришлось, скомкав речь, торопливо поведать, как в ту же злополучную ночь на Главной улице откуда ни возьмись появился бык. Позже выяснилось, что со скотного двора ни одно животное в тот день не сбегало. Однако быка видели слишком много свидетелей, поэтому не верить этому факту нет причин. Более того, все свидетели готовы присягнуть, что последний раз быка видели переплывающим реку Иллинойс. На его спине восседала обнаженная девушка и размахивала бутылкой. Затем бык выкарабкался на обрывистый берег и вместе с девушкой исчез в лесу...

Боже, как они хохотали! Отсмеявшись, командующий береговой охраной спросил:

— Уж не хотите ли вы сказать, мистер Темпер, что мы имеем дело с ожившими Юпитером и Европой?

Продолжать не было смысла. Эти господа не поверят мне, пока не увидят всё собственными глазами. Что ж, пусть смотрят.

Я взмахнул рукой, и ассистенты вкатили в аудиторию большую клетку на колесиках. Внутри сидела на корточках огромная человекообразная обезьяна с кислой рожей. Одета она была в соломенную шляпку и розовые

нейлоновые штанишки с вырезанной сзади дыркой для длинного хвоста.

Строго говоря, животное нельзя было классифицировать как человекообразную обезьяну — у них ведь нет хвостов. Но любой антрополог с одного взгляда определил бы, что это и не мартышка. Что правда, то правда — у существа были выступающие челюсти, а густая шерсть покрывала все тело, длинные руки и хвост. Но никогда еще ни у одной мартышки не было такого гладкого высокого лба, вздернутого носа и стройных, пропорциональных туловищу ног.

Клетку подвезли к трибуне, и я сказал:

— Господа, если все вышесказанное и могло показаться вам не имеющим отношения к делу, то уверен, что последующие несколько минут убедят вас, что мой рассказ отнюдь не бред.— Я повернулся к клетке, чуть было не поклонился, но, вовремя спохватившись, сказал: — Миссис Дарэм, расскажите, пожалуйста, этим джентльменам, что с вами произошло.

Я приготовился слушать. Когда вчера мои парни отловили ее у самой границы Зоны, она рассказала обо всем вполне толково, хоть и немного несвязно. Я был страшно горд, ибо сделал открытие, которое потрясет этих важных шишек от костяных черепушек до каблуков. Пусть видят, как неприметному агенту удалось в одиночку сделать то, чего не смогли все их хваленые вооруженные силы. Тогда уж они перестанут фыркать, воспринимая меня лишь как ТЕМПЕРаментного человека, брызжущего слюной.

Итак, я ждал, когда она заговорит.

Ждал... ждал...

Но миссис Дарэм отказалась произнести хоть слово. Ни единого звука, хотя я чуть ли не на коленях ее умолял. Я пытался объяснить ей, что в ее розовых безволосых ладошках — судьба всей планеты, но она даже не раскрыла рта. Видно, кто-то оскорбил ее достоинство, и она, надувшись, повернулась задом к аудитории и задрала хвост.

Миссис Дарэм была самой несносной из всех знакомых мне женщин. Ничего удивительного, что супруг превратил ее в обезьяну.

Вместо триумфа меня ждал полный провал. Этих шишек не убедила даже магнитофонная запись нашей с миссис Дарэм вчерашней беседы. Они по-прежнему

полагали, что мозгов у меня еще меньше, чем волос, и когда я спросил, нет ли еще вопросов, в аудитории воцарилось гробовое молчание. Алиса Льюис презрительно усмехалась.

Впрочем, я не особо расстраивался, потому что на мою миссию они никак не могли повлиять. Я руководствовался приказами, отменить которые было не в их власти.

И вечером того же дня, в 7:30, мы прибыли к границе Зоны. Меня сопровождали мой шеф и группа офицеров. Луна только всходила, но при ее свете уже свободно можно было читать. Примерно в десяти ярдах от нас обрывалась белая кромка снега — там начиналось царство тепла и буйствующей зелени.

Генерал Льюис, отец Алисы, напомнил мне:

— У вас есть два дня на то, чтобы войти в контакт с Дарэмом, мистер Темпер. В среду, в 14:00, мы переходим в наступление. Мы вооружим морских пехотинцев луками и пневматическими винтовками, наденем на них кислородные маски и погрузим в планеры с герметичными кабинами. Планеры будут отбуксированы самолетами на большую высоту, там тросы отцепят, и морская пехота высадится на 24-м шоссе, к югу от города — там, где сейчас образовались два больших луга. Оттуда парни совершат марш-бросок по Саут-Адамс стрит и таким образом окажутся в центре города. Надеюсь, к тому времени вам удастся установить и обезвредить источник неприятностей.

В устах генерала Льюиса слово "обезвредить" означало "убить". А лицо его выражало глубокое сомнение в том, что я смогу это сделать. Генерал недолюбливал меня — не только потому, что я был штатским, наделенным особыми полномочиями самим президентом, но еще и по причине моих, скажем так, по меньшей мере неортодоксальных отношений с его дочерью. Алиса Льюис была не просто женщиной-майором — она была чертовски хороша и юна для своего звания.

Сейчас Алиса, раздетая до нижнего белья, дрожала от холода. На мне тоже были одни шорты. А когда мы благополучно доберемся до леса, то избавимся и от этого тряпья. Помню, как-то раз в Риме...

Пехотинцы с луками, стрелами и духовыми ружьями — зрелище получится, конечно, печальное. Но огнестрельное оружие отказывало в Зоне, контролируемой бывшим профессором и его Пойлом, которое, в отли-

чие от армейского вооружения, действовало безотказно, превращая в наркомана каждого, кто хоть раз его испробовал.

Но со мной этот номер не пройдет.

Я был единственным человеком, который придумал, как обезопаситься от Пойла.

Кто-то из помощников прикреплял на моей спине трехгаллонную флягу с дистиллированной водой, а доктор д'Йерф, психиатр из Колумбийского университета, отвечавший за мою подготовку, задавал мне последние контрольные вопросы. Потом вдруг ухватил меня за шкирку, в руке его откуда ни возьмись возник стакан, содержимое которого он попытался влить мне в рот. Но учуяв запах, я левой рукой выбил стакан из рук д'Йерфа, а правой врезал ему изо всех сил по физиономии.

Он покачнулся, ухватился за щеку и промычал:

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично,— ответил я.— Но в первую секунду чуть не задохнулся. Я готов был тебя убить.

— Это был последний тест, и ты сдал его на отлично,— объяснил д'Йерф.— Думаю, теперь ты готов к борьбе с Пойлом на все сто.

Льюисы ничего не сказали. Их весьма удручало, что метод, позволявший устоять перед чарами Пойла, придуман мною, гражданским лицом. Согласно плану, две тысячи морских пехотинцев, которые последуют за мной двое суток спустя, будут одеты в кислородные маски, что позволит им избежать искушения Пойлом. Что же касается моей напарницы, то ее загипнотизировал доктор д'Йерф, но он не был уверен, насколько успешным оказался сеанс гипноза, поскольку делал все второпях. К счастью, миссия Алисы будет не столь продолжительной, как моя. Ей надлежит взять пробу Пойла и вынести образец из Зоны. Впрочем, я имел право обращаться к Алисе за помощью, если мне таковая вдруг потребуется. Кроме того, я имел поручение негласно следить, чтобы она не прельстилась Пойлом.

Пожав на прощанье руки всем провожающим, мы направились в Зону. Теплый воздух, будто покрывалом, накрыл нас с головы до ног. Это плохо. Придется потреблять много воды, а запасы наши крайне ограничены.

Ярко светила луна. Я огляделся. Прошедшие два года изменили иллинойсский пейзаж. Буйно разрослись деревья, причем таких пород, какие от века не встречались

в обычных северных лесах. Некто изрядно попотел, ввозя сюда из заморских стран огромное количество семян и саженцев. Я знал это наверняка. Справка службы перевозок Чикагского порта гласила, что некто Смит — Смит! — спустя две недели после исчезновения Дарэма начал получать грузы из тропических стран. Из Чикаго тюки переправлялись в Онабак, а затем их содержимое оказывалось в благодатной почве окрестных лесов. Дарэм понимал, что властям ничего не стоит перекрыть поставку в Онабак продуктов питания, и тогда триста тысяч местных жителей, которых долина Иллинойса не в состоянии будет прокормить, превратятся в голодную орду, сметающую на своем пути все подряд.

А теперь стоило лишь взглянуть на бананы, вишни, яблони, груши, апельсины, плодоносившие прежде срока на земле, где росли еще и черная смородина, крыжовник, черника, малина, дыни, картофель и помидоры, причем таких размеров, что в прежние, до-Пойловые, времена запросто взяли бы первые призы на окружных ярмарках,— стоило только посмотреть на это изобилие, и сразу становилось ясно: нехватка продовольствия здесь никому не грозит. Знай только срывай плоды да ешь вволю.

— Мне кажется, будто мы попали в райский сад,— прошептала Алиса Льюис.

— Что за подрывные речи, Алиса?! — огрызнулся я.

Она смерила меня ледяным взором.

— Не будь дураком. И не смей называть меня Алисой. Я майор разведки.

— Пардон,— извинился я.— Но лучше нам отказаться от званий. Это может вызвать подозрение у местных обитателей. Кстати, надо бы нам раздеться, пока мы не нарвались на кого-нибудь.

Она хотела возразить, но таково было предписание. Тогда Алиса настояла на том, чтобы мы разделись в кустах — хотя по крайней мере тридцать шесть последующих часов нам предстояло провести вместе в чем мать родила. Но я не стал спорить.

Зайдя за дерево, я снял шорты и вдруг уловил запах сигарного дыма. Тогда я отстегнул лямки, снял со спины флягу, вышел из своего укрытия на узкую тропу... и остолбенел.

Напротив меня стояло, прислонившись к дереву и скрестив короткие ноги, чудовище. Заложив большие пальцы за воображаемый жилет, оно попыхивало боль-

шой гаванской сигарой, свисавшей из угла плотоядной пасти.

Мне не следовало так пугаться — повод скорее был для смеха. Ведь передо мной стоял монстр, сошедший прямиком со знаменитого комикса. В нем было семь футов росту, шкура была ярко-зеленая, а брюхо и грудь выложены желто-бурыми пластинами. Ноги были очень коротки, а туловище — длинное. Морда наполовину человечья, наполовину — крокодилья, а на самой макушке красовались две большие шишки с огромными, размером с блюдце, глазами. Выражение рожи добродушно-глупое, но довольно высокомерное. В общем, полный комплект. Только пальцев на лапе четыре.

Я растерялся не только из-за внезапности. Все-таки между картинкой в журнале и ее живым воплощением — дистанция огромного размера. На бумаге это существо выглядело милым обаятельным симпатягой, в жизни же оказалось ожившим кошмаром.

— Не пугайтесь,— сказало ужасное создание.— Это я с непривычки такой страшный.

— Кто вы? — спросил я.

В эту минуту из-за кустов появилась Алиса. Застыв в изумлении, она схватила меня за руку.

Существо взмахнуло сигарой:

— Я — Аллегория банков Иллинойса. Добро пожаловать, странники, во владения Великого Мэрада.

Я понятия не имел, что означала последняя фраза. Что же касается титула, то лишь спустя минуту я сообразил, что именно так назвал этот персонаж автор комиксов.

— Мое полное имя — Альберт Аллегория, понимаете ли. Вот такая метаморфоза, понимаете. Так сказать, новым формам — новые имена! А вы, полагаю, пришельцы, возжелавшие поселиться здесь, чтобы пить Пойло и поклоняться Быку?

Он вытянул руку и, растопырив указательный палец и мизинец, сделал "козу".

— Так приветствуют друг друга правоверные,— объяснил Альберт Аллегория.— Запомните сей знак и сможете избежать многих неприятностей.

— Как вы догадались, что мы новички? — спросил я, решив не лгать. Похоже, он не собирался причинять нам вреда.

Альберт засмеялся, и хохот его эхом раскатился по

громадной пасти. Алиса, вмиг забывшая о том, что она бравый офицер, вцепилась в мою руку мертвой хваткой.

— Видите ли, я тут вроде полубога. Когда Мэрад, да будет Бык ему именем, стал богом, он написал мне письмо — отправил как полагается, по почте — с приглашением стать местным полубогом. Я не очень-то люблю наш бренный мир, поэтому, незаметно прокравшись мимо армейского патруля, пробрался в Зону и приступил к исполнению обязанностей, возложенных на меня Мэрадом, да будет Бык ему именем.

Я тоже в свое время получил письмо от профессора Дарэма. Но было это еще до того, как началась кутерьма в Онабаке, и я не понял тогда, что означало приглашение стать полубогом. Я решил, что у профессора зашел ум за разум.

Не представляя, о чем еще с ним беседовать, я поинтересовался:

— И каковы ваши обязанности?

Альберт вновь взмахнул сигарой:

— О, они совсем не обременительны. Я должен встречать новичков и предупреждать их, чтобы глядели в оба. Чтобы помнили, что предметы и события на самом деле являются не тем, чем кажутся, и для постижения сути надо смотреть в корень.

Он пыхнул сигарой и сказал:

— У меня тоже есть вопрос. Можешь не отвечать сейчас, но мне хотелось бы, чтобы ты поразмыслил над ним и ответил позднее.— Монстр снова выпустил облачко дыма.— Вот мой вопрос: что ты будешь делать дальше? Пока,— добавил он на прощанье и зашагал прочь по тропинке, семеня короткими ногами, которые двигались словно сами по себе, независимо от длинного ящериного туловища. Похоже, пояснение вопроса не входило в его намерения. Еще мгновение я завороженно смотрел ему вслед, пытаясь унять дрожь, потом вернулся к дереву, под которым оставил флягу, поднял ее, закинул на спину, и мы с Алисой припустили по тропинке. Майор Льюис была в таком смятении, что даже не замечала нашей наготы. Какое-то время мы шли молча, потом она сказала:

— Я ужасно боюсь этих монстров. И *как* только человек может превращаться в подобное страшилище?!

— Разберемся,— ответил я с преувеличенным оптимизмом.— Думаю, нам и впредь следует быть готовыми к чему угодно.

— Получается, миссис Дарэм говорила правду?

Я кивнул. Супруга профессора рассказала мне, что буквально перед самым возникновением Зоны она решила навестить муженька, сбежавшего от нее за реку. К тому времени он уже провозгласил себя богом, но миссис Дарэм сие не испугало.

Поскольку миссис Дарэм не имела ни малейшего представления о том, что творится за рекой, она прихватила с собой на всякий случай двух адвокатов. Однако какая-то неведомая сила, которой управлял, несомненно, д-р Дарэм, превратила ее в длиннохвостую обезьяну, а ее спутников — в пару скунсов. В итоге всей троице пришлось спасаться бегством.

— Одного не могу понять,— сказала Алиса, припомнив цепь этих странных событий.— Каким образом Дарэм все это делает? Из какого источника черпает силу? Что за прибор попал ему в руки?

При этих словах я, несмотря на жару, покрылся гусиной кожей. Знала бы Алиса, кто является главным виновником всей этой чудовищной неразберихи... Мне стало стыдно, что я не сказал ей всей правды. Но если *поведать* ей истину, она непременно *решит*, что я свихнулся окончательно. И тем не менее: я вызвался участвовать в предстоящей операции только потому, что сам был всему причиной. Раз я всю кашу заварил, мне ее и расхлебывать.

— Я хочу пить, папуля,— заявила Алиса.— Может, выпьем по глоточку? А то когда еще представится такой удобный случай.

— Черт подери! — ругнулся я, снимая флягу.— Не смей называть меня папулей. Во-первых, у меня есть имя — Дэниел Темпер; во-вторых, я не так уж стар, чтобы...

Пришлось прикусить язык, потому что я был как раз достаточно стар, чтобы сойти за ее отца. Во всяком случае по здешним меркам.

Угадав мои мысли, она улыбнулась и протянула мне крышку от фляги.

— Возраст человека определяется не прожитыми годами, а тем, насколько молодо он себя ощущает,— буркнул я.— А я чувствую себя тридцатилетним.

Вдруг что-то блеснуло на тропинке.

— Ложись! — скомандовал я.

Алиса нырнула в траву. А мне мешала фляга, и я решил не суетиться. Как-нибудь выкручусь.

Но тут я увидел, кто спускается по тропинке. И пожалел, что не успел отстегнуть флягу. Интересно, есть в этой богоспасаемой Зоне хоть одно человеческое существо? Сначала Аллегория. Теперь вот — осел...

— Привет, брат,— сказал он, и не успел я что-либо ответить, как осел запрокинул голову и заржал-захохотал: — И-и-и-го-го-ха-ха!

Я не видел никаких причин для смеха. И был слишком ошарашен, чтобы скрыть свое изумление. К тому же от осла так разило Пойлом, что меня едва не стошнило, пока я отступал на безопасное для моего обоняния расстояние.

Осел был, если можно так выразиться, блондином. Высокого роста, ходил на двух ногах — вполне человеческих, но с копытами. Длинные уши покрывала желтая шерсть, а во всем остальном сходство с обычным человеком было полное. Звали осла, как он не замедлил представиться, Поливайнозел.

— А чего это ты взвалил на себя флягу? — спросил он.

— Хочу вынести Пойло из Зоны.

Он обнажил в улыбке желтые лошадиные зубы:

— Контрабандой промышляем, а? И чем же тебе платят? Ведь деньги для паствы Мэрада — пустой звук?

Осел поднял правую руку и сделал "козу". Я замешкался с ответом, и он уставился на меня тяжелым взглядом. Но как только я повторил его жест, Поливайнозел немного успокоился.

— Я занимаюсь этим не корысти ради, а из любви к Пойлу,— объяснил я.— Во имя проповеди святой истины.

Откуда мне в голову пришла эта фраза, ума не приложу. Наверное, из-за упоминания Поливайнозелом слова "паства" и очевидного культового происхождения приветственного жеста-символа.

Осел протянул волосатую лапу, наклонил флягу, и не успел я глазом моргнуть, как он уже набрал полную пригоршню воды. Потом поднес ладонь ко рту, с шумом отхлебнул и, отплевываясь, забрызгал меня с головы до ног:

— Тьфу! Это же вода!

— Разумеется,— подтвердил я.— Я всегда, как вынесу Пойло из Зоны, наполняю флягу водой — на случай, если меня вдруг остановит патруль. Тогда я скажу им, что занимаюсь контрабандой воды в Зону.

Поливайнозел заржал и хватил себя по ноге рукой, словно топором по дереву.

— Это еще что,— продолжал я похвальбу.— Я тут договорился кое с кем из старших офицеров, и они пропускают меня через кордон за пару кружек Пойла.

Он снова хлопнул себя по колену, заржал и заговорщицки подмигнул:

— Коррупция, а, браток? Как говорится, и медь ржавеет. Попомни мое слово: недалек уж тот день, когда Бычье Пойло растечется по всему свету.

Он опять изобразил "козу". Я повторил его жест почти мгновенно.

— Знаешь, здешняя паства, поклоняющаяся Ослу — то есть, попросту говоря, мне,— собирается отметить праздник Плодородия. Это примерно в миле отсюда и как раз по пути. Пойдешь со мной?

Меня аж передернуло:

— Нет-нет, благодарю покорно.

Дело в том, что как-то раз мне довелось подсмотреть в бинокль одну из таких оргий. Примерно в двухстах ярдах от границы Зоны был сложен огромный костер, и в отблесках его пламени копошился клубок из белых переплетенных тел совершенно распоясавшихся мужчин и женщин. Эта сцена еще долго не шла из головы. Она мне даже снилась.

Когда я отказался от приглашения, Поливайнозел снова заржал и огрел меня лапищей по спине. Хорошо еще, что попал по фляге. Но даже это меня не спасло: я свалился в высокую траву и грохнулся на четвереньки — в полном бешенстве от подобной фамильярности. К тому же этот осел мог запросто пробить дыру в тонкостенной фляге.

Впрочем, из травы я не спешил подниматься совсем по другой причине: прямо передо мной сияли из темноты синие очи Алисы.

Поливайнозел загоготал, подпрыгнул, шмякнулся на четвереньки рядом со мной и ткнулся безобразной мордой в Алису.

— Вот это да! Ай да телочка... Давно тут пасешься? — Он схватил Алису за талию, приподнял над головой, встал с земли и принялся вертеть ее так и эдак, внимательно рассматривая со всех сторон, точно диковинного жука.

Алиса завизжала.

— Пошел прочь, осел проклятый! Убери свои грязные лапы!

— Меня зовут Поливайнозел. Я местный бог плодородия, понятно?! — заржал он.— И это моя прямая обязанность и привилегия — проверить тебя на качество. Дочь моя, давно ли ты молилась о ниспослании тебе сына или дочери? Какие у тебя виды на пшеницу? Как уродилась капуста? А лук с петрушкой? Хорошо ли несутся куры?

Но Алису это не сбило с толку. Вместо того чтобы испугаться, она рассвирепела.

— Ну ладно, Ваше Ослиное Величество... Будьте так добры, опустите меня на землю... И перестань пялиться на меня, глаза твои бесстыжие! Если тебе хочется того, чего тебе, по-моему, хочется, то беги скорее на свою оргию. А то паства заждалась.

Поливайнозел разжал руки, и Алиса полетела вниз. К счастью, она была так проворна и ловка, что смогла устоять на ногах. Потом повернулась и пошла прочь, но осел успел ухватить ее за руку:

— Ты идешь не той дорогой, дочь моя. Там, всего в нескольких сотнях ярдов, граница и патруль нечестивцев. Они могут схватить тебя, и тогда тебе никогда уже не отведать божественного Пойла. Ты ведь не хочешь этого, а?

— Я уж как-нибудь о себе позабочусь,— просипела Алиса.— Только оставьте меня в покое. Бедной девушке уж и вздремнуть в траве нельзя без того, чтобы какому-нибудь захудалому божку не приспичило с ней поваляться.

Похоже, Алиса быстро усваивала местный жаргон.

— Грешно тебе, дочь моя, осуждать за это богов. Тем более когда сама сложена как богиня! — Поливайнозел заржал, чуть не сбив нас с ног своим хвостом. Потом схватил меня с Алисой за руки и потащил за собой.

— Пойдемте, дети мои. Я вас представлю народу. И мы вдоволь попляшем на празднике! — Опять раздалось дикое ржание, и я понял, почему Дарэм превратил этого парня именно в осла.

Внезапно эта мысль навела меня на другую. Я подумал: *как* профессору это удалось? В сверхъестественные силы я, понятное дело, не верил. Если они и существуют, то человеку все равно неподвластны. Следовательно, все, что происходит в нашей физической Вселенной, должно подчиняться законам физики.

Вот, к примеру, уши и копыта Поливайнозела. У меня была возможность хорошенько рассмотреть их, пока мы

шли рядом. Тот, кто пытался превратить его уши в ослиные, имел об этом предмете, по всей вероятности, самое смутное представление, потому что уши получились человеческие — только вытянутые кверху и покрытые шерстью.

То же и с ногами. Они были человечьи, а не ослиные. Правда, пальцев на ногах не наблюдалось, но бледные, отливающие перламутром копыта были, несомненно, сделаны из того же материала, что и человеческие ногти, и к тому же по-прежнему хранили очертания пяти пальцев.

То есть некий биологический скульптор сначала стесал человеческую основу ног и ушей, а затем просто удлинил их и немного переработал.

Я украдкой взглянул на Алису: как-то она реагирует на осла? В гневе майор была прекрасна. Как позволил себе заметить этот неотесанный ишак, фигура у Алисы изумительна. Она из той породы девушек, которые непременно становятся сначала президентами женского клуба колледжа, затем королевами студенческого курсового бала, а затем невестами сенаторских сынков. В общем, из той породы, с которой мне не везло начиная со времен моей службы в Трайбеллском университете.

Вдруг Поливайнозел остановился и пророкотал:

— Слушай, а как тебя зовут?

— Дэниел Темпер,— ответил я.

— Дэниел Темпер? Д.Т.? И-го-го-го-го-ха-ха! Послушай, старина Д.Т., выкинь ты эту флягу. А то сгибаешься под ее тяжестью и становишься похожим на вьючного осла. А я не желаю, чтобы мне в округе кто-то подражал. Хо-хо-хо! Понял? — Он ткнул меня большим пальцем под ребра — все равно что рогом боднул. Я еле сдержался, чтобы не врезать ему в ответ. Никогда прежде не испытывал такой ненависти к человеку — или божеству, черт бы его побрал. Если Дарэм думал его наказать, превращая в осла, то он явно просчитался. Поливайнозел, судя по всему, весьма гордился своей метаморфозой и, если я правильно понял, немало преуспел в становлении и укреплении собственного культа. Что ж, не он первый превращает в предмет религиозного поклонения свою ущербность.

— Как же мне тогда выносить из Зоны Пойло? — спросил я.

— А зачем тебе это? — возразил Поливайнозел.— От твоих мелких делишек пользы никакой. Доверь уж рас-

пространение божественного Пойла земным рекам и великому Мэраду, да будет Бык ему именем.

Он сделал "козу".

Я не стал спорить. Он все равно снял бы с меня флягу. Я принялся медленно отвязывать лямки. Поливайнозел помог мне, а потом зашвырнул флягу в темную лесную чащу.

Мне сразу безумно захотелось пить.

— На кой тебе эта мерзкая вещь?! — продолжал ржать Поливайнозел.— Пойдем лучше со мной на площадь Осла. У меня там небольшой, но шикарный храм. Конечно, никакой особой роскоши — не подумай, что это Дворец Цветов Мэрада, да будет он Быком во веки веков — но местечко уютное. Повеселимся от души.

Разглагольствуя, он самым бесстыжим образом строил Алисе глазки, нисколько не скрывая своих намерений. Как и все местные дегенераты, он был начисто лишен каких бы то ни было комплексов. Будь у меня ружье, я пристрелил бы его на месте. Если бы, конечно, капсюли сработали.

— Послушай,— гневно сказал я, отбрасывая всякие предосторожности.— Мы пойдем туда, куда захотим, черт побери.

И схватил Алису за руку. Не раз еще мне предстоит хватать ее за руку...

— Пошли, Алиса. Оставим этого прославленного осла.

Поливайнозел преградил нам дорогу. Азиатский разрез глаз делал его похожим на мула. Большого, подлого и могучего. Прежде всего подлого.

— Не собираетесь ли вы,— промычал он,— разозлить меня настолько, чтобы я не сдержался и надавал вам по шее, а? А вы потом донесете на меня Мэраду, да?! Ох, не гневите меня, смертные! И не берите на душу *смертный* грех!

Продолжая орать, что мне никогда не поколебать его олимпийского спокойствия, он одной рукой сграбастал меня, а второй выхватил из моего рта вставную челюсть.

— Надоел ты мне со своим шамканьем! — объяснил Поливайнозел. Потом ослабил хватку и зашвырнул челюсть в кусты. Я бросился к тому месту, где, как мне показалось, упал протез. Став на четвереньки, я принялся лихорадочно шарить вокруг, но никак не мог найти челюсть.

Крик Алисы заставил меня вскочить. Сделал я это, надо признать, слишком поспешно и со всего маху уда-

рился головой о сук. Превозмогая боль, обернулся. Увидел в чем дело. И рванул сквозь заросли! И врезался во что-то ногой!! И так грохнулся оземь, что из меня чуть не вышибло дух!!!

Еле поднявшись, я увидел, что споткнулся о собственную флягу. Но время на хвалу Господу тратить не стал, а схватил флягу, подбежал к сцепившимся Алисе и Поливайнозелу и с размаху хватил его флягой по затылку. Он кулем повалился на землю, даже не пикнув. Отбросив флягу, я подбежал к Алисе.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Д-да,— ответила она, всхлипывая, и склонила голову на мое плечо.

Поняв, что плачет она скорее от страха, чем от боли, я похлопал ее по прелестному плечику и погладил по длинным черным волосам. Но она ревела не переставая.

— Грязный ублюдок! — всхлипывала майор.— Сначала сестру погубил, а теперь хотел обесчестить меня...

— Что?!

Алиса, подняв голову с моего плеча, взглянула на меня. Вернее, посмотрела сверху вниз — она была на два дюйма выше.

— Мы с Пегги единокровные сестры. Она дочь моего отца от первого брака. Ее мать вышла потом за полковника Рурка. Но у нас с ней прекрасные отношения.

Хотелось узнать обо всем подробнее, но ситуация не располагала к светским беседам.

Я перевернул Поливайнозела на спину. Сердце еще билось. Из раны на затылке сочилась обычная кровь, а не божественная сукровица.

— Полное ничтожество,— сказала Алиса.— Как и раньше. И нечего с ним возиться. Он вполне заслуживает смерти. Этот сопливый Дон Жуан принес столько неприятностей моей сестре...

Она вдруг ахнула. Я взглянул в ту сторону, куда был устремлен ее полный ужаса взгляд, и увидел, как из фляги вытекают в грязь последние капли воды. Меня в тот же миг вновь стала мучить жажда. Я знал, что это я себе просто внушил, но легче от этого не становилось.

Алиса схватилась за горло и прохрипела:

— Я хочу пить.

— Ничего не поделаешь,— сказал я.— Придется потерпеть, пока не найдем источник неотравленной воды.

И чем дольше мы тут станем болтать, тем сильнее будет жажда.

Фляга была пуста. Пока я удостоверялся в этом печальном факте, под кустом что-то блеснуло. Оказалось — мой протез. Повернувшись к Алисе спиной, я вставил челюсть на место и уже более уверенный в себе сказал, что пора двигаться в путь.

И мы пошли. Но Алиса никак не могла отвлечься от мучившей ее проблемы:

— Здесь ведь наверняка должны быть незараженные колодцы и родники, правда? Ведь Пойло только в реке, да?

— Будь я уверен в этом, ни за что не потащил бы с собой флягу,— довольно безжалостно разрушил я ее надежды.

Она хотела что-то ответить, но тут впереди послышались какие-то голоса и заблестели огоньки приближающихся факелов. Мы с Алисой нырнули в чащу и притаились.

Процессия напевала странноватую песню: мелодия была позаимствована у "Боевого Гимна Республики", зато текст — латинский. Причем латынь певцами коверкалась безбожно — они, ничуть не смущаясь, переставляли акценты так, чтобы текст подходил под размер английского стиха. Не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии разобрать эту тарабарщину:

Ориентис партибус
Адвентавит Асинус.
Пульхер эт Фортиссимус
Сарцинис аптиссимус.
Ориентис партибус
Адвентавит... Ой!

Это они, обогнув изгиб тропинки, обнаружили своего бездыханного, истекающего кровью бога.

— Пошли отсюда,— зашептала Алиса.— Если эта толпа нас схватит — растерзает на куски.

Но мне хотелось понаблюдать за ними, чтобы понять, как нам следует вести себя, дабы сойти за своих. Я сказал об этом Алисе; она согласно кивнула. Следует признать, что, несмотря на наши неприязненные отношения, вела она себя смело и разумно. А что немного нервничала,— так на то были веские причины.

Толпа тем временем вовсе и не собиралась ничего предпринимать. Вместо того чтобы суетиться над телом

своего бога, они столпились поодаль в полной нерешительности. Я сначала не понял их поведения, но потом по перешептываниям и жестам догадался, что они не смеют вмешиваться в дела богов — пусть даже таких жалких, как Поливайнозел.

Их нерешительность еще более подчеркивалась молодостью. В толпе не было ни одного человека старше двадцати пяти, и все юноши и девушки были безукоризненно сложены.

Вдруг позади нас раздался громкий хруст. Мы с Алисой аж подскочили от неожиданности. Молодые люди тоже испугались и бросились наутек, точно стайка кроликов. Меня так и подмывало припустить вслед за ними, но я все же удержался. Оставалось только молиться, чтобы на сей раз незнакомец не оказался монстром.

И он действительно оказался обычным голым человеком — долговязым, худющим и длинноносым, чем-то похожим на школьного учителя. Сходство это усиливалось тем, что человек шел уткнувшись носом в книгу. Я уже говорил, что луна светила так ярко, что можно было читать, но не предполагал, чтобы кто-нибудь воспользовался этим на самом деле.

В облик педагога немного не вписывалась туша огромной, размером с шотландскую овчарку, белки, свисавшая с его шеи. Похоже, учитель возвращался с охоты, хотя я никогда прежде не слышал, чтобы на белок охотились ночью, притом без ружья.

В общем, тут крылась какая-то загадка. Только размеры белки меня не удивили. Я уже видел фотографии огромных зверей, обитавших в Зоне.

Я внимательно наблюдал за ним, чтобы увидеть, что он станет делать, наткнувшись на Поливайнозела. Увы, меня ждало разочарование. Поравнявшись с распростертым телом, он, ни на миг не замешкавшись, переступил через него и пошел дальше, не отрывая носа от книги. Видимо, он даже не заметил раненого бога.

Я взял Алису за руку:

— Пошли за ним.

Пройдя примерно с полмили, я решил, что он не опасен, и окликнул его. Он остановился, положил белку на землю и подождал, пока мы подойдем.

Я спросил, не заметил ли он лежащего на тропинке.

Он удивленно покачал головой.

— Но я видел, как вы переступили через него,— настаивал я.

— Ни через кого я не переступал,— продолжал отрицать он.— На тропинке никого не было.— Он пригляделся ко мне повнимательней: — Э, да вы, я вижу, новички. Наверное, впервые попробовали Пойло? Поначалу от него бывают галлюцинации. Нужно некоторое время, чтобы привыкнуть. А потом все пройдет.

На это я возражать не стал, но насчет Поливайнозела решил поспорить. Он, похоже, не понимал, о чем речь, пока я не назвал осла по имени. Тут он снисходительно улыбнулся и посмотрел на кончик своего длинного носа:

— Ах, добрый мой приятель! Не стоит верить всему, что слышишь. Негоже такому интеллигентному человеку, как ты, доверять сплетням обывателей, которые, будучи всегда невеждами и простаками, склонны объяснять новые феномены в духе древних предрассудков. Я думаю, тебе следует выбросить из головы все, что ты до сих пор слышал — кроме моих слов, разумеется,— и привести в действие те рациональные силы, с которыми ты имел счастье родиться, а затем развить их в каком-нибудь университете при том условии, конечно, что это было настоящее учебное заведение, а не клуб для членов Торговой Палаты, Ротари, Лайонз и прочих диковинных зверей. Боюсь, что...

— Но я *видел* Поливайнозела! — прервал я его раздраженно.— Если бы ты не поднял ногу, ты споткнулся бы о него!

Он опять снисходительно улыбнулся:

— Ай-ай-ай! Это наверняка самогипноз, коллективная галлюцинация — или что-то в этом роде. Быть может, ты стал жертвой внушения. Поверь мне, в этой долине множество непонятных вещей. И ты не должен позволять первому попавшемуся шарлатану, у которого на все вопросы есть простой — фантасмагорический — ответ, обводить себя вокруг пальца.

— А как ты сам объяснишь происходящее? — спросил я с вызовом.

— Я думаю, доктор Дарэм изобрел некую машину, которая вырабатывает неизвестное химическое вещество. Он заразил этим веществом реку Иллинойс, а в скором будущем, надеюсь, заразит и все остальные воды. Одним из свойств нового вещества является способность разрушать большинство тех социологически и физиологически обусловленных рефлексов, которые вызывают множество

комплексов и неврозов. При этом — неслыханная удача! — вещество является одновременно универсальным антибиотиком и тонизирующим средством — представляете, какое сочетание! Не говоря уже о массе других достоинств, многие из которых я, впрочем, не одобряю.

Но как бы там ни было, должен вам заметить, что Дарэм уже покончил с такими социальными и политэкономическими структурами и явлениями, как заводы, магазины, врачи, больницы, школы,— которые до сих пор тратили энергию и время на то, чтобы выпускать в жизнь недоученных болванов; бюрократия, автомобили, церкви, кинофильмы, реклама, винокуренные заводы, мыльные оперы, армия, проституция и множество других явлений, допрежь считавшихся необходимыми.

К сожалению, рациональный инстинкт в человеке задавлен, равно как и воля. Отсюда огромное количество пророков-шарлатанов, которые почем зря основывают новые религии и завлекают толпы простодушных обывателей, так и жаждущих ухватиться за любое объяснение сути неведомого...

Я бы очень хотел ему поверить, но у профессора не было ни средств, ни возможностей для постройки подобной машины. И я спросил:

— А как это объясняют обыватели?

— Нет у них никаких объяснений. Единственное, что они твердят,— будто Пойло вытекает из Бутыли,— ответил Рациональный Человек.— Они утверждают, что Дарэм черпает силы из этой Бутыли, которая, судя по их описанию, является не чем иным, как обычным пузырем из-под пива. Кое-кто, правда, говорит, что на ней есть рельефное изображение быка.

Мой лоб покрылся испариной. Так я и знал! Значит, виной всему *мой* подарок. А я-то хотел тогда просто подшутить над моим любимым чудаком-профессором и устроить небольшую мистификацию!

— Эта легенда произошла, наверное, от его прозвища,— сказал я поспешно.— Студенты звали профессора за глаза "Быком". Не только из-за того, что есть такая — дарэмская — порода. Жена, знаете ли, водила его как бычка окольцованного и...

— Ну, в таком случае он всех обхитрил,— сказал Рациональный Человек.— Потому что под шкурой доброго и кроткого тельца скрывался племенной бык, горячий жеребец, похотливый старый козел. Вы, наверное,

знаете,— а может, и нет,— сколько нимф обитает в его Дворце Цветов? Я уж не говорю о прекрасной Пегги Рурк, ныне известной...

Алиса ахнула:

— Значит, она *жива*! Она с Дарэмом!

Рациональный Человек приподнял брови:

— Ну, это зависит от того, верите вы или нет этим шарлатанам. Некоторые из них утверждают, что ее преобразовали неким мистическим образом — они называют это словом *"продублировать"*,— и теперь Пегги Рурк является каждой из этих нимф в серале Мэрада и в то же время не является ни одной из них, поскольку все они — ее дубликаты.

Он покачал головой и заключил:

— Ох уж мне этот рациональный мир, придумывающий богов и догматы...

— А кто такой Мэрад? — спросил я.

— Как кто?! Дарэм, конечно. Это его имя, произнесенное наоборот. Разве вы не знаете, что в каждой религии существует подобная тенденция — избегать упоминания всуе Истинного Имени? Хотя мне представляется, что эти жулики, эти Чокнутые Тарабары назвали его так потому, что не в состоянии правильно произнести настоящее имя. Во всяком случае, они настояли на том, чтобы Истинное Имя отличалось от прежнего, добожественного. Новое имя прижилось скорее всего из-за того, что звучит как восточное. А восточное для Чокнутых равносильно мистическому.

На меня разом вывалилось столько информации, что я совершенно запутался.

— А ты когда-нибудь видел Мэрада? — спросил я.

— Нет. И не увижу никогда. Этих так называемых богов на самом деле нет. Ни Аллегорий, ни Ослов. Ни один мало-мальски рационально мыслящий человек не может поверить в их существование. К сожалению, Пойло, при всех его великолепных достоинствах, имеет существенный недостаток — оно превращает человека в существо нелогичное, иррациональное и подверженное внушению.

Он потер свой высокий лоб и добавил:

— Но я принимаю все хорошее, отвергая все плохое. И вполне счастлив.

Вскоре мы вышли на проселочную дорогу, которую я тотчас же узнал. Рациональный Человек сказал, что мы приближаемся к его дому.

— Заходите в гости,— пригласил он.— Зажарим белку, в колодце полно Пойла, побеседуете на интеллектуальные темы с моими приятелями — увидите, они конгениальны: все сплошь атеисты и агностики,— а потом устроим небольшую оргию.

Меня бросило в дрожь при одной мысли о том, что придется пить ненавистное зелье.

— Извини,— сказал я,— но нам надо идти. Я хотел спросить у тебя напоследок — из чистого любопытства — как тебе удалось поймать эту белку?

— Кант,— ответил он и показал книгу.

— Простите?

— Иммануил Кант. Видите ли, Пойло оказывает огромное стимулирующее воздействие на рост некоторых животных. Увеличивается в размерах не только их тело, но и мозг. Они гораздо умнее обычных животных. Возможно, причиной тому перемены в строении нейронов и в коре головного мозга. Наиболее впечатляющи эти перемены у грызунов. Что весьма кстати. Это ведь неисчерпаемые запасы мяса, понимаете?

Короче говоря, я обнаружил, что в наших краях ружье на охоте ни к чему. Оно здесь не стреляет. Лук со стрелами тоже не нужен. Единственное, что вам необходимо,— это найти место, где много белок, сесть под деревом и читать вслух. И пока вы расширяете кругозор, белка, привлеченная монотонным чтением, медленно спускается с верхушки дерева пониже. Но вы, не обращая на нее внимания, продолжаете читать. Тогда зверек садится рядом и, не спуская с вас глаз, начинает медленно помахивать пушистым хвостом. Вы прочитываете еще несколько страниц, закрываете книгу, встаете и спокойно забираете зверя, совершенно одуревшего от вашего чтения. Белка не выйдет из транса даже когда вы будете ее резать.

Экспериментальным путем я установил, что лучшие результаты достигаются чтением "Критики чистого разума" Канта. Белки от нее просто обалдевают. А вот кролики, например, сатанеют от "Тропика козерога" Генри Миллера. Причем во французском переводе. Один мой приятель утверждает, что птиц лучше всего ловить на "Дианетику" Хаббарда. Но тут, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет: лично я ловлю гусей и фазанов на фрейдовские "Три очерка по теории сексуальности".

Тут мы подошли к его дому и распрощались. Следующие несколько миль путь наш лежал мимо сельских

домов, стоявших вдоль обочины проселочной дороги. Некоторые жилища сгорели дотла, и их обитатели переселились в хлевы. Те же, у которых не уцелел и хлев, жили под какими-то навесами.

— На фотографиях, снятых с армейского дирижабля, было видно, что в городе много пожарищ,— объяснил я Алисе.— И улицы на тех снимках заросли бурьяном. Я тогда не мог понять, куда делись погорельцы, но теперь все ясно. Они живут как дикари.

— А почему бы и нет? — возразила Алиса.— У них тут полное изобилие, достается оно им даром. За все время, пока мы в Зоне, меня, например, не укусил ни один комар. Значит, все вредные насекомые здесь уничтожены. О гигиене заботиться не надо — если верить этому Читателю-охотнику, Пойло убивает все микробы. Никаких тебе забот с отходами и мусором. Почему же им не быть счастливыми и гостеприимными? Вспомни, сколько мы отвергли приглашений разделить трапезу и отведать Пойла. И даже,— добавила она с коварной усмешкой,— поучаствовать в оргиях. Похоже, это слово у них тут в большом почете. Я видела, как та шикарная блондинка с последней фермы пыталась затащить тебя в кусты. Согласись, что за пределами Зоны такое трудно себе представить.

— Может, я и *лыс,*— буркнул я в ответ,— но не настолько уж омерзителен, чтобы в меня не могла влюбиться привлекательная девушка. Жалко, нет с собой фотографии Бернадетты. Ты бы сама убедилась. Мы с ней чуть не поженились. Ей всего тридцать и...

— А зубы у нее свои?

— Да, свои, — не заметил я очередную колкость.— Видишь ли, в ее челюсть не попадал осколок снаряда, и ей не пришлось после этого еще пять дней проторчать раненой в окопе под огнем противника,— меня вдруг затрясло от ярости.

— Дэн, прости, пожалуйста. Я этого не знала,— извинилась Алиса.

Но меня уже понесло:

— И вообще,— продолжал я орать, не обращая внимания на ее извинения.— Что тебе еще не нравится, кроме моей лысины и вставной челюсти? Может, то, что именно мне пришла в голову идея, которую поддержали все, включая президента? Или то, что я смог обойтись без десяти тысяч пехотинцев? Тогда какого черта ты

пошла со мной? Не потому ли, что твой папаша-генерал решил отхватить кусочек славы? Что же это такое, как не милитаристский паразитизм? Более того...— Я продолжал бесноваться, не давая ей вставить ни единого слова. И орал при этом, оказывается, так громко, что на вопли сбежались любопытные. Какие-то мужчина и женщина внимательно смотрели на нас с обочины. Я сразу заткнулся, но было поздно, и как только мы поравнялись с ними, мужчина сказал:

— Эй, новичок, ты чего такой сердитый? — Он протянул мне бутылку.— На вот, выпей. Помогает от твоей хвори. У нас тут в Мэрадленде не принято ругаться.

— Спасибо, не надо,— сказал я в ответ и попытался обойти их, но женщина — помесь Джейн и Лилиан Расселл — обвилась вокруг моей шеи и заворковала:

— Пойдем со мной, лысенький. Ух какой ты милашка! Выпей Пойла и пошли. Мы идем на праздник Плодородия, на ферму Джоунза. Туда придет сам Поливайнозел. Он сегодня ночью снизойдет до нас, простых смертных. Мы с тобой займемся любовью и заложим основу хорошему урожаю. Я ведь там не какая-нибудь... Я нимфа Поливайнозела, ты не думай.

— Простите,— сказал я.— Но мне надо идти.

Вдруг на голову мне полилась струйка какой-то жидкости. Сначала я не сообразил, что это такое, но учуяв запах Пойла, рассвирепел. И пока мужчина продолжал поливать мою лысину Пойлом, я освободился из объятий его подруги и швырнул эту даму прямо в него. Оба повалились на землю, а я схватил Алису за руку и помчался по дороге.

Пробежав с четверть мили, я перешел на шаг, чтобы отдышаться. Сердце готово было выскочить из груди, голова превратилась в чугунный колокол. Видно, даже после тренировок я не был готов к подобным нагрузкам.

Впрочем, когда я заметил, что и Алиса чуть жива, настроение мое улучшилось.

— Они нас не преследуют,— сказал я.— И знаешь, мы с такой легкостью передвигаемся по Зоне, что, пожалуй, рота морской пехоты могла бы сегодня ночью...

— Мы уже четыре раза пытались,— оборвала меня Алиса.— Дважды днем, дважды — ночью. Первые три отряда пропали без вести, а что случилось с четвертым, ты видел сам.

Некоторое время мы шли молча. Потом я сказал:

— Послушай, Алиса, давеча я не сдержался и едва не накликал на нас беду. Так может, нам лучше забыть прошлые обиды и начать все с начала?

— Ну нет уж! Я, конечно, постараюсь с тобой не ссориться, но уволь меня от "приятельских отношений". Может быть, когда я отведаю Пойла, ты мне и начнешь нравиться. Но это вряд ли.

Убедившись на собственном опыте, что язык мой — враг мой, я промолчал.

Воодушевленная моим молчанием,— а может, заинтригованная — Алиса продолжила:

— Кстати, вполне может случиться так, что нам *придется* в конце концов пить Пойло. Воды у нас нет, и если жажда мучит тебя так же, как меня, то я представляю, как тебе нехорошо. А нам еще часов четырнадцать, если не все двадцать, обходиться без воды. Да еще при этом постоянно двигаться. И что с нами будет, если, допустим, придется пить по необходимости, а вокруг не будет ни одного источника влаги, кроме зараженной реки? В конце концов, Пойло ведь не смертельный яд. Давай представим себе такую ситуацию.

Судя по всему, если мы выпьем Пойло, то самое страшное, что нас ждет,— это беспредельное счастье. Ведь неизвестная нам субстанция — называй ее Пойлом или еще как-нибудь — на самом деле хитроумнейший из всех известных наркотиков. Он, как и другие наркотики, дает ощущение постоянного счастья, но в отличие от них не только не вредит человеку, но приносит ему массу благ...

Я не мог больше молчать:

— Это очень опасный разговор!

— Вовсе нет, мистер Темпер! Я излагаю только факты.

— Мне это не нравится.

— И что же *вас* так смущает?

— Меня ничего не смущает! — сказал я немного тверже.— Лично мне нечего стыдиться. Но наркоманами были мои родители. Отец умер в государственной больнице штата. Маму вылечили, но она сгорела, когда в ресторане, где она работала, вспыхнул пожар. Оба похоронены на старом Мелтонвиллском кладбище в пригороде Онабака. Когда я был моложе, я приходил к их могилам ночью и выл от горя на небеса, которые были столь несправедливы к моим родителям...

— Мне очень жаль, Дэн, что так случилось,— тихо,

но твердо сказала Алиса.— Но не кажется ли тебе, что ты переигрываешь с сентиментальностью?

Я сразу умолк.

— Ты права. Просто ты все время хочешь уколоть меня, и я...

— ...И ты решил обнажить передо мною душу? Нет уж, Дэн, спасибо. Хватит с меня наших тел. Я не хочу обижать тебя, но наркотики и Пойло — совершенно разные вещи, потому что человек, употребляющий Пойло, не деградирует.

— Откуда ты знаешь? С тех пор как они пристрастились к Пойлу, прошло совсем немного времени, чтобы делать какие-то выводы о его воздействии на организм. И потом — если здесь все такие здоровые, жизнерадостные и добрые, то почему же Поливайнозел хотел тебя изнасиловать?

— Я вовсе не собираюсь защищать этого осла,— сказала Алиса,— но, Дэн, неужели ты не чувствуешь, насколько отличается здешняя психическая атмосфера от обычной? У них тут нет никаких барьеров в отношениях между полами. Мужчины и женщины делают все, что им заблагорассудится. И никто никого ни к кому не ревнует. Вспомни сам, что говорила та девица, похожая на Джейн Расселл. Она сказала, что Поливайнозел волен выбирать себе любую из женщин и избранница не станет возражать. Может быть, приставая ко мне, он думал, что я буду просто счастлива от предоставившейся возможности заняться любовью с полубогом?

— Ну ладно, допустим,— сказал я примирительно.— Но все равно это было мерзкое зрелище, и я не могу понять, почему Дарэм назначил его богом плодородия. Ведь он ненавидит Поливайнозела.

— А что вообще представляет собой этот Дарэм?

Я рассказал Алисе, что Дарэм похож на эльфа из ирландских легенд: маленький, лысенький, толстенький человечек с лицом гнома, но с тонкой поэтической душой. Что он обожает каламбуры и афоризмы, может часами цитировать древнегреческих и древнеримских классиков. Что у него есть заветная мечта — издать сборник своих эссе "Золотой Век", а также жена, которая проела ему всю плешь.

— Можно ли сказать про него, что он мстительный? — спросила Алиса.

— Нет-нет. Он очень мягкий и незлопамятный. А почему ты вдруг спрашиваешь?

— Понимаешь, Пегги как-то писала мне, что ее возлюбленный Поливайнозел ненавидел Дарэма — никак не мог сдать ему экзамен по классической филологии. К тому же Дарэм явно симпатизировал Пегги. Вот Поливайнозел и донимал профессора при каждом удобном случае. Я получила это письмо перед самым исчезновением Пегги, а потом прочитала в газете версию о том, что Пегги и Поливайнозел могли быть убиты Дарэмом. Вот я и думаю, не лелеет ли профессор свою ненависть до сих пор?

— Только не Дарэм,— запротестовал я.— Он может, конечно, рассвирепеть, но быстро отходит.

— Что и требовалось доказать! — торжествующе воскликнула Алиса.— Профессор рассвирепел, превратил Поливайнозела в осла, а потом успокоился и простил его. Почему бы и нет? Пегги-то он себе заполучил.

— Почему же тогда Дарэм не превратил его обратно в человека?

— Этого я не знаю. Хотя Пегги писала, что Поливайнозел специализировался на сельском хозяйстве и слыл университетским Казановой.

— Теперь я понимаю, почему ты была так саркастична во время моей лекции,— сказал я.— Ты знала о них больше, чем я. Но это, кстати, никак не может оправдать твоих намеков насчет моей лысины и вставной челюсти.

Она отвернулась.

— Не знаю, почему я это делала. Наверное, ненавидела тебя в ту минуту за то, что тебе, гражданскому лицу, доверили такую важную миссию и наделили вдобавок огромными полномочиями.

Мне хотелось спросить, по-другому ли она относится ко мне теперь. Кроме того, я был уверен, что подобное поведение Алисы объяснялось причинами и другого свойства. Но я не стал заострять внимания на этой проблеме и вновь переключился на Дарэма. Я рассказал о нем все, кроме самого главного. Говорить об этом без предварительного зондажа Алисиных настроений я просто не имел права.

— Значит, получается,— сказала Алиса, выслушав меня,— что все происходящее в Зоне полностью соответствует представлениям доктора Босуэлла Дарэма о так называемом Золотом Веке?

— Именно,— подтвердил я.— Он не раз упоминал в своих лекциях об упущенном древними богами шансе.

Дарэм говорил, что если бы древние боги удосужились взглянуть с заоблачных высот на несчастных смертных, они избавили бы человечество от болезней, нищеты, несчастий и войн. Объяснял он нерасторопность древних богов тем, что на самом деле эти боги были людьми, тем или иным способом наделенными сверхчеловеческими способностями, распорядиться которыми они не могли в силу недостаточного знания основ философской этики и науки в целом.

Дарэм не раз говорил, что, очутись он на месте тех богов — у него получилось бы гораздо лучше, и обещал как-нибудь прочесть нам лекцию под названием "Как стать богом и преуспеть на этом поприще".

— Знаю,— сказала Алиса.— Пегги писала мне. Она утверждала, что именно это больше всего и бесило Поливайнозела. Он просто не понимал, что профессор описывает на уроках мир своей мечты. Может быть, он просто хотел спрятаться в этом выдуманном мире от жены... Бедный малый!

— Бедный малый?! Еще чего! — возмутился я.— Да он же превратил свою мечту в явь! Кто еще может похвастать тем же? Особенно мечтой таких масштабов...

— Никто,— согласилась Алиса.— Скажи мне, каков был все же главный тезис дарэмовского "Золотого Века"?

— Дарэм утверждал, будто весь ход истории доказывает, что среднему человеку требуется в жизни лишь одно: чтобы его оставили в покое. Он вполне счастлив, когда жизнь течет размеренно и плавно. Идеальной же для среднего человека является такая жизнь, в которой нет места болезням, зато полно пищи, развлечений, секса. Когда не болит голова о налогах, а работаешь столько, сколько захочешь, и то лишь для того, чтобы не наскучили постоянные развлечения. А думает за меня пусть кто-нибудь другой.

Дарэм говорил, что большинство взрослых людей просто мечтали бы иметь некое божество, которое решало бы за них те проблемы, ради которых приходится отвлекаться от прелестей жизни.

— Да он ничем не отличается от Гитлера или Сталина! — воскликнула Алиса.

— Не могу с тобой согласиться,— возразил я.— Посмотри вокруг: Дарэм ведь *действительно* создал им рай. И при этом он не насаждает никакую идеологию,

не применяет репрессий. Он...— тут я спохватился и застыл с разинутым ртом. Я защищал профессора!

— Ты, похоже, изменил свои взгляды? — захихикала Алиса.

— Нет,— ответил я.— Нет-нет. Это профессор, как любой диктатор, изменил своим взглядам. Он применяет репрессии. Посмотри, что он сотворил с Поливайнозелом.

— Поливайнозел не в счет. Он как был ослом, так им и остался. Как знать — может, ему нравится быть ослом!

Ответить я не успел. Небо с восточной стороны озарилось ярким пламенем. Через секунду-другую до нас докатились громовые раскаты.

Мы остолбенели. Со стихиями, по нашему разумению, в Зоне было покончено.

Алиса схватила меня за руку и спросила встревоженно:

— Может, наши пошли в атаку раньше времени? Или нас об этом просто не предупредили?

— Не думаю. С какой стати начинать наступление с той стороны? Пойдем посмотрим, в чем дело.

— Ты знаешь, мне сначала показалось, что это молния. Только... как бы это сказать... молния... наоборот.

— Как негатив, да?

Она кивнула:

— Точно. Она была черная.

— Я и раньше видел такие ветвистые молнии. Они чем-то напоминают по форме крону дерева. Но это первая, которая... Нет, не может быть...— пробормотал я в смятении.— Я, пожалуй, воздержусь от комментариев, пока не увижу все на месте.

Мы свернули с посыпанной гравием дороги направо, на шоссе. Я узнал его — это шоссе шло мимо аэродрома в Мелтонвилл, до которого отсюда мили полторы. Раздался еще один взрыв, на сей раз гораздо ближе, и небо вновь залилось заревом.

Мы бросились вперед, готовые при первой же опасности скрыться в лесу. Примерно через полмили я остановился так внезапно, что Алиса налетела на меня сзади.

— Что такое? — спросила она шепотом.

— Этого ручья здесь раньше не было,— медленно произнес я.— Голову даю на отсечение. Я знаю эти места как свои пять пальцев еще с тех пор как бойскаутом ходил в походы.

Но ручей-то перед нами был. Небольшая речушка, пересекая шоссе, текла с восточной стороны, от Онабака,

к юго-западу. Ручей, размыв дорожное покрытие, прорыл в шоссе канаву шириной футов в тридцать. Поперек канавы кто-то перекинул два бревна и кое-как настелил на них планки.

Перейдя мост, мы пошли дальше, но оказалось, что мы немного сбились с пути, потому как следующий взрыв раздался слева от нас, у дальнего конца большого луга, на котором прежде была стоянка грузовиков транспортной компании.

Алиса принюхалась и спросила:

— Чувствуешь, пахнет горелыми листьями?

— Ага.— Я показал на противоположный берег ручья, залитый лунным светом.— Вон, посмотри.

Там валялись полуобгорелые, разнесенные в щепки стволы и стебли каких-то растений размером с сосну. Обломки раскидало взрывом футов на сорок; несколько бревен даже упало в ручей.

Решив разобраться, что все это значит, мы направились к истоку ручья, где собрались в круг человек сто. Я заработал локтями и стал пробираться сквозь толпу поближе к центру, чтобы посмотреть, что там происходит, но тут раздался женский визг:

— Он залил туда слишком много Пойла!

— Спасайся кто может! — завопил какой-то мужчина.

Засверкали пятки, поднялся крик — народ, расталкивая друг дружку, бросился врассыпную. Но, унося ноги, толпа почему-то хохотала, словно смеясь над собственной паникой.

Я схватил Алису за руку и бросился вслед за всеми. Какой-то мужчина догнал нас, и я, крикнув на бегу, спросил:

— Что происходит?

Мужчина оказался первым человеком в Зоне, на котором я увидел хоть какую-то одежду. Одет он был фантастически: на голове красовалась феска с кисточкой, а талия была обмотана широким зеленым кушаком, из-за которого торчала эдаким рулем кривая сабля. Сходство сабли с морским рулем усиливалось крейсерской скоростью незнакомца.

Услышав меня, он как-то диковато — под стать своему дикарскому наряду — покосился и что-то прокричал в ответ.

— Что?!— не расслышал я.

Он опять что-то крикнул и умчался вперед.

— Ты разобрала, что он сказал? — спросил я у Алисы.— Мне показалось что-то вроде: "Ах, Карузо! Как поет!"

— А по-моему, он сказал: "Кукуруза как рванет!"

Через секунду стало ясно, почему все улепетывают, будто сумасшедшие. Сзади раздался звук, похожий на рык исполинского льва, земля вздрогнула, в лицо ударила волна горячего воздуха, и с неба посыпался град камней и ошметков грязи. Один из булыжников, просвистев, угодил мне в ногу, и я взвыл от боли. Мне даже показалось, что у меня перелом.

Алиса завизжала и повисла на моей шее:

— Спаси меня!

Я бы с радостью, но кто меня самого спасет?

Камнепад внезапно прекратился. Крики стихли, и наступила тишина — народ с облегчением переводил дыхание. Потом послышались смешки, радостные возгласы, из травы стали подниматься голые люди, похожие в лунном свете на привидения. Мгновенно забыв о своих страхах, они пошли назад к месту взрыва, подтрунивая над недавним паническим бегством.

Остановив красивую полногрудую девицу лет двадцати — позднее я обнаружил, что все женщины, употребляющие Пойло, прекрасно сложены, красивы и молоды,— остановив ее, я спросил:

— Что здесь произошло?

— Да этот идиот залил в скважину слишком много Пойла,— ответила она улыбаясь.— Его все предупреждали, но он никого не слушает. Он же чокнутый — и все его приятели такие же, слава Мэраду.

Произнося имя своего бога, она сделала "козу". Надо отдать должное этим людям — пусть во всем остальном они легкомысленны и необузданны, но к своему богу относятся с большим почтением.

— Простите, я не понял, о ком вы говорите,— ляпнул я довольно неуклюже.

— О Чокнутых Тарабарах конечно, лысенький.— Оглядев меня с ног до головы, она задержала взгляд на моей макушке и добавила: — Не будь их, я бы подумала, что ты еще не пробовал Пойло.

Я не понял, *что* она имеет в виду, но на всякий случай посмотрел наверх — именно туда указывала девушка. Но мне не удалось разглядеть ничего, кроме чистого неба и перекошенной луны.

Решив не выдавать своей неосведомленности, я прекратил расспросы и вместе с Алисой пошел вслед за толпой. На месте взрыва зияла огромная дыра, взглянув на которую я понял происхождение нового русла: его вырыли при помощи серии направленных взрывов — тех самых, грохот которых мы недавно слышали.

Задев меня, мимо прошел какой-то мужчина. Заложив левую руку за спину и наклонившись вперед, он энергично работал ногами, а правой рукой почесывал мохнатую грудь. Голову его украшала нахлобученная набекрень треуголка с плюмажем (вроде тех, какие можно увидеть в ложе генералитета во время парадов), сам же он был голый, если не считать ремня с висевшей на нем шпагой и ковбойских сапог на высоком каблуке. Он хмурил брови и нервно комкал в заложенной за спину руке большую карту.

— Эй, адмирал! — окликнул я.

Он, не обращая на меня внимания, пробивался вперед.

— Генерал!

Он даже не обернулся.

— Босс! Шеф! Эй, ты!

Он поднял голову и спросил:

— Пенни сковырнул?

— Чего?

— Закрой лучше рот, а то челюсть потеряешь,— посоветовала Алиса.

Мы успели подойти к яме прежде чем вокруг нее сомкнулась толпа. Воронка имела футов тридцать в диаметре, крутые края обрывались вглубь на двадцать футов. Из самого центра воронки возвышалось догоравшее растение. Это была кукуруза. С початком, стеблем, листьями — всем чем полагается. Только высотой футов в пятьдесят. Растение угрожающе накренилось: стоит тронуть его пальцем, и весь этот пылающий факел рухнет в толпу. Истерзанные корни кукурузы, похожие на сеть канализационных труб разрушенного небоскреба, медленно вылезали из почвы.

Из-под корней во все стороны били мощные фонтаны грязи, придавая воронке полное сходство с кратером. Словно в нее только что угодил метеорит.

Это сравнение пришло мне в голову в первую минуту. Но потом я увидел, как усиливается напор грязевых струй, и сообразил, что метеорит скорее всего рванет сейчас из-под земли.

Однако осмыслить свою догадку я не успел, потому что толстый кукурузный ствол начал медленно заваливаться. И мы вместе со всеми бросились наутек.

Кукуруза со страшным грохотом повалилась на землю. Какие-то люди в причудливых одеяниях запрягли десятку лошадей и отволокли ствол в сторонку. Мы с Алисой вернулись к воронке, и я спустился на дно кратера. Почва под ногами была сухая и твердая, словно кто-то разом высосал из земли всю влагу.

Чокнутые Тарабары гурьбой ссыпались в яму и принялись ковырять раскаленную почву кирками и лопатами. Человек в адмиральской треуголке, оказавшийся вожаком, стоял посреди ямы с картой в руках и, бросая на нее хмурые взгляды, то и дело подзывал к себе царственным жестом кого-нибудь из подчиненных. Потом тыкал его носом в карту, показывая, где следует копать дальше.

— Постаршее квакни в сочность! — командовал адмирал.

— Натипак ном, иу-иу!

Раскопки, однако, шли неудачно. Чудаки никак не могли найти то, что искали. Вокруг ямы стоял невообразимый галдеж: каждый из толпившихся у края зевак считал своим долгом выдать Чокнутым ценный совет. Настроение у толпы было чудесное — там и сям мелькали бутылки с Пойлом, народ горланил песни и отпускал скабрезные шуточки в адрес землекопов.

Вдруг недоделанный Наполеон яростно фыркнул, сердито всплеснул руками, и карта, трепыхаясь, плавно опустилась на землю.

— Клинит мырзом аккурат,— простонал адмирал.

— Рерюф нйам, ьловя! — зашумели Тарабары.

— Задырявить в шум курят!

Услышав этот приказ, Чокнутые побросали лопаты. Только один из них, закованный в две дюжины кандалов, сдвинул на затылок цилиндр и занялся странными манипуляциями. Он пробурил в стене кратера горизонтальную скважину глубиной примерно в шесть футов, бросил туда зернышко, забил отверстие глиной и стал разматывать тонкий шнур, торчавший из скважины. Его приятель — малый в шутовских очках без стекол и в прусской каске времен первой мировой войны — дернул за шнур и вылил в яму целый ушат Пойла. Изжаждавшаяся земля проглотила влагу одним глотком.

Чокнутые и зеваки молча наблюдали за странной церемонией. Вдруг какая-то женщина закричала:

— Он опять заливает слишком много Пойла! Остановите этого дурака!

Наполеон сверкнул из ямы свирепым взглядом и рявкнул:

— Форникут большее жать!

В то же мгновение земля заурчала, заходила ходуном, вздулась и пошла трещинами. Что-то должно было рвануть, и рвануть со страшной силой!

— Бегите к холмам! Он таки сделал это!

Я не понял, кто и что сделал, но время для расспросов было не самое подходящее.

Выскочив из воронки, я схватил Алису за руку и помчался через луг. Пробежав полполя, я на какое-то мгновение сумел побороть страх и оглянулся через плечо. И увидел *это*.

Вам, наверное, доводилось видеть, как рассыпаются в небе цветочным букетом тысячи петард? Здесь все было наоборот: исполинских размеров подсолнух рванул из-под земли, рассыпавшись тысячью петард. Семечко подсолнуха, получив сверхдозу Пойла, разорвало земную поверхность, и растение в мгновение ока достигло размеров секвойи. Высвободившаяся при этом колоссальная энергия воспламенила ствол подсолнуха, еще через мгновение из земли показались корни, и огромная пылающая башня, лишившись опоры, стала медленно заваливаться.

Мы с Алисой бросились прочь, но слишком замешкались, и я обреченно подумал, что сейчас этот охваченный пламенем великан раздавит нас, как муравьев.

Ба-бах!!! Подсолнух грохнулся оземь, нас бросило в сторону, и мы с Алисой зарылись носом в землю. Меня так оглушило, что я не мог даже пальцем шевельнуть.

Но первое впечатление всегда обманчиво. Уже через секунду я носился как угорелый — задница моя поджарилась, как хороший шашлык.

— О господи, Дэн! — орала Алиса.— Как больно!

Еще бы не больно! Сам знаю, тем же местом пострадал. Похоже, наша миссия на том закончится. Нам необходима срочная медицинская помощь, а эти троглодиты давным-давно уже позабыли, что такое медицина. Придется бежать вон из Зоны — к своим, в военный госпиталь.

...Местные жители действительно напрочь забыли о

медицине, но, как выяснилось чуть позднее, забыли лишь потому, что она в Зоне ни к чему.

Двое мужчин, видя, в каком мы жалком состоянии, тем не менее выплеснули на нас по бадейке Пойла.

Я заорал от ужаса, но деваться было некуда. Разве что бежать обратно в пламя. Нет-нет, даже Пойло лучше огня. К тому же, слава богу, в рот оно мне не попало.

Но все равно — каковы нахалы, а? Мы тут, можно сказать, при смерти, а им побрызгаться захотелось.

Я уже собирался бурно протестовать, но тут боль внезапно прекратилась.

Что там происходило с моей задницей, я, естественно, видеть не мог, но прямо передо мной была спина Алисы. На моих глазах страшные волдыри покрылись корочкой и стали отваливаться. Под ними розовела новехонькая кожа.

Алиса, потеряв самообладание, забыла, что мы с ней смертельные враги, и, рыдая от счастья, бросилась мне на грудь:

— О, Дэн! Дэн! Разве это не чудо!

Я был настроен более скептически. Конечно, Пойло, как и всякий наркотик, при правильном применении может дать хороший эффект. Но злоупотребление им приводит к ужасным последствиям.

— Надо посмотреть, что там.— Я взял Алису за руку, и мы отправились к новому кратеру. Я чувствовал, что мне *жизненно необходимо* разгадать тайну Чокнутых Тарабаров. Кроме того, меня вдруг осенила идея нового оружия. Надо начинять бомбы Пойлом и семенами, а потом сбрасывать их на Зону с дирижаблей. Или обстреливать Зону из пушек: засыпать в ствол семена, залить Пойлом, зарядить пушку с дула — и снаряд полетит как бешеный. Правда, как потом деревья из дула выковыривать? Придется к каждой пушке приставлять по плотнику... Ну что ж, тогда применим тот же принцип в реактивных ракетах. Нет, опять возникает проблема: если из хвостовой части ракеты начнет расти гигантская кукуруза или какие-нибудь анютины глазки, то, во-первых, увеличится вес ракеты, во-вторых, сместится центр тяжести, а в-третьих — как бы ракете вообще не пришлось волочить хвост по земле... Наверное, надо будет обучить ботаников основам аэродинамики. Или наоборот. Или...

Нет, ну его к черту, это новое оружие. Наши штабные крысы все равно мне не поверят.

Чокнутые Тарабары, подкрепившись Пойлом, работали так споро, что уже через пятнадцать минут погасили пламя, откатили обугленный ствол с дороги и, не мешкая ни секунды, спустились на дно нового кратера и принялись за раскопки.

Я стал наблюдать за ними. На первый взгляд, все подчинялись приказам адмирала и согласовывали с ним свои действия. На самом деле ни один из Тарабаров не понимал, что говорит другой, и все общение происходило при помощи мимики и жестов.

"Ну это-то вряд ли можно назвать новшеством Мэрада",— подумал я. Хотя никогда прежде не видел такого широкого диапазона жестов.

В чем же тут дело?

Решив узнать об этом у одного из зевак, я постарался придать своему голосу как можно более безразличную интонацию. Местная публика в основе своей совершенно не способна к серьезным рассуждениям, но, как говорится, нет правил без исключений. Мой собеседник как раз таким исключением и оказался.

— Охотно расскажу тебе, странник,— сказал он.— Эти Чокнутые Тарабары — живое воплощение тезиса "Никогда не используй религию в корыстных целях".— Отхлебнув из фляжки, висевшей на шее, незнакомец предложил глотнуть Пойла и мне, и хотя мой отказ удивил его, настаивать он не стал.— Так вот. Эти люди были сливками общества в те времена, когда Мэрад еще не провозгласил себя Истинным Быком. Понимаешь? Они были священниками, крупными и мелкими бизнесменами, редакторами газет, шулерами, адвокатами, банкирами, торговыми агентами, врачами, профессорами колледжей, литературными обозревателями... Короче, теми людьми, которые якобы знают, как лечить разные недуги — социальные, экономические, финансовые, управленческие, психологические, духовные и так далее и тому подобное. То есть как бы обладают Словом, понимаешь? Тем Словом Истины, на котором держится мироздание.

Но тут появляется Пойло, люди прикладываются к Божественной Бутыли и перестают обращать внимание на разных там столпов общества.

Тогда эти шишки зашевелились, пытаясь бороться с Пойлом. Сначала они это делали в открытую, но потом сообразили, что проще бороться скрытно, плывя по тече-

нию вместе со всеми. По принципу — если всем это нравится, то мы, шишки, считаем, что так и должно быть.

Короче говоря, выпив для храбрости немного Пойла — ровно столько, чтобы не превратиться в богобоязненных почитателей Мэрада,— эти Чокнутые объявили себя пророками новой религии, утверждая, что именно они — и только они — являются верховными жрецами Большого Быка. Естественно, Поливайнозел, Аллегория и Шид-Прорицатель Погоды отвергли их притязания. Тогда "пророки" объявили их фальшивыми богами. Смешно, правда? Но так оно и было на самом деле. До тех пор, пока Мэрад — да не протрезвеют его почитатели ныне и присно и во веки веков — не рассвирепел. Он возвестил устами Прорицателя Погоды, что столпы общества — болваны и лжепророки. И что в качестве наказания он преподносит им небольшой подарок. Сюрприз вроде того, какой устроил перед этим Двенадцати Баловням В Подгузниках.

Короче, вызывает он их и говорит:

— Значит, вы владеете Истинным Словом Быка? Что ж, будь по-вашему. Владейте! Но отныне вас не будет понимать ни один человек. Слово Истины будет казаться всем тарабарщиной. А теперь — убирайтесь!

Но потом, увидев, что творится с этими бедолагами, которых никто не мог понять — они и сами друг друга не понимали и оттого впали в жесточайшую хандру,— Мэрад решил смилостивиться.

Он снова вызвал их и сказал:

— Даю вам шанс. Ключ от ваших проблем зарыт в этой долине. Ищите его. Найдете — избавитесь от вашей беды и вас снова начнут понимать.

И вручил им карту, причем одну на всех. Но этот полуголый Наполеон присвоил карту себе — на том основании, что говорит непонятнее других. Очевидно, он полагает, что это большое достоинство. С тех пор он и командует поисками ключа, который расколдовал бы их.

— Так вот почему они все взрывают и раскапывают...— понял я.

— Конечно. Они все делают по карте,— рассмеялся мой собеседник.

Я поблагодарил его и, подойдя к адмиралу, осторожно заглянул через его плечо. Карта была испещрена длинными жирными линиями, от которых ответвлялось мно-

жество более коротких придатков. Именно этой схемой и руководствовался адмирал.

Он вдруг обернулся и спросил:

— Безумеешь мальчишей?

— Ага.— Я едва не задохнулся от запаха Пойла и отошел от греха подальше.

— Представляешь,— сообщил я Алисе, захлебываясь кашлем.— Эта карта — схема человеческой нервной системы. Сейчас они следуют вдоль блуждающего нерва.

— *Блуждающего* нерва?! — озадаченно пробормотала Алиса.— Что все это значит?

Мы начали карабкаться вверх по склону кратера.

— Похоже, мы присутствуем при рождении новой мифологии,— сказал я.— Один из полубогов — оживший персонаж популярного комикса. Второй имеет облик осла, поскольку именно так будет звучать его фамилия в буквальном переводе с латыни. Хотя, надо сказать, в данном конкретном случае мы имеем полное соответствие формы содержанию. Наконец центральная фигура новой мифологии названа по прозвищу ее основателя, которое он носил в бытность простым смертным. Неужели прототипы богов, составивших античные мифологические пантеоны, были такими же нелепыми личностями?!

— Дэниел Темпер! — осадила меня Алиса.— Ты говоришь так, словно не подвергаешь сомнению факт существования древних языческих богов. Словно этот Мэрад и в самом деле бог!

— Раньше, пока мы с тобой не оказались в Зоне, я поднял бы на смех всякого, кто высказал бы подобную гипотезу,— признался я.— А как *ты* объяснишь все это?

Остаток пути вверх по склону мы преодолели молча. Выбравшись наконец из кратера, я еще раз оглянулся на Чокнутых Тарабаров — этих жалких людишек, которым Мэрад преподал столь поучительный урок. Они продолжали деловито копать, не обращая внимания на похабные шуточки зевак. "Забавно,— подумал я.— Местный люд еще не догадался, что Чокнутые Тарабары не шайка психов, а символы. И глядя на них, каждый из этих обывателей должен бы осознать, что именно надо делать, чтобы подняться еще на одну ступеньку развития. Ибо с той же очевидностью, с какой торчат уши местного Бога-Осла, эти вавилонские землекопы убеждают всем своим видом: "Ключ ко всему — в тебе самом".

Наверняка именно эту фразу произнес первый пещерный философ.

Вдруг я увидел, как у самого края воронки блеснуло что-то металлическое. Я вернулся и вытащил из грязи серебряную отвертку с длинной рукоятью.

Не изучи я досконально повадки моего старого учителя, я бы подумал, что отвертка здесь оказалась случайно. Но на меня столько раз обрушивался каскад самых причудливых методов, с помощью которых Дарэм на лекциях предлагал нам познать действительность, что я понял: в моих руках — очередная серьезная шутка профессора, которая займет достойное место в новой мифологии местного Олимпа.

В самом деле: если существуют ящик Пандоры, голова Медузы, хижина Филемона и Бавкиды, глаз Одина, то почему бы не появиться Серебряной Отвертке?

— Есть такой анекдот про человека, родившегося с золотым винтом в пупке,— напомнил я Алисе.— Он всю жизнь пытался узнать, для чего этот винт. Очень стеснялся, что не такой как все. В конце концов обратился к психотерапевту, и тот посоветовал ему вообразить, будто к нему явилась чудесная фея. И вот этот человек пришел домой, сел в кресло, закрыл глаза, принялся мечтать, и к нему по лунному лучу спустилась фея Титания. Вручила ему серебряную отвертку, он открутил винт и стал самым счастливым человеком на свете, потому что теперь он был как все, и мог жениться, и супруга не будет смеяться над ним... И вот он, весь такой счастливый, встает из кресла за сигаретами... и у него отваливается задница.

— Ты хочешь сказать...— выдохнула Алиса.

— Именно! Откуда нам знать, что легенды о Золотом руне или о Золотых яблоках не были сначала такими же анекдотами, а свое символическое значение приобрели спустя века?

Алиса промолчала. Ей было нечего сказать. Впрочем, как любому из нас.

— Может, отдать отвертку этим Чокнутым? — предложила Алиса.— Тогда они прекратят устраивать взрывы и копаться в земле. И перестанут нести ахинею.

— Я уверен, они уже сто раз натыкались на нее и выбрасывали, не понимая ее смысла.

— А в чем ее смысл? — спросила Алиса.

— Смысл в том,— ответил я раздраженно,— что отвертка в очередной раз напоминает Чокнутым, что ключ

к решению их проблемы — в них самих. Что они должны осмыслить природу своего наказания и извлечь из него урок.

Мы пошли дальше. Случай с отверткой поверг меня в уныние. У меня стало складываться ощущение, что кто-то дразнит нас, заманивая все глубже в темный беспросветный туннель. Я уже сомневался, что Аллегория со своими зловещими предсказаниями встретился нам случайно.

Но времени на размышления не было, потому что мы как раз вышли на дорогу, ведущую к городской больнице. Вдали, за проволочной оградой, белели надгробия кладбища. Задумавшись, я, по всей вероятности, на некоторое время отключился от реальности, потому что Алиса спросила:

— Что случилось?

— Там, за оградой,— больничное кладбище. А с той стороны — Мелтонвиллское. Папа похоронен здесь, а мама — в Мелтонвилле. Жили врозь и похоронены врозь.

— Дэн,— сказала Алиса мягко,— нам нужно поспать хотя бы несколько часов. Мы с тобой очень долго шли. Давай навестим могилы твоих родителей и там же, на кладбище, устроимся на ночлег. Хорошо?

— Великолепно. Спасибо тебе, Алиса,— слова давались с трудом.— Ты прекрасна.

— Не преувеличивай. Это я из уважения к приличиям. А я-то думал, что наши отношения начинают теплеть.

Мы направились к кладбищу. Навстречу показался здоровенный мужчина с рыжей шевелюрой. Он так ел глазами Алису, что мне показалось — не избежать очередной попытки изнасилования. Но тут рыжий перевел взгляд на меня и захохотал. От него за милю несло перегаром.

— Что это с ним? — спросил я Алису, когда мы миновали его.

— Не знаю,— ответила она, разглядывая меня. Потом вдруг добавила: — Погоди-ка... Ну конечно! Поливайнозел и все остальные, встретив тебя, Дэн, с первой же секунды знают, что ты тут новичок!

— Но как?

— Ты же лысый! Видел ты здесь хоть одного лысого? То-то! Вот над чем смеялся этот парень.

— Значит я обречен. Поливайнозел очухается, велит своей пастве разыскать лысого человека, и мне крышка.

— Не все так плохо,— начала утешать Алиса.— Не забывай, что в Зону толпой валят новички. Кроме того, где-то здесь бродят наши без вести пропавшие солдаты. Ты вполне можешь сойти за одного из них.

Она потянула меня за руку:

— Пойдем спать. Утро вечера мудренее.

Мы подошли к кладбищенским воротам. По обе стороны каменной арки буйствовала зелень. Железная калитка, изъеденная ржавчиной, была распахнута настежь. Я ожидал увидеть за оградой запустение и заросли сорняков. Ничего подобного. Все сорняки были выщипаны козами и овцами, которые и сейчас паслись тут, похожие в лунном свете на серебристые статуи.

Я заорал и бросился вперед.

Могила моей матери зияла, точно разинутый земляной рот. На дне блестела черная вода, гроб валялся на боку. Наверное, кто-то вытащил его, а потом грубо спихнул обратно. Крышки не было. Гроб был пуст.

— Спокойно, Дэн,— раздался сзади голос Алисы.— Не надо так волноваться.

— Вот они — твои замечательные люди, Алиса! Твои боги и нимфы! *Упыри!* Гробокопатели!

— Не думаю. Им ведь не нужны ни деньги, ни драгоценности. Должно быть какое-то другое объяснение. Надо поискать вокруг.

Мы поискали. И нашли Плаксу-Ваксу.

Он сидел прислонившись к надгробию — большой, темный и такой неподвижный, что казался надгробной скульптурой. Он был похож на "Мыслителя" Родена — если на того надеть котелок и белую набедренную повязку. Но было в нем что-то неуловимо живое, и, когда он поднял голову, в глазах его блестели слезы.

— Скажите, пожалуйста,— спросил я, волнуясь.— Почему эти могилы раскопаны?

— Здравствуй, мой мальчик,— ответил он с легким ирландским акцентом.— А кто у тебя здесь похоронен?

— Мама,— ответил я.

Слезы брызнули из его глаз.

— Правда? Что ж, тогда тебя обрадует то, что я скажу. У меня супруга тут похоронена, понимаешь?

Я не увидел в этом ничего радостного, но промолчал.

— Да, мой мальчик,— позволь мне называть тебя так. Я ведь ветеран испано-американской войны, и годков мне поболе, чем тебе. Если бы не Мэрад — чтоб он

подвернул себе ногу и расквасил свою божественную рожу, прости Господи,— я бы давно уже помер от старости. Лежали бы мои косточки рядом со скелетом супруги, и плыли бы мы на барже...

— На какой еще барже? — перебил я.

— Как *на какой*? А-а, ты, я вижу, новенький.— Он постучал по голове, намекая, очевидно, на мою лысину.— Вот что я тебе скажу, мой мальчик. Поспеши-ка ты в Онабак. Оттуда на рассвете отплывает баржа, груженная скелетами. Там будет большой праздник — с Пойлом, шашлыком и траханьем на неделю вперед...

Я напомнил свой вопрос и в конце концов выяснил, что Мэрад велел собрать останки со всех кладбищ Зоны и свезти их в Онабак. Завтра кости погрузят на баржу, и она перевезет их на другой берег Иллинойса. Что будет дальше — не знают даже полубоги. Но все уверены, что Мэрад собирается оживлять мертвецов. И все население Зоны сейчас спешит в Онабак, чтобы своими глазами увидеть великое чудо.

Новость меня обрадовала. Если все дороги в город будут запружены народом, то я смогу легко затеряться в толпе.

Человек в котелке продолжал:

— Великий Бык зашел слишком далеко. Это так же верно, дети мои, как то, что меня зовут Плакса-Вакса. Он хочет оживить трупы, и у него это не получится. Что тогда делать нам, бедным верующим? Что делать мне? — Он всхлипнул.— Я опять останусь без дела, опять все потеряю. Когда-то я верой и правдой служил старому Богу, но потом понял, что дни его сочтены и на смену грядет Мэрад. Он похож на тех богов, что обитали в старые добрые времена в Эрине, милой моей Ирландии, когда боги были богами, а люди гигантами. И вот теперь Мэрад — да будет Бык ему именем, и будь он проклят — потерпит крах, и тогда ему уже никогда не оправиться от позора. А я превращусь в самого поганого человечка — лживого пророка без стыда и совести. А ведь меня собирались назначить полубогом — за мое старание, веру и умение держать язык за зубами. Я так быстро шел в гору, и вдруг Мэраду втемяшивается в голову этот пропагандистский трюк. Почему бы ему не оставить всех в покое?

Тут выяснилось, что Плакса боится успеха затеваемого предприятия гораздо больше, чем провала.

— Если Мэраду удастся нарастить на старые кости

новую плоть, то моя любимая супруга, ожив, тут же бросится на мои поиски. И тогда за жизнь мою никто не даст и ломаного гроша — были такие монеты в до-Пойловые времена. Она ни за что меня не пощадит. Ведь это я столкнул ее с лестницы десять лет назад, когда она сломала шею. Если бы я на ее месте воскрес ладно скроенной молодой девицей с красивым лицом вместо той хари, что была раньше,— я бы своему убийце только спасибо сказал. Но разве эта неблагодарная женщина, эта стерва, оценит мое благородство?!

Бедный я бедный! Горе преследует меня с того самого дня, как я, безгрешный (если, конечно, не брать в расчет первородный грех, но Мэрад говорит, что он этот догмат не приемлет), открыл свои невинные синие глазки и впервые увидел свет. Несчастным я родился, несчастным я живу. Даже умереть не могу — и это столь же верно, как то, что солнце встает на востоке, и как то, что Дарэм превратился в быка и переплыл Иллинойс с прекрасной Пегги на спине, и назвал ее своей невестой. Не могу я умереть — потому что любимая супруга выкопает мои кости, отвезет их к Мэраду и будет стоять наготове, когда я воскресну.

Мне стал надоедать этот поток гипербол, нескончаемый, как река Иллинойс. Поблагодарив Плаксу, я пожелал ему спокойной ночи:

— Нам рано вставать, Плакса-Вакса. Долгий путь предстоит.

— Понимаю, мой мальчик. А Плакса — это мое прозвище, а не имя. Меня так мальчишки в детстве дразнили, потому что...

Но я уже не слушал. Свернувшись калачиком возле маминой могилы, я пытался уснуть, но мне мешал разговор Алисы с Плаксой. Наконец я задремал, но меня вдруг растолкала Алиса. Она настаивала, чтобы я немедленно выслушал то, что рассказал ей Плакса.

— Ты видел его набедренную повязку? — спросила Алиса.— Так вот, это вовсе не набедренная повязка, а подгузник. И носит он его не случайно. Плакса, оказывается, один из Двенадцати Баловней В Подгузниках. Но это еще не всё. Когда он встал, я увидела, что от его задницы исходит желтое сияние — знаешь, у него там нимб вроде светлячка: похож и по цвету, и по размеру.

Короче говоря, дело, оказывается, было так. Вскоре после того как появилось Пойло и население Онабака

отгородилось от внешнего мира, в городе расплодилось великое множество самозваных пророков, решивших нагреть руки на новой религии. Каждый из них толковал новое и пока еще туманное учение по-своему. Среди пророков выделялись двенадцать местных политиканов, долгое время опустошавших городскую казну. Поначалу Пойло действовало на окружающую среду незаметно, и эти политики никак не могли понять, что происходит.

А в городе тем временем снижались темпы производства. Улицы и тротуары зарастали травой. Люди теряли интерес к повседневным житейским заботам. Раскрепощались нравы. Исчезли болезни, преступления. Прекратилась вражда. Люди забыли, что такое горе. Страхи и скука рассеялись, словно утренний туман.

Прошло еще немного времени, и люди перестали летать по делам в Чикаго. Никто не ходил в библиотеку. Журналисты и типографские рабочие оказались не нужны. В конце концов закрылись две крупнейшие в своих отраслях компании — Винокуренные заводы Майрона Малкера и Дизельная Компания Эрфгриппера. Люди начали понимать, что прежний мир был несовершенен, но теперь все уже позади и будущее светло и прекрасно.

Примерно в то же время прекратилась почтовая связь. В Вашингтон и столицу штата полетели тревожные телеграммы — из других городов, разумеется: в самом Онабаке телеграф давно уже не работал.

Тогда-то и были направлены в Онабак первые агенты ФБР и Управления по контролю за качеством продовольствия и медикаментов. Агенты как в воду канули. Послали других — Пойло сгубило и этих.

Оно еще не достигло своей окончательной кондиции, когда пришла благая весть. Устами пророка Шида Дарэм возвестил о пришествии Мэрада.

Однако в городе нашлись люди, решившие дать отпор новому богу. Самыми рьяными были двенадцать политиканов. Они собрали митинг на площади перед зданием суда и призвали народ свергнуть Мэрада. План восстания они предложили такой: сначала захватывается метеостанция Трайбеллского университета, где засел Шид, а потом...

— А потом,— витийствовал один из двенадцати, грозя кулаком тоненькой струйке Пойла, которая била фонтаном из Бутыли на вершине дальнего холма,— потом мы линчуем этого сумасшедшего ученого, провозгласив-

него себя Мэрадом, этого лунатика, который является не кем иным, как свихнувшимся университетским профессором философии и классической филологии. Друзья! Сограждане! Американцы! Если пресловутый Мэрад действительно является богом, как утверждает еще один чокнутый профессор по имени Шид, то пусть он прямо сейчас испепелит нас молнией. Я и мои друзья бросаем ему вызов.

Двенадцать политиканов стояли посреди двора на трибуне, с которой просматривались вся Главная улица, противоположный берег реки и дальние холмы. Двенадцать политиканов с вызовом смотрели на восток. Громов и молний не последовало. Но в следующее мгновение двенадцати политиканам пришлось позорно бежать с трибуны. И больше они вызовов Великому Быку не бросали.

Алиса захихикала:

— Они наложили в штаны. В прямом смысле слова. Мэрад не стал тратить на них столь опустошительную и зрелищную стихию, как молния. Он наслал на них другую, гораздо более деморализующую, беду, которая вынудила политиканов надеть подгузники — по той же причине, по какой их надевают младенцам.

Естественно, этот аргумент Мэрада охладил пыл Двенадцати Баловней В Подгузниках. Но нервы у кучки бывших прихлебателей оказались железными. Они тут же переменили свои убеждения на прямо противоположные и стали вещать, что именно Мэрад является Истинным Быком, и знают они об этом давным-давно. Двенадцать Баловней В Подгузниках снова созвали митинг и объявили присутствующим о драматических переменах, происшедших в их сердцах. Они сообщили, что Мэрад даровал им монополию на божественное откровение, и отныне всякий, кто возжелает пообщаться с Мэрадом, должен будет предварительно уплатить Двенадцати Баловням В Подгузниках соответствующую мзду. Они никак не могли понять, что деньги утратили свой смысл.

По недальновидности своей они даже вознесли Мэраду молитву, дабы тот даровал им какой-нибудь отличительный символ, свидетельствующий об их богоизбранности. И Мэрад пометил их знаком святости — светящимся желтым нимбом.

Алиса прямо корчилась от смеха.

— Вроде бы Баловни должны были визжать от восторга. Но увы... Хитроумный Мэрад поместил нимбы в

таком месте, что Баловням приходилось вставать всякий раз, когда они хотели продемонстрировать свою святость.

Но представь себе, эти тупоголовые Баловни отказываются признать, что Мэрад наказал их. Наоборот, они без конца хвастают расположением своих нимбов и даже пытались как-то заставить всех носить подгузники. Дескать, подгузник для истинно верующего в Мэрада такая же неотъемлемая часть одеяния, как тюрбан или феска для последователей Мухаммеда. На самом деле они просто не хотели выделяться. Не потому, что им претит святость, а потому, что, завидев подгузники Баловней, все сразу вспоминают об их недуге.

От смеха на глазах Алисы выступили слезы.

Я же не видел никаких причин для веселья, о чем и не преминул ей сообщить.

— Ты не понял, Темпер,— сказала она, захлебываясь от хохота.— Баловни в любую минуту могут избавиться от своего недуга, стоит им только помолиться Мэраду. Но им гордость не позволяет. Они продолжают настаивать, что это не болезнь, а знак высшего расположения Быка. Они страдают, но им это нравится, понимаешь? Так же, как Плаксе нравится сидеть у могилы жены — словно это удержит ее под землей — и сокрушаться о своей судьбинушке. Он и ему подобные не откажутся от своего наказания ни за что на свете. В прямом смысле слова.

Она опять захохотала. Я привстал, схватил ее за плечи и притянул к себе, чтобы понюхать, не несет ли от нее перегаром. Нет, Пойлом не пахло. Значит обычная истерика.

Для того чтобы привести в чувство истеричку, нужно просто влепить ей пощечину. Молча. Но Алиса, как всегда, все испортила: взяла и влепила пощечину мне. Молча. Как ни странно, истерика все равно прекратилась. Алиса перестала смеяться и уставилась на меня.

— За что?! — схватился я за пылающую щеку.

— За то, что приставал ко мне.

Я был так обескуражен, что не нашелся, что сказать:

— Да я... просто... Я...

— Руки не распускай! — рявкнула она.— Не принимай мою симпатию за проявление любви. И не думай, что если эти наклюкавшиеся Пойла шлюшки вешаются тебе на шею, то и я потеряю голову.

Я лег, отвернулся от нее и закрыл глаза. Но заснуть не мог. Я думал о несправедливой пощечине и все больше

свирепел. Наконец, не выдержав, я рывком сел и, кипя от возмущения, глухо произнес:

— Алиса!

Очевидно, ей тоже не спалось. Она тут же приподнялась и воззрилась на меня своими очами:

— Что такое?

— Забыл вернуть тебе должок,— сказал я и влепил ей пощечину.

Затем, даже не взглянув на произведенный моей оплеухой эффект, лег и опять повернулся к Алисе спиной. Надо сказать, что примерно минуту я лежал готовый к тому, что она вцепится мне в спину ногтями.

Но ничего подобного не произошло. Сначала повисла напряженная тишина, потом послышалось прерывистое дыхание, сопение, всхлипы и — под конец — рыдания.

Я терпел сколько мог. Потом приподнялся и сказал:

— Может быть, я и не прав. Но с какой стати тебе взбрело в голову, что я хотел заняться с тобой любовью? Я ведь знаю, что омерзителен тебе, и именно по этой причине никогда не стану добиваться твоей благосклонности. У меня, в конце концов, тоже есть гордость. К тому же я отнюдь не изнываю от страсти по тебе. Кем ты себе кажешься — Еленой Прекрасной или Клеопатрой?

Вот так всегда. Хочу как лучше, а получается наоборот. Алиса рассвирепела. Она вскочила и побежала прочь. Я нагнал ее только у кладбищенских ворот.

— Куда это ты собралась?

— На Главную улицу города Онабак, штат Иллинойс. Возьму там образец Пойла и постараюсь как можно быстрее вернуться к отцу.

— Послушай, глупышка, ты этого не сделаешь. Тебе велено быть все время со мной.

Она откинула свои длинные черные волосы.

— В моих предписаниях такой пункт отсутствует. Если я сочту, что твое присутствие начинает угрожать моей миссии, я вправе покинуть тебя. А я полагаю, что сейчас ты представляешь угрозу — если не моей миссии, то по крайней мере мне самой!

Я стиснул ее запястье и развернул к себе:

— Что ты ведешь себя как девчонка?! Ты же майор морской пехоты! Что происходит?

Она попыталась выдернуть руку. Я стиснул ее еще крепче. Алиса изловчилась и врезала мне по роже кулаком. Я ослеп от ярости. Но не настолько, чтобы не попасть

ладонью по ее щеке. Тогда Алиса применила захват и, не проведи я вовремя контрприем, сломала бы мне руку. Заломив Алисе руки за спину, я прижал ее к земле. Тот случай, когда маленький мужчина лучше большой девочки.

— Ну? В чем дело? — заскрежетал я зубами.

Алиса не отвечала. Извиваясь змеей, она стонала от бессилия, потому что знала, что ей не вырваться.

— Ты бесишься по той же причине, что и я?

Она перестала дергаться и очень тихо произнесла:

— Да.

Я освободил ее руки. Она перевернулась на спину, но даже не попыталась встать.

— Ты хочешь сказать,— спросил я, все еще не веря своему счастью,— что любишь меня? Как я — тебя?

Она кивнула. Я вложил в поцелуй всю ту страсть, которую минуту назад собирался истратить в рукопашной.

— Все еще не могу поверить. В том, что я в тебя влюблен, нет ничего удивительного, хоть ты и ведешь себя так, будто мерзее меня нет ничего на свете. Но ты-то с какой радости в меня влюбилась? И если была влюблена, то почему так мучила?

— Тебе не понравится то, что я скажу,— ответила она.— Конечно, я могла бы наплести что-нибудь из того, что в таких случаях говорят психологи: схожие профессиональные и иные интересы, одинаковый образовательный уровень... Но какое это имеет значение теперь? Это случилось со мной, и все. Хотя противилась я изо всех сил. Старалась придерживаться вывернутого наизнанку принципа Джемса: если притворишься кем-то, то станешь таким на самом деле. Я и пыталась притвориться, будто ненавижу тебя.

— Но почему? — настаивал я. Она отвернулась, но я взял ее за подбородок и развернул к себе.— Давай выясним все до конца.

— Помнишь, как я все время подтрунивала над твоей лысиной? На самом деле я была просто без ума от нее. Это-то меня и мучило. Все проанализировав, я поняла, что люблю тебя из-за моего комплекса Электры. Я...

— Ты хочешь сказать,— возвысил я голос,— что влюбилась в меня потому, что я лыс, как твой отец, и одного с ним возраста?!

— Нет-нет. Это я себе внушила так. Чтобы вознена-

видеть тебя и положить конец моим любовным страданиям.

Сказать, что я был как громом поражен — значит не сказать ничего. Если бы я не лежал на земле, то, наверное, от удивления не устоял бы на ногах. Алиса Льюис оказалась типичным продуктом своего времени — малейший всплеск теплых чувств по отношению к родителям служит нынешней молодежи сигналом: пора бежать на прием к ближайшему психотерапевту.

— Я в ужасном положении,— продолжала Алиса.— Не могу понять, люблю ли я в тебе образ отца или тебя самого. Мне кажется все же...

Она подняла руку, чтобы погладить меня по голове. Я отстранился и, обиженный, хотел отвести ее руку, но Алиса все же провела ладонью по моей лысине. И вдруг воскликнула:

— Дэн! У тебя ежик на голове!

— Что? — охнул я и поспешно провел рукой по черепу. На макушке пробивались первые ершистые волоски.— Так вот что имела в виду та девица! Помнишь, там, на дороге, одна из нимф Поливайнозела, показав на мою голову, сказала, что, если бы не *это*, она бы подумала, что я еще не пил Пойла? Они начали расти из-за Пойла, понимаешь?! Помнишь, тот мужик вылил его на мою голову? — я был на седьмом небе. Подпрыгнув, я заорал как сумасшедший: — Иа-хха-ха!

И вдруг, едва успело стихнуть эхо, в ответ раздалось ржание, от которого кровь застыла в моих жилах. Ясное дело:

— Поливайнозел!

Я схватил Алису за руку, и мы помчались по дороге, остановившись только через полмили на пригорке возле 24-го шоссе. После такого марафона и я, и Алиса просто изнывали от жажды. Но все же кое-как отдышались и влились в процессию, которая направлялась в Онабак. До городской черты оставалось примерно полмили.

Я то и дело оглядывался, стараясь разглядеть осла. Но его нигде не было. Впрочем, это отнюдь не означало, что Поливайнозел прекратил погоню. Он вполне мог затеряться в толпе. А толпа, надо сказать, была огромная. Люди шли, нагруженные корзинами и бутылями, у многих в руках горели факелы.

От одного из попутчиков я узнал, что народ спешит

на церемонию отплытия баржи, которая отправляется от причала на дальнем конце Главной улицы.

— Говорят, что Мэрад — да будет Бык ему именем — собирается воскрешать мертвецов у подножия холма, с которого бьет фонтан из Бутыли. Что ж, поживем — увидим. В любом случае повеселимся от души — шашлыки, Пойло, трахайся сколько влезет...

Что на это возразишь? Для местной публики эти три пункта программы составляют основу всех увеселений.

Попутчик, которого звали Джо Доу, оказался малым весьма словоохотливым — как, впрочем, почти все приверженцы Пойла,— и за то время, пока мы пробирались по Адамс-стрит, он успел рассказать мне о структуре местного общества. На низшей ступени иерархической лестницы стоят обыватели вроде него самого. Затем следуют жрецы. Они собирают жалобы и петиции, сортируют их по темам, и то, что сочтут нужным, передают на рассмотрение пророкам вроде Шида-Прорицателя Погоды. Пророки просматривают все бумаги еще раз, часть отбраковывают, а остальное направляют полубогам — Поливайнозелу, Аллегории и еще дюжине других, о которых я ничего не слышал. Полубоги же подчиняются непосредственно Мэраду и Пегги.

В общем, управление своим Олимпом Мэрад поставил на деловую основу. Часть своих полномочий он делегировал своим вице-президентам. Так, Осел ведал плодородием, а Шид отвечал за погоду. Когда-то он был профессором физики Трайбеллского университета и одновременно директором городской метеостанции. Теперь Шид стал единственным в мире синоптиком, чьи прогнозы сбывались на сто процентов. Еще бы. Он сам делал погоду.

Рассказ был чрезвычайно интересный, но я постоянно отвлекался: во-первых, никак не шел из головы Поливайнозел и мне то и дело приходилось оглядываться. Во-вторых, меня беспокоило будущее наших с Алисой отношений. Не охладеет ли она ко мне после того как у меня вырастут волосы? Нравится ей моя лысина — тут уж я занялся психоанализом — или я сам?

Не будь положение так серьезно, я, наверное, посмеялся бы над собой. Мог ли я предположить, что наступит день, когда у меня начнут расти волосы и прекрасная девушка признается мне в любви, а я, узнав об этом, не стану скакать от радости?

Впрочем, в следующее мгновение я таки подскочил. Но не от радости. За моей спиной раздалось ржание. Сомнений не было — осел. Заметавшись, я увидел, как, блестя золотом в свете факелов и луны, прямо на нас галопом несется Поливайнозел. Народ с воплями расступался перед ним, но топот копыт заглушал даже эти вопли. Осел нагонял нас, дико крича на ходу:

— Что теперь, человече? Что теперь?

Он почти схватил меня, но я рывком распластался на земле, и осел, не сумев затормозить, пронесся мимо. Он еще пытался удержать равновесие, но Алиса подтолкнула его, и Поливайнозел врезался в толпу, сминая бутылки, корзины с фруктами и клетки с живностью. Поднялась суматоха, зазвенело стекло, завизжали женщины, закудахтали выпорхнувшие из сломанных клеток куры — Поливайнозела похоронила куча-мала.

Мы с Алисой продрались сквозь толпу, свернули за угол и помчались вниз по Вашингтон-стрит. Эта улица шла параллельно Адамс-стрит, и народу здесь было гораздо меньше, но мы кое-как схоронились в толпе.

Вдруг впереди, примерно в квартале от нас, вновь послышались вопли осла:

— Что теперь, человече? Что теперь?

Я готов поклясться, что он скакал к нам, но вопли стали удаляться, а вскоре стих и стук копыт.

Тяжело дыша, мы с Алисой пошли вниз по Вашингтон-стрит. Трех мостов через Иллинойс как не бывало. Один из местных сообщил, что однажды ночью Мэрад спалил все мосты молнией:

— Чтобы не шлялись на тот берег почем зря,— объяснил он.— Видите, вся восточная часть Онабака теперь — священные владения Хозяина Бутыли.

Да, хоть Пойло и лишало местных жителей всех комплексов, тем не менее привычку трепетать перед богами оно, похоже, пощадило; чем иначе объяснить тот факт, что боги владеют огромными богатствами, присвоенными у народа, а сам народ вполне доволен тем, что ниспошлют жрецы.

Выйдя к Главной улице, которая упиралась прямо в реку, мы решили как-нибудь устроиться на ночлег. Мы еле держались на ногах, и если сейчас не поспать немного, то вряд ли нам справиться с предстоящей тяжелой работой.

Однако прежде мы все же решили взглянуть на Фонтан. Так называлась тонкая струя Пойла, бившая из

горлышка Бутыли, зарытой на вершине холма на противоположном берегу. Струя, не рассыпаясь, падала прямо в середину реки. Водяная арка, освещенная луной, переливалась всеми цветами радуги. Не знаю, как был устроен фокус со струей, но более яркого зрелища мне видеть не доводилось.

Поразмыслив немного, я пришел к выводу, что струя не рассыпается скорее всего из-за некоего линейного поля, которое заслоняет ее от всех ветров. Так или иначе, но благодаря струе можно легко добраться до Бутыли. Надо просто следовать за ней, и она сама приведет к источнику. До Бутыли, наверное, мили полторы, не больше. Я заберусь на холм, разобью Бутылку — и конец могуществу Быка. А потом развалюсь себе на холме и буду смотреть, как морская пехота вступает в город.

Элементарно.

Порыскав по прибрежному парку, мы отыскали укромное местечко и улеглись. Алиса, прижавшись ко мне, сказала:

— Дэн, я умираю от жажды. А ты?

Я сказал, что тоже очень хочу пить, но надо потерпеть. Потом осторожно спросил:

— Алиса, после того как ты возьмешь пробу Пойла — ты сразу вернешься в штаб?

— Нет,— ответила она, целуя мою грудь.— Нет. Я останусь с тобой. Хочу посмотреть, какие у тебя будут волосы — прямые или кучерявые. И не отговаривай меня.

— Я и не собираюсь. Просто придется еще немного помучиться от жажды.

В душе я был рад, что Алиса остается. Если она хочет быть со мной, то, быть может, моя шевелюра не преграда нашей любви? Может, это и вправду любовь, а не комплексы? Может быть...

...Я сидел в таверне маленького ирландского городишка Кронкоччин. Я только что исполнил предсмертное желание матушки: посетил ее маму — мою бабку,— которая еще жила тут, когда я садился в самолет, летевший в Ирландию, и уже была мертва, когда мой самолет приземлился.

После похорон я зашел перекусить в заведение Билла О'Бейзина, и Билл, рогатый, как техасский бычок, сняв какую-то бутылку с полочки, где у него хранились разные диковинные вещи, проревел:

— Дэнни Темпер! Взгляни-ка на быка на сей бутылке! Знаешь, что означает сей символ? А то означает сей символ, что перед тобой неиссякаемый сосуд божественного кузнеца Гоибниу. А в нем магический напиток, дарующий власть над миром Тому, кто знает Слово. Тому, в ком сокрыт Бог.

— А где же законный владелец? — спросил я.

И Билл ответил:

— Долгая история... В давние времена все боги жили в Ирландии. Все — ирландские, греческие, славянские, китайские, индийские... А потом им вдруг стало тесно на острове. Собрали они тогда совет и разбрелись кому куда назначили. Остался тут только Пан. Прошло еще несколько веков, и на остров явились новые боги. Пан тогда улетел на крыльях света. Ты не верь злым языкам, что твердят, будто Пан умер. Вот... Потом, в восемнадцатом веке, новые боги, которых теперь все зовут старыми, тоже решили удалиться с острова. Их тут тоже расплодилось слишком много, они все время мешались друг у дружки под ногами, и на острове царила жуткая неразбериха. Короче, они ушли, а Бутыль Гоибниу забыли. И вот она лежит тут, пылится среди всякой рухляди. Десять американских долларов, мой мальчик, — и делай с ней все, что твоей душе угодно.

Тогда я говорю:

— Пошлю-ка я ее шутки ради старичку профессору. И приложу записку — дескать, подлинный неиссякаемый сосуд Гоибниу. Представляешь, как он обрадуется?

А Билл О'Бейзин подмигивает и говорит:

— А жена-то его — старая ведьма — как обрадуется, а?

А я говорю:

— Представляешь, если он решит, что это и вправду бутылка Гоибниу?

А Билл О'Бейзин вдруг оборачивается Рациональным Человеком, смотрит на меня строго и говорит белке, сидящей на его плече:

— О Питающаяся Орехами! О чем толкует сей человек? Неужели не может он дойти умишком своим, что Бутыль сия со дня изготовления предназначена Посуллу Дарэму? Ибо "бос" по латыни — "бык"; "уэлл" — производная от англосаксонского существи-

тельного "уэлла", что означает "фонтан", "источник"; глагола "уэллен", что означает "бить струей"; англосаксонского же наречия "уэл", означающего "обильно", и синонимичного наречию прилагательного, значение которого — "здоровый". Что мы в итоге имеем? "Босуэлл" — "фонтанирующий здоровьем бык". Я уж не говорю о его фамилии. Всем известно, что сказать про быка "Дарэм" — все равно что назвать медведя "Мишкой".

— И родился он под знаком Тельца,— поддакиваю я.

А бармен вдруг оказывается облысевшей Алисой, протягивает мне бутылку и говорит:

— Выпей за дом, принявший тебя под свою крышу.

И я вдруг оказываюсь на крыше, скольжу вниз, к краю, и слышу крик Алисы:

— Пей, пей, пей! А не то пропадешь, пропадешь, про...

Я проснулся. Солнце било в глаза. Алиса трясла меня за плечо:

— Очнись, Дэн! Что с тобой?

Я рассказал ей свой сон, в котором перемешались вымысел и реальность. Ведь я на самом деле купил у О'Бейзина бутылку и послал ее профессору, который... Алиса не слушала. Ее, как и меня, мучило другое: жажда. Это чувство было похоже на шершавую жаркую ящерицу, которая пробралась в глотку и разбухает с каждым вдоком.

Облизнув потрескавшиеся губы, Алиса бросила вожделенный взгляд на реку, в которой резвились купальщики, и спросила:

— Если я просто войду в речку, со мной ведь ничего не случится?

— Только будь осторожна,— предупредил я. Слова перекатывались в глотке, словно камешки по дну высохшего озера.

Я очень хотел присоединиться к Алисе, но не мог даже близко подойти к реке. Меня охватывала паника от запаха Пойла, ароматом которого был напоен дующий с реки утренний бриз.

Алиса вошла в реку по пояс, зачерпнула "воду" и принялась обливаться. Пока она занималась водными процедурами, я решил оглядеться вокруг при свете дня.

Слева от меня находились пакгауз и пристань, у которой была ошвартована старая угольная баржа, выкрашенная в ярко-зеленый цвет.

От пакгауза к барже и обратно сновали мужчины и женщины. Они, не обращая внимания на царившее вокруг веселье, перетаскивали на судно баулы и длинные свертки. В баулах находились кости, а в свертках — мумии мертвецов, которым вскоре предстояло вернуться к жизни. Если полученная мною информация верна, то после торжественной церемонии останки перевезут на противоположный берег.

Это было очень кстати. Я решил переправиться на тот берег на барже. Сейчас Алиса выйдет из воды, я изложу ей свой план, и если она согласится пой...

Из-под воды позади Алисы показалась огромная улыбающаяся рожа. Рожа принадлежала одному из тех шутников, которых можно встретить на любом пляже. Им обычно не терпится разок-другой окунуть тебя с головой. Я хотел закричать, но было поздно. И даже если бы я успел крикнуть, Алиса вряд ли услышала бы меня из-за невообразимого гвалта толпы.

Наконец Алиса, отфыркиваясь, вынырнула и застыла с блаженной улыбкой. Потом наклонилась и стала пригоршнями хлебать Пойло.

Это конец. Я очень бы хотел ей помочь. Но мне нельзя этого делать. Теперь она — враг.

Надо бежать. Я успел нырнуть в толпу и услышал ее крик:

— Дэн, иди сюда! Пиво просто отличное!

Горько стеная о потерянной навсегда возлюбленной, я пробрался сквозь толпу и очутился у пакгауза. Убедившись, что Алиса не может меня заметить, я зашел внутрь и остановился в нерешительности, не зная, что делать. Потом, заметив в углу возле канатов корзину со снедью, я схватил ее, развязал один из кожаных мешков, сунул корзину в мешок, вновь завязал его, взвалил на спину и, незаметно пристроившись к цепочке грузчиков, быстренько поднялся по сходням.

Очутившись на барже, я, выждав момент, отделился от остальных, обошел груду сваленных на палубе мешков и, удостоверившись, что с берега меня никто не видит, развязал мешок, вынул корзину, отложил ее в сторону, а содержимое мешка высыпал за борт. Потом украдкой глянул по сторонам — Алисы нигде не было.

Успокоенный, что она не сможет обнаружить меня, я спрятался в мешок, прихватив с собой корзину. Хорошо, что прошлой ночью я не стал раскрывать свой план Алисе.

Не в силах более бороться с тремя мучившими меня чувствами — горем, жаждой и голодом,— я сдался. Сидя в мешке, я думал об Алисе и обливался горючими слезами — что не мешало мне одновременно жадно поглощать оказавшуюся в корзине снедь: апельсин, полтушки цыпленка, полбуханки хлеба и две большие сливы я проглотил одним махом.

Голод я утолил, а фрукты немного приглушили жажду, но полностью избавить от саднящей боли в горле могла только вода. Как назло, кожаный мешок лежал на солнцепеке, очень сильно нагрелся, и хотя я старался держаться как можно ближе к горловине — духота в бауле стояла невообразимая. Я обливался потом, но это был добрый знак: если человек потеет, значит организм не совсем еще обезвожен и мне достаточно время от времени глотать свежего воздуха, чтобы продержаться до конца. Слишком долго я шел к цели, чтобы теперь сходить с дистанции у финишной черты.

Я лежал в кожаном мешке — не могу удержаться от сравнения,— похожий на зародыш в утробе матери. Потел я так, что, казалось, еще секунда — и захлебнусь аммиаком. Снаружи смутно доносились какие-то звуки. Изредка раздавались громкие возгласы толпы.

Когда грузчики, закончив работу, покинули баржу, я рискнул высунуться и глотнуть свежего воздуха. Судя по солнцу, время было около одиннадцати часов, хотя солнце в Онабаке, как и луна, так скособочилось, что полагаться на него с уверенностью было нельзя. Наши ученые говорят, что теплый климат в долине и продолговатая форма солнца и луны объясняются "присутствием в нижних слоях стратосферы силового поля, фокусирующего лучи". С тем же успехом они могли утверждать, что на светила навели порчу злые колдуны,— однако гипотеза ученых мужей вполне удовлетворяла и гражданское население, и военных.

Празднества начались около полудня. Я доел две последние сливы и обнаружил на дне корзины бутылку — судя по всему, с вином. Но рисковать не стал: в вино вполне могли подмешать Пойло.

До меня доносилась музыка. На берегу гремел ор-

оркестр, народ распевал псалмы. Потом оркестр внезапно умолк, и толпа заревела:

— Да здравствует Мэрад! Мэрад — это Бык! Слава Чаду-Прорицателю!

Оркестр грянул увертюру к "Семирамиде". Ближе к концу музыкального вступления баржа вдруг вздрогнула и отошла от причала. Я не услышал ни стука мотора, ни скрипа паромных канатов. Баржа двигалась сама по себе — еще одно чудо Мэрада.

Увертюра завершилась бурным каскадом аккордов, и кто-то закричал:

— Аллегории — гип-гип-ура!

Толпа отозвалась троекратным возгласом восторга, и наступила тишина. Слышно было только, как волны бьются о борт. Некоторое время никаких других звуков я уловить не мог. Потом послышались тяжелые шаги. Я нырнул в мешок и замер. Кто-то подошел к мешку и сказал:

— Похоже, забыли завязать.

Я узнал рокочущий голос Аллегории.

— Ах, Алли, какая разница? Оставь ты его в покое,— отозвался женский голос.

Я готов был благословлять этот голос, если бы не одно обстоятельство: он принадлежал Алисе.

Я был в шоке. Но настоящий ужас охватил меня через минуту, когда в горловине мешка показалась зеленая четырехпалая лапа. Нащупав шнур, Аллегория стал завязывать горловину, и я увидел перед самым своим носом бирку, прикрепленную к шнуру. На ней было написано:

Миссис Дэниел Темпер.

...Я выбросил в реку останки своей матери!

Этот факт настолько ошеломил меня, что я на время позабыл о другом печальном обстоятельстве: мешок мой наглухо завязан, а у меня нет даже ножа. Похоже, мне суждено умереть от удушья.

Надо мной продолжал громыхать голос Аллегории:

— Как прошла встреча с сестрой, Пегги? Она обрадовалась?

— Конечно! Мы с ней расцеловались, как и подобает сестрам, не видевшимся три года.— Значит я перепутал голос Алисы с голосом Пегги Рурк.— Я ей сообщила обо всем, что случилось со мной. Она тоже начала рассказывать о своих приключениях, но я сказала, что мне все известно. Она не могла поверить, что мы следили за ней

и ее возлюбленным с той минуты, как они перешли границу Зоны. Кстати, она очень переживает, что потеряла Темпера. Говорит, что не может без него и обязательно его найдет.

— Жалко, что мы упустили его след на Адамс-стрит, когда он удрал от Поливайнозела,— сказал Аллегория.— Окажись мы там минутой раньше — он был бы уже в наших руках. Впрочем, какая разница? Он ведь полезет разрушать Бутылку. Там его и возьмем.

— Если Темпер доберется до Бутылки, он станет первым, кому это удалось. Тот агент ФБР добрался только до подножия холма, помнишь? — спросила Пегги.

— Если кто и может добраться до Бутылки,— хмыкнул Аллегория,— то это Дэниел Х. Темпер. Так говорит Мэрад. А он знает что говорит.

— Вот Дэн удивится, когда узнает, что каждый его поступок в Зоне имел кроме прикладного еще и символическое значение. И что мы буквально тащили его сквозь лабиринт аллегорий,— хихикнула Пегги.

Аллегория захохотал во всю мощь своей крокодильей глотки:

— Мне кажется, Мэрад переоценивает его способности. Вряд ли Темпер понимает иносказательный смысл приключившихся с ним событий. Например, он наверняка не понял, что вошел в Зону, как входит в мир ребенок,— беззубым и безволосым. Понял ли он, что встретил и победил того осла, который сидит в каждом из нас? Что одолел он его лишь тогда, когда отказался от мнимого оружия — фляги с водой — и стал полагаться лишь на собственные силы? Или, допустим, догадался Темпер, что Чокнутые Тарабары являются ходячим укором людям, возомнившим о себе слишком много?

— Он, наверное, помрет, когда узнает, что настоящий Поливайнозел за много миль отсюда, а под его маской скрывался ты,— прыснула Пегги.

— Ну, смысл этого символа он, надеюсь, понял,— заурчал Аллегория.— Поливайнозел — пример того, что богом может стать любой осел, не говоря уже о нормальном человеке. Если же Темпер не смог даже этого понять, то он изрядный болван.

Как ни странно, это я понял.

...Вдруг из винной бутылки, лежавшей на дне корзины, вылетела пробка, и меня окатило — чем бы вы думали — конечно же Пойлом.

Кровь застыла в моих жилах. Если они услышали хлопок пробки... Но, похоже, Пегги с Альбертом ничего не заметили. Аллегория громыхал как ни в чем не бывало:

— Он встретил Любовь, Юность и Красоту — их нигде нет в таком изобилии, как в нашей долине,— в образе Алисы Льюис. Завоевать ее благосклонность оказалось делом непростым, ибо страждущему Любви, Юности и Красоты нужно преодолеть самого себя. Она отвергала его, дразнила, соблазняла — и чуть не свела с ума. Алиса желала его, но мучилась сомнениями. И Темперу пришлось одолеть свои слабости — комплексы, связанные с беззубостью и облысением, — чтобы добиться ее. И лишь тогда он понял, что его мнимые пороки в глазах возлюбленной были достоинствами.

— Как ты думаешь — он нашел ответ на тот вопрос, который ты задал ему, превратившись в осла?

— Не знаю. Я теперь склоняюсь к мысли, что сначала надо было превратиться в Сфинкса и задать ему наводящий вопрос. Темпер ведь наверняка знает, что ответ на вопрос Сфинкса простой,— это сам Человек. Да, Человек — это ответ на все древние как мир вопросы. Быть может, тогда Темпер догадался бы, к чему я клоню, спрашивая: "Что дальше, человече?"

— А если Темпер ответит на этот вопрос, он тоже станет богом?

— Вот именно что *"если"*,— сказал Аллегория.— Мэрад утверждает, что Темпер стоит на несколько ступеней выше среднего обитателя Мэрадленда. Он реформатор по натуре, идеалист, для которого битва с ветряными мельницами — счастье. В нашем случае Темперу предстоит не только победить ветряные мельницы, которые крутятся в нем самом — неврозы и комплексы,— но и попытаться отыскать запрятанного в нем бога. И вытащить его на свет божий — хоть за волосы. Если Темпер это не сделает — он погибнет.

— Ой, нет! Только не это! — воскликнула Пегги.— Я не знала, что Мэрад имел в виду именно *это*.

— Тем не менее,— зарокотал Аллегория,— именно это он и подразумевал. Мэрад говорит: Темпер либо обретет себя, либо погибнет, потому что не сможет мириться с положением рядового пожирателя Пойла, упивающегося бездельем и живущего по принципу "будь что будет". Он либо станет первым лицом в этом новом Риме, либо погибнет.

Слушать их разговор было, конечно, безумно интересно, но следующие несколько реплик я пропустил мимо ушей. Дело в том, что Пойло продолжало течь из бутылки нескончаемой струей, и мне вдруг пришло в голову, что жидкость может просочиться через горловину мешка, и тогда меня сразу обнаружат. Перепугавшись, я заткнул горлышко пальцем. И стал слушать дальше.

— ...потом он пришел на кладбище,— продолжал громыхать Аллегория,— и встретил там Плаксу-Ваксу. Плакса будет вечно причитать и требовать, чтобы мертвецов возвратили в могилы. Он нипочем не согласится оторвать святую задницу от надгробия своей так называемой возлюбленной. Он ведь — оживший символ самого Дэниела Темпера, который горюет о своей лысине с младых ногтей, проклиная лихорадку, лишившую его волос. Он, как и Плакса, в глубине души не желает воскрешения мертвых — ожившая мать будет ему обузой.

В эту секунду давление в бутылке вдруг резко подскочило, палец мой вытолкнуло из горлышка, и меня с головы до ног облило Пойлом. Я стал лихорадочно затыкать бутылку, но Пойло хлынуло мощным потоком, прибывая с ужасающей быстротой. Ситуация была мерзкая: либо я захлебнусь, либо Пойло польется через горловину мешка и выдаст меня с головой.

А тут, вдобавок ко всем моим бедам, кто-то, проходя мимо, тяжело наступил на мешок и едва не раздавил меня. А потом вдруг раздался голос этого нахала:

— Все закончено, Дэниел Темпер! Маски долой!

Я похолодел от ужаса. Это был д-р Босуэлл Дарэм — бог по имени Мэрад. Я узнал его голос, хоть он и приобрел сочность и басовые нотки, которых прежде не было и в помине.

— Я сбросил шкуру Аллегории и вновь принял свой истинный облик,— продолжал Дарэм.— Да-да, это я был Аллегорией, которую ты не хотел признавать. Твой старый учитель. А ведь ты еще со студенческой скамьи не признавал моих аллегорий, не правда ли?

Что ты скажешь теперь по поводу еще одной? Слушай: сначала ты забрался в лодку Харона — старую угольную баржу; затем — в мешок с костями матери. Потом выбросил останки за борт — повинуясь подсознанию, которое не желает ее воскрешения. Разве ты не заметил бирку на мешке? А почему? Не по злому ли умыслу?

Я молчал, боясь пошевелиться.

– Что ж, Дэнни, мальчик мой,— продолжал Дарэм.— Вот ты и вернулся к самому началу. Ты сейчас в утробе матери. Ты всегда хотел сюда вернуться. Знаешь, откуда мне это известно? Ты только не падай в обморок. Помнишь готовившего тебя к походу в Зону психотерапевта? Так вот: доктор д'Йерф — это я. Вспомни-ка, как я люблю каламбуры, и прочитай фамилию доктора задом наперед.

Я не мог поверить своим ушам. И это профессор — добрый, милый человек с превосходным чувством юмора? Я бы и сейчас подумал, что профессор шутит, если бы не Пойло. Еще немного, и я захлебнусь. Шутки профессора заходят слишком далеко.

Не выдержав, я сказал ему об этом.

— "Жизнь не шутка". Помнишь свою любимую поговорку, Дэн? — отозвался Дарэм.— Сейчас посмотрим, как ты ей будешь следовать. Итак, ты в утробе матери. Что ты предпочтешь: захлебнуться родовыми водами или вновь родиться на свет? Я, образно говоря, выносил плод. Дальнейшее зависит только от тебя. Ребенок сам решает, когда ему появиться на свет — и появляться ли вообще. Роженица ничего не в силах изменить. Я, конечно, знаю, как ускорить роды, но ты ведь нерожденный плод и можешь неправильно истолковать мои советы.

Я хотел крикнуть, чтобы он прекратил кривлянье и выпустил меня на волю. Но мне не позволяла гордость.

— Что я должен сделать? — спросил я сиплым голосом.

— Ответить на вопросы, которые я задавал тебе, приняв облик Аллегории и Осла. Тогда ты сумеешь выбраться из мешка. И не надейся, Дэн, я мешок не развяжу.

О чем же он меня тогда спрашивал? Я судорожно пытался вспомнить вопросы Аллегории и Осла. Голова, одурманенная парами Пойла, соображала с трудом. Хотелось выть и царапать мешок когтями. Но это не выход: чего доброго, Пойла хлебнешь ненароком.

Стиснув кулаки, я усилием воли заставил себя сосредоточиться.

Что же он говорил?.. *Что?..*

Вспомнил!

Аллегория спрашивал: "Что ты будешь делать дальше?"

А Поливайнозел, погнавшись за мной по Адамс-

стрит — улице *Адама*? — все время кричал: "Что теперь, человече? Что теперь?"

И на что там намекает Сфинкс?

Что ответ на все древние вопросы — Человек.

...Ну конечно же! Как и положено корректным вопросам, загадки Аллегории и Осла содержали в себе ответ.

Вот он: Человек — это *больше,* чем просто Человек.

Теперь я знаю, что буду делать дальше.

Стряхнув с себя разом шелуху предрассудков, я глотнул Пойла. Жажды как не бывало. От комплексов не осталось и следа. И я приказал бутылке заткнуться. А потом рванулся и, разметав по палубе лоскуты мешка, выпрямился во весь рост.

Мэрад смотрел на меня улыбаясь. Я сразу узнал его, хотя старик превратился в моложавого красавца. Он вырос до шести с половиной футов. Голову украшала пышная шевелюра темных волос. Рядом стояла Пегги. Она была очень похожа на свою сестру. Только волосы рыжие. А я всегда предпочитал брюнеток. Особенно одну из них — Алису Льюис.

— Теперь ты все понял? — спросил Мэрад.

— Все,— ответил я.— Даже то, что весь этот треп про символы — экспромт чистой воды. Вы просто хотели произвести на меня впечатление. Так ведь? Ну, *утонул* бы я. Вы же сразу могли воскресить меня из мертвых.

— Конечно, но тогда ты не стал бы богом. И не смог бы заменить меня.

— Что это значит? — спросил я озадаченно.

— Мы с Пегги упрямо вели вас с Алисой к этой развязке потому, что нам нужно кому-то передать свое дело. Этот рукотворный мир нам немного прискучил, и мы решили удалиться на покой. А наследником я выбрал тебя. Во-первых, ты отличаешься редкой добросовестностью, во-вторых, идеалист по натуре и в-третьих, обладаешь огромными способностями, которые наконец-то сумел в себе открыть. Дэниел, я просто уверен, что ты преуспеешь в деле отмены "естественных" законов больше, чем я. Твой мир будет гораздо лучше сотворенного мною. Да и не пристало мне, Старому Быку, вечно резвиться по-телячьи.

Мы с Пегги отправляемся в Большое Путешествие. Навестим бывших земных богов. Они расселились теперь по всей Галактике. Знаешь, боги ведь еще очень юны. Особенно по сравнению с нашей Вселенной. Можно ска-

ать, Земля для них вроде начальной школы, закончив которую, боги отправляются совершенствоваться в центры подлинной культуры.

— А что будет со мной?

— Ты теперь бог, Дэнни. Принимай решения сам... Ну, пока. Нам с Пегги предстоит дальняя дорога,— улыбнулся Дарэм той мечтательной улыбкой, которая всегда озаряла лицо профессора, когда он цитировал нам, студентам, свои любимые строки:

...Послушай: там, за дверью,— по соседству,
Не счесть диковинных миров!
Вперед, мой друг!

Пегги с Дарэмом испарились, умчавшись на крыльях космических ветров.

А я стоял и смотрел на реку, холмы, небо, город, на исполненный благоговейного трепета народ... Все это теперь принадлежит мне.

Включая ту черноволосую фигурку — и какую фигурку! — которая машет мне с пристани рукой.

Вы, небось, думаете, что я погрузился в глубокие размышления о том, какая ответственность перед человечеством ложится на мои плечи,— ведь я теперь тот гончар, который будет лепить новый мир по собственному разумению.

Ничего подобного. Я подпрыгнул, исполненный восторга, и выделал, наверное, штук шестнадцать коленцев. А потом пошел к Алисе — *по воде.*

На следующее утро я сидел на вершине холма, зорко всматриваясь в даль. Как только на горизонте показались огромные десантные планеры, я остановил их полет при помощи телекинеза и пошвырял в реку. А когда морские пехотинцы, побросав оружие, начали барахтаться в реке, я сорвал с них кислородные маски и оставил на произвол судьбы. Правда, потом увидел, что многие не умеют плавать, и перенес их на берег.

Думаю, я обошелся с ними достаточно милостиво — особенно если учесть мое паршивое настроение: всю ночь и утро промаялся болями в ногах и в деснах. Даже Пойло не помогало.

Впрочем, ради такого случая, наверное, не грех и пострадать немного: я ведь начал расти.

И у меня резались зубы.

ZF
51
ZF
51

ВЗЛЕТЕВШИЕ ИЗ ТЬМЫ

РАССКАЗЫ

Fred Saberhagen
FLIGHT IN DARKNESS

Alfred E. Van Vogt
BLACK DESTROYER

Keith Laumer
HYBRID

Henry Cuttner
BOX OF TIME

Theodor Sturgeon
SHOTTLE BOP

Thomas M. Disch
THE DESCENDING

K. Mc App
THE FORCE OF ACTION...

Avram Davidson
OF ALL THE SEAS
WITH OYSTERS

Philip José Farmer
SAIL ON! SAIL ON!

Arthur Zirul
THE BEAUTIFUL THINGS

Ted Thomas
THE INTRUDER

Keith Laumer
IN THE QUEUE

Philip José Farmer
THE KING OF BEASTS

Howard P. Lovecraft
PICKMAN'S MODEL

Theodore R. Cogswell
THE BURNING

Rog Phillips
THE YELLOW PILL

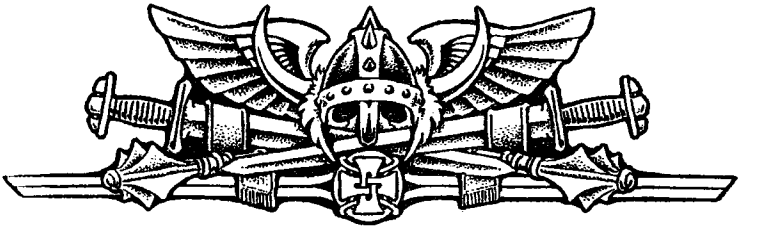
P. Schuyler Miller
AS NEVER WAS

Robert A. Heinlein
ALL YOU ZOMBIES

Edwin C. Tubb
FRESH GUY

Jerome Bixby
THE YOUNG ONE

Ray Bradbury
HOMECOMING



Фред Сейберхаген
ВЗЛЕТЕВШИЕ ИЗ ТЬМЫ

В первой и единственной атаке, на которую решился Мэлори, берсеркер предстал перед его внутренним взором священником секты, в лоне которой Мэлори был рожден на планете Йетти. В похожем на сон видении, вспыхнувшем в его мозгу, но бывшем аналогией, увы, вполне реального сражения, перед ним возникла высокая, облаченная в сутану фигура за странно деформированной церковной кафедрой, с неистово горящими глазами и угрожающе воздетыми руками-крыльями в широких трепещущих рукавах. Руки-крылья опустились, разом потускнел за окнами церкви свет Вселенной,— и Мэлори был проклят.

Бешено колотившееся сердце сжималось от ужаса перед проклятием, но какой-то частью сознания Мэлори все же воспринимал и себя, и истинную природу своего противника, и то, что сам он вовсе не бессилен перед ним. Ему казалось, что ставшие призрачными ноги сами несут его все ближе к кафедре и демоническому священнику, а вокруг лопаются стекла в окнах церкви и на него с грохотом обрушиваются осколки его собственного жалкого страха. Он уклонился от тех плит гладкого пола, на которых священник, судорожно дергаясь и гримасничая, создавал из ничего злобно ощеренные, щелкающие зубами каменные пасти. Мэлори казалось, что время вдруг

© Перевод на русский язык, Башлакова Н. В., 1994

застыло и он спокойно может обдумать, куда сделать следующий шаг.

— Оружие,— подумал он, как хирург, дающий указание невидимому ассистенту,— здесь, в моей правой руке!..

От тех, кто пережил подобные сражения и вернулся, Мэлори знал, что нечеловеческий противник являлся каждому в ином обличье и что любое человеческое существо воспринимало и переживало битву лишь как затянувшийся ночной кошмар. Одним берсеркер казался хищным голодным зверем, другим представлялся дьяволом, богом или человеком. Некоторых охватывал ужас, до того искажавший реальность, что они не воспринимали зрительного образа, с каким можно было бы встретиться лицом к лицу.

Но так или иначе каждое сражение было кошмарным сном и шло на уровне подсознания. Сознательное мышление подавлялось мягкими электрическими импульсами, глаза и уши были завязаны — это облегчало подавление сознательного мышления, подбородок тоже фиксировался, чтобы не прикусить язык, а обнаженное тело неподвижно висело внутри кокона из силовых полей, предохранявшего от тысяч грав, возникавших при каждом маневре одноместного корабля. Это был кошмарный сон, но сон, когда нельзя проснуться, вскрикнув от ужаса; пробуждение наступало только потом — после победы или отключения компьютера. Или не наступало уже никогда.

В призрачной руке Мэлори внезапно возник мясницкий нож, острый как бритва и тяжелый, как топор гильотины. И столь громаден был он, что, происходи это на самом деле, не то что замахнуться, а даже поднять его было бы нелегко. Мясная лавка его дядюшки на Йетти, как и прочие плоды трудов человеческих на этой планете, давно ушла в небытие, но разделочный нож, заколдованный и совершенный, вновь вернулся к нему, вернулся помочь в беде.

Крепко схватив нож обеими руками, Мэлори шагнул вперед. Кафедра внезапно начала расти и, когда он оказался рядом, уже башней возвышалась над ним. Вырезанный на ней дракон (вообще-то, там полагалось быть ангелу) вдруг ожил и опалил его ярко-красными языками огня. Щитом, возникшим из ничего, Мэлори отразил пламя.

Там, за уцелевшими осколками церковных окон, разливался мрак, пожирая последние отсветы Вселенной. Но Мэлори стоял уже у подножия кафедры и заносил разде-

лочный нож, будто надеясь разрубить от плеча священника, оказавшегося где-то высоко над ним. Затем, не думая больше ни о чем, кроме своей цели, он нанес сокрушительный удар по цоколю кафедры. Та покачнулась, дернулась, но устояла. Снова прогремело проклятие.

Но прежде чем дьявольское наваждение полностью одолело его, прекратилась подача энергии, подпитывавшей сон. Менее чем за секунду реального времени он превратился в расплывчатое видение, а еще через несколько секунд осталось лишь ускользающее воспоминание. Сознание вернулось к Мэлори, хотя глаза и уши были еще завязаны, а сам он парил в мягком и успокаивающем забытьи. Прежде чем полное изнеможение и отключение всех органов чувств подвели разум к черте, за которой начиналось безумие, закрепленные на голове электроды начали колоть его мозг слабыми электрическими разрядами, воспринимавшимися как какие-то зудящие толчки: на грани провала в бездну мозг нуждался в стимуляции. Зуд вызывали клубящийся рассеянный свет перед глазами и странные звуки, казалось, целиком заполнившие его голову, но странным образом возвратившие ему утраченное чувство собственного тела.

И первой вполне осознанной мыслью было: да, только что он сражался с берсеркером и остался в живых. Он победил, или по крайней мере не дал победить себя — иначе его бы не было здесь. Уже одно это — удача, и немалая.

Берсеркеры были врагами, отличными от всех, с какими когда-нибудь приходилось столкнуться человеческим существам, чьи предки назывались землянами. Они обладали хитростью и разумом, но живыми существами не были. Кибернетические реликты отбушевавших тысячелетия назад межзвездных войн, боевые звездолеты-роботы, они подчинялись одной-единственной программе: убивать всякое живое существо, уничтожать любую жизнь, где бы ее ни встретили. Йетти стала последним из множества заселенных человечеством миров, подвергшихся нападению странствующей армады берсеркеров, и можно сказать, ей еще повезло: удалось эвакуировать почти все население. И теперь в ледяной бездне космоса Мэлори и другие пытались защитить и спасти "Хоуп" — последний из гигантских галактических лайнеров с эвакуированными на борту. Внутри этой бронированной сферы в несколь-

ко миль диаметром спала, окруженная стасисными полями, бóльшая часть населения планеты. Локальное ослабление полей давало возможность дышать, поддерживая жизнь при искусственно замедленном метаболизме.

Полет до безопасного сектора Галактики должен был занять несколько месяцев — отчаянный бросок сквозь боковые рукава туманности Тэйнарус. Плотность газопылевой материи была здесь столь велика, что не позволяла "Хоупу" разогнаться до субсветовой скорости и уйти в подпространство. Хуже того, приходилось двигаться — по космическим меркам — не быстрее черепахи. При встрече с газовым скоплением плотностью даже на несколько порядков меньшей человеческого дыхания любой звездолет, будь то корабль с живым экипажем на борту или машина-берсеркер, уже при скорости в десятки тысяч километров в секунду обрекал себя на неминуемую гибель.

Тэйнарус, не нанесенный ни на одну звездную карту дикий клубок газовых облаков и частиц рассеянной материи, пронизывали извилистые коридоры относительно чистого пространства. Большая часть скопления полностью экранировалась межзвездной пылью от света внешних солнц. Петляя по темным безднам, трясинам и потокам туманности, неслись, стремясь к спасению, "Хоуп" и крейсер конвоя "Джудит", преследуемые сворой берсеркеров. Некоторые корабли-берсеркеры превосходили размерами даже "Хоуп", но сейчас их преследовали только те, что были невелики. В областях с повышенной плотностью межзвездной материи рост массы корабля неизбежно уменьшал возможный предел его скорости, и, осознав это, раса, некогда породившая берсеркеров, стала строить небольшие, зато весьма скоростные корабли.

Слабо вооруженный и неповоротливый "Хоуп" в одиночку не имел ни малейших шансов ускользнуть от быстрых и юрких врагов. Поэтому его и охранял крейсер, маневрировавший так, чтобы постоянно занимать позицию между "Хоупом" и эскадрой преследователей-берсеркеров. "Джудит" нес на борту маленькие истребители, выбрасывая их навстречу приближавшемуся противнику и забирая на борт уцелевших после очередного сражения. В начале этой гонки-охоты их было много — пятнадцать одноместных кораблей-капсул. Теперь же оставалось только девять...

Компьютер жизнеобеспечения капсулы Мэлори постепенно снимал управление мозгом человека, зуд в го-

ловс стал стихать и пропал совсем. Вернулось сознание. Ослабление защитных полей подсказало Мэлори, что очень скоро он вновь окажется в мире реальных вещей и живых людей.

Едва дождавшись, пока автоматика введет его "четверку" в док "Джудит", Мэлори принялся торопливо отсоединять контакты, связывавшие его с системами корабля-малютки. Натянув на свое жилистое, сухопарое тело мешковато сидевший комбинезон, он с трудом вылез из тесной кабины и заковылял по гулкому ангару. Краем глаза он заметил, что вместе с его кораблем вернулись три или четыре других и стояли, уже готовые к бою, на своих пусковых платформах. Колебания искусственной гравитации были невелики, но Мэлори то и дело спотыкался и едва не упал, сбегая по короткой лесенке на палубу.

Там его поджидал Петерсен, мрачный широкоплечий мужчина с, казалось, навеки закаменевшими чертами лица и капитанскими нашивками на мундире.

— Я... я... сбил его? — заикаясь пролепетал Мэлори. На борту "Джудит" не слишком придерживались уставных форм обращения, да к тому же Мэлори и не был военным. Конечно, ему доверили боевой корабль, но это было всего лишь жестом отчаяния капитана.

Петерсен угрюмо взглянул на него. Прозвучал беспощадный ответ:

— Мэлори, вы были просто ужасны. Вы даже не представляете, насколько ужасны...

Мир покачнулся перед глазами Мэлори. До этого мгновения он и не догадывался, как важны для него несознанные мечты о славе, гнездившиеся где-то в самых потаенных уголках души. И только жалкие, нелепые слова сорвались с его губ:

— Но... я думал... мне казалось, я все делал правильно...

Он попытался снова вызвать в памяти тот недавний кошмар. Да, что-то такое... в церкви.

— Ваша жизнь обошлась нам недешево. Двоим пришлось отклониться от намеченных целей, чтобы спасти вас. Я просмотрел ленты памяти орудийного блока — вы на своей "четверке" просто проскочили мимо берсеркера, будто и в мыслях не имели расстрелять его!

Петерсен еще раз внимательно взглянул на Мэлори, пожал плечами и добавил немного мягче:

— Я вас не виню, вы, конечно, просто не сознавали, что происходит. Я только констатирую факт. Хорошо хоть, что "Хоуп" находился в этот момент в двух с половиной световых часах впереди и пересекал облако формальдегида. Будь он в зоне видимости, они бы его достали!

— Я...— Мэлори пытался найти хоть какое-нибудь возражение, но капитан молча повернулся и ушел, оставив его стоять на палубе. Возвращались другие корабли. Вздыхали воздушные шлюзы, поскрипывали под корпусами капсул пусковые платформы, и Петерсена ждала масса неотложных дел, куда более важных, чем дискуссия с неудачником. Несколько мгновений Мэлори потерянно топтался на месте, чувствуя себя побитым мальчишкой, побежденным и униженным, потом с тоской оглянулся на свою "четверку". Короткий черный цилиндр диаметром немногим больше человеческого роста покоился на платформе пусковой катапульты, а вокруг уже суетилась команда техников. Еще не остывшее после боя тупое жерло главного лазера отдавало воздуху свой жар, и дымные облачка тянулись к потолку ангара. Это был его "разделочный нож".

Никто из людей не сравнится с машиной, когда речь идет о пилотировании корабля или управлении оружием. Тягучая медлительность нервных импульсов и сознательного мышления исключали для человека прямой контроль над системами корабля в сражении с берсеркером. Подсознание же подобных ограничений не знало. Некоторые из подсознательных процессов не удавалось объяснить просто особой синаптической активностью мозга, и кое-кто из теоретиков предполагал, что процессы эти происходят вне времени. Подобным толкованием возмущалось большинство физиков, но факт оставался фактом: в космических сражениях было не до теоретизирования, а эта теория хотя бы позволяла применять себя на практике.

В бою компьютеры берсеркеров подключались к хитроумным устройствам разброса факторов случайности, обладавшим тончайшей восприимчивостью к внешним условиям и неким подобием предвидения: именно это обеспечивало им преимущество над любым противником, следовавшим одной лишь логике.

Разумеется, компьютеры для управления кораблями применяли и люди, причем добились серьезных успехов в использовании преимуществ, которые давали устройства разброса факторов случайности. И преимущества

эти были велики, ибо человек строил такие системы, основываясь на свойствах собственного мозга, отдельные участки которого оперировали как бы во вневременных категориях. Свободный от рамок времени, спешки и торопливости, соединенный с компьютером мозг пребывал в некоем условном мире, где даже летящий свет был неподвижен и застывал подобно кускам льда...

Но скоро обнаружилась и оборотная сторона медали. Некоторые из людей (включая и Мэлори, как он не без оснований полагал теперь) были просто психически не способны выполнить боевую задачу. Казалось, подсознание этих людей совсем не волновали такие преходящие вещи, как жизнь и смерть. Но и это было еще не все. Подсознание даже тех, кто справлялся с задачей, все равно подвергалось жесточайшему стрессу. Один за другим возвращались после сражений корабли, но далеко не все пилоты могли сами покинуть их. И товарищи вытаскивали пилотов из капсул кого в глубочайшей депрессии, кого в жестокой истерике. О нет, пилоты не становились ни безумцами, ни идиотами, но пережившие подобное были раз и навсегда потеряны как партнеры боевого компьютера. На борту "Джудит" слишком поздно осознали гибельный смысл этого обстоятельства. Уже не осталось никого из специально подготовленных пилотов капсул-истребителей, не осталось даже дублеров. И вот настал момент, когда в борьбу вступили и историк Мэлори, и другие столь же бесполезные и необученные люди. Но они были людьми, и, поскольку решающим фактором в сражении был мозг, мозг человека, все еще оставался шанс на отсрочку конца.

Покинув боевую палубу, Мэлори опустошенно побрел в свою маленькую каюту. Последние несколько часов он ничего не ел, но совсем не чувствовал голода. Переодевшись, он устало опустился в кресло и, даже не пытаясь чем-нибудь заняться или просто отдохнуть, бездумно переводил взгляд с койки на стол, книги и катушки с лентами на нем, потом долго рассматривал лежавшую рядом скрипку. Одна-единственная мысль ползала в голове: скоро, очень скоро его должен вызвать Петерсен. Иного выхода капитану теперь просто не остается.

Он даже чуть не улыбнулся, когда как бы в ответ на его мысли вдруг ожил коммуникатор и прозвучал приказ немедленно явиться для беседы с капитаном и офицерами

крейсера. Отключив связь, Мэлори взял коричневую обтянутую кожей коробку размером не больше портфеля, выбрав ее из нескольких сотен других, уложенных в отдельном отсеке каюты. На коробке виднелась надпись: "Бешеная Лошадь".

Петерсен мельком взглянул на него, когда он переступил порог овальной стратегической рубки, где вокруг центрального пульта уже сидели все корабельные офицеры, потом задержался на коробке в руках Мэлори.

— Ну что ж, мистер историк, другого выбора у нас, кажется, нет. Люди выбывают из строя один за другим, и нам придется воззвать к вашим псевдоличностям. К счастью, мы успели переоборудовать для этого все боевые капсулы.

— Мне кажется, виды на успех прекрасны,— сперва нерешительно, но затем все увлеченнее заговорил Мэлори, усаживаясь в предложенное ему кресло и водружая коробку перед собой.— Псевдоличности, конечно, не обладают подсознанием в прямом смысле слова, но, на чем мы и порешили в нашем недавнем споре, смогут управлять устройствами разброса факторов случайности лучше, чем если бы мы попытались обеспечить управление любым другим путем. Каждая...— он кивнул на коробку,— содержит выдающуюся, хотя и искусственную, личность.

Один из офицеров резко повернулся к Мэлори:

— Большинство из нас не присутствовало при том споре. Нельзя ли объяснить поподробнее?

— Разумеется,— Мэлори откашлялся.— Эти, как их обычно называют, псевдоличности используются при моделировании исторических процессов. Мне удалось забрать их с Йетти несколько сотен. Многие из них — модели личностей военных...— Рука Мэлори мягко легла на коробку.— Вот здесь — реконструкция личности одного из индейских вождей древней Земли. Она не из тех, что мы отобрали для первой попытки, и я принес ее только затем, чтобы продемонстрировать кому это интересно. Каждая из псевдоличностей содержит около четырех миллионов информационных микрокристаллов.

Поднял руку другой офицер:

— Но как удалось создать точную реконструкцию личности, умершей задолго до того, как появилась первая технология прямой перезаписи информации мозга?

— Конечно, мы не можем быть уверены в полной идентичности. Реконструкция проводилась по историчес-

ким хроникам и результатам компьютерного моделирования соответствующего периода истории. Это всего лишь модели. Но они смогут послужить военным целям не хуже, чем служили историческим изысканиям, для которых и были созданы. В конце концов, всеми их действиями движет агрессивность и умение принимать самостоятельные решения...

Грохот внезапного взрыва заставил офицеров вскочить. Секундой позже по кораблю разнеслось эхо второго удара. Мэлори успел сделать лишь несколько шагов к двери, когда грянул третий, стократ более сильный взрыв. Словно сама Галактика взорвалась в ушах Мэлори, а перед глазами рушились, падали и летели в никуда обломки оборудования и кресел. Он еще заметил, как начали сдвигаться непроницаемые переборки стратегической рубки, и прежде чем полностью отключилось сознание, отстраненно и совершенно спокойно подумал:

Ну до чего же это нелепо, умереть именно теперь...

Пробуждение было медленным и не слишком радостным. Мэлори осознал, что крейсер, судя по всему, не разрушен полностью, поскольку он мог дышать, а искусственная гравитация позволяла стоять — пока, правда, на четвереньках.

В невесомости,— мелькнула мысль,— было бы, пожалуй, приятнее...— Все тело казалось ему сплошным комком боли, пульсирующей боли, центр которой засел где-то в мозгу. Определить, что именно болит, он даже и не пытался. Мучительной была сама мысль о том, чтобы повернуть голову.

Наконец желание узнать, что же все-таки случилось, пересилило и страх и боль; приподняв голову, он со стоном ощупал ее. Здоровенная шишка на лбу, на лице запеклась кровь из многочисленных порезов. Судя по всему, без сознания он провалялся довольно долго.

Стратегическая рубка выглядела так, словно главное сражение развернулось именно здесь: все завалено обломками, совсем рядом — изувеченное тело, чуть подальше — еще один мертвец... и еще один, наполовину погребенный под пультом управления. Что же... только он и остался в живых? В одной из герметичных переборок зияла громадная дыра, сквозь нее виднелся разгромленный стол кают-компании.

Но что это... что за громадная чужеродная штука тут, в дальнем углу? Высотой с хороший шкаф и явно весьма сложной конструкции. Тумбообразные опоры-ноги были, казалось, способны двигаться. И эта штука действительно задвигалась, повернулась и направила в его сторону некое подобие орудийной башенки с оптическим прицелом. Леденея от ужаса, Мэлори понял, что перед ним одна из машин берсеркеров, созданная специально для ближнего боя и контрольных операций, и что машина эта видит его.

— Подойди,— сказала машина странным квакающим голосом, пародией на человеческие голоса, некогда принадлежавшие пленным. Электроника механически составляла и воспроизводила записанные на ленту слова и слоги.— Скверна жизни проснулась.

Почти ничего не соображая от страха, Мэлори подумал, что слова, должно быть, относятся к нему, но никак не мог заставить себя сдвинуться с места. В этот момент сквозь дыру в переборке к Мэлори шагнул человек, которого он никогда не видел прежде,— диковатого вида неопрятный парень в грязном комбинезоне без знаков различия, бывшем когда-то военной формой.

— Я вижу, господин,— произнес парень, кланяясь машине. Незнакомец говорил на стандартном межзвездном языке, и хоть голос его был груб, в нем еще слышались отзвуки нормальной речи культурного человека. Он перевел взгляд на Мэлори:

— Эй ты, там, можешь понимать меня?

Пробурчав в ответ нечто нечленораздельное, Мэлори попытался кивнуть и, собрав все силы, приподнялся, но тут же снова беспомощно уселся на пол.

— Есть вопрос,— продолжал человек, делая еще несколько шагов вперед.— Как хочешь — чтобы потом полегче было или потяжелей? Ну, я имею в виду, когда приканчивать будут. Для себя я уже давно решил: хочу, чтоб безболезненно, быстро и не слишком скоро по возможности. Да чтобы и удовольствия кое-какие перепадали, пока не сдох.

Несмотря на все еще пульсирующую в голове боль, Мэлори задумался — и начал понимать. Человек перед ним был одним из тех немногих, кто более или менее добровольно соглашался служить машинам. Таких даже называли как-то по-особому. Но сейчас Мэлори вовсе не горел желанием произносить это прозвище вслух.

— Хочу, чтобы быстро и безболезненно,— только и сказал он и, морщась от боли при каждом движении, попытался потереть затылок.

Человек смерил его взглядом.— Хорошо,— процедил он наконец и, снова повернувшись к машине, прибавил уже совсем другим, покорным тоном: — Я легко справлюсь с этой раненой скверной жизни. Совсем не опасно оставить нас здесь одних.

Машина обратила оправленную в металл линзу глаза на своего слугу: — Не забывай,— прогудела она,— вспомогательные группы должны быть в боевой готовности. Времени мало. Неудача повлечет за собой неприятные последствия.

— Как я могу забыть, господин,— снова рабски покорно, но с ноткой искренности ответил человек. Еще с минуту машина рассматривала обоих, затем развернулась и двинулась прочь — металлические ноги передвигались неожиданно легко и почти грациозно. Чуть позже Мэлори различил приглушенный шорох закрывающегося воздушного шлюза.

— Ну вот, теперь мы одни,— произнес незнакомец, глядя на Мэлори сверху вниз.— Если хочешь как-то обращаться ко мне, называй меня Гринлиф. Что, есть мыслишка отделаться от меня, а? Если так, уж решим все на месте и сразу.

Он был лишь немногим крупнее Мэлори, но даже внешняя неприглядность опустившегося человека не могла скрыть крепости мышц и силы громадных кулаков.

— Нет? Ну что ж, тогда порядок. Разумное решение. Должен сказать, тебе действительно повезло, если ты сам еще не понял. Берсеркеры — господа совсем другого рода, не то что у людей — правительства, партии, профсоюзы и все такое прочее. Те возьмут у человека все, что им надо, используют да и бросят. У берсеркеров иначе — если ты машине больше не нужен, она просто прикончит тебя, сработает быстро и аккуратно. Конечно, когда ты как следует послужишь ей. Я-то знаю, видел, как это было с другими. Ну а почему бы и нет? Все, что они хотят сделать с нами,— это отнять жизнь, а не мучить.

Мэлори промолчал. Он надеялся, что сможет поднять-ся. Гринлиф ("...уж до того не подходит ему имя, что вполне может быть настоящим",— промелькнуло у Мэлори) поколдовал между тем над каким-то приборчиком, который извлек из кармана и держал теперь, почти за-

городив от Мэлори своей широкой ладонью, и внезапно спросил:

— Сколько кораблей конвоя, кроме этого, прикрывают "Хоуп"?

— Не знаю,— соврал Мэлори. ("Джудит" был единственным.)

— Как тебя зовут? — Гринлиф все еще не отрывал взгляда от прибора.

— Эйен Мэлори.

Гринлиф кивнул, причем на его лице не отразилось абсолютно никаких чувств. Он просто отступил на пару шагов и, размахнувшись, изо всех сил нанес Мэлори жестокий удар ногой в живот.

— Это за то, что пытался обмануть меня, Эйен Мэлори,— глухо донесся до него сверху голос укротителя, пока распластавшийся на палубе Мэлори судорожно пытался схватить глоток воздуха.— Пойми наконец, я всегда узнаю, когда ты врешь. Итак, сколько же кораблей конвоя?

Прошло немало времени, прежде чем Мэлори снова смог сесть и выдавить из себя: — Один, только этот.

Действительно ли Гринлиф пользуется детектором лжи или просто пытается представить дело так, задавая вопрос, ответ на который ему известен,— этого Мэлори не знал. Но для себя решил, что отныне будет без тени сомнения говорить одну только чистую правду. Еще пара таких пинков, и он потеряет последние силы, будет беспомощен, ни на что не годен — и машины прикончат его. Он удивился, ибо сделал открытие: умирать ему ни при каких обстоятельствах не хотелось.

— Воинское звание, Мэлори?

— Я штатский.

— А именно?

— Историк.

— Тогда почему ты здесь?

Мэлори снова попытался встать, но, решив, что это все равно ничего не изменит, остался сидеть на полу. Он должен заставить себя ни на секунду не задумываться над случившимся. Стоило только вспомнить об истинном положении вещей, как страх буквально парализовывал его и в голове не оставалось ни единой связной мысли.

— У нас был проект... знаете, я забрал с Йетти несколько сотен... того, что мы называем исторически-

ми моделями,— запрограммированных функциональных клише... для исследований по истории...

— Припоминаю, я что-то слышал о таких вещах. А что это за проект?

— Мы хотели попытаться использовать моделированные личности военных в качестве устройств разброса факторов случайности для боевых компьютеров на одноместных кораблях.

— Ага,— Гринлиф по-кошачьи гибко и даже изящно, что совсем не соответствовало его расхристанной внешности, присел перед Мэлори,— и как они действуют в бою? Лучше, чем подсознание живых пилотов? Помни, машины и так знают всё, что можно об этом знать.

— Мы не успели провести пробный полет. Скажите... из экипажа никого не осталось, все погибли?

Гринлиф ответил равнодушным кивком.

— Абордаж был делом плевым — накрылась ваша автоматическая защита. Но я рад, что ты уцелел и у тебя достаточно мозгов, чтобы сотрудничать с нами. Это поможет моей карьере.

Он взглянул на дорогой хронометр, нелепый на грязном запястье.— Пошли, Эйен Мэлори. Нас ждут великие дела.

Мэлори с трудом поднялся и последовал за ним в сторону боевой палубы.

— Машины и я, мы уже осмотрели здесь все, Мэлори. Эти девять маленьких боевых кораблей, которые у вас на борту, — большая ценность и должны быть использованы в деле. Машины теперь уже уверены, что достанут "Хоуп", но там наверняка действуют автоматические защитные установки, и, думаю, они покрепче, чем на этой барже. За время охоты машины потеряли уже много своих и поэтому хотят теперь использовать эти девять капсул; они будут чем-то вроде передового отряда. Ты, конечно, знаком с военной историей?

— Немного,— ответ не вполне соответствовал действительности, но возражений не последовало. Детектор лжи, если это действительно был он, снова лежал у Гринлифа в кармане. Но Мэлори все равно не хотел рисковать больше, чем было необходимо.

— Ну тогда тебе наверняка известно, как некоторые генералы на древней Земле использовали вспомогательные отряды. Они просто гнали их впереди основной армии, которой доверяли. При первой попытке к бегству

их ждала смерть от своих же, и, естественно, они были первыми, кого уничтожал в бою противник!..

На боевой палубе Мэлори почти не заметил разрушений. Девять маленьких мощных кораблей ждали на пусковых платформах, заправленные топливом, с полным боекомплектом. Все, что следовало сделать после возвращения последних экипажей, было как всегда выполнено техниками за считанные минуты.

— Мэлори, пока ты тут отдыхал без сознания, я заглянул в блоки управления. Они что, вроде бы не полностью автоматические?..

— Не полностью. На борту должен находиться управляющий интеллект или устройство разброса факторов случайности.

— Мы должны выслать помощь берсеркерам, Мэлори,— Гринлиф снова взглянул на свой хронометр.— У нас меньше часа, чтобы что-нибудь придумать, плюс еще два часа на саму работу. И чем быстрее, тем лучше. Если опоздаем, о нас можно будет только пожалеть.— Казалось, эта мысль доставляла ему прямо-таки чувственное удовольствие.— Так что ты предложишь?

Мэлори открыл рот, словно собирался что-то сказать, но не произнес ни слова.

Гринлиф продолжал: — Не может быть и речи, чтобы сунуть сюда модели вояк — они вряд ли пожелают добровольно сыграть роль простого пушечного мяса. Это же, я думаю, личности каких-нибудь полководцев? Но может, у тебя найдется парочка типов другой профессии, более покладистого сорта?

Мэлори привалился к спинке пустого кресла офицера-координатора. Он помолчал, заставив себя как следует продумать мелькнувшую мысль, и лишь тогда заговорил:

— Случайно у меня есть несколько таких личностей, но они представляют интерес только для меня самого как для историка. Впрочем, пойдемте...

Мэлори провел Гринлифа в свою каюту и удивился, обнаружив, что ничего здесь не изменилось. На койке все так же лежала его скрипка, на столе — ленты с музыкальными записями, книги и несколько псевдоличностей — аккуратно уложенные в стопку округлые кожаные коробки.

Мэлори взял верхнюю: — Этот человек — из того же клана, к которому я охотно причисляю и себя,— он был скрипачом. Его имя, вероятно, ничего вам не скажет.

— Я не слишком силен в истории музыки.

— Он был землянином, жил в двадцатом веке новой эры и, как я слышал, очень верил в Бога. Если сомневаетесь, можем включить его псевдоличность — спросите у него сами, что он думает о войнах и сражениях.

— Да, уж это не помешает.

Мэлори показал нужную розетку рядом с небольшой консолью компьютера, и Гринлиф сам подключил коробку.

— Ну и как с ним общаться?

— Просто говорите.

Хмыкнув, Гринлиф обратился к кожаной коробке: — Ваше имя?

— Альберт Бэлл.— Доносившийся из динамика голос оказался намного ближе к человеческому, чем недавний голос машины-берсеркера.

— Как бы вам понравилась мысль заняться войной, Альберт?

— Даже подумать противно.

— А не хотите сыграть нам что-нибудь на скрипке?

— С удовольствием.— Скрипка однако не зазвучала.

Вмешался Мэлори: — Если действительно хотите послушать музыку, нужно подключить еще несколько контактов.

— Не будем терять время.— Гринлиф отсоединил блок Альберта Бэлла и начал перебирать другие коробки. Нахмурился, читая незнакомые имена. В стопке было всего двенадцать-пятнадцать коробок.

— Что это за люди?

— Современники Альберта Бэлла. Тоже люди искусства.— Мэлори опустился на койку, чтобы хоть немного прийти в себя. Ему казалось, еще минута — и он снова потеряет сознание. Когда чуть полегчало, он с трудом поднялся и встал рядом с Гринлифом, все еще перебиравшим коробки.

— Вот это — модель Эдварда Мэннока. Он был слеп на один глаз и не годился ни к какой военной службе. Просто физически не годился.— Мэлори показал на другую коробку: — А этот человек служил в кавалерии, правда, совсем недолго, потому что любая лошадь почему-то обязательно сбрасывала его, так что он очень скоро оказался в обозе. А вот этот — этот был хрупким юношей, страдал туберкулезом и умер, когда ему исполнилось всего лишь двадцать три стандартных года.

Гринлиф отложил коробки и повернулся — Мэлори почувствовал, как мускулы избитого тела сжались в ожидании нового зверского удара. Нет, это будет уж слишком, это убьет его, еще один такой удар — и все...

— Порядок.— Гринлиф опять бросил долгий взгляд на хронометр. Потом со слабой улыбкой уставился на Мэлори. Улыбка эта, как ни странно, выражала что угодно, кроме того чувства, которое должна была выражать, — человеческой радости.

— Порядок. Музыканты, я так думаю, злейшие враги вояк. Если машины согласятся, мы вмонтируем их в корабли и пошлем в бой. Эйен Мэлори, я, быть может, повышу твою награду.— Улыбка стала шире.— Не исключено, что, сложись все, как я задумал, мы купим себе еще один стандартный год жизни.

Когда через несколько минут машина вновь объявилась на "Джудит" и Гринлиф принялся с поклонами излагать свой план, Мэлори к своему ужасу обнаружил, что тоже кланяется.

— Продолжайте,— утвердительно объявила машина,— иначе зараженный жизнью корабль может ускользнуть от нас в грядущей битве.

С этими словами машина удалилась — должно быть, спешила закончить ремонт на корабле-роботе.

Вдвоем они справились быстро: все, что им нужно было сделать, — это открыть люк корабля, вынуть псевдоличность из ее ящика-обиталища, подсоединить стандартные контакты и снова задраить люк. Работа шла в спешке, и контроль псевдоличности ограничивался короткими диалогами. Большинство ответов было ничего не значащими общими фразами (о несуществующей погоде, блюдах древней кухни и напитках), звучавшими, как знал Мэлори, дружелюбно и непринужденно.

Все шло вроде бы нормально, но в последнюю минуту Гринлифа снова одолели сомнения: — Надеюсь, эти чувствительные джентльмены будут все же мужественно защищаться, когда дойдет до дела? Они же в состоянии разобраться что к чему, не правда ли? Машины не ждут от них геройских подвигов, но допустить, чтобы они перетрусили, мы тоже не можем...

Мэлори на грани полного изнеможения дергал в этот момент заклинившийся люк "восьмерки", и когда тот внезапно отошел, чуть не свалился с покатого бока капсулы.

— ...Они должны врубиться в ситуацию в первую же минуту после запуска, по крайней мере в общих чертах. Вряд ли они поймут, что находятся в космосе, но я на это и не рассчитываю. Ну а дальше... Полагаю, ты сам побывал в шкуре солдата. И если они уклонятся от боя... ты знаешь, что делают с непокорными передовыми спецотрядами!

Когда они уже подключали контакты псевдоличности к компьютеру восьмой капсулы, на контрольный вопрос вдруг последовало:

— Я хочу, чтобы мою машину покрасили в красный цвет.

— Будет сделано, сэр,— быстро ответил Мэлори, захлопнул люк и поспешил к "девятке".

— Это еще что? — Гринлиф хмуро взглянул на хронометр и тоже шагнул к следующей капсуле.

— Я думаю, маэстро заметил, что ему предстоит путешествие на каком-то виде транспорта. Ну а почему он желает ехать на красном...— Мэлори буркнул что-то невразумительное и взялся за люк "девятки", оставив вопрос висеть в воздухе.

Наконец все истребители были готовы. Гринлиф положил было палец на пусковую клавишу, но вдруг снова заколебался и испытующе вгляделся в глаза Мэлори.— Мы неплохо поработали вместе и заслуживаем награды: пока все идет как нужно... Тебе когда-нибудь приходилось видеть, как сдирают кожу с живого человека?

Чтобы не упасть, Мэлори прислонился к переборке:

— Я же сделал все что мог...

Гринлиф нажал пусковую клавишу. Многоголосый вздох воздушных шлюзов — и капсулы вышли в пространство. Экран над консолью офицера-координатора вспыхнул голографическим изображением.

В самом центре экрана жирной зеленой кляксой висел "Джудит" в окружении девяти неуверенно рыскавших зеленых точек. Много дальше застыл плотный комок других точек — красных. Это было все, что осталось от так долго и беспощадно преследовавшей "Хоуп" своры берсеркеров. "По меньшей мере пятнадцать красных точек",— мрачно подытожил про себя Мэлори.

— Вся штука в том,— буркнул Гринлиф, словно размышляя вслух,— чтобы правильно обработать их. Обработать так, чтобы своих начальников они боялись больше врага.

Он потянулся к приборной панели и включил связь. Теперь его голос звучал в каждой из капсул.

— Внимание, боевые корабли с первого по девятый! — пролаял он.— На вас нацелены орудия превосходящих вас сил, при первой же попытке к неповиновению или бегству последует жестокое наказание...

Еще целую минуту он продолжал в том же духе, а Мэлори всматривался в экран. Он чувствовал приближение схватки, о которой говорил берсеркер. Поток экранирующих частиц прорезал участок туманности, где находились "Джудит" и диковинная гибридная эскадра, и этот поток должен был пересечься с их курсом. "Хоуп", из-за расстояния совершенно невидимый в черной глубине голограммы, мог бы воспользоваться этим, чтобы уйти от преследования, но берсеркеры действовали быстрее...

Экран словно подернулся туманом, и Гринлиф умолк — стало ясно, что связь скоро оборвется. Некоторое время сквозь треск помех прорывались механические голоса берсеркеров, что-то приказывавших отряду вспомогательных кораблей, но и они вскоре потонули в общем шуме и треске — связь пропала окончательно. Как ни странно, преследование "Хоупа" все не начиналось.

На боевой палубе повисла тишина, лишь изредка нарушаемая потрескиванием экрана. Пусковые платформы вокруг, казалось, молча ждали возвращения ушедших.

— Вот и все,— сказал наконец Гринлиф.— Теперь остается только ждать.— Он снова скривил лицо в некоем подобии улыбки и, судя по всему, явно наслаждался ситуацией.

Мэлори с любопытством взглянул на него: — Как это у вас получается — так легко идти на все это?

— А почему бы и нет? — Гринлиф поднялся и встал перед бесполезной теперь консолью.— Знаешь, если в один прекрасный день человек отказывается от всех своих прежних привычек, привычек скверны жизни, и сам себе признаётся в этом, понимая, что действительно покончил со всем, то новый способ существования оказывается не столь уж плох. Иногда, если машины берут пленных, есть даже женщины.

— Сладость жизни,— сказал Мэлори. Он произнес вызывающее, почти скабрезное прозвище вслух и не почувствовал страха.

— Сам "сладость жизни", малыш,— Гринлиф все еще улыбался.— Впрочем, кажется, ты смотришь на меня свысока. Но теперь сам засел так же глубоко, как и я. Не припоминаешь?

— А мне жаль вас...

Гринлиф коротко и презрительно хмыкнул, сочувственно покачав головой.— У меня будет, пожалуй, более долгая и безболезненная жизнь, чем у большинства людей. Говоришь, одна из этих моделированных личностей умерла в 23 года? Это что, средняя продолжительность жизни была тогда такая?

На лице Мэлори показалась странная полуулыбка-полугримаса.— Ну, для его поколения в Европе — пожалуй. Там как раз была большая война. Ее называли Первой мировой...

— Но ты же сказал, что он умер от болезни?

— Ни в коем случае. Я сказал только, что у него *была* болезнь, туберкулез, и, конечно, рано или поздно он бы от нее умер. Но он погиб на войне, в 1917 году новой эры, в местности, называвшейся Бельгией. Насколько я помню, тело его не было найдено — огонь заградительной артиллерии полностью уничтожил и его самого, и аэроплан.

Гринлиф примолк было и вдруг взорвался: — Аэроплан! Что ты плетешь?!

Мэлори выпрямился и, хоть стоять было больно, уже не опирался на кресло.— Теперь я расскажу: Георг Гойнемер, так звали его, сбил пятьдесят три вражеских аэроплана, прежде чем погиб сам. Стой! — В голосе Мэлори послышались такие сила и твердость, что Гринлиф, угрожающе шагнувший к нему, опешил.— Прежде чем ты это сделаешь, подумай хорошенько, на чьей стороне — твоей или моей — будет победа в бою там, снаружи.

— В бою...

— Там девять кораблей против пятнадцати, если не больше, берсеркеров, но мне есть на что надеяться. Псевдоличности, которых мы послали в бой, не дадут перерезать себя, как баранов.

Гринлиф еще несколько мгновений пристально смотрел на него, потом вдруг метнулся к консоли координатора. Экран все еще был белым как молоко, лишь полосы помех пробегали по его поверхности; увидеть или предпринять что-либо было невозможно. Гринлиф медленно опустился в кресло.

— Что же это ты со мной натворил? — выдохнул он.— Сборище увечных музыкантов... Ты не мог солгать обо всех!

— О, каждое сказанное мной слово было правдой. Конечно, не все летчики Первой мировой войны были инвалидами. Многие были в отличной форме, прямо-таки фанатично заботились о своем здоровье. И что все они были музыкантами, я тоже не говорил, хотя, разумеется, хотел, чтобы ты решил именно так. Бэлл — самый талантливый музыкант из всех летчиков его времени, но и он был всего лишь любителем. Правда, всегда повторял, что терпеть не может свою основную профессию.

Гринлиф по-стариковски скорчился в своем кресле:

— Но один же был слепой... это невозможно!..

— Так думали и его враги, когда в начале войны выпустили его из лагеря. Да, Мэннок был слепой на один глаз. Ему пришлось обмануть врачей из комиссии, чтобы попасть в армию. Трагедия выдающихся людей прошлого в том, что они расходовали все свои силы на уничтожение друг друга. В те времена воевали не с берсеркерами, а с теми, кого можно лихо разгромить, пустив в дело аэропланы и пулеметы. Правда, как мне кажется, человечество всегда противостояло берсеркерам в том или ином обличье...

— Погодите, я хочу убедиться, что правильно вас понял,— теперь Гринлиф говорил почти просительно: — Мы что, послали псевдоличности девяти военных летчиков?

— Девяти лучших из лучших. Историки считают, что эти девять вместе взятые могут засчитать себе более пятисот побед в воздушных боях. Конечно, не обошлось без преувеличений, но все же...

Снова молчание и тишина. Гринлиф медленно развернул свое кресло к экрану. Поток частиц стал иссякать. Сидевший на полу Мэлори снова встал, на этот раз совсем не чувствуя боли. Почти свободная от помех голограмма показывала одну-единственную светящуюся точку, выплывшую из эпицентра боя и стремительно приближавшуюся к "Джудит". И эта точка была красной.

— Конец,— сказал Гринлиф и встал. Медленно вытянув из кармана незнакомое, но явно огнестрельное оружие, он направил его на сжавшегося в комок Мэлори, но вдруг снова изобразил дружелюбную улыбку и покачал головой.

— Не-ет, тобой пусть лучше займутся машины. Уж это будет тебе *более чем неприятно*...

Как только послышался шорох воздушного шлюза, Гринлиф поднял оружие к виску. Взгляд Мэлори неотрывно следил за ним. Щелкнул замок внутренней двери шлюза, и Гринлиф нажал на спуск.

Одним прыжком Мэлори оказался возле Гринлифа и выхватил из обмякшей руки оружие прежде чем мертвое тело коснулось пола. Крутнувшись на месте, он направил дуло в сторону раздвигавшихся створок шлюза. Стоявший в шлюзе берсеркер был тем же самым, что и раньше, или, во всяком случае, той же модели. Но вид его изменился почти до неузнаваемости. Одна металлическая лапа была наполовину срезана — из обрубка свисали оборванные провода. Весь корпус был изрешечен небольшими пробоинами, а над головой, словно нимб, переливалась корона электрических разрядов.

Мэлори выстрелил, но машина не прореагировала на разрывную пулю. Ну да, ясно, разве они дали бы человеку оружие, опасное для них же? Изуродованная машина, все еще словно не видя Мэлори, сделала несколько неуверенных шагов вперед и склонилась над Гринлифом, голова которого была наполовину снесена выстрелом.

— Про... про... пре-дательство,— проквакал берсеркер.— Весьма неприятные... весьма неприятные сти... сти... стимулы... скверна жизни... скверна жизни... она...

В это мгновение Мэлори, подкравшись к машине сзади, сунул дуло своего оружия в одну из все еще исходивших жаром лазерных пробоин — отличная работа, проделанная для него Альбертом Бэллом, а может, Фрэнком Люком или Вернером Фоссом. Всего-то две разрывные пули, и берсеркер рухнул на тело Гринлифа. Он лежал теперь так же тихо, как человек под ним. Медленно растаял электрический нимб.

Мэлори отступил, не отрывая взгляда от лежащих, затем повернулся к экрану. Красная точка, изображение корабля-робота, стремительно удалялась от "Джудит". Лишенный управляющего начала берсеркеров, бессмысленный и никчемный теперь механизм...

Из редеющего облака атомных частиц внезапно вынырнула точка. Зеленая точка. Через минуту вернувшаяся "восьмерка" мягко опустилась на палубу, с легким щелчком уткнувшись в демпферы пусковой платформы. Раскаленное жерло лазера сразу начало дымиться. Глубокие шрамы почти целиком покрывали броню корабля.

— Я могу записать на свой счет еще четыре победы,— сообщила псевдоличность, едва Мэлори открыл люк.— Моя эскадрилья принесла сегодня большие жертвы во имя отечества, но люди сделали все возможное, чтобы обеспечить мне хорошее прикрытие с тыла. Противник по численности превосходил нас более чем вдвое, но не думаю, что ушел хоть один. Однако я должен заявить решительный протест: моя машина до сих пор не покрашена в красный цвет!

— Я тотчас позабочусь об этом, сэр,— пробормотал Мэлори, отсоединяя клеммы боевого корабля. Он понимал, что выглядит довольно глупо, давая какие-то заверения начиненному электроникой блоку. Но движения его были осторожны и почти нежны, когда он нес псевдоличность к коробкам, все еще лежавшим на палубе. На коробках было крупно начертано:

АЛЬБЕРТ БЭЛЛ... УИЛЬЯМ ЭВЕРИ БИШОП... РЕНЕ ПОЛЬ ФОНК... ГЕОРГ МАРИ ГОЙНЕМЕР... ФРЭНК ЛЮК... ЭДВАРД МЭННОК... ШАРЛЬ НЮНЖЕСЕР... МАНФРЕД ФОН РИХТГОФЕН... ВЕРНЕР ФОСС...

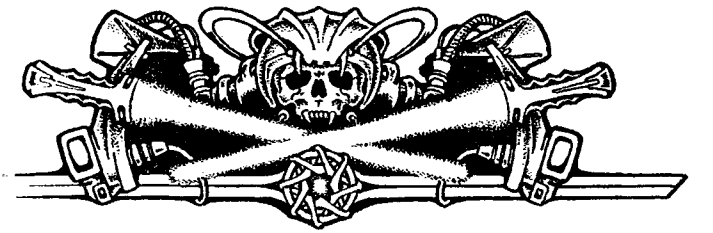
Они были англичанами, американцами, немцами, французами... Они были евреями, скрипачами, инвалидами, пруссаками, озлобленными бунтарями, весельчаками, гуляками, христианами... И еще многим-многим другим были эти девять. Наверное, существует лишь одно слово, способное объять все разом, — ЧЕЛОВЕК.

И хотя в эту минуту ближайшие люди были за много миллионов миль от него, Мэлори не чувствовал себя одиноким. Заботливо и бережно опустил он псевдоличность в футляр, хотя и знал, что даже сила, тысячекратно превосходящая силу его рук, не способна повредить ей. Может, в "восьмерке" хватит места и для этой коробки, когда он попытается догнать "Хоуп".

— Похоже, мы остались только вдвоем, Красный Барон.

Человек, которого моделировала копия, погиб в небе Франции в возрасте немногим более 26 лет, после восемнадцати месяцев непрерывных боев, приносивших ему лишь победы и славу...

А до этого, в кавалерии, каждая лошадь снова и снова сбрасывала его.



Альфред Э. Ван-Вогт
ЧЕРНЫЙ РАЗРУШИТЕЛЬ

Вперед, рыщущий Кёрл! Черная, безлунная, почти беззвездная ночь нехотя отступала перед неумолимой багровой зарей, подкрадывающейся слева. То был неверный унылый свет, в котором не чувствовалось ни тепла, ни успокоения, и этот холодный свет медленно прояснял пейзаж, подобный ночному кошмару.

И когда тускло-красное солнце поднялось наконец над изломанным горизонтом, обозначив черные зубчатые скалы и черную же безжизненную равнину,— тут Кёрл понял, что это все он уже видел.

Он внезапно застыл. Дрожь пробежала по его телу, мускулы свело жестокой судорогой. Огромные передние лапы — вдвое длиннее задних — дернулись, выпустив сразу все острые как бритва когти. Толстые щупальца, торчащие из шеи, напряглись, прекратив волнообразное движение.

Устрашающего вида зверь принялся вертеть во все стороны громадной кошачьей головой, слуховые волоски на его ушах нервно затрепетали, ловя каждое дуновение ветерка, каждый шорох в эфире.

Увы! Волоски-антенны не могли уловить знакомых импульсов-покалываний, приятно щекотавших его нервы в прежние времена. Нигде не чувствовалось даже намека на так необходимых ему ид-созданий. В отчаянии Кёрл

© Перевод на русский язык, Кормилицын В. В., 1994

припал к скале; его мощная, похожая на кошачью, фигура вырисовывалась на фоне багровеющего неба грубым силуэтом черного тигра, отдыхающего на черном камне посреди сумрачного мира.

Он всегда знал, что день этот придет. Все бесчисленные века непрерывной охоты неминуемо приближали тот ужасный час, когда он должен был возвратиться туда, откуда начинал свою методичную охоту, но уже в мир, почти лишенный ид-созданий.

Горькая истина волной накатилась на него — бесконечная пульсирующая боль в самой глубине его существа. Он начинал здесь, когда на каждой сотне миль его бескрайних владений было несколько ид-созданий, обреченных безжалостному уничтожению. Но теперь, в этот последний час, Кёрл слишком хорошо знал, что не пропустил ни единого. Ид-созданий не осталось. На всех сотнях тысяч квадратных миль, которые он по праву жестокого завоевателя сделал своей вотчиной — еще до того как соседние кёрлы ограничили его владения,— не было больше ни одного ид-создания, чтобы дать пищу бессмертному во всех прочих отношениях механизму, каким было его тело.

Фут за футом он прошел эти мили. И сейчас сразу узнал скалу впереди, и черный каменный мост, и причудливый извилистый туннель под ним. Именно здесь он долгие дни лежал когда-то, поджидая, пока безмозглое змееподобное ид-создание выползет из своей норы погреться на солнышке,— это был его первый охотничий трофей после того как он осознал абсолютную необходимость организованного истребления.

Кёрл облизнулся, со злорадством припомнив, как его истекающая слюной пасть разрывала добычу на вкуснейшие кусочки. Но жуткая мысль о вселенной без ид-созданий заставила улетучиться сладкие воспоминания, оставив лишь предчувствие неизбежной смерти.

От безысходной тоски он зарычал; злобный дьявольский звук завибрировал в воздухе, отразившись многократным эхом от нагромождения скал, вернулся назад, отзываясь в Кёрле неистовой дрожью. О, как ему хотелось жить!

И тут он заметил ее...

Вдалеке, над пологим холмом, — крошечную светящуюся точку, почти мгновенно выросшую в металлический шар. Огромная сияющая сфера просвистела над Кёрлом, промчалась над темной линией холмов, на секунду

зависла почти неподвижно, затем провалилась вниз и исчезла из виду.

Кёрл словно очнулся. Быстрее любого тигра он помчался меж скал, круглые черные глаза его зажглись адским желанием. Слуховые волоски вибрировали, принося весть об ид-созданиях,— их было так много, что тело слабело от приступов безумного голода.

Маленькое солнце висело малиновым диском в темно-пурпурных небесах, когда он, прячась за скалой, глядел вниз на осыпавшиеся руины гигантского города. Серебряный шар, несмотря на свои громадные размеры, выглядел удивительно неприметным среди бесконечного моря руин. Сокрушающая своей тяжестью скалы металлическая штуковина покоилась в люльке, выдавленной в грубой и неподатливой породе.

Кёрл пристально вглядывался в ярко освещенное отверстие, открывшееся в нижней части шара. Оттуда выходили странные двуногие существа. Кёрл судорожно сглотнул; разум его на мгновение затуманил дикий порыв, он едва не бросился вперед, готовый растерзать эти хлипкие тела, источавшие аромат ид-колебаний.

Однако какие-то смутные воспоминания остановили этот безумный бросок. Воспоминания разбудили в нем страх: почему двуногие поверх своих настоящих тел напялили на себя вторую, поблескивающую на солнце полупрозрачную шкуру?

Внезапно нахлынули новые воспоминания. О тех полузабытых днях, когда раскинувшийся внизу город был огромным метрополисом в зените славы и могущества, но менее чем за век пришел в упадок, еще до появления огненных пушек, обладатели которых знали только одно: чем меньше будет выживших, тем больше останется для каждого ид-созданий...

Оружие! Вот что удержало его на месте, заставив корчиться в туманящих рассудок волнах ужаса. Он видел себя убитым летящими металлическими шариками, сожженным струей адского огня.

Но Кёрл уже понял, откуда взялись эти существа. Это ведь просто научная экспедиция с другой звезды. В давно минувшие времена кёрлы тоже думали о космических полетах, но катастрофа случилась слишком быстро, чтобы эти мечты стали чем-то бóльшим, чем просто мечтами.

И ученые наверняка прилетели сюда исследовать, а не убивать. Ученые по-своему глупы. Это придало ему

смелости, и он рискнул показаться на открытом месте. И тут же увидел, что двуногие заметили его: все они повернулись и смотрели в его сторону. Один, самый маленький в группе, вытащил из коробки на поясе блестящую металлическую трубку и держал ее наготове. Кёрл прыжками понесся вперед, всем своим существом содрогаясь от страха, но поворачивать было уже поздно.

В наушниках командира корабля Эла Мортона раздался нервный смешок Грегори Кента, химика экспедиции. Этот булькающий звук неизменно означал, что Кента терзают сомнения. Мортон оглянулся и увидел, что химик вертит в руках извлеченный из кобуры пистолет.

— Похоже, у меня не будет больше случая встретиться с более крупной дичью,— пробормотал Кент.

Мортон гоготнул в микрофон.

— Это как раз одна из причин, почему ты оказался в экспедиции: ты никогда не упускаешь случая.

Смех Мортона повис в тишине. Увидев мчащегося к ним меж черных скал монстра, командир невольно шагнул вперед — сквозь полупрозрачный металлитовый скафандр угадывалась его мощная фигура с внушительными мышцами. Из наушников до него доносились комментарии:

— Не хотел бы я повстречать эту крошку темной ночью в переулке...

— Да брось ты! Это наверняка разумное существо. Возможно, даже представитель господствующей расы.

— Обычная большая кошка, если не считать этих щупалец и слишком длинных передних лап...

— Судя по физическому развитию, это существо адаптировано к окружающей среде скорее как животное, нежели как мыслящий субъект.— Мортон узнал голос Зиделя, психолога экспедиции.

— Хотя, с другой стороны, приближается оно к нам не как безмозглая тварь, а как существо, вполне отдающее себе отчет в том, что мы можем представлять для него опасность. Взгляните, как он скован в движениях, как насторожен — очевидно, он боится вооруженных людей. Хотел бы я взглянуть на его щупальца. Если они оканчиваются чем-то вроде пальцев, то перед нами безусловно потомок некогда населявших город существ. Попробуем наладить с ним контакт — это здорово нам поможет, даже если и выяснится, что он деградировал в не помнящего истории примитива...

Кёрл остановился в каких-нибудь десяти футах от того двуногого, который стоял впереди всех остальных. Эти двуногие содержали в себе такое невероятное количество ид-вещества, что Кёрл едва мог сдерживаться. Ид-импульсы доводили его до безумия.

Двуногие между тем — все, кроме коротышки, сжимавшего оружие,— подошли ближе и принялись с любопытством разглядывать Кёрла. Их губы шевелились, издавая монотонную, лишенную смысла вибрацию. Одновременно слуховые волоски на ушах Кёрла уловили сигналы более высокой частоты — механические щелчки, раздражавшие мозг. Стараясь выглядеть как можно дружелюбнее, Кёрл передал волосками-антеннами свое имя, одновременно указывая на себя одним из щупалец.

Гурлей, радиоинженер, лениво растягивая слова, доложил:

— Командир, мои датчики зафиксировали радиопомехи, когда он начал шевелить ушами. Как ты думаешь...

— Похоже на то,— ответил Мортон, даже не дослушав вопроса.— Вот и работенка для тебя, Гурлей. Если это существо общается радиоволнами, можно попытаться расшифровать его сигналы или научить его азбуке Морзе.

— Я так и знал,— подал голос Зидель.— Щупальца оканчиваются семью хорошо развитыми пальцами. И если у существа достаточно высокоорганизованная нервная система, эти пальцы могли бы управлять любыми механизмами.

— Думаю,— подвел итог Мортон,— нам лучше вернуться на корабль и перекусить. После завтрака специалисты могут засесть за свои приборы и начать сбор информации о планете. Для остальных — маленькая осторожная разведка: здешняя архитектура, уровень науки ну и все прочее. И главное — причины гибели цивилизации. На Земле цивилизации гибли одна за другой, но на их развалинах всегда возникали новые. Надо узнать, почему этого не произошло здесь. Вопросы у кого-нибудь есть?

— Есть. Как насчет котенка? Посмотрите, он собрался вместе с нами!

Командир нахмурился:

— Мне не хотелось бы загонять его на корабль насильно. Но если он сам изъявил желание, то нам, наверное, не следует упускать этот шанс. А как по-твоему, Кент?

— Думаю, прежде следует выяснить, зверь это или разумное существо, и как-нибудь его назвать. Лично мне

он нравится. А насчет того, чтобы взять его с собой на корабль...— Маленький химик решительно замотал головой.— Невозможно. В атмосфере этой планеты двадцать восемь процентов хлора. Наш кислород — сущий динамит для его легких.

— Кажется, киске это невдомек,— усмехнулся командир, глядя, как похожий на огромного кота зверь направился вслед за первыми двумя людьми в шлюзовую камеру. Люди держались на почтительном расстоянии, вопросительно поглядывая на Мортона. Тот махнул рукой:

— Ладно, открывайте второй шлюз и дайте ему нюхнуть кислорода. Сразу передумает.

Мгновением позже он изумленно выругался:

— Черт побери, да эта зверюга даже не заметила разницы! Значит, либо у него вообще нет легких, либо он дышит не хлором. Пропустите его, пусть входит! Смит, этот кот — просто клад для биолога! И совсем неопасный, если быть осторожным. Но каков метаболизм, а?!

Смит, долговязый тощий парень с унылой физиономией, отозвался неожиданно сильным голосом:

— За все наши путешествия мы обнаружили лишь две высшие формы жизни. Одна зависела от хлора, другая — от кислорода: двух элементов-окислителей. Но готов поставить на карту свою репутацию — ни один сложный организм во Вселенной не может естественным путем приспособиться к обоим газам. Похоже, эта раса давным-давно открыла такие тайны биологии, о которых мы и не подозревали до сего дня. Мортон, мы не должны позволить этому существу сбежать от нас. Это же просто уникальный экземпляр!

— Судя по тому, как он стремится внутрь,— усмехнулся командир,— у нас скорее возникнут проблемы с тем, как от него избавиться!

Они прошли в шлюз. Автоматика загудела, и Мортон, двое его спутников и Кёрл оказались перед лифтами.

— Возьмем его с собой? — Один из людей с опаской покосился на монстра.

— Лучше отправить его одного, если войдет.

Кёрл вовсе не собирался сопротивляться, пока не услышал, как позади захлопнулась дверь, а сама кабина двинулась вверх. С диким рычанием он заметался между стенок, бросился на дверь. Под страшным ударом металл прогнулся, жестокая боль привела Кёрла в бешенство. Сейчас он был просто пойманным в ловушку зверем.

Удары лап корежили лифт, как большую консервную банку. Механизм скрежетал, рваный металл царапал стены, но двигатель продолжал тянуть кабину вверх. Затем лифт остановился, Кёрл выломал остатки двери и вылетел в коридор.

Он ждал там, пока Мортон и остальные не поднялись вторым лифтом, держа наготове оружие.

— Какие же мы идиоты,— облегченно вздохнул Мортон.— Надо же было показать ему, как это работает, прежде чем отправлять наверх! Он решил, что мы заманили его в западню.

Командир подошел к монстру, несколько раз открыл и закрыл дверь лифта, демонстрируя ее действие, и поразился дьявольскому блеску в угольно-черных глазах.

Кёрл прервал урок, а затем покорно поплелся вслед за двуногими в большую комнату справа от лифта. Там он улегся на шероховатый пол, пытаясь унять дрожь. Его сжигал бешеный гнев на самого себя за этот глупый страх. Он невольно выдал себя и лишился преимущества, которое давал облик кроткого безобидного существа. Его сила могла растревожить и напугать двуногих.

А это значило, что сейчас будет гораздо сложнее сделать то, что — сейчас он понимал это ясно — он должен сделать: надо убить всех двуногих, захватить корабль и отправиться на ту планету, откуда прилетели эти глупые твари, или на поиски других миров — миров, где ид-созданиям нет числа.

...Улегшись среди развалин, Кёрл немигающим взором следил за парочкой двуногих существ, неуклюже возившихся с огромным камнем, преграждавшим вход в одно из древних зданий.

Все его тело болело от голода, каждая клетка молила о пище. Страстное желание бушевало в дрожащих мускулах, пульсировало в голове, нервы трепетали, готовые бросить тело вслед за двуногими, которые разбрелись по улицам древнего города. И он помнил, что один из них ушел на разведку без напарника.

Мучительно тянулись минуты, а Кёрл все лежал, сдерживая лютый голод, и наблюдал за двуногими. Они выкатили из корабля огромную металлическую машину и установили ее перед обломком скалы, преграждавшей вход. Главный двуногий что-то объяснял, а двое других принялись настраивать машину. Ни единое движение

людей не ускользнуло от горящего взгляда зверя, и как только простота примитивного механизма стала очевидной, Кёрла охватило презрение.

Он знал, чего ожидать, и не удивился, когда вспыхнувший адский огонь начал пожирать несокрушимую на вид глыбу. Не удивился — но подскочил и зашипел, изображая ужас. Его слуховые волоски уловили смех людей, их глупую радость его притворному испугу.

Камень развалился пополам, и первым внутрь протиснулся Мортон. Следом вошел еще один человек.

— А зверь-то притворяется,— сказал он, качая головой.— Местная цивилизация, судя по всему, была знакома с атомной энергией. Только... Только они использовали несколько иную разновидность атомной энергии, чем мы. Не исключено, их познания были более глубокими, нежели наши. Будем надеяться, здания библиотек сохранились лучше, чем это,— может, нам удастся отыскать какие-нибудь сохранившиеся книги, иначе мы никогда ничего не узнаем. Что могло случиться с такой высокоразвитой цивилизацией?

В наушники ворвался новый голос:

— Это Зидель. Я тут слышал ваш разговор, Пеннонс... Так вот, с точки зрения социологии и психологии единственная причина, из-за которой внезапно пустеют обжитые территории,— это отсутствие пищи.

— Но ведь у них была неплохо развита наука, почему же они попросту не построили космические корабли и не отправились за пищей на другие планеты?

— Спросите Ганли Лестера,— вмешался Мортон.— Я помню, у него были какие-то теории на этот счет.

Астроном отозвался сразу же:

— Мне, конечно, еще нужно уточнить свои расчеты, но, похоже, этот пустынный мир — единственная планета в системе угасающего красного солнца. А до ближайшего звездного скопления — *девятьсот световых лет.* Вспомните, сколько веков понадобилось нам, землянам, для освоения космического пространства: сначала Луна, затем Венера и только потом — через несколько столетий — мы достигли ближайших звезд. И лишь пройдя этот долгий путь и накопив огромный опыт, мы смогли изобрести антиускорители, без которых невозможны межгалактические путешествия. У здешней же цивилизации не было даже межпланетных перелетов — им просто некуда было летать. Поэтому они и погибли — ибо

ни одной цивилизации не удавалось перескочить в эру межгалактических полетов, минуя эпоху полетов межпланетных...

Кёрл метнулся к другой группе. Но сейчас, подгоняемый жутким голодом, в неистовстве глубочайшего презрения, он почти не обращал внимания на то, чем занимаются двуногие. Ему хватало беглого взгляда — и дремавшие в глубинах памяти знания вмиг оживали.

Он бросался от одной группки исследователей к другой — сгусток нервов, слабеющий от ужасного голода. Вот подъехала какая-то машина, остановилась, навела на него объектив... Жужжание! Понятно — это фотоаппарат. А та гигантская труба, нацеленная в небо,— телескоп. А эти аппараты, вгрызающиеся в камень и плюющиеся слепящим пламенем,— атомные дезинтеграторы.

Кёрл видел все это как сквозь туман. Он чувствовал, что более не в силах бороться с самим собой. Обрывки старых и новых знаний завертелись в голове сумасшедшим калейдоскопом. Все его существо горело бешеным желанием кинуться вслед за двуногим, ушедшим в город в одиночку.

Больше вынести он не мог. Зеленая пена наполнила пасть, доводя до безумия. Кёрл заметил, что никто не следит за ним, и исчез с быстротой молнии. Он мчался гигантскими бесшумными прыжками — тень в тени скал. Через минуту космический корабль и ненавистные двуногие скрылись за угрюмыми развалинами.

Кёрл забыл про корабль, забыл про всё, кроме своей цели. Все его мысли были об одном — утолить голод. Он петлял в лабиринте пустынных улиц, безошибочно выбирая кратчайший путь сквозь зияющие провалы в источенных временем стенах рассыпающихся зданий, пока слуховые волоски не уловили знакомые импульсы.

Он резко остановился и выглянул из-за кучи обломков. У разрушенного дома стоял двуногий с фонарем и пытался сквозь пролом разглядеть что-то внутри. Очевидно, ничего интересного не обнаружив, двуногий быстрой походкой направился к следующему дому, настороженно поглядывая по сторонам. Это очень не понравилось Кёрлу: значит застать двуногого врасплох будет почти невозможно.

Дождавшись, когда тот скроется за углом, Кёрл выскочил из укрытия. Сейчас он мчался гораздо быстрее,

чем мог бы двигаться даже бегущий человек, — он уже точно знал, что делать дальше. Призраком скользнул он на другую улицу, свернул за ближайший угол и на брюхе вполз в узкую щель между зданием и громадным камнем. В этом месте улицу перегораживала каменная осыпь, превратившая ее в ловушку, оканчивающуюся узким, как бутылочное горлышко, проходом. И выход из него был теперь прямо под Кёрлом.

Вскоре его слуховые волоски уловили низкочастотные колебания — это двуногий что-то насвистывал себе под нос, и внезапно Кёрла сжал ледяной ужас. У двуногого наверняка есть какое-то оружие, и если он успеет сделать хотя бы один выстрел — всего один — прежде чем предсмертная судорога сведет мускулы...

Но едва на гребне кучи появился двуногий, сжатое в тугую пружину черное тело метнулось из мрака, и сокрушительный удар обрушился на полупрозрачный шлем скафандра. Заскрежетал раздираемый металл, фонтаном хлынула кровь. Двуногий словно переломился надвое и с грохотом рухнул на землю.

Страха больше не было. С жадной торопливостью Кёрл разодрал металлитовый скафандр и тело двуногого, настроился на ид-волны и принялся высасывать живительное вещество из размозженных костей.

Кёрл словно родился заново. Пищи здесь оказалось больше, чем ему удалось добыть за весь год.

В три минуты все было кончено, и Кёрл помчался назад. Предусмотрительно обогнув сверкающий шар, он появился с противоположной стороны и, подкравшись бесшумно, присоединился к одной из групп исследователей, занятых своей работой. Похоже, никто не заметил его отсутствия.

Мортон смотрел на клочья плоти и металла, на окровавленные камни под ногами и не мог произнести ни звука пересохшим горлом. Откуда-то издалека он расслышал голос Кента:

— Он таки пошел в одиночку, черт побери! — Маленький химик едва сдерживал слезы. Мортон вспомнил, что Кент и Джарви многие годы были закадычными друзьями.

— Самое странное,— пробормотал кто-то из экипажа,— что это какое-то бессмысленное убийство. Тело буквально размазано по камням, но, похоже, целиком здесь. Готов спорить, что если все это взвесить, то тут

будет сто семьдесят пять фунтов земного веса. Все его сто семьдесят пять фунтов.

— Убийца прикончил его,— мрачно произнес Смит,— а потом обнаружил, что мясо бедолаги Джарви чужеродно, несъедобно. Совсем как наш огромный кот — он ведь тоже не жрал ничего, что мы ему подсовывали...— Смит вдруг осекся, а потом спросил:

— Послушайте, а как насчет кота? Он ведь достаточно велик и силен, чтобы сделать такое...

— Это мысль,— задумчиво произнес Мортон.— В конце концов, этот кот — единственное живое существо, которое мы здесь видели. Конечно, мы не можем казнить его по одному подозрению, но...

— Но кот все время был у меня перед глазами! — возразил кто-то.

— Ты уверен? — вмешался Зидель, главный психолог экспедиции.

Человек заколебался:

— Ну, может, он и отлучался на несколько минут. Но далеко не уходил. Он тут крутился рядом, все высматривал...

— Понятно,— удовлетворенно кивнул Зидель и повернулся к Мортону: — Видите ли, командир, мне тоже кажется, что кот все время находился поблизости. Но сейчас я припоминаю, что иногда его совсем не было видно — и довольно долго.

Мортон погрузился в размышления.

— Да чего тут думать?! — свирепо заявил Кент.— Зачем рисковать?! Прикончим эту тварь, пока она не натворила большего!

— Корита,— медленно произнес Мортон,— вы вместе с Крэнесси и Ван Хорном осматривали город. Как ты полагаешь, кот и вправду деградировавший потомок господствовавшей на этой планете расы?

Стройный японец-археолог уставился в небо, словно собираясь с мыслями.

— Командир Мортон,— произнес он наконец почтительно,— здесь кроется какая-то загадка. Взгляните на эти руины, обратите внимание на почти готические линии архитектуры. Хотя эти существа и построили мегаполис, они не утратили связи с природой. Вы не увидите на зданиях никаких орнаментов, ибо здания орнаментальны сами по себе. Аналогами этих строений на Земле являются дорические колонны, египетские пирамиды и

готические храмы, которые словно вросли корнями в почву.

Или посмотрите на извилистые улочки. Если этот одинокий заброшенный мир можно считать родиной цивилизации, то сама природа возвышала их сердца. Сохранившиеся механизмы доказывают, что они были прекрасными математиками, но в первую очередь они были артистическими натурами. Им претила четкая геометрия, они сознательно избегали ее во имя естественности. Гениальная непринужденность, чистая радость заложены в искривленном нелогичном расположении домов и улиц, чувство силы, святой веры в себя. Это была не дряхлеющая, поседевшая за тысячелетия цивилизация, а очень молодая, энергичная культура, уверенная, гордая своей целью.

И вдруг все разом кончилось. Быть может, в тот момент здешняя культура пережила свою битву Туров и начала разрушаться, как древняя культура мусульман. Или просто из золотого века перенеслась сразу в эпоху раздробленных государств. В истории Китая этот период длился с 480 по 230 год до нашей эры и закончился превращением царства Цинь в Китайскую империю. Египет пережил нечто подобное между 1780 и 1580 годами до нашей эры, где последнее столетие, время владычества гиксосов, лучше и не поминать. Рим испытал это начиная с Харона, а самое кошмарное — со 133 по 31 год до нашей эры — с Гракхов до Актиума. Западноевропейцы и американцы переболели тем же в девятнадцатом и двадцатом столетиях, и современные историки единодушны в том, что человечество, расселившись по галактике, вступило в эту же фазу лет пятьдесят назад, хотя, конечно, не с такими разрушительными последствиями.

К чему я говорю обо всем этом, командир? А к тому, что такой переход никогда не совершается внезапно. Процесс этот очень долог и неизбежно начинается с ниспровержения священных прежде устоев. Идеалы улетучиваются под жестокими ударами холодного рассудка. Скептицизм возводится в абсолют.

Судя по всему, катастрофа застигла здешнюю цивилизацию в пору ее наивысшего расцвета и принесла с собой все ужасы такого крушения: падение нравственности, разгул преступности, исчезновение всякого понятия об идеалах и полное безразличие к смерти. Если этот... кот — потомок такой расы, то это коварный, хладнокровный

убийца, который запросто перегрызет горло собственному брату.

— Хватит,— решительно сказал Кент.— Я с удовольствием исполню роль палача, командир!

— Послушай, Мортон,— вмешался Смит.— Ты не имеешь права убить зверя, даже если он и виноват. Это же биологический уникум!

Кент и Смит обменялись свирепыми взглядами. Мортон задумчиво посмотрел на них и сказал, нахмурившись:

— Корита, я склоняюсь к тому, чтобы принять в качестве рабочей гипотезы твою теорию. У меня только один вопрос: кот принадлежит к периоду более раннему, чем наша эпоха, или нет? Я понимаю, что мы вступаем в наиболее развитую эру нашей культуры, а зверь внезапно выпал из истории в самый мрачный период его цивилизации. *Но* — не может ли его культура быть более поздней для данной планеты, чем наша — в собственной галактической системе?

— Именно так и обстоит дело. Он, скорее всего, из середины десятой цивилизации своего мира, а мы у себя завершаем восьмую. При этом каждая из десяти местных цивилизаций неизбежно возникала на руинах предыдущей.

— В таком случае котенок не подозревает, что мы, благодаря нашему скептицизму, сразу же вычислили его как убийцу?

— Он понятия об этом не имеет. Для него наше открытие будет родом волшебства.

Мортон зловеще усмехнулся:

— Что ж, тогда я, пожалуй, послушаюсь тебя, Смит. Пусть котенок живет. Теперь нам известна его кровожадная сущность, и мы вполне можем обезопасить себя. Впредь всякие фатальности будут считаться следствием беспечности членов экипажа. Конечно, не исключено, что мы ошиблись в своих подозрениях. У меня, как и у Зиделя, сложилось впечатление, что зверь все время был где-то рядом. Ладно... Нам нельзя оставлять беднягу Джарви в таком виде. Сколотим ему гроб и похороним как подобает.

— Нет! — рявкнул Кент и тут же залился краской, стушевавшись: — Прошу прощения, командир. Думаю, надо сделать иначе. Я уверен, проклятому коту что-то было нужно от тела Джарви. На первый взгляд все части

тела на месте, но чего-то в организме Джарви *должно* не хватать. Я хочу выяснить, чего именно, и сделать это так, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения, кто является убийцей!..

Поздней ночью в кают-компании открылась дверь и на пороге появился Кент, поднявшийся из лаборатории. Мортон оторвался от книги. Кент держал в руках большую неглубокую чашу. Запавшие глаза химика сверкнули на Мортона, и утомленным, но все еще жестким голосом он бросил:

— Смотри, что сейчас будет!

Он направился к Кёрлу, распростершемуся на огромном ковре и, казалось, спавшему. Мортон поморщился:

— Погоди минуту, Кент. Ты знаешь, я никогда не вмешиваюсь в твои действия, но сейчас мне кажется, что ты не совсем здоров. Что там у тебя в чаше?

Кент обернулся, и Мортону показалось, что он взглянул в лицо самой истине. Аскетическое лицо химика горело лихорадочным огнем, под глазами залегли темные круги.

— Я обнаружил, чего не хватает в теле Джарви. Пропавший элемент — фосфор. Во всех костях Джарви осталось не более кубического миллиметра фосфора. Высосан весь, до капли, но вот с помощью какой сверххимии — не могу понять. Извлечь фосфор из человеческого тела можно несколькими способами. Помнишь несчастный случай с одним из рабочих, которые строили наш корабль? Он свалился в емкость с пятнадцатью тоннами жидкого металлита — так, во всяком случае, утверждали его родственники,— но компания отказывалась выплатить им страховку до тех пор, пока не провели анализ металлита. Оказалось, что он содержит высокую концентрацию фосфора...

— Но при чем тут миска с едой? — прервал Кента кто-то из экипажа.

Отложив в сторону журналы, все, кто был в кают-компании, с интересом уставились на Кента.

— Пища содержит в себе органический фосфор. Кот обязательно должен учуять запах или что он там чует вместо запаха...

— Я думаю, он улавливает колебания, излучаемые различными предметами,— лениво вмешался Гурлей.— Иногда у меня возникают помехи в радиоаппаратуре,

тогда он начинает шевелить своими щупальцами. А потом помехи внезапно прекращаются, словно он настроился на другую частоту. Похоже, кот может контролировать колебания по собственному желанию.

Кент с трудом дождался окончания этой тирады и резко закончил:

— Хорошо, пусть будет так... Тогда, если он учует волны от фосфора и отреагирует на них как зверь, мы сможем... мы решим, что именно это доказывает. Я могу начинать, капитан?

— В твоем плане три серьезных изъяна,— ответил Мортон.— Во-первых, ты считаешь, что он всего лишь животное; во-вторых, не учитываешь того, что он может и не испытывать голода, насытившись Джарви; в-третьих, ты почему-то думаешь, что кот ничего не заподозрит. Впрочем, давай, поставь перед ним миску. Быть может, его реакция нам хоть что-нибудь подскажет.

Кёрл немигающим взором следил, как человек ставит перед ним еду. Его слуховые волоски мгновенно уловили те волны, исходящие от содержимого миски, но он не удостоил ее даже взгляда.

Он знал этого двуногого — это был тот самый, что утром наставил на него оружие. Опасность! Зарычав, Кёрл поднялся на ноги, ухватил миску за край пальцеобразным отростком одного из щупалец и выплеснул содержимое прямо в лицо Кенту. Химик с воплем отпрянул, а Кёрл отбросил миску в сторону и толстым как канат щупальцем обвил человека за пояс. Кёрлу ничего не говорили ругательства, которые изрыгал двуногий, а висевший у того на ремне пистолет не слишком пугал. Это был всего лишь источник излучатель, хоть и работавший на атомной энергии, но не способный расщепить противника на атомы.

Кёрл отшвырнул брыкающегося Кента на диван и тут же понял, что все-таки надо было его обезоружить.

Не потому, что пистолет опасен... Разъяренный двуногий одной рукой стирал фосфорную кашицу с лица, а другой тянулся к пистолету. Кёрл припал к полу, и в то мгновение слепящий луч ударил ему в голову.

Слуховые волоски на ушах зверя зажужжали, гася световые волны вибрационного пистолета. Круглыми черными глазами Кёрл следил за двуногими существами, которые все как один потянулись за оружием. Тишину разорвал голос Мортона:

— Стоп! Остановитесь!

Кент опустил пистолет, и Кёрл улегся на полу, дрожа от ярости,— этот двуногий заставил его раскрыть кое-какие из своих возможностей, которые он предпочел бы сохранить в тайне.

— Кент,— холодно произнес Мортон,— тебе не следует терять голову... Ты пытался умышленно убить кота, зная, что большинство высказалось за то, чтобы оставить его жить. Наш закон тебе известен: если кто-то возражает против моего решения, он должен заявить об этом *вовремя*. Если против большинство, мое решение отменяется. В данном случае никто, кроме тебя, не возражал, следовательно, ты дерзко нарушил правила, попытавшись взять власть в свои руки. Этот достойный порицания поступок автоматически лишает тебя права голоса на целый год.

Кент окинул насмешливым взглядом своих друзей, усевшихся в круг:

— Похоже, Корита был прав, когда говорил, что наша цивилизация является высокоразвитой. О да, мы весьма цивилизованны — даже слишком! — Голос Кента срывался.— Господи, неужели никто из вас не видит весь ужас ситуации?! Джарви умер всего несколько часов назад, умер страшной смертью, а тварь, которая убила его — мы ведь все это знаем! — преспокойно лежит себе на коврике и замышляет очередное убийство. И жертвой его станет кто-то из присутствующих! Что же мы за люди такие? Дураки, циники, упыри? А может, эта наша цивилизация настолько погрязла в целесообразности, что мы способны с симпатией созерцать убийцу?

Он пристально посмотрел на Кёрла.

— Ты прав, Мортон. Это не животное. Это дьявол, восставший из самых глубин адской планеты, одиноко вращающейся вокруг умирающего солнца.

— Не разводи мелодраму,— проворчал Мортон.— Я думаю, что все твои выводы ошибочны. Мы не упыри, не циники. Мы просто ученые, и наша обязанность — изучить этого зверя. Поскольку мы подозреваем его в убийстве, каждый из нас будет впредь действовать осмотрительнее. Сомнительно, что он сможет кого-нибудь подловить. У одиночки нет шансов против сотни человек.— Он огляделся вокруг: — Надеюсь, я выразил общее мнение?

— Только не мое, командир! — тихо возразил Смит и, выдержав долгий изумленный взгляд Мортона, продолжил: — В горячке, похоже, никто не заметил, что

Кент попал лучом прямо в голову зверя. И не смог причинить тому никакого вреда...

Мортон вздрогнул:

— Ты уверен, что Кент попал в него? Сам говоришь, все получилось так быстро, и когда киска осталась невредима, я решил, что Кент промазал...

— Кент попал ему прямо в морду,— уверенно произнес Смит.— Конечно, этот излучатель не убьет человека, но уж ранит-то точно. А на киске никаких следов, ни одного опаленного волоска.

— Может, у него шкура нечувствительна к высоким температурам?

— Может. Но что бы там ни было, я думаю, не помешает запереть его в клетку.

Пока Мортон размышлял, Кент опять подал голос:

— Смит дело говорит.

Мортон встрепенулся:

— Так ты будешь удовлетворен, Кент, если мы посадим его в клетку?

— Да,— сказал Кент после некоторого раздумья.— Если его не удержат и четыре дюйма микростали, лучше сразу отдать ему корабль.

Все двуногие, переговариваясь, вышли в коридор, и Кёрл покорно следовал за ними. Мортон подвел его к двери, которую Кёрл прежде не видел, а когда он оказался в квадратной металлической комнате, дверь за ним лязгнула, и защелкнулся замок.

Как только он догадался, что угодил в ловушку, ненависть захлестнула его, но внешне Кёрл остался спокоен. Это был уже не тот растерянный, с примитивным мышлением зверь, который совсем недавно обезумел от страха в лифте. Тысячи бездействовавших столетия способностей проснулись в нем, бесчисленное множество хитростей снова — после стольких лет забвения — стало частью его существа.

Он опустился на задние лапы и долго сидел, неподвижный, как черное изваяние, только нервно подрагивающие слуховые волоски выдавали напряжение; затем улегся, глаза его вспыхнули огнем презрения. Дураки! Какие дураки!

Через час он услышал, как кто-то возится у него над головой, и тут же на него обрушился целый каскад излучений. На какое-то мгновение смертельный ужас охватил его, он вскочил, но тут же понял, что

это всего лишь попытки изучить внутреннее строение его тела.

Кёрл снова лег и, навострив уши, злорадно представил себе, как удивятся глупые двуногие, когда будут разбирать снимки.

Скоро тот, кто возился с аппаратурой, ушел, и до Кёрла доносились только неясные шорохи занятых своими делами остальных двуногих.

Кёрл лежал в ожидании, слушая, как затихает корабль. Давным-давно, на заре бессмертия, Кёрлы тоже спали по ночам. Память об этом всплыла лишь когда он увидел, как дремлют некоторые из двуногих.

Прошло еще немного времени, и слуховые волоски Кёрла теперь воспринимали только колебания, исходившие от двух пар человеческих ног,— все другие вибрации прекратились.

Кёрл внимательно прислушивался к шагам двух охранников. Первый страж медленно прошествовал за дверью камеры. Потом, отстав футов на тридцать, прошагал второй. Кёрл чувствовал настороженность этих людей и понимал, что застать врасплох сразу обоих охранников ему не удастся. Значит, он должен быть предельно осторожен!

Пятнадцать минут, и они прошли снова. Когда шаги удалились в другой конец коридора, Кёрл переключился с их колебаний на гораздо более высокочастотный диапазон. Мозг зверя впитывал историю, что нашептывали ему атомные двигатели; он услышал приглушенную электрическую песнь динамо-машин; почуял тихий шелест электричества, бегущего по проводам в стенах камеры и по электронному устройству, которое запирало двери его темницы...

Все его чувства нащупывали, искали, настраиваясь на нужную волну в ревущих потоках энергии. И когда его слуховые волоски вошли в резонанс, он послал в эти потоки резкий импульс.

Звякнула задвижка, Кёрл легким прикосновением щупальца отворил дверь и выскользнул в полутьму коридора. На какую-то долю секунды им вновь овладело чувство превосходства над жалкими безмозглыми созданиями, осмелившимися бросить вызов кёрлу. Он вспомнил о других кёрлах. Странное, возвышенное чувство принадлежности к великой расе наполнило собою все его существо. Ненависть — движущая сила, помогавшая ему выжить в

многовековой безжалостной схватке,— впервые отошла на второй план, уступив место гордости от осознания собственного родства с древней расой, которая скоро будет повелевать всем космосом.

Кёрла внезапно одолела тоска. Никогда он не был так одинок, никогда так не нуждался в собратьях — он один против сотни пришельцев, а на карту поставлена судьба самой Вечности; полная звезд Вселенная манила его безудержное, ненасытное честолюбие. Если он проиграет — другого случая не представится. Ему уже никогда не оживить изъеденные ржавчиной космические корабли, тайна космических путешествий останется неразгаданной...

Он прокрался неслышно и мягко через салон в коридор и оказался у приоткрытой двери первой спальни. Один резкий и точный выпад — и щупальце с чудовищной силой сдавило беззащитное горло спящего человека. Судорожное подергивание тела — и голова безжизненно свесилась набок.

Семь спален, семь мертвецов. На седьмом его захлестнула безудержная жажда убивать — проснулся древний инстинкт разрушения всего, в чем есть драгоценный ид.

Когда двенадцатый человек бился в конвульсиях, Кёрлу пришлось прервать пиршество: он услышал шаги.

И шаги эти доносились откуда-то издалека.

Кёрла обуял ужас. Мысли смешались, разум превратился в бурлящий хаос...

Часовые уже подходят к его камере. Еще мгновение, и первый из них увидит, что дверь камеры не заперта, поднимет тревогу, и тогда все кончено.

Кёрл ухватился за последние мысли, дотлевавшие в обезумевшем мозгу. Уже не таясь, он опрометью промчался назад через салон и влетел в коридор, в ужасе ожидая вспышки атомного выстрела навстречу.

Он едва поверил своей удаче — часовые стояли бок о бок, уставившись на распахнутую дверь камеры. Второй охранник, заметив, что напарник остановился, как последний идиот бросился к своему товарищу, позабыв о правилах. И теперь они застыли не в силах двинуться с места, когда прямо перед ними возник кошмар из когтей и щупалец, горящие лютой ненавистью глаза на свирепой кошачьей морде.

Один двуногий, опомнившись, потянулся к пистолету, второй, заледенев от ужаса, вдруг издал душераздираю-

щий вопль, захлебнувшись в собственном крике,— это Кёрл одним хлестким ударом щупальца задушил обоих и тут же легко отшвырнул бездыханные тела в другой конец коридора. Трупы не должны найти перед камерой. Это был единственный шанс.

Дрожа каждым нервом и мускулом, почти теряя рассудок, он вскочил в клетку. Дверь лязгнула, захлопываясь за ним, по электронному замку вновь побежал ток.

Он затаился, притворяясь спящим, когда услышал приглушенные толстыми стенами шаги и гул возбужденных голосов. Потом почувствовал, что кто-то наблюдает за ним. Сейчас двуногий оторвется от глазка и через мгновение обнаружит еще два трупа.

— Зидель мертв,— оцепенело выдавил Мортон.— Что мы будем делать без Зиделя? И Брекенридж мертв, и Гултер, и... Какой ужас!

Он на секунду спрятал лицо в ладонях. Потом, овладев собой, мрачно оглядел суровые лица вокруг:

— Есть у кого-нибудь хоть какие-то соображения?

— Космическое безумие!

— Я уже думал об этом. Но за последние пятьдесят лет не зарегистрировано ни единого случая. Доктор Эггерт, конечно же, проверит каждого члена экипажа, как только закончит осматривать трупы...

Впрочем, медик уже успел обследовать тела погибших, потому что при последних словах Мортона он появился собственной персоной. Люди расступились, освобождая ему дорогу.

— Я слышал вас, командир, и могу со всей ответственностью заявить, что гипотезу о космическом безумии сразу же можно отбросить. У всех погибших шейный отдел позвоночника раздавлен в кровавую кашу. Ни одному человеку совершить подобное без подручных средств не под силу.

Мортон заметил, что взгляд доктора устремлен на дверь камеры.

— Нет, док, котенок здесь ни при чем. Он в клетке, вышагивает себе взад-вперед. Очевидно, слышал шум и... Боже правый! Эта клетка была устроена с тем расчетом, чтобы удержать в буквальном смысле слова *любое* существо. Четыре дюйма микростали. Я сам осмотрел дверь — на ней ни одной царапины. Кент, даже ты не можешь сказать: "Убьем его по подозрению",— потому

что подозревать его нам не в чем, если не допустить вообще чего-то сверхъестественного...

— Как раз наоборот,— подал голос Смит.— Нам известно про кота практически все. Я обследовал его с помощью телесканнера — ну это установка, вмонтированная в потолок камеры,— и попытался сделать несколько снимков. Так вот, вся пленка оказалась засвеченной. Стоило мне щелкнуть тумблером, как зверь подскочил будто ошпаренный. Похоже, он реагирует на излучение. Помните, что говорил Гурлей? Эта бестия может и принимать и излучать волны любой частоты. Излучатель Кента не причинил зверюге никакого вреда. О чем еще говорить, командир?

— Что же, черт побери, получается? — простонал кто-то.— Если он может управлять энергией и излучать ее в любом виде, ему ничего не стоит прикончить нас всех.

— Это только лишний раз доказывает,— сделал неожиданный вывод Мортон,— что он не всемогущ. Иначе действительно давным-давно покончил бы с нами.

С этими словами командир двинулся к пульту управления клеткой.

— Не вздумай открыть дверь! — рявкнул Кент, хватаясь за пистолет.

— Я и не собираюсь,— огрызнулся Мортон.— Я просто поверну сейчас рубильник и пропущу ток через стальной пол камеры. Так сказать, посажу нашу киску на электрический стул. Мы никогда еще не пользовались этим устройством и потому упустили из виду подобное решение проблемы.

Мортон щелкнул переключателем, по металлической камере зазмеились синие молнии, и в то же мгновение с громким хлопком взорвались предохранители. Мортон ошалело уставился на пульт.

— Что за... Эти предохранители не должны были перегореть! Мы теперь не можем даже заглянуть внутрь, вся телетехника вышла из строя. И звуковой канал тоже поврежден...

— Если ему удалось справиться с замком,— перебил Смит,— и он смог открыть дверь, то уж будь уверен, он знал, как защититься, когда ты перекинул тумблер.

— Значит он по крайней мере уязвим для наших видов энергии! — мрачно усмехнулся Мортон.— Но сейчас для нас важнее, что он упрятан за четырьмя дюймами крепчайшей стали. В самом крайнем случае мы попытаемся

открыть дверь и сжечь эту тварь из лучевых пистолетов. Но сначала, думаю, попробуем что-нибудь другое...

Он не договорил. Стены клетки содрогнулись от глухого удара.

— Он догадался, что́ мы собираемся сделать! — хмыкнул Смит.— Могу поспорить, котенок чувствует себя прескверно. Наверно, сообразил, что вернулся в западню по собственной дурости, и сходит теперь с ума!

Атмосфера заметно разрядилась. Кто-то нервно улыбнулся, раздался чей-то смешок.

— Хотел бы я знать, почему зашкалило всю аппаратуру, когда киска начала бесноваться? — спросил вдруг Пеннонс, один из инженеров.

В коридоре вновь воцарилась тишина. Притих и кот в клетке. Затем Мортон задумчиво произнес:

— Это может означать, что он выбирается из камеры... Всем отойти и держать оружие наготове. Котенок сглупил, думая, что сможет победить сотню человек, но он, несомненно, самое страшное существо во всей Галактике. Вряд ли он смирится с участью крысы, угодившей в крысоловку. У него хватит сил выйти оттуда и перед тем как подохнуть прихватить с собой кой-кого из нас, если мы не будем осторожны!

Люди отступили и сбились в кучу.

— Странно,— сказал кто-то из толпы.— Кажется, лифт заработал.

— Лифт? — переспросил Мортон.— Ты уверен?

— Вроде бы...— Человек засомневался.— Тут все так шаркали ногами...

— Возьми кого-нибудь и сходи посмотреть. Верните того, кто посмел сбежать!

Грохот и страшный удар сотрясли все гигантское тело корабля. Мортона бросило на пол, оглушило. Когда в голове немного прояснилось, он разглядел вокруг лежащих вповалку людей и просипел:

— Кто, черт возьми, пустил двигатели?

Мучительные перегрузки вжимали в пол. С трудом дотащившись до ближайшего видеофона, Мортон набрал код двигательного отсека. Экран вспыхнул, и появившееся на нем изображение заставило Мортона застонать:

— Это котенок! Он в двигательном отсеке и тащит нас прямо в космос!..

Он хотел еще что-то добавить, но экран неожиданно замерцал и потух. Шипя под нос проклятия, Мортон

кое-как доковылял до помещения, где хранились скафандры, почти вслепую напялил на себя свой и только тогда перевел дух. Пытка перегрузкой прекратилась, и он смог дотащить целый ворох скафандров для других, все еще лежавших в полуобморочном состоянии. Уже несколько человек помогали ему, и скоро все были затянуты в металлит; генераторы, нейтрализующие действие ускорения, защищали от чудовищных перегрузок.

Обезопасив команду, Мортон направился к камере, заглянул туда и остолбенел; за его спиной потерянно притихли остальные. В задней стене камеры зияла огромная дыра, которая вела в один из многочисленных коридоров.

— Клянусь,— прошептал Пеннонс,— это невозможно! Десятитонный молот за один удар оставил бы только вмятину на четырех дюймах микростали, а ведь мы слышали лишь один удар! Атомному дезинтегратору на это потребовалась бы по меньшей мере минута. Мортон, это сверхъестественное существо!..

Мортон молча смотрел, как Смит изучает зазубренные края отверстия. Наконец биолог поднял глаза и сказал:

— Если бы был жив Брекенридж! Он бы сумел объяснить вот это. Смотрите!

Он осторожно коснулся рваных краев металла. Под его пальцами еще недавно несокрушимая микросталь крошилась, рассыпаясь в мельчайшую пыль. Кучка точно такой же пыли серебрилась на полу возле пролома.

— Все ясно.— Мортон кивнул.— Котенку вовсе не требовалось биться о стену. Он просто сумел перестроить атомную структуру металла, и тот рассыпался в прах. Он прошел сквозь стену, выбрался в коридор и спустился на лифте в двигательный отсек.

— Короче, командир,— спокойно подытожил Кент,— дела такие: сверхсущество с почти неограниченными возможностями управляет кораблем, захватив двигательный отсек и, очевидно, механическую мастерскую.

Повисла тишина. Люди молчали, с трудом осмысливая сказанное химиком. Только сейчас они начали понимать, что наступил самый критический момент их жизни: ставкой было не только само их существование, но, быть может, нечто гораздо большее. Наконец Мортон осмелился высказать вслух то, о чем думал каждый:

— Если кот победит... Он беспощаден, и ему, наверное, уже грезится власть над всей Галактикой...

— Кент ошибается,— прорычал главный инженер.— Зверь не полностью контролирует двигательный отсек. Пульт управления еще в наших руках, а следовательно, именно *мы* контролируем всю машинерию корабля. Вам, ребята, быть может, неизвестно, как все это устроено, но я могу вас обрадовать. Даже если монстр сумеет отключить центральный пульт, мы в состоянии лишить энергии весь двигательный отсек — прямо *сейчас*. Командир, почему вы просто не вырубили энергию, вместо того чтобы засовывать нас в скафандры? Или хотя бы не отрегулировали ускорение?..

— По двум причинам. Во-первых, в скафандрах намного безопаснее. Во-вторых, мы не можем позволить себе лишиться в панике единственного преимущества.

— Преимущества?! Какого еще преимущества?

— Мы кое-что про котенка знаем,— ответил Мортон.— Сейчас мы проведем небольшой эксперимент. Пеннонс, подберите по пять человек на каждый из четырех подходов к двигательному отсеку. Котенок заперся изнутри, так что попытайтесь вскрыть двери атомными дезинтеграторами. Селенски, поднимитесь к центральному пульту и отключите все, кроме маневровых двигателей. Просто перекиньте на главный рубильник и выключайте разом. Хотя... Ни в коем случае не трогать антиускорителей. Понятно?

— Так точно, сэр! — отсалютовал пилот.

— Если хоть какой-то из двигателей заработает вновь, немедленно докладывайте мне.— Мортон оглядел людей.— Сам я тоже пойду к двигательному отсеку. Кент, возьмете второй вход, Смит и Пеннонс — третий и четвертый. Мы должны выяснить, с кем имеем дело,— с высшим разумом или с существом, чьи возможности все же ограниченны. Лично я склоняюсь к последнему.

Мортону казалось, что он уже целую вечность идет по блестящей металлической трубе главного коридора, ведущего к двигательному отсеку. Здравый смысл подсказывал ему, что у зверя обязательно должны быть уязвимые места, но инстинкты тем не менее твердили свое: они столкнулись с существом, которое невозможно победить.

— Идти украдкой нет смысла,— заговорил он в микрофон.— Зверь улавливает любой шорох. Так что катите дезинтеграторы. Этот дьявол не так давно в двигательном

отсеке, чтобы что-нибудь вытворить. Напоминаю, наша атака скорее просто разведка боем. Просто мы никогда не простим себе, если не попытаемся одолеть его сейчас, когда у него не было времени подготовиться. К тому же у нас есть шанс уничтожить его немедленно. Эти двери должны выдержать даже атомный взрыв, а дезинтегратору, чтобы пробить их, потребуется минут пятнадцать. Но кот не сможет осилить такую уйму энергии, и через несколько минут, надеюсь, вы поймете, что́ я имел в виду...— Его голос зазвенел.— Готовы, Селенски?

— Так точно.

— Отключить главный рубильник.

Коридор и весь корабль погрузились во тьму. Мортон щелкнул встроенным в скафандр фонарем, то же сделали и остальные — их лица за стеклами шлемов побледнели.

— Огонь,— выдохнул Мортон.

Дезинтеграторы вздрогнули, ослепительное атомное пламя ударило в сверхпрочный металл двери. Поползла первая расплавленная капля, но не вниз, а вверх. Вторая повела себя привычнее: прочертила извилистый след вниз. Третья покатилась вбок — создаваемое дезинтеграторами поле нейтрализовывало действие гравитации. Затем уже десятки медленных струек потекли в разные стороны — потоки искрящегося адского пламени, яркого, как сказочные самоцветы, полные неистовства атомов, разбуженных внезапной пыткой и слепо мечущихся от безумной боли.

Минуты тянулись бесконечно. Наконец, не выдержав, Мортон вызвал на связь пульт управления:

— Селенски?

— Пока ничего, командир.

— Но должен же он что-то сделать.— Мортон понизил голос до шепота.— Не может же он просто ждать, как загнанная в угол крыса?! Селенски?

— Ничего, командир!

Прошло еще семь минут. Восемь. Двенадцать.

— Командир! — раздался вдруг в наушниках напряженный голос Селенски.— Кот запускает динамо-машину.

Мортон облегченно вздохнул, и в то же время один из его подчиненных доложил:

— Босс, дезинтеграторы больше не берут металл... Взгляните.

Светящиеся потоки твердели, остывая. Ярость дезин-

тегратора разбивалась о резко возросшую прочность металла. Мортон вздохнул:

— Эксперимент окончен. Оставьте по два человека дежурить в каждом коридоре. Остальные пусть поднимутся в рубку.

Через несколько минут он уже сидел перед центральным пультом.

— Я думаю, эксперимент можно считать удачным. Теперь мы знаем, что из всех машин в двигательном отсеке монстру дороже всего динамо. Готов спорить, он почти обезумел от страха, когда мы принялись поливать двери атомным огнем.

— Нетрудно догадаться, что он сделал,— сказал Пеннонс.— Раз у него была энергия, он усилил до максимума молекулярные связи в металле двери, сделав его неуязвимым для дезинтеграторов.

— Главное,— отозвался Смит,— он использует волновые колебания лишь настолько, насколько позволяют его возможности, причем энергия должна поступать извне. С атомной же энергией в чистом виде, а не в форме колебаний он не может обращаться как-либо иначе, чем мы.

— По-моему,— мрачно заметил Кент,— главное в том, что он остановил нас. Что толку знать, каким именно образом он это сделал? Если мы не можем пробиться сквозь эти двери даже с помощью атомных дезинтеграторов, нам конец.

— Не конец,— нахмурился Мортон.— Но сейчас нужен новый план действий. Для начала я включу двигатели — так котенку будет гораздо труднее с ними управиться...

Мортон протянул руку к главному рубильнику. Сквозь все переборки корабля до них дошел глухой рокот разом оживших машин. Шумы нарастали, множились, пока не слились в могучий тяжко пульсирующий гул.

Тремя часами позже Мортон расхаживал перед собравшейся в кают-компании командой. Его черные волосы были взлохмачены, сам командир побледнел и говорил очень жестко, выдвинув вперед волевой подбородок.

— Для полной уверенности в том, что наши планы полностью скоординированы, мне хотелось бы, чтобы каждый из специалистов обрисовал свою часть задания. Пеннонс, прошу вас быть первым.

Пеннонс рывком поднялся из кресла. Он не был массивен, но производил внушительное впечатление,— воз-

можно, благодаря своему авторитету. Пеннонс знал абсолютно все о двигателях, об истории их создания. Он побывал на сотнях планет, досконально изучив механизмы, изобретенные иными цивилизациями. Он мог месяцами говорить о машинах, и тема осталась бы все еще не исчерпанной. Тем неожиданнее было слышать, как Пеннонс тараторит с нелепой храбростью:

— Мы вмонтировали в цепи управления реле, автоматически включающее и выключающее все двигатели примерно сто раз в секунду. В результате мы получили колебания всех возможных частот. Конечно, есть риск того, что одна или несколько машин взорвутся из-за резонанса — помните ту байку про солдат, идущих по мосту в ногу,— но, по-моему, реальной опасности, что техника не выдержит, нет, а мы сперва помешаем этому существу окончательно овладеть двигательным отсеком, и затем прорвемся к нему сквозь двери!..

— Гурлей, ваше слово! — скомандовал Мортон.

Гурлей лениво поднялся на ноги. Вид у него был сонный, постороннему бы показалось, что вся эта процедура слегка ему поднадоела, но Мортон знал, что Гурлею нравится, когда его считают лентяем, который дрыхнет день и ночь, хотя на самом деле быстрее Гурлея соображал, быть может, только Кент. Гурлей был главным радиоинженером, но его знания простирались на все виды волн и колебаний. Он говорил медленно, растягивая слова, и сейчас эта основательность подействовала успокаивающе: напряжение на лицах исчезло, люди расслабленно откинулись на спинки кресел.

— Мы установили рядом с двигательным отсеком экраны, работающие по принципу отражения любых волн. Они должны защитить нас от его фокусов. Что бы костюк ни послал, все будет возвращено ему же. Кроме того, попробуем напичкать его энергией от передвижных батарей. Должен же у пропускной способности его нервных волокон быть какой-то предел.

— Селенски! — воззвал Мортон.

Главный пилот уже давно стоял, словно зная заранее, что как раз его имя произнесет командир. Вот это человек, подумал Мортон. Стальные нервы — а это как раз то, что нужно. Селенски обладал совершенно невозмутимым характером, но реакцией при этом совершенно порывной, чем вполне компенсировал некоторую узость своего кругозора.

— Мне кажется, надо действовать всем одновременно. В тот момент, когда ему будет уже невмоготу, должно случиться что-то еще, что будет зверю не по зубам. Я думаю, стоит врубить антиускорители. Это его и доконает. Их цивилизации ничего не было известно об антиускорении, это вещь из эпохи межзвездных перелетов. При первых же специфических проявлениях этого феномена зверь совершенно растеряется, его охватит паника. Вспомните, как вы чувствовали себя в первые месяцы полета, когда мы летели с включенными антиускорителями...

— Следующий Корита.

Археолог был как всегда невозмутим.

— Я могу лишь подбодрить вас, напомнив, что мы имеем дело с классическим представителем преступного мира, характерного для ранних стадий любой цивилизации, деградировавшим к тому же до примитивного уровня. Смит уже обратил внимание на поразительные научные познания этого существа, что означает, по-моему, только следующее — коту несколько тысяч лет, и он не потомок тех, кто некогда разрушил город или жил в нем, а их современник. Его, пожалуй, можно назвать бессмертным. Этому способствует ошеломляющая способность дышать и кислородом и хлором. Впрочем, дело не в этом. Видите ли, наш кот принадлежит к определенной стадии цивилизации этой планеты. За многие века он настолько деградировал, что нынешние его мысли являются лишь воспоминаниями о той давней эпохе.

Несмотря на всю свою физическую мощь, он явно обезумел в тот первый раз в лифте, пока не припомнил кое-что. Он оказался в таком положении, что был вынужден *вспомнить* о своих сверхспособностях в управлении колебаниями. При всем при том этот зверь остается весьма примитивным созданием: во-первых, он не сумел скрыть свои способности от нас, во-вторых, не смог побороть собственные инстинкты и совершил массу убийств несколько часов назад, совершенно не подозревая, что тем самым полностью разоблачил себя. Одним словом, перед нами примитивный эгоистический разум, понятия не имеющий, кому противостоит в этой битве. Он подобен древнегерманскому воину-варвару, который вообразил себя личностью во всех отношениях превосходящей образованного римлянина, хотя тот и был частью могучей цивилизации, перед которой германцы тех времен благоговели.

Вы можете сказать, что завоевание Рима варварами опровергает мои доводы. Но дело в том, что "завоевание" Рима явилось скорее исторической случайностью, нежели закономерностью. Римская культура погибла бы и без нашествия варваров — поход германских племен на Рим просто-напросто совпал с концом очередной цивилизации. Поход "народов моря", противостоявших древнеегипетской цивилизации с четырнадцатого века до нашей эры, удался лишь относительно Критского островного царства: их мощная экспедиция по ливийскому и финикийскому побережью провалилась. Так же и гунны потерпели поражение от Китайской империи. Рим был бы покинут в любом случае. Древняя славная Самария была заброшена в десятом веке. Паталипутра, великая столица царя Ашоки, была совершенно безжизненным скопищем зданий, когда китайский путешественник Хси Нантянь посетил ее в 635 году.

Мы имеем дело с примитивом, к тому же вырванным из привычной среды. Так пойдем же и победим!

Когда Корита умолк, кто-то пробурчал:

— Можно сколько угодно рассуждать о падении Рима как о случайности, а о нашем приятеле как о примитиве, но факт остается фактом. Похоже, Рим падет еще раз, и завоюет его отнюдь не примитив. Этого зверя примитивным существом никак не назовешь.

— А мы сейчас это проверим,— отозвался Мортон, мрачно усмехнувшись.

Кёрл метался по гигантской механической мастерской. Сигарообразный космический корабль — его корабль — был почти готов. Кряхтя от натуги, он установил в эту сорокафутовую сигару двигатели и остановился полюбоваться на плод своих усилий.

Сквозь отверстие в скорлупе оболочки было видно, что внутреннее пространство прискорбно мало. Почти всё занимали собой двигатели, кабина пилота получилась совсем крохотной.

Он вновь набросился на работу, услышав шаги приближающихся двуногих и громоподобный грохот двигателей — изматывающую нервы пульсацию постоянных включений и выключений, сменившую прежний глубокий и ровный гул. Внезапно в двери опять ударили атомные дезинтеграторы.

Кёрл нейтрализовал их, не отвлекаясь от основной

задачи. Напрягая каждый мускул могучего тела, он перетаскивал из мастерской приборы и механизмы, сваливая их на дно своего корабля. Не было времени расставлять все по местам, не было времени ни на что, не было времени, не было времени...

Впервые за свою долгую бурную жизнь он с удивлением почувствовал усталость. Последним усилием он втолкнул в зияющее в боку космолета отверстие огромный лист металла и замер, опасно растягивая последнюю минуту.

Он знал, что двери не выдержат. Полдюжины дезинтеграторов били атомными лучами в одну точку, медленно, но верно пожирая последние дюймы стали. Со вздохом он отключился от дверей и направил всю мощь своего мозга на толстенную стену космического корабля двуногих, куда был нацелен тупой нос его космолета.

Его тело судорожно сжалось в волнах энергии, хлынувшей от динамо через его слуховые волоски на неподатливую стену. Все нутро горело адским огнем, он чувствовал, что рискованно близок к предельной нагрузке. Кёрл корчился от страшной боли, держа в сцепленных щупальцах незакрепленный металлический лист, не отводя пылающего взгляда от этой дьявольски прочной стены.

Он услышал, как двуногие, разрушив-таки дезинтеграторами одну из дверей, ворвались в смежный с мастерской двигательный о сек. Оттуда доносились теперь возбужденные голоса, протестующее шипение металла, испаряющегося в потоках атомных лучей. Еще минута, и двуногие доберутся до хлипкой переборки, отделяющей мастерскую от двигательного отсека...

И тут у него получилось. Рыча от ненависти, с мстительным огнем в диких глазах он забрался в свой маленький корабль и толкнул металлический лист вниз, словно захлопнул люк.

Его слуховые волоски зажужжали, размягчая края металла, и через мгновение лист вплавился в бок корабля, стал неразличимой частью корпуса, прозрачного лишь спереди и сзади.

Почти с чувственной нежностью его щупальца обхватили штурвал, и хрупкая на вид машина двинулась к внешней оболочке корабля землян. Нос сорокафутовой сигары почти неощутимо коснулся ее — и стена рассыпалась искрящимся облачком пыли.

Чуть заметное замедление хода, и машина окунулась в ледяной мрак космоса; он развернул ее в сторону, противоположную движению большого корабля, и помчался домой.

В рваной дыре, зияющей в нижней части шара, появились двуногие в скафандрах. И они, и их корабль становились все меньше и меньше; затем люди ушли, остался только корабль в сиянии тысяч иллюминаторов, он неправдоподобно уменьшился и вовсе исчез из виду.

Прямо по курсу лежало маленькое тускло-красное пятнышко — родное солнце Кёрла. Он увеличил скорость до предела. Там, дома, есть пещеры, где можно спрятаться и вместе с другими кёрлами построить космический корабль, на котором они отправятся покорять другие планеты,— теперь он знал, как это сделать.

Тело болело от перегрузок, но Кёрл не позволял себе терять ни мгновения. Потом он оглянулся назад. Шар все еще был здесь — крохотная светящаяся точка в необозримой черноте космоса. Вдруг она мигнула и погасла.

На миг Кёрлу показалось, что перед тем как исчезнуть точка сдвинулась с места, но уже ничего не было видно, и он не мог избавиться от странного ощущения, что люди, погасив огни, крадутся за ним в темноте.

Тусклое красное солнце, к которому он направлял корабль, почему-то не становилось больше. С каждым мгновением оно уменьшалось и уменьшалось, превратилось в бледную точку посреди черноты, потом и вовсе исчезло — как исчез недавно корабль землян.

Ужас пронзил его, накатился захлестывающими все существо волнами, заставляя холодеть от неизвестности. Несколько минут он как безумный всматривался в даль, пытаясь отыскать хоть какой-то ориентир. Но только далекие звезды сверкали здесь — немигающие точки на бархате бездны.

А потом одна из точек стала увеличиваться в размерах. Точка превратилась в пятнышко, пятнышко — в красный шар. Шар разрастался, разрастался... Цвет его из красного стал ослепительно-белым — перед ним сиял громадный шар корабля, из каждого иллюминатора которого лился свет, и это был тот самый корабль, который совсем недавно исчез позади...

Что-то случилось с Кёрлом в этот момент. Мысли его завертелись, как огненный маховик, все быстрее и быстрее, все более бессвязно. И вдруг маховик разлетелся на

миллион сочащихся болью кусков. Глаза Кёрла вылезли из орбит; как бешеный зверь он принялся буйствовать в своей тесной кабине.

Его щупальца хватали драгоценные приборы и безжалостно крушили их, лапы в ярости колотили по стенкам корабля. Последним проблеском разума Кёрл понял, что не сможет встретить неминуемое пламя дезинтегратора.

И последним усилием воли вызвал бурный распад, высвободивший весь до капли ид из его тела...

...Они нашли его, мертвого, лежащим в лужице фосфора.

— Бедный котенок,— усмехнулся Мортон.— Интересно, что он подумал, когда увидел нас впереди, а его солнце исчезло. Ничего не зная об антиускорителях, он и представить не мог, что мы можем мгновенно остановиться в космосе, а ему на торможение потребовалось бы более трех часов, и все это время он удалялся бы от своей цели. Откуда ему было знать, что, останавливаясь, мы тем самым нагоняли его со скоростью миллионов миль в секунду. Да, после того как он покинул наш корабль, у него не осталось шансов. Ему, наверное, казалось, что весь мир полетел вверх тормашками.

— Не стоит так уж горевать, командир,— раздался из-за спины Мортона голос Кента.— У нас еще полно работы — надо перебить всех котов на этой мерзкой планете.

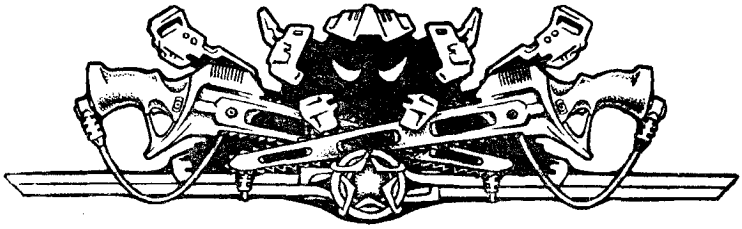
— Ну, это будет легко,— тихо произнес Корита.— Они же примитивы. Нам остается только сесть, и они придут сами, думая обмануть нас.

— Слушать вас противно,— рассердился Смит.— Да этот кот оказался самым крепким из орешков, которые нам приходилось разгрызать. У него было все, чтобы одолеть нас...

— Согласен с вами, Смит,— вежливо прервал его Корита.— Но он действовал, повинуясь биологическим импульсам, свойственным тому социальному типу, к которому он принадлежал. Его судьба была предрешена, когда мы определили, что он является типичным преступным элементом своей эпохи.

Мортон улыбнулся, а японец-археолог добавил с древней учтивостью своего народа:

— История, мой дорогой Смит, наше знание истории — вот что победило его.



Кит Ломер
ГИБРИД

Глубоко, очень глубоко в недрах планеты корни, крепкие, как стальная проволока, прощупывали стеклянистый песок, глину и пласты рыхлого сланца, отыскивая и сортируя редкие элементы, поглощая кальций, азот и железо.

Еще глубже другая система корней намертво впилась в материковую породу; чувствительные клетки-рецепторы регистрировали микроколебания планетной коры, смену приливов и отливов, вес каждой выпавшей снежинки, шаги диких зверей, что охотились в двухкилометровой тени гигантского янда.

Далеко на поверхности необъятный ствол, массивный, как скала, и окруженный мощными контрфорсами, возносился на восемьсот метров ввысь, простирая огромные ветви.

Дерево смутно осознавало прикосновение воздуха и света к своим бесчисленным листьям, щекочущее движение молекул воды, кислорода, углекислоты. Оно отзывалось на легчайшие порывы ветра, поворачивая гибкие черешки так, чтобы каждый лист оставался под нужным углом к лучам, пронизывающим толщу кроны.

Долгий день шел к концу. Воздушные течения свивали свои причудливые узоры вокруг янда, солнечное излучение менялось по мере движения паров в субстратосфере; питательные молекулы плыли по капиллярам, камни чуть поскрипывали в подземном мраке. Дерево,

необъятное и несокрушимое, как гора, дремало в привычном полусознании.

Солнце клонилось к западу. Свет его, пронизывая все более толстые слои атмосферы, приобретал угрюмо-зловещий желтый оттенок. Мускулистые побеги поворачивались, следуя за потоком энергии. Дерево сонно сжимало почки, пряча их от надвигающегося холода, подстраивало теплоотдачу и испарение с листьев под ночной уровень излучения. Ему снилось далекое прошлое, свободные странствия в животной фазе. Давным-давно инстинкт привел его на эту скалу, но оно хорошо помнило рощу своего детства, древо-патриарха, споровых братьев...

Темнело. Поднимался ветер. Сильный вихрь налетел на громаду янда; мощные ветви заскрипели, сопротивляясь; листья, обожженные холодом, плотно прижались к гладкой коре.

Глубоко под землей сеть корней еще крепче охватила скалы, передавая информацию в дополнение к идущей от лиственных рецепторов. Зловещие волны шли с северо-востока; относительная влажность поднималась, атмосферное давление падало — все вместе это означало надвигающуюся опасность. Дерево шевельнулось, волна дрожи пробежала по необъятной кроне, стряхивая ледяные кристаллы, уже наросшие на теневых сторонах ветвей. Сердцемозг резко увеличил активность, разгоняя эйфорическое забытье. Долго дремавшие способности медленно вступали в действие — и вот наконец дерево проснулось.

И мгновенно оценило ситуацию. Над морем собирался сильнейший тайфун. Принимать какие-либо меры поздно. Пренебрегая болью, дерево выбросило аварийные корни — восьмисантиметровой толщины тяжи крепче закаленной стали — и вцепилось ими в скалы в сотне метров к северу от основного корня.

Ни на что другое времени не оставалось. Дерево бесстрастно ожидало наступления шторма.

— Внизу-то буря,— сообщил Молпри.

— Не дрейфь, проскочим,— процедил Голт, не отрываясь от приборов.

— Поднимись и зайди заново,— настаивал Молпри, вытягивая шею из противоперегрузочной койки.

— Заткнись. На этом корыте командую я!

— Торчи тут взаперти с двумя психами,— пожаловался Молпри.— С тобой, да еще с этим недотепой.

— Кончай вонять, Мол. Мы с недотепой от тебя уже устали.

— После посадки, Молпри, я с тобой поговорю отдельно,— вмешался Пэнтелл.— Я предупреждал, что мне не нравится слово "недотепа".

— Что, опять? — усмехнулся Голт.— А с прошлого раза у тебя все зажило?

— Не совсем,— вздохнул Пэнтелл.— Что-то у меня не очень заживает в космосе...

— И думать забудь, Пэнтелл,— объявил Голт.— Здоров он для тебя. А ты, Мол, кончай к нему цепляться!

— Уж я бы кончил,— пробурчал Молпри.— Я б его, паразита, кончил!..

— Побереги энергию,— оборвал Голт.— Внизу пригодится. Если и сейчас ничего не найдем — нам крышка.

— Капитан, можно мне пойти в полевую разведку? Моя подготовка по биологии...

— Нет уж, Пэнтелл, побудь-ка ты на корабле. И не вздумай никуда, просто сиди и жди. Второй раз мы тебя и вдвоем не дотащим.

— Это же случайно вышло, капитан!

— Да, и в позапрошлый раз тоже. Не надо, Пэнтелл. Хороший ты парень, только обе руки у тебя левые и все пальцы безымянные.

— Я тренирую координацию, капитан! И еще я читал...

Корабль тряхнуло при входе в атмосферу, и Пэнтелл взвизгнул:

— Ай! Опять рассадил локоть...

— Не капай на меня, бестолочь! — рявкнул Молпри.

— Тихо! — прикрикнул Голт.— Мешаете.

Пэнтелл, сопя, прикладывал носовой платок к ссадине. Надо наконец освоить эти упражнения на расслабление. И с силовой гимнастикой нельзя больше откладывать. И непременно заняться диетой. И уж в эту посадку обязательно выбрать момент и хоть раз наподдать Молпри — это первым делом, как только выйдем...

Казалось бы, еще ничего не случилось — но дерево знало, что этот тайфун будет последним в его жизни. Пользуясь коротким затишьем "глаза бури", оно оценило потери. Весь северо-восточный сектор онемел, оторванный от скалы; основной корень чувствовал, что его опора

утратила надежность. Несокрушимая плоть янда не подвела — раскрошился гранит. Дерево было обречено: его масса стала его приговором.

Слепая ярость бури снова обрушилась на гиганта. Аварийные корни лопались, как паутина; гранитный утес раскалывался с грохотом, тонущим в вое ветра. Дерево держалось, но нарастающее напряжение в его толще уже ощущалось как острая боль.

В ста метрах к северу от главного корня почва размокла и расползлась огромным оврагом. Дождевая вода устремилась туда, подмывая миллионы корешков. Вот уже и опорные корни заскользили в раскисшей земле...

Высоко над ними ветер опять сотряс необъятную крону. Огромный северный контрфорс, державшийся на материковом граните, затрещал, теряя опору, и переломился с треском, заглушившим даже рев бури. Корни вывернулись из земли, образовав гигантскую пещеру.

Дождь тут же наполнил ее водой; потоки стекали по склону, таща с собой перебитые ветки и оторванные корни. Последний шквал рванул поредевшую крону — и победно улетел.

А на опустевшем мысу невообразимая громада древнего янда все еще клонилась — неудержимо, как заходящая луна, под грохот и стон своих лопающихся жил. Падение казалось медленным и плавным, как во сне.

Дерево еще не коснулось земли, когда его сердцемозг отказал, оглушенный невыносимой болью разрушения.

Пэнтелл выбрался из люка и прислонился к кораблю, пытаясь отдышаться. Чувствовал он себя еще хуже, чем ожидал. Плохо сидеть на урезанных рационах; придется, значит, подождать с силовой гимнастикой. И с Молпри сейчас не поквитаешься — сил нет. Ну ничего — несколько дней на свежем воздухе и свежих продуктах...

— Съедобные,— объявил Голт, обтер иглу анализатора о штанину и сунул его в карман. Перебросив Пэнтеллу два красных плода, он добавил:

— Как доешь, натаскай воды да приберись, а мы с Молпри сходим оглядимся.

Они ушли. Пэнтелл уселся в пружинящую траву и задумчиво откусил от инопланетного яблочка. Похоже на авокадо, думал он. Кожица плотная и ароматная, может быть, природный ацетат целлюлозы. Семян, кажется, нет. Если так, то это вообще не плод! Интересно

бы изучить местную флору. Когда вернусь, надо прослушать курс внеземной ботаники. А может, даже поехать в Гейдельберг или в Упсалу, поучиться у знаменитых ученых. Снять уютную квартирку, двух комнат вполне хватит, по вечерам пусть собираются друзья, спорят о том о сем за бутылкой вина...

Однако я сижу, а работа стоит.— Пэнтелл огляделся и заметил вдалеке блеск воды. Покончив с плодами, он достал пару канистр и отправился в ту сторону.

— На кой черт мы сюда приперлись? — осведомился Молпри.

— Размяться все равно не помешает. Следующая посадка будет через четыре месяца.

— Мы что — туристы? Шлепать тут по грязи и любоваться видами! — Молпри остановился и, пыхтя, привалился к валуну, с брезгливостью оглядывая заполненный водой кратер, вздымающееся в небо сплетение корней и далеко вверху — целый лес ветвей поваленного дерева.

— Наши секвойи против него — одуванчики,— негромко сказал Голт.— А это ведь после той самой бури, с которой мы разминулись!

— Ну и чего?

— Ничего... Когда видишь дерево такого размера — как-то это действует...

— Тебе что — деньги за него заплатят?

Голт поморщился.

— Вопрос по существу... Ладно, потопали.

— Не нравится мне оставлять недотепу в корабле.

— Слушай,— Голт обернулся к Молпри,— чего тебе дался этот мальчишка?

— Не люблю... придурков.

— Ты мне баки не забивай, Молпри. Пэнтелл совсем не глуп — на свой лад. Может, ты из-за этого и лезешь в бутылку?

— Меня от таких воротит.

— Не выдумывай — он симпатичный парень и всегда рад помочь.

— Ага, рад-то он рад,— пробурчал Молпри,— да не в этом штука.

Сознание медленно возвращалось к умирающему сердцемозгу. Сквозь бессмысленные импульсы разорванных нервов прорывались отдельные сигналы:

— Давление воздуха ноль — падает... Давление воздуха сто двенадцать — повышается... Давление воздуха отрицательное...

— Температура сто семьдесят один градус, температура — минус сорок, температура — двадцать шесть градусов...

— Солнечное излучение только в красном диапазоне... только в синем... в ультрафиолетовом...

— Относительная влажность — бесконечность... ветер северо-северо-восточный, скорость — бесконечность... ветер снизу вверх вертикально, скорость — бесконечность... ветер восточно-западный...

Дерево решительно отключилось от обезумевших нервов, сосредоточившись на своем внутреннем состоянии. Оценка была роковой.

Думать о личном выживании бесполезно. Но можно еще выиграть время для спорообразования. Не тратя ни секунды, дерево включило программу экстренного размножения. Периферийные капилляры сжались, выталкивая соки назад к сердцемозгу. Синаптические спирали распрямлялись, увеличивая проводимость нервных импульсов. Мозг осторожно проверял жизнеспособность крупных нервных стволов, затем — сохранившихся участков нервных волокон, восстанавливал капиллярную сеть. Разбирался в непривычных ощущениях: молекулы воздуха бились в разорванные ткани, дневное излучение обжигало внутренние рецепторы. Надо было заблокировать все сосуды, зарастить капилляры — остановить невосполнимую потерю жидкости.

Только после этого древомозг мог заняться самим собой, пересматривая глубинную структуру клеток. Он отключился от всего разрушенного и сосредоточился на внутреннем порядке, на тончайшей структуре генетических спиралей. Очень осторожно дерево перестраивало свои органы, готовясь произвести споры.

Молпри остановился, приставил руку козырьком к глазам.

— Вовремя это мы!

В тени необъятного выворотня маячила высокая тощая фигура.

— Черт! — выругался капитан и прибавил шагу. Пэнтелл заторопился ему навстречу.— Пэнтелл, я сказал — сидеть на корабле!

— Я выполнил задание, капитан. Вы не говорили...

— Ладно. Что-нибудь случилось?

— Ничего, сэр. Я только вспомнил одну вещь...

— После, Пэнтелл. Сейчас нам нужно на корабль — дел еще много.

— Капитан, а вы знаете, что это такое?

— Ясно что — дерево.— Голт повернулся к Молпри.— Слушай, нам надо...

— Да, но какое дерево?

— Черт его знает, я тебе не ботаник.

— Капитан, это редкий вид. Он, собственно, считается вымершим. Вы что-нибудь слышали о яндах?

— Нет... Хотя да. Так это и есть янд?

— Я совершенно уверен. Капитан, это очень ценная находка...

— Оно что — денег стоит? — перебил Молпри, обернувшись к Голту.

— Не знаю. Что дальше, Пэнтелл?

— Это разумная раса с двухфазовым жизненным циклом. Первая фаза — животная, потом они пускают корни и превращаются в растения. Жесткая конкуренция в первой фазе обеспечивает естественный отбор, а дальше — преимущество сознательного выбора места для укоренения...

— Как его можно использовать?

Пэнтелл запрокинул голову. Лежащее дерево было как стена, как гигантский купол в путанице обломанных ветвей: тридцать метров в высоту, или пятьдесят, или больше... Кора гладкая, почти черная. Полумертвые блестящие листья — всех цветов.

— Представьте только, это огромное дерево...

Молпри нагнулся и подобрал обломанный корень.

— Эта огромная деревяшка,— передразнил он,— поможет вправить тебе мозги.

— Заткнись, Мол.

— ...бродило по планете десять или больше десяти тысяч лет назад, когда было животным. Потом инстинкт привел его на эту скалу, чтобы начать растительную жизнь. Представьте себе, как этот древозверь впервые оглядывает долину, где ему предстоит провести тысячи и тысячи лет...

— Чушь! — фыркнул Молпри.

— Такова была участь всех самцов его вида, чья жизнь не прервалась в молодости: вечно стоять на утесе,

как несокрушимый памятник самому себе, вечно помнить краткую пору юности...

— И где ты набираешься этой хреновины? — вставил Молпри.

— И вот на этом месте,— продолжал Пэнтелл,— окончились его странствия.

— О'кей, Пэнтелл, очень трогательно. Ты что-то говорил о его ценности.

— Капитан, дерево еще живое. Даже когда сердцевина погибнет, оно будет в каком-то смысле живо. Его ствол покроется массой ростков — атавистических растеньиц, не связанных с мозгом. Это паразиты на трупе дерева — та примитивная форма, от которой оно произошло, символ возврата на сотни миллионов лет назад, к истокам эволюции...

— Ближе к делу.

— Мы можем взять образцы из сердцевины. У меня есть книга — там дается вся анатомия: мы сумеем сохранить ткани живыми! Когда вернемся к цивилизации, дерево можно будет вырастить заново — мозг и все остальное. Правда, это очень долго...

— Так. А если продать образцы?

— Конечно, любой университет хорошо заплатит.

— Долго их вырезать?

— Нет. Если взять ручные бластеры...

— Ясно. Тащи свои книги, Пэнтелл, попробуем.

Только теперь дерево осознало, как много времени прошло с тех пор, когда в последний раз близость янды-самки заставила его производить споры. Погруженное в свой полусон, оно не задумывалось, отчего не стало слышно споровых братьев и куда исчезли животные-носители. Но стоило ему задаться этим вопросом — и все тысячелетние воспоминания мгновенно прошли перед ним.

Стало понятно, что ни одна янда не взойдет уже на гранитный мыс. Янд не осталось. Могучий инстинкт, запустивший механизм последнего размножения, работал вхолостую. С трудом выращенные на черешках глаза напрасно оглядывали пустые дали карликовых лесов; активные конечности, которые должны были подтащить одурманенных животных к стволу, висели без дела; драйн-железы полны, но им не суждено опустеть... Оставалось только ждать смерти.

Откуда-то возникла вибрация, затихла и началась снова.

Усилилась. Дереву это было безразлично, но слабое любопытство подтолкнуло его вырастить чувствительное волокно, подключиться к заблокированному нервному стволу.

Обожженный мозг тотчас отпрянул, резко оборвав контакт. Впечатление невероятной температуры, немыслимая термическая активность... Мозг напрасно пытался сопоставить опыт и ощущения. Обман поврежденных органов чувств? Боль разорванных нервов?

Нет. Ощущение было острым, но не противоречивым. Восстанавливая его в памяти, анализируя каждый импульс, древомозг убедился: глубоко в его теле горит огонь.

Дерево поспешно окружило поврежденный участок слоем негорючих молекул. Жар дошел до барьера, помедлил — и прорвал его.

Надо нарастить защитный слой.

Отдавая последние силы, дерево перестраивало свои клетки. Внутренний щит упрочился, встал на пути огня, выгнулся, окружая пораженное место... и дрогнул. Слишком много он требовал энергии. Истощенные клетки отказали: древомозг погрузился во тьму.

Сознание возвращалось медленно, с трудом. Огонь, должно быть, уже охватил ствол. Скоро он одолеет оставшийся без подпитки барьер, доберется до самого сердцемозга... Средств защиты больше не осталось. Жаль — не удалось передать споры... но конец неизбежен. Дерево бесстрастно ждало огня.

Пэнтелл отложил бластер, сел на траву и стер со щеки жирную сажу.

— Отчего они вымерли? — вдруг спросил Молпри.

— От рвачей,— коротко ответил Пэнтелл.

— Это еще кто?

— Были такие... Убивали деревья ради драйна. Кричали, что янды опасны, а сами только о драйне и думали.

— Ты можешь хоть раз ответить по-людски?

— Молпри, я тебе никогда не говорил, что ты мне действуешь на нервы?

Молпри сплюнул, отвернулся, но снова спросил:

— Что это за драйн?

— У яндов очень своеобразная система размножения. При необходимости споры мужского дерева могут передаваться практически любому теплокровному и оставаться в его организме неограниченное время. Когда животное-носитель спаривается, споры переходят к потомству.

На нем это с виду никак не сказывается — вернее, споры даже укрепляют организм, исправляют наследственные дефекты, помогают бороться с болезнями, травмами. И срок жизни удлиняется. Но потом — вместо того чтобы умереть от старости — носитель проходит метаморфоз: укореняется и превращается в самый настоящий янд.

— Больно много говоришь... Что такое драйн?

— Дерево испускает особый газ, чтобы привлечь животных. В большой концентрации он действует как сильный наркотик — это и есть драйн. Из-за него и перевели деревья. Янды, мол, могут заставить людей рожать уродов — ерунда все это... Драйн продавался за бешеные деньги — вот и вся хитрость.

— Как его добывают?

Пэнтелл поднял голову:

— А тебе зачем?

Но Молпри смотрел не на него, а на книгу, лежащую в траве.

— Там написано, ага?

— Тебя это не касается. Голт велел тебе помочь вырезать образцы, и все.

— А Голт не знал про драйн!

— Чтобы собрать драйн, надо убить дерево. Ты же не можешь...

Молпри нагнулся и поднял книгу. Пэнтелл кинулся к нему, замахнулся и промазал. Молпри одним ударом сшиб его с ног.

— Ты ко мне не суйся, недотепа,— процедил он, вытирая руку о штаны.

Пэнтелл лежал неподвижно. Молпри полистал учебник, нашел нужную главу. Минут через десять он бросил книгу, подобрал бластер и взялся за дело.

Молпри вытер лоб и выругался. Прямо перед носом проскочила членистая тварь, под ногами что-то подозрительно прошуршало... Хорошо еще, что в этом поганом лесу не водится ничего крупнее мыши. Паршивое местечко — не приведи бог тут заблудиться!

Густой подлесок вдруг расступился, открывая солнцу бархатистую поверхность полупогребенного ствола. Молпри застыл, тяжело дыша. Нащупывая в кармане измазанный сажей платок, он не отрывал глаз от черной уходящей ввысь стены.

Упавшее дерево выпустило из себя кольцо мертвенно-

белых выростов. Подальше наросло что-то вроде черных жестких водорослей, оттуда свисали скользкие веревки...

Молпри издал невнятный звук и попятился. Какая-нибудь местная зараза, лишайники пакостные! Хотя...

Он остановился. А может, это оно и есть? Ну да — такие штуки были на картинках. Отсюда драйн и цедят! Только кто ж знал, что они так смахивают на поганые ползучие щупальца...

— Стой!

Молпри дернулся. Пэнтелл никак не мог выпрямиться, на распухшей челюсти ссадина.

— Не будь же ты... уф... дураком! Дай отдышаться... Я тебе объясню!..

— Чтоб ты сдох, обглодок! Не вякай!

Повернувшись к Пэнтеллу спиной, Молпри поднял бластер.

Пэнтелл ухватился за сломанный сук, поднял его и обрушил на голову Молпри. Гнилое дерево с треском переломилось. Молпри пошатнулся, переступил и всем корпусом повернулся к Пэнтеллу: лицо у него побагровело, по щеке стекала струйка крови.

— Ну-ну, недотепа...— прошипел он. Пэнтелл изо всех сил ударил правой — очень неуклюже, но Молпри как раз сделал встречное движение, и оттопыренный локоть Пэнтелла угодил ему в челюсть. Глаза Молпри остекленели, он обмяк, упал на четвереньки.

Пэнтелл расхохотался.

Хрипло дыша, Молпри потряс головой и стал подниматься. Пэнтелл нацелился и еще раз двинул его в челюсть. Похоже, этот удар и вправил Молпри мозги. Он нанес Пэнтеллу удар наотмашь, Пэнтелл растянулся во всю длину. Молпри рывком поднял Пэнтелла на ноги, добавил два мощных хука, слева и справа. Пэнтелл раскинулся на земле и затих. Молпри стоял над ним, потирая челюсть.

Затем пошевелил Пэнтелла носком ботинка. Окочурился что ли, недотепа? На Молпри хвост задирать! Голт, конечно, разозлится, но недотепа-то начал первый. Подкрался и напал сзади! Вот и след от удара. Ну да ладно, рассказать Голту про драйн — он сразу повеселеет. Пожалуй, надо его сюда привести — вдвоем набрать драйна и сматываться с этой пакостной планеты. А недотепа пусть себе валяется.

И Молпри устремился к кораблю, бросив Пэнтелла истекать кровью под рухнувшим деревом.

Янд развернул наружные глаза в сторону неподвижного существа, которое, судя по всему, впало в спячку. Оно выделяло красную жидкость из отверстий на верхнем конце и, видимо, из надрывов эпидермиса. Странное существо, очень отдаленно похожее на обычных носителей. Его взаимодействие с другим экземпляром было совершенно своеобразно. Возможно, это самец и самка, и между ними произошло спаривание? Тогда это оцепенение может быть нормальным процессом, предшествующим укоренению. А если так, оно может все-таки оказаться пригодным в качестве носителя...

По поверхности непонятного организма прошло движение, одна из конечностей шевельнулась. Спячка, очевидно, заканчивается. Скоро существо очнется и убежит... не обследовать ли его хоть наскоро?

Дерево выпустило несколько тончайших волокон, дотянулось ими до лежащей фигуры. Они пронизали неожиданно тонкий поверхностный слой, нащупывая нервную ткань. Уловили поток смутных, спутанных импульсов. Древомозг наращивал и дифференцировал свои сенсорные органы, разделял их на волоконца толщиной в несколько атомов, прощупывая всю внутреннюю структуру чуждого организма, пробираясь по периферическим нервам к спинному мозгу, от него — к головному...

Его поразила невиданная сложность, неимоверное богатство нервных связей. Такой орган способен к выполнению интеллектуальных функций, немыслимых для носителя! Изумленный древомозг старался настроиться с ним в унисон, пробираясь сквозь дикий калейдоскоп впечатлений, воспоминаний, причудливых символов...

Впервые в жизни янд встретился с гиперинтеллектуальным процессом эмоции. Он погружался в фантасмагорию грез и тайных желаний. Смех, свет, шум аплодисментов... Флаги на ветру, аккорды дальней музыки, ночные цветы... Символы высшей красоты, величайшей славы, тайные мечты Пэнтелла о счастье...

И вдруг — присутствие чуждого разума!

Мгновение оба бездействовали, оценивая друг друга.

— *Ты умираешь,*— констатировал чужой разум.

— ДА. А ТЫ ЗАКЛЮЧЕН В НЕАДЕКВАТНОМ НОСИТЕЛЕ. ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ВЫБРАЛ БОЛЕЕ НАДЕЖНОГО?

— *Я... зародился вместе с ним... Я... мы... одно.*

— ПОЧЕМУ ТЫ НЕ УКРЕПИШЬ ЕГО?

— *Как?*

Янд помедлил.

— ТЫ ЗАНИМАЕШЬ НЕБОЛЬШУЮ ЧАСТЬ МОЗГА. ТЫ НЕ ИСПОЛЬЗУЕШЬ СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ?

— *Я фрагмент... Я — подсознание общего разума.*

— ЧТО ТАКОЕ ОБЩИЙ РАЗУМ?

— *Это личность. Это сверхсознание, управляющее...*

— ТВОЙ МОЗГ ОЧЕНЬ СЛОЖЕН, НО МАССА КЛЕТОК НЕ ЗАДЕЙСТВОВАНА. ПОЧЕМУ НЕРВНЫЕ СВЯЗИ ПРЕРЫВАЮТСЯ?

— *Не знаю.*

Древомозг отключился, стал искать новые связи. Мощный импульс почти оглушил его, на мгновение лишив ориентации.

— ТЫ НЕ ИЗ МОИХ РАЗУМОВ.

— ТЫ ОБЩИЙ РАЗУМ? — догадался янд.

— ДА. КТО ТЫ?

Мозг янда передал свой мысленный образ.

— СТРАННО. ОЧЕНЬ СТРАННО. ВИЖУ, ТЫ УМЕЕШЬ МНОГОЕ. НАУЧИ МЕНЯ.

Мощность чужой мысли была такова, что сознание янда едва удержалось в целости.

— ТИШЕ! ТЫ РАЗРУШАЕШЬ МЕНЯ.

— ПОСТАРАЮСЬ БЫТЬ ОСТОРОЖНЕЕ. НАУЧИ, КАК ТЫ ПЕРЕСТРАИВАЕШЬ МОЛЕКУЛЫ.

Голос чужого разума затоплял мозг янда. Какой инструмент! Фантастическая аномалия: подобный мозг, затерянный в жалком носителе и неспособный даже реализовать свои возможности! Ведь совсем не трудно перестроить и укрепить носителя, убрать эти дефекты...

— НАУЧИ МЕНЯ, ЯНД!

— ЧУЖОЙ, Я СКОРО УМРУ. НО Я НАУЧУ ТЕБЯ. ТОЛЬКО С ОДНИМ УСЛОВИЕМ...

Два чужеродных разума соприкоснулись и достигли согласия. Мозг янда сейчас же приступил к субмолекулярной перестройке клеток чужого организма.

Первым делом — регенерировать ткани, зарастить повреждения на голове и руке. Произвести массовый выброс антител, прогнать их по всей системе.

— ПОДДЕРЖИВАЙ ПРОЦЕСС,— распорядился древомозг.

Теперь мышечная масса. В таком виде она ни на что

не годна — сама структура клеток неудовлетворительна. Янд переделывал живое вещество, извлекая недостающие элементы из своего высыхающего тела. Теперь привести в соответствие скелет.

Дерево наскоро оценивало саму конструкцию движущего организма: все это малонадежно, лучше поменять основной принцип — скажем, щупальца?..

Нет времени. Проще опереться на готовые элементы — усилить их металлорастительными волокнами. Теперь воздушные мешки. И сердце, разумеется. В прежнем виде они бы тут минуты не продержались...

— ОСОЗНАВАЙ, ЧУЖОЙ. ВОТ ТАК И ВОТ ТАК...

— ПОНИМАЮ. ОТЛИЧНЫЙ ПРИЕМ...

Янд переформировывал тело Пэнтелла: исправлял, укреплял, где-то убирал бесполезный орган, где-то добавлял воздушный мешок или новую железу... Теменной глаз, бездействующий глубоко в мозгу, был перестроен для восприятия радиоволн, связан с нужными нервными центрами; кости позвоночника были искусственно упрочены, брыжейка перестроена для оптимального функционирования.

Считывая информацию с генов, древомозг разом корректировал и записывал ее заново.

Когда процесс закончился и разум пришельца усвоил все, что наблюдал, янд сделал паузу.

— ТЕПЕРЬ ВСЕ.

— Я ГОТОВ ПЕРЕДАТЬ УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЮ.

— ПОМНИ ОБЕЩАНИЕ.

— ПОМНЮ.

Мозг янда стал отключаться от чужого организма. Веление инстинкта исполнено, теперь можно позволить себе отдохнуть — до конца.

— ПОДОЖДИ, ЯНД! ЕСТЬ ИДЕЯ...

— Две недели с тобой летим и еще четырнадцать лететь будем,— вздохнул Голт.— Может, расскажешь все-таки, что там у вас вышло?

— Как Молпри? — спросил Пэнтелл.

— Нормально. Кости срастаются, да ты ему не так много и сломал.

— В той книге неправильно написано про споры янда. Сами по себе они не могут перестроить носителя...

— Что перестроить?

— Животное-носителя. У него действительно улучшается здоровье и удлиняется срок жизни, но это делает само дерево в процессе размножения — обеспечивает спорам хорошие условия.

— Так что — оно тебя?..

— Мы с ним заключили договор. Янд мне дал вот это.— Пэнтелл надавил пальцем на переборку, в металле осталась вмятина.— Ну и еще некоторые вещи. А я стал носителем для его спор.

Голт подобрался.

— И тебе ничего? Таскать в себе паразитов...

— Это договор на равных. Споры микроскопические и ничем себя не проявляют, пока не сложатся нужные условия.

— Но ты сам говорил, что этот древесный разум был у тебя в мозгу!

— Был. Снял все комплексы, скорректировал недостатки, показал мне, как пользоваться своими ресурсами...

— А меня научишь?

— Это невозможно. Извини.

Голт помолчал.

— А что это за "нужные условия"? — спросил он, поразмыслив.— В один прекрасный день проснешься и обнаружишь, что оброс побегами?

— Ну,— потупился Пэнтелл,— это как раз моя сторона договора. Носитель распространяет споры в процессе собственного размножения. Всему потомству гарантируется крепкое здоровье и долгая жизнь. Неплохо, по-моему: прожить в свое удовольствие, потом выбрать себе местечко по вкусу, укорениться и расти, расти, смотреть, как сменяются эпохи...

— А что,— сказал Голт,— с годами и правда услышь. Знаю я одно такое место с видом на Атлантику...

— ...Так что я обещал быть очень энергичным в этом плане,— закончил Пэнтелл.— Это, конечно, отнимает массу времени, но я свое обязательство буду выполнять неукоснительно.

— Слышишь, янд? — добавил он про себя.

— СЛЫШУ,— отозвался янд из дальнего участка мозга, в который Пэнтелл подселил его сознание.— НАШЕ БЛИЖАЙШЕЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ОБЕЩАЕТ БЫТЬ ИНТЕРЕСНЫМ!

Льюис Педжетт
ИДЕАЛЬНЫЙ ТАЙНИК

Гэллоуэй творил по наитию, что было бы совершенно естественно, будь он музыкантом, но он был ученым. Спившимся, безалаберным, но славным малым. Когда-то он собирался стать физиком-экспериментатором и, может быть, даже здорово преуспел бы в этом, но средств на обучение так и не хватило, и компьютерный техник Гэллоуэй держал свою лабораторию просто как хобби.

В полудюжине ближайших штатов не было более нелепой лаборатории. Гэллоуэй потратил десять месяцев, создавая в ней то, что назвал алкогольным орга́ном. Теперь он мог пьянствовать с комфортом: валяясь на тахте и нажимая кнопки, он вливал в свою луженую глотку напитки изумительного качества, разнообразия и количества. Принцип действия органа оставался тайной для самого создателя, ибо тот создавал его в один из периодов запоя и ни черта не помнил. Это было достойно сожаления.

В лаборатории нашлось бы всего понемногу. На реостатах красовались кокетливые юбочки, как у балерин, и фигурки из глины с ничего не выражающими лицами. Большой генератор Гэллоуэй окрестил Монстром, а чуть меньший — Пузырем. В стеклянной реторте скучал фарфоровый кролик, и только сам Гэллоуэй знал, как тот в нее угодил. Сюда же физик приволок уродливого желез-

© Перевод на русский язык, Рыжова Л. Л., 1994

ного пса, некогда украшавшего викторианские газоны, а может, сторожившего врата ада, теперь же превратившегося в штатив для пробирок.

— Как ты все это делаешь? — поинтересовался Вэннинг.

Гэллоуэй, возлежавший под алкогольным органом, в этот момент поглощал двойной мартини.

— Эээ?..

— Тысячу раз тебе говорил. Я мог бы найти тебе приличную работу, если бы ты только научился извлекать пользу из своей ненормальной башки. Я бы даже обеспечил тебе карьеру.

— Попробуй,— донеслось из-под органа.— Да ни к чему это. Не могу работать сосредоточенно. Только автоматически. Мое подсознание, должно быть, имеет очень высокий коэффициент умственного развития...

Вэннинг, маленький коренастый мужчина со смуглым в шрамах лицом, ткнул "Монстра" каблуком. Иногда Гэллоуэй раздражал его. Этот человек не осознавал ни собственных возможностей, ни того, как много они могли значить для коммерческого эксперта Горация Вэннинга. "Коммерция" эта была делом совершенно легальным, но запутанные экономические отношения оставляли множество лазеек, сквозь которые умный человек непременно пролезет. Истинным призванием Вэннинга были незаконные консультации. Оплачивались они хорошо. Знатоков юриспруденции не хватало, а законы представляли собой такие непроходимые дебри, что одно только поступление в юридическую школу требовало многих лет подготовки. Однако Вэннинг, располагавший штатом экспертов и колоссальной юридической библиотекой, при случае вполне мог посоветовать какому-нибудь доктору Криппену, как избавиться от уплаты налогов.

Эта сомнительная сторона его бизнеса обстряпывалась исключительно им самим, без ассистентов. Например, дельце с нейроружьем.

Гэллоуэй изобрел эту потрясающую штуку, не ведая что творит. Он сварганил ее за один вечер, лихо соединяя детали лейкопластырем. Вэннинг выпросил ружье на следующий же день, но долго держать у себя не стал. И в скором времени заработал тысячи кредитов, одалживая ружье желающим отправить ближнего на тот свет. Полиция при этом надолго заработала головную боль.

Посвященные начинали издалека:

— Видите ли... м-м-м... я слышал, что придумали один любопытный способ убийства. И я решил...

— Напрасно. Ничем подобным не занимаемся.

— Гм... Но...

— Теоретически я допускаю возможность идеального убийства. Допустим, изобретено некое оружие и предположим, просто примера ради, что оно находится в камере хранения ньюаркского космодрома.

— Гм-м?..

— Нет-нет, я просто размышляю вслух. Например, ячейка 79, шифр тридцать-голубой-восемь. Мелкие детали отлично иллюстрируют теорию, не так ли?

— Вы имеете в виду...

— Я ничего не имею в виду. Конечно, если бы наш воображаемый убийца добрался до этого само собой чисто гипотетического оружия и воспользовался им, он был бы весьма догадлив, если бы заранее заготовил посылочный ящик с адресом "Бруклин-порт, бокс 40", сунул туда это... приспособление и, не вызывая подозрений, отправил автоматической почтой. Но все это, понятно, лишь теория... Сожалею, но помочь вам ничем не могу. Гонорар за консультацию — три тысячи кредитов. Чек примет секретарь.

Впоследствии доказать вину было просто невозможно. Прецедент установило судебное решение по делу 875-М, штат Иллинойс против Дапсона.

А на процессе Сандерссон против Сандерссона, который вел судья Даккет и где речь шла о смерти тещи обвиняемого...

— ...Вне всякого сомнения, прокурор и уважаемые эксперты-токсикологи должны согласиться, что...

...Буду краток, Ваша честь. Я должен потребовать прекращения дела за недостаточностью улик и доказательством случайности смерти...

До Гэллоуэя так никогда и не дошла вся опасность его нейроружья. Вэннинг же часами просиживал в лаборатории, жадно наблюдая за результатами научных упражнений своего приятеля. Ему уже удалось заполучить там немало столь же полезных вещиц. Вся беда была в том, что Гэллоуэй никак не хотел работать!

Между тем физик, еще раз глотнув мартини, выбрался наконец из-под органа, нетвердой походкой подошел к столу и принялся перебирать обрывки каких-то проводов.

Вэннинг оживился: — Работаешь?

— Да нет, просто складываю их вместе, и, бывает, из этого кое-что получается. Вот только никогда не знаю что. Тсс! — Гэллоуэй бросил провода и вернулся к своему лежбищу.— Черт с ними.

По мнению Вэннинга, Гэллоуэй был странным малым — аморальным и совершенно не приспособленным к этой слишком сложной жизни. Он абсолютно бестолково проводил время и тратил дар божий, чтобы только поразвлечься. Но он творил...

Вэннинг обвел взглядом лабораторию, и его привыкшая к порядку душа содрогнулась при виде этого разгрома. Юрист машинально подобрал валявшийся под ногами халат и поискал глазами крючок, на который его можно было бы приспособить. Конечно же, ничего подобного не нашлось — Гэллоуэй, испытывавший вечную нужду в проводниках, давным-давно отодрал и пустил в дело все, что только было можно...

Несостоявшийся ученый, полузакрыв глаза, набирал на пульте алкогольного органа какую-то адскую смесь и явно не желал отвлекаться ни на что постороннее. Вэннинг, вздохнув, подошел к стоявшему в углу металлическому шкафчику и приоткрыл дверцу. Крючков там тоже не было, и юрист удовольствовался тем, что аккуратно сложил халат и опустил на дно. Вернувшись, он вновь оседлал "Монстра".

— Выпьешь чего-нибудь? — раздался из-под органа голос Гэллоуэя.

Вэннинг покачал головой:

— Завтра у меня слушается дело.

— Ну, это не страшно — тут изрядный запас тиамина. Дрянь, конечно... И вообще мне работается лучше, когда я обкладываю голову надувными подушками.

— Не пробовал.

— Это дело привычки. Кстати, на что это ты так уставился?

— Вон там... ящик,— пробормотал Вэннинг.— Что за...

Шкафчик все так же стоял в углу, дверца его все так же была слегка приоткрыта, но от аккуратно уложенного Вэннингом халата не осталось и следа.

— Это краска,— сонно пояснил Гэллоуэй.— А может, обработка. Я подверг его гамма-облучению. Впрочем, он все равно никуда не годится.

Вэннинг подошел ближе и придвинул лампу. Шкафчик не был пуст. Хотя халата там действительно больше

не было. Там вообще ничего не было, кроме крошечного бледно-зеленого шарика.

— Он что, растворяет вещи? — глаза юриста поползли на лоб.

— Угу. Вытащи его.

Сунуть руку внутрь Вэннинг не отважился. Вместо этого он вооружился длинными щипцами и выкатил ими шарик. Это оказалось... В глазах у Вэннинга зарябило — шарик менял форму, размер, цвет, растекаясь в неправильных очертаний пятно. Щипцы вдруг потяжелели.

Неудивительно — на них висел тот самый халат.

— Во-во, такие штуки он и откалывает,— отсутствующе заметил Гэллоуэй.— Как-то это, наверно, объясняется. Я помещаю предметы в шкафчик, и они уменьшаются. Вытаскиваю их обратно, и они опять становятся большими. Думаю, я смогу продать это какому-нибудь фокуснику,— добавил с сомнением.

Вэннинг присел, поглаживая халат и внимательно разглядывая творение физика. Это был продолговатый металлический шкафчик, иссиня-черный снаружи и покрытый изнутри блеклыми серыми полосами.

— И как ты это сделал?

— Понятия не имею. Просто занимался всякой ерундой...— Гэллоуэй приложился к стакану.— Здесь что-то связанное с другими измерениями. Моя обработка могла изменить пространственно-временные отношения внутри ящика. Если б я еще знал, что это такое...— пробормотал он в пустоту.— Иногда меня пугают слова.

— Ты считаешь, что внутри он больше, чем снаружи? — спросил Вэннинг, чтобы хоть что-нибудь спросить.

— Парадокс! Изумительнейший парадокс! Я предполагаю, что внутренность этого шкафа вообще существует в ином пространственно-временном континууме. Попробуй-ка запихнуть сюда вон тот верстак, сам убедишься.— При этом Гэллоуэй не сделал ни малейшего движения, чтобы встать, ограничившись тем, что ткнул пальцем в объект эксперимента.

— Но ведь он больше шкафа!

— Ничего. Запихивай его помаленьку. Сперва тот угол, потом этот. Давай-давай!

Несмотря на малый рост, Вэннинг был довольно крепкого сложения. Некоторое время он отчаянно сражался с верстаком.

— Опусти ящик,— посочувствовал Гэллоуэй.— Легче будет.

— Я... Ух!.. Порядок. И что теперь?

— Теперь загоняй верстак сверху.

Вэннинг покосился на приятеля, с трудом заставив себя подчиниться. Дураку же ясно, верстак в шкафу не поместится. Один угол вошел, и всё. Однако верстак странным образом сохранял равновесие.

— Ну и?..

— Жди.

Верстак зашевелился. Вэннинг с отвисшей челюстью следил, как он начал вползать внутрь ящика. Движение было плавным, как у легкого предмета, погружающегося в воду. Верстак не засосало — он просто растворился. Его часть вне ящика не изменилась, но когда дело дошло до нее, исчезла и она.

Вэннинг подался вперед. Расплывающееся пятно резало ему глаза. Оно меняло форму, сжималось, пока не стало чем-то вроде неправильной пирамидки темно-багрового оттенка.

В самом широком месте в ней не было и четырех дюймов.

— Не верю,— выдохнул Вэннинг.

Гэллоуэй хмыкнул:

— Как заметил своему младшему офицеру герцог Веллингтон: "Это была чертовски маленькая бутылка, сэр!"

— Минуточку! Черт побери, как я смог засунуть восьмифутовый верстак в пятифутовый ящик?!

— По Ньютону,— отозвался Гэллоуэй.— Сила тяжести. Наполни водой пробирку, я объясню.

— Наполнил. Что дальше?

— Доверху наполнил? О'кей. Теперь возьми несколько кусков сахара вон в том ящичке с надписью "предохранители". Положи сахар на край пробирки, чтобы он краешком касался воды.

Вэннинг исполнил все в точности.

— Ну и что ты видишь?

— Ничего. Сахар намокает и растворяется.

— Вот оно и есть,— объявил Гэллоуэй.

Вэннинг тупо уставился на пробирку. Сахар медленно растворялся и исчезал. Через минуту его уже не было.

— Воздух и вода — разные физические состояния. В воздухе кусок сахара существует как кусок сахара. В воде — только как раствор. Край этого куска, смоченный

водой, подчиняется условиям воды. Таким образом, он изменяется физически, а не химически. Все остальное делает сила тяжести.

— А попроще ты можешь?

— Аналогия достаточно проста. Вода — это особое состояние внутри ящика. Сахар — наш с тобой верстак. Смотри! Сахар впитал воду, и сила тяжести втянула растворяющийся кусок в пробирку. Теперь ясно?

— Кажется, да. Верстак впитал в себя... эээ... состояние внутри ящика, так? Это и сжало его?

— Да, только не in toto, а in partis*. По частям. Ты ведь можешь постепенно засунуть человека в маленький бак с серной кислотой?

Вэннинг поспешил сменить тему:

— А ты можешь достать верстак обратно?

— Сделай это сам. Просто протяни руку и вытащи.

— Протяни руку? Я не хочу, чтобы она растворилась!

— Ничего с твоей рукой не сделается. Действие не мгновенное. Сам же видел. Изменение происходит спустя несколько минут. Смотри!

Гэллоуэй наконец-то поднялся, оглядел лабораторию и, подобрав пустую бутыль, небрежно забросил ее в шкафчик.

Изменение и впрямь не было мгновенным. Бутыль не спеша меняла форму и размер, пока не превратилась в приплюснутый кубик величиной с кусок сахара. Гэллоуэй все так же небрежно извлек его и положил на пол. Пару минут спустя кубик снова стал бутылью.

— Теперь верстак. Смотри внимательно!

Гэллоуэй вытащил маленькую пирамидку. Она увеличилась. И превратилась в прежний верстак.

— Ну как? Могу спорить, это понравится любой фирме, занимающейся складированием. Сюда влезет мебель со всего Бруклина. Правда, будет несколько затруднительно получить обратно именно то, что понадобится. Физические изменения, знаешь ли...

— Придумай схему,— неуверенно предложил Вэннинг.— Нарисуй, как предмет выглядит внутри ящика, и укажи, что это было.

— Ты гений,— заключил Гэллоуэй.— По этому поводу надо выпить.

Физик вернулся на кушетку и припал к своему алкогольному чудищу.

---

* In toto (*лат.*) — целиком; in partis (*лат.*) — по частям.

— Даю тебе за шкафчик шесть кредитов,— встряхнулся Вэннинг.

— Идет. В любом случае он занимает слишком много места. Жаль, что его нельзя вложить внутрь его самого.— Ученый хрипло закашлялся.— Вот было бы забавно.

— Неужели? — Вэннинг выудил из бумажника несколько кредиток.— Куда положить?

— Засунь в "Монстра". Это мой банк... Благодарю.

— Не за что. Послушай, ты не объяснишь еще раз этот фокус с сахаром, а? Ведь не только сила тяжести действует на кусок, когда он проскальзывает в пробирку. Не вода ли впитывается в сахар?..

— В этом ты прав. Осмос... Нет, я не прав. Осмос имеет что-то общее с яйцеклетками. Или это овуляция? Проводимость, конвекция, абсорбция! Если бы я изучал физику, я подобрал бы правильные слова. Господи, до чего я туп! Я возьму себе в супруги виноградную лозу,— немузыкально взвыл Гэллоуэй и присосался к сифону.

— Абсорбция,— *наморщил лоб* Вэннинг.— Только не сахар, пропитавшийся водой... сами условия, существующие внутри ящика... при которых пропитался твой верстак...

— Как губка или промокашка,— донеслось с кушетки.

— Верстак?

— Я,— отрезал Гэллоуэй и погрузился в блаженное молчание, прерываемое лишь бульканьем поглощаемого алкоголя. Вэннинг вздохнул и повернулся к шкафчику. Он закрыл дверцу, старательно запер ее и со вздохом взгромоздил покупку на плечо.

— Уходишь? Спокойной ночи...

— Спокойной ночи.

— Счастливо оставаться! — ответствовал Гэллоуэй и окончательно погрузился в бездны сонной меланхолии.

Вэннинг еще раз вздохнул и вывалился в ночную прохладу. На небе сверкали звезды, тускнеющие на востоке, там, где над Нижним Манхэттеном занималось утро. Сияющие белые небоскребы высились подобно зубчатым башням. На самом верху одна из реклам кричала о достоинствах вампулина: "Это вселит в вас бодрость!"

Машина Вэннинга стояла у обочины. Он затолкал шкафчик в багажник и кратчайшей дорогой по Гудзон Флоутэвей рванул к нижнему городу. Ему вспомнился знаменитый сюжет из По...

Пропавшее письмо, которое было спрятано не будучи спрятанным, — многократно сложенное и переадресованное, оно изменилось до неузнаваемости. Святой Хаттан! Что за сейф получился бы из этого ящика! Ни один вор не сможет взломать его по той простой причине, что сейф не будет заперт. Ни одному вору не придет в голову туда лезть. Вэннинг может наполнить ящик кредитками, и они мгновенно станут неузнаваемыми. Идеальный тайник!

Но как же, черт побери, он действует?

Расспрашивать Гэллоуэя было бесполезно — тот творил по наитию. Примула у реки была для него просто примула, а не Primula vulgaris. Он ни черта не смыслил в силлогизмах. Он делал выводы без всяких предпосылок.

Вэннинг размышлял. Два предмета не могут занимать одно и то же пространство одновременно. Следовательно, в ящике была особая разновидность пространства...

С окончательным выводом юрист не торопился. Он перебрал десятки объяснений. Каждое из них могло быть правильным.

Автомобиль мягко подрулил к небоскребу, где его контора занимала один из этажей. Стараясь не особенно привлекать к себе внимание, он перенес ящик в грузовой лифт, хотел оставить его в своем кабинете, но раздумал — там было бы слишком заметно. Вэннинг поставил шкафчик в одной из кладовых, задвинув его ящиками с картотекой, и лишь тогда перевел дух — служащим до тайника не добраться.

Он сделал шаг назад и призадумался. Возможно...

Мягко зазвонил звонок. Вэннинг услышал его не сразу. Очнувшись, он поспешил в кабинет и прикосновением к клавише включил видеофон. Перед ним на вспыхнувшем экране возникла бородатая физиономия адвоката Хаттона.

— Привет,— кисло сказал Вэннинг.

Хаттон кивнул:

— Пытался застать тебя дома. Потом решил позвонить в контору...

— Что это тебе приспичило? Процесс завтра, и для дискуссий вроде бы поздновато.

— "Дьюган и сыновья" хотели, чтобы я поговорил с тобой. Мне это казалось лишним, но...

— Короче.

Брови Хаттона дрогнули:

— Я предъявляю иск. Против Маккилсона полно улик.

— Ну, это с твоей точки зрения. Казнокрадство доказать трудно.

— Особенно когда ты добился судебного запрета на использование скопа.

— Естественно,— заявил Вэннинг.— Но ведь и ты не говоришь всей правды насчет моего клиента.

— Это создаст у присяжных незаслуженно хорошее отношение к нему.

— А у меня основания чисто медицинские. Скоп опасен для здоровья Маккилсона. Могу предъявить заключение врачей.

— "Опасен" — это ты прав! — Голос Хаттона зазвучал тверже.— Твой клиент растратил облигации, и я могу это доказать!

— Целых двадцать пять тысяч кредитов, не так ли? Большая потеря для "Дьюгана и сыновей". А что бы ты сказал насчет такого сугубо теоретического варианта? Положим, двадцать тысяч найдутся...

— Это твой личный канал? — перебил Хаттон.— Не прослушивается?

— Само собой! У меня защита.

— Ну и отлично. Тогда я могу сообщить тебе, что ты вшивый стряпчий по грязным делишкам.

— Фу-у!..

— Фокус весьма стар. И изрядно трачен молью. Маккилсон увел у Дьюганов пять кусков облигациями, чтобы перевести их в наличные. Ревизоры начинают проверку, Маккилсон мчится к тебе, и ты советуешь ему хапнуть еще двадцать тысяч. Потом даешь понять Дьюганам, что эта двадцатка к ним вернется, если те не станут вчинять иск. А затем делишь с Маккилсоном пять тысяч, что не так уж и мало.

— И в мыслях не держу ничего подобного.

— Где уж там. Только фокус-то не прошел, и мои клиенты не собираются церемониться с вами. Они подают в суд.

— Ты позвонил мне исключительно для того, чтобы об этом сообщить?

— Не только. Надо бы утрясти один юридический вопрос. Ты не возражаешь, чтобы присяжные прошли проверку на скопе?

— О'кей,— не стал спорить Вэннинг. Плевать ему было на присяжных. Он собирался сыграть на юридических тонкостях этого дела. С проверенными на скопе

куда как меньше хлопот и можно обойтись без многодневных дискуссий и изматывающих отводов присяжных.

— Ладно,— проворчал Хаттон.— Рискуешь остаться без штанов.

Вэннинг отпарировал мягкой непристойностью и прервал связь. Предстоящий процесс вышиб у него из головы мысли о четырехмерном шкафчике, и он поспешил из офиса. Позже...

Позже времени будет предостаточно, и он исследует все возможности идеального тайника. Сейчас ему не хотелось засорять мозги всякой чепухой. Он вернулся домой, велел подать себе виски с содовой и завалился спать.

А на следующий день Вэннинг выиграл процесс. Это была тонкая игра на тонких юридических деталях и малоизвестных прецедентах. Он строил защиту на том, что облигации не обращались в наличность. Запутанные экономические схемы сработали на Вэннинга. Обмен даже пяти тысяч кредитов был бы неминуемо замечен, но этого-то как раз и не произошло. Эксперты Вэннинга вникали в каждую мелочь.

Для доказательства вины надо было любым путем показать, что облигации были в обороте и учтены последней ревизией 20 декабря. Прецедентом явилось дело "Донован против Джонса".

Едва Вэннинг упомянул о нем, Хаттон подскочил как ужаленный:

— Ваша честь! Джонс впоследствии сознался в растрате!

— Что абсолютно не повлияло на решение суда,— спокойно уточнил Вэннинг.— Закон обратной силы не имеет. Присяжные вынесли оправдательный вердикт.

— Прошу защиту продолжать.

Защита продолжала, возводя потрясающий архитектурный шедевр из казуистической логики.

Хаттона скорчило:

— Ваша честь! Я...

— Если мой достойный оппонент сможет представить хотя бы одну из якобы похищенных облигаций, лишь одну — я поздравлю его с выигранным делом.

Судья сардонически усмехнулся: — В самом деле, если таковая улика будет представлена, ваш подзащитный окажется в тюрьме сразу после вынесения приговора. Вы отлично это знаете, мистер Вэннинг. Продолжайте.

— Хорошо. Ваша честь, я утверждаю, что эти обли-

гации никогда не существовали. Они — результат ошибок в подсчетах.

— Ошибка вычислителя системы Педерсона?

— Подобные ошибки встречались, я могу доказать. Мой следующий свидетель...

Не дожидаясь вопроса, свидетель защиты, программист, объяснил, что небрежно собранные вычислители Педерсона могут ошибаться. Он так и сыпал примерами. Хаттон поймал его на одном.

— Я протестую. В Южной Африке, как все знают, размещены предприятия экспериментальных отраслей промышленности. Свидетель воздержался от описания сути производства именно на этом южноафриканском заводе. Не потому ли, что "Гендерсон Юнайтед Компани" занята разработкой радиоактивных руд?

— Свидетель, ответьте.

— Я не располагаю подобной информацией.

— Значительное упущение,— отрезал Хаттон.— Радиация влияет на электронику вычислителя Педерсона. Но помилуйте, в конторе "Дьюгана и сыновей" нет ни радия, ни продуктов его распада.

Вэннинг поднялся.

— Могу я осведомиться, проводилась ли в помещениях упомянутой конторы дезинфекция?

— Можете. Это законный вопрос,— ответствовал измученный судья.

— И для дезинфекции применялись хлорсодержащие газы?

— Да.

— Прошу вызвать моего следующего свидетеля.

Следующий свидетель, физик из Института Ультрарадия, объяснил, что гамма-радиация, взаимодействуя с хлором, вызывает ионизацию. Живые организмы могут усваивать продукты распада радия и передавать их дальше. Некоторые клиенты фирмы "Дьюган и сыновья" подвергались облучению...

— Это смешно, Ваша честь! Голое теоретизирование...

Вэннинг изобразил праведное негодование.

— Я сошлюсь на дело "Денджерфилд против "Аустро продактс", Калифорния, 1963 год. Закон гласит, что сомнения истолковываются в пользу обвиняемого. Мои объяснения просты — вычислитель Педерсона, регистрировавший облигации, мог ошибиться. А если так, то облигации не существовали и мой подзащитный невиновен.

— Продолжайте,— прорычал судья, сожалея только, что он не Джеффрис и не может немедленно отправить всю эту компанию на виселицу. Юриспруденция должна опираться на истину, а не выглядеть игрой в трехмерные шахматы. Но проклятая цивилизация все запутала и в экономике, и в праве. Было уже очевидным, что Вэннинг выиграет дело.

И он выиграл. Суд был вынужден признать правоту защиты. Последним отчаянным усилием Хаттон потребовал применения скопа, но его протест был отклонен. Вэннинг подмигнул своему оппоненту и закрыл портфель.

Дело было сделано.

Вэннинг вернулся к себе в офис. В половине пятого начались неприятности. Едва секретарша успела доложить о приходе мистера Маккилсона, как, оттолкнув ее, в кабинет ворвался худой темноволосый мужчина с огромным замшевым саквояжем.

— Вэннинг! Нам надо поговорить.

Глаза адвоката вспыхнули. Кивком головы выслав секретаршу и дождавшись, пока за ней закроется дверь, он произнес со сдерживаемым бешенством:

— Какой черт тебя сюда принес? Я же велел тебе держаться от меня подальше. Что в саквояже?

— Облигации,— голос Маккилсона дрожал.— Все вышло как-то не так...

— Кретин! Идиот! Притащить сюда облигации...

Вэннинг метнулся к двери и старательно запер ее на ключ.

— Стоит Хаттону заполучить эти бумаги, как ты мигом окажешься за решеткой, а меня лишат адвокатского диплома. Убери их отсюда.

— Послушай... Я понес облигации в Финансовое объединение, как ты мне и сказал, но... там меня поджидал полицейский. Я чуть не влип. Если бы он схватил меня...

Вэннинг удрученно вздохнул:

— Ты же должен был два месяца держать их в камере хранения в подземке!

Маккилсон вытащил из кармана газету.

— Правительство приостанавливает все операции по акциям и облигациям компаний, связанных с рудными разработками. Через неделю все это вступит в силу. Я не мог ждать — деньги будут заморожены черт знает на какой срок!..

— Покажи-ка мне эту газету! — Вэннинг просмотрел листок и негромко выругался.— Где ты ее взял?

— Купил у мальчишки возле ворот тюрьмы. Хотел проверить биржевые котировки.

— Ага. Понимаю. А тебе не пришло в голову, что газетка может быть фальшивой?

— Фальшивой?! — У Маккилсона отвисла челюсть.

— Вот именно. Хаттон предвидел, чем кончится процесс, и заготовил этот листок заранее. А ты попался. Вывел полицию прямо на улики и поставил меня в идиотское положение.

— Н-но...

Вэннинг скривился:

— А как ты думаешь, почему ты увидел того полицейского в Финансовом объединении? Они могли взять тебя в любой момент, но им захотелось загнать тебя ко мне в офис, чтобы поймать нас обоих на один крючок. Тебя — в тюрьму, меня — вон из адвокатов. О, черт!

Маккилсон кусал губы:

— Может, мне выйти через черный ход?

— Через полицейский кордон, который тебя уже поджидает? Силы небесные! Не будь идиотом!

— А ты не спрячешь облигации?

— Куда? Они обшарят контору рентгеном. Нет, я...— Вэннинг запнулся.— Спрятать, ты говоришь... Спрятать...— Он повернулся к селектору: — Мисс Хартон? У меня совещание. Ни с кем меня не соединяйте. А если вам предъявят ордер на обыск, требуйте подтверждения от Главного полицейского управления. Ясно? О'кей!

На лице Маккилсона изобразилась надежда:

— Все в порядке?..

— Заткнись! — рявкнул Вэннинг.— Жди меня здесь. Я сейчас.

Он исчез в боковой двери и через минуту вернулся, согнувшись под металлическим ящиком.

— Помоги мне... Ух... Сюда. В этот угол. А теперь убирайся к черту.

— Но...

— И побыстрее,— добавил Вэннинг.— Я знаю что делаю. Только помалкивай. Тебя, конечно, арестуют, но без улик долго не продержат. Увидимся, когда выпустят.

Без лишних церемоний он подвел обалдевшего Мак-

килсона к двери и выставил его вон. Потом вернулся к шкафчику и заглянул туда.

Пусто. Абсолютно пусто.

Замшевый саквояж...

Поднатужась, Вэннинг всунул его внутрь. Это оказалось непросто — саквояж был больше шкафчика. Вэннинг успокоился только когда увидел, что саквояж съеживается, меняя цвет и форму, пока в конце концов не стал напоминать миниатюрное продолговатое яйцо цвета медной центовой монеты.

— Ну-ну,— пробормотал Вэннинг.

Он пригляделся. Внутри шкафчика что-то шевелилось. Несуразное крохотное создание дюймов четырех в высоту. Это было потрясающее нечто, сплошь состоящее из углов и граней, ярко-зеленое и явно живое.

В дверь постучали.

Существо засуетилось вокруг медного яйца. Оно как муравей пыталось поднять его и оттащить в сторону. Вконец ошалевший Вэннинг запустил руку в ящик. Порождение четвертого измерения хотело было увильнуть, но ему не хватило расторопности. Вэннинг пошарил рукой и почувствовал, как что-то извивается у него на ладони. Он сжал кулак.

Шевеление прекратилось. Он отбросил мертвое созданьице и быстро отдернул руку.

Дверь трещала под ударами. Вэннинг закрыл шкафчик и обернулся:

— Минуточку.

— Ломайте,— скомандовал кто-то.

Однако в этом не было необходимости. Выдавив кривую улыбку, Вэннинг повернул ключ. Вошел адвокат Хаттон, сопровождаемый здоровенным полисменом.

— Мы взяли Маккилсона,— заявил он.

— Почему это?

Вместо ответа Хаттон махнул рукой. Вошедшие следом полицейские принялись обыскивать кабинет. Вэннинг пожал плечами.

— Ты зря ломился и зря сюда вошел.

— У нас ордер.

— На основании?

— Облигации конечно,— устало ответил Хаттон.— Я не знаю, куда ты спрятал чемодан, но мы его найдем.

— Какой еще чемодан? — поинтересовался Вэннинг.

— Тот, который был у Маккилсона, когда он вошел, и которого у него не стало, когда он вышел.

— Игра,— театрально изрек Вэннинг,— окончена. Ты победил.

— Вот как?

— Если я скажу тебе, что я сделал с чемоданом, замолвишь за меня словечко?

— Почему это... Конечно. Где он?

— Я его съел,— ответил Вэннинг и расположился на диване, чтобы вздремнуть. Хаттон одарил его долгим ненавидящим взглядом. Полицейские старались изо всех сил...

Но шкафчик особым вниманием они не удостоили. Рентген ничего не обнаружил ни в стенах, ни под полом, ни в мебели. Обыск в других помещениях возымел не больший результат. Вэннинг не мог нарадоваться на их усердие.

Наконец Хаттон сдался. Больше он ничего не мог сделать.

— Иск я предъявлю тебе завтра,— на прощание пообещал Вэннинг.— А заодно представлю хабеас корпус* в отношении Маккилсона.

— Поди к черту,— прорычал Хаттон.

— Уже иду...

Вэннинг подождал, пока удалятся его непрошеные гости, затем, похихикивая, вернулся к шкафчику и открыл его.

Медного цвета яйцо, в которое превратился замшевый саквояж, пропало.

Вэннинг обшарил все внутренности ящика, но не нашел ничего. До него это даже не сразу дошло. Он развернул шкафчик, переставив его к окну, и снова обшарил. С тем же успехом. Шкаф был пуст.

Двадцать пять тысяч кредитов в рудных облигациях исчезли.

Вэннинга прошиб холодный пот. Он поднял металлический ящик, потряс его, протащил по кабинету, установил в другом углу, обыскал каждый сантиметр пола. Все было напрасно. Святой...

Хаттон?!

Нет. Вэннинг не спускал глаз с ящика до самого конца обыска. Один из полицейских открыл дверцу, заглянул

---

* Хабеас корпус — один из старейших законов о неприкосновенности личности.

внутрь и снова закрыл. С того момента к шкафчику никто не подходил.

Но облигации исчезли.

И это ненормальное существо, которое раздавил Вэннинг, исчезло тоже.

Да что же все это значит?

Вэннинг подошел к шкафчику и закрыл его, защелкнув замок. Потом еще раз открыл, даже не надеясь, что медное яйцо появится вновь.

Он был прав. Яйцо не появилось.

Вэннинг доплелся до видеофона и вызвал Гэллоуэя.

— Ну чего тебе? А? Что ты хочешь? — На экране возникло мрачное и нелюбезное лицо ученого.— У меня похмелье. И аллергия на тиамин. Как там твой бизнес?

— Послушай,— серьезно начал Вэннинг.— Я положил кое-что в этот твой проклятый ящик, и теперь оно исчезло!

— Ящик исчез? Это забавно.

— Нет! Исчезло то, что я в него положил... Это саквояж...

Гэллоуэй задумчиво покачал головой:

— И ты этого не ожидал. Помню, я однажды соорудил...

— К черту! Я должен получить саквояж обратно!

— Фамильные ценности? — миролюбиво предположил Гэллоуэй.

— Деньги в нем! Деньги!

— Не слишком ли легкомысленно с твоей стороны? С 1949 года не обанкротился ни один банк. Никогда бы не подумал, что ты скряга, Вэннинг. С твоими помощниками можно обвести вокруг пальца кого угодно, а?

— Ты пьян.

— Пытаюсь,— уточнил Гэллоуэй.— Но с годами это становится делать все труднее. И отнимает массу времени. А из-за твоего звонка я уже недобрал два с половиной коктейля. Надо бы приспособить к сифону шланг, чтобы общаться и пить одновременно.

Вэннинг тем временем бессвязно вопил в трубку:

— Мой саквояж! Что с ним случилось? Отдай мне его назад!

— Гм, у меня его нет.

— Ты не можешь узнать, где он?

— Без понятия. Выкладывай подробности. Я соображу что смогу.

Подробности Вэннинг выкладывал без особого энтузиазма.

— О'кей,— буркнул наконец Гэллоуэй.— Ненавижу заниматься теорией, но как одолжение... Это будет тебе стоить пятьдесят кредитов.

— Что? Послушай...

— Пятьдесят кредитов,— повторил Гэллоуэй.— Или никакой теории.

— А она вернет мне саквояж?

— Может, и нет. Все может быть. Попробую сходить в "Механистру", поработать на их вычислителях. Может быть, что и выйдет.

— Ладно-ладно! — простонал Вэннинг.— Иди куда хочешь. Мне нужен этот саквояж.

— Лично меня интересует тот жучок, которого ты раздавил. Из-за него и соглашаюсь. Жизнь в четвертом измерении...— На большее Гэллоуэя не хватило. Что-то бормоча, он поплелся к своей тахте. Вэннинг выключил видеофон.

Он еще раз обследовал ящик, не обнаружив ничего нового, влез в пальто и отправился обедать в "Манхэттен руф". Ему было очень жаль себя.

На следующий день стало еще хуже. Гэллоуэй на вызовы не отвечал, так что Вэннингу оставалось только ждать. Около полудня явился Маккилсон. Он выглядел совершенно свихнувшимся.

— Ты выиграл время,— с порога начал он.— Ну, а что теперь? У тебя есть что-нибудь выпить?

— Ты, кажется, уже выпил,— поморщился Вэннинг.— Катись во Флориду и жди там, пока все не утрясется.

— Меня тошнит от ожидания! Я собираюсь в Южную Америку и мне нужны наличные.

— Подожди, пока я не получу по облигациям.

— Я возьму облигации. Ровно половину, как договаривались.

Вэннинг прищурился:

— И попадешь прямо в руки полиции. Уж в этом можешь не сомневаться.

Но Маккилсон совсем обезумел:

— Да, я сделал ошибку! Но на этот раз нет, я сыграю чисто.

— Ты сыграешь чисто, если подождешь.

— На крыше в вертолете меня ждет приятель. Я поднимусь, суну ему облигации, а потом выйду как ни в чем не бывало. Полиция ничего не найдет.

— Я же сказал — нет,— повторил Вэннинг.— Все это слишком опасно.

— Хранить их у тебя еще опаснее. Если они обнаружат тайник...

— Ничего они не обнаружат.

— Где ты их спрятал?

— Это мое дело.

Маккилсон задергался:

— Возможно, но они все равно где-то здесь. До прихода полицейских тебе просто некуда было их сплавить. Не надо больше играть с судьбой. Они проверяли рентгеном?

— Да.

— Я слышал, Хаттон с целой кучей экспертов изучает чертежи здания. Вот увидишь, они найдут твой сейф. Я хочу опередить их...

Вэннинг развел руками:

— Ты психопат. Я ведь кое-что для тебя сделал, правда? А ты чуть все не испортил.

Маккилсон тупо грыз ноготь.

— Проклятье! Я сижу как на вулкане, а подо мной термиты. И не стану дожидаться, пока они доберутся до облигаций. А в Южной Америке полиция меня не достанет.

— Тебе придется подождать,— отрубил Вэннинг.— Это твой самый верный шанс.

В руке Маккилсона неожиданно возник пистолет.

— Ты отдашь мне половину облигаций прямо сейчас! Я ни на грош тебе не верю. Ты собираешься меня надуть... Ни черта, гони облигации!

— Нет,— сказал Вэннинг.

— Я не шучу.

— Знаю, что не шутишь. Но не могу достать облигации.

— Почему это?

— Слышал когда-нибудь о ящике времени? — осторожно осведомился Вэннинг, не сводя глаз с пистолета.— Ты прав, я поместил саквояж в потайной сейф, который не смогу открыть, пока не пройдет определенное время.

— Гм-м,— задумался Маккилсон.— И когда...

— Завтра.

— То есть завтра я смогу забрать свои облигации?

— Если ты так хочешь. Но я советовал бы изменить решение. Это будет для тебя безопаснее.

Вместо ответа Маккилсон молча ухмыльнулся и вышел. Вэннинг сидел неподвижно. Впервые он был по-настоящему напуган. Чего доброго этот маниакально-депрессивный тип действительно его застрелит. Терять тому нечего. В любом случае осторожность не помешает.

Вэннинг снова попытался связаться с Гэллоуэем и в который раз осторожно заглянул в шкафчик. Тот был пуст.

До Гэллоуэя Вэннинг добрался к вечеру. Приятель был утомлен и к тому же успел не раз приложиться к коктейлю. Он раздраженно кивнул на стол, заваленный обрывками бумаги:

— По твоей милости у меня голова разболелась. Знай я заранее принцип действия этой штуковины — близко бы к ней не сунулся. Да сядь же ты, выпей. Пятьдесят кредитов принес?

Вэннинг молча передал купюры. Гэллоуэй засунул их в "Монстра".

— Отлично. Теперь...— Он развалился на тахте. — Теперь приступим. Дело стоит пятидесяти кредитов.

— Я получу обратно саквояж?

— Нет,— спокойно заявил Гэллоуэй.— Во всяком случае, я не вижу, как это сделать. Сейчас твой саквояж в другом пространственно-временном секторе.

— Да что все это значит?

— Это значит, что ящик действует наподобие телескопа. Только предмет попросту не виден. Я думаю, в ящике есть окно. Ты можешь и заглянуть в него, и проникнуть. Это окно в настоящее плюс икс.

Вэннинг нахмурился:

— Ты так ничего и не сказал.

— Пока все, что я имею, — теория. Боюсь, до практики и не дойдет. Взгляни. Раньше я ошибался. Предметы, попадавшие в ящик, не оказывались в другом пространстве, поскольку пространство везде постоянно. Я имею в виду, что они не должны были уменьшаться. Размер остается размером — перенос однодюймового кубика отсюда на Марс не сделает его ни больше, ни меньше.

— А разная плотность среды? Разве она не раздавит кубик?

— Безусловно. И он останется раздавленным. Он не вернется к прежним размерам и форме, когда будет изъят

из ящика. Икс плюс игрек никогда не равняются икс-игрек. Но икс времени игрек...

— Ну?

— Это игра слов,— резко оборвал Гэллоуэй, не пожелав углубляться в детали.— Предметы, которые попадали в ящик, перемещались во времени. Их временные отношения оставались постоянными, а вот пространственные — нет. Два предмета не могут занимать одну и ту же точку в пространстве одновременно. Эрго, твой чемодан переместился в другое время — настоящее плюс икс. А что представляет собой икс — понятия не имею. Хотя могу предположить, несколько миллионов лет.

Вэннинг был ошеломлен.

— Так саквояж от нас в миллионе лет?

— Не знаю уж, насколько он действительно далеко от нас, но я бы предположил, что очень. Мне не хватает данных, чтобы вывести это уравнение. Я пользовался индуктивным методом, и результаты чертовски странные. Эйнштейн был бы в восторге: моя теория доказывает, что Вселенная расширяется и сжимается одновременно.

— Какое это имеет отношение к...

— Движение относительно,— гнул свое Гэллоуэй.— Это фундаментальный принцип. Да, Вселенная растягивается, расширяется, как газ, но в то же время ее составные части сжимаются. То есть, знаешь ли, ни солнца, ни атомы в действительности не растут. Они просто удаляются от центральной точки, разлетаясь по всем направлениям... о чем это я? Да, в действительности Вселенная, как некое целое, сжимается.

— Ну сжимается, а где мой саквояж?!

— Я же сказал тебе. В будущем. Я дошел до этого с помощью индуктивной логики. Это потрясающе просто и логично. И совершенно недоказуемо. Сто, тысячу, миллион лет назад Земля — и Вселенная — были больше, чем сейчас. И они продолжают сжиматься. Когда-нибудь в будущем Земля будет вдвое меньше, чем теперь. Только мы этого не заметим, так как и Вселенная будет пропорционально меньше.

Гэллоуэй мечтательно продолжал:

— Мы поместили в шкафчик верстак, и он появился где-то в будущем. Этот шкаф, как я и говорил, вроде окна в другое время. И на верстак повлияли физические условия этого другого времени. Он сжался после того как мы

дали ему несколько секунд для поглощения энтропии. Разве я имел в виду энтропию? Аллах его знает. Ну ладно...

— Он превратился в пирамиду.

— Не исключено, что этому процессу сопутствуют геометрические искажения. Или это просто оптический обман. Я сомневаюсь, что в будущем предметы действительно будут выглядеть иначе — разве что станут меньше, — но здесь мы используем окно в четвертое измерение. Временные искажения... Это как если бы смотреть сквозь призму. Изменения величины реальны, а форма и цвет лишь кажутся измененными при взгляде через призму четвертого измерения.

— То есть смысл в том, что мой саквояж находится в будущем. Да? Но почему он исчез из ящика?

— А что это за маленькое существо, которое ты раздавил? Может быть, у него есть приятели. Их не будет видно, пока они не попадут в очень узкий фокус... или поле зрения... в общем, постигай сам. Когда-нибудь в будущем — через сто, тысячу или миллион лет — чемодан неожиданно появляется прямо из воздуха. Один из наших потомков занимается исследованием. Ты убиваешь его. Его друзья приходят и уносят чемодан за пределы ящика. В пространстве он сейчас может быть где угодно, а фактор времени неизвестен. Настоящее плюс икс. Это ящик времени. Ясно?

— Дьявольщина! — взорвался Вэннинг.— И это все, что ты можешь мне сказать? Я должен списать саквояж в убытки?

— Ага. Разве что сам рискнешь залезть за ним в ящик. Но тогда одному Богу известно, где ты окажешься. За несколько тысяч лет состав воздуха, вероятно, изменится. Возможны и другие перемены. Ну так как?

— Я не сумасшедший.

На этом и кончилось. Облигации пропали без надежды на возвращение. Вэннинг утешился тем, что ценные бумаги уже никак не попадут в руки полиции. Но оставалась проблема с Маккилсоном, особенно после пули, пробившей стеклоплексовое окно в офисе Вэннинга.

Встреча с Маккилсоном не принесла желаемого результата. Растратчик был убежден, что Вэннинг пытается его надуть. Маккилсона вышибли силой, а он продолжал выкрикивать угрозы: он пойдет в полицию, он признается...

Пусть идет. Улик у него нет, ну и черт с ним! Но для пущей безопасности Вэннинг состряпал заявление в суд на своего бывшего клиента.

Из этого ничего не вышло. Маккилсон дал в зубы судейскому и удрал. Вэннинг подозревал, что теперь он прячется по темным углам, вооруженный и жаждущий его прикончить. Ясное дело, маниакально-депрессивный тип.

Вэннинг затребовал себе пару переодетых в штатское агентов для охраны. Что поделаешь, его жизнь была под угрозой. Пока Маккилсон значительно ограничен в действиях, Вэннинг чувствовал себя в безопасности. Он удостоверился в том, что двое его охранников — самые лучшие стрелки манхэттенской полиции. Но скоро убедился, что им было поручено также разнюхать насчет пропавших облигаций и замшевого саквояжа. Вэннинг вызвал по видеофону адвоката Хаттона и, ухмыляясь в самый экран, поинтересовался:

— Ну, как успехи?

— Что ты имеешь в виду?

— Моих сторожевых псов. И твоих шпиков. Они не найдут облигаций, Хаттон. Лучше их отозвать. Зачем заставлять бедняг делать двойную работу?

— Хватит, если они справятся с одной. Это поиски улик. Если бы Маккилсон добрался до тебя, я бы не слишком расстроился.

— Что ж, увидимся в суде,— хмыкнул Вэннинг.— Ты занимаешься делом Уотсона, не так ли?

— Да. Ты насчет применения скопа?

— На присяжных? Разумеется. Процесс у меня в кармане.

— Так тебе только кажется,— процедил Хаттон и отключился.

Хихикая, Вэннинг надел пальто, собрал свою охрану и направился в суд. Маккилсона не было видно...

Вэннинг выиграл дело, как и ожидал. Он вернулся в офис, забрал несколько обычных сообщений от телефонистки и направился к своему личному кабинету. Открыв дверь, он увидел в углу на ковре замшевый саквояж.

Адвокат так и примерз к ручке двери. Сзади слышалась тяжелая поступь охраны. Не оборачиваясь, Вэннинг бросил: "Одну минутку", — и увильнул в кабинет, захлопнув за собой дверь.

Саквояж. Это был он, никаких сомнений. Несомненным было и то, что двое его стражей после непродолжительного совещания принялись ломиться в дверь.

Вэннинг позеленел. Он сделал нерешительный шаг вперед и вдруг увидел шкафчик в том самом углу, в

который он его задвинул. Ящик времени... Идеальный тайник — вот что это было! Если он засунет туда чемодан, тот станет неузнаваемым. Даже если он исчезнет опять, это неважно. Важно было другое: избавиться, и немедленно, от этой улики...

Дверь затрещала. Вэннинг рванулся к саквояжу и схватил его. Краем глаза он заметил какое-то движение.

В воздухе над ним появилась рука. Гигантская рука в безупречном белом манжете. Все остальное исчезало где-то в пустоте. Огромные пальцы тянулись вниз...

Вэннинг завопил и отскочил в сторону. Недостаточно быстро. Рука опустилась, и юрист забился на ладони.

Рука сжалась в кулак. Когда кулак разжался, из него выпало, пачкая ковер, то, что осталось от Вэннинга.

Рука удалилась в неизвестность. Выломанная дверь рухнула, и два агента тяжело дыша ввалились в кабинет.

Вскоре приехал Хаттон со своими людьми. Им осталось сделать немногое — разве что все прибрать. Замшевый саквояж с двадцатью пятью тысячами кредитов облигациями был унесен в безопасное место. Вэннинга соскребли с ковра и отправили в морг. Фотографы сделали снимки, эксперты по отпечаткам пальцев распылили белый порошок, специалисты по рентгену выполнили свою часть работы. Все было сделано быстро: через час офис был пуст и дверь опечатана. Таким образом, не оказалось свидетелей, которые могли бы рассказать о явлении гигантской руки, возникшей из ниоткуда, пошарившей вокруг как бы в поисках чего-то и снова исчезнувшей...

Единственным человеком, который мог бы пролить свет на это дело, был Гэллоуэй, но его замечание адресовывалось "Монстру" в тишине уединенной лаборатории. Все, что он сказал, было:

— Вот почему тот верстак материализовался здесь вчера на несколько минут. Гм-м. Настоящее плюс икс... и икс равен приблизительно неделе. Почему бы и нет? Все относительно. Но я никогда не предполагал, что Вселенная сжимается так быстро!

Он поудобней устроился на тахте и запустил в себя двойной мартини.

— Так и есть,— задумчиво пробормотал он спустя некоторое время.— Вот это да! Вэннинг, пожалуй, был единственным, кому удалось оказаться в середине следующей недели и убить там самого себя. Да, надо напиться.

И он напился.

Теодор Старджон
БОРГОВЛЯ ТУТЫЛКАМИ

Никогда прежде я не замечал этого магазинчика — а ведь живу всего в полутора кварталах отсюда. Хотите, дам адрес? Называется "Борговля тутылками"— между Двадцатой и Двадцать первой улицами, на Десятой авеню, Нью-Йорк. Можете отправиться туда сами и поискать. Возможно, вы об этом не пожалеете.

Но лучше не пробуйте.

"Борговля тутылками". Это меня сразу остановило. Представьте себе лавчонку с уныло скрипящей на ветру облупившейся вывеской, болтающейся на кованой завитушке. Я было прошел мимо: в кармане у меня лежало обручальное кольцо, которое Одри мне только что вернула, и мысли мои были очень далеко от таких вещей, как лавочки по борговле тутылками. Я говорил себе, что Одри могла бы найти для описания моей особы иное слово, чем "никудышный". А ее заявление о том, что я "прирожденный психопатический никчемушник, заведомо неприспособленный к жизни", было настолько же неуместно, насколько выспренно. Она, несомненно, вычитала где-то эту тираду и теперь выдала ее на-гора, присовокупив: "И я бы не вышла за тебя, даже если бы ты был последним мужчиной на земле",— что, как вы понимаете, тоже довольно-таки потертое клише.

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

"Борговля тутылками!" — пробормотал я и приостановился, задумавшись, где я подхватил такое странное сочетание. Ясно — прочел на вывеске. "А что такое "Борговля тутылками"? — спросил я себя. И сам себе уверенно ответил: "Не знаю. Вернись и выясни, если хочешь".

Так я и сделал — прошел назад по восточной стороне Десятой авеню, размышляя, кто может содержать это заведение и чем они там занимаются.

Ответ на этот второй вопрос мне дала надпись на табличке в окне, трудно читаемая из-за наслоений пыли — несомненно, пыли веков. Там было написано:

МЫ ПРОДАЕМ БУТЫЛКИ

Там еще что-то было написано — буквами поменьше. Я протер пыльное стекло рукавом и наконец разобрал и эту строку:

С РАЗНООБРАЗНЫМ СОДЕРЖИМЫМ!

Да, именно так:

МЫ ПРОДАЕМ БУТЫЛКИ
С РАЗНООБРАЗНЫМ СОДЕРЖИМЫМ!

Ну и, естественно, я зашел. Содержимое у бутылок порой бывает очень даже приятным, а я, по моему состоянию, не возражал бы против пары стаканчиков приятности.

— Закройте ее! — крикнул кто-то, лишь только я, толкнув дверь, шагнул внутрь. Голос исходил от плавающего в воздухе над углом прилавка огромного белого яйца. Вглядевшись, я понял, что это вовсе не яйцо, а лысина какого-то старичка, вцепившегося в прилавок. Его тщедушное костлявое тело висело в воздухе, колышимое сквозняком от открытой мною двери, словно было сделано из мыльных пузырей. В некотором изумлении я пнул дверь пяткой. Та закрылась, и человечек шлепнулся на пол, но тут же, улыбаясь, поднялся на ноги.

— Рад снова вас видеть,— проскрипел он. Похоже, его голосовые связки тоже были здорово пропылены. Как всё в лавчонке. Когда дверь закрылась, мне показалось, что я оказался внутри огромной пропыленной головы, закрывшей глаза. Нет, света было достаточно.

Но это был не дневной и не искусственный свет, а что-то вроде света, отраженного бледными — очень бледными — щеками. Не могу сказать, чтобы этот свет мне понравился.

— Почему вы сказали — "снова"? — с некоторым раздражением спросил я.— Вы же меня никогда раньше не видели.

— Разумеется видел — когда вы вошли. Я упал, а потом поднялся и снова вас увидел,— вывернулся старикашка и расплылся в улыбке.— Чем могу служить?

— Ну,— ответил я,— я прочел вашу вывеску. Найдется ли у вас бутылка с хорошим содержимым?

— А что вы хотите?

— А что у вас есть?

Вместо ответа он вдруг разразился стихами, которые я и сегодня помню слово в слово:

За пару монет — удачи флакон
Иль редкого шанса бутыль;
Иль этот флакон — принесет тебе он
На сказку похожую быль.
Из этой бутыли один глоток —
И тебя не промочат дожди;
А вот еще один пузырек —
С ним победы на скачках жди.
Вот бутылка чертей и креветок бутыль
Из морей, что неведомы вам;
Вот от страха лекарство и звездная пыль,
Это — трель, что наигрывал Пан.
Можно все получить: работу, жену,
Дар в воде уцелеть и в огне;
Иль уменье пройти в — Иную Страну...
И все — по доступной цене.

— Эй, эй, постойте! — оборвал его я.— Вы что, всерьез торгуете кровью дракона, чернилами отца Бэкона и прочей дребеденью?

Он быстро покивал и заулыбался во всю свою невозможную физиономию.

— Все настоящее, без подделок? — настаивал я. Он снова покивал.

— Вы хотите сказать, что вот так стоите тут, в этом городе, средь бела дня и, не боясь, что вам попортят карточку, несете чушь и ждете, что я — я, образованный, интеллектуальный человек...

— Вы очень невежественны, вдвое более глупы, чем невежественны, и вдвое более напыщенны, чем глупы,— тихо сказал он.

Я метнул на него взгляд, каким можно испепелить человека на месте, потянулся к дверной ручке — и замер. В самом буквальном смысле. Старикашка выудил откуда-то допотопный пульверизатор с резиновой грушей и пару раз брызнул на меня, когда я поворачивался. И господи помилуй, я просто не мог шевельнуться! Зато думать я мог по-прежнему и, клянусь, использовал эту возможность на все сто!

Хозяин лавчонки выбрался из-за прилавка и подбежал ко мне. Похоже, что за стойкой он стоял на ящике, потому что в нем было никак не больше трех футов роста. Он вскарабкался мне на плечи и затем съехал оттуда прямо на руку, протянутую к дверям. Он сидел у меня на руке, болтал ножками и хихикал. По-моему, он вообще ничего не весил.

Когда мой запас ругательств иссяк — а я считаю делом чести не повторяться,— он сказал:

— Ну как, *это* вас убеждает, о мой нахальный и невежественный друг? Это была эссенция из волос Горгоны. И пока я вам не дам антидот, вы так и будете тут стоять. Хоть до гу́дущего бо́да!

— Сейчас же отпусти меня,— прорычал я,— не то я так тебе врежу, что у тебя мозги через зад вылетят!

Он только хихикнул.

Я вновь попытался высвободиться, но тщетно. Как если бы кожа моя превратилась вдруг в кокон из легированной высокоуглеродистой стали. Я снова принялся ругаться, но уже от бессилия.

— Вы просто возомнили о себе невесть что,— объяснил владелец "Торговли тутылками".— А взгляните-ка на себя! Да я бы не нанял вас даже стекла мыть. Вы хотите жениться на девице, которая привыкла, прямо скажем, к полурастительному существованию, и дуетесь на весь белый свет, когда она вас отвергает. А знаете, почему она вам отказала? Потому что у вас нет и никогда не будет работы. Вы неудачник. Вы бездельник. Вы не умеете и не желаете жить своим трудом. Хи! Хи! И вы позволяете себе учить своих ближних! Так вот, будь я на вашем месте, я бы *очень* вежливо попросил отпустить меня, а затем ждал бы, не найдется ли в этом магазине доброй души, которая согласилась бы продать мне бу-

тылку с полезным Содержимым, которое, возможно, помогло бы мне...

Должен сказать, что я никогда и ни перед кем не извиняюсь, не иду на попятную и не позволяю всяким торговцам болтать что на ум взбредет. Но тут случай был особый. Никогда раньше меня не превращали в камень, и никогда раньше меня не тыкали носом в такое количество обидных истин. Я сдался.

— Ладно, ладно, ваша взяла. Отпустите меня, и я что-нибудь куплю...

— Слишком кисло,— самодовольно упрекнул он, легко соскользнув на пол и взяв распылитель наизготовку.— Вы должны сказать: "Пожалуйста, очень вас прошу".

— Очень вас прошу,— выговорил я, давясь от унижения.

Он отошел к прилавку и вернулся с пакетиком порошка, который и дал мне понюхать. Через пару секунд меня прошибло пóтом, и к моему телу так быстро вернулась гибкость, что я едва устоял на ногах. Я наверняка грохнулся бы и расшиб затылок, если бы не продавец, который заботливо подхватил меня и усадил на стул. Когда сила понемногу стала возвращаться в мое потрясенное тело, я было подумал, что сумел бы пальцем перешибить этого гнома за его шуточки. Однако меня остановила странная мысль — странная потому, что никогда раньше я ни о чем таком не думал. А именно, я понял, что когда выйду из лавки, я вынужден буду согласиться с невысокой оценкой моей персоны, данной продавцом.

А он ничуть не беспокоился. Оживленно потирая ручки, он повернулся к полкам.

— Нуте-с, посмотрим... Интересно, что же вам все-таки подойдет? Хм-ммм... Успех вы оправдать не сумеете. Деньги? Вы не знаете, что с ними делать. Хорошая работа? Так вы не годитесь ни для какой работы...— Он сочувственно оглядел меня и покачал головой.— Тяжелый случай. Тц-тц-тц... (Я почувствовал, как у меня по спине побежали мурашки.) Идеальная подруга жизни? Ну, нет. Вы слишком глупы, чтобы распознать идеал, слишком эгоистичны и влюблены в себя, чтобы оценить его. Право, не знаю, чем я могу... хотя постойте!

Он выхватил с полок пяток бутылок и банок и скрылся где-то в темных недрах магазина. Раздавшиеся звуки свидетельствовали о бурной деятельности — звенело стекло, что-то хрустело и пестик скрежетал в ступке.

Потом я услышал, как жидкость вливают в посуду с порошком и размешивают при этом; и наконец, как получившимся снадобьем через фильтровальную воронку с бульканьем наполняют бутыль. И вот хозяин вернулся ко мне, гордо неся небольшую, унции на четыре, бутылочку без этикетки.

— Вот, в самый раз! — он так и сиял.

— В самый раз — для чего?

— То есть как для чего? Чтобы вылечить вас, разумеется!

— Вылечить? — моя, как выражалась Одри, самоуверенная напыщенность вернулась ко мне, пока он смешивал свое зелье.— Что значит вылечить? Я в полном порядке!

— Милый мальчик,— тон его был совершенно непереносим, оскорбителен.— Милый мой мальчик, вы совершенно НЕ в порядке! Разве вы счастливы? Разве вы хоть когда-нибудь были счастливы? Нет. Так вот, *это* я и собираюсь вылечить. Точнее сказать, я подтолкну вас к выздоровлению; ну а остальное — уже ваше дело. От больного всегда требуется помощь врачу...

В общем и целом, молодой человек,— продолжал он,— ваш случай — очень тяжелый. Выражаясь профессиональным языком, у вас наблюдается чрезвычайно запущенный случай злокачественной формы ретрогрессивного метампсихоза эго. Вы от природы непригодны ни к какому делу. Вы — отвратительный социофаг. Вы мне совершенно не нравитесь. Вы никому не нравитесь.

Я чувствовал себя примерно как под бомбежкой. Заикаясь, я выдавил:

— Что... что в-вы хотите?..

Он протянул бутылку.

— Подите домой. Запритесь в комнате, один. Чем комната меньше, тем лучше. Выпейте до дна, прямо из бутылки. Ждите, пока подействует. Всё.

— Но — что со мной будет?

— *С вами* — ничего. *Для вас* — много чего. Содержимое этой бутылки может сделать для вас ровно столько, сколько вы пожелаете. А теперь слушайте внимательно! Пока вы будете использовать то, что даст вам содержимое, для собственного развития и улучшения своего положения — вы будете процветать. Но попытайтесь только тешить себя самолюбованием, или хвастаться, или, того хуже, мстить кому-то, пользуясь тем, что

вы получите, — и последствия будут для вас ужасны. Помните это!

— Но что это такое? Каким образом...

— Я продаю вам талант. У вас сейчас таланта нет, никакого. Когда вы обнаружите сущность своего таланта, от вас будет зависеть, как вы им воспользуетесь. А теперь уходите; вы мне по-прежнему не симпатичны.

— Сколько я вам должен? — пробормотал я, совершенно на этот раз уничтоженный.

— Цена входит в само Содержимое. Вам не придется ничего платить, если только вы будете следовать моим указаниям. А теперь уходите, не то я раскупорю бутылку с джинном — я имею в виду отнюдь не "Лондон Драй"!

— Иду-иду,— поспешил сказать я, заметив подозрительное шевеление внутри огромной десятигаллонной бутыли, в каких держат кислоты. Это шевеление мне совсем не понравилось.— До свидания!

— Со двидания,— ответил он.

Я вышел, прошел по Десятой авеню, свернул на Двадцатую улицу и ни разу не обернулся. Теперь-то я об этом жалею, потому что, несомненно, было в этой "Борговле тутылками" нечто чрезвычайно странное.

Я смог успокоиться, только когда добрался домой и выпил чашку крепкого кофе по-итальянски. К этому времени ко мне уже вернулось немного скепсиса; я даже попытался посмеяться над всем, что было со мной в той лавчонке. Только почему-то не хотелось смеяться... Я кисло посмотрел на бутылочку. В темном стекле мне померещился ответный взгляд.

Хмыкнув, я зашвырнул бутылочку на верхнюю полку шкафа, за старые шляпы, и уселся поудобнее. Я тогда очень любил расслабляться вот так. Для этого я принимал излюбленную позу — клал ноги на стул и съезжал по обивке кресла так, что в конце концов упирался в сиденье лопатками. Как говорится, "иногда я сижу и размышляю, а иногда — просто сижу". Первое достаточно просто, и через это проходит даже записной лентяй, прежде чем он достигнет блаженного второго состояния... Чтобы научиться как следует расслабляться и "просто сидеть", нужны годы практики. Ну я-то овладел этим искусством уже несколько лет назад.

И вот как раз когда я был готов впасть в растительное состояние, что-то мне помешало. Я попытался не обра-

щать внимания. Я проявил сверхчеловеческое отсутствие любопытства. Но это что-то не отставало. Такое, знаете ли, легкое давление на локоть в том месте, где он касался подлокотника. Я волей-неволей задумался о том, что бы это могло быть. А это — самое последнее дело. Короче, в конце концов я сдался, глубоко вздохнул и открыл глаза.

Бутылка.

Я зажмурился и снова взглянул. Но бутылка по-прежнему была тут. Дверца шкафа открыта, полка — прямо над моей головой. Упала, стало быть. Ну что ж... если эта штука будет на полу, ей ведь некуда будет падать, верно? Я локтем спихнул бутылку на пол.

А она отскочила, как мячик. Отскочила с такой поразительной точностью, что снова оказалась на том же самом месте — на подлокотнике кресла, у самого моего локтя. Ничего себе! Я швырнул бутылку в стену. И что вы думаете? Она отскочила от стены на полку под журнальным столиком, срикошетила и вновь оказалась на подлокотнике, на этот раз у моего плеча. Пробка от всех этих прыжков и полетов с легким хлопком выскочила из горлышка и скатилась мне на колени. Я ощутил горьковато-сладковатый запах Содержимого. Я был немного испуган и чувствовал некоторую несуразность ситуации.

Я осторожно понюхал. Пахло чем-то неуловимо знакомым; но откуда мне может быть знаком этот аромат?.. Да. Так пахли румяна и прочие краски, какими пользуются девочки из притонов Фриско. Жидкость была темная, скорее даже дымчато-черная. Я осторожно попробовал. Неплохо! Если это не алкоголь, то старикашке-бутылочнику удалось придумать недурную замену алкоголя. Со второго глотка снадобье мне определенно понравилось, с третьего я был в восторге, ну а на четвертый глоток ничего не осталось. Кстати, к этому времени я вспомнил и название краски с этим диковинным запахом, которая, видно, была использована в снадобье.

Коуль. На Востоке верят, что с помощью этой травки можно видеть сверхъестественные существа. Предрассудки...

Но тут зелье, видно, угрелось у меня в желудке и словно вскипело. И, кажется, увеличилось в объеме. Я попытался подняться, но не смог. Комната взорвалась и обрушилась на меня.

Ни вам, ни кому другому не пожелаю просыпаться так, как проснулся я. Ни в коем случае не советую выныривать из тяжелого сна и, оглядевшись, видеть вокруг себя плавающие в воздухе, трепещущие, порхающие, ползающие предметы — какие-то отечные штуки, роняющие капли крови, и пленчатые странные создания, и части человеческого тела, и... Это был кошмар. Всего в дюйме от моего носа плавала в воздухе человеческая рука. От моего сдавленного вскрика она медленно заколыхалась, и ее пальцы медленно шевелились при этом. Что-то пузырчатое, все оплетенное сосудами, выскочило из-под кресла и покатилось по полу. Я услышал еле слышное пощелкивание и, подняв глаза, обнаружил пару челюстей без малейших признаков лица. Я не выдержал и заплакал, а потом, кажется, снова отключился...

Когда я опять пришел в себя — это было несколько часов спустя, потому что стало совсем светло, а часы остановились — и ручные, и настенные,— обстановка несколько улучшилась. Ну, конечно, дряни вокруг болталось предостаточно, но почему-то она меня уже не так беспокоила. Я теперь точно знал, что спятил, а раз так, то чего зря переживать? Не знаю, возможно, в состав снадобья входило что-то успокоительное. Мне было любопытно, я был взволнован — вот и все. А когда я огляделся, мне это почти понравилось.

Стены были сплошь покрыты зеленью. Драные обои превратились в нечто потрясающе прекрасное. Больше всего "это" напоминало мох; только никогда человеческим глазам не приходилось видеть такого красивого мха. Он был длинный, густой и постоянно колыхался — не из-за ветра, а потому что он рос. Это было здорово. Я подошел поближе. В самом деле: словно по волшебству, мох вырастал, давал споры, погибал, споры прорастали, новый мох давал новые споры... И эта зеленая магия была, однако, лишь частью удивительного целого. А такого зеленого цвета просто не могло существовать в природе! Я осторожно протянул руку — мне хотелось погладить удивительный мох, — но рука наткнулась только на шершавые обои. Однако когда я сжал в руке зеленые пряди, я почувствовал легкое прикосновение — словно вес двух дюжин солнечных лучей, словно мягкое сопротивление непроглядного мрака в замкнутом пространстве... Ощущение мимолетного экстаза, восторга — я в жизни не испытывал подобного счастья.

Из плинтусов вырастали маленькие белоснежные грибы. Пол зарос травой. По дверце шкафа карабкались пышно цветущие плети вьющихся растений. Их лепестки светились красками, для которых у нас нет названий. Казалось, до этой минуты я был слеп и глух — теперь я слышал шорох алых полупрозрачных насекомых в листве и непрерывный шелест растущей зелени. Это был новый и прекрасный мир, такой хрупкий, что ветер от моих движений обрывал нежные лепестки, и такой реальный и живой, что мысль о его неестественности исчезла сама собой. Потрясенный, я озирался вокруг, ходил по комнате, заглядывал под дряхлую мебель, открывал пыльные книги — и всюду, куда смотрел, я находил все новые и новые прекрасные и чудесные вещи.

А когда я лежал на животе, вглядываясь в сетку кровати, где угнездилось целое семейство ярких, как самоцветы, ящериц, я услышал плач.

Кто-то всхлипывал. Голос был детский и очень жалобный, и ему было вовсе не место в этой радостной комнате. Я встал и огляделся. В углу съежилась прозрачная детская фигурка. Девочка сидела, прислонившись спиной к стене и скрестив тоненькие ноги. В одной руке она держала потрепанного игрушечного слоненка, ухватив его за лапу, а другой утирала слезы. У нее были длинные темные волосы, рассыпавшиеся по плечам и упавшие на лицо.

— Что случилось, малышка? — спросил я. Не выношу, когда ребенок плачет...

Плач оборвался. Она смахнула в сторону волосы и посмотрела как-то мимо меня. Смуглое лицо и огромные фиалковые глаза, полные слез.

— Ой! — вскрикнула она испуганно.

— В чем дело? — повторил я.— Отчего ты плачешь?

Она крепко прижала к груди слоненка и дрожащим голоском спросила:

— Где т-ты?..

— Прямо перед тобой, малышка,— удивленно ответил я.— Ты что, не видишь меня?

Она покачала головой.

— Нет. Я боюсь. Кто ты?

— Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто услышал, как ты плачешь, и решил узнать, не могу ли я тебе чем-нибудь помочь... Так ты меня правда совсем не видишь?

— Нет,— прошептала она.— Ты... ангел?

Я расхохотался.

— Ничего похожего! — Я подошел поближе и положил ей руку на плечо. Рука прошла сквозь ее тело, она вздрогнула, отпрянула и скорчилась еще больше, слегка вскрикнув.

— Прости,— поспешно сказал я.— Я не хотел... так ты вовсе не видишь меня? Я-то тебя вижу!

Она снова покачала головой.

— Ты, наверно, привидение,— сказала она.

— Еще чего! А ты-то кто такая?

— Я Джинни,— сказала она.— Я должна сидеть тут, и мне не с кем играть...

Она заморгала, готовая снова расплакаться.

— Ты откуда? — осторожно полюбопытствовал я.

— Я приехала с мамой,— объяснила Джинни.— Мы с ней раньше жили в других меблированных комнатах. Много где. Мама мыла полы в конторах. Ну вот, мы переехали сюда, и я сильно заболела. Болела, болела очень долго, а потом однажды встала и решила посидеть вот здесь, а когда снова посмотрела на кровать, то я опять лежала там. Очень смешно. Вот, а потом пришли какие-то люди, положили ту "меня", которая на кровати, на носилки и унесли. А еще потом мама уехала. Она долго плакала, а когда я ее звала, она не слышала. Мама потом так и не вернулась больше... А мне пришлось остаться тут.

— Почему?

— Ну, просто пришлось. Я не знаю почему. Просто пришлось.

— А что ты тут делаешь?

— Просто сижу и думаю... Однажды тут жила одна леди. У нее была маленькая девочка, как я. Мы с ней играли, только эта леди однажды увидела, как мы играем. Ух она и раскричалась! Она сказала, что ее девочка — "одержимая". Девочка плакала и звала меня. Она кричала: "Джинни, Джинни! Ну скажи маме, что ты здесь!" Я и говорила, только ее мама меня не слышала и не видела. Тогда она напугалась, обняла девочку и заплакала... Мне их было очень жалко. Я снова спряталась здесь и не выходила. Скоро девочка про меня забыла... А потом они уехали.

Я был тронут.

— Что же с тобой будет, Джинни?

— Не знаю,— задумчиво сказала она.— Придется сидеть и ждать, когда мама вернется. Я здесь уже давно. Наверно, я это заслужила...

— Почему, Джинни?

Она виновато опустила глаза.

— Ну, я болела, и мне было так плохо, что я больше не могла терпеть. Вот я и вылезла из кровати раньше времени. А мне было положено лежать. Вот за это меня здесь и оставили... Но мама придет, вот увидишь!

— Конечно придет,— пробормотал я. У меня перехватило горло.— Не плачь. Выше нос! И... когда захочешь поговорить, позови. Если я буду рядом, я отвечу...

Она улыбнулась и сразу стала очень хорошенькой. Для ребенка *это* чересчур все-таки... Я надел шляпу и вышел.

Снаружи все оказалось так же, как в комнате. Холлы и пыльные дорожки на лестницах поросли диковинными растениями со сверкающими, почти неосязаемыми листьями. Здесь было уже не темно, как раньше, — каждый лист светился своим собственным бледным светом. Иногда, правда, попадались менее приятные вещи. Кто-то торопливо ковылял взад-вперед по площадке четвертого этажа и хихикал. Я толком не разглядел, но, по-моему, это был Дубина Броган, ирландец, пьяница и бездельник. С год тому назад он заявился сюда прямо после ограбления склада только для того, чтобы пустить себе пулю в лоб. Должен признаться, мне его нисколько не было жалко.

А на втором этаже, на нижней ступеньке лестницы, сидели двое — юноша и девушка. Она положила голову ему на плечо, а он обнял ее. Сквозь них были видны перила. Я остановился и прислушался. Голоса у них были тихие и доносились словно бы издалека.

Он сказал:

— У нас есть только один выход.

Она сказала:

— Томми, не надо так говорить!

— А что еще мы можем сделать? Я люблю тебя три года, и мы не можем пожениться. Нет денег. Нет надежды. Ничего нет. Сью, если мы сделаем *это*, мы всегда будем вместе, я знаю. Всегда. Всегда...

После долгого молчания она сказала:

— Хорошо, Томми. У тебя пистолет, ты сказал?..

Она вдруг прижалась к нему еще крепче.

— Ох, Томми, ты уверен, что мы всегда будем вместе вот как теперь?

— Всегда,— прошептал он и поцеловал ее.— Как теперь.

Последовало долгое молчание, во время которого они были неподвижны. Потом вдруг они снова сидели, как в тот момент, когда я их увидел, и он сказал:

— У нас есть только один выход.

Она сказала:

— Томми, не надо так говорить!

А он сказал:

— А что еще мы можем сделать? Я люблю тебя три года, и...

И так было снова, и снова, и снова.

Мне стало нехорошо. Я выскочил на улицу.

Кажется, до меня стало доходить, в чем тут дело. Продавец назвал это "талантом". Я ведь в своем уме, правда? Во всяком случае, психом я себя не чувствовал. Снадобье открыло мои глаза для нового мира. Этот мир...

...Это был мир, населенный призраками. Они жили здесь — привидения из детских книг, призраки, духи, кладбищенские страхи и просто бедные неприкаянные души. Все, что положено для историй о сверхъестественном, все, что мы слышали, чему не верили на людях и о чем с замиранием сердца думали наедине с собой. Ну так что же? Какое ко мне-то все это имеет отношение?

Шло время, и довольно скоро я почти привык к моему новому миру, все больше раздумывая над этим вопросом — то есть о том, какое он имеет отношение ко мне. Стало быть, я купил — вернее, получил в подарок — талант. Я мог видеть призраков. Я мог видеть мир духов, даже его призрачную растительность. Причем все это было вполне объяснимо — я имею в виду деревья, птиц, мох, цветы и прочее. Призрачный мир — это тоже мир, он похож на наш, и значит в нем должны быть животные и растения. И я все это видел, а духи меня — нет.

Хорошо; но какую выгоду можно извлечь из этого? Нет смысла рассказывать или писать об этом мире — мне все равно не поверят. К тому же я, судя по всему, обладаю чем-то вроде монополии на контакт с призрачным миром; так с чего бы мне делиться с кем-либо?

Да, но *чем* делиться?

Решительно не видел я никакой выгоды для себя в этом "таланте". Мне была нужна подсказка. И вот на шестой день после того как я принял снадобье, я сообразил, что если и получу такую подсказку, так только в "Борговле тутылками".

Я в это время был на Шестой авеню, пытался отыскать в магазинчике "Всё за $ 5.10" что-нибудь для Джинни. Она, правда, не могла трогать вещи, которые я ей приносил, но с удовольствием разглядывала книжки с картинками и прочие вещи, на которые можно просто смотреть. А когда я принес ей книжечку с фотографиями поездов начиная с "Де Витт Клинтон", то даже сумел приблизительно установить, сколько времени она уже ждет (я спрашивал, какие поезда она видела). Вышло что-то вроде восемнадцати лет...

Так вот, я сообразил насчет "Борговли тутылками" и направился на Десятую авеню. Старикашка должен мне помочь — я чувствовал это.

Добравшись до Двадцать первой улицы, я остановился перед глухой стеной. Ничего и никого, и никаких признаков магазина. Короче, вернулся я назад, так и не узнав, что же мне делать с моим "талантом"...

Как-то вечером мы с Джинни сидели и беседовали о том и о сем, как вдруг к нам затесалась человеческая нога и повисла между нами — призрачная, слегка отекшая нога, отрезанная чуть выше колена. Я отшатнулся, а Джинни легонько оттолкнула ее. Нога согнулась от толчка, отлетела к окну и просочилась в щелку внизу, точно сигаретный дым. За окном нога восстановила свою форму, пару раз стукнулась в стекло, а потом улетела, как воздушный шарик.

— Боже всемогущий! — выдохнул я.— Что это было?!!

Джинни рассмеялась.

— Да ничего, просто одна из этих штук, которые все время летают вокруг. Ты что, испугался? Я раньше тоже пугалась, но их тут так много, что я привыкла к ним. Мне только не нравится, когда они на меня натыкаются.

— Но что это такое, ради всех мерзостей?

— Ну, просто части.— Джинни была сама непосредственность.

— Части чего?

— Людей конечно. Глупый! Это, по-моему, такая игра. Понимаешь, если кто-то поранится и потеряет часть себя, ну, например, палец или ухо — *внутреннюю* часть, я хочу сказать, вроде как я — это внутренняя часть той "меня", которую унесли отсюда,— так эта часть отправляется туда, где до того жил этот человек. Потом — туда, где он жил еще раньше. Она, часть эта

то есть, летает не очень быстро. А потом что-нибудь случается с самим человеком, и тогда его "внутренняя часть" идет искать все, что он порастерял. И собирает себя по кусочкам. Вот, смотри!

Она выхватила из воздуха какой-то прозрачный лоскуток и зажала в прозрачных пальчиках.

Я нагнулся поближе и присмотрелся. Это был сморщенный кусочек человеческой кожи.

— Наверно, кто-то порезал палец,— спокойно пояснила Джинни,— когда жил в этой комнате. А когда с ним что-нибудь случится, он вернется сюда за этим кусочком, вот увидишь!

— Господи,— только и сказал я.— И что, так со всеми бывает?

— Не знаю. Некоторым приходится оставаться на месте — мне, например. Но наверно, если ты вел себя хорошо и не заслужил, чтобы тебя держали на одном месте, ты должен ходить и собирать все, что потерял.

Н-нда. Признаться, я представлял себе загробную жизнь более интересной.

Несколько дней подряд я встречал унылого серенького призрака, шатавшегося по улице вверх и вниз. Он всегда был на улице, не заходил в дома. И все время хныкал. Он был — вернее, он *когда-то был* — никчемным человечишкой, носившим котелок и крахмальный воротничок. Он не обращал на меня внимания, как и прочие призраки, — я был невидим для них всех. Но я так часто видел его, что, если бы он ушел куда-нибудь в другое место, я, пожалуй, стал бы скучать по нему. Я решил поговорить с ним как только встречу в следующий раз.

Как-то утром я остановился у своего крыльца, стал ждать и довольно скоро увидел своего серенького. Он шел, пробираясь среди плавающих в воздухе штуковин. Его кроличья физиономия была сморщена, грустные глаза запали, но старомодный фрак и полосатый жилет были в безукоризненном состоянии. Я заступил ему дорогу и сказал:

— Привет.

Он так и подпрыгнул и убежал бы наверняка, если бы только понял, откуда идет голос.

— Спокойно, приятель,— остановил его я,— я тебе плохого не сделаю.

— В-вы кто?

— Зачем представляться? Вы меня не знаете,— ска-

зал я.— А теперь перестаньте дрожать и расскажите, что у вас стряслось.

Он утер лицо прозрачным платком и принялся нервно вертеть в руках золотую зубочистку.

— Боже правый,— сказал он наконец,— со мной никто не говорил вот уже много лет. Я немного не в себе, вы видите...

— Вижу,— сказал я.— Ну, не волнуйтесь так. А я просто заметил, как вы все ходите туда-сюда. Мне стало любопытно... вы что, кого-нибудь ищете?

— Нет-нет,— заторопился он. Теперь, когда у него наконец появилась возможность поговорить о своих неприятностях, он просто забыл, как испугался таинственного голоса из пустоты.— Я ищу свой дом.

— Гм,— сказал я.— И давно?

— Давно...— Он шмыгнул носом.— Я как-то пошел на работу — много лет назад,— а когда сошел с парома на Батарейной и остановился на минуточку посмотреть на строительство этой новомодной надземной железной дороги, вдруг раздался грохот. Господи, так шарахнуло... А потом оказалось, что я лежу на тротуаре. А когда я поднялся, то увидел, что там лежит какой-то бедняга. Представляете, вылитый я! Упала балка и — Боже мой!

Он снова сморщился.

— С тех пор я все ищу и ищу. И не могу найти хоть кого-нибудь, кто бы мне помог найти мой дом. И я не понимаю все это, что тут летает, и я никогда не думал, что на Бродвее может расти трава и...— это ужасно.

Он заплакал.

Мне стало жаль бедолагу. Я представил себе, что произошло. Удар был такой сильный, что у него начисто отшибло память. Даже его привидение получило амнезию! Бедняга. Ведь пока он не соберет все свои "части", ему не будет покоя. В целом же случай меня заинтересовал. Подействуют ли на призрака обычные методы лечения амнезии? И если да, то что с ним будет?

— Вы сказали, что сошли с парома?

— Да...

— Значит, вы жили на острове... На Стэйтен-Айленде, по ту сторону залива!

— Вы так думаете? — он с надеждой посмотрел сквозь меня.

— Конечно! Хотите, вместе поедем туда, я вас провожу? Может быть, вместе найдем ваш дом!

— Вот спасибо! Только — ох и достанется же мне от жены!

Я ухмыльнулся.

— Да уж, ей наверняка захочется узнать, где вы пропадали. Но я думаю, она все-таки будет рада, что вы вернулись. Пойдем!

Я подтолкнул его в сторону подземки, и мы пошли. Иногда я ловил взгляд прохожего — наверно, я и впрямь выглядел странно, ведь я шел, вытянув перед собой руку и разговаривая с пустотой. Впрочем, меня это особо не смущало. А вот мой спутник чувствовал себя неловко, когда обитатели его мира тыкали в него пальцем, хихикали и кричали. В их глазах он тоже выглядел довольно нелепо, ведь я был единственным человеком, невидимым для них. Маленький призрак в котелке мучительно краснел от смущения.

Поездка в подземке была для него, как я понял, делом непривычным. Мы направлялись к Южному парому. Знаете, подземка — место чрезвычайно неприятное для тех, кто обладает моим даром. Там болтается все, что предпочитает мрак. А уж "частей" там!.. После того раза я всегда ездил только на автобусе.

Парома нам ждать не пришлось. Мой коротышка был в восторге от поездки. Он расспрашивал меня о судах в порту и их флагах, удивлялся отсутствию парусников; защелкал языком при виде Статуи Свободы — в последний раз, когда он ее видел, она была еще золотисто-бронзовой, без патины. Выходит, он искал свой дом уже лет шестьдесят, с конца семидесятых!..

Мы сошли на Стэйтен-Айленде, и я предоставил ему свободу действий. На Крепостной Горке он вдруг сказал:

— Мое имя — Джон Куинт. А живу я на Четвертой авеню, номер сорок пять!

В жизни не видел человека более счастливого, чем он. Ну а дальше все было просто. Он снова свернул налево, прошел два квартала, свернул направо. Я заметил (а он — нет), что улица называлась "Зимняя". Кажется, вспомнил я, улицы тут переименовали несколько лет назад.

Он трусцой взбежал на горку и вдруг замер.

— Послушайте,— позвал он,— вы еще здесь?

— Здесь,— откликнулся я.

— У меня теперь все в порядке. Не могу и сказать, как я вам благодарен. Могу я для вас что-нибудь сделать?

Я подумал.

— Вряд ли. Мы принадлежим к разным временам, а времена меняются. Темпора, так сказать, мутантур.

Он бросил взгляд на новый дом на углу и кивнул.

— Я понимаю... Кажется, я догадываюсь, что со мной случилось,— тихо добавил он.— Но, наверно, это не так уж страшно... Я успел составить завещание, а дети мои уже выросли к тому моменту, когда я...— Он вздохнул.— Но если бы не вы, я бы и сейчас бродил по Манхэттену. Минутку... да. Пойдемте.

Он неожиданно сорвался и побежал. Я едва поспевал за ним. На самом верху холма стоял дряхлый дом, крытый гонтом, с какой-то дурацкой башенкой, некрашеный, грязный и скособоченный. Когда мой новый знакомец увидел его, он снова изменился в лице. Он сглотнул, решительно свернул к дому сквозь проход в живой изгороди и, побродив в густой траве, отыскал вросший глубоко в землю валун.

— Вот,— сказал он.— Копайте под этой штукой. В моем завещании об этом ничего не сказано. Только немного денег, чтобы оплатить аренду сейфа в банке. А под камнем — ключ и удостоверение на предъявителя. Я их сюда запрятал,— он хихикнул,— от жены однажды ночью. И все как-то не собрался ей рассказать. Так что берите.

Он повернулся к дому, расправил плечи и вошел в боковую дверь, которая гостеприимно распахнулась от порыва ветра. Я немного послушал, улыбаясь доносшейся из домика тираде. Жена Куигга устроила ему хорошую головомойку, еще бы — она прождала его больше шестидесяти лет! Жена костерила его на чем свет стоит, а все-таки она его, видно, любила. Если теория Джинни верна, старушка не могла покинуть дом, пока снова не станет "целой", а "целой" она не могла стать до возвращения мужа. Ну да теперь у них все устроится, так что я был доволен.

Мне удалось отыскать возле подъездной дорожки ржавый лом, и я подступил к валуну. Пришлось изрядно повозиться, я стер себе руки до кровавых мозолей, но в конце концов отвалил камень и принялся рыться под ним. И точно: там лежал пакет из шелковой клеенки. Аккуратно сняв ленточки, которыми он был перевязан, я обнаружил внутри ключ и письмо в "Нью-Йорк Банк", надписанное просто "На предъявителя", с правом на вскрытие сейфа. Я засмеялся. Тихоня и размазня Куигг не иначе припрятал от супруги какие-то "левые" деньжата, возможно, выигрыш. При таком раскладе всегда

можно гульнуть от жены, не оставив никаких следов. Вот ведь сукин сын. Разумеется, я уже никогда не узнаю, куда он метил, но готов спорить, что без женщины тут не обошлось. Скажите пожалуйста, даже завещание заранее составил! Ладно, не мое дело. Мне-то повезло.

До банка я добрался быстро, а вот запись о сейфе они искали долгонько, перерыли кучу старых гроссбухов. Но в конце концов я прорвался через все формальности и стал гордым обладателем восьми тысяч в мелких купюрах. Теперь я был обеспечен — на первое время по крайней мере. Прежде всего я купил приличную одежду, а потом взялся за дело. Несколько раз наведавшись в клубы, я завел себе кучу знакомых и чем дольше общался с ними, тем больше понимал, что они — просто суеверные болваны. Конечно, человека, за пушечный выстрел обходящего лестницу, под которой живет василиск, обвинить не в чем. Но черт возьми, монстры живут едва ли под одной лестницей из тысячи! Правда, так или иначе, я нашел ответ на свой вопрос. За пару тысяч я обзавелся конторой. Исключительно стильно: драпировки на стенах, мягкий рассеянный свет, телефон, табличка "Психоконсультант". И дела у меня пошли превосходно.

Мои клиенты по большей части принадлежали к "верхнему классу". Я забрался высоко! Связаться с покойными родственниками было легче легкого, а большинство моих клиентов хотели именно этого. Почти каждый призрак только и мечтает о том, чтобы связаться с нашим миром, вот почему практически любой, кто постарается как следует, может стать медиумом с большим или меньшим успехом. Бог свидетель, связаться с обыкновенным духом дело не из хитрых. Правда, есть и другие. Если человек вел жутко добропорядочную жизнь и за ним ничего не осталось, он "очищается". Я так и не смог выяснить, куда деваются эти "чистые",— ясно было только, что с ними не свяжешься. Но громадному большинству приходится возвращаться назад и, так сказать, подбирать хвосты — исправлять какую-нибудь несправедливость, помогать тем, кому они когда-то навредили, и так далее. Я думаю, эту помощь мы и называем "счастьем", "удачей" и "везением". Будьте уверены, за так и шишка не вскочит.

Если вам пофартило, то это обычно значит, что для вас расстарался тот, кто когда-то навредил вам, или вашему отцу, или деду, или четвероюродному прадедушке Джулиусу. Рано или поздно все встает на свои места, а

до тех пор некая несчастная душа обречена бродить по белу свету и пытаться как-то уладить чужие дела. Добрая половина всех, кто когда-либо жил на земле, бродит среди нас, пытаясь искупить свои грехи и промахи. Знали бы вы, сколько их вокруг, и все только и ждут, как бы вам помочь. И если вы только позволите это сделать, вы поможете им исправить их проступки. Когда у вас неприятности, уединитесь и постарайтесь открыть для них свое сознание. И если вам удастся отринуть самоуверенность и самонадеянность, они прорвутся к вам и расшибутся в лепешку, лишь бы у вас все было хорошо.

Я обзавелся парой "шестерок". Один из них, экс-убийца Одноглазый Рахуба, был самым быстрым духом из всех моих знакомых, когда дело доходило до поисков затребованного клиентом предка. А другой, профессор Грэйф, преподаватель общественных наук с лягушачьей физиономией, растративший некогда благотворительный фонд и утонувший в Гудзоне, куда он свалился при попытке скрыться, был докой по части генеалогии. Он мог разнюхать любую родословную, даже самую запутанную, в считанные секунды, а затем вычислить наиболее вероятное местопребывание искомого родственника. Эта парочка составляла весь штат моей конторы. И хотя всякий раз, как они помогали мне и моим клиентам, они на один шаг приближались к свободе, оба так запутались при жизни, что я был уверен в их долгой службе.

Но если вы думаете, что я остановился на этом и что мне нравилось просто получать дармовые денежки, то вы ошибаетесь. Это не для меня. Если бы!.. Нет, славы мне захотелось. Эффектов. Стал, видите ли, вспоминать события последних месяцев и вспомнил, как эта сумасбродка Одри заявила, что из меня никогда ничего не выйдет. И мало мне было, что я уже доказал себе обратное. Захотелось повыпендриваться перед старыми приятелями.

И не то чтобы я забыл, что говорил коротышка из "Борцовли тутылками" насчет использования "таланта" ради показухи, пустого хвастовства, а тем более мести. Я решил, что и вправду большая шишка. Короче, зарвался. Вообразил себя самым основным. Еще бы, стоило мне послать одного из моих призраков, и я уже знал, кто, что, где и когда делал. С тенью профессора за спиной я мог выяснить все обо всех. Против меня никаких зацепок не было, а сам я мог переговорить, перехитрить и перемудрить любого. Короче, храбрый портняжка. И вот что стало прихо-

дить мне в голову: что толку в моих успехах, если парни из Вест-Сайда ничего о них не знают? И еще: Счастливчик Сэм лопнет от злости, когда увидит, как я разъезжаю по Бродвею в новехонькой шеститысячной колымаге! И наконец: подумать только, я еще тратил время и слезы на эту набитую дуру Одри!.. Короче говоря, я предоставил слово своему комплексу неполноценности. Вел себя как последний болван, каким, в сущности, и был. В общем, я не выдержал и отправился на Вест-Сайд.

Была холодная зимняя ночь. Я тщательно навел лоск на себя самого и на свою машину, чтобы у встречных глаза на лоб лезли. Жаль, что я не привел вместо этого в порядок собственные мозги.

Я с ходу затормозил у бильярдной Кэйтси — так, чтобы тормоза скрипнули как можно громче, и все двадцать четыре цилиндра ревели по-драконьи, пока я не вырубил двигатель. Но выйти из машины не спешил, а развалился на сиденье, зажег дорогую сигару, сбил шляпу набок и нажал сигнал. Сорок восемь секунд авто играло "Перекресток в Такседо". И только после этого я соблаговолил поднять глаза к дверям бильярдной.

Сперва я подумал, что, раз меня так встречают, не стоило сюда и приезжать; а потом я забыл об этом и думал уже только о том, как отсюда смотаться.

В освещенных дверях бильярдной стояли в небрежных позах двое. Кстати, это был узенький переулок — если бы не бильярдная, совсем темный. Приглядевшись, я разобрал, что один из двоих в дверях бильярдной — сам Счастливчик Сэм, а второй — Фред Беллью. Они просто стояли и молча смотрели на меня. Только когда я приветствовал их: "Привет, мелкота! Узнаете?" — я заметил, что по обе стороны освещенного входа, в тени, стены подпирают остальные парни. Вся кодла. Ничего себе! Слишком это вышло... словно ждали. Мне это не понравилось.

— Привет,— сказал Фред спокойно. Он никогда не любил выпендрежа. Разумеется, другого я и не ждал. Но тут в первый раз почувствовал привкус дешевки. И все-таки вылез из тачки и позволил им полюбоваться на мои блестящие перышки.

Сэм хмыкнул и пробормотал: "Индюк!.." Довольно громко. Еще кто-то хихикнул, а из темноты заулюлюкали.

Я подошел к Сэму и ухмыльнулся. Правду сказать, ухмыляться мне вовсе не хотелось.

— Я так давно тебя не видел,— сказал я,— что уже и забыл, какая ты задница. Как дела?

— Я-то в порядке,— ответил он и добавил самым оскорбительным тоном: — Я *зарабатываю* свои деньги.

Прокатившийся в толпе ребят ропот ясно дал понять, что самым разумным было бы усесться в мое сверкающее авто и убраться отсюда. Но я остался.

— Умника строишь? — пробормотал я.

Теперь я понял, что ребята были навеселе. Я, похоже, влип. Сэмми сунул руки в карманы и посмотрел на меня сверху вниз. Он был единственным коротышкой, которому удавался такой взгляд. После неприятной паузы он произнес:

— Лучше бы тебе отправляться обратно к своим хрустальным шарам и кофейной гуще. Мы, знаешь ли, уважаем ребят, которые потеют, чтобы заработать. Мы уважаем даже и тех, кто зарабатывает не совсем законно, если они умнее, ловчее и сильнее других. Но ловко подвешенный язык и немного везения — это совсем другое дело. А теперь пшел вон.

Я беспомощно огляделся. Что просил, то и получил... А чего я, собственно, ожидал? Я что, рассчитывал, что ребята будут становиться в очередь, чтобы пожать мне руку, если я так обставлю свое появление?

Они вроде бы и не двигались почти, но в следующий момент как-то сразу обступили меня со всех сторон. Похоже было на то, что если я не придумаю что-нибудь, и немедленно, мне намнут бока. А если уж ребята брались за это дело, можете мне поверить, делали его как следует. Я вдохнул поглубже.

— Слушай, Сэм, я у тебя ничего не прошу. В том числе и советов.

— Советов?! — он вспыхнул.— Эти твои сеансы! Не волнуйся, мы тут кое-что слышали о тебе. Облапошиваешь несчастных вдовушек. Полсотни за раз — "Беседы с Незабвенными Усопшими"! Психичный консультант! Классная удочка! Что, нечем крыть?

Ну, теперь-то я снова чувствовал твердую почву под ногами.

— Так я, по-твоему, шарлатан? Так, да? Да стоит мне захотеть, и я напущу на тебя такие кошмары, что у тебя, готов спорить, волосы навсегда дыбом встанут... если, конечно, тебе хватит духу отправиться куда я скажу!

— Значит, готов спорить? Ну-ну. Забавно! Ребята, вы слышите? — Он засмеялся и заявил, скривив рот:

— Ты сам этого хотел. Ну что ж, мистер богач, вызов ваш — а я принимаю. Фред будет записывать ставки. Как насчет десяти твоих вонючих долларов за каждый мой? Фред, прими десятку!

— Ставлю двадцать к одному! — Я почти сорвался в истерику.— Но клянусь, я приведу тебя к самому гнусному, грубому, склочному, неотесанному и мерзкому призраку из всех, о каких тебе когда-нибудь придется услышать!

Толпа так и взвыла. Сэм хохотал с ними вместе, но не выказывал желания пойти на попятный. В этой компании спор — это спор, и когда ударили по рукам, отступать некуда. Он принял мой вызов, сам назвал условия и теперь не мог увиливать. Так что я просто кивнул и сунул Фреду пару сотенных. Фред и Сэм уселись в машину, а когда мы отъезжали, Сэм высунулся наружу и помахал ребятам.

— Эй, парни, до встречи в аду! — закричал он.— Я собираюсь встретиться со страшным привидением, и либо оно меня напугает до смерти, либо я его!

Я погудел, чтобы расчистить дорогу в улюлюкающей толпе, и уехал. Развернулся на бульваре и поехал из города.

— Куда едем? — спросил немного погодя Фред.

— Да тут, недалеко,— ответил я, хотя еще не решил.

Надо было найти поблизости место с самым что ни на есть гадостным привидением — таким, чтобы Сэм наложил в штаны. Я бы тогда помирился с ребятами.

Я открыл бардачок, и Айки высунулся наружу. Айки — это бедолага-чертенок, которому защемило хвост металлическими листами, когда машину собирали, так что он был вынужден сидеть в бардачке, пока моя колымага не развалится.

— Эй, Айк! — прошептал я. Малыш уставился на меня бойкими глазками, в которых отсвечивала красным освещавшая салон лампочка.— Айк, свистни профессору, ладно? Я сам не хочу кричать, чтобы эти две рожи сзади не услышали. Тебя-то им не услышать.

— Ладно, босс,— пискнул Айк и, вложив пальцы в рот, свистнул — так, что кровь в жилах остановилась. Это был условный сигнал для профессора. Старикашка появился впереди машины, некоторое время летел перед ветровым стеклом, а потом проскользнул в салон через щелочку в окне. Я приоткрыл его совсем чуть-чуть.

— Господи,— пропыхтел он,— нельзя ли в другой раз не вызывать меня во мчащийся на всех парах автомобиль? Я едва вас догнал!

— Не надо, проф,— прошептал я.— Если вы захотите, то перехватите стратолайнер. Слушайте, у меня тут есть один тип, который мечтает повстречать действительно страшного призрака. Есть у вас такой на примете?

— А как же. Помните я вам рассказывал о доме старика Вольфмейера?

— Еще бы. Да уж, хуже не придумаешь.

— Это то, что вам надо. Только не просите меня пойти с вами. Никто из наших не поддерживает с Вольфмейером никаких отношений. И Бога ради, будьте осторожнее!

— Ничего, я с ним справлюсь. Это где?

Он подробно объяснил дорогу, пожелал мне доброй ночи и был таков. Я немного удивился: мы с профессором бывали в самых разных местах и до сих пор он не отказывался от приключений. Впрочем, пусть его. Я пожал плечами и поехал по указанному адресу. Господи, лучше б я и не узнавал его никогда.

Ехать надо было за город, на одну старую ферму. Там и повесился когда-то Вольфмейер. Тот еще тип из пенсильванских голландцев — как был при жизни сволочью, так ею и остался. Причем и теперь вел себя не по-людски. Он прекрасно знал, что останется на своей ферме весь остаток вечности, если не исправит все свои гадости. Только это его нимало не заботило. Наоборот, характер у него испортился окончательно и он стал самым поганым призраком в штате, а может, и во всей стране. С тех пор как старикашкин труп рассыпался в петле в прах, в доме умерли семь человек — трое жильцов, попытавшихся поселиться на ферме, двое бродяг и два специалиста по привидениям. И все они повесились. Это был стиль Вольфмейера. Ему, похоже, очень нравилось быть страшным призраком. Во всяком случае, он делал все, что было в его силах.

Разумеется, я не собирался причинять Счастливчику Сэму никакого вреда. Просто решил проучить его немного. И вот что вышло...

Мы приехали на ферму к полуночи. Дорогой я рассказывал им о Вольфмейере и о том, что от него можно ожидать. Они смеялись, так что я заткнулся и остаток дороги провел в молчании. Уже у фермы Фред объявил

условия. Чтобы выиграть, Сэм должен был оставаться в доме до рассвета. Ему нельзя было звать на помощь или выходить наружу. Он должен был принести с собой моток веревки, соорудить петлю и приладить ее к "балке Вольфмейера" — той самой толстенной дубовой балке, на которой удавился старик, а за ним еще семеро. Это была дополнительная приманка для Вольфмейера, и я сам это придумал. Я должен был пойти в дом вместе с Сэмом, чтобы контролировать ситуацию и вмешаться, если дело зайдет слишком далеко. Фреду же полагалось оставаться в машине в сотне ярдов от дома и ждать.

Я припарковал машину на условленном расстоянии, и мы с Сэмом вышли. Сэм нацепил через плечо мою буксирную веревку, на которой он уже завязал петлю. Фред к этому времени притих и посерьезнел.

— Что-то не нравится мне все это,— сказал он, глядя на дом Вольфмейера. Дом был похож на огромного злого зверя, отползшего от дороги и задумавшегося о чем-то недобром.

— Ну, Сэм,— сказал я,— может, заплатишь прямо сейчас и будем считать вопрос решенным?

Сэм проследил за взглядом Фреда. Да, место было жутковатое, да и алкоголь уже выдохся. Он с минуту подумал, но ухмыльнулся и пожал плечами.

— Нет, черт возьми. Я туда пойду. Декорациями ты меня не запугаешь. Это все липа.

Неожиданно вмешался Фред:

— Я теперь думаю, что это все-таки не липа, Сэм.

Хотя по лицу Сэма было видно, что и он колеблется, упрямство его удержало.

— Пошли, что ли. Шарлатан...— и направился к дому.

Мы пробрались в дом через окно первого этажа. Я вытащил фонарик, и мы прошли к знаменитой балке. Она была из тех балок, которые любят отражать звук шагов и, превратив в насмешливый шепот, отправлять его в путешествие по темным комнатам и коридорам, где этот шепот будет скитаться долго-долго...

Пол под балкой был в темных пятнах.

Я помог Сэму привязать веревку и выключил фонарик. Ему, наверно, пришлось несладко. Со мной все было в порядке — я увидел бы призрака раньше, чем он добрался бы до меня, к тому же все равно меня ни один призрак увидеть не мог. Кроме того, для меня пол и стены освещались разноцветной фосфоресценцией вез-

дящих призрачных растений. Жаль, что Сэм не мог видеть призрачную плесень, буйно разросшуюся на пятнах под балкой.

Сэм уже тяжело дышал, но я понимал, что необходимо что-то посильнее темноты и тишины, чтобы пронять его как следует.

Он должен был остаться один и принять гостя...

— Ну пока, крошка,— бросил я, хлопнул его по плечу и удалился.

Я вышел из дома нарочно шумно, чтобы Сэм это слышал, а затем тихонечко вернулся обратно. Это было действительно самое пустынное место, какое я когда-либо видел. Даже призраки держались подальше отсюда, не считая, разумеется, самого Вольфмейера. Здесь царили только пышная растительность, не видимая никому, кроме меня, и гробовое молчание, которое нарушалось лишь дыханием Сэма. Минут через десять я убедился, что Счастливчик Сэм храбрее, чем я думал. Придется его пугать. Сам себя напугать он не мог или не хотел...

Я присел у стены соседней комнаты и устроился поудобнее. По моим расчетам, Вольфмейер вот-вот должен был показаться. Я искренне надеялся, что смогу остановить его раньше, чем дело зайдет слишком далеко,— мне хотелось всего лишь преподать урок зазнайке. Я был слишком уверен в себе — и совершенно не готов к тому, что произошло.

Я смотрел в сторону двери напротив и вдруг понял, что уже несколько минут там мерцает еле видимый свет. Он был зеленый, цвета плесени и разложения, и постепенно усиливался. Запахло чем-то неуловимо тягостным. Пожалуй, пахло трупом, разложившимся настолько, что запах почти исчез. Это было очень страшно, и я, откровенно говоря, сам испугался до полусмерти. Правда, через несколько секунд я вспомнил, что неуязвим для призраков, покрепче прижался к стене и решил следить за развитием событий.

И появился Вольфмейер.

Это был призрак невероятно дряхлого старика. Из грязного рубища торчали жилистые руки. Сальные волосы и борода свалялись в колтун, голова болталась на сломанной шее — так дрожит лезвие ножа, только что воткнувшегося в мягкое дерево. Глаза горели мрачным красным светом, в глубине которого вспыхивали зеленые огни. Клыки пожелтели, торчали как у зверя и напоми-

нали столбы, поддерживающие омерзительную кривую ухмылку. Вокруг него светилось гало трупно-зеленого цвета.

Он прошел мимо меня, не почувствовав моего присутствия, а перед дверью в комнату, где Сэм ждал возле веревки, чуть помедлил. Он стоял у дверей, выставив скрюченные пальцы. Голова постепенно перестала трястись. Он уставился на Сэма и вдруг приоткрыл рот и завыл. Это был тихий загробный звук, словно где-то вдалеке подала голос собака. Хотя со своего места я не видел соседней комнаты, я знал, что Сэм резко обернулся на звук и теперь видел привидение. Больфмейер поднял руки чуток повыше и, немного неровно ступая, вошел в комнату.

Я стряхнул оцепенение, охватившее меня от страха, и поднялся на ноги. Надо поспешить, иначе...

На цыпочках я подбежал к двери и остановился на пороге, заглянув в комнату ровно настолько, чтобы увидеть, что Вольфмейер исступленно размахивает над головой руками, отчего его лохмотья так и вьются вокруг, а зеленый свет пульсирует. Ровно настолько, чтобы увидеть Сэма: он с полными ужаса глазами медленно пятился в сторону веревки. Он схватился за горло и открыл рот, но не закричал; его голова вдруг запрокинулась. Теперь он смотрел в потолок и, отступая от привидения, вот-вот должен был попасть головой точно в петлю. Тогда я заглянул через плечо Вольфмейера, приблизил губы к его уху и сказал:

— БУУУ-УУ!

Я чуть не рассмеялся. Вольфмейер взвизгнул, отпрыгнул сразу футов на десять и вылетел из комнаты, не оглядываясь, с такой быстротой, что расплылся в туманную зеленоватую полосу. Это был, поверьте, насмерть перепуганный призрак!

Сэм же выпрямился, лицо его разгладилось, и он сел — вернее, бухнулся — под самой петлей. Нечто в этом роде я и хотел видеть. Его лицо было покрыто холодным потом, руки бессильно лежали между колен, взгляд остановился.

— Что, теперь понял? — воскликнул я и подошел к нему.— Плати теперь, болван! Надеюсь, потеря недельного заработка тебя кое-чему научит!

Сэм не двигался. Похоже, он получил крепкую встряску.

— Ну, давай, старик! — сказал я.— Возьми себя в

руки. Или ты недостаточно насмотрелся? Старикашка вернется сюда с минуты на минуту. Вставай!

Он не шевелился.

— Сэм!

Он не шевелился.

— СЭМ!!! — Я схватил его за плечо. Он завалился набок и лежал без движения. Он был мертв.

Я помолчал. Потом опустился рядом с ним на колени и безо всякой надежды проговорил:

— Ну, Сэм, вставай. Хватит валять дурака...

Минуту спустя я поднялся на ноги и направился было к выходу, но, пройдя шага три, замер. Что-то происходило! Я потер глаза. Да! Тьма сгущалась! Неясное свечение лиан и цветов призрачного мира постепенно слабело, угасало...

Но ведь раньше такого никогда не случалось!

Ничего, ничего, отчаянно твердил я себе. Все когда-нибудь бывает впервые. Но отсюда надо выбираться, и поскорее!

Ясно? Да, вижу, что вы все поняли. Это все то проклятое снадобье из "Борговли тутылками". Оно выдыхалось! Как только Сэм умер, его действие кончилось. Была ли это цена, которую я должен был заплатить за бутылку? Было ли это то, что ожидало меня, если я использую свой "талант" для мести?

Свет почти исчез и вот наконец погас окончательно. Я не видел ничего, кроме одной из дверей. Но... что это? Что за зеленоватый свет сделал ее видимой?!.

Вольфмейер! Я должен бежать отсюда!

Я больше не мог видеть призраков. А вот они меня — могли. Я кинулся бежать. Я пролетел через всю комнату и врезался в противоположную стену. Я отпрянул и отер с лица кровь. Снова рванулся. И снова налетел на стену. Да где же эта проклятая вторая дверь?! Я закричал и снова побежал через комнату. И налетел на труп Сэма. Споткнулся... И попал головой точнехонько в петлю. Петля затянулась, перехватив горло, и моя шея сломалась с мучительным треском. Я немножко побился в петле, а потом умер.

Я был мертв. А Вольфмейер хохотал как ненормальный. Утром Фред нашел трупы, мой и Сэмми. А мне пришлось остаться в доме.

На пару с Вольфмейером.

Томас Диш
СПУСК

Кетчуп, горчица, маринованный чили, майонез, два вида заправки для салата, топленый жир и лимон. Да, еще два лотка ледяных кубиков. В буфете немногим богаче: баночки и коробки с пряностями, мукой, сахаром, солью — и коробка изюма!

Из-под изюма...

Даже кофе нет. Даже чая — хотя чай он терпеть не мог. В почтовом ящике — только счет от "Андервуда" ("В случае, если Ваша задолженность не будет Вами погашена...").

В кармане позвякивают четыре доллара семьдесят пять центов мелочью. Письмо в Грэхэм ушло неделю назад. Если бы братец собирался в этот раз что-нибудь прислать, перевод давно пришел бы.

"Я мог бы уже и отчаяться,— подумал он.— Возможно, я уже отчаялся..."

Можно было бы просмотреть "Тайм". Только очень уж это тяжело — обращаться за работой (50 долларов в неделю) и получать отказ за отказом. Впрочем, он никого не винил; он бы и сам себя не нанял. Он слишком долго был стрекозой — а муравьи уже прекрасно разобрались в его штучках.

Он без мыла выскоблил бритвой щеки и до зеркального блеска вычистил ботинки. Замаскировал немытое

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

тело свежей накрахмаленной рубашкой и долго перебирал галстуки в поисках достаточно темного и скромного. Он начал волноваться — это проявилось в необычайном внешнем спокойствии.

Спускаясь по лестнице, он встретил миссис Били, которая притворялась, что подметает безупречный пол вестибюля.

— Добрый день — или, может, для вас это "доброе утро"?

— Добрый день, миссис Били.

— Так что, пришел ваш перевод?

— Нет еще.

— Первое уже не за горами.

— Разумеется, миссис Били.

На станции подземки он некоторое время колебался: один жетон купить или два, и взял два. В конце концов, выбора у него нет, кроме возвращения домой. До первого числа еще уйма времени...

...Если бы у Жана Вальжана была кредитная карточка, не сидеть бы ему в тюрьме.

Подбодрившись этим рассуждением, он уселся поудобнее и принялся разглядывать рекламные плакаты на стенах вагона: КУРИТЕ! ПОПРОБУЙТЕ! ЕШЬТЕ! ДАЙТЕ! ПЕЙТЕ! ПОЛЬЗУЙТЕСЬ! ПОКУПАЙТЕ! Он вспомнил Алису в Стране Чудес, все ее грибы, пузырьки и пирожки: "Съешь меня!"

На Тридцать четвертой улице он сошел и прямо с платформы поднялся в универмаг "Андервуд". В вестибюле он купил пачку сигарет.

— Платите наличными или в кредит?

— В кредит.— Он передал продавцу карточку из слоистого пластика. Тот не глядя набрал сумму на клавиатуре.

"Деликатесы" были на пятом этаже. Он тщательно выбирал. Взял банку растворимого кофе и двухфунтовый пакет молотого — крупного помола, большую жестянку тушенки, суп в пакетах, муку для оладий и концентрированное молоко. Джем, арахисовое масло и мед. Шесть банок тунца. После этого можно было подумать и о лакомствах: английское печенье, эдамский сыр, маленький мороженый фазан и даже фруктовый пирог. Ему не приходилось так хорошо есть с тех пор как он разорился.

— Четырнадцать восемьдесят семь.

В этот раз, прежде чем передать в банк сумму, кассир сверила номер карточки со списком закрытых и сомнительных счетов, улыбнулась извиняющейся улыбкой и вернула карточку.

— Извините, мы обязаны проверять.

— Я понимаю.

Сумка с покупками весила добрых двадцать фунтов. Он подхватил ее с беспечным изяществом вора, идущего мимо полисмена с награбленным добром, и взошел на эскалатор.

На восьмом этаже, в книжном магазине, он приступил к отбору покупок по той же системе, что и в "Деликатесах". Сначала — основательные, чтобы хватило надолго: два викторианских романа, до которых он не добрался раньше, "Ярмарку тщеславия" и "Мартовские иды"; Данте в переводе Сэйерса и двухтомную антологию немецких пьес, ни одной из которых он тоже еще не читал (он и слышал-то только о двух-трех из них). Затем однодневки, это уже для баловства: нашумевший роман, ставший бестселлером в результате дошедшего до Верховного Суда скандала, и пару детективов.

У него уже начала кружиться голова от собственной дерзости. Он достал из кармана монетку.

Орел — новый костюм; решка — Небесный Зал.

Решка.

Небесный Зал на пятнадцатом этаже был пуст, не считая нескольких женщин, болтавших за кофе с пирожными, так что можно было сесть за столик у окна. Он заказал плотный обед из самых дорогих блюд, увенчав его кофе-эспрессо и баклавой. Потом протянул официантке кредитную карточку и дал ей на чай полдоллара.

Смакуя вторую чашку кофе, он принялся за "Ярмарку тщеславия". К собственному удивлению, он обнаружил, что книга ему нравится. Официантка принесла ему карточку и чек.

"Небесный" был на самом верхнем этаже "Андервуда", так что отсюда шел только один эскалатор — "спуск". Спускаясь, он продолжал читать "Ярмарку тщеславия". Он мог читать везде — в ресторане, в подземке, даже когда шел по улице... На площадках он переходил от одного эскалатора к другому, не отрывая глаз от книги. Когда он сойдет с эскалатора в вестибюле первого этажа, то окажется в двух шагах от турникетов подземки.

Он дочитал шестую главу до середины (точнее, до пятьдесят девятой страницы), когда почувствовал — что-то не так.

Сколько же времени этот дурацкий эскалатор будет тащиться до низа?!

Он остановился на следующей площадке, но не обнаружил номера этажа — вообще никаких надписей, а тем более дверей. Значит, это — пролет между этажами. Тогда он спустился на площадку ниже — но и там встретил все то же озадачивающее отсутствие указателей.

Зато здесь был фонтанчик с водой, и он вволю напился.

"Наверно, я заехал в подвал,— подумал он.— Сомнительно, правда, чтобы забота о грузчиках и мусорщиках доходила до снабжения их эскалаторами..."

Он постоял на площадке, глядя, как ступени плавно подкатываются ему под ноги и, приближаясь, оседают и исчезают под полом. Он стоял довольно долго, но никто больше не спускался.

Может, магазин уже закрылся?

Часов у него не было, и он уже потерял всякое представление о времени. В конце концов он решил, что, видимо, зачитался (молодец Теккерей!) и просто-напросто остановился на одном из верхних этажей — на восьмом, например,— и прочел пятьдесят девять страниц, не замечая, что стоит на месте. Это было вполне возможно: читая, он обычно полностью отключался от окружающего.

Стало быть, он все еще выше первого этажа. Тогда отсутствие дверей можно объяснить странностями планировки, а отсутствие указателей — беспечностью администрации.

Он запихнул "Ярмарку тщеславия" в пакет с покупками и ступил на эскалатор. Не без некоторого сопротивления, надо признать. На каждой площадке он громко называл номер. Когда сказал "восемь" — забеспокоился; к "пятнадцати" — отчаялся.

Оставалась еще одна возможность: этаж от этажа отделял не один, а два марша эскалаторов. С этой надеждой он отсчитал еще пятнадцать площадок.

Все то же самое.

Как во сне, продолжал он спуск — будто надеялся опровергнуть кажущуюся бесконечность эскалаторов. Когда он остановился на сорок пятой площадке, ему стало страшно.

Он поставил сумку с покупками на голый цементный пол. Оказывается, его рука устала и болела, нагруженная двадцатью с лишним фунтами продуктов и книг.

Он отверг искушение считать происходящее сном. Ведь сон — это реальность для спящего, и он не желал сдаваться перед нею, равно как и перед реальностью яви. Кроме того, он не спал; в этом-то он был уверен.

Проверив пульс — не меньше восьмидесяти,— он проехал еще пару эскалаторов, продолжая считать. Да, почти точно восемьдесят. Два эскалатора всего за минуту.

Он мог прочитать примерно страницу в минуту, на эскалаторе — чуть меньше. Предположим, все время, что он читал, он продолжал спускаться. Получается... шестьдесят минут на два... сто двадцать этажей. Прибавить сорок семь, которые он насчитал. Небесный Зал — на пятнадцатом.

167-15=152.

Значит, он сейчас на сто пятьдесят втором подземном этаже. Невозможно!

В невероятной ситуации следует вести себя так, словно все само собой разумеется. Как Алиса в Стране Чудес. Эрго, он сможет вернуться в "Андервуд" тем же путем, каким (предположительно) он его покинул. Надо подняться на сто пятьдесят два марша движущегося вниз эскалатора. Если бежать, перепрыгивая через ступени, это почти все равно, что бежать по обычной лестнице.

После двух этажей он совершенно выбился из сил.

Ничего, спешить некуда. Главное — не поддаваться панике.

Он подхватил сумку — отдыхая, он поставил ее на пол — и рывком преодолел еще два марша. Отдыхая на очередной площадке, он попытался сосчитать число ступеней, разделяющих этажи. Но каждый раз получалось по-разному, в зависимости от того, считал он по ходу эскалатора или против. В среднем выходило около восемнадцати ступеней, каждая высотой восемь-девять дюймов. Значит, каждый марш — около двадцати футов.

И значит, по прямой до первого этажа "Андервуда" — около трети мили.

Когда он бежал по девятому маршу, сумка порвалась — оттаявший фазан промочил бумагу. Продукты и книги запрыгали по ступеням. Часть сама долетела до

следующей площадки, остальное доехало на эскалаторе и образовало аккуратный холмик у подножия движущейся лестницы. Разбилась только банка с джемом.

Он сложил продукты в углу площадки, а фазана упихал в карман куртки на случай, если проголодается по пути вверх.

Изнеможение приглушило более тонкие чувства, в том числе способность бояться. Подобно марафонцу в конце дистанции, он сосредоточился только на ближайшей задаче и не пытался понять то, что понять невозможно. Он пробегал марш, отдыхал и одолевал следующий; снова отдых и снова бросок. Каждый новый подъем был тяжелее предыдущего, каждый новый отдых — дольше. Он насчитал двадцать восемь площадок и бросил; через сколько-то времени — через сколько именно, он уже не представлял — у него подкосились ноги и он рухнул на гладкий цементный пол. Икры превратились в болезненные узлы мышц; ноги дрожали. Он попытался размять ноги приседаниями, но упал на спину.

Хотя он недавно поел в ресторане (недавно ли?), он снова был голоден и съел целого фазана, уже совсем оттаявшего. Был ли фазан сырым, он не разобрал.

Так, должно быть, становятся каннибалами, подумал он, засыпая.

Во сне он падал в бездонный колодец. Проснувшись, он обнаружил, что ничего не изменилось — только ноги теперь не ныли, а болели.

Над ним змеились с этажа на этаж флуоресцентные трубки. Казалось, что мягкое гудение эскалаторов превратилось в рев Ниагары, а скорость возросла в той же пропорции.

Это перевозбуждение, решил он, с трудом поднимаясь на ноги.

Когда он наполовину одолел третий марш, ноги подвели его; он вновь штурмовал этот эскалатор, теперь уже успешно. Но на следующем марше он упал опять. Лежа на цементе той площадки, куда стащили его ступени, он почувствовал, что голод вернулся. Кроме того, он хотел пить — и избавиться от излишка влаги.

Эту последнюю потребность он смог легко — и без ненужной стыдливости — удовлетворить. А фонтанчик, вспомнил он, есть всего тремя этажами ниже.

Вниз идти намного легче!

Кстати, и продукты были внизу. Правда, если спуститься к ним, все усилия, затраченные на подъем, пойдут насмарку. Может, до первого этажа "Андервуда" осталось один-два эскалатора.

А может, сотня...

Но он устал, проголодался, хотел пить, к тому же теперь подъем по бесконечной цепи едущих вниз эскалаторов казался ему сизифовым трудом. И он вернулся, спустился, сдался.

Сначала он позволил эскалатору неспешно везти себя, но скоро в нем пробудилось нетерпение. Бежать вниз, перепрыгивая через ступеньки, было гораздо легче, чем вверх. Это было почти удовольствием. А какая скорость!.. За какие-то минуты он вновь оказался там, где оставил продукты.

Съев половину фруктового пирога и немного сыра, он соорудил из пиджака что-то вроде мешка для продуктов — застегнул все пуговицы и связал рукава. Если одной рукой сжимать воротник, а другой — полы, то можно забрать все.

Усмехаясь, он поехал вниз. Надо уметь проигрывать. Если эскалатор хочет везти его вниз, то вниз он и поедет. Усмехаясь...

И он поехал вниз — вниз, вниз, по похожему на головокружение эскалатору, вниз, вниз — и, кажется, все быстрее, лихо поворачиваясь на каблуках на каждой площадке, так что спуск его почти не замедлялся. Он кричал, улюлюкал и хохотал, и эхо катилось за ним по узким и низким шахтам, не поспевая за его бешеным бегом.

Вниз, все глубже вниз.

Дважды он поскальзывался на площадках и один раз не устоял посреди эскалатора, покатился вниз, выпустив узел с продуктами,— и, кажется, потерял сознание. В себя он пришел на следующей площадке. На щеке — огромная ссадина, голова раскалывается; ступени эскалатора, складываясь и уползая под гребенку, мягко терлись о его каблуки.

Тут он впервые почувствовал *настоящий* ужас — подумал о том, что спуску не будет конца; но ужас почти сразу уступил место припадку истерического смеха.

— Я еду в ад! — кричал он, хотя и не мог перекрыть гудение эскалаторов.— Это дорога в ад! Оставь надежду всяк сюда входящий!

Если бы это была дорога в ад!

Тогда, по крайней мере, во всем этом был бы какой-то смысл. Пусть странный и невероятный — хоть какой-то...

Все-таки здравый рассудок прочно сидел в нем, и ни ужас, ни истерика не могли завладеть им надолго. Он снова собрал продукты, с облегчением отметив, что на этот раз уцелело все, кроме банки растворимого кофе, все равно, впрочем, бесполезного в данных обстоятельствах. А о других обстоятельствах, ради сохранения рассудка, он не разрешал себе думать.

Теперь он спускался с какой-то целенаправленностью. Шагая по бегущему вниз эскалатору, он вновь открыл "Ярмарку тщеславия". Перипетии сюжета позволяли ему отвлечься от собственных неприятностей и не думать о глубине бездны, в которую спускался. На странице 235 он пообедал (то есть, как ему казалось, поел второй раз за день) остатками сыра и фруктового пирога; на 523-й — отдохнул и поужинал, макая печенье в арахисовое масло.

Может, стоит ограничить рацион?

Если относиться ко всему как к обыкновенной борьбе за выживание, этакой робинзонаде, то, может, удастся достичь дна этого механического водоворота живым и в здравом уме. Он не без гордости подумал, что многие на его месте не сумели бы приспособиться, сошли бы с ума.

Конечно, он все-таки спускается...

Но все еще в своем уме. Он выбрал цель и теперь твердо следовал ей.

Здесь не было ночи и почти не было тени. Он уснул, когда ноги отказались держать его, а утомленные чтением глаза начали слезиться. Во сне ему мерещилось, что он продолжает все тот же бесконечный спуск по эскалаторам. А проснувшись с рукой на резиновом поручне, он обнаружил, что так оно и есть.

Во сне он, как сомнамбула, продолжал нисхождение в этот прохладный бесконечный ад, оставив где-то узел с продуктами и даже недочитанный томик Теккерея.

Очнувшись, он бросился вверх по эскалаторам и в первый раз заплакал. Теперь, без романа, ему было не о чем думать, кроме... кроме...

— Сколько я спал? Где я?

Ноги отказали через двадцать маршей, а вскоре и дух сдал. И он снова повернул и позволил механическому течению нести себя вниз.

Кажется, движение эскалатора ускорилось, а высота ступеней увеличилась. Но он больше не доверял чувствам.

— Возможно, я сошел с ума или просто ослаб от голода. Впрочем, рано или поздно продукты кончились бы все равно. Кризис просто пришел раньше, вот и все. Оптимизм и еще раз оптимизм!

Продолжая спуск, он пытался занять себя более тщательным изучением окружающего, не потому, что надеялся обнаружить что-то полезное, а просто других занятий не было. Стены и потолок — твердые, гладкие, грязно-белые; ступени — серебристые, тускло поблескивающие, выступы светлее, ложбинки между ними темнее. Потому что эскалатором пользуются? Или просто такой дизайн? Выступы и впадины одинаковой ширины — в полдюйма. Зубья слегка выдавались за край ступени, напоминая ему машинку парикмахера. Когда он останавливался на площадках, его взгляд задерживался на том, как ступени складывались, исчезали под полом, вползали в щель основания, под решетку...

Он не бежал теперь и даже не шел — ему было довольно, что ступени сами несли его. Сверху донизу каждый пролет, затем на площадке сделать три шага (левой, правой, снова левой) и оказаться на следующем эскалаторе... По его подсчетам, он уже был в нескольких милях под магазином — вернее сказать, во многих милях, так что он даже поздравил себя с неожиданным приключением. Возможно, он установил уже мировой рекорд. Так преступник может гордиться необычайным злодеянием и ужасаться ему.

Долгое время он поддерживал силы единственно водой из фонтанчиков — те стояли на каждой десятой площадке. Часто он думал о еде, приготовлял из утраченных продуктов воображаемые блюда, представляя себе изумительную сладость меда, густоту супа (он съел бы его вхолодную, попросту размочив содержимое пакета водой из фонтанчика в жестянке из-под печенья) — а как бы он слизывал тонкий слой желе под крышкой тушенки!

Когда же мысли подходили к шести банкам тунца, его возбуждение достигало апогея. Он думал, каким образом можно было бы открыть их. Каблуком не разобьешь... Что же тогда? Вопрос (совершенно бессмысленный) вертелся у него в голове как белка в колесе, не находя ответа...

Затем с ним случилось что-то странное. Он вновь ускорил свой спуск и теперь несся как безумный, мчался очертя голову. Несколько маршей промелькнули почти мгновенно, словно в падении. Он летел как одержимый — и зачем? Ему казалось, что он спешит к продуктам,— почему-то он был уверен, что они остались *внизу*. Или что он бежит *вверх*. Бред.

Но скоро это кончилось. Ослабшее тело не могло больше выдерживать бешеную гонку, и он очнулся, совершенно вымотанный и изумленный. И начался новый, более рациональный бред — сумасшествие, воспламеняемое логикой. Лежа на полу и потирая растянутую лодыжку, он размышлял о природе, происхождении и предназначении эскалаторов. Правда, осмысленные рассуждения были не более для него полезны, чем бессмысленные действия. Рассудок не в силах решить задачу, не имеющую ответа, задачу, которая сама была ответом на себя, неделимая и нерешимая.

Пожалуй, самой занятной была теория о том, что система эскалаторов представляет собой нечто вроде беличьего колеса, из которого нельзя выбраться,— это замкнутая система. Правда, эта теория требовала несколько изменить его представление о физической вселенной — ранее мир казался ему вполне согласующимся с эвклидовой геометрией. Здесь же, видимо, спуск по линии, представляющейся прямой, на самом деле сводится к описыванию петли. Эта теория несколько его приободрила — она означала, что есть надежда, завершив круг, вернуться если не в "Андервуд", то хотя бы к оставленным продуктам. Возможно, он несколько раз уже миновал то или другое или и то, и другое — по сторонам-то он не смотрел!

Другая теория (но связанная с первой) предполагала, что кредитно-расчетный отдел "Андервуда" принимает свои меры против мошенников и некредитоспособных. Впрочем, это уже попросту паранойя...

Теории! Зачем они, эти теории!.. Надо идти...

Стараясь наступать только на здоровую ногу, он продолжил спуск, хотя, правда, не смог тут же отвлечься от своих размышлений — но те как бы отодвинулись. Вскоре он снова смог воспринимать эскалаторы как нечто само собой разумеющееся, не требуя большего объяснения, чем сам факт их существования.

Он вдруг обнаружил, что заметно потерял в весе.

Впрочем, после такого долгого поста (судя по бороде, он не ел уже не меньше недели) это только естественно. Но была и другая возможность: по мере приближения к центру Земли он, очевидно, должен становиться легче — там, насколько он помнил физику, тела вообще невесомы.

"По крайней мере, хоть *какая-то* цель",— подумал он.

Да, цель появилась. А с другой стороны, он умирал — правда, обращая на это куда меньше внимания, чем заслуживала смерть. Он не хотел признавать очевидное — и в то же время был не настолько безумен, чтобы видеть другую возможность. Поэтому он пытался убедить себя, что есть какая-то надежда.

Например, кто-нибудь, возможно, спасет его.

Но надежда эта была такой же неживой, как эскалаторы, и так же уходила все глубже.

Он уже не отличал сон от яви, не мог сказать себе: "Сейчас я сплю", или: "Сейчас я бодрствую". Все время он ехал вниз и не понимал — проснулся он только что, или просто вышел из глубокой задумчивости, или спит и видит эскалаторы во сне...

Потом начались галлюцинации.

Женщина, нагруженная пакетами с маркой "Андервуда", в смешной плоской шляпке ехала по эскалатору — стуча каблучками, сошла на площадку, где он сидел, повернулась и поехала дальше вниз, не обратив на него внимания.

Все чаще, приходя в себя, он обнаруживал, что не спешит вниз, а лежит без сил на площадке. Голода он давно уже не чувствовал, но очень кружилась голова.

Тогда он дотягивался до следующего эскалатора, хватался за ступеньку, выползшую из-под гребенки, и та увозила его вниз. Ему оставалось только упираться руками (он ехал головой вперед), чтобы не скатиться кувырком.

А внизу, на дне... там... когда я туда доберусь...

Оттуда — со дна, которое, как он думал, находится в центре Земли,— буквально некуда будет ехать, кроме как вверх. Может быть, там начинается другая цепь эскалаторов. Лучше, если лифт. Так важно верить, что дно — существует!

Думать стало трудно, мучительно — так же, как раньше было трудно и мучительно бежать вверх по эскалаторам. Чувства отказывались служить. Он больше не знал,

где реальность и где лишь его воображение. Ему казалось, что он ест, а потом вдруг обнаруживал, что кусает свои руки.

Потом ему мерещилось, что он достиг дна. Там был большой высокий зал. Стрелки показывали на другой эскалатор — "ПОДЪЕМ". Но поперек висела цепь, и на ней — табличка с машинописным текстом:

ИЗВИНИТЕ, ЭСКАЛАТОР НА РЕМОНТЕ
АДМИНИСТРАЦИЯ

Он слабо засмеялся.

Наконец он придумал, как открыть банки с тунцом. Если подсунуть их краем под решетку эскалатора, то либо банка лопнет, либо даже встанет эскалатор. А может, если сломается один эскалатор, то встанет вся цепь?.. Конечно, об этом надо было подумать раньше. Но все равно приятно, что он додумался.

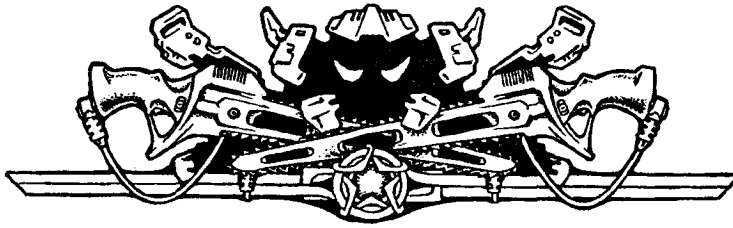
— Я мог бы и спастись!..

Казалось, он ничего не весит теперь. Наверно, спустился на сотни — тысячи! — миль.

И снова он спускался.

Потом лежал у подножия очередного эскалатора. Голова на холодной металлической плите основания, а рука — он смотрел на нее — на решетке. Пальцы — между зубьями. Ступени подкатывались одна за другой, их выступы с механической точностью входили под зубья решетки, терлись о его пальцы и раз за разом отщипывали кусочек его плоти.

Больше он ничего не помнил.



Кэрролл Маккап
СИЛА ДЕЙСТВИЯ РАВНА...

Дата: 5 июня 1987 г.
Кому: Начальнику штаба советской базы на Марсе (лично).
От кого: Командира советской экспедиции на Плутон.
Шифр: ТС Перишка К.
Суть дела: Сумасшедший американский космонавт.

Вовка!

Посылаю эту радиограмму с грифом "лично", чтобы быть уверенным в невозможности утечки информации. Надеюсь, что своевременная и осторожная агентурная проверка на Марсе, а возможно, и на Земле, покажет, какую хитрую игру затевают американцы, прежде чем мы окажемся втянутыми в очередную пропагандистскую свистопляску. Двенадцать часов назад наши локаторы обнаружили в космосе сравнительно небольшой объект, следующий почти одним с нами курсом, но имеющий меньшую скорость. Зная о том, что американцы уже довольно долго находятся в окрестностях Плутона и что они, в свою очередь, наверняка располагают сведениями о нашем приближении, я немедленно объявил боевую тревогу. Однако по мере сближения становилось ясно, что объект не является миной или торпедой, а представляет собой обычный космический скафандр, правда, оснащенный некоторым

© Перевод на русский язык, Прохоров А. А., 1994

дополнительным оборудованием. Естественно, что и скафандр, и это оборудование могли быть набиты взрывчаткой, так что боевую тревогу я отменять не стал.

Дальнейшее сближение позволило перехватить едва слышную радиопередачу на английском языке, явно адресованную не нам, да и направленную в сторону Плутона. Возможно, она была зашифрована, но дешифровке не поддавалась. Единственное, что смог сказать наш переводчик (видимо, надо будет присмотреться к нему повнимательнее),— это то, что голос, явно мужской, декламировал некий детский стишок, название которого можно перевести как "Матушка-гусыня". Голос был скучный и монотонный.

Изучив объект при помощи телескопа, мы смогли отчетливо рассмотреть:

1 космический скафандр,— очевидно, с человеком внутри;

2 цистерны, каждая емкостью приблизительно 300 литров, жестко соединенные со скафандром;

4 контейнера, объемом около 0,5 кубического метра каждый, притороченных к ногам скафандра;

1 цилиндр длиной приблизительно 3 метра и диаметром около 0,7 метра, укрепленный между ног скафандра таким образом, что его обитатель как бы сидел на нем верхом;

1 большой лук, из которого обитатель скафандра пускал нечто вроде стрел в направлении Плутона (т. е. противоположном от нас) с интервалом в 8 секунд.

"Стрелы" он извлекал из большого цилиндра, на котором сидел верхом.

Заметив нас, он прекратил пускать "стрелы" и сказал по-английски: "Если вы еще можете меня слышать, ребята, то я нашел Ивана". (Весьма примечательно, что он знает мое имя!) Он повторил это несколько раз, после чего с видимым спокойствием стал ждать, пока мы его подберем.

Тщательное изучение его снаряжения не выявило никаких взрывных устройств. В маленьких контейнерах оказались аккумуляторы, снабжавшие скафандр энергией. Одна из трехсотлитровых цистерн была наполовину заполнена жидкой питательной смесью, другая, тоже наполовину,— отходами жизнедеятельности человека. Питательная смесь подавалась к космонавту по пластмассовой трубке, которая была вмонтирована пря-

мо в лицевой щиток шлема так, что он мог есть, просто прикладывая к ней губы и посасывая. Удаление отходов производилось с помощью похожей, только более громоздкой системы, которая показалась нам весьма эффективной, хотя и создающей определенные неудобства, что подтвердил впоследствии и сам космонавт. Все оборудование скафандра оказалось в рабочем состоянии, а воздух внутри — вполне пригодным для дыхания, хотя и слегка затхлым. Длинный цилиндр был еще на треть полон "стрел". Сами "стрелы" выпилены или вырублены из стали или какого-то другого металла (по-видимому, на это пошли облицовочные плиты корабля), а тетива лука изготовлена из куска отличного троса, сохранившего упругость несмотря на холод межпланетного пространства.

Совершенно очевидно, что стрельба из лука преследовала цель вывести космонавта на такую орбиту, где мы могли бы перехватить его, хотя расчет и проведение такого маневра лежат на грани фантастики. Сам парень говорит, что для того, чтобы поддерживать нужный темп стрельбы, он декламировал разные стишки, вроде "Дом, который построил Джек", якобы задававшие ему определенный ритм; "стрелы" у него были приблизительно одинакового веса, а лук при натяжении до определенного положения придавал им постоянную скорость. Он стоит на этой версии несмотря на все допросы и утверждает, что был послан найти нас и попросить спасти его товарищей, которые, по его словам, летают на том, что осталось от их корабля, по орбите, опасно близкой к Плутону. Конечно, я не поверил его россказням. Однако думаю, что не будет большого вреда, если мы подойдем поближе и посмотрим, что там происходит на самом деле. Абсолютно уверен, что мы сможем держать ситуацию под контролем, какую бы хитрость ни придумали американцы.

В полном виде протокол его допроса выглядит настолько нелепо, что я даже не буду пытаться передать его своими словами, а отправляю тебе целиком в качестве приложения к этой радиограмме. Надеюсь, ты предпримешь те же меры предосторожности, что и я, когда направил тебе это послание с грифом "лично". Старые товарищи должны держаться друг друга.

Подпись: Иван Збруев, командир.

Протокол допроса сумасшедшего американского космонавта:

"Привет! Нет, я не говорю по-русски. Вряд ли это поможет, но я знаю несколько слов по-баскски, еще мать меня научила. О, вы говорите по-английски! Черт побери, у вас отлично получается. Ах, так вы родились в Массачусетсе? Отличное местечко. Мне довелось там пожить какое-то время, когда защищал докторскую по философии.

Ну, теперь о нашей эпопее. Я думаю, вы знаете, мы решили быть на Плутоне первыми несмотря ни на что. Правда, это обошлось нам в 400 миллиардов, но зато слышали небось, как ликовал наш президент, старик Джонсон (теперь-то он уже бывший). Ладно, как бы там ни было, а мы удачно стартовали с Марса и без особых происшествий добрались до Плутона, но тут обнаружили, что наши реактивные двигатели работают как-то не так. После компьютерных тестов и всего такого мы решили, что лучше всего будет, если кто-нибудь выйдет наружу и посмотрит, в чем там дело. Этим "кем-нибудь" стал я, благо имел самый большой опыт работы со скафандром. Кстати, и здесь у вас я оказался по той же причине.

Ну, только я добрался до кормы, сразу вижу: вокруг двигателей что-то перемещается. Поначалу это показалось мне чем-то вроде кучки тлеющих угольков. Однако когда я приблизился к ним вплотную, стало ясно, что больше всего это похоже на черные виноградины, гроздьями облепившие дюзы корабля. Пока я, нагнувшись, рассматривал их, что-то весьма ощутимо врезало мне по заду. Сначала я подумал: "Черт побери, метеорит!" — но скафандр был цел, да и я вроде бы в порядке. И тут я увидел, что эти "виноградины" слетаются к кораблю со всех сторон, причем их целью явно были двигатели, так что я счел за благо отойти пока в сторонку. Связавшись с командиром корабля, получил приказание: не подвергая себя опасности понаблюдать, оставаясь вне пределов их досягаемости.

Тем временем они все прибывали и прибывали, роясь вокруг двигателей. Но теперь они шли уже не так плотно, а потом и вовсе перестали подлетать. Более того, чуть позже часть из них убралась восвояси. Улетели, однако, далеко не все, и оставшихся было более чем достаточно, чтобы надежно заблокировать наши двигатели. Время от времени одна-две из них срывались с

места и улетали, но на их место тут же прибывала парочка других.

Воспользовавшись разными инструментами, входящими в оснащение скафандра (а оно и у нас и у вас, надо полагать, приблизительно одинаковое), я попробовал расковырять эту гроздь, но сидели они крепко. Мне все же удалось отколупнуть несколько штук, но, видимо, как раз таких, которые и сами собирались уматывать.

Одну я сдуру схватил рукой, но тут же выпустил, так как даже сквозь перчатку почувствовал, что она вроде как извивается, хотя это было и не совсем так; но это я понял уже отпустив ее. По форме эта штуковина больше всего напоминала обрезанный на треть мраморный шарик диаметром в пять восьмых дюйма. Ах да, вы же больше привыкли к миллиметрам, да и ваши детишки, наверное, не играют в мраморные шарики? Значит так... 2,54 умножаем на 6,25... переносим двойку... а, дьявол, где тут должен быть десятичный знак... ага, ну скажем, что это похоже на тусклый металлический шарик диаметром около 16 миллиметров, причем треть его отпилена. От этой плоской стороны исходил временами голубоватый свет, после чего шарик как бы прыгал вперед — вот это-то я и почувствовал. Я было испугался, что это какой-то вид ионного излучения, вполне способного прожечь мне скафандр, но все вроде обошлось. Понаблюдав за некоторыми, я понял, что эти шарики могут поворачивать в полете в любую сторону, включая свет на каком-то одном краю плоской поверхности, а когда им нужно лететь по прямой, вспыхивает вся плоскость. Потом мы малость поэкспериментировали с ними и выяснили, что они могут развивать усилие порядка... ну да сейчас не стоит влезать во все эти дебри. На корабле есть все расчеты, и самое меньшее, что мы можем сделать после того как вы подберете людей, это ознакомить вас с ними. Так сказать, научное сотрудничество, хе-хе!

А тогда меня это так все заинтересовало, что я решил рискнуть еще раз — поймал очередной пролетавший мимо шарик и держал его так, чтобы голубой свет был направлен в противоположную от руки сторону. Я чувствовал толчки, но они были слишком слабыми, чтобы он мог вырваться. Может, поэтому они и оставались здесь, вдали от быстрых орбит и мощного притяжения Солнца. Да и от Плутона они были достаточно далеко, чтобы не быть притянутыми им.

Когда я рассказал о своих экспериментах командиру, он решил, что я рехнулся или втихаря хлебнул из фляжки, и приказал мне немедленно возвращаться, но мне хотелось показать этим тварям, что с нами шутки плохи. Как выяснилось позже, затевать этого не стоило, потому что, как только ребята дали двигателям чуть-чуть тяги и я увидел, что происходит, то сразу понял, что лучше бы мне было не вылезать со своими идеями.

Дело в том, что, как только двигатели заработали, эти твари понеслись к кораблю со всех сторон, как осы. Вы знаете, как быстро раскаляются дюзы, даже на малой тяге, и как быстро они остывают в межпланетном холоде. Ну так вот, каждый раз, когда мы включали двигатели, этих тварей тянуло к раскаленному металлу как магнитом. Как только дюзы остывали, часть из них улетала. Но некоторые оставались. Я думаю, самые ленивые.

Ну мы, конечно, всполошились и попытались связаться с Марсом (Земля, как вы знаете, сейчас находится за Солнцем), но нас явно не слышали. Полагаю, вы уже догадались, кому пришлось влезать в скафандр и идти смотреть, что там с антенной, после того как командир корабля и радист хорошенько попортили друг другу кровь. И знаете что? Каждый раз, как мы начинали передачу, эти чертовы подпиленные шарики стаями летели к антенне, как мухи на навоз. Ну вы знаете, как это бывает — я где-то читал, что все русские большие специалисты в сельском хозяйстве и во всем, что с этим связано. И тут-то до меня стало доходить, что они могут питаться любым видом лучистой энергии — от радиоволн до инфракрасных лучей; так это и оказалось впоследствии. Тогда же выяснилось, что они могут довольно успешно противостоять тепловому излучению. Их ничто не брало, и убить их можно было только поджарив докрасна. Беда, однако, была в том, что хотя какая-то часть этих тварей и сгорела в реактивных струях, но к тому времени в дюзы их набилось столько, что было уже рискованно вновь запускать двигатели.

Чего мы только ни перепробовали, чтобы очистить дюзы: пытались спиливать эти штуковины, срезáть — но все оказалось впустую. Стоило подать на двигатели хоть малейшую тягу — эта чертовщина была тут как тут, и все начиналось сначала.

Нам как-то не очень хотелось врезаться в Плутон из-за потери управления, поэтому мы кое-как, с по-

мощью вспомогательных двигателей, изловчились снизить скорость и перейти на круговую орбиту. Наверное, теперь вы уже можете рассмотреть на экранах ваших локаторов, что стало с кораблем. Мы не могли ни сдвинуться с места, ни сообщить ничего о себе, но с приемом все было о'кей, и мы знали, что вы вылетели вслед за нами, и рассчитали, что если мы сможем предупредить вас заранее, чтобы вы не подходили к Плутону слишком близко, вы сможете снять нас с этих обломков, если нам удастся самим подойти к вам. Здесь этих тварей вроде бы нет, а команда справится с подлетом к вашей орбите, если у вас, конечно, найдется для нас местечко. Корабль у вас вроде бы хороший, большой.

У нас не было никакой возможности связаться с вами по радио, а изобрести какой-то способ послать вам весточку было необходимо. Жаль, у нас оказалось маловато сжатого воздуха, чтобы использовать для этого принцип реактивного движения. Холодная воздушная струя вряд ли привлекла бы "клопов". Мы назвали их "клопами", но боюсь, что теперь на них со своими лупами набросятся ученые мужи и придумают им такое имечко, что язык сломаешь.

Хорошо еще, что до вашего прилета оставалось достаточно времени, чтобы мы могли хорошенько подумать и поэкспериментировать. Результат налицо: этот, с позволения сказать, экипаж, в котором вы нашли меня. Я учился управлять им что-то около трех недель. Когда я хотел лететь по прямой, я просто пускал стрелу в противоположном направлении. Ну, вы знаете, сила действия равна... А если мне нужно было заняться высшим пилотажем, то направление полета стрелы выбиралось с определенным отклонением. Теперь я большой специалист в этом деле. Мог бы стать чемпионом мира. На следующей Олимпиаде например...

А все остальное вы видели.

Такие вот дела, и я покривил бы душой, не сказав, что чертовски рад вас видеть, даже если вы просто банда... даже если я не говорю на вашем языке. Отсюда вы можете послать радиограмму на наш корабль, и ребята начнут прибывать по одному. Скафандры вроде моего у них уже приготовлены, и вся обшивка нашей старушки, должно быть, уже распилена на стрелы".

(Конец протокола.)

Дата: 6 июня 1987 г.
Кому: Начальнику контрразведки штаба советской базы на Марсе (лично).
От кого: Начальника штаба советской базы на Марсе.
Шифр: СТС Бабушка Ю.
Суть дела: Командир советской экспедиции на Плутон.

Николай!

Еще раз проверь командира нашей экспедиции на Плутон на предмет возможной психологической неустойчивости и склонности к измене Родине. Выясни также, не посылал ли он каких-либо шифровок кому бы то ни было кроме меня. Проверь также надежность шифра "ТС Перышка К".

Наилучшие пожелания семье.

Подпись: Владимир Кмит, начальник штаба.

Дата: 10 августа 1987 г.
Кому: Послу СССР в США.
От кого: Кремль.
Шифр: нет.
Суть дела: Империалистическая пропаганда.

Немедленно заявите решительный протест по поводу распространения американскими средствами массовой информации нелепых и оскорбительных слухов о некоем советском космонавте, якобы разгуливающем в космическом пространстве, распевая при этом "Вниз по матушке, по Волге" и швыряясь копьями.

Подпись: N.

Авраам Дэвидсон
О ВСЕХ МОРЯХ С УСТРИЦАМИ

Оскар встретил посетителя "О. и Ф. — велосипеды" бодрым "Привет!". Затем он повнимательнее вгляделся в клиента, — человека средних лет в деловом костюме и очках — наморщил лоб и, вспоминая, прищелкнул пальцами.

— Э, послушайте, да я вас знаю! — провозгласил он.— Мистер... мистер... э-э... вот вертится на языке и никак... черт...

Оскар был здоровяком с бочкообразным торсом и огненно-рыжей, как апельсин, шевелюрой.

— А как же, конечно знаете! — ответил посетитель, оправляя пиджак с эмблемой Лайонз-клуба в петлице.— Помните, я покупал у вас велосипед для девочки, с переключением скоростей? Мы еще говорили о том красном французском велосипеде, гоночном, с которым работал ваш партнер...

Оскар хлопнул огромной ладонью по кассовой книге, закатил глаза:

— Ну конечно — мистер Уотни! (Мистер Уотни просиял.) Конечно! Как я мог забыть! Мы с вами потом пошли в бар напротив, взяли по паре стаканов пива... Так как ваши дела, мистер Уотни? Велосипед... вы взяли английскую модель, верно? Да-да. Надо полагать, остались довольны, не то пришли бы жаловаться, а?

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

Мистер Уотни ответил, что велосипед был отличный, просто отличный. Затем осторожно добавил:

— А вот у вас, похоже, кое-какие перемены. Вы теперь один. Ваш партнер...

Оскар, выпятив губу, посмотрел вниз, покивал.

— Значит слышали, а? Эхе-хе. Я теперь один. Вот уже больше трех месяцев.

Партнерству пришел конец три месяца назад, но первые признаки появились куда раньше. Ферд любил книги, долгоиграющие пластинки и умные разговоры; Оскар предпочитал пиво, кегельбан и женщин. Любых. И в любое время.

Магазинчик их помещался неподалеку от парка, и они неплохо зарабатывали, сдавая напрокат велосипеды приезжающим на пикник. Если о клиентке уже можно было сказать "девушка" и еще нельзя — "старуха" и если она была при этом одна — Оскар спрашивал обычно:

— Как вам машина? Все в порядке?

— А?.. Да... как будто...

Тогда Оскар брал второй велосипед и говорил:

— Ну, я немного проедусь с вами — просто чтобы быть уверенным. Я мигом, Ферд: туда и обратно.

Ферд угрюмо кивал. Он-то знал, что "мигом" не получится и что позже Оскар скажет: "Надеюсь, ты без меня поработал в магазине не хуже, чем я — в парке".

— Ну да, ты всю работу на меня сваливаешь,— бурчал Ферд. Оскар вспыхивал:

— Ах так? В следующий раз ты поедешь развеешься, а я останусь. Я-то не буду завидовать!

Но конечно он знал, что Ферд — высокий, тощий, пучеглазый Ферд — никогда не поедет с клиенткой.

— Полезная штука,— говаривал Оскар, похлопывая себя по волосатой груди.— Мужчина ты в самом деле или нет? Попробуй хоть разок!

Ферд бормотал в ответ, что ему и так неплохо. При этом он искоса смотрел на руки. От локтя до кисти те густо поросли черным волосом, но вот выше локтя были гладкими и белыми. Они были такими еще в школе, и другие ребята часто смеялись над ним и дразнили "Птичкой". Ферди-Птичка. Знали, что он обижается, и все равно дразнили. Как так можно, он никогда этого не понимал — отчего люди часто специально обижают других, причем тех, кто им ничего дурного не сделал? Как так можно?

Ферда беспокоили и другие мысли. Все время.

— Эти мне коммунисты...— качал он головой, читая газеты. Оскар же обычно в двух коротких словах излагал свое мнение о коммунистах и заодно давал хороший совет о том, как решить их проблему в целом. В тех же двух словах.

Или взять смертную казнь.

— О, как ужасно, что невиновный может быть казнен! — стенал Ферд. Оскар на это отвечал, что, видать, не повезло мужику.

— Лучше дай-ка мне сюда ручной вулканизатор,— заключал он.

А Ферд переживал по малейшему поводу. Как в тот раз, когда прикатила супружеская пара на тандеме с корзинкой-багажником для ребенка. Они только шины подкачали (бесплатная услуга!); а затем жена решила поменять малышу пеленки, и одна из булавок сломалась.

— Ну куда деваются английские булавки? — возмутилась женщина, перерывая свой багаж.— *Никогда* их не напасешься!..

Ферд, издавая сочувственные звуки, отправился на поиски булавок. Но хотя он был точно уверен, что в конторе (так они называли свою подсобку) у них есть булавки, ему не удалось найти ни одной.

Парочка так и укатила без булавки, завязав пеленку безобразным узлом.

За ланчем Ферд опять жаловался на жизнь — на этот раз темой были булавки. Оскар вместо ответа впился зубами в сэндвич. Отхватил порядочный кусок, прожевал, проглотил. Ферд любил экспериментировать с сэндвичами: больше всего ему нравился монстр, начиненный плавленым сыром, оливками, анчоусами и авокадо (все залито майонезом), — Оскар же неизменно потреблял прозаические бутерброды с розовым колбасным фаршем.

— Вот, наверно, хлопот с ребенком,— продолжал Ферд, откусывая от своего чудо-сэндвича.— Не то что ездить с ним — вообще там растить, воспитывать...

— Господи,— ответил Оскар,— да ведь аптеки-то просто на каждом углу. Неграмотный и то найдет, и вывеску читать не надо...

— При чем тут аптеки?.. А, ты про булавки...

— Ну да. Про них.

— Но... а знаешь... она была права. Когда нужны булавки — их не найти. Их просто нет.

Оскар сдернул колпачок с бутылки пива, покатал во рту первый глоток.

— Ага, точно! Зато вечно пропасть проволочных плечиков для одежды. Выкидываешь, выкидываешь, а через месяц глядь — шкаф от них только что не лопается. Вот, слушай, чем бы тебе в свободное время заняться. Придумай какую-нибудь машинку, чтоб переделывала плечики в булавки.

Ферд кивнул, о чем-то размышляя.

— Ты же знаешь, я в свободное время чиню тот французский гоночный...

Французский гоночный велосипед был поистине прекрасной машиной. Легкий, удобный, быстрый, он сиял красным лаком, и езда на нем казалась полетом. Но как бы он ни был хорош, Ферд чувствовал, что можно сделать его еще лучше. Каждому, кто заглядывал в их магазин-мастерскую, он показывал этот велосипед — пока сам немного не охладел к нему.

Новым хобби Ферда стала природа. Вернее, чтение книг о природе. Как-то возвращавшиеся из парка ребятишки гордо продемонстрировали Ферду жестянки из-под консервов, куда они посадили свою добычу — тритонов и жаб. С тех пор работа над красным гоночным несколько замедлилась, так как Ферд проводил все свободное время за чтением книг по естественной истории.

— Мимикрия! — воскликнул он как-то.— Это просто потрясающая штука!

Оскар заинтересованно оторвался от газеты с результатами чемпионата по кеглям.

— Это да. Мимики — это здорово. Вот вчера по телеку показывали Эдди Адамса — как он Мерилин Монро пародирует. Класс!

Ферд раздраженно потряс головой.

— Да нет же, я о мимикрии. Это, например, когда насекомые и всякие там пауки прикидываются листиком, или сучком, или еще чем — чтобы не съели птицы или другие насекомые и пауки.

Оскар хмыкнул недоверчиво.

— Ты говоришь, что они меняют свою внешность? Не пудри мне мозги, не бывает.

— Да нет же, это правда!.. А иногда мимикрия нужна хищнику. Например, в Южной Африке водится черепаха, с виду ни дать ни взять — камень. Поэтому рыбы ее не боятся, подплывают близко, тут она их и ловит.

Или взять этого паука с Суматры. Когда он лежит на спине, его не отличить от птичьего помета. Он так на бабочек охотится.

Оскар засмеялся. На его мясистой физиономии читались недоверие и некоторое отвращение к предмету. Он опять уставился в газету, задумчиво ероша густые рыжие заросли под рубашкой. Затем похлопал себя по заднему карману.

— Где этот чертов карандаш?.. — пробормотал он. Протопал в "контору", открыл ящик стола и вдруг воскликнул:

— Эй!..

Этот крик встревожил Ферда, и тот во мгновение ока оказался в тесной комнатке.

— Что случилось? — спросил он.

Оскар ткнул пальцем в ящик.

— Помнишь, ты как-то недавно жаловался, что у нас нету булавок? Так вот тебе: весь чертов ящик ими просто набит!

Ферд заглянул в ящик, поскреб в затылке и неуверенно сказал, что он точно помнит, что искал и в ящиках...

Из магазина донеслось приятное контральто:

— Кто-нибудь есть?..

Оскар, услышав голос, мигом забыл и про ящик, и про его содержимое, крикнул:

— Одну секундочку, я сейчас! — и исчез. Ферд медленно вышел следом.

У прилавка ждала молодая женщина. Весьма плотно сложенная молодая женщина с крепкими икрами и пышной грудью. Она показывала Оскару на седло своего велосипеда, а тот бормотал "Угу, угу..." — глядя больше на посетительницу, чем на ее машину.

— Оно слишком сильно выдвинуто, видите? Немного, но неудобно. Мне нужен только ключ ("Угу"). А я как назло забыла взять инструменты. Так глупо!..

— Угу,— автоматически повторил Оскар, но тут же поправился: — То есть сию секунду сделаю.

И действительно сделал, сколько посетительница ни настаивала, что она-де и сама справится. Правда, нельзя сказать, что сделал это "сию секунду". От денег он отказался, зато разговор затянул насколько сумел.

— Ну вот, большое вам спасибо,— сказала женщина наконец.— А теперь мне пора...

— Теперь все в порядке? Удобно?

— Вполне. Спасибо.

— Вот что, я немного проедусь с вами — просто чтобы...

Великолепная грудь посетительницы колыхнулась от смешка.

— Вам за мной не угнаться. У меня ведь *гоночный* велосипед!

Ферд увидел, как Оскар метнул взгляд в угол, и сразу понял, что на уме у его партнера. Но его "Нет!.." — потонуло в бодром:

— Ну так что ж, по-моему, вот этот велосипед не уступит вашему!

— Посмотрим,— женщина засмеялась глубоким грудным смехом и вышла. Оскар, не обращая внимания на попытку Ферда задержать его, вскочил на французский велосипед — и был таков. Ферд, выйдя на порог, увидел только две удаляющиеся фигуры, согнувшиеся над рулями велосипедов, — парочка поднажала и скрылась в парке. Ферд медленно вернулся в магазинчик.

Оскар прикатил назад ближе к вечеру — потный, но сияющий. От уха до уха.

— Ух, ну и киска попалась! — воскликнул он с порога. Он покачивал головой, он присвистывал, он шумно выдыхал и пытался жестами изобразить обуревавший его восторг.— Ну и денек выдался — чтоб мне сдохнуть!

— Давай сюда велосипед,— только и сказал Ферд.

Оскар сказал, что да, разумеется, конечно, — отдал велосипед и пошел мыться. Ферд осмотрел машину: красный лак покрыт грязной коркой; тут запеклись пыль, глина, грязь, ошметки высохшей травы... Машина выглядела не просто грязной, а осквернённой, обесчещенной, униженной. А ведь он чувствовал себя на нем стремительной птицей... Он летал!..

Вышел Оскар — мокрый после душа и все еще сияющий. Увидев, что происходит, он вскрикнул и бросился к Ферду.

— Не подходи,— сказал Ферд, взмахнув ножом. И продолжил свое занятие: он резал шины, камеры, седло и чехол седла, снова и снова нанося удары.

— Ты что, спятил?! — заорал Оскар.— Совсем с катушек слетел?! Ферд, не надо! Ферд!..

Ферд меж тем выломал спицы, согнул их, скрутил. Он взял кувалду и в считанные минуты превратил раму

в груду лома — и продолжал крушить, пока окончательно не выбился из сил.

— Ты не только псих,— горько сказал Оскар,— ты еще и чертов грязный ревнивец. Ну тебя ко всем чертям.— И тяжело топая вышел. И дверью хлопнул.

Ферд, чувствуя себя совершенно разбитым, запер магазинчик и поплелся домой. Читать ему не хотелось. Он выключил свет, бросился на кровать и лежал так без сна много часов, прислушиваясь к ночным шорохам и собственным горячечным мыслям.

Несколько дней они не разговаривали. Только по делу. Обломки французского гоночного велосипеда валялись позади магазина-мастерской. И почти две недели ни тот, ни другой не заходили на задний двор, чтобы не видеть их.

Но вот однажды утром Оскар приветствовал компаньона необыкновенно восторженно. Он в восхищении качал головой и повторял:

— Нет, ну как тебе это удалось, Ферд? Как? Боже всемогущий, это просто гениально! Ферд, ты гений, я должен это признать! Вот моя рука — и забудем прошлое, а, Ферд?

Ферд пожал протянутую руку.

— Ну конечно, конечно, то есть... Слушай, ты, собственно, о чем?

Оскар торжественно повел партнера на задний двор. Там стоял, сияя алым лаком, французский гоночный велосипед. Целый и невредимый. Без единой царапины.

Ферд разинул рот. Присел на корточки. Осмотрел и ощупал велосипед. Это была та самая, его машина. Со всеми сделанными им изменениями и усовершенствованиями.

Он медленно выпрямился.

— Регенерация...

— А? Чего? — переспросил Оскар. Вглядевшись в лицо партнера, он заметил: — Слушай, парень, да на тебе лица нет! Белый как стенка! Ты что, ночь не спал, работал с ним? Иди-ка присядь... И все-таки я не могу понять, как тебе это удалось.

Они вернулись в магазинчик, и Ферд тяжело опустился на стул.

— Оскар,— сказал он,— послушай...

— Чего?

— Оскар... ты знаешь, что такое регенерация? Нет? Так вот. У некоторых ящериц например: схватишь ее за

хвост, а тот оторвется. А ящерица потом регенерирует — отращивает новый хвост. Или некоторые виды червей, и гидры, и морские звезды: разрежь их на куски, и из каждого вырастет новая особь, каждый кусок отрастит все недостающее. Потом тритоны, они восстанавливают потерянные лапы, и лягушки тоже.

— Еще бы, Ферд. Здорово. Но, то есть, послушай, это все природа и очень интересно. Но я тебе про велосипед — как тебе удалось его так здорово починить?

— Я к нему не прикасался. Он регенерировал. Как тритон. Или омар.

Оскар задумался. Он опустил голову, исподлобья взглянул на Ферда.

— Э-э... ну... Ферд... Послушай... а почему тогда *все* поломанные велосипеды так не делают?

— Потому что это — не простой велосипед. То есть, я хочу сказать, не настоящий... — Перехватив озадаченный взгляд Оскара, он воскликнул: — Оскар, *так оно и есть*!

Озадаченное выражение на лице Оскара сменилось недоверчивым. Он поднялся.

— Ну ладно. Спора ради допустим, что все эти штуки насчет букашек и угрей — или о ком ты там? — правда. Ну так ведь они *живые*! А велосипед — нет.

И он победно взглянул на собеседника сверху вниз.

Ферд покачал носком ботинка из стороны в сторону, задумчиво опустив глаза.

— Кристаллы тоже неживые, но в подходящих условиях они могут самовосстанавливаться... Оскар, послушай — не мог бы ты пойти заглянуть в ящик стола, проверить, на месте ли булавки? Пожалуйста.

Оскар вышел в "контору". Было слышно, как он открывает ящики, роется в них, со стуком их задвигает. Наконец он вернулся.

— Не-а,— протянул он. — Ни одной. Точно как та леди говорила или вот ты: как булавки нужны, так их и нет. Они просто исчеза... Ферд? Какого...

Ферд распахнул гардероб и отскочил — на него обрушилась лавина проволочных плечиков.

— И точно как *ты* говорил,— произнес Ферд, кривя рот.— Зато плечиков вечно хоть пруд пруди. *А вчера их тут не было.*

Оскар пожал плечами.

— Не пойму, о чем ты. Впрочем, кто угодно мог залезть сюда, забрать булавки и подсунуть плечики. Я

например — только я этого не делал. Или ты. Или... — Он сузил глаза.— Или, может, ты во сне это сделал. Может, ты лунатик. Нет, тебе точно надо идти к врачу. Ты выглядишь скверно — краше в гроб кладут!

Ферд вернулся от гардероба, сел, уткнул лицо в ладони.

— Я *чувствую* себя скверно. Я боюсь, Оскар. Чего?.. — Он шумно вздохнул.— Я тебе скажу. Помнишь, я говорил, что многие живые существа в природе притворяются чем-то другим, не тем, что они на самом деле? Сучками, листьями... жабы, похожие на камни... Так вот представь себе, что есть какие-то существа, которые живут среди людей. В городах. В домах. Такие твари могли бы имитировать, не знаю, всякие вещи, которые нас окружают.

— Нас окружают — бога ради, Ферд...

— Может, это иная форма жизни. Может, они добывают питательные вещества прямо из воздуха. Ты знаешь, что такое на самом деле эти "другие" английские булавки? Оскар, английские булавки — это яйца или, может, куколки. И они потом превращаются в личинок. Которые выглядят точь-в-точь как плечики для одежды. Даже на ощупь они такие же — но на самом-то деле это нечто совершенно иное. Оскар, они же не... не... не...

Он вдруг зарыдал. Оскар, глядя на него, только головой покачал.

Через минуту-другую Ферд немного успокоился, шмыгнул носом.

— А все эти вело... велосипеды, которые находят полисмены и ждут, что владельцы придут за ними, а потом мы с тобой, Оскар, покупаем их с аукциона, потому что владельцы не приходят, потому что никаких владельцев и нет, и то же самое с велосипедами, которые мальчишки пытаются нам продать и говорят, что нашли их, и они их правда находят, потому что никто их не делал, никакая фабрика, они просто выросли. Они вырастают. А если разбить такой велосипед и выбросить, он регенерирует!

Оскар обернулся как бы к невидимому собеседнику и покачал головой:

— У-у, приятель...— Затем вновь обратился к Ферду: — Ты имеешь в виду, что вот сегодня это английская булавка, а завтра — плечики?..

Ферд объяснил:

— Сегодня кокон — завтра бабочка. Сегодня яйцо — завтра цыпленок. Но у... *этих существ* все происходит

не на виду. Не днем. Днем их могут увидеть. А вот ночью, Оскар, ночью ты можешь их *услышать*. Все эти почти незаметные звуки в доме ночью, Оскар...

— Тогда как получается,— перебил его Оскар,— что мы с тобой не завалены велосипедами по самое горло? Если бы из каждых плечиков выводился велосипед...

Но Ферд подумал и об этом. Если бы каждая икринка трески, объяснил он, или, скажем, устрицы превращалась во взрослую особь, можно было бы перейти океан пешком — по спинам трески или по устричным раковинам. Часть личинок просто умирает, часть достается на обед хищникам — и так много их гибнет, что природе приходится производить как можно больше потомства, чтобы хоть сколько-то выжило и могло принести новое потомство. Тогда Оскар, естественно, спросил, кто же... гм... ест... гм-гм... плечики для одежды?

Взгляд Ферда устремился сквозь стену, сквозь дома и сквозь парк, к горизонту.

— Ты не понимаешь. Я говорю не о *настоящих* булавках и плечиках. Я имею в виду "ложных друзей", как я их назвал. Это когда я еще в школе учил французский, нам говорили, чтобы мы остерегались французских слов, которые выглядят как английские, но значат нечто совсем другое. Такие слова называют *"faux amis"*. Фоз-ами — "ложные друзья". Псевдобулавки. Псевдоплечики... А кто ими питается? Не знаю. Может, псевдопылесосы?

Его партнер в отчаянии застонал и хлопнул себя по ляжкам.

— Ферд, Ферд, бога ради! Знаешь, что с тобой на самом деле? Ты вот говоришь об устрицах — а на что они годятся и забыл. Ты забыл главное — что люди делятся на два вида, и один из них тебе как раз и нужен. Закрой все чертовы книги, и про букашек, и про всю эту французскую дребедень. Выйди на улицу, потолкайся с людьми. Выпей, что ли. А еще лучше, знаешь, когда в другой раз Норма — ну, это та, грудастая, с гоночным — когда она опять сюда заглянет, *ты* бери наш красный и езжай с ней в парк. Я не обижусь. Думаю, и она возражать не будет. Во всяком случае, не слишком сильно...

Но Ферд решительно отказался.

— К этому красному гоночному я больше никогда не притронусь. Я его боюсь.

Оскар поднял его на ноги и выволок на задний двор.

— Есть только один способ побороть страх перед ним!

Ферд, белый как мел, сел в седло. Велосипед, вихляя, проехал несколько метров — и Ферд с криком покатился по земле.

Оскар оттащил его от велосипеда.

— Он меня сбросил! — кричал Ферд.— Он хотел меня убить! Смотри — кровь!..

Но его партнер возразил, что Ферд упал на бугорке, просто из-за своего страха. Кровь? Поцарапал щеку о сломанную спицу, когда падал. И он заставил Ферда снова оседлать велосипед, чтобы побороть страх.

Тут Ферд ударился в истерику. Он кричал, что каждый человек находится в опасности, что человечество необходимо предостеречь. Оскару пришлось затратить массу времени, чтобы успокоить Ферда, увести его домой и уложить в постель.

Конечно, Оскар не стал рассказывать все это мистеру Уотни. Просто сказал, что его партнер сломался — велосипеды ему вконец опротивели.

— Я-то считаю, что суетиться, пытаться переделать мир — себе дороже,— сообщил Оскар.— Я всегда говорил — принимай вещи такими, какие они есть. А насчет всяких проблем, то тут все просто: с кем не сладить, с тем дружи.

Мистер Уотни подтвердил, что и сам придерживается в точности такой философии. Затем он спросил, как идут дела с тех пор как Оскар остался без партнера.

— Ну... не так чтобы совсем плохо. Я, знаете ли, теперь помолвлен. Ее зовут Норма. Просто помешана на велосипедах... В общем, учитывая все обстоятельства, дела совсем не плохие. Работать, конечно, больше приходится, зато я могу делать все по-своему, а это уже кое-что...

Мистер Уотни кивнул.

— Я смотрю, дамские велосипеды-то все еще делают,— заметил он.— Не пойму, зачем это, ведь почти все женщины носят брюки.

— Ну, не знаю,— пожал плечами Оскар.— Мне, например, такие нравятся. Вам не кажется, что велосипеды похожи на людей? Я имею в виду, что велосипед — единственная в мире машина, которая бывает мужской или женской. То есть дамской.

Мистер Уотни хихикнул и сказал — и в самом деле, об этом он раньше не задумывался.

Потом Оскар спросил — не желает ли мистер Уотни купить что-нибудь, то есть, разумеется, он в любом случае желанный посетитель...

— Вообще-то, я хотел посмотреть, что у вас есть. Скоро день рождения моего сынишки, и...

Оскар глубокомысленно кивнул.

— Вот, взгляните,— показал он.— Такого вы больше нигде не найдете. Это наш фирменный товар. Сочетает в себе лучшие черты французского гоночного и американской стандартной... модели. Но мы производим его прямо здесь, и он выпускается в трех вариантах — "детский", "подростковый" и "стандартный". Отличная модель, правда?

Мистер Уотни осмотрел велосипед и отвечал в том смысле, что да, похоже, это именно то, что надо.

— А кстати,— спросил он,— что с тем французским гоночным — ну, с красным, который тут у вас раньше стоял?

У Оскара дернулось лицо. Но потом оно стало спокойным и невинным, и он, наклонившись к клиенту, слегка толкнул его локтем.

— Ах, этот? — подмигнул он.— Старичок французик? А как же! *Его* я пустил на племя!

И они оба расхохотались и долго и весело смеялись, и рассказали друг другу еще несколько забавных случаев, и мистер Уотни приобрел велосипед для сына, и они выпили пивка и опять пошутили и посмеялись. И еще вспоминали: какое несчастье, бедняга Ферд, бедный старина Ферд — его, бедолагу, нашли в собственном гардеробе, с проволокой от разогнутых плечиков, туго обвившейся вокруг шеи.

Филип Жозе Фармер
ПЛЫВИ! ПЛЫВИ!

Грузное свое тело монах Спаркс еле втиснул между переборкой и рацией. Он сидел совершенно неподвижно, лишь изредка постукивал указательным пальцем, стреляя глазами по сторонам. Палец лежал на ключе передатчика, а глаза, серо-голубые, как небо его родной Ирландии, воровато косились на открытую дверь радиорубки — наспех сколоченной на корме хибары, в которой он и согнулся в три погибели. Видно ему было немного: сумерки, сгустившиеся над палубой; фонарь, у которого, облокотившись о поручни, стояли два матроса; за их спинами качались на волнах темные силуэты "Ниньи" и "Пинты"*, расцвеченные яркими огнями. Позади кораблей до самого горизонта простиралась гладь Атлантики. А из-за горизонта вставала красная луна, разбавляя черноту небес и океана кровавым мерцанием.

В тусклом свете лампочки с углеродной нитью накаливания, висевшей прямо над выбритой макушкой монаха, лоснилось его заплывшее жиром сосредоточенное лицо.

Светоносный эфир сегодня был забит помехами, но все же сквозь треск и хрип в наушники Спаркса проры-

* "Нинья", "Пинта", а также "Санта-Мария" — три каравеллы Колумба, на которых он 12 октября 1492 года открыл Америку.

© Перевод на русский язык, Куртишвили Ш. С., 1994

вались бесконечные точки-тире, которые посылал радист из Лас-Пальмаса, с Канарских островов.

— ...зззз... Значит ты уже успел наклюкаться хересом... хрр... прискорбно... жжжжж... старый ты рассохшийся винный бурдюк... ззз... да простит тебе Господь грехи твои тяжкие...

— Слухов, новостей и сплетен — уйма!.. хр-хр-хрррр... Не клони голову, нечестивец, но прижми покрепче наушники... Говорят, что турки собираются... ззз... походом на австрияков. И что летающие колбасы, кои якобы висели над всеми столицами христианского мира, — суть проделки турок. Будто бы изобрел их некий ренегат-роджерианец, обращенный в мусульманскую веру... Я уверен, что сие полная... зззз... Никто из нашей братии на такое не пойдет. Думаю, слухи распускают злонамеренные... ззз... из других орденов, дабы навлечь на нас дурную славу. Огорчительно, но многие им верят.

— А что говорит ваш Адмирал — долго еще, по его расчетам, плыть до Сипангу*?

— Не знаю... Ты лучше послушай последние новости. Савонарола** сегодня опять поносил флорентийскую знать, греческое искусство и литературу, а заодно и праведные эксперименты последователей святого Роджера Бэкона...***зззз... Опасный человек. Явно сбился с пути истинного... Чует мое сердце, окончит он дни свои на том самом костре, коим пугает наших братьев...

— ...хххх... Что я тебе сейчас расскажу — это просто сдохнуть можно... Значит так, два ирландских купца, некие Пат и Майк, гуляют себе по Гренаде, и вдруг какая-то красавица-сарацинка выплескивает на них с балкона полный горшок... ззз... А Пат задрал голову и... хр-хр-хр... Ничего себе, да?! Мне вчера сие брат Хуан поведал.

— PV... PV... Прием... PV... PV... Да знаю я, что подобные шуточки не для эфира, но нынче нас не пеленгуют... ззз... мне так кажется.

---

* Сипангу — так называл Японию итальянский путешественник Марко Поло (ок. 1254—1324).

** Савонарола Джироламо (1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру.

*** Бэкон Роджер (ок. 1214—1292) — английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец. Занимался оптикой, астрономией, алхимией. Предвосхитил многие позднейшие открытия.

И эфир на некоторое время аж перекосило от сальных баек.

Потом брат Спаркс послал прощальные PV — Pax Vobiscum*, отключил рацию, выдернул из гнезда наушники, сдвинул их, как положено предписаниями, вперед к вискам, и на четвереньках, исцарапав себе все брюхо, с трудом протиснулся в дверь.

Выбравшись на палубу, он направился к тихо беседующим мореплавателям. Большой фонарь вовсю горел над их головами, выхватывая из мрака ярко-рыжую шевелюру юного служки Сальседо, окладистую черную бороду толмача Торреса, а потом уже и розовый, гладко выбритый двойной подбородок подошедшего Спаркса и его пурпурную рясу монаха-роджерианца. Капюшон рясы служил Спарксу своеобразным ранцем: здесь хранились писчая бумага, перья, склянка чернил, миниатюрные отвертки и гаечные ключи, шифровальный блокнот, логарифмическая линейка и свод ангельских законов.

— Ну, что скажешь, старая шкура? — довольно развязно обратился к нему юный Сальседо. — Какие новости из Лас-Пальмаса?

— Ничего нового. Слишком много помех оттуда, — громыхнул басом монах, указывая на луну, оседлавшую горизонт. — Она сегодня красна и велика, аки мой почтенный нос!

Матросы рассмеялись, и Сальседо заметил:

— Луна-то к ночи станет поменьше и побледнее, отец мой. А вот твой хобот, похоже, напротив — будет расти и расцветать... — Тут Сальседо прервал свою речь и усмехнулся, увидев, как нос монаха дельфином нырнул в пучину его дыхания.

Вплотную приблизив физиономию к лицам приятелей, монах еще пару раз окунул свой хоботок в винные пары, шумно принюхался и, судя по тому, как засверкали его глаза, остался доволен результатами изысканий. Впрочем, делиться открытиями было не в привычках монаха, поэтому он подмигнул приятелям и начал издалека, предпочитая двигаться к цели окольными путями:

— Досточтимый отец Спаркс с Канарских островов — презабавный малый, доложу я вам. Развлекает меня каждый день всяческими философскими идеями — порою здравыми, а порой — совершенно фантастическими. Се-

* Pax Vobiscum (*лат.*) — Мир с вами.

годня, например, пока сия штуковина нас не прервала, — монах ткнул пальцем в огромный кровавый глаз луны, — он рассказывал мне о параллельных мирах, кои катятся по колеям параллельного времени. Теорию сию выдвинул некий Дисфагиус из Готама*, и если верить ему, то рядом с нашей Вселенной существуют и другие миры, никак с нею не пересекающиеся. Будто бы Бог, обладая неограниченными способностями творца и недюжинным талантом — одним словом, будучи Главным Алхимиком, мог — а может, и обязан был — создать множество измерений, где уже произошли все без исключения события, коим суждено иметь место на Земле.

— Чего-чего? — недоверчиво хмыкнул Сальседо.

— Истинно так! В параллельном мире, например, королева Изабелла** отвергла план Колумба, и там наша попытка пересечь Атлантику не состоялась. Мы сейчас могли бы и не стоять на этой палубе, а наши утлые суденышки не бороздили бы океан. Вполне могло бы не оказаться ретрансляционных радиобуйков между нами и Канарскими островами, а я, находясь на "Санта-Марии", был бы лишен возможности вести столь увлекательные беседы с отцом Спарксом из Лас-Пальмаса.

Или, скажем, Роджер Бэкон. В одном из тех миров он был предан анафеме, его учение объявили ересью, и он не стал родоначальником достославного ордена, братья коего сделали столь многие открытия, обеспечившие Церкви монополию и божественное водительство над алхимией — некогда бесовским и языческим промыслом...

Торрес открыл было рот, но монах властным, величественным жестом остановил его, продолжив:

— Или взять хотя бы последние речи отца Спаркса. Они еще более нелепы, хотя зело полезны как разминка для ума. Нынче, например, он сказывал мне, будто существуют и такие миры, где действуют иные законы физики. О, сущий абсурд, дети мои... И все же, вам, быть может, сие пока неведомо, но Анджело Анджелеи экспериментальным путем — сбрасывая различные предметы с Пизанской башни — доказал, что объекты разновеликой массы падают с разным ускорением. Так вот, мой очаро-

---

* Готам — английская деревушка близ Ноттингема, населенная, по легенде, "готамскими мудрецами" — на редкость глупыми людьми.

** Изабелла (1451—1504) — королева Кастилии с 1474 года. Патронировала экспедицию Колумба.

вательный коллега с Канарских островов пишет сейчас сатиру, действие коей происходит в некой Вселенной, где учение Аристотеля считается ложным, а все предметы, независимо от размеров, падают с одинаковым ускорением. Выдумка, конечно, глупая, но спасает от скуки и позволяет коротать время. Мы с ним в последние дни прямо заполонили эфир своими ангелочками.

— Я, конечно же, уважаю тайны вашего святого братства и не хотел бы показаться слишком любопытным, брат Спаркс, — заговорил Сальседо, — но эти ангелочки меня чрезвычайно заинтриговали. Не будет ли то грехом, ежели я осмелюсь просить вас поведать о них?

Громовой голос монаха, похожий на бычий рев, вмиг обернулся голубиным воркованьем:

— Сие зависит от обстоятельств, чада мои. Дозвольте пояснить вам на конкретном примере. Ежели, допустим, вы припасли бутылку... скажем, крепкого хереса и не хотите угостить им изнывающего от жажды почтенного джентльмена — сие, несомненно, грех. Грех небрежения. И напротив: ежели вы дадите иссохшейся, изнуренной скитаниями благочестивой и смиренной дряхлеющей душе приложиться долгим, целительным, бодрящим и освежающим глотком к бутыли с живительной влагой — о, я от всего сердца вознесу хвалу вам за сие добродетельное и милосердное деяние. И в знак признательности, быть может, расскажу немного о моей рации. Ровно столько, чтобы вызвать у вас почтение к интеллектуальным достижениям нашего славного ордена, не навредив, однако же, вашей психике.

Сальседо заговорщицки ухмыльнулся, вытащил из-за пазухи бутыль и передал ее монаху. Тот прильнул к горлышку, и херес с громким бульканьем стал исчезать в ненасытной утробе. Двое мореплавателей понимающе переглянулись: ясно как божий день, почему достославного брата Спаркса, блестящего знатока алхимических наук, снарядили в сию наспех сколоченную экспедицию к черту на рога. Видно, церковные власти рассчитали: выживет Спаркс — хорошо, а нет — так еще одним грешником станет меньше.

Монах утерся рукавом, громогласно рыгнул и рассыпался в благодарностях:

— Грасиас, дети мои. От всего сердца, утонувшего в жирных телесах, я благодарю вас. Старый ирландец, иссохший, аки горб верблюда, и едва не окочурившийся от

жестокого похмелья, говорит вам спасибо. Вы спасли мне жизнь.

— Благодари лучше свой волшебный нос, старая ты шкура, — улыбнулся Сальседо. — Ну, вроде мы тебя немного смазали, так что давай, рассказывай о своей машинке что там тебе дозволено.

Вдохновенно проговорив с четверть часа, Спаркс милостиво дозволил задавать вопросы.

— Вот ты говорил, что вещаешь на частоте тысяча восемьсот К.Х. Что это за "К.Х."?

— Сие есть сокращение, — ответил монах. — "К" — значит "кило", то есть "тысяча" по-гречески, а "Х" — "херувим", в переводе с еврейского — "ангелочек". "Ангел", в свою очередь, опять же слово греческое, означающее "вестник". Согласно нашей концепции, весь эфир битком набит херувимами, то бишь маленькими вестниками. И когда мы, два Спаркса, начинаем стучать ключом передатчика, то энное количество вестников тотчас образует упорядоченную цепочку. Таким образом, выражение "тысяча восемьсот килохерувим" означает, что в определенную единицу времени один миллион восемьсот тысяч херувимов выстраиваются в затылок друг другу так, что нос одного касается крыльев другого, и начинают носиться по эфиру взад-вперед, передавая новости. Размах крылышек у всех херувимов совершенно одинаков, и ежели бы вы могли увидеть их, то не отличили б одного от другого. Цепочка херувимов генерирует НКВ и...

— Что еще за НКВ? — перебил Сальседо.

— "Незатухающие крылье-взмахи". А мой приемник преобразует эти НКВ в условные сигналы. Вот и все.

— У меня сейчас ум за разум зайдет, — признался восхищенный Сальседо. — Вот это концепция! Вот это открытие! Просто в голове не укладывается! Значит, если я правильно понял, то в эфире полно не только хороших, "положительных", но и плохих, "отрицательных" ангелов. И эти плохие херувимы тучами роятся вокруг антенны твоей рации, так что тебе приходится вызывать на подмогу столько же хороших ангелов. Для этого ты включаешь катушку-приманку, и все плохие херувимы устремляются к родному отрицательному полюсу. Когда же их набирается так много, что они перестают там умещаться и устраивают кучу-малу, то кое-кто из них, перескочив через мост между электродами, оказывается на "положительной" территории. Тут-то нарушителей границы замечают

хорошие херувимы и тоже слетаются на твою катушку-приманку. А ты, орудуя ключом, выстраиваешь этих невидимых добрых вестников, этих крылатых почтальонов в том порядке, в каком тебе хочется. И таким образом можешь вести беседы с братьями по ордену на больших расстояниях...

— Великий Боже! — прошептал Торрес.

Он вовсе не собирался упоминать имя Господне всуе — напротив, то был исполненный благочестия возглас человека, узревшего откровение. Глаза Торреса вдруг вылезли из орбит: именно в эту секунду, очевидно, он понял, что человек в бренном мире не одинок. Его взору предстало чудесное видение: слева и справа, сзади и спереди — со всех сторон, теснясь и громоздясь друг на друга, его окружали несметные толпы. Казавшийся пустым космос внезапно обернулся шахматной доской, на которой белое воинство добра сражалось против черных полчищ зла, и только Всемогущая Рука поддерживала между ними хрупкое равновесие. Так Господь наш следит за тем, чтобы птиц небесных и тварей морских хватало роду людскому на пропитание.

После подобных знамений многих людей осенила бы благодать Божия, Торрес же лишь спросил:

— Интересно, а сколь много ангелов может уместиться на кончике антенны?

Да, видно, никогда не воссиять над головой Торреса божественному нимбу. Если что и украсит к старости его лысый череп, то скорее всего шапочка университетского профессора.

Сальседо презрительно фыркнул:

— Это даже я тебе скажу. В принципе на этом штырьке ангелов может уместиться сколько угодно. На практике же — не больше, чем их влезет в радиорубку. Но довольно об этом. Меня интересуют факты, а не глупые фантазии. Скажи, брат Спаркс, каким это образом луна мешает тебе принимать херувимов, посланных из Пальмаса?

— Откуда мне сие знать, о великий Цезарь?! Вы оба небось полагаете, будто я кладезь вселенских знаний? Увы-увы, куда мне — глупому бедному монаху... Я могу лишь сказать, что прошлой ночью, когда сей кровавый синяк вылез из-за горизонта, мне пришлось прекратить муштровать своих маленьких вестников. Лунные сигналы перекрывали наши по мощности, и нам пришлось закруглиться. Сегодня повторилась та же история.

— Луна посылает сигналы?! — ужаснулся Торрес.

— Да. Правда, расшифровать их я пока не могу...

— Пресвятая Дева... — совсем сник Торрес.

— А может, там, на Луне, есть люди? — предположил Сальседо. — И это они посылают сигналы?..

На сей раз презрительно фыркнул Спаркс. Надо сказать, нос у монаха был весьма внушительных размеров, и потому часть его иронии вылетела из ноздрей с таким оглушительным артиллерийским грохотом, что устоять перед этим шквалом могли только закаленнейшие из душ.

— Быть может... — зашептал Торрес. — Быть может, если звезды воистину окна в небосводе, как говорят некоторые, то ангелы из высших сфер забивают своей мощью тех, что пониже, а?.. А делают они это при луне для того, чтобы мы поняли: радиосвязь суть небесный промысел... — Торрес осенил себя крестным знамением и опасливо оглянулся.

— Не бойся, — успокоил его монах. — Во-первых, здесь нет инквизиторов, поскольку единственный церковник экспедиции есмь я, а во-вторых, твое предположение ничуть не противоречит церковным догматам. Впрочем, сие неважно. Я другого понять не могу: как плоское ночное светило излучает радиосигналы? И почему оно вещает на моей частоте? Почему...

— Я объясню, — перебил его Сальседо с пылкостью и нетерпением, столь свойственными юности. — Мне кажется, что и наш Адмирал, и вы, роджерианцы, заблуждаетесь насчет формы Земли. Думаю, на самом деле она не круглая, а плоская. Существование же горизонта объясняется не тем, что мы живем на шаре, а тем, что Земля лишь чуть-чуть скруглена по краям, как... как большая распластанная полусфера. Что же касается загадочных сигналов, то херувимы эти идут не с Луны, а с корабля нашего, который свалился с края земли и повис в космической пустоте.

— Что-о?! — хором воскликнули Спаркс и Торрес.

— А то! — ответил Сальседо. — Разве вы не слыхали, что король Португалии, отвергнув план Колумба, снарядил тайком собственную экспедицию? Как знать — быть может, эти сигналы посылает корабль, который отправился, а потом упал за горизонт? Кстати, если это так, то понятно, почему сигналы появляются с восходом Луны. Потому что, зависнув в космосе, тот корабль стал

вращаться вокруг Земли вместе с Луной, превратившись, по сути, во второй, только невидимый, спутник.

Хохот монаха разбудил пол-экипажа.

— Надо будет рассказать твою сказочку приятелю из Лас-Пальмаса, — сказал он, наконец утихомирившись. — Пусть включает ее в свой роман, ха-ха-ха... Ты бы еще сказал, что сии сигналы поступают с плюющихся огнем летательных колбас, кои якобы наблюдали собственными глазами толпы легковерных мирян... Нет, дорогой мой Сальседо, давайте не будем сочинять небылицы. Еще древние греки знали, что Земля круглая. А мы, роджерианцы, даже измерили ее окружность. Мы знаем абсолютно точно, что за Атлантическим океаном находится Индия. И сие столь же верно, сколь верно то, что существование летательных аппаратов тяжелее воздуха невозможно. Наш брат Рипскаллз, наши ученые-психиатры доказали, что так называемые "летающие колбасы" суть массовые галлюцинации — либо хитроумные уловки еретиков и турок, тщащихся посеять панику среди наших мирян. А вот лунное радио, смею заверить, отнюдь не галлюцинация. Я, правда, не знаю, какова его природа, но за то, что сигналы подает не испанское и не португальское судно, — ручаюсь. Ибо на всех кораблях, включая лиссабонские, радистами служат роджерианцы. Причем согласно нашим правилам они иной, нежели члены экипажа, национальности, дабы их, упаси Господь, не вовлекли в политические интриги. Никто из роджерианцев не позволит себе использовать для связи неизвестный код. Мы, последователи святого Роджера, не опускаемся до мелочных политических интрижек. И наконец еще одно немаловажное обстоятельство: предполагаемому корабельному передатчику все равно не хватило бы мощности послать сигналы до Лиссабона, так что ему пришлось бы транслировать передачу через нас.

— А почему ты так уверен? — спросил Сальседо. — Возможно, моя мысль тебя обидит, но монаха-радиста вполне могли обратить в новую веру. Или, допустим, некий мирянин выведал ваши секреты и изобрел собственный код... Все-таки мне кажется, что одно португальское судно шлет сигналы второму, находящемуся где-то поблизости.

Торрес вздрогнул и осенил себя крестным знамением:

— А вдруг это ангелы предупреждают нас о грядущей гибели, а? Ну а вдруг?

— "Вдруг, вдруг"... — передразнил его Спаркс. — Почему бы им тогда не использовать наш обычный код? Ангелы его знают не хуже меня. Нет, в нашем деле не может быть никаких "вдруг". Роджерианский орден отвергает подобные понятия. Наши братья избегают делать выводы, покуда не разберутся в том или ином явлении досконально.

— Боюсь, в *этом* явлении мы разобраться не успеем, — мрачно молвил Сальседо. — Колумб обещал команде завтра вечером повернуть домой, если к тому времени не появится никаких свидетельств близости земли. Иначе — чик! — Сальседо выразительно провел ребром ладони по горлу, — и все дела. Так что через сутки мы повернем на восток и поплывем прочь от этой чертовой кровавой луны с ее тарабарскими посланиями.

— Сие будет большой потерей для нашего братства и для всей Церкви, — вздохнул монах, — но я в таких случаях вверяю все в руки Господни, а сам довольствуюсь тем, что милостью Божией находится в моей собственной деснице.

Сделав сие благочестивое заявление, Спаркс поднес бутыль к глазам, дабы удостовериться в том, сколь много хереса в ней еще осталось. Сим методом убедившись в наличии живительной влаги, он затем решил измерить ее объем и проверить качество, для чего и поместил напиток в самый совершенный из химических автоклавов — собственное бездонное брюхо.

Завершив эксперимент, монах с удовольствием причмокнул губами и, не замечая разом поскучневших физиономий собеседников, воодушевленно продолжил знакомить Торреса и Сальседо с последними новостями. Он поведал о том, что в генуэзском колледже Святого Иоанна изобрели гребной винт, приводимый в действие дровяным двигателем внутреннего сгорания, и уверял при этом, что если бы этими техническими новинками оснастили корабли Колумба, то суда могли бы двигаться без помощи ветра. Впрочем, Спаркс тут же добавил, что отцы Церкви наложили запрет на широкое применение двигателя и винта, поскольку, во-первых, выхлопные газы будут отравлять атмосферу и, во-вторых, слишком высокие скорости могут оказаться гибельными для человеческого организма. Затем Спаркс углубился в нудное описание покровительствующего их ордену святого Иоанна Каркасонского — изобретателя первого херувим-

ного радиоприемника и передатчика, принявшего мученическую смерть, по ошибке ухватившись за оголенные провода.

Но тут Сальседо с Торресом извинились и под разными предлогами откланялись. Спаркс был славный малый, но жития святых нагоняли на приятелей тоску. К тому же им хотелось поболтать о женщинах...

...Не уговори Колумб команду потерпеть еще денек, все могло бы сложиться иначе.

Перед рассветом, к великой радости мореплавателей, над кораблями закружились несколько больших птиц. Значит, где-то рядом земля. И даже может так статься, что крылатые создания прилетели прямиком с берегов легендарной Сипангу — страны, где дома кроют золотыми крышами.

Птицы спустились пониже. Вблизи они выглядели чрезвычайно странно. Сплющенные тела их походили на блюдца, плохо сочетаясь с огромными, в тридцать футов, крыльями. И еще у птиц этих не было ног, но лишь немногие из моряков поняли, что это значит. А значило это вот что: странные птицы никогда не садятся ни на сушу, ни на морскую гладь — они вечно парят в воздухе.

Озадаченные своим открытием, мореплаватели погрузились в размышления и не обратили внимания на слабый отдаленный звук, похожий на тихое покашливание,— каждый подумал, что это сосед прочищает горло.

Однако через несколько минут звук повторился. Он стал громче и сочнее — словно кто-то дернул струну лютни.

Мореплаватели все как один задрали головы и уставились на запад.

Но они по-прежнему не могли понять, что звук, напоминающий лютневые переборы, исходит от натянутой до предела линии, ограничивающей земную твердь, и аккорды из нее извлекает само море, яростно теребя волнистыми пальцами край земли.

В конце концов на кораблях сообразили, в чем дело, но было поздно: каравеллы уже свалились за горизонт.

И тогда громом среди ясного неба грянул рассвет. Три каравеллы, конечно же, сразу развернулись и под крутым бейдевиндом пытались уйти обратно, но внезапно возникшее встречное течение свело на нет все их отчаянные попытки.

Вот когда роджерианцы пожалели о том, что на кораблях нет генуэзского гребного винта и дровяного двигателя: лишь они смогли бы противостоять могучей мускулатуре взбесившегося моря; вот когда одни принялись молить, а другие — проклинать судьбу; одни кидались на Адмирала, другие выбрасывались за борт, а иные застывали в отчаянии.

И только бесстрашный Колумб и отважный монах Спаркс не покинули своих постов. Весь день напролет, скорчившись в своей крохотной каморке, толстяк гнал точки-тире на Канарские острова — до тех пор, пока Луна, взошедшая на небосклон огромным кровавым пузырем, сорвавшимся из пасти умирающего гиганта, не прервала его занятий. Но и тогда монах не покинул рубку, а всю ночь внимательно слушал таинственное лунное радио, истово богохульничал и что-то царапал на листке бумаги, сверяясь с шифровальными блокнотами.

Когда же настало следующее штормовое утро, он выскочил из радиорубки, потрясая клочком бумаги. Безумно выкатив глаза, он, судя по шевелящимся губам, что-то кричал, но его не слышали и потому не могли узнать о том, что Спаркс расшифровал-таки код, оказавшийся португальским.

Да и мудрено было в этом диком реве расслышать человеческий голос. Покашливанье и треньканье лютни оказались лишь настройкой инструментов перед концертом. И лишь теперь грянула неотвратимая могучая увертюра: с грохотом, подобным трубному зову архангела Гавриила, океан выплеснулся в открытый космос.

Артур Цирул
ПРЕКРАСНЫЕ ВЕЩИ

Прошлой весной, перед тем как Совет Леса распускался на время брачного сезона, я внес проект Закона о заповедниках для людей. Необходимо создать безопасные убежища для них, убеждал я, где они могли бы, ничего не опасаясь, создавать для нас прекрасные вещи. Я пришел к убеждению, что мы, медведи, неспособны создавать прекрасные вещи — у нас нет соответствующего дара. Похоже, лишь люди наделены этой божественной способностью. Но когда я изложил Старейшинам из Совета свои соображения, они лишь смеялись надо мной и спрашивали, как медведю моего ранга могли взбрести в голову подобные фантазии.

Тогда я рассказал им, как в прошлую зиму возле развалин Великого Города поймал человека. Я сохранил ему жизнь, хотя мои медвежата и пестуны были голодны и ворчали: мне стало известно, что этот человек умеет делать прекрасные вещи. Я рассказал, что моя семья впоследствии высоко оценила тонкое искусство этого человека и по-настоящему наслаждалась плодами его искусства. Я выразил уверенность, что и другие медведи только выиграли бы, получи они возможность иметь подобные произведения человеческого искусства.

Пока я не показал Старейшинам образцы изделий моего человека, они молчали. Но увидев их, зарычали,

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

выражая недовольство, и заявили, что подобные выкрутасы — это излишества для Медвежьего Народа. Настоящему медведю никакое человечье "искусство" не нужно; все, в чем действительно нуждается медведь,— это хорошая крепкая дубина и острые клыки. А те вещи, которые изготовлены моим человеком, сказали они, рождены от тех же темных мыслей, какие привели к гибели человечества от руки Богов Грома.

Упомянув Богов, Старейшины благоговейно склонили головы. Ибо сказано в Святых Книгах, найденных в Великом Городе, что Боги Грома поразили города людей за их грехи. Они обрушили на эти города Огонь, Горящий Вечно,— тот самый Огонь, который дал медведям умение думать и пользоваться лапами как руками, дабы мы могли унаследовать Землю. Старейшины верили, что Богами возложенная на медведей миссия состоит в том, чтобы уничтожить остатки человечества, а отнюдь не продолжать его грехи и заблуждения.

Их слепой догматизм, их отказ рассмотреть мои идеи разгневали меня так, что я потребовал у Совета проверки. И пообещал к следующей сессии Совета представить более убедительные доказательства того, что люди могут создавать для нас прекрасные вещи и эти вещи окажутся очень важными для нас. И если после рассмотрения представленных доказательств Совет признает их убедительными, он откроет государственный заповедник для людей; в случае же, если члены Совета откажутся дать мне даже возможность доказать мою теорию — пусть будут готовы, сказал я, испытать мой гнев на брачной арене.

Старейшины Совета погрузились в задумчивое молчание. Некоторое время они думали, почесываясь о стволы деревьев вокруг Поляны Совета. Вызов Принца — не шутка. Наконец они спросили, как я намерен добыть упомянутые доказательства. Я объяснил, что за свой счет открою временный заповедник, где люди будут делать для меня прекрасные вещи. И уверен, сказал им я, что множество людей, работающих вместе под моей защитой, могут создать куда более прекрасные вещи, чем один раб. Такие вещи, которые смогут убедить Совет. Старейшины некоторое время тихо совещались, но в конце концов пошли на мое предложение, с тем, однако, условием, что я не вправе требовать от Совета возмещения своих расходов, если мое предложение будет в конечном счете отклонено.

Я согласился на это и следующим же утром приступил к выполнению своих планов. Я выкопал большую часть своего состояния и принялся тратить его направо и налево — так мне хотелось как можно скорее осуществить свой проект. Прежде всего я откупил у соседа старую, но просторную пещерную берлогу и велел вычистить ее: выкинуть кости и прочее. Пока пещеру готовили, я организовал охотничью экспедицию. Вперед пошли загонщики. Они выгнали людей из их нор. Люди, конечно, бегают быстрее, но нам удалось захватить женщину — она была на сносях, и ребенок ей мешал. Мы использовали ее как наживку: загонщики кололи ее острыми палками, чтобы она кричала. Люди по своей природе любопытны, и некоторые вернулись посмотреть, что происходит. Таким образом, мы без хлопот захватили шестерых, а убить пришлось лишь одного, который набросился на моего старшего загонщика, как бешеный пес. Мне жаль было терять пленника, но позже я продал его тушу мяснику за хорошую цену.

Затем я велел отвести пленных в берлогу и сумел объяснить на неуклюжем "пиджине", на котором мы говорим с людьми, что я хочу, чтобы они делали для меня прекрасные вещи. Такие, какие создавали их предки, наделенные талантом и чувством прекрасного.

Прекрасные вещи, выразившие в холодном материале пламень души своих создателей, дабы все могли восхищаться и благоговейно трепетать перед этими... Прекрасными вещами. Я, впрочем, не показал им образцы изделий моего первого раба: мне не хотелось, чтобы они слепо копировали вещи, которые не понравились Совету; пусть, думал я, талант, данный им Богами, создаст новые и лучшие вещи.

Люди были напуганы, и мои слова придали им еще больше страху. Потом они стали слушать меня, хоть и недоверчиво. Наконец, когда они увидели, что никто не собирается пытать или убивать и есть их и даже более того, они могут сохранить свою жизнь и свое искусство под моей защитой — люди преисполнились радости. Один из них сказал, что отец научил его делать прекрасные вещи; а его отец учился у своего отца, а тот слыл великим искусником еще до Войны. Я, конечно, был весьма доволен, ведь человек обещал создать для меня более прекрасные вещи, чем мне когда-либо доводилось видеть. В своей самонадеянности я поверил ему

на слово и назначил старшим над всеми. Позже мне пришлось раскаяться в этой глупости...

Я велел, чтобы людям сразу же доставляли все, что им понадобится, невзирая на цену. Вскоре материалы стали грудами доставлять в берлогу людей. Признаться, о назначении большей части материалов я не мог даже догадаться. Тут, к примеру, были жир и масло, яркие порошки из веществ, добытых из земли или разных растений; куски дерева, осколки кремня из гор и прочее. Они попросили даже белой ткани — но этого, конечно, достать не удалось бы никому. Наконец они собрали все, что им было нужно, и попросили оставить их. Я нехотя согласился, но взял с них обещание работать так быстро, как только возможно, потому что хотел как можно скорее доказать свою теорию.

Много недель люди работали в тишине. Все жаркое безветренное лето. Пришла осень. Я начал опасаться, что к первому снегу, когда вновь соберутся Старейшины, мне будет нечего показать им. Не мог же я кормить людей вечно! От нетерпения я начал подозревать, что люди нарочно морочат мне голову, пытаясь как можно дольше держаться за мягкое ложе в моей берлоге. Наконец, когда холодный ветер стал срывать листья с деревьев, я послал в берлогу сказать, что больше ждать не стану и желаю немедленно видеть плоды их трудов.

Признаюсь, когда я подходил к берлоге, сердце мое билось просто оглушительно. Я уже видел новый мир, открывающийся перед моей расой. Мир, который украшают прекрасные вещи, созданные для нас людьми. Но когда я вошел в берлогу и увидел, что сделали люди, у меня перехватило дыхание. Я не верил своим глазам. Эти... эти *воры* предали меня! Их вожак — тот самый, который утверждал, что наделен талантом,— стоял в центре пещеры с перемазанными краской руками. Он осклабился на идиотский людской манер, демонстрируя гнилые зубы. И показал мне, чем они занимались все эти месяцы — *за мой счет*!

Стены были испачканы сверху донизу; дурацкие пятна походили на силуэты людей и медведей, какими их можно видеть против лунного света. Эти силуэты были намалеваны жирными красками. Они показали мне куски дерева, исковырянные инструментами, которые они сделали сами,— деревяшки тоже напоминали людей и медведей, только очень маленьких. Показали какие-то ка-

ракули на внутренней стороне кусков коры. Их вожак утверждал, что это "письменность", которая принесет моему народу великую пользу.

— Что вы сделали?! — заревел я.— Что это за... дерьмо?! Где все те прекрасные вещи, которые вы мне обещали?!

— Н-но,— заныл, заикаясь, вожак, показывая мне кусок изрезанного дерева и широко открыв испуганные глаза.— Вот же они! Мы создали их для вас — как некогда наши предки создавали для себя.

— Ах ты пиявка, тварь ползучая! — прорычал я.— И ты смеешь еще называть эти кривули прекрасными?! — Я вырвал у него деревяшку и швырнул о стену. Потом выхватил из-за пояса последнее изделие своего прежнего раба.— Вот! — крикнул я, поднимая это.— Вот что мне нужно!

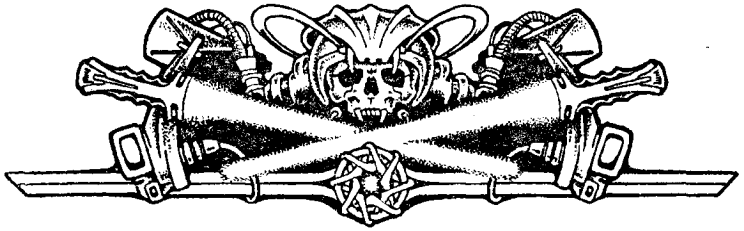
И я одним взмахом перерубил горло идиота острым звенящим лезвием.

— Вот прекрасная вещь! — проревел я так, что задрожали стены пещеры, и швырнул окровавленный кинжал на середину берлоги.

Огонь факелов и очага сверкал на прекрасном отполированном стальном клинке и тонких как волос краях. Поистине мы, медведи, не можем пока сравниться с человеком в подобном искусстве. Наши неуклюжие каменные изделия не сравнить с этим великолепным произведением...

...Вот почему, достойные Старейшины, я прошу не истреблять тех немногих людей, которые еще остались в мире. Если в моей идее и была ошибка, то это — неверно проведенный опыт. Я утверждаю то, что известно всякому настоящему ученому: один неудачный опыт еще не перечеркивает теорию. А теория моя глубоко продумана, и ее нельзя просто отбросить! Надлежит отыскать людей, способных изготовлять истинные прекрасные вещи, сохранить, приручить и заставить делать для нас эти прекрасные вещи. Такие, как мои новые блестящие ножи,— их легко носить, и они легко убивают.

А может быть, и кое-что получше.



Тед Томас
ВТОРЖЕНИЕ

Макс подтянул последнюю растяжку и отошел полюбоваться своей работой. Дюзы зачехлены, ракета надежно защищена от дождя и ветра. Все десять дней, что он проведет на рыбалке, корабль будет без присмотра, и с ним ничего не должно случиться. Макс втащил свое снаряжение по пологому склону и встал лицом к ветру. Закрыв глаза, немного постоял так — очень хотелось осмотреться, но он оттягивал удовольствие. Еще секунду... Макс открыл глаза. Да — все, как он ожидал.

В четверти мили лежало море. Пенистые гребешки волн казались почему-то липкими, их верхушки были приглажены ветром. Над волнами висела серым покрывалом водяная пыль — сегодня ее слой был выше, чем обычно,— добрых футов пятьдесят. Сильный ветер доносил до Макса мельчайшие брызги. Он чувствовал на губах их солоноватый вкус, в ноздри бил густой запах, отдающий йодом и глиной. У Макса перехватило горло. Он обвел взглядом свой голый скалистый остров. Ничто не пятнало девственную поверхность камня.

Макс влез в скафандр, впрягся в лямки рюкзака, взял острогу — и решил, что готов отправляться. Как же здорово вновь оказаться здесь!..

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

Идти было нелегко. Почти сразу рюкзак начал давить на плечи, тяжелея с каждым шагом, но Макс по опыту знал, что может идти с таким грузом целый день. Иногда он опирался на острогу, как на посох, но рюкзак был чересчур тяжел, чтобы часто поднимать руку. Часа через два Макс решил устроить первый привал.

Он сел, откинулся назад и стал смотреть на облака. Спуск сквозь них был, как всегда, настоящим приключением, и это захватывало. Местное светило исчезло, едва только корабль спустился ниже насыщенных углекислотой слоев атмосферы. Воющие ветры и ледяные тучи сомкнулись вокруг, и он остался один в маленькой шумной вселенной — он и его корабль. И он нырнул еще ниже — в богатые кислородом слои, к воде и редким скальным островам, поднимавшимся среди бесконечных волн.

Макс улыбнулся, радуясь одиночеству. Так здорово было остаться одному и не мучиться от необходимости говорить с другими людьми...

Однако пора идти. Макс наклонился, принимая на плечи тяжесть рюкзака, поднялся и зашагал. Пока он отдыхал, мышцы слегка затвердели, но ходьба скоро приведет их в норму.

Примерно час спустя его настиг дождь. Макс захлопнул колпак шлема и, пригнувшись, пробивался сквозь водяную завесу. В нескольких футах ничего не было видно, поэтому Макс шел по шлемному компасу. Снова он был замкнут в собственном мирке, уединенном и безопасном. В нем Макс чувствовал себя сильным.

Прошло еще полчаса, и Макс, по его расчетам, подошел к месту, где надо было сворачивать. В непроглядной завесе ливня проще простого было пройти мимо — Макс решил не рисковать и уселся переждать дождь. Сидеть было удобно, снаружи ярился библейский потоп — стучал по шлему и ревел водяными потоками на камнях. Усталые мышцы расслабились. Некоторое время Макс сидел, удовлетворенно глядя на серую стену дождя. Потом уснул.

Его разбудила тишина: дождь кончился. Макс откинул колпак шлема и глубоко вдохнул сырой воздух. Справа раскинулось море, и там, в четверти мили, возвышалась цилиндрическая черная скала с плоской верхушкой — его ориентир.

Макс выпрямился и провозгласил:

— Точность и расчет!

Вздрогнул от звука собственного голоса, огляделся, но тут же почувствовал себя дураком и ухмыльнулся. Ухмылка перешла в громкий смех — теперь Максу был приятен этот звук. Он подхватил рюкзак и острогу и зашагал к морю. Через пятнадцать минут он добрался до места бивака.

Он вошел в котловинку через край ограждавшей ее скальной стены.

Котловинка напоминала огромную сковородку — двадцать футов в диаметре, пять в глубину. С запада стена была выше и слегка нависала над основанием, образуя козырек, под которым так удобно ставить плитку. Чуть в стороне от центра котловинки была совершенно гладкая ровная площадка, словно нарочно устроенная для палатки; Макс еще издали увидел старые дырки от колышков, уже немного расточенные ветром и водой. С южного, обращенного к воде края в стене открывался проем, от которого тропинка хитрым зигзагом вела вниз, к морю.

Макс сбросил тяжелый рюкзак и, расправляя уставшие плечи, пошел к южной стене. Встав в проеме, он оглянул на укрытую в скалах бухточку под пятидесятифутовым обрывом. Тропинка спускалась к уходившей в воду наклонной платформе — волны мягко накатывались на эту платформу и шлепали по высокой зубчатой стене, замыкавшей бухточку с запада. Здесь, наверху, ветер был силен, и Макс наклонился навстречу ему.

Вдруг он понял, что проголодался. Да и лагерь пора уже разбить. Еще раз оглядев свою бухту, Макс неохотно вернулся к биваку.

Он развязал скатанную палатку, вбил крепежные колышки сквозь кольца в ее днище, достал баллон со сжатым воздухом и надул двойные стенки палатки. Тщательно все проверил и аккуратно установил палатку.

Затем он поставил под скальным козырьком двухконфорочную плитку, достал сковородку, всыпал туда дорожную порцию яичного порошка, сублимированную ветчину, посыпал полосками сушеного перца. Набрал из углубления в скале дождевой воды и влил в сковородку. Поставил сковородку на медленный огонь, и в воздухе поплыл аромат жарящейся ветчины и перца. У Макса даже слюнки потекли.

Когда яичница была готова, Макс выложил ее в миску и поставил на плиту котелок — вскипятить воды для кофе; намазал пару ломтей хлеба маслом и перенес еду к месту, где обычно ел: отсюда через расщелину в скальной стене открывался великолепный вид на бухточку и дикий океан за ней.

Ел он не спеша, время от времени оглядывая лагерь и довольно улыбаясь: всё на своем месте и всё в порядке. Тут ведь что главное: правильно сложить рюкзак. Чтобы все вещи лежали в том порядке, в каком они понадобятся. Тогда достал вещь из рюкзака и сразу нашел ей место. И порядок обеспечен.

Миска опустела, а котелок закипел: Макс всыпал в кипящую воду сколько положено кофе, дал прокипеть ровно восемь секунд и снял с огня. Над котелком поднимался ароматный кофейный парок, и Макс с наслаждением и признательностью вдохнул его. Налив себе большую чашку, он бросил в нее две полные ложки сахара и размешал. Забавно, подумал он. Дома он пил только крепкий черный кофе без сахара, но вот на природе его тянуло на сладкое.

С чашкой кофе в руках он вышел в пролом, уселся там на камень и раскурил сигарету. Ему было хорошо и покойно; он сыт, кофе вкусен и сигарета — самое то, что надо. Сидеть бы вот так всегда... Он ухмыльнулся, подумав об этом, потому что немаловажной частью удовольствия для него всегда было сознание того, что вот скоро надо будет встать и вымыть посуду.

Он допил кофе, потушил окурок, вздохнул. Посмотрел на острогу и не без сожаления отвел взгляд. Не сейчас. Еще не сейчас. Позже. Он устал и хотел спать. Вымыть посуду, выспаться, и уж на свежую голову — в море. Хотя Макс был совершенно сыт, при мысли о мясе трилобита он невольно облизнулся.

Спустившись по зигзагу тропинки, Макс ступил на полого уходившую в воду платформу. Он оттирал песком свои котелки, пока не заболели пальцы; потом раз за разом ополаскивал их, внимательно изучая воду на предмет тончайшей пленки жира. Удовлетворившись наконец состоянием посуды, он еще разок для верности сполоснул ее и вскарабкался наверх, в лагерь. Взял там полотенце, мыло и зубную щетку, прошел к восточной стене, перебрался через нее.

Футах в двадцати отсюда в скале была полная свежей

дождевой воды выемка. Макс стянул скафандр, прополоскал его и разложил для просушки. Он как мог быстро вычистил зубы, намылился и вымылся: ему, разумеется, вовсе не улыбалось быть застигнутым дождем — стоило здесь пойти настоящему дождю, и под открытым небом человек без скафандра попросту бы утонул.

Смыв мыло, Макс не задерживался, чтобы обсохнуть, а подобрал скафандр и потрусил в лагерь. Уже стоя у самой палатки, он вытерся. Затем вполз внутрь и забрался в постель. Сидя, проверил на ощупь воздушные клапаны, затем улегся и поплотнее укутался в одеяло.

— Здорово,— произнес Макс, медленно и глубоко вдохнул и резко выдохнул. Выставив голову из-под одеяла, он некоторое время слушал рокот далеких волн, разбивающихся о скалы, и вздохи ветра.

— Здорово...— пробормотал он опять. И заснул.

Немного позже пошел дождь. Стук струй по крыше палатки разбудил Макса, и некоторое время он лежал и слушал дождь. Сквозь стук воды по натянутой ткани слышно было, как бурлит и вихрится вода, бегущая в море через лагерь. Сильный порывистый ветер изменял звук дождя: он то приглушенно сыпался на крышу, то громко барабанил по ней. Прибой тоже стал громче, волны дробились на камнях увесисто и гулко.

Макс, уютно свернувшись в тепле под одеялом, слушал, как бушует снаружи шторм. Вот, наверно, один из самых приятных моментов: лежать так и слушать... Он боролся со сном, чтобы послушать дождь подольше. По спине пробежали мурашки и на миг завладели всем телом. Макс вздрогнул, подтянул одеяло. Ему было хорошо. Все еще пытаясь бороться со сном, он незаметно соскользнул в него и проснулся только через десять часов — бодрый, словно родился заново.

Он натянул скафандр и высунулся посмотреть на небо. Серая муть наверху была такой же, как и всегда: здешнее солнце ему еще ни разу не удавалось увидеть, даже как светлое пятно за облаками.

Макс вдохнул соленый морской воздух, встал, потянулся. Он опять хотел есть — не так, как вчера, а слегка. Легкий голод, вызванный свежим воздухом. Макс хорошо знал это ощущение; теперь оно будет с ним почти все время, возвращаясь вновь через два часа после еды... Это означало, что он стряхивает с себя городскую пыль, и ему было приятно.

Он развел немного яблочного соуса и взбил жидкое тесто для блинчиков. Испек четыре штуки и съел, подчистив последними кусочками остатки соуса в миске. После этого ни сковородку, ни миску мыть не понадобилось, так что он просто отставил их в сторону.

В нем нарастало возбуждение: теперь он был готов к охоте. Проверив трезубец на конце остроги, Макс подогнул слегка притупленные наконечники, проверил баллоны с дыхательной смесью, привесил к поясу мешок для добычи и напоследок обвел взглядом лагерь. Закрыл и убрал плиту. Оглянулся на свой чистый и пустынный остров — и решил, что это хорошо, и весьма. Ничто не оскверняло девственную наготу камня.

Потом он вышел в пролом и зигзагообразной тропкой спустился к морю.

Не задерживаясь, Макс вошел в воду. Зайдя по пояс, он на ходу захлопнул колпак шлема и помедлил минуту, когда вода наполовину закрыла шлем. Теперь он стоял на границе двух миров и переводил взгляд из одного в другой. Верхний мир — вылизанный и выбитый штормами, пустой и чистый, но уже готовящийся принять в себя жизнь, которая вытесняется из нижнего мира. А нижний мир кишел жизнью, и ее давление все увеличивалось. Было здорово стоять вот так и охватывать взглядом оба мира — абсолютно пустой и переполненный.

Потом Макс сделал еще шаг и пошел по дну, пригнувшись и выставив острогу.

Колышущиеся водоросли, казалось, кивали ему, приглашая в свое царство. Тут и там над песчаным дном выступали гладкие черные камни. Прямо перед ним висела огромная медуза, длинные розовые щупальца колыхались под белым полушарием купола. Макс обошел ее. Скалы были усеяны бурыми кремниевыми губками.

Шевеление слева привлекло его, и Макс осторожно двинулся туда Стайка из девяти трилобитов рылась в песке возле куста водорослей, но это были "E. petti", мелкая разновидность. Макс, стараясь не делать резких движений, проплыл к скале, поднимавшейся футах в восьми от стайки членистоногих, и прислонился к выступу: где собирается мелочь, там непременно объявятся и трилобиты покрупнее. Поэтому Макс приготовился ждать,— расслабившись, но ни на секунду не спуская с трилобитов глаз.

Движение к водорослям он увидел раньше, чем само животное. Оно выплыло на песчаную лужайку и остановилось. Сердце Макса подпрыгнуло. Это был действительно большой трилобит! Добрых три фута в длину,— больше, чем любой виденный им раньше. Он подобрался, отвел назад правую руку с острогой, перенес вес тела на правую ногу. Трилобит теперь пасся — рылся в песке и иле. Макс еще раз прикинул дистанцию — и метнул гарпун.

Трилобит успел заметить его движение, резко повернулся на месте и метнулся в заросли. Один из тупых наконечников трезубца чиркнул по прочному панцирю, но острога вошла в песок. Макс кинулся к остроге, но тут же притормозил. Он ругал себя за неловкость — так испортить бросок!.. Вот что значит долгое отсутствие практики...

Макс пошел дальше. У куста колышущихся водорослей он заметил довольно крупного трилобита. Подобравшись поближе, он определил его как "P. metrobus" — "трилобит колючий". Осторожно он подкрался к добыче. В океанах еще не было по-настоящему крупных животных-хищников — но тем не менее трилобит спасался бегством при всяком неожиданном движении. Бояться-то ему было нечего, если не считать охотников с Земли, однако трилобит реагировал так, словно за каждым камнем его подстерегала смерть. У Макса была даже на этот счет теория: за такое поведение трилобитов, полагал он, отвечает какой-нибудь мутантный ген — и этот ген еще пригодится трилобитам через несколько миллионов лет и будет служить им верой и правдой не меньше четырех миллионов веков, когда опасность для вида станет вполне реальной.

Теперь Макс примерился более тщательно, чем в первый раз. Острога попала в цель и пригвоздила трилобита посередине двух зубьев. Макс тут же подхватил острогу и снял зажатого пружинистыми зубьями трилобита, отчаянно перебирающего двумя десятками пар ножек. Он бросил добычу в мешок на поясе, и испуганный трилобит затих. Макс потрепал его через ткань, но животное не успокоилось. Макс продолжал охоту.

В следующий час он поймал еще пару трилобитов, решил, что для начала этого хватит, и направился к берегу.

Он не мог наверняка определить миг, когда шлем пробила поверхность воды: шел дождь. Он сел на дно на

пятифутовой глубине, вытащил нож и достал из мешка одного из трилобитов. Придерживая его ногой и рукой, отсек головогрудь и разрубил панцирь вдоль по брюшной стороне. Затем, повернув нож, взломал и смял панцирь, вынув толстенький цилиндр белого мяса. Мясо он положил на плоский камень возле себя и так же быстро разделался с остальными двумя трилобитами. Сложил мясо в мешок и встал, но наверху все еще шел дождь, так что он решил переждать его на дне и лег, положив голову на небольшой камень. Меланхолически разглядывая поверхность, Макс решил, что поджарит мясо на вертеле. У него был соус для барбекью собственного изобретения; рот его наполнился слюной при одной мысли об этаком лакомстве.

Лежа на спине, Макс озирал взбаламученную дождем поверхность. Его начал одолевать сон, но в тот самый миг, когда он уже почти заснул, поверхность вдруг разгладилась: дождь кончился.

Макс встал. Ветер переменился и усилился, почти ударив его. Он, раздвигая воду, вышел на берег; при ходьбе приходилось откидываться назад — так силен был ветер. Стянув с головы шлем, Макс шагнул к тропинке, ведущей в лагерь. В этот момент мокрый мешок выскользнул у него из пальцев. Макс нагнулся подобрать его, раздраженно хмурясь. И тут возле своих ног он увидел что-то зеленое — и окаменел.

Он выпустил мешок и упал на колени, склонившись к зеленому пятнышку. Может быть, его просто забросило сюда волнами?..

Растеньице было примерно в полдюйма диаметром. Макс лег на песок, чтобы получше разглядеть его, и обнаружил, что оно прочно прикрепилось к песку тонкими корешками, расходившимися во все стороны. Кое-где они выступали из песка.

Макс посмотрел на полосу прибоя — до нее было футов десять. Эта водоросль была вынесена на сушу дней пятнадцать назад, и она все еще жила и росла. Она ЖИЛА! Глаза Макса расширились. ЭТО происходило здесь и сейчас! Оно могло случиться миллионы лет спустя, но вот оно! Так же было и на Земле. В кембрийский период, четыреста миллионов лет назад. Первое растение, которое выбралось на сушу и не погибло, прижилось. Первый крохотный шажок на пути к человеку. Как будто ничего особенного... так, зе-

леная чепуховинка на полоске песка, на краю голой скалы в море... Вторжение на его чистую, пустую скалу... Макс смотрел на зеленое пятнышко в шести дюймах от своего лица, и злые слезы навернулись ему на глаза.

Он резко вскочил на ноги и растер зеленое пятнышко ногой! Он вытаптывал его, он снова и снова тер подошвой песок, топтал и тер, пока не истер совершенно и не смешал с песком. Затем нагнулся, собрал в пригоршню грязный песок, в котором кое-где угадывались еле видимые зеленые точки; отнес грязь к воде и забросил как мог далеко. Налетел порыв ветра, подхватил ошметки грязи и швырнул их ему в лицо. Макс попятился, как от удара, споткнулся, упал и задохнулся, свалившись на камень. Несколько минут он лежал, хватая ртом воздух, совершенно беспомощный.

Шатаясь, он встал и посмотрел на море. Он смотрел долго. Наконец кивнул и проговорил:

— Все в порядке. Все в порядке.

Потом повернулся, собрал снаряжение и пошел по тропинке в лагерь — готовить обед.

Кит Ломер
В ОЧЕРЕДИ

Старик упал, когда Фарн Хестлер проезжал мимо на своем мотоколесе, — Фарн возвращался с бытпункта. Он затормозил и взглянул вниз — искаженное гримасой лицо, маска из мятой белой кожи, на которой кривился рот, словно пытаясь сорваться с умирающего тела. Фарн Хестлер соскочил с колеса, склонился над несчастным. Но он опоздал: узловатые, как корни, пальцы какой-то костлявой бабы уже впились в тощие плечи старика.

— Скажите им — я! Миллисент Дреджвик Крамп! — верещала она в уже лишенное выражения лицо.— О, если бы вы знали, что я пережила, как мне нужна помощь, как я ее заслуживаю...

Хестлер ловким пинком отшвырнул конкурентку, наклонился над стариком, бережно приподнял ему голову.

— Стервятники,— сокрушенно проговорил он.— Так и впиваются в человека. Я-то не таков... Я вам искренне сочувствую. Подумать только — вы уже были так близко к голове Очереди! Могу спорить, вам есть что порассказать. Вы же настоящий ветеран. Не то что эти... э-э...— он решил смягчить выражение,— кто занимает не свое место... В такой момент человек заслуживает уважения...

— Зря тратишь время, приятель,— прогудел густой голос. Хестлер обернулся и увидел бегемотоподобную ту-

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

шу человека, которого привык называть про себя "Двадцатый Сзади".— Помер старый хрыч.

Хестлер отчаянно затряс тело.

— Скажите им — Аргалл Хестлер! — закричал он в мертвое ухо.— Аргалл: А — эР — Гэ — А — эЛ — эЛ!..

— Пр-рекратить! — зычный голос полисмена прорезал шум толпы.— Эй ты, ступай на место!

Тычок дубинки добавил приказу убедительности. Хестлер нехотя встал. Его глаза на восковом лице расширились от страха.

— Вурдалак,— оскалилась костлявая баба.— Пролез... — она одними губами произнесла непристойное слово.

— Я ж не для себя,— горячо возразил Хестлер.— Но мой сын Аргалл — он же не виноват, что...

— Всё, тихо! — рявкнул полисмен. Он ткнул через плечо в труп большим пальцем.— Он завещал кому-нибудь место?

— А как же! — завопила костлявая баба.— Он сказал, что оставляет его Миллисент Дреджвик Крамп — эМ, И, эЛ...

— Врет она все,— перебил Хестлер.— Я слышал, как он назвал имя Аргалла Хестлера — правда, сэр? — Он просительно посмотрел на паренька с безвольной челюстью, глазеющего на труп.

Юнец сглотнул.

— Ни черта старик не сказал,— ответил он и сплюнул, едва не угодив на ботинок Хестлера.

— Значит, так и запишем: скончался без завещания,— пробубнил полицейский, делая пометку в книжечке. Потом махнул рукой, и подошли мусорщики — кинули труп на тележку, закрыли его и покатили тележку прочь.

— Са-амкнись! — велел полисмен.

— Без завещания,— пробормотал кто-то.— Вот ведь дерьмо...

— Да, вот уж коту под хвост. Место отходит правительству, и все остались ни с чем. Черт! — Сказавший это толстяк возмущенно оглянулся вокруг.— Надо нам договориться и в случае чего держаться заодно. Надо нам собраться, составить какой-нибудь план, чтобы все было справедливо и чтобы мы все знали заранее...

— Эй,— перебил юнец с безвольной челюстью,— это ж заговор!

— Я ничего незаконного в виду не имел,— стушевался толстяк, возвращаясь на свое место.

Небольшая толпа рассосалась удивительно быстро. Хестлер пожал плечами, взгромоздился на мотоколесо и, фырча моторчиком, покатил вдоль Очереди. Его провожали завистливыми взглядами. Он ехал мимо тех самых людей, мимо которых ездил всегда. Одни стояли, другие сидели на брезентовых складных стульчиках, укрытые зонтиками от солнца. Там и тут возвышались высокие квадратные очередомики — нейлоновые палатки, одни потрепанные и выцветшие, другие, принадлежащие более богатым Очередникам, яркие и даже украшенные. Лично ему повезло: он никогда не был "стоялом". Ему не приходилось стоять, уставясь в затылок стоящего впереди, потеть под лучами солнца и жадными взглядами.

Жара. Солнце, перевалив за полдень, поливало огнем равнину и бетонное шоссе, через которое переползала застывшая змея Очереди, исчезавшая сзади где-то за горизонтом. Впереди — теперь уже не очень далеко впереди и с каждым днем все ближе и ближе — высилась глухая белая стена, нарушавшаяся лишь одним-единственным окошечком — конечной точкой Очереди. Фарн притормозил, подъехав к очередомику Хестлеров; у него даже стало сухо во рту, когда он увидел, как они теперь близки к заветному окошечку. Один, два, три — они были всего за четыре человека! Боги, значит за двенадцать часов прошли шесть человек — это настоящий рекорд. И это значило — у Хестлера перехватило дыхание,— что он сам еще в эту смену может дойти до цели.

На какой-то миг ему безумно захотелось бежать. Обменяться местами с Первым Позади, а потом и со Вторым — снова оказаться на безопасном расстоянии, получить шанс еще раз все обдумать, подготовиться...

— Эй, Фарн,— высунул голову из-за входной занавески их очередомика Галперт, его двоюродный брат.— Представляешь, пока тебя не было, я продвинулся на один номер.

Хестлер сложил мотоколесо, прислонив его к выцветшей стенке очередомика. Он подождал, пока Галперт вылезет, и как бы ненароком распахнул занавеску настежь: стоило кузену провести полчаса в очередомике, пока Хестлер ездил в бытпункт, и воздух внутри становился спертым и неприятным.

— Мы почти подошли,— возбужденно сообщил Галперт, отдавая Хестлеру сейф-кейс с документами.— Я не с буду, если...

Он замолчал: позади внезапно поднялся крик. Плюшевый белобрысый человечек с выпученными голубыми глазами пытался втиснуться между Третьим Позади и Пятым Позади.

— Слушай, он же и правда Четвертый Позади, разве не так? — спросил Хестлер.

— Как вы не понимаете,— плакался коротышка.— Я вынужден был отлучиться из-за внезапного естественного позыва... — Его близорукие глаза остановились на Пятом Позади — крупном мужчине с грубыми чертами лица; Пятый Позади был в кричащей рубашке и темных очках.— Вы же обещали посторожить мое место!..

— А зачем тебе тогда бытовой перерыв, а, парень? Все, пшел!..

Уже многие теперь кричали на коротышку:

— Влез-лез-лез без-без оче-очереди-ди... ВЛЕЗ БЕЗ ОЧЕРЕДИ! ВЛЕЗ БЕЗ ОЧЕРЕДИ!!!

Человечек, зажимая уши, отскочил, а хор все громче и громче скандировал непристойное выражение по мере того как присоединялись всё новые голоса.

— Но это же *мое* место,— взвыл изгоняемый.— Мне его папочка оставил, когда умер. Вы же знали моего папочку!..

Но его слабые протесты утонули в обвиняющем реве толпы.

— Так ему и надо,— буркнул Галперт, хотя ему и было неловко слушать, как толпа хором выкрикивает грязное ругательство.— Раз человек настолько не уважает свое наследство, что может вот так просто оставить место и уйти...

Бывший Четвертый Позади повернулся и побежал, все еще зажимая ладонями уши. Люди смотрели ему вслед.

Галперт сел на мотоколесо и укатил, а Хестлер минут десять проветривал очередомик. Все десять минут он стоял неподвижно, скрестив на груди руки и глядя в затылок Первому Впереди. Отец рассказывал, помнится, истории про Первого Впереди — о тех днях, когда оба были молоды и стояли еще в самом хвосте Очереди. Первый Впереди был тогда, похоже, настоящим живчиком: все заигрывал с женщинами, стоявшими неподалеку,— пред-

лагал, к примеру, обменяться местами за "встречное понимание"... Теперь-то от живчика немного осталось: исходящий потом коренастый жирноватый старик в изношенных, потрескавшихся ботинках...

Но вот самому Хестлеру повезло. Он унаследовал место отца, умершего от удара двадцать одну тысячу двести девяносто четыре номера тому назад. Не многим молодым людям так везло. Ну то есть, конечно, он не так уж молод, ему пришлось-таки отстоять свое. Кто скажет, что он не заслужил отдыха?..

И вот теперь — уже, может быть, через несколько часов — он дойдет до самого конца Очереди. Он погладил сейф-кейс, где были документы — отцовы и, конечно, его собственные, жены, детей и Галперта. Через несколько часов, если Очередь будет продвигаться теми же темпами, он сможет наконец расслабиться, отдохнуть, и пусть ребята покажут, что способны в жизни добиться не меньшего, чем их отец, и дойдут до конца Очереди до сорока пяти! У них есть уже свои места в Очереди, вот пусть и...

Внутри очередомика было душно и жарко — Хестлер стянул куртку и скорчился в минигамаке. Не самая удобная позиция, зато в строгом соответствии с Кодексом Очереди — с тем пунктом, который требует, чтобы по крайней мере одна нога постоянно касалась земли, а голова находилась выше пояса. Хестлер вспомнил, как несколько лет назад один бедолага — у него не было очередомика — заснул стоя. Его глаза закрылись, колени подогнулись, и он медленно сел на корточки. Медленно встал. Моргнул несколько раз и опять задремал. Вниз — вверх — вниз... Они следили за ним целый час. И наконец голова несчастного склонилась — и оказалась ниже пояса! Тогда они вытолкнули его из Очереди и сомкнулись. Да, крутое было времечко и нравы были крутые. Не то что сейчас, когда ставки так велики. Когда они уже так близки к цели. Сейчас не до грубых шуток.

Перед самым закатом Очередь еще продвинулась вперед. Теперь перед Хестлером оставалось всего трое! У него екнуло сердце.

Было уже совсем темно, когда послышался шепот:

— Четвертый Впереди!..

Хестлер подскочил и заморгал, пытаясь понять, приснился ему голос или нет.

— Четвертый Впереди! — повторил голос. Хестлер отдернул занавеску, ничего не увидел и хотел было за-

крыться, но тут разглядел худое бледное лицо, выпученные глаза — бывший Четвертый Позади заглядывал в очередомик через вентиляционное окошечко.

— Вы должны мне помочь,— прошептал коротышка.— Вы же видели, как все было, вы можете сделать заявление, что это было неправильно, и...

— Слушайте, почему вы вышли из Очереди? — перебил Хестлер.— Я же знаю, что сейчас ваша смена. Так что же вы не следите за своим новым местом?

— Я... я не могу, я не мог примириться с этим.— Четвертый Позади был разбит, сломан.— Моя жена, дети — они надеются на меня...

— Раньше надо было думать.

— Клянусь, я ничего не мог поделать. Понимаете, ну — приспичило и...

— Вы потеряли место. Что же я могу сделать?

— Если мне придется начать все с начала — мне будет семьдесят, когда я опять подойду к окошку...

— Я что, сторожить должен был ваше место?..

— ...Но вы можете сказать полицейским из Охраны Очереди, объяснить, что тут особый случай...

— Да вы спятили! И не подумаю.

— Но вы... вы всегда казались мне порядочным че...

— Шли бы вы отсюда. Еще увидит кто, что я тут с вами...

— Я должен был поговорить с вами. Я не знаю, как вас зовут, но после того как мы девять лет простояли в Очереди всего в четырех местах друг от друга...

— Убирайтесь! Не то вызову полицейского!..

Четвертый Позади ушел, а Хестлер долго ворочался — никак не мог опять устроиться достаточно удобно. Кроме того, внутрь очередомика залетела муха, да и ночь была очень жаркая. Потом Очередь продвинулась еще на одного человека — Хестлеру пришлось вылезти и откатить очередомик вперед. Он уже третий! Эта мысль так взволновала Хестлера, что он даже почувствовал дурноту. Еще две подвижки — и он у окошечка! Он откроет сейф-кейс, передаст свои бумаги в окошечко — о, конечно, он не станет торопиться, он будет крайне аккуратен и сделает все как полагается. Он ощутил ледяной укол страха: а вдруг там, позади, в одном из пунктов вдоль Очереди, кто-нибудь ошибся и в бумагах не хватает какой-нибудь визы, или штампа нотариуса, или подписи свидетеля... Но нет, быть того не может. Только не подобная глупость! Ведь за

такое вышибут из Очереди — ты теряешь место и должен все начинать с самого начала.

Хестлер потряс головой, отгоняя дурные мысли. Он волнуется, только и всего. И это естественно — кто бы на его месте не нервничал? Ведь после этой ночи вся его жизнь станет иной. Для него Очередь кончится. У него будет время — все время мира, и он сможет заняться всем тем, о чем до сих пор и думать не мог...

Кто-то завопил. Совсем рядом. Хестлер выкарабкался из очередомика и увидел, что Второй Впереди — то есть Самый Первый в Очереди — трясет кулаком перед окошечком, в котором виднеется крысиная мордочка, залитая резким белым светом и защищенная от этого света надвинутым на глаза зеленым козырьком.

— Идиот! Кретин! Тупица! Осел! — вопил Второй Впереди.— Что значит — "унесите это домой и пусть жена правильно напишет свое второе имя"?!

Появились два дюжих полисмена из Охраны Очереди, вонзили в перекошенное лицо Второго Впереди лучи фонариков, ухватили его за руки и поволокли прочь. Хестлер с дрожью в ногах передвинул очередомик еще на одно место. Теперь впереди оставался лишь один человек. А он — следующий. Но волноваться пока нечего: конечно, сегодня Очередь несется вперед просто как экспресс на хорошем ходу, но даже при таких темпах оформление Первого Впереди займет несколько часов. Есть еще время расслабиться, успокоить нервы, приготовиться отвечать на вопросы...

— Не понимаю вас, сэр,— скрипуче уверял Первый Впереди крысиную мордочку за окошечком.— Мои бумаги в полном порядке, клянусь, что...

— Вы же только что сами сказали, что ваш отец скончался,— невозмутимо заметил Крысиная Мордочка.— Следовательно, вам надлежит переоформить справку форма 56839847565342-Б в шести, разумеется, экземплярах с приложением медицинского заключения, справки из полиции по месту проживания, а также свидетельств от департаментов А, Б и В — и так далее. Загляните в Правила — там все написано.

— Но он же умер только два часа назад! Мне только что сообщили...

— Два часа или два года — это несущественно. Главное — он мертв.

— Но... я же потеряю место! Если бы я не сказал вам...

— Тогда бы я об этом не знал. Но вы же *сказали*. И поступили очень правильно.

— Может быть, сделаете вид, что я вам ничего не сказал? Что мне еще ничего не сообщили?..

— Вы предлагаете мне пойти на подлог?

— Нет... нет... — Первый Впереди повернулся и, шатаясь, побрел прочь, стиснув в кулаке ставшие недействительными документы. Хестлер с трудом проглотил комок в горле.

— Следующий,— сказал Крысиная Мордочка.

Дрожащими пальцами Хестлер открыл сейф-кейс, вынул розовые бланки (двенадцать экземпляров), красновато-коричневые бланки (девять экземпляров), лимонно-желтые бланки (четырнадцать экземпляров), желто-зеленые бланки (пять экземпляров... как, только пять? Не может быть! Неужели он потерял один?!). Сердце отчаянно забилось.

— Розовые, двенадцать копий,— клерк уже зловеще свел брови.

— Д-да. Разве это неправильно? — запинаясь, выговорил Хестлер.

— Правильно, конечно.— Клерк продолжал считать экземпляры, ставя в уголках какие-то пометки.

Почти шесть часов спустя, на рассвете, клерк проштамповал последнюю бумагу, лизнул последнюю из своих марок, наклеил ее, сунул кипу обработанных документов в прорезь и посмотрел мимо Хестлера — на следующего в Очереди.

— Это всё,— сказал клерк.— Следующий.

Хестлер стоял, сжимая онемевшими руками пустой сейф-кейс. Тот был теперь неестественно легким.

Первый Позади толкнул Хестлера, подходя к окну. Это был низенький кривоногий человечек с отвисшей губой и большими ушами. Раньше Хестлер его никогда не разглядывал. Ему захотелось рассказать Первому Позади, как все было, дать несколько дружеских советов — как ветеран окошечка новичку... Но Первый Позади — теперь просто Первый — даже не взглянул на него.

Отходя, Хестлер заметил свой очередомик, выглядевший брошенным и никому не нужным. Он подумал о всех тех часах, днях, годах, что он провел в очередомике, скорчившись в минигамаке...

— Вы можете забрать его,— повинуясь внезапному импульсу, обратился он ко Второму Позади — это была

расплывшаяся толстуха с отвисшим зобом. Но та только фыркнула, даже не посмотрев на Хестлера и его очередомик.

Тогда он побрел вдоль Очереди, с любопытством разглядывая стоящих. Как много фигур и лиц! Длинные, широкие, узкие, старые, молодые — впрочем, молодых тут, в голове Очереди, было мало,— одетые в потертую одежду, причесанные и лохматые, кое у кого обильная растительность на лице, у некоторых женщин накрашены губы... и все, каждый по-своему, непривлекательны.

Он встретил Галперта — тот катил навстречу на мотоколесе. Галперт притормозил, вгляделся, остановил мотоколесо. Хестлер заметил, что у кузена тощие ноги, острые щиколотки, коричневые носки... на левом спустилась резинка, и носок сполз, открыв белесую кожу.

— Фарн... ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?!

— Дело сделано,— Хестлер помахал пустым сейфкейсом.

— Все готово?.. — Галперт очумело посмотрел на далекое окошечко в стене.

— Все готово. Правду сказать, ничего в этом особенного.

— И... и... тогда, наверно, мне уже не надо больше... — Голос Галперта замер.

— Нет, не надо. И никогда больше не надо, Галперт.

— Да, но что тогда... — Галперт посмотрел на Хестлера. На Очередь. Опять на Хестлера.— Идем, да?

— Я... наверно, я прогуляюсь немного. Чтобы насладиться — этим.

— Ну-ну,— сказал Галперт, завел мотоколесо и медленно поехал прочь.

Хестлер вдруг подумал о времени. О том бесконечном времени, которое простиралось впереди, словно бездна. Что ему делать со всем этим временем?.. Он хотел было крикнуть вслед Галперту — но повернулся и побрел вдоль Очереди. К нему оборачивались, на него смотрели. На него, мимо него, сквозь него.

Солнце добралось до полудня и перевалило через него. Хестлер купил у торговца на трехколеснике пересушенную сосиску с булкой и бумажный стаканчик теплого молока. У торговца был огромный зонтик над трехколесником и курица, сидевшая на раме позади. Потом Хестлер пошел дальше, разглядывая лица. Они были ужасно некрасивые. Он пожалел их — как далеко они от окошечка,

бедняги! Он увидал Аргалла и помахал — но Аргалл смотрел в другую сторону. Он оглянулся: окошечка было почти не видно, так, точечка, у которой кончалась Очередь. О чем они думают там — в Очереди? Как они, должно быть, ему завидуют!

Но — его никто не замечал. Ближе к закату он почувствовал себя одиноко. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить — но он не заметил ни на одном лице интереса или сочувствия.

Было почти совсем темно, когда он дошел до хвоста Очереди. Дальше до самого ночного горизонта тянулась пустая равнина. Она выглядела холодной и ужасающе пустой.

— Там, похоже, холодно,— услышал Хестлер собственный голос. Он говорил это рябому парню, съежившемуся в конце Очереди с руками в карманах.— И так пусто...

— Вы стоять будете или как? — спросил паренъ.

Хестлер опять посмотрел на мрачный голый горизонт. Подошел и встал последним.

— Ну конечно,— ответил он.

Филип Жозе Фармер
ЦАРЬ ЗВЕРЕЙ

Биолог знакомил высокопоставленного гостя с зоопарком и лабораторией.

— Наш скромный бюджет не позволяет нам воссоздавать все исчезнувшие виды,— объяснял он.— Поэтому мы возвращаем из небытия только высшие формы животного мира — лишь самые прекрасные из образцов, подвергшихся бессмысленному истреблению. Объяснить это злодеяние можно только тем, что люди были существами жестокими и глупыми. Ведь если считать каждый уничтоженный человеком вид, образно говоря, пощечиной Богу — то они его просто измордовали...

Биолог умолк и стал вместе со своим спутником рассматривать зверей, отгороженных от них рвом и железной решеткой, по которой был пропущен электрический ток. Там, за оградой, поблескивая на солнце лоснящейся шкурой, резвилась квагга, носясь по кругу галопом; топорщились из воды уморительные усы морской выдры; из зарослей бамбука пялилась горилла; с важным видом разгуливали почтовые голуби; огромный носорог, изящный, как боевой корабль, топал куда-то по своим делам; жираф, одарив посетителей кротким взглядом, отвернулся и вновь принялся жевать листья.

— А вот, обратите внимание,— додо. Не очень симпатичный, зато такой забавный. И совершенно беззащит-

© Перевод на русский язык, Куртишвили Ш. С., 1994

ный, заметьте... А теперь позвольте продемонстрировать, как протекает процесс воссоздания.

Они вошли в большое строение, заставленное рядами вместительных емкостей. Сквозь иллюминаторы было прекрасно видно их студенистое содержимое.

— Эмбрионы африканских слонов,— показывал биолог.— Мы планируем вывести целое стадо, которое расселим затем в новом государственном заповеднике.

— Вы наверняка по-настоящему счастливы,— сказал высокопоставленный гость.— Ведь вы любите животных, не так ли?

— Я люблю все живое.

— Скажите,— поинтересовался гость,— а где вы берете исходный материал для ваших опытов?

— По большей части мы используем скелеты и шкуры из древних музеев. Кроме того, нам удалось раскопать и реставрировать старые книги и фильмы. Мы их перевели... Кстати, взгляните. Видите эти исполинские яйца? В них развиваются птенцы гигантской птицы моа. А здесь — почти готовые тигрята. В зрелом возрасте тигры очень опасны, но мы их все равно отправим в заповедник.

Гость остановился перед последней емкостью.

— А здесь что? И почему в единственном экземпляре?

— Да... Бедный малыш,— опечалился биолог.— Ему будет так одиноко... Но я вложу в него всю свою любовь.

— Неужели это существо так опасно? — удивился гость.— Не может быть, чтобы оно было страшнее слона, тигра или медведя.

— И тем не менее — мне пришлось получать специальное разрешение, чтобы вырастить хотя бы одну особь,— голос биолога дрогнул.

Гость поспешно отпрянул от емкости.

— Так значит это... Не может быть!

Биолог кивнул:

— Может. Это человек.

Говард Лавкрафт
МОДЕЛЬ ПИКМАНА

Совсем не обязательно считать меня сумасшедшим, Элиот,— у многих, если уж сравнивать, куда более эксцентричные предрассудки. Почему вот вы не смеетесь над дедом Оливера, который боится ездить в автомобиле? А то, что мне не нравится проклятая подземка,— это мое личное дело; к тому же на такси мы добрались сюда гораздо быстрее. И нам не пришлось пешком взбираться на холм от самой Парк-стрит.

Я знаю, что не был таким нервным еще в прошлом году, когда мы виделись в последний раз, но это еще не означает, что я болен. Я часто раздражаюсь по пустякам, но с рассудком, к счастью, у меня все в полном порядке. Зачем же тогда этот допрос с пристрастием? Подобное любопытство вам не пристало.

Впрочем, если вам так хочется об этом услышать, не вижу причин, почему бы и не рассказать. Наверное, вы имеете на это некое право... не вы ли писали мне, словно огорченный отец, узнав, что я перестал бывать в клубе художников и избегаю Пикмана? Теперь, когда он так внезапно исчез, я иногда появляюсь в клубе, но нервы у меня уже не те.

Нет, я не знаю, что стало с Пикманом, и не хочу гадать. Вы, наверное, подозреваете, что перед тем как оставить его, я узнал о нем нечто важное — так вот именно из-за

© Перевод на русский язык, Денисов М. А., 1994

этого я и не желаю думать, куда он пропал. Пусть полиция пытается найти разгадку, если сможет, хотя вряд ли ей это удастся: ведь они ничего не знают о доме в северных кварталах старого города, доме, который он снимал под именем Питерса. Не уверен, что и сам сумел бы его отыскать, но и пробовать не стану, пусть даже при свете дня! Да, я знаю, почему он снял этот дом, или, вернее, боюсь что знаю. Я к этому подхожу. И, думаю, вы легко поймете, почему я ничего не рассказал полиции. Они потребовали бы показать им это место, а я не смог бы пойти туда еще раз, даже если бы помнил дорогу. Там было нечто такое... и вот теперь я не пользуюсь подземкой и — у вас есть еще один повод для насмешек — никогда не спускаюсь в подвалы.

Надеюсь, вы понимаете, что я оставил Пикмана совсем по другим причинам, нежели эти суетливые старые бабы вроде доктора Рейда, Джо Минота или Росворта. Болезненное искусство не шокирует меня, и когда человек гениален, я считаю за честь быть знакомым с ним независимо от направления его творчества. В Бостоне никогда не было более великого художника, чем Ричард Эптон Пикман. Я говорил это с самого начала, говорю сейчас и никогда не отступал от своего мнения ни на дюйм, даже после того как он показал нам "Трапезу вампира". Тогда, если вы помните, с ним порвал Минот.

Не спорьте — только глубочайшее проникновение в Природу и особый талант могут осилить такой материал. Любой журнальный поденщик без труда состряпает картинку "про сверхъестественное" и назовет ее кошмаром, или шабашем ведьм, или портретом дьявола, но только великий живописец может сделать такую вещь по-настоящему страшной или пронзительно правдивой, ибо только подлинный художник знает истинную анатомию ужаса или физиологию страха — тот определенный порядок линий и пропорций, связанный со скрытыми инстинктами или наследственными воспоминаниями об испуге, те особые цветовые контрасты и световые эффекты, способные пробудить в человеке дремлющее чувство необычайного. Вам не надо объяснять, почему дешевенький фронтиспис оккультного рассказа вызывает у вас лишь смех, тогда как от картин Фюсли* воистину бросает в

* Иоганн Генрих Фюсли (1741—1825) — швейцарский художник и писатель. Жил в основном в Англии. В его картинах и рисунках виртуозность соединена с элементами фантастики и гротеска.

дрожь. Эти парни уловили нечто такое — за пределами жизни,— что способно в одно мгновение захватить нашу душу. Это было у Доре. Это есть у Сайма, у Ангаролы* из Чикаго. А Пикман обладал этим в такой степени, как ни один человек до него и — тут я уповаю на Небеса — после.

Не спрашивайте, что именно они видят. В любом искусстве, как вы знаете, существует кардинальное различие между живым, подлинным, взятым у самой Природы, и поделками, подражательным хламом, который по шаблону лепится коммерческой мелюзгой. И еще добавлю, настоящий оккультный художник обладает особым видением, которое создает модели или вызывает то, что равнозначно действительным картинам некоего призрачного мира, в который он вживается. Каким-то образом он умудряется получить результаты, отличающиеся от слащавых грез притворщика почти в той же степени, в какой портрет с натуры отличается от стряпни карикатуриста. Если бы мне довелось когда-нибудь увидеть то, что видел Пикман,— так ведь нет же! Вот и давайте выпьем, прежде чем углубляться дальше. Да я, наверное, и не пережил бы того, что видел этот человек, — если только он *был* человеком!

Вспомните, лучше всего Пикману удавались лица. Не знаю никого со времен Гойи, кто смог бы вложить столько абсолютного ада в черты или выражение лица. А до Гойи были те парни из средневековья, которые делали горгулий и химер на Нотр-Дам и Мон-Сен-Мишель**. Они в это верили — а может быть, нечто подобное и видели, ибо Средние века прошли через весьма странные времена. Помню, как за год до вашего отъезда вы сами спросили Пикмана, в каком бреду ему привиделись такие идеи и образы. Разве не отвратительный смех был ответом? Отчасти именно из-за этого смеха Рейд и порвал с ним. Рейд тогда, вы знаете, как раз увлекся сравнительной патологией и был весь переполнен напыщенным "сокровенным знанием" об эволюционном значении того или иного ментального или физического симптома. Он

---

* Энтони Ангарола (1893—1929) — американский живописец, ученик Г. М. Уолкотта.

** Гора Сен-Мишель во Франции — место паломничества туристов; там находится готическая церковь и примыкающее к ней бывшее аббатство, ныне превращенное в музей.

сказал, что Пикман с каждым днем отталкивает его все больше и больше и почти пугает в последнее время тем, что черты и выражение его лица медленно меняются в направлении, которое ему совсем не нравится, которое нельзя назвать человеческим. Он тогда долго толковал о диете и сказал, что Пикман, должно быть, либо ненормален, либо до крайности эксцентричен. Наверняка вы говорили Рейду, если у вас заходил об этом разговор, что ему просто действуют на нервы картины Пикмана. Я и сам ему это говорил — тогда.

Но заметьте, что я не оставил Пикмана из-за подобных вещей. Наоборот, мое преклонение перед ним росло, ибо его "Трапеза вампира" была воистину грандиозна. Конечно, клуб ни за что не выставил бы ее у себя, Музей изящных искусств никогда не принял бы в дар, и уж точно никто не купил бы ее, поэтому Пикман держал картину у себя дома до тех пор, пока сам не исчез... Теперь она у его отца в Салеме; кстати, вы знаете, что Пикман происходит из древнего салемского рода и какую-то его прапрабабку-колдунью казнили в 1692 году?

У меня вошло в привычку приглашать Пикмана к себе, особенно после того как я взялся за наброски к монографии по оккультному искусству. Вероятно, сама идея писать возникла у меня благодаря его творчеству, во всяком случае, приступив к работе, я обнаружил, что он сам — богатейший источник сведений и советов по этому предмету. Он показал мне все свои подобные картины и рисунки, включая некоторые наброски пером, из-за которых, я абсолютно уверен, его просто вышвырнули бы из клуба, если б его членам довелось их увидеть. Я же благоговел перед талантом Пикмана и мог часами, как прилежный школьник, слушать его эстетические теории и философские спекуляции — достаточно безумные, чтобы заподозрить в нем потенциального пациента психиатрической лечебницы. Мое преклонение и недоброжелательство остальных, все меньше и меньше желавших общаться с ним, сделали его очень доверительным; и однажды вечером он намекнул, что если я умею держать язык за зубами и не буду слишком брезглив, он мог бы показать мне кое-что действительно необыкновенное — нечто более сильное, чем все, что я видел у него дома.

— Вы знаете,— сказал он,— есть вещи, которые не хотелось бы делать для толпы,— вещи, предназначенные

не для распродажи на Ньюбери-стрит; их просто-напросто не поймут здесь. Мое занятие — улавливать обертоны души, но их не услышать на новых искусственных улицах искусственной земли. Бэкбэй — это вовсе не Бостон и даже не бледное его подобие, потому что у него не было времени обрасти воспоминаниями и привлечь местных духов. Если что-то тут и завелось, то только робкие духи соляных болот и мелких заводей; а мне нужны духи людей — существ в достаточной мере организованных, чтобы, взглянув на ад, уразуметь увиденное.

Художник должен жить на Северной Стороне. Если какому-нибудь эстету захочется быть искренним, ему следует перебраться поближе к трущобам, чтобы слиться с легендами самого народа. Истинно так! Вам никогда не приходило в голову, что трущобы не *построены*, а *выросли* сами собой? Поколение за поколением жили, чувствовали и умирали там, причем в те времена, когда люди не боялись ни жить, ни чувствовать, ни умирать. Разве вы не знаете, что в 1632 году на Медном холме стояла мельница и что половина уцелевших улиц застроена до 1650 года? Я могу показать вам дома, которые стоят уже два с половиной столетия, а некоторые — и больше; дома, которые были свидетелями такого, от чего любое современное жилище рассыпалось бы в прах. Что знают нынешние художники о Жизни и о силах, питающих ее? Вы называете Салемское колдовство суеверием, а моя прапрапрапрабабушка, держу пари, могла бы порассказать вам немало интересного. Ее повесили на Холме казней, а ханжа Коттон Мазер* стоял и смотрел. Мазер, будь он проклят, боялся, что кто-то может взломать двери этой мерзкой тюрьмы однообразия,— и жаль, что никто не наложил на него заклятия или не высосал ночью всю его кровь!

Я могу показать вам дом, где он жил, и могу показать другой — куда он боялся войти, несмотря на все свои прекрасные храбрые речи. Он ведь тоже знал о кое-каких вещах, о которых не осмелился и упомянуть в своих тупых "Magnalia"** или в наивных "Чудесах

---

* Коттон Мазер (1663—1728) — колониальный министр Новой Англии, писатель и ученый-любитель, автор более чем 400 работ.

** Самая известная работа К. Мазера; издана в 1702 году. Ее полное название, "Magnalia Christi Americana", приблизительно переводится с латыни как "Великие чудеса Христа в Америке".

невидимого мира". Взгляните-ка сюда. Знаете ли вы, что вся Северная Сторона некогда имела сеть подземных ходов, соединявших между собой дома некоторых людей, ушедшую под воду землю и само море? Да продолжатся они над землей — ибо вещи всегда тянутся к тому, что недостижимо, и голоса в ночи смеются над их немощью!

Там почти все оставшиеся дома построены до 1700 года, и готов побиться об заклад, что смогу сегодня показать вам нечто особенное в одном таком подвале. Наверное, и месяца не прошло, как газеты в последний раз писали о рабочих, обнаруживших при сносе какого-то старого дома замурованный туннель или колодец, ведущий в никуда,— вы могли видеть один такой дом из надземки рядом с Хэнчман-стрит. Да, были ведьмы, как было и то, что они вызывали своими заклинаниями; были пираты и то, что они привозили с моря; контрабандисты, матросы — и, скажу я вам, эти люди знали, как жить и как раздвигать границы жизни. О старые времена! Этот мир тогда был вовсе не единственным для смелого и мудрого человека! И когда подумаешь о сегодняшнем дне — какой контраст былому! Тьфу! Сейчас такие прокисшие мозги, что даже клуб так называемых художников трясет, едва картина поднимается над уровнем привычного для завсегдатаев чайной на Бикон-стрит!

Единственное спасение современности в том, что она чертовски тупа и неспособна по-настоящему вглядеться в прошлое. Что могут рассказать о Северной Стороне карты и путеводители? Ха! Да я гарантирую, что легко найду тридцать-сорок улиц или даже целый район к северу от Принс-стрит, о которых и не подозревает никто, кроме заполонивших их чужаков. А что могут знать о них эти итальяшки? Нет, древние места спят, переполненные своими чудесами и страхами, и нет уже ни одной живой души, способной понять и использовать их. Или, вернее, одна живая душа есть — потому что не зря же я столько копался в прошлом!

Слушайте, вы ведь тоже интересуетесь подобными вещами. Что, если я покажу вам свою вторую мастерскую, где я сумел поймать ночного духа древнего ужаса и записать вещи, о которых на Ньюбери-стрит не мог бы даже помыслить? Естественно, я не рассказывал об этом тем проклятым старым девам из клуба — из-за Рейда, черт бы его побрал, все нашептывающего, что я ка-

кое-то чудовище, монстр, живое воплощение регресса. Но я давно решил, что ужас следует писать столь же хорошо, как и прекрасное — из самой жизни, и потому предпринял некоторые поиски в местах, где, как я точно знал, живет ужас.

Я снял дом в трущобах, где мои цивилизованные собратья обычно предпочитают не показываться. Он стоит не так уж далеко от надземки, если говорить о расстоянии, но отделен от нее столетиями, когда речь идет о душе. Я выбрал его из-за старого кирпичного колодца в подвале — одного из тех, о которых я вам говорил. Лачуга вот-вот развалится, так что в ней больше никто не живет, и мне было бы даже неловко говорить вам, как мало я за нее плачу. Окна заколочены, но мне это даже нравится, потому что для моей работы дневной свет нежелателен. Я пишу в подвале, там вдохновение полнее всего, а в комнатах поставил мебель прямо на земляной пол. Дом я снял под именем Питерса у старика сицилийца.

И вот, если вы действительно не боитесь, я возьму вас туда сегодня ночью. Полагаю, картины вам понравятся — как я уже сказал, там я позволяю себе следовать природе. Это не слишком далеко отсюда, поэтому я часто хожу пешком — да и не хотелось бы привлекать внимание поездками на такси в таком месте. Мы можем сесть на пригородный поезд на Южной станции и доехать до Бэттери-стрит, а там уже недалеко...

Ну, Элиот, вы представляете, что после этой речи мне оставалось только, с трудом сдерживая нетерпение, идти степенным шагом к первому же свободному кэбу. Мы пересели на надземку у Южной станции, около полуночи сошли на Бэттери-стрит и отправились вдоль старого порта мимо причала Конституции. Я не следил за улицами и не знаю, на какую мы свернули, могу сказать только, что не на Гринаф-лэйн.

Затем нам пришлось подниматься вверх по пустынной, самой старой и грязной улочке, какую я когда-либо видел. Обвалившиеся фронтоны, разбитые узкие оконца и старинные полуразрушенные дымоходы, озаряемые лунным светом. Полагаю, что там не набралось бы и трех домов, не стоявших еще при Коттоне Мазере,— я, несомненно, заметил по крайней мере два дома с нависающими над мостовой вторыми этажами, и один раз мне показалось, что я увидел остроконечную крышу почти забытого ар-

хитектурного типа, хотя специалисты будут вас уверять, что ни одного подобного дома в Бостоне не сохранилось.

С этой полутемной улочки мы свернули на столь же молчаливую, еще более узкую и вовсе не освещенную; позже она немного изогнулась вправо. Через десяток шагов Пикман включил электрический фонарик и осветил допотопную филенчатую дверь, всю источенную червями. Отперев ее, он ввел меня в пустую прихожую, обшитую тем, что некогда было мореным дубом,— примитивную, но простотой своей навевающую мысли о временах Андроса, Фипса* и Колдовства. Потом мы прошли в комнату, освещенную керосиновой лампой, и Пикман сказал, что я могу чувствовать себя как дома.

Да, Элиот, меня любой назвал бы видавшим виды, но сознаюсь, что с трудом пришел в себя, увидев стены этой комнаты. Там, как вы понимаете, висели его картины — те, которые нельзя написать или даже просто показать на Ньюбери-стрит,— и он был прав, когда сказал, что "позволил себе следовать природе". Пожалуйста, можете выпить еще — а мне-то уж точно надо хлебнуть!

Невозможно описать словами, на что они были похожи, потому что от этих штрихов и линий исходили леденящий богохульный ужас, невероятное отвращение и моральное зловоние, выходящие за пределы того, что поддается описанию. Тут не было ни экзотической техники Сиднея Сайма, ни сатурнианских пейзажей и диковинных лунных грибов, которыми так любит леденить вам кровь Кларк Эштон Смит. Фоном картины по большей части служили старые кладбища, густые леса, скалы у моря и кирпичные туннели, древние, обшитые панелями комнаты и еще склепы. Излюбленной декорацией был кладбищенский Медный холм, находящийся явно неподалеку от этого самого дома.

Фигуры на переднем плане несли печать безумия и чудовищности — поистине, болезненное искусство Пикмана рождало шедевры демонической портретной живописи. Эти фигуры редко были полностью человеческими, но почти всегда в какой-то степени приближались к ним.

---

* Сэр Эдмунд Андрос (1637—1714) — британский королевский правитель колониального Нью-Йорка (1674—1681), Новой Англии (1686—1689) и Вирджинии (1692—1697).

Сэр Уильям Фипс (1651—1695) — правитель колониального Массачусетса.

Большинство тел, хотя и двуногих, казались как бы сгорбленными, почти все они таили в себе что-то неуловимо собачье. В них была какая-то неприятная резиновость. О! Они и сейчас у меня перед глазами! Их занятия — ну, не требуйте от меня подробностей! Обычно они ели — не буду говорить что. Иногда Пикман изображал их группами на кладбищах или в подземных ходах, дерущимися за свою добычу — или, вернее, за выкопанные ими сокровища. И какую дьявольскую выразительность Пикман придавал слепым лицам этого могильного грабежа! Иногда он рисовал их карабкающимися в открытые ночные окна или сидящими на груди у спящих и запускающими клыки им в горло. Одно полотно изображало тварей, плящущих вокруг повешенной ведьмы на Холме казней, ее мертвое лицо как две капли воды походило на их собственные.

Но, пожалуйста, не думайте, что в обморок я упал ошеломленный этими пикмановскими шабашами. Я же не трехлетний ребенок и прежде видел много подобных вещей. Это случилось из-за *лиц*, Элиот, из-за этих омерзительных лиц, которые, облизываясь и пуская слюни, хитро выглядывали из холста с ужасающей живостью! Ей-богу, да я верю, что они и *были* живыми! Этот гнусный колдун пробудил в красках адский пламень, а кисть его была волшебным жезлом, порождающим кошмары. Подайте мне этот графин, Элиот!

Одна из картин называлась "Урок" — да смилостивится надо мной Небо за то, что я посмел увидеть ее! Представьте себе кладбище и круг припавших к земле собакоподобных тварей, которым нет имени в человеческом языке, обучающих маленького ребенка питаться тем, что пожирают они сами. Ребенок, я полагаю, был жертвой похищения,— ну, вы знаете старый миф о том, как Таинственный Народец оставляет в колыбелях свое отродье в обмен на похищенных человеческих детей. Пикман изображал, что происходит с этими похищенными детьми — как они растут,— и вдруг я начал прозревать ужасное родство лиц человеческих и нечеловеческих. На всех кругах своего ада Пикман посмел придать чертам явного нелюдя и деградировавшего человека издевательское и кощунственное сходство. Собакоподобные появились из смертных!

Тут я подумал, что он, должно быть, написал и их собственных детенышей, оставляемых человечеству в ви-

де платы,— и в этот самый момент глаза остановились на картине, подтверждавшей мою мысль. То было нечто из давних пуританских времен — тускло освещенная комната с решетчатыми окнами, в ней скамья-ларь и грубая мебель семнадцатого века; полукругом сидит семья, а глава ее, отец, читает вслух Библию. Лица светятся благородством и почтительностью, но на одном — ничего, кроме затаенной издевки. Этот молодой человек, несомненно, предполагаемый сын набожного отца, но на самом деле — подкидыш нечистых тварей, их порождение, и из какой-то высшей иронии Пикман придал его чертам явное сходство с самим собой.

Пикман тем временем зажег лампу в соседней комнате, любезно оставив открытой дверь, и спросил, не хочу ли я посмотреть его "штудии на современные темы". Я был не в силах ясно выражать свои впечатления — почти онемел от испуга и отвращения — но, думаю, он все понял и чувствовал себя весьма польщенным. Я снова готов поклясться, Элиот, что я не тряпка, чтобы завизжать от чего-либо демонстрирующего некоторое отклонение от обычного. Я уже пожил, вполне искушен и, полагаю, вы достаточно видели меня в деле во Франции и знаете, что меня не так-то легко выбить из седла. К тому же я успел уже привыкнуть ко всему этому кошмару, обратившему колониальную Новую Англию в преддверие Ада. И несмотря на все это соседняя комната исторгла из моей груди настоящий вопль, я едва успел ухватиться за дверной косяк, чтобы не упасть. Если все предыдущее являло взору вампиров и ведьм, наводнявших мир предков, то здесь Пикман вводил их прямо в нашу собственную жизнь!

Господи, как этот человек мог писать! Там был этюд, называвшийся "Происшествие в подземке", в котором стая мерзких тварей карабкалась вверх из каких-то неведомых катакомб сквозь щель в полу на станции Бойлстон-стрит и набрасывалась на толпу людей, стоящих на платформе. Было несколько подвальных сцен с монстрами, выползающими сквозь дыры и щели каменных стен, с ухмылкой притаившимися за мешками и бочками в ожидании, когда по лестнице спустится их первая жертва.

Одно омерзительное полотно являло огромный поперечный разрез Маячной горки с полчищами муравьиноподобных ядовитых тварей, ползающих по бесчисленным норам, прорытым ими в земле. На многих картинах были

пляски среди могил на современных кладбищах, но больше всего меня поразило другое: сцена в некоем склепе, где множество нелюдей столпилось вокруг одного, который держал хорошо известный путеводитель по Бостону и явно читал его вслух. Всех увлек какой-то отрывок; лица их были столь перекошены в припадочном хохоте, что мне показалось, будто я почти слышу дьявольское эхо. Название картины было "Холмс, Лоуэлл и Лонгфелло, похороненные в Рыжей горе"*.

Когда я мало-помалу пришел в себя в этом втором вместилище чертовщины и всяческой извращенности, то решил разобраться хотя бы в некоторых причинах крайнего своего отвращения. В первую очередь, сказал я себе, картины омерзительны абсолютной бесчеловечностью и грубой жестокостью, которую они выявляют в Пикмане. Надо быть безжалостным врагом всего рода человеческого, чтобы так ликовать над муками души и плоти и над вырождением смертной оболочки. Во-вторых, они ужасают своей невероятной силой. Они... убеждают — когда вы смотрите на них, вы наяву видите самих демонов и боитесь их. Странно, но магическая сила картин Пикмана заключалась не в их необычности. В них не было ничего неясного, искаженного или изображенного условно; все было четким и словно живым, детали выписаны с почти болезненной определенностью. А лица!..

То, что я видел, не было лишь фантазией художника; это было само обиталище демонов, кристально четкое в своей абсолютной достоверности. Ей-богу, мне открылся Ад! Пикмана менее всего можно было назвать фантастом или романтиком — он даже не пытался дать вам иллюзию, призматический эфемер грез, но с ледяной усмешкой запечатлевал некий осязаемый и прочно вросший в реальность ужасный мир, который он увидел бестрепетно, блестяще и явно. Один Бог знает, что это за мир и где Пикман сумел увидеть такие богомерзкие образы, которые скакали, бегали и ползали там; но каков бы ни был разрушительный источник этих образов, одно очевидно: в каком-то смысле Пикман был — по концепции

---

* Оливер Венлел Холмс, ст. (1809—1894) — американский врач и писатель, умер в Бостоне.

Френсис Кэбот Лоуэлл (1775—1817) — американский текстильный промышленник, умер в Бостоне.

и по исполнению — законченным, усердным и почти научным *реалистом.*

И вот он повел меня в подвал, где была собственно его мастерская, а я силился укрепить себя перед встречей с некими адскими попытками, отраженными на незаконченных картинах. Когда мы спустились по сырой лестнице, он навел свой фонарь на круглый кирпичный выступ большого колодца в земляном полу. Мы подошли поближе, и я увидел, что колодец был футов пяти в диаметре, со стенами в добрый фут толщиной и поднимался над землей дюймов на шесть,— знающая себе цену работа семнадцатого века, если только я не обманулся. Этот колодец, сказал Пикман, из тех вещей, о которых он мне говорил — выход сети туннелей, источивших весь холм. Я же машинально отметил про себя, что колодец не замурован, только накрыт деревянной крышкой. Подумав, куда мог вести этот колодец, если дикие намеки Пикмана не были всего лишь риторикой, я невольно вздрогнул; потом поспешил следом и, протиснувшись в узкую дверь, вошел в довольно большую комнату с деревянным полом, обставленную как мастерская и освещенную ацетиленовым фонарем.

Незаконченные картины на мольбертах и у стен были такими же неприятными, как и законченные работы наверху, и демонстрировали ту же кропотливую технику своего создателя. Сцены были разработаны с крайней тщательностью, а эскизные линии рассказывали о детальнейшей точности, с которой Пикман добивался правильных перспектив и пропорций. Это был великий человек — я говорю это даже теперь, зная то, о чем вскоре расскажу. Большой фотоаппарат на столе вызвал мое недоумение, и Пикман ответил, что использует его, чтоб писать пейзажные фоны с фотографий прямо в мастерской, а не таскаться по городу со всем снаряжением. Он считал, что фотография так же хороша для работы, как и действительная сцена или натура, и признался, что использует их постоянно. Что-то крайне тревожное было в отвратительных набросках и недописанных чудовищах, удобно уставившихся изо всех углов, и когда Пикман снял покрывало с огромного холста в неосвещенной стороне комнаты, я не сумел сдержать невольный крик ужаса — второй за эту ночь. Он долго отдавался эхом под полутемными сводами этого древнего подвала, и мне едва удалось задушить готовый вырваться истерический смех.

Милосердный Творец! Я не знаю, Элиот, сколько тут было реального и сколько больной фантазии, но мне не верится, что земля могла вынести грезу, подобную этой!

Это было колоссальное и безымянное богохульство со сверкающими красными глазами; в когтистых лапах оно держало предмет, который когда-то был человеком, и грызло его со стороны головы, как ребенок грызет леденец. Оно припало к земле, и при взгляде на него каждый чувствовал, что в любой момент оно может бросить свою добычу и поискать более лакомого кусочка. Но будь все проклято, ведь это не ужасный предмет делал картину истинным средоточием ужаса — не он и не собачье лицо с заостренными ушами, налитыми кровью глазами, приплюснутым носом и слюнявой пастью. Дело было не в чешуйчатых лапах и не в покрытом плесенью теле, и не в полукопытах-полуступнях — хотя все это вполне могло бы довести нервного человека до помешательства.

Дело было в технике исполнения, Элиот,— в проклятой, нечестивой, противоестественной технике! Сколько живу, никогда не видел такого подлинного дыхания жизни, перелившегося в холст. Чудовище обитало там, оно сверкало глазами и грызло, грызло и сверкало глазами,— и я знал, что только временное прекращение действия законов Природы могло позволить человеку написать такую вещь без модели — без хотя бы единственного быстрого взгляда на Ад, которого не дано бросить ни одному смертному, не запродавшемуся Дьяволу.

К пустой части холста чертежной кнопкой был приколот сильно скрученный кусок бумаги,— наверное, фотография, подумал я, с которой Пикман собирался написать фон, усиливающий кошмарный эффект. Я потянулся было развернуть ее, как вдруг увидел, что Пикман вздрогнул, словно от выстрела. После того как мой вопль разбудил в темном подвале не привыкшее к шуму эхо, он все время напряженно прислушивался, а теперь был чем-то сильно встревожен, но испуг его, хотя и несравнимый с моим собственным, явно имел скорее физическую природу, нежели спиритуальную. Пикман извлек револьвер и жестом велел мне молчать, а затем вышел, закрыв за собой дверь.

Мгновение я не мог пошевелиться. Как и Пикман, я стал прислушиваться, вообразив, что различаю доносящийся откуда-то слабый звук быстрых шагов, визг и вроде бы удары. Я подумал о громадных крысах и со-

дрогнулся. Потом послышался приглушенный топот, из-за которого я почему-то весь покрылся гусиной кожей,— тихий, осторожный топот,— но я не смогу описать его словами. Он был похож на глухие постукивания дерева по камню или кирпичу... дерева по кирпичу — что-то мне это напоминало...

Звуки раздались снова, теперь уже громче. Стены подвала чуть заметно задрожали, словно дерево стало бить сильнее. За этим последовал резкий скребущий звук, невнятный возглас Пикмана и оглушительные выстрелы из револьвера (Пикман использовал все шесть патронов), прозвучавшие очень громко, как бывает, когда укротитель львов палит в воздух для пущего эффекта. Приглушенный визг, крик, глухой стук и снова постукивание дерева о кирпич. Открылась дверь — от этого, признаюсь, я сильно вздрогнул — и появился Пикман с дымящимся револьвером, проклинающий разжиревших крыс, заполонивших древний колодец.

— Черт знает, что они едят, Турбер,— усмехнулся он,— ибо эти старые подземные ходы ведут на кладбище, в логово ведьм и к морскому побережью. Как бы там ни было, вылезали они дьявольски осторожно. Полагаю, их расшевелил крик. Лучше быть поосторожнее в этих старых местах: наши приятели-грызуны — единственный недостаток, хотя иногда мне кажется, что они помогают создать атмосферу и колорит.

Да, Элиот, это был конец ночного приключения. Пикман обещал показать мне нечто необычное, и Небеса знают, что он выполнил обещание. Он вывел меня из этого клубка улиц, кажется, в другом направлении, потому что, когда мы увидели первый фонарный столб, мы были на полузнакомой улице с однообразными рядами стоявших вперемешку доходных домов и обветшалых особняков. Чартер-стрит словно вывернулась под ноги, но я был слишком возбужден, чтобы точно заметить, в каком месте мы наткнулись на нее. Было слишком поздно для надземки, и нам пришлось возвращаться в деловую часть города пешком. Я помню, как мы шли по Ганновер-стрит, а затем переходили с Тремонт-стрит на Бикон. Мы расстались с Пикманом на одном из углов, так и не сказав друг другу ни слова. Больше я никогда не говорил с ним.

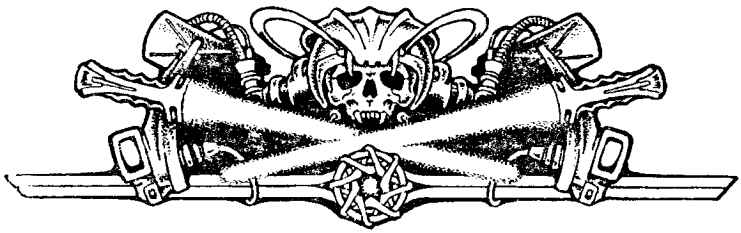
Почему я его оставил? Не будьте нетерпеливы. Подождите, я велю подать кофе. Мы уже достаточно приняли

другого напитка, так что сейчас мне надо приободриться. Нет — дело не в картинах, которые я увидел там; хотя я поклялся бы под присягой, что их было достаточно, чтобы Пикмана подвергли остракизму в девяти десятых домов и клубов Бостона, и, полагаю, теперь вы не удивляетесь, отчего я избегаю подземок и подвалов. Дело в предмете, который я нашел на следующее утро в кармане своего пальто. Я о нем уже говорил — скрученная бумажка, приколотая кнопкой к тому жуткому неоконченному холсту в подвале; я думал, что это фотография какой-то сцены, которую он собирался использовать в качестве фона для того чудовища. Тогдашняя тревога застала меня как раз в тот момент, когда я потянулся, чтобы развернуть ее, и я, наверное, машинально сунул ее в свой карман. А вот и кофе — пейте черный, Элиот, если понимаете в этом толк.

Да, я оставил Пикмана из-за этой бумажки. Ричард Эптон Пикман, величайший художник, с каким я когда-либо встречался,— и отвратительнейшее существо, которое когда-либо выпрыгивало из пределов жизни в пропасть мифа и безумия. Элиот, старый Рейд оказался прав. Пикман не был в полном смысле человеком. Либо он родился в странной тени, либо нашел способ отпирать запретную дверь. Теперь это все равно, ибо он исчез — ушел в легендарную тьму, которую так любил навещать. Да, пусть принесут побольше свеч!

Не просите меня объяснить или даже отгадать, обо что я обжегся. И не спрашивайте, что за твари там карабкались, которых Пикман так ловко назвал крысами. Знаете, эти тайны идут еще от древнего Салема, а Коттон Мазер описывает и куда более странные вещи. Но вспомните, сколь жизнеподобными были проклятые картины Пикмана — и как мы все удивлялись, откуда он берет эти лица...

Ну так эта бумажка вовсе не была фотографией какого-то фона. На ней было просто то самое чудовище, которое я видел на том ужасном холсте. Это была модель, с которой писал Пикман,— а фоном служила обыкновенная стена его подвальной мастерской во всех мельчайших деталях. Но ей-богу, Элиот, *это была фотография с натуры*!..



Теодор Когсвелл
КОСТЕР

Ты в Мамин День не вешай голову,
А лучше в петлю сунь ее;
Тебя сниму я скорее скорого —
В День Матери, в чудесный день.

Из петли выну и оберну, любя,
В ткань с узором из звезд и полос.
Увидят люди, как я люблю тебя.
В День Матери, в чудесный день.

Пока ж качаешься (День Матери!),
Вплету фиалки в твои я волосы,
Чтоб знали все, как я внимателен
В День Матери, в чудесный день.

Царь Эдип (991? — 907 гг. до н. э.)

Все пошли в Центральный парк собирать ящики, но мы с Хэнком отстали и отправились на Двадцать седьмую. Хотели немного повыбивать стекла, но ничего не вышло: на всей дурацкой улице не осталось ни одного целого окна. Так что мы развернулись, двинули в "Акме-Элита Гриль-Бар" и с час, наверно, бродили вокруг — надеялись, что, может, хоть что-то там осталось. Хотя, конеч-

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

но, там все уже прочесано раз триста. Все-таки Хэнк нашел в углу, под кучей штукатурки и обломков, которые никто не хотел даже на дрова разбирать, целую бутылку. Но когда Хэнк швырнул ее, оказалось, что это пластиковая дрянь из тех, что *"без залоговой стоимости — возврату не подлежит"*, и никакого звона не вышло.

В общем, мы малость поваляли дурака, но тут я выглянул на улицу, увидел, какие короткие стали тени, и здорово струхнул. Праздничный Костер устраивают в полдень, и у нас почти не осталось времени.

— Давай-ка пошевелимся,— сказал я.— Сачковать, когда все собирают дрова,— это одно, но если Мама заметит, что мы опоздали к началу, она нам... сам понимаешь.

Но Хэнк только засмеялся.

— Да она к этому времени так заведется, что уже ничего не заметит. Сегодня же День Матери! Ей просто некогда будет считать, сколько там неумытиков в заднем ряду ей хлопают.

Но у меня мурашки по спине ползали. Не то чтобы мне хотелось идти, сами понимаете — что бы там Мама ни говорила насчет "развития характера" и "воспитательной ценности". Ну, вы знаете. Мамы всегда твердят о Характере, о Знамени, о Святости Американских Женщин и о прочей муре, только я-то вижу, что в День Матери в праздничный Костер попадают в основном пацаны. А я кто? Я пацан и есть.

Вот Большой Гарри, например, грешил с Мамой почти каждую ночь с тех пор, как родился в нашу Семью (не помню, откуда он пришел); но *его* что-то в Книгу ни разу так и не записали. А вот Отто на карандаш взяли, как я Хэнку и говорил, так что, когда пришел Патруль с проверкой, они даже его страницу смотреть не стали. Сразу и забрали. Прямо из комнаты. Но до того как Отто увели, мы с Хэнком взмокли от страха, потому что знали, что возьмут одного из нас троих. Все утро я каждые пять минут гладил свой счастливый значок — это мой талисман. Просто на случай, если от этого есть какой-то толк.

— Слушай, Хэнк,— сказал я.— Если мы не придем и Мама это заметит — наше дело труба.

— Ага,— согласился он,— а что, если старина Отто откинет копыта до Костра? Его тикалка запросто может

вырубиться от страха. От одного ожидания... а Мама не любит покойников.

— Все равно... лучше один, чем оба,— сказал я, схватил Хэнка за руку и поволок за собой.— Пошли, и поживее. Если Патруль нас застукает так далеко на юге, нам крышка!

Хэнка особо подгонять не пришлось. Он упрямится только когда, по его мнению, это не слишком опасно. Так что, стоило мне сказать про Патруль, Хэнк решил, что оставаться опаснее. Шансов, конечно, у него было не так чтобы очень много, но, как говорится, лучше что-то, чем ничего; а если тебя ловит Патруль, то это уже "ничего", потому что, после того как они тобой займутся, ничего стоящего и не остается...

До самой Пятьдесят восьмой мы шли по балкам руин. Я два раза оступился, но у нас была крепкая страховочная веревка, и Хэнк оба раза меня вытянул. Конечно, бегать по покореженным балкам в пяти этажах над землей страшновато. Зато можно не бояться, что в тебя всадит заряд дроби забредший сюда член чужой Семьи. С одной стороны, порох слишком дорог, чтобы тратить его на чумазиков, а с другой — если попадется щедрый человек, то падать будет высоко и то, что отскребут от асфальта, незачем будет и домой нести.

После Пятьдесят восьмой вёрхом уже не пройдешь — пришлось спуститься в дождевую канализацию. Мы долго спорили, кто идет первым, потом кинули жребий, и я проиграл. Я запел песню перемирия так громко, как мог, а Хэнк подтягивал там, где в припеве поют басом. Слух у Хэнка отличный, но всегда может найтись Мама, которой медведь на ухо наступил... особенно если она в данный момент охотится на бродяжек, собираясь создать собственную Семью. Говорят, когда-то они ловили только больших, и неумытик, если у него был приличный голос, мог дойти даже до самой Девяностой. Но, конечно, не дальше. С тех пор как накрылся Совет, все, что дышит и движется,— это дичь, кроме, конечно, Маминых Помощников. Но кто их считает?

Мы вылезли наружу на Семьдесят четвертой, слегка запыхавшись от пения и еще от того, что последние два квартала пришлось бежать во весь дух — в коллекторе на Семьдесят второй кто-то выяснял отношения, а у нас не было ни времени, ни желания узнавать, в чем дело. В Парк мы вбежали сверху, по склону, петляя между

деревьями, и оказались позади собравшихся. Так что вряд ли кто заметил, что мы опоздали.

Только они не на Отто смотрели. Они смотрели на Маму. А Отто висел, привязанный к столбу,— сразу было видно, что это не обморок. Его тикалка отказала от страха — точно, как опасался Хэнк; а всякий знает, что в День Матери Костер не Костер, если некого жечь по-настоящему. Даже Большой Гарри выглядел встревоженным и пытался спрятаться за спины других ребят: без толку — он и сгорбившись торчал дюймов на шесть. Да, нужно было найти замену для Отто — и быстро; и Мама запросто могла ткнуть в первого, кто подвернется. Даже в любимчика вроде Большого Гарри.

Но сейчас она думала о другом.

Она подошла к Отто и плюнула ему в лицо за то, что он ее недостаточно любил; а потом заорала на нас и велела встать в семейный строй. Все начали толкаться — каждый хотел оказаться в самом последнем ряду. Но Мама это дело мигом прекратила. Нам с Хэнком повезло — мы оказались в самом конце последнего ряда, так что надеялись, что, может, Мама приметит кого другого раньше, чем доберется до нас... хотя и понимали, что надежды мало. Я посмотрел на Хэнка, а Хэнк на меня, и, хоть мы и были друзьями, каждый думал одно. Только ведь твердить про себя: "Он, а не я!" — мало. Мне надо было что-то придумать... и быстро!

— На тебе в Книге больше висит, чем на мне,— прошептал я Хэнку уголком рта.— На твоем месте я бы сделал ноги!

— Ма... Маме это не понравится,— шепнул он в ответ.— Если я испорчу ей праздник, она мне все равно не простит! Она меня больше не будет любить!

Я-то его понимал. В наше время, когда все пошло к черту, любовь Мамы — это все, на что может рассчитывать мальчик; так что в ответ мы должны хотя бы сделать так, чтобы Мама в свой праздник была счастлива. Но я понимал и другое. А именно, что сейчас вопрос стоит очень просто: Хэнк — или я.

— Выбежишь из Парка — и ты в порядке,— торопливо убеждал я.— Патруль редко заходит так далеко на восток; если будешь беречься бродяг, все будет как надо!

Я видел, что почти уговорил его, но он все еще беспокоился из-за Мамы. А та уже была в последнем ряду

и подходила все ближе. Хэнк подергивался, а его лицо под слоем грязи посерело.

— Н-не могу...— простонал он.— Ноги не слушаются!..

Я быстро глянул на Маму. Она остановилась и как-то задумчиво смотрела на нас. Причем больше на меня, чем на Хэнка...

— Она *на тебя* смотрит, парень! — шепнул я.— Рви отсюда, если не хочешь медленно поджариться. Ночью дождь был, ящики еще сырые!

Мы должны были стоять "смирно". Но я, сам того не заметив, вытащил из кармана мой счастливый значок и поглаживал его. Я всегда его поглаживаю, когда нервничаю. Этот мой значок — маленькая такая золотая булавка, изображающая какой-то чудной листик. Там еще было что-то написано, но тогда я еще не знал что.

— Все, парень,— прошептал я.— Ты покойник!

И как раз в этот момент Мама крикнула:

— Эй ты! Вот ты, с краю!

Она показывала на меня, но я повернулся к Хэнку.

— Ну все, парень. На середину, левое плечо вперед!.. Мама хочет *тебя*!

Хэнк как-то странно пискнул и пригнулся, полуприсев, как будто его ударили в живот. Я заорал и вцепился в него, а на самом деле правой рукой развернул его лицом к деревьям, а левой вонзил ему в зад булавку. Мою, счастливую. Мой значок.

Он рванул вперед, что твой олень в брачный сезон. Прежде чем кто-нибудь спохватился, Хэнк уже проскочил всю лужайку и влетел под деревья. И только тогда Мама закричала и по ее приказу любимчики ринулись за Хэнком. А я подбежал к Маме, хлопнулся на колени и заголосил:

— Не сердись, не сердись, пожалуйста! Я пытался его остановить! Не сердись! — повторял это снова и снова, пока она пару раз не стегнула меня ремнем.

— Он говорил, ты не имеешь права! — крикнул я.

И вот это ее задело — как я и рассчитывал. Теперь она думала не обо мне, а о Хэнке.

— Он *что*?! — переспросила она, не веря своим ушам.— *Что он говорил?!*

Я постарался, чтобы мой голос дрожал как следует.

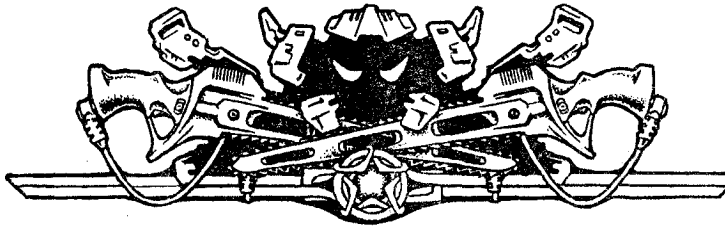
— Он говорил, что т-ты не имеешь права сжигать ребят, если они не сделали ничего действительно плохо-

го! — Я снова заревел, но теперь Мама не обратила на это внимания. Она просто отошла.

Патруль приволок Хэнка примерно через час. Они над ним поработали так, что он уже не мог ничего сказать в свое оправдание.

Потом мы все сидели вокруг Костра, и вся Семья пела. Как всегда, мы закончили песней "Средь золота серебряные нити". Мама прослезилась и размякла, так что я набрался смелости, подошел и спросил, что написано на моем счастливом значке. Она меня не ударила, вообще ничего такого. Только улыбнулась устало и ответила:

— "Будь готов!"



Рог Филлипс
ЖЕЛТАЯ ПИЛЮЛЯ

Доктор Седрик Элтон вошел в свой офис черным ходом, повесил плащ в узкий шкафчик, затем взял аккуратную стопку историй болезни, которые секретарша Хелена Фицрой сложила для него на углу стола. Карточек было всего четыре — а могла быть и сотня, согласись доктор Элтон принимать всех желающих. Ему многократно удавалось добиваться весьма впечатляющих результатов, и его репутация как психиатра была столь замечательна, что в глазах публики само имя Седрика Элтона стало синонимом психиатрии...

Пробежав глазами по строчкам самой верхней карточки, доктор нахмурился. Затем подошел к двери приемной, в которую был вделан квадратик зеркального стекла, прозрачного лишь изнутри, и выглянул. Он увидел четырех полисменов и человека в смирительной рубашке.

Человека звали Джеральд Бочек, сообщала карточка, и он застрелил пятерых в супермаркете — а потом, когда его брали, убил одного полицейского и ранил двоих.

Если не обращать внимания на смирительную рубашку, Джеральд Бочек не производил впечатления опасного преступника. Ему было на вид около двадцати пяти лет, шатен, глаза голубые. Сейчас он улыбался и от нечего делать глазел на Хелену — а та притворялась, что изу-

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

чает карточки в настольной картотеке, но, разумеется, видела, что ее разглядывают.

Седрик вернулся за стол. В карточке Джерри Бочека было еще кое-что. Будучи схвачен, Бочек твердил, что убил вовсе не людей, а голубых венерианских ящериц, пробравшихся в его космолет, и что это была самозащита.

Доктор Седрик Элтон неодобрительно покачал головой. Фантастика — дело хорошее, но только когда она на своем месте. Увы, слишком многие принимают ее всерьез. И вот результат! Разумеется, фантастика сама по себе не виновата — это всё люди, какие в прошлом принимали всерьез фантазии иного рода. Жгли женщин, называя их ведьмами, забивали камнями мужчин, в которых видели демонов...

Седрик включил интерком и попросил:

— Джеральда Бочека сюда, пожалуйста.

Дверь в приемную открылась.

Хелена немного испуганно улыбнулась Седрику и поспешно уступила дорогу. Полицейские ввели Джеральда Бочека — один впереди, один сзади и двое подпирали его широкими плечами. Последний полицейский тщательно закрыл за собой дверь. Впечатляет, подумал Седрик. Он кивком указал на кресло для посетителей перед своим столом. Полицейские усадили затянутого в смирительную рубашку арестанта и встали вокруг, готовые к любым неожиданностям.

— Вы — Джерри Бочек? — спросил Седрик.

Связанный весело кивнул.

— Я — доктор Седрик Элтон, психиатр,— представился Седрик.— Вы догадываетесь, почему вас доставили ко мне?

— Доста-авили? — хохотнул Джерри.— А может, хватит валять дурака? Ты мой старый дружок Гар Касл. *Доставили*, говоришь? Да куда бы я делся от тебя из этой вонючей жестянки?

— Вонючей жестянки? — переспросил Седрик.

— Ну, из корабля,— пояснил Джерри.— Слушай, Гар. Может, развяжешь меня? Эта хреновина зашла слишком далеко.

— Меня зовут доктор Седрик Элтон,— сухо и отчетливо повторил Седрик.— И вы не на космическом корабле. Вас доставили ко мне четверо полицейских — они сейчас стоят позади вас и...

Джерри Бочек повернул голову и с искренним любопытством оглядел каждого полисмена.

— Ты имеешь в виду эти вот четыре шкафа с инструментами?..— Он сочувственно посмотрел на доктора Элтона.— Ты бы, Гар, попробовал лучше взять себя в руки. Бредишь ведь.

— Я — доктор Седрик Элтон,— повторил Седрик.

Джеральд Бочек наклонился вперед и не менее твердо поправил:

— Тебя зовут Гар Касл. Я отказываюсь звать тебя "доктор Седрик Элтон", потому что ты Гар Касл, и я намерен называть тебя Гар Касл, поскольку во всем этом безумии нужна опора хоть на кусочек реальности, или ты вконец потеряешься в выдуманном тобой мире.

Брови Седрика взлетели чуть ли не до середины лба.

— Забавно,— улыбаясь, проговорил он.— Но это те самые слова, которые я как раз собирался сказать вам!

Седрик продолжал улыбаться. Напряженная серьезность начала понемногу исчезать с лица Джерри, и наконец тот улыбнулся в ответ уголками рта. Когда он усмехнулся, Седрик расхохотался, и Джерри захохотал вслед за Седриком. Четверо полисменов беспокойно переглянулись.

— Превосходно! — выговорил наконец Седрик.— Надо понимать, это ставит нас в равные условия! Вы — сумасшедший для меня, я — для вас!

— Вот уж точно — равные условия! — хохотнул Джерри, которого эта мысль, похоже, позабавила даже больше, чем Седрика. Потом он, однако, мягко добавил: — Если не считать, что я связан.

— Вы в смирительной рубашке,— поправил Седрик.

— Это веревки,— твердо возразил Джерри.

— Дело в том, что вы опасны,— объяснил Седрик.— Ведь вы убили шестерых, в том числе сотрудника полиции, и ранили двух других.

— Я подстрелил пятерых венерианских ящеров — пиратов, пробравшихся на корабль,— стоял на своем Джерри.— Я выжег дверь шкафчика со снаряжением, а на двух других повредил краску выстрелами... Ты же не хуже меня знаешь, Гар, что космическое безумие заставляет больного персонифицировать все окружающее. Именно поэтому нам, астронавтам, вбивают в голову, что, как только тебе покажется, что на корабле больше народу, чем в начале полета, пора открыть аптечку и принять

желтую пилюлю. От нее, как известно, вреда никому не будет, кроме как галлюцинациям.

— Коль скоро это так,— указал Седрик,— почему это *вы*, а не я в смирительной рубашке?

— Я связан веревками,— терпеливо повторил Джерри.— Ты же меня и связал. Или забыл?

— Так-так, а эти четверо полицейских позади вас, значит, шкафы со снаряжением? — проговорил Седрик.— Прекрасно. Н-ну, а если один из шкафов подойдет к вам и даст вам в челюсть? Вы и тогда будете утверждать, что это шкаф?..

Седрик кивнул одному из полисменов — тот обошел Джеральда Бочека и довольно аккуратно ударил его в подбородок. Не слишком сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы голова арестованного мотнулась от удара. Джерри удивленно моргнул, а затем улыбнулся Седрику.

— Ну как? — осведомился Седрик негромко.— Почувствовали?

— Почувствовал что? — переспросил Джерри.— Ах да! — Он засмеялся.— Ты вообразил, что один из шкафов со снаряжением, он же, в твоем иллюзорном мире, полисмен, подошел и ударил меня? — Он сочувственно покачал головой.— Как же ты не поймешь, Гар, что на самом деле этого не было? Развяжи меня, и я докажу это. Я на твоих глазах открою дверцу этого твоего "полисмена" и достану оттуда скафандр, или там магнитный захват, или что там лежит. Или ты боишься? Ты окружил себя разнообразными защитными иллюзиями. Я связан веревками — а ты считаешь их смирительной рубашкой. Ты воображаешь себя психиатром, доктором Седриком Элтоном, благодаря чему считаешь себя нормальным, а меня — психом. Может быть, ты даже полагаешь себя очень знаменитым психиатром, к которому все ломятся на прием. Мировая знаменитость — наверняка. Может, ты веришь еще, что у тебя есть красотка секретарша и всякое такое? Как ее звать?

— Хелена Фицрой,— машинально ответил Седрик.

— Ну так и есть,— покорно вздохнул Джерри.— Хелена Фицрой — это экспедиторша из Марсопорта. Ты к ней клеишься каждый раз, когда мы в Марсопорте, но она тебя каждый раз отшивает...

— Стукните его еще разок,— попросил Седрик по-

лисмена. Когда Джерри все еще тряс головой от удара, Седрик спросил:

— Ну а теперь? Ваша голова мотается от удара. Или это опять мое воображение?

— Какого удара? — улыбнулся Джерри.— Я ничего не почувствовал.

— Вы хотите сказать,— недоверчиво склонил голову Седрик,— что никакой уголок вашего сознания, даже самый маленький, не говорит вам, что ваши утверждения не соотносятся с реальностью?

Джерри скорбно улыбнулся.

— Вынужден признать,— пробормотал он,— когда ты говоришь с такой уверенностью, что ты в своем уме, а я спятил, меня почти берет сомнение. Ладно, Гар, развяжи меня, и попробуем разумно во всем разобраться...— Он криво улыбнулся.— Знаешь, Гар, у одного из нас в голове осталось меньше шариков, чем во фруктовом пироге...

— Если полицейские освободят вас от смирительной рубашки, что вы сделаете? — спросил Седрик.— Попытаетесь выхватить у одного из них пистолет и убить еще кого-нибудь?

— Вот, между прочим, что меня еще беспокоит,— отозвался Джерри.— Если, пока я связан, заявятся новые пираты... ты же сейчас болен космическим безумием как раз достаточно, чтобы любезно пригласить их на борт! Так что ты *обязан* развязать меня. От этого могут зависеть наши жизни!

— Так, ну а где вы возьмете оружие? — осведомился Седрик.

— Там, где оно лежит и всегда лежало,— ответил Джерри.— В шкафу.

Седрик бросил взгляд на кобуры полисменов. Старший полицейский усмехнулся.

— Боюсь, мы пока не можем снять с вас смирительную рубашку,— сказал Седрик.— Сейчас я попрошу, чтобы вас увели. Завтра мы побеседуем с вами снова. А до тех пор — советую вам поразмыслить. Попытайтесь преодолеть барьер, отделяющий вас от реальности. Стоит пробить в нем брешь — и иллюзия рухнет.— Он повернулся к полицейским.— Спасибо, джентльмены, заберите его. Завтра в это же время, пожалуйста.

Полицейские подняли Джерри. Тот мягко посмотрел на Седрика.

— Я попытаюсь, Гар,— сказал он.— И надеюсь, ты сам последуешь своему совету. Я рад: несколько раз в твоих глазах мелькнуло явное сомнение... И...— Двое полицейских подтолкнули Джерри к выходу.— И прошу тебя, *прими* желтую пилюлю, Гар. Она в аптечке.— Джерри умоляюще взглянул на доктора Элтона.— Она тебе не повредит!..

Около половины шестого Седрик тактично выпроводил последнего пациента, запер кабинет изнутри и устало прислонился к двери.

— Трудный день,— вздохнул он.

Хелена на миг оторвалась от машинки, взглянула на шефа и вновь затарахтела клавишами.

— Вот заканчиваю расшифровку последней стенограммы,— сообщила она.— Немного осталось.

Через минуту она вытянула лист из машинки и положила в ровную стопку таких же бумаг.

— Я разберу и подошью их утром,— сказала Хелена.— А день действительно был нелегкий. Этот Джеральд Бочек — самый необычный ваш пациент за все время, что я у вас работаю. И бедный мистер Поттс! Такой блестящий бизнесмен, с доходом в полмиллиона в год — и должен все бросить! А ведь на вид он вполне нормальный...

— Он, безусловно, нормален,— кивнул Седрик.— Однако люди с повышенным давлением зачастую страдают от точечных мозговых кровоизлияний — таких маленьких, что пораженный участок не превышает размеров булавочной головки. Единственный видимый симптом состоит в том, что больной забывает хорошо знакомые ему вещи. Их можно заучить заново, однако человек, чье суждение должно иметь решающее значение, не вправе полагаться на свою память в случае подобного заболевания. Он не может рисковать. Так, мистер Поттс уже совершил одну ошибку, стоившую его компании свыше полутора миллионов. Именно поэтому я согласился взять его как... знаете, Хелена, этот Джеральд Бочек действительно меня обеспокоил... Так вот, поэтому я и согласился взять бизнесмена с годовым доходом в пятьсот тысяч в качестве своего пациента.

— Он пугает, правда? — спросила Хелена.— Даже не потому, что он совершил массовое убийство, а...

— Знаю-знаю,— кивнул Седрик.— Хелена, помогите-ка мне доказать, что он не прав. Давайте поужинаем вместе.

— Но мы же договорились...

— Разочек соглашение можно и нарушить.

Хелена твердо покачала головой.

— Уж во всяком случае — не сейчас,— сказала она.— К тому же это ничего не докажет. Он вас поймал, по крайней мере в этом пункте. Согласись я поужинать с вами, это значило бы только одно — что в вашем иллюзорном мире происходит осуществление нереализованных желаний.

— Фу,— поморщился Седрик.— Ну зачем ругаться такими словами?.. Но вот что меня беспокоит: откуда он узнал про желтые пилюли? Я не могу отделаться от мысли, что *если бы* у нас были космические корабли и *если бы* существовало такое психическое заболевание, как описанное им космическое безумие, при котором больной склонен персонифицировать окружающие объекты, то именно желтая пилюля была бы надежным средством от галлюцинаций.

— Каким образом? — поинтересовалась Хелена.

— Этот препарат почти утраивает мощность нервных импульсов от периферийных органов. Как результат — воспринимаемая реальность напрочь "заглушает" любые иллюзии. Действие просто ошеломляющее. Я как-то принял такую пилюлю три года назад, когда они появились впервые. И поразился — насколько мало из того, на что мы смотрим, мы *видим*. В особенности это относится к людям. Мы видим не реальные объекты, а их символы! Оказалось, я просто не в состоянии работать без привычных профессиональных символов, позволяющих видеть людей не тем, кем они являются в действительности, а как бы комплексами нормальных и анормальных симптомов...

— Хотела бы я попробовать,— заметила Хелена.

— А забавный был бы поворотец в сюжете,— засмеялся Седрик.— Воображаемый персонаж в иллюзорном мире принимает желтую пилюлю, после чего обнаруживает, что эта таблетка на самом деле не более чем его галлюцинация!..

— А хотите, оба примем по штуке? — с вызовом предложила Хелена.

— М-хм,— твердо покачал головой Седрик.— Я после нее работать не смогу.

— А может, боитесь прийти в себя на космическом корабле? — поддела его, улыбаясь, Хелена.

— А может, и боюсь,— согласился Седрик.— Вам странно?.. Дело в том... есть кое-что... очень серьезный пробел в моей реальности. Такой, что я вас о нем и спрашивать боюсь.

— Вы что, серьезно? — подняла брови Хелена.

— Увы, да,— кивнул Седрик.— *Почему* полиция доставила Джеральда Бочека ко мне, вместо того чтобы поместить его в психиатрическое отделение городской клиники или тюремного госпиталя, а меня вызвать к нему? Почему окружной прокурор не связался со мной заранее?

— Я... я не знаю! — растерянно сказала Хелена.— Никаких звонков не было. Они просто приехали... и я была уверена, что они не могли бы приехать без договоренности с вами. На сегодня первой в списке была миссис Фортескью — я позвонила и застала ее как раз вовремя, она уже выходила из дому; и я ее предупредила...— Она смотрела на Седрика круглыми от волнения глазами.

— Теперь мы можем представить себе, что чувствует пациент,— заметил Седрик, открывая дверь в кабинет.— Не правда ли, пугающая мысль — представить, что, если принять желтую пилюлю, все это может просто *исчезнуть*: мои годы в колледже, ординатура, моя слава — *слава лучшего в мире психиатра* — и, наконец, вы. Скажите, Хелена, *вы-то* уверены, что вы не экспедитор из Марсопорта?

Он шутливо свел брови и закрыл за собой дверь.

Сняв плащ, Седрик подошел сразу к квадратику односторонне прозрачного стекла в двери приемной. Джеральд Бочек, по-прежнему в смирительной рубашке, был там, и те самые четверо полицейских с ним.

Седрик подошел к своему столу и, не присаживаясь, придавил клавишу интеркома.

— Хелена,— проговорил он,— прежде чем впустить Бочека, соедините меня с окружным прокурором.

Он проглядел четыре истории болезни, лежащие на столе. Один раз, оторвавшись от карточек, потер глаза: он провел ночь почти без сна.

Зазвонил телефон. Седрик снял трубку.

— Алло, Дэйв?.. Надо бы поговорить об этом Джеральде Бочеке...

— Да-да, как раз собирался сегодня с вами связаться,— ответил прокурор.— Я звонил вам вчера в десять, но никого не застал, а потом у меня не было времени. Уолтерс, наш полицейский психиатр, уверяет, что вы можете дня за два привести Бочека в норму — по меньшей мере на достаточно долгий срок, чтобы мы сумели вытрясти из него более или менее разумные ответы. Сами понимаете, под бредом с ящероподобными венерианскими пиратами должны быть какие-то причины для массового убийства...

— Да, но почему вы распорядились привезти его ко мне? — спросил Седрик.— То есть я не против, но... я имею в виду... я думал, так не делается! Мне казалось, нельзя брать такого пациента из городской клиники и возить по городу...

— В принципе да,— подтвердил прокурор.— Но я хотел ускорить дело и притом обременять вас как можно меньше.

— О,— кивнул Седрик.— Понятно. Ну хорошо, хорошо, Дэйв. Он уже у меня в приемной. И я действительно сделаю все что смогу, чтобы привести его для вас в норму.

Нахмурясь, он медленно положил трубку. "Ускорить дело!.." Он прошептал эти слова еще раз и щелкнул клавишей интеркома.

— Приведите Джеральда Бочека, пожалуйста.

Дверь открылась, и вошла знакомая уже процессия — пациент и четверо полицейских.

— Ну-ну, Гар, доброе утро,— приветствовал его Джерри.— Как спалось? Ты почти всю ночь разговаривал сам с собой.

— Я — доктор Седрик Элтон,— твердо поправил Седрик.

— Ах да,— спохватился Джерри.— Я же обещал попытаться посмотреть на вещи вашими глазами. Хорошо, я попробую помочь, доктор Элтон.— Джерри повернулся к полицейским.— Итак, пробуем. Значит, эти шкафы со снаряжением на самом деле полицейские, верно? Здравствуйте, джентльмены, как дела? — Джерри слегка поклонился, потом оглядел кабинет.— А это, стало быть, ваш кабинет, доктор Элтон? Впечатляет. И сидите вы, конечно, не за штурманским планшет-стендом, а, насколько я понимаю, за письменным столом.— Он внимательно оглядел стол.— Металл, серая пластикраска — верно?

— Настоящее дерево,— сухо ответил Седрик.— Орех.

— Ну да, ну да,— пробормотал Джерри.— Как глупо. Поверь, я правда хочу проникнуть в твою реальность, Гар... то есть я хочу сказать, доктор Элтон. Или впустить тебя в мою реальность. Но я в невыгодном положении. Я связан и не могу взять из аптечки желтую пилюлю и принять ее, а ты можешь. Ты уже принимал ее?

— Еще нет.

— Э-э... Может быть, вы опишете мне ваш кабинет, доктор Элтон? — предложил Джерри.— Давайте поиграем. Вы начинайте описывать что-нибудь в нем, а я попробую продолжить за вас. Начнем со стола. Натуральный орех значит? Стол в деловом стиле, так? Пойдем отсюда.

— Ну хорошо,— согласился Седрик.— Справа от меня интерком в корпусе из зеленой пластмассы. А прямо передо мной — телефон.

— Стоп,— перебил Джерри.— Теперь я попробую назвать ваш номер.— Он наклонился к столу и взглянул на телефон, стараясь удерживать равновесие, невзирая на стягивающую его брезентовую рубашку.— Хм-м...— нахмурился он.— М5-9037?

— Нет,— ответил Седрик.— Мой телефон — С7...

— Стоп! — опять перебил Джерри.— Я скажу. С7-4399.

— Так вы прочли его и просто валяли дурака,— фыркнул Седрик.

— Как угодно,— пожал плечами Джерри.

— А как еще вы объяснили бы тот факт, что это действительно мой номер, если вы не в состоянии видеть реальность? — сердито спросил Седрик.

— Вы абсолютно правы, доктор Элтон,— ответил Джерри.— Я, кажется, начинаю понимать, как шутит надо мной мое сознание. Я читаю ваш номер, но сознание не воспринимает его прямо. Оно прячется за галлюцинации, и вот я притворяюсь, будто гляжу на аппарат, которого не вижу, и думаю: конечно же, номер телефона будет одним из тех, которые мой друг хорошо знает. Скорее всего домашний телефон Хелены Фицрой из Марсопорта. Поэтому я назвал именно его — но оказалось, что номер не тот. Но когда вы сказали "С7" — я понял, что это ваш собственный номер. Твой домашний, Гар.

Седрик застыл. Действительно, номер М5-9037 — это домашний телефон Хелены. А он и не вспомнил этого, пока Джерри не сказал.

— Итак, вы начали понимать,— произнес Седрик наконец.— Вы начали понимать, что ваш разум отгородился от реальности, замещая ее сложной системой символов, и теперь ждать прорыва недолго. Стоит вам увидеть что-то таким, каково оно в реальности, и вся иллюзия рухнет.

— Понимаю,— мрачно ответил Джерри.— Продолжим? Может, я ухвачусь за что-то.

Они занимались игрой в описание кабинета еще с час, и к концу Джерри почти не ошибался, продолжая за Седриком рассказ о той или иной вещи.

— Вы определенно далеко продвинулись,— с довольным видом заметил Седрик.

Джерри помедлил, явно колеблясь.

— Да, вероятно,— проговорил он.— Вероятно, вы правы. Но на сознательном уровне я думаю — это, конечно, все шутки подсознания,— что я просто уловил схему *ваших* иллюзорных представлений, так что, опираясь на данные вами один-два ключевых элемента, я могу достроить картинку. Но я стараюсь... доктор Элтон.

— Прекрасно,— от души сказал Седрик.— Тогда до завтра, время то же. Я думаю, завтра мы преодолеем иллюзию.

Когда полицейские увели Джеральда Бочека, Седрик вышел в приемную.

— Отмените прием на сегодня,— распорядился он.

— Но почему? — поразилась Хелена.

— Потому что мне не по себе! — рявкнул Седрик.— *Откуда* псих, которого я никогда не встречал раньше, может знать номер вашего домашнего телефона?!

— Из справочника.

— Будучи заперт в палате для буйных психиатрического отделения городской клиники? — язвительно возразил Седрик.— И к тому же, откуда он узнал вчера ваше имя?

— То есть как откуда?! Прочел, конечно, на табличке. У меня на столе.

Седрик опустил глаза на бронзовую табличку.

— Действительно,— хмыкнул он.— Конечно. Совсем про нее забыл. Так привык к табличке, что перестал ее замечать.

Он резко повернулся и ушел в кабинет.

Он сел за стол. Встал. Прошел в стерильно-белую маленькую лабораторию и дальше, мимо внушительных электронных аппаратов — к стеклянному шкафчику с ле-

карствами. Там, на верхней полке, стояло то, что было нужно Седрику,— запечатанный флакончик. Внутри ярко желтела сотня пилюль. Седрик вытряхнул одну на ладонь и убрал флакончик на место. Вернувшись в кабинет, он сел и положил пилюлю на страницу открытого ежедневника.

В дверь постучали и сразу открыли ее — вошла Хелена.

— Я отменила все встречи на сегодня,— сказала она.— Может, поедете играть в гольф? Перемена обстановки была бы...— Тут она увидела пилюлю, желтевшую на белой странице ежедневника, и умолкла.

— Чего вы испугались? — спросил Седрик.— Не того ли, что можете исчезнуть, если я приму это?

— Не надо так шутить,— сказала Хелена.

— Я не шучу,— возразил Седрик.— Когда вы сказали о бронзовой табличке с вашим именем, я взглянул на стол — да, табличка там была. Какую-то секунду она выглядела расплывчатой, как недопроявленный снимок, затем стала твердой и ясной... И я *вдруг* вспомнил, что первое, что я делаю, когда беру нового секретаря,— это заказываю для нее бронзовую табличку с именем. А когда она увольняется, дарю ей эту табличку на память.

— Но ведь так оно и есть! — с жаром подтвердила Хелена.— Вы мне это рассказывали, когда я только начала работать у вас. И тогда же сказали, что я должна обещать, что никогда не приму от вас приглашение на ужин или любое другое приглашение... в этом роде, потому что дело и удовольствие мешают друг другу. *Вы* это помните?

— Помню,— ответил Седрик.— Превосходный пример того, как подсознание превращает в моей реальности ваш отказ в мой собственный прежде чем мне откажете вы. Сохранение удовлетворенного эго — первый принцип безумия.

— Но это же все не так! — закричала Хелена.— Милый, я же *здесь*! Это же *реальность*! Мне все равно, можешь меня выгнать — но я люблю тебя и всегда любила, и ты не должен позволять этому убийце вывести тебя из равновесия! И вообще я думаю, что он вовсе не сумасшедший — просто притворяется, чтобы не отвечать за преступление!..

— Вы так думаете? — с интересом спросил Седрик.— Что же, возможно и это. Но для этого ему надо знать

психиатрию по меньшей мере не хуже меня... Видите? Вот вам еще и мания величия.

— Конечно,— слабо засмеялась Хелена.— Наполеон был, очевидно, безумен, коль скоро считал себя Наполеоном.

— Может быть,— нетерпеливо ответил Седрик.— Но вы должны признать, что, если вы реальны и если я приму пилюлю — с вами ничего не случится. Пилюля лишь подтвердит, что воспринимаемое мною реально.

— Но вы целую неделю не сможете работать!

— Не слишком высокая цена за сохраненный рассудок,— отрезал Седрик.— Я приму ее.

— Нет! — закричала Хелена, пытаясь схватить желтый шарик. Но Седрик успел взять его первым, увернулся от рук секретарши и кинул пилюлю в рот. Громко проглотил. Затем откинулся в кресле и с любопытством взглянул на секретаршу.

— Скажите,— мягко спросил он,— скажите, Хелена... вы ведь все это время знали, что являетесь лишь плодом моего воображения? Я хочу знать это, потому что...— Он зажмурился и сжал голову руками.

— Боже! — выдохнул он.— Я, кажется, сейчас умру! Мне не было *так* плохо, когда я принимал ее впервые...— Внезапно шум в его голове прекратился, мысли прояснились. Он открыл глаза.

...На планшет-стенде перед ним лежал опрокинутый флакончик с пилюлями. Желтые горошины раскатились по всему планшет-стенду. У дальней стены рубки лежал Джерри Бочек, прислоненный спиной к одному из четырех шкафов со снаряжением. Джерри крепко спал. Его опутывало столько веревок, что он никак не мог бы сам подняться на ноги. А вокруг Джерри стояло еще три шкафа; на двух обгорела и облупилась от жара краска, а у третьего была выжжена дверца.

И наконец в рубке имелись полусожженные тела пяти голубочешуйчатых венерианских ящериц.

У Гара тупо заныло в груди. Хелена Фицрой исчезла. Исчезла... после того как призналась, что любит его.

Неожиданно Гар вспомнил. Доктор Седрик Элтон... так звали психиатра, который освидетельствовал его для получения лицензии пилота межпланетных грузовиков третьего класса.

— Боже!..— опять простонал Гар. Внезапно его начало тошнить. Он метнулся к санблоку, и вскоре ему стало легче.

Когда Гар наконец смог разогнуться и оторваться от раковины, он уставился в зеркало и долго разглядывал себя, ощупывая втянувшиеся щеки и запавшие глаза. Похоже, он съехал с катушек дня два-три назад.

Это с ним впервые. Ужасно... И странно: раньше он как-то не верил в космическое безумие.

Вдруг он вспомнил Джерри. Вот бедолага!

Гар кинулся из санблока обратно в рубку. Джерри уже проснулся. Он поднял взгляд на Гара и выдавил улыбку.

— Здравствуйте, доктор Элтон,— произнес он.

Гар пошатнулся как от удара.

— Все в порядке, доктор Элтон,— сообщил Джерри, и улыбка его стала шире.— Все вышло, как вы и говорили!

— Забудь это,— прорычал Гар.— Я принял желтую пилюлю. Я опять в норме.

Улыбка Джерри резко исчезла.

— Я теперь понимаю, что я наделал,— горько вздохнул он.— Ужасно. Я убил шесть человек. Но теперь я снова в своем уме! И готов понести наказание...

— Забудь, я сказал! — рявкнул Гар.— Тебе больше незачем смешить меня. Погоди, я тебя сейчас развяжу...

— Вот спасибо-то, доктор! — искренне сказал Джерри.— Я, признаться, здорово устал от смирительной рубашки...

Гар опустился на колени около Джерри, распутал узлы и снял веревки.

— Сейчас ты будешь в порядке,— приговаривал Гар, растирая вялые руки Джерри. Физическая усталость затекших от неподвижности конечностей и психологический стресс сделали свое дело.

Наконец он восстановил кровообращение Джерри и помог ему подняться на ноги.

— Не тревожьтесь, доктор Элтон,— говорил меж тем Джерри.— Я не знаю, почему убил этих людей, но знаю, что больше ничего подобного не будет. Я, наверно, был совсем не в своем уме.

— Теперь можешь стоять? — спросил Гар, отпуская Джерри.

Джерри прошелся немного туда-сюда. Сначала его шатало, но постепенно он расходился и с каждым шагом все меньше напоминал робота.

Гар почувствовал, как к горлу вновь подкатывает тошнота, и постарался побороть ее.

— Ну как ты, Джерри, дружище? — участливо спросил он.

— Прекрасно, доктор Элтон,— признательно ответил Джерри.— Большое спасибо за все, что вы для меня сделали.

Джерри повернулся, подошел к двери шлюза и открыл ее.

— До свидания, доктор Элтон,— сказал он.

— Постой! — закричал Гар, прыгая к Джерри.

Но тот уже вошел в шлюзовую камеру и закрыл за собой дверь. Гар пытался открыть ее, но ничего не вышло — Джерри уже включил насосы, и давление в камере стало падать.

Гар, в ужасе выкрикивая имя товарища, дергал дверь. Через небольшой квадратный иллюминатор толстого стекла он видел, как раздулась и опала грудная клетка Джерри, изо рта и носа брызнула кровь, глаза выпучились, а затем правый лопнул и вытек...

Он видел, как Джерри повернулся в сторону ("к Хелене!") и улыбнулся. Затем отвернул кремальеру внешнего люка и вылетел наружу, в пустоту.

И когда Гар наконец перестал кричать и без сил упал на кресло за планшет-стендом, костяшки его пальцев были разбиты и кровоточили от ударов по голому металлу.

П. Шайлер Миллер
НОЖ НИОТКУДА

Приходилось ли вам лелеять мечту об убийстве?

Доводилось ли сидеть за столом, опершись локтями о столешницу, и, спрятав лицо в ладонях, воображать, как вы по самую рукоять вонзаете нож в дряблую морщинистую шею и вращаете клинком до тех пор, пока тонкая струйка старческой крови не потечет с обагренных ваших запястий — пока не закатятся глазные яблоки и не подогнутся старческие колени? Ощущали ли вы, как пульсирует кровь в висках и душу вашу переполняет дикое, первобытное наслаждение при виде отвратительного, нелепого существа, наконец-то вами приконченного?

А потом вы открывали глаза и смотрели на исписанные каракулями листы, тщательно вычерченные схемы, графики, соотносительные диаграммы и прочую мертвую писанину, которая и составляет смысл всей вашей жизни. И снова брались за перо, и опять принимались исписывать новыми каракулями очередные листы бумаги, уточнять схемы, добавлять новые разноцветные точки к диаграммам — посвящая этим занятиям каждые три из пяти рабочих дней недели с той самой поры, как достигли возраста, когда можно начинать карьеру, о которой вы мечтали и к которой вас готовили.

Может быть, мне стоит сходить в клинику на прием к психотерапевтам, дабы те напичкали меня витамина-

© Перевод на русский язык, Куртишвили Ш. С., 1994

ми? А может, лучше отправиться в религиозный центр, где дипломированные клерикалы попытаются привить моей заблудшей душе любовь к ближнему? Или завалиться во Дворец Наслаждений, в котором какая-нибудь страстная шлюха мигом избавит меня от хандры? Или подать прошение о предоставлении мне права жениться и вплотную заняться производством еще одного поколения археологов, чтобы те, повзрослев, превратились в таких же усталых, измученных, одержимых жаждой убийства людей, как их прославленный папаша?

День за днем, ночь за ночью я пытаюсь представить себе, что случилось бы, если бы в тот памятный день я все же осмелился всадить нож в глотку человека, который только что применил концепцию обратимости времени к спокойной, вполне развитой науке — археологии. Если б я мог все предвидеть — если б знал, чем обернутся романтические мечтания, к которым он настойчиво пытался приобщить меня...

Откуда те мечты? Я ведь был совсем маленьким в то время; рассчитывать все вперед не умел; нож тот был для меня обычным ножиком. И знаете, мне кажется, что если бы *он* знал — если бы *он* мог предвидеть, что наука, которой он посвятил каждую секунду своей долгой жизни, деградирует в некое трехмерное счетоводство,— если бы он мог это предвидеть, то сам вырезал бы собственное сердце и вручил его мне, моля простить за содеянное.

Он был великим человеком, тот старик — мой дедушка.

Вы, конечно, уже видели нож. Думаю, его видели все. Но первым — сразу после деда — увидел нож я. Мне тогда было десять лет. Я сидел в лаборатории деда, забравшись с ногами в его кресло, и ожидал, когда он вернется из своего будущего. Кресло было деревянное, старинное — в нем сиживал еще мой прапрадед, а может, кто-то и до него.

Лабораторией называлась расположенная в задней части дома просторная комната с бетонным полом и рядом окон над рабочим столом. По всей залитой светом столешнице были разбросаны сотни глиняных черепков, классификацией и реставрацией которых и занимался мой дед. Здесь же лежали в лотках каменные орудия труда, а дешевые фанерные ящики были битком набиты еще не вошедшим в каталог древним хламом, заляпанным грязью. Рядышком громоздилась стопка потрепанных, за-

хватанных по углам, засаленных, залитых чернилами тетрадок, переплетенных в коленкор. Еще на столе стояли наполовину отреставрированный сосуд,— причем черепки были так тщательно пригнаны друг к другу, что трещины невозможно было разглядеть,— и небольшая статуэтка из слоновой кости, склеенная столь искусно, что походила на только что купленную в магазине, хотя на самом деле этой богине было пять тысяч лет.

Да, именно так выглядела лаборатория археолога в те давние времена. Теперь все изменилось. Эксперимент, проведенный дедушкой, и нож, который он выудил из недр времени, покончили с традиционной археологией. Эта наука стала одной из самых важных, избавившись от ярлыка незаконного дитяти искусства и антропологии. У нас есть деньги, великолепное оборудование, новейшие инструменты. Лаборатории нам проектируют лучшие архитекторы. Черновую работу за археологов с готовностью выполняют ученые, специализирующиеся в других науках. Консерваторы же вроде меня имеют возможность получить знания столь же обширные, какими обладают ведущие биохимики или, допустим, астрофизики. Профессия археолога стала престижной, мои коллеги пользуются признанием публики — всего этого дед мой не изведал, но именно ему археология обязана своим нынешним положением. Уолтер Тойнби, мой дед, наверняка умер бы от скуки, очутись он сейчас в лаборатории своего внука. Он отшвырнул бы прочь схемы и расчеты, уронил голову на руки и надолго задумался — о том, как покончить с собой.

...Я сидел и ждал его уже шестой час. За это время я трижды обследовал весь стол. Перевернул каждый черепок, не забывая положить глиняные осколки точнехонько на прежнее место — так учил меня дед. Нашел четыре черепка, подходящих к реставрируемому сосуду, и еще два, из которых получилось ухо древней керамической фигурки веселого толстопузого щенка. Успел просмотреть иллюстрации во всех дедовых книгах и даже попытался расшифровать непонятные каракули в одной из тетрадок. Но потом из очередной книги, которую я с любопытством разглядывал, вдруг выскользнул какой-то листочек, и я, поспешно вернув его на место, решил прекратить свои изыскания. От греха подальше.

Один из углов лаборатории целиком занимала собой машина времени. Она стоила дороже всех археологичес-

ких экспедиций, фотографий, реставрированных реликвий и научных книг дедушки вместе взятых. Медные трубки, торчавшие из стены позади машины времени, походили на колонны некоего дворца, возведенного индейцами майя. Пульт управления ничем не отличался от тех, какие можно себе вообразить, представляя мысленно машину времени. Сама машина являла собой большой свинцовый куб с массивной стальной дверью в одной из его граней. Внутри куба в магнитном поле плавала собственно капсула времени.

Нынешние аппараты, конечно, гораздо изящнее, но принципиально устроены так же, как машина моего дедушки. Старый Уолтер Тойнби был эстетом до мозга костей, а Балмер, построивший машину по чертежам Малесевича, обладал удивительным чутьем к функциональному конструированию. Дедушкина машина времени была первым космическим челноком, способным переносить человека вместе с его багажом более чем на двадцать лет в будущее — или в прошлое. Малесевич, кстати, отправился именно в прошлое — на пятнадцать лет назад. И не вернулся. Его уравнения объяснили почему, и археологический мир, потиравший руки в предвкушении личного знакомства с Хатшепсут и царицей Шаб-Ад, сразу приуныл и, потеряв надежду, вновь вернулся к традиционным метелочкам и лопаточкам. Не сдался только мой дед. Уолтер Тойнби.

Малесевич остался бы в живых, если бы как следует провел испытания аппарата, прежде чем проверять на практике свою теорию времени. Он не удосужился сделать этого, а потому промахнулся мимо своей эпохи, возвращаясь из прошлого. Профаны по-прежнему вопрошают, почему бы археологам попросту не сесть с фотоаппаратом в машину времени и не смотаться в Древнюю Грецию или Атлантиду — вместо того чтобы ковыряться в прахе исчезнувших цивилизаций. В принципе это можно сделать, однако тот, кто решится на это, должен быть в высшей степени сконцентрирован на самом себе, находить радость в знании ради знания и забыть о том, ради чего он отправился в путешествие по времени. Ибо каждому школьнику известно, что человек, вторгшийся в прошлое, вносит в момент своего появления в этом прошлом инородный элемент в пространственно-временную матрицу. Поток времени разветвляется, рождается новая вселенная, и когда он возвращается, то оказыва-

ется в совершенно другом мире, творцом которого сам и явился,— и мир этот в корне отличается от того, в котором путешественник пребывал до визита в прошлое. Прежняя вселенная закрыта для него навсегда.

Сущность будущего совершенно иная. Наше нынешнее состояние и все изменения, которые происходят с нами с течением времени, являются неотъемлемыми составляющими привычного, запрограммированного исторического развития. Человек, попадающий в будущее, не меняет в нем ничего: его визит — предопределенная часть этого будущего. "Записан в Книге", как сказали бы древние. Впрочем, я склонен полагать, что записан скорее в матрице пространства-времени, нежели в Книге Судеб.

Уолтер Тойнби был блестящим ученым, который мог бы преуспеть в любой науке. У него хватало денег, чтобы жить припеваючи и выбрать то поприще, какое больше пришлось ему по душе,— археологию. Он был последним из великих дилетантов. Дед прекрасно знал Малесевича — финансировал некоторые его эксперименты — и потому, узнав о трагедии, сумел подкатиться к попечителям университета, в котором тот работал, и получить доступ к записям своего друга. Дед сразу же разобрался в том, куда отправился Малесевич и почему никогда не вернется, и почти сразу же понял, что путешествие в будущее, в отличие от визитов в прошлое, совершенно безопасно. Всю следующую неделю Уолтер Тойнби и Балмер вытаскивали ящики с черепками и всякий хлам из угловой комнаты, освобождая место для машины времени. Ночи напролет они просиживали над архивом Малесевича, споря до хрипоты над фантастического вида диаграммами. Спустя два месяца через окрестные поля к ангару проложили силовые кабели — прямиком от генераторов Шелдон Форкс, а люди Балмера приступили к заливке колоссального бетонного фундамента для машины времени.

...Уже пора ужинать, а деда все не было. Около часу дня он вошел в машину времени, попросив перед этим меня дождаться его возвращения. И вот уже шестой час я сижу в лаборатории один-одинешенек, а в углу тускло мерцает машина времени, издавая звук, похожий на жужжание потревоженного роя пчел. Сняв с полки очередной фолиант, я медленно перелистывал страницы со стереофотографиями табличек, на которых в древнем Шумере кто-то выводил загадочные письмена. Занятие

это уже стало понемногу навевать скуку — очень уж похожи были все картинки,— когда жужжание вдруг прекратилось.

Взглянув на свинцовый куб, я увидел, что тот перестал светиться. Я быстро положил книгу на место, и в эту самую секунду тяжелая стальная дверь бесшумно распахнулась. Из капсулы времени вышел мой дед.

Он занимался раскопками: его бриджи и тужурка покрылись белесой пылью, пыль въелась и в морщинистое лицо дедушки, и в складки его шеи. Подбородок украшала грязно-серая щетина, которой не было шесть часов назад, а рубашка потемнела от пота. Дед выглядел очень усталым, но глаза его радостно поблескивали, а по лицу блуждала довольная улыбка.

На плече у него висел потрепанный рюкзачок, в котором дедушка обычно таскал свои инструменты и записи. Отряхнув пыль с колен, дедушка снял с головы помятую шляпу, обнажив жидкую взъерошенную шевелюру, и направился к столу, развязывая на ходу рюкзак. Я завороженно следил за его узловатыми пальцами — сколько раз эти руки доставали из выцветшего мешка самые невероятные диковинки! Победно хихикнув, дед вытащил из рюкзака нож — тот самый нож — и бросил его на стол. Клинок, звякнув, упал на груду черепков.

Вы, конечно, видели нож. Его фотографировали бесчисленное множество раз, голограммы есть почти во всех музеях мира. Но я тогда увидел его *первым*.

Дед не успел очистить нож — на тускло-черной рукояти, украшенной тонкой резьбой, засохли комочки грязи, затейливая филигрань серебряного эфеса также была перепачкана, но клинок прямо-таки сверкал холодным, иссиня-металлическим блеском — острый как бритва и прозрачный как стекло.

Быть может, вам доводилось брать его в руки, если вы были в здешнем музее. Там, где клинок заостряется, он прозрачен настолько, что сквозь него можно прочесть самый мелкий шрифт. Ближе к рукояти клинок делается толще и становится немного мутноватым. На клинке выгравирована какая-то надпись, но она стерлась до полной неразличимости. Это очень странно, потому что лезвие крепче любого известного нам вещества, кроме разве что алмаза. И металла, из которого выкован клинок, нет более нигде ни в Солнечной системе, ни во всей Галактике — только одно это истертое лезвие.

Клинок, очевидно, очень древний. Об этом свидетельствует не только стершаяся от времени гравировка на клинке, но и зазубрины возле рукояти, где исключительно крепкое лезвие истончилось от многократной заточки. Черная рукоять, похоже, поновее самого клинка — судя по довольно четко различимой резьбе,— хотя тоже очень древняя. Дедушка счел, что рукоять изготовлена из какой-то чрезвычайно прочной древесины, возможно, чем-то пропитанной, и что рукоять эту приделали взамен прежней, которая износилась или, быть может, сломалась. Эфес кинжала и заклепки на рукояти — обыкновенное серебро, этот металл только-только начинал входить в обиход в те стародавние времена.

В общем, нож лежал перед моими глазами. Уолтер Тойнби, один из самых авторитетных археологов своего времени, отправился в будущее на машине времени, сконструированной Малесевичем, откопал там нож и вернулся обратно. И этот нож оказался выкованным из металла, о коем наша наука и слыхом не слыхивала.

А спустя три часа Уолтер Тойнби будет мертв. Возможно, в том далеком будущем он подхватил какой-то неизвестный нашей эпохе вирус. А может, виной всему явилось огромное напряжение путешествия во времени, оказавшееся губительным для организма старика, или потрясение от пережитого в том будущем... Как бы там ни было, но дед после возвращения принял душ, потом мы с ним поели вдвоем на кухне — остальные отужинали, не дождавшись нас, раньше; дедушка очень внимательно разглядывал нож, пока ел, но так ничего тогда и не сказал. Он очень устал и хотел спать. Больше он не проснулся.

Отец мой, единственный сын старика Уолтера, унаследовал от своего родителя разностороннюю одаренность. Правда, в отличие от дедушки, папа был человеком практическим и не раз помогал своему прославленному отцу — хотя бы тем, что удачно женился, приумножив благосостояние семейства Тойнби. Если деда интересовали разрозненные осколки древних культур, то папа принадлежал к кругу тех историков, которые стремятся осмыслить цивилизацию как некий сверхорганизм, развивающийся циклически, и пытаются отыскать эти циклы, исследуя эволюцию человека — от первобытных джунглей до нынешних вершин Парнаса. Нет, я отнюдь не

намекаю на то, что старик Уолтер не проявлял интереса к синтезу и обобщениям,— он, например, принял фамилию Тойнби* потому, что так звали его любимого историка, ученейшего из ученых, который жил и творил в прошлом веке. Настоящая же наша родовая фамилия, если верить письму, найденному среди бумаг деда, славянского происхождения. Если это действительно так, то становится вполне объяснимой долгая и сердечная дружба дедушки с несчастным Малесевичем.

Как бы там ни было, смерть деда повлекла за собой целый ряд событий, приведших в конце концов к результату, который слишком хорошо известен каждому, кто посвятил свою жизнь археологии. Едва иссяк поток соболезнований, как пресса возвестила о сенсационном открытии ученых, занимавшихся исследованием ножа. Все эксперты с поразительным единодушием заявили, что письмена и орнамент, выгравированные на клинке, не похожи ни на одну из известных человечеству знаковых систем. Зайдя в тупик, языковеды передали нож металлургам и ботаникам с тем, чтобы те определили голубой металл, из которого выковано лезвие, и дерево — если это вообще дерево,— из которого сделана рукоять.

Стоит ли продолжать? Шумиха тогда поднялась невообразимая. Каждый из экспертов считал обычно правым только самого себя, потому свара между учеными была вполне предсказуемой. Однако ясно было и то, что на сей раз ученым придется прийти к единому мнению, которое, быть может, откроет совершенно новые горизонты перед человечеством.

Физически и химически голубое вещество клинка — металл, но такого металла наука не знала, более того — не могла вообразить. Когда химики с величайшим трудом отпилили крохотный кусочек лезвия, оказалось, что такого элемента в периодической таблице нет. Физики исследовали образец рентгеновскими лучами и спектрографами — с тем же результатом. Чем больше экспериментов они проводили, тем больше запутывались, поскольку рано или поздно очередной опыт опрокидывал все выдвинутые на основе предыдущих изысканий гипотезы.

---

* Тойнби, Арнольд Джозеф (1889—1975) — английский историк и социолог, выдвинувший теорию круговорота сменяющих друг друга локальных цивилизаций.— *Прим. ред.*

В конце концов после многочисленных и разносторонних исследований ученый мир пришел к мнению, которое считается наиболее достоверным и по сей день: голубое вещество, из которого сделан клинок, скорее всего является одним из хорошо известных металлов — однако молекулярная и атомная структура его изменены неизвестным современной науке методом; собственно возникло новое состояние вещества.

Отчет ботаников немногим отличался от выводов физиков. Рукоять определенно деревянная, и материалом для нее могла послужить древесина какого-либо тропического растения — но древесина эта подвергнута загадочной обработке, в результате которой получилось нечто абсолютно новое для нашей планеты.

На этом первый штурм и закончился. Когда эксперты, отчаявшись, развели руками, осада пошла с другой стороны. Нож вернули моему отцу, и тот сделал его центральным экспонатом музея эволюции человеческой культуры Тойнби, организованного им в том самом университете, где в свое время преподавал Малесевич. Нож и поныне находится там.

Однако все знали, что старик Уолтер нашел эту вещицу в будущем. А это означало, что в каком-то из предстоящих веков человечество создаст некую науку, которой будет по силам изобретение неслыханных дотоле веществ вроде голубого металла. Причем металл этот в будущем станет настолько распространенным, что из него начнут делать ножи.

Между тем одни лишь электрические свойства голубого металла были таковы, что некая солиднейшая электротехническая компания предлагала папе за ножик целое состояние.

Короче говоря, ученые решили отправиться в будущее — с тем, чтобы выведать у грядущей цивилизации ее секреты и с выгодой для себя использовать их в наше время.

И начались эксперименты с путешествиями во времени. Вновь вытащили на свет Божий записи Малесевича, опубликовав их для широкой публики; дедову машину времени разбирали и собирали раз десять; Балмера разрывали на части промышленные лаборатории, университеты и разные спекулянты, одержимые идеей ухватиться за хвост будущего,— все желали заполучить его в качест-

ве консультанта. Машины времени строили все кому не лень — и сотни людей один за другим исчезали в будущем. И один за другим возвращались обратно с пустыми руками. В будущем голубого металла не оказалось.

Отчаявшись решить загадку ножа, ученые попытались усомниться в правдивости Уолтера Тойнби, объявив его мистификатором,— но клинок-то существовал! И обладал фантастическими физическими и химическими свойствами!

Остывшие было страсти вновь накалились, и все вернулось на круги своя. Мой дедушка-археолог отправился в будущее, провел там раскопки и вернулся с ножом. А что, если Тойнби откопал в будущем остатки какого-нибудь космического корабля-пришельца, о котором человечество этого будущего просто не знало? Археология обнаружила нож. Вся наука его возжаждала. Значит археологи обязаны отыскать загадочный металл еще раз.

Так археология превратилась, говоря языком популяризаторов, в "материнскую науку" со множеством "дочерних" специализаций, которая безраздельно правила другими науками, выродившимися в угодничающих своей госпоже рабов. Археологи были в фаворе и наслаждались своим положением.

Я рос именно в подобной атмосфере. Сначала дедушка разбудил во мне интерес к загадкам прошлого и увлек романтикой археологических поисков. Затем уже весь мир признал археологию наукой наук, которой суждено открыть неведомые новые миры. Так удивительно ли, что я пошел по стопам деда?

Здесь я позволю себе заметить, что отец и дед, которым вовсе не требовалась вселенская встряска для того, чтобы посвятить себя определенному занятию, принадлежали к той категории людей, что не теряют голову, когда на них обрушивается всеобщее признание. Уж лучше бы они не выдержали испытания славой!

Археология на коне? Замечательно — значит, коня надо погонять, и погонять как следует. Любые наши проекты моментально получали финансовую поддержку многочисленных фондов. Аппаратура и приборы, казавшиеся прежде бредом сумасшедшего, изготавливались по первому требованию. Вместе с новым оборудованием пришли и новые методы исследований, которые, в свою очередь, способствовали возникновению целой иерархии высококвалифицированных техников и статистиков, заменив-

ших взрывников; на смену землекопам явились конторские служащие; никто уже не занимался созданием всеобъемлющей панорамы древних цивилизаций, как это делали Шлиман, Эванс, Бристед и первый из Тойнби — да-да, старик Уолтер Тойнби,— нынешние археологи копошились над всякой древней мелочью, совершенно утратив способность охватывать взором целые эпохи, чем так славились их великие предшественники.

Я знаю, что винить в этом нам следует лишь самих себя. Мы вырыли себе собственную нору, обставили ее с роскошью, обнесли стеной, дабы оградить себя от черни. Мы создаем видимость бурной деятельности, на самом деле занимаясь ненужными пустяками,— а нас за это кормят и содержат в комфорте. В результате мы так привыкли к своей яме, что никак не можем из нее выбраться. Вот и я сижу, мечтая о том, что хорошо было бы перерезать тогда глотку собственному деду — вместо того, чтобы осознать наконец: будь я похожим на дедушку, мне хватило бы смелости отказаться от комфортного, но смешного положения, в которое попали археологи, чему я сам в немалой степени способствовал. Я вернулся бы к традиционной археологии — с лопатами, раскопками, грязью,— и тогда исчезли бы все барьеры, а я бы вновь обрел свободу и стал тем, кем и должен быть настоящий мужчина.

Само собой, к тому времени, когда я поступил в университет, весь этот археологический маховик уже был раскручен. Папа, носившийся со своей идеей цикличности истории, вовсю проталкивал проект, согласно которому Археология — теперь это слово писалось с заглавной буквы — должна раскрыть суть и описать возникновение, развитие, расцвет и крах всех без исключения цивилизаций, включая и нынешнюю. Его коллега, а может, и соперник, из Гарварда намеревался подвергнуть ревизии и пересмотру все данные, накопленные археологией за многие века, загрузив для этого все статистические выкладки в какой-то сверхкомпьютер. Он сразу же получил деньги под свой эксперимент. Ученый мир провозгласил Археологию эдакой феей, которая принесет неслыханные прежде блага всем и каждому. Вот все и толпились вокруг волшебницы.

В течение всей моей учебы в университете я работал на побегушках у людей, которые то и дело мотались в будущее, возвращаясь оттуда с ворохом записей, из ко-

торых мы, канцелярские работники, должны были, подобно фокуснику из шляпы, выуживать кроликов голубого металла.

Помню самого гнусного паразита-путешественника, на которого работала целая армада механиков, стенографисток, техников, лаборантов и статистиков. Он был очень известной личностью — почти как мой дед,— хотя слава его была несколько иного рода. Этот шарлатан в течение целого поколения верховодил археологией. По образованию сей ученый муж был математиком; переквалифицировавшись в археолога, он провозгласил, что с помощью созданной им теории универсальных полей возможно познать смысл и суть Всего Сущего.

Естественно, подобная белиберда пролилась бальзамом на душу моего папаши, и он пригласил математика-археолога смотрителем нашего музея, наделив Хилла — так звали этого аферист — вдобавок ко всему еще и правом голоса в нашем семейном предприятии. Хилл немедленно провозгласил, что вовсе не обязательно *рыскать* в поисках ножа по просторам будущего. Достаточно накопить необходимое количество статистических данных, вещал Хилл, и применить теорию универсальных полей к гуманистическо-культурному аспекту — я сейчас пытаюсь воспроизвести его ахинею дословно,— чтобы заранее предсказать, где именно *должен* находиться нож.

Хилл был огромным детиной с рыжей шевелюрой и раскатистым басом. Он часто выступал с речами — причем всегда в нужное время и в нужном месте. Сотни несчастных студентов вроде меня перелопачивали тонны бумаг, которые доставлялись из будущего экспедициями Хилла. Девять раз Хилл объявлял на весь мир, что он "определил наконец, где должен находиться нож", и девять раз посланные в будущее экспедиции выясняли, что обитатели грядущего мира слыхом не слыхивали про голубой металл. Некоторые цивилизации будущего вообще не знали, что такое металлы.

В двадцать три года я получил лицензию на путешествия в прошлое и будущее. К этому времени мы уже досконально изучили будущее человечества. В библиотеках можно было найти сотни учебников истории, которые напишут только в грядущих тысячелетиях. У нас было оборудование высшего класса, изобретенное учеными будущего. Одним словом, мы начинали создавать нынешний мир, так что вы в курсе, что из этого вышло.

Я старался изо всех сил, и мне даже удалось систематизировать кое-что разумное из мешанины, собранной высокочтимым Хиллом. Власти это оценили, и мне было предложено посвятить всю свою жизнь копошению в бумагах. Но я был молод, и я был из рода Тойнби. Я потребовал прав, и они их мне предоставили. Теперь я мог, как и все, начать охоту за ножом.

Надо сказать, что я вовсе не глуп. И вдобавок ко всему, очень хорошо знал деда — быть может, даже лучше, чем его знал мой отец. Мне был знаком образ мыслей дедушки, я мог смоделировать его поведение в той или иной ситуации. Дед принадлежал к той породе людей, которые всегда и во всем стремятся идти до конца. У меня не было никаких сомнений: прежде чем отправляться на поиски ножа, нужно выяснить, как далеко в будущее мог заглянуть тринадцать лет назад мой дед. Почему-то никто из искателей ножа покамест не удосужился этим поинтересоваться.

На мое счастье, Балмер по-прежнему пребывал в добром здравии, и я попросил его разыскать те расчеты и чертежи, которыми он руководствовался при постройке машины времени для дедушки. Все бумаги нашлись, и Балмер построил для меня такой же свинцовый куб, в каком некогда Уолтер Тойнби отправился в будущее, вернувшись оттуда с загадочным ножом.

Конечно, мой куб был по размерам больше, чем дедушкин,— дед тогда взял с собой всего лишь лопату да метелку, а мне необходимо было разместить в челноке уйму разных инструментов. Археология значительно механизировалась за тринадцать лет, и было бы глупо с моей стороны не воспользоваться современным инструментом. Темпоральное поле, тем не менее, по своим параметрам полностью совпадало с полем первого аппарата, так что машина времени должна была доставить меня именно в те времена, в которые она перенесла некогда Тойнби-старшего.

Так оно и вышло на самом деле. Самая первая действующая машина времени, на которой бесследно исчез Малесевич, обладала диапазоном в пятнадцать лет. Дедушкин громоздкий аппарат уже мог переносить путешественника на триста лет вперед. По моим расчетам, я должен был попасть в относительно спокойную эпоху, наступившую после войны полушарий, в результате которой половина американских городов лежала в руинах,

а человечество оказалось отброшенным к собирательству и охоте.

Я не хочу сказать, что за тринадцать лет никто не пытался проникнуть именно в эту эпоху. Другое дело, что, попав в эти времена, путешественники сразу же давали деру: во-первых, им было страшно, а во-вторых, послевоенная цивилизация, конечно же, была не в состоянии производить такие чудеса, как нож из голубого металла.

Из этого следовал вывод: искать надо либо в более раннем будущем, либо в более позднем. Почему бы не отправиться еще на тысчонку-другую лет вперед? Или на миллион?

У меня был несколько иной взгляд на сей предмет, ибо я слишком хорошо знал характер деда. Он непременно отправился бы так далеко, как только могла позволить машина. Я повторю его маневр. Далее: выйдя из машины времени, дедушка наверняка огляделся бы вокруг, вытащил инструменты и тут же принялся за раскопки. Что ж, мне по силам повторить и этот трюк.

Правда, машины времени еще не достигли полного совершенства, так что, отправляясь в будущее, нельзя быть уверенным на все сто в том, что попадешь именно в необходимую тебе минуту — и даже, быть может, неделю — будущего. Лично я, впрочем, думаю, что дело не в огрехах конструкторов, а в неопределенности самого времени. И вряд ли с этим возможно что-нибудь поделать. Конечно, попав в будущее, можно уже на месте прыгать во времени вперед-назад на несколько дней, пока не попадешь в нужное мгновение, но для этого необходимо прибегать к математическим расчетам. Я не стал заниматься подобной чепухой.

Если вы знакомы с историей предстоящих пяти веков, то вам, конечно, известно, что после применения в конце войны отравляющих веществ все атлантическое побережье Америки лишилось растительности и стало абсолютно непригодным для жизни. Выбравшись из машины, я очутился посреди безжизненной пустыни, усеянной искореженными скелетами зданий и изувеченной воронками. Как потом выяснилось, дедушка побывал тут немного раньше меня.

Я знал из отчетов предыдущих экспедиций, что здесь еще очень долго не будет никаких признаков жизни. Потом мало-помалу на побережье вновь появятся сначала растения, затем насекомые, млекопитающие, а следом

и человек. Но я не об этом. Ясно было, что искать выживших людей бессмысленно, да дед наверняка и не собирался этого делать. Вокруг во все стороны простирались руины нашего родного города (точнее, его двойника через триста лет), и я был уверен, что дед стоял здесь точно так же, как сейчас стою я, и прикидывал, с чего начать.

Одна из каменных груд, наполовину занесенная песком, возвышалась над всеми остальными. С нее наверняка открывается прекрасный вид на все окрестности. Когда я побрел к этой груде развалин по осыпающемуся песку, то поймал себя на мысли, что выискиваю на ходу дедушкины следы — настолько был уверен, что попал в то самое место и время. Конечно, это было полной глупостью — ветер уже заносил песком мои собственные следы.

И тут я увидел *все это*... Память сразу вернула меня к тому дню тринадцатилетней давности. Конечно, здесь должны были остаться следы пребывания деда! Уолтер Тойнби ни за что на свете не бросил бы столь многообещающий раскоп, который в самом начале вывел его на такую реликвию, как нож. Он наверняка намеревался вернуться сюда еще раз с экспедицией, и помешала этому только его внезапная смерть. Дед даже не все инструменты тогда вернул из будущего — чего их зря таскать туда-сюда?!

И вот теперь здесь, у восточного основания насыпи, трепыхался на ветру красный платок, которым дед отметил место раскопок, а из трещины в остатках стены торчала его саперная лопатка.

Я пощупал истрепанную материю. Да, это дедушкин носовой платок. Он неизменно клал один такой в карман джинсов — этот квадратный кусок материи в те времена служил археологу и респиратором, и панамой; да и мало ли для чего он мог пригодиться... Каждый археолог непременно запасался платками.

Трещина, в которую была воткнута лопата, расширялась книзу, и почти до самого верха ее занесло песком.

Согласно всем правилам цивилизованной археологии, я обязан был провести съемку местности, установить осветительную арматуру, настроить трехмерный экран и включить сканнер, который и прощупает невидимым лучом недра развалин, выдавая картинку на экран. Вот только тогда и можно будет решить, с чего начинать.

Вы верите в привидения? Когда я стоял на груде развалин, ощупывая материю и отполированную рукоять лопаты, мне вдруг пришло в голову, что дед мог стоять на этом самом месте всего за несколько минут до меня. Знаете, словно он отошел куда-то на секунду, а я занял его место. Я вновь превратился в маленького мальчишку, который следует по пятам своего дедушки, меряющего громадными шагами лабораторию: здесь дед книгу с полки снимет, там стопку негативов просмотрит...

Небольшая тучка закрыла солнце, и мне почудилось, что это тень деда упала на меня. Я вытащил лопату из трещины. Инструмент прекрасно сохранился, и хотя в наше время никто уже не работал при помощи лопат, догадаться о том, как с ней обращаться, мог каждый идиот.

Я воткнул лопату в песок — металл заскрежетал, нарвавшись на каменную стенку трещины. Значит, песка здесь совсем немного — несколько минут помахать лопатой, и я смогу расширить щель настолько, чтобы пролезть внутрь.

Работа доставляла мне удовольствие. Я, конечно, занимался прежде спортом — такую подготовку обязаны были проходить все без исключения юноши,— но ощущение от рытья лопатой было совершенно особое. Лопата придавала мне чувство совершенства — я был силен, и мне было чрезвычайно приятно наблюдать, как углубляется яма и увеличивается куча песка, вынутого мною из трещины. Вскоре в образовавшийся туннель уже можно было влезть на четвереньках, не рискуя насажать шишек. Я вернулся к челноку, захватил с собой карманный фонарик и мини-сканнер и нырнул во мрак подземного хода.

Уже через несколько футов глаза привыкли к темноте, к тому же свет просачивался вниз сквозь многочисленные проломы и щели — так что я вполне обходился без фонаря. Затем я почувствовал под ногами твердый пол и очутился в комнате, перегороженной наискосок рухнувшим потолком,— одним концом перекрытие упиралось в пол, другим покоилось на верхней кромке уцелевшей стены. Сквозь пролом слева от меня в комнату пробивались солнечные лучи, заливая пространство сумеречным светом. В этом тусклом свете я разглядел на полу отпечатавшиеся в толстом слое пыли следы и стол, к которому они вели.

Это были дедушкины следы, конечно. На этом столе он и обнаружил нож. Я переступил наконец порог ком-

наты и медленно направился к столу. Меня не покидало ощущение того, что все это я уже где-то видел. Массивная бронзовая столешница была покрыта треснувшим толстым стеклом. Я увидел отпечатки дедушкиных пальцев на пыльном стекле, но самое главное: я увидел на столе очертания ножа, выделявшиеся в пыли столь же отчетливо, как и тринадцать лет — или тринадцать минут? — назад.

Солнце продолжало свой путь по небосклону, в комнату пробились новые лучи, и здесь стало гораздо светлее. Я смахнул пыль со столешницы — тяжелой бронзовой плиты, которая не говорила мне ровным счетом ни о чем. А потом я обернулся и увидел на противоположной стене, прямо над дверью, барельеф.

Я не люблю парадоксы. Мне не нравится невероятное. Я сижу здесь, склонившись над своими расчетами (к весне мне обещали новый компьютер, который будет в состоянии производить расчеты во много раз быстрее, чем нынешние), а когда устаю, то роняю голову на руки, закрываю глаза и вспоминаю тот злополучный день, когда я был совсем маленьким. Я вспоминаю старика, нож — и жалею о том, что не убил собственного дедушку.

Я сделал все, что смог. По моему следу отправились великолепно оснащенные экспедиции. Они разобрали все руины вплоть до фундамента. А я... меня вновь отослали к статистическим данным. Я сижу здесь, обрабатывая сведения, которые поставляют мне очередные экспедиции. Мне кажется, усилия их тщетны и они, как ни стараются, не смогут найти этому феномену иного объяснения, чем то, какое мне кажется очевидным. И ничего, кстати, не объясняет...

Сегодня вы можете отправиться в музей Тойнби и воочию увидеть нож, хранящийся в сейфе, расположенном посреди главного зала. Где-то в следующие триста лет сейф заменят бронзовым столом с колпаком из толстого стекла. На музей упадет несколько бомб, здание будет разрушено, а нож по-прежнему будет лежать на бронзовом столе. Затем руины занесет песками и пылью, и однажды упрямый старик в поношенной одежке раскопает их и вползет внутрь. Он обнаружит нож и унесет его с собой. Потом туда наведается человек помоложе, а за ним — другие, множество других. И все это время на стене, прямо над дверью, которая ведет в комнату,

где хранился нож, будет красоваться гранитная плита с надписью:

УОЛТЕР ТОЙНБИ
1962 — 2035

Мой дед выудил нож из будущего. Потом старик умер. Нож поместили в музей его имени. И он преспокойно лежал там триста лет, пока вся человеческая раса сходила с ума, пытаясь раскрыть его секрет. Пока всю цивилизацию не перевернули вверх дном в поисках того, чего никогда не было!

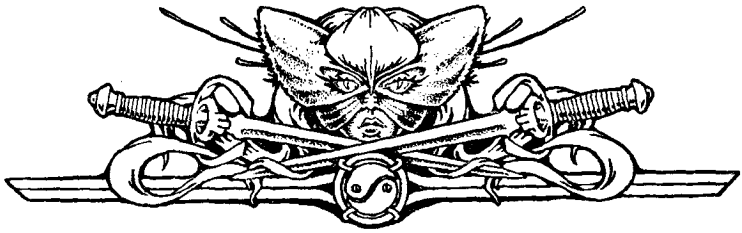
Дед нашел нож в музее, в котором нож и лежал все время с тех пор как сам же дедушка притащил его из будущего и он попал в музей. И лежал там, пока не пришел мой дед и не принес его назад.

Это очень просто, проще не придумаешь. Мы ведь не обязаны всегда мыслить категориями "начало" и "конец". Разве вещь — или личность — не может существовать в замкнутом цикле, у которого нет ни начала, ни конца? Разве не возможно вообразить себе такое?

Мне казалось, что возможно. Я думал, что мы имеем дело с простеньким парадоксом. Но оказалось, что я не прав.

Нож, который Уолтер Тойнби нашел в будущем, сохранился идеально — рукоять, конечно, поистерлась, но сам клинок был без единой царапины. Потом химики и физики, пытавшиеся определить состав металла, с помощью алмазной пилы сделали на лезвии небольшую насечку, чтобы отщепить необходимую для опытов частичку вещества. Эту насечку может увидеть каждый посетитель музея. Нож с насечкой пролежит в музее еще триста лет, пока за ним не явится человек из прошлого.

Этим человеком окажется Уолтер Тойнби. Но дело в том, что нож, который дед возьмет с собой из будущего, не будет иметь никаких насечек. Значит, где-то должно существовать начало цикла. И где-то цикл должен кончиться. Но где именно? Как был изготовлен нож, если у истории этой вещицы нет ни начала, ни конца? Как разорвать порочный круг замкнутого цикла? Как бы я хотел знать это! Быть может, я бы тогда не лелеял мечту об убийстве. Быть может, будущее представлялось бы мне исполненным смысла и логики — а не хаотическим нагромождением миров, которых никогда не было.



Роберт Хайнлайн
УРОБОРОС

(Все вы, зомби...)

22.17. — Пятая временная зона (ВОСТ.) — 7 ноября 1970 — Нью-Йорк — "У Папаши". Когда я протирал очередную рюмку, вошел Мать-Одиночка. Я засек время — 22.17, Пятая временная зона, восточное время, седьмое ноября, тысяча девятьсот семидесятый год. Темпоральные агенты всегда обращают внимание на время и дату — это наша обязанность.

Мать-Одиночка был двадцатипятилетним парнем ростом не выше меня, обладал не слишком мужественными чертами лица и взрывоопасным характером. Внешность его мне никогда не нравилась, но именно его мне предстояло завербовать. Это был мой парнишка. Я подарил ему лучшую барменскую улыбку.

Может быть, я излишне пристрастен? Не знаю. Но прозвище относилось не ко внешности — просто всякий раз, когда какой-нибудь излишне любопытный тип спрашивал о роде его занятий, он получал ответ: "Я — мать-одиночка". Если Мать-Одиночка был настроен не очень кровожадно, то добавлял: "...четыре цента за слово. Я пишу душещипательные признания читательниц".

Если же Мать-Одиночка пребывал в скверном расположении духа, он ждал, чтобы собеседник позволил себе какую-нибудь шутку на этот счет. Дрался он страшно — так дерутся разве только женщины-полицейские, был

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

мастером ближнего бокса. Это, между прочим, одна из многих причин, по которым он и требовался мне.

Он был под мухой, и выражение его лица говорило, что Мать-Одиночка сейчас презирает людей больше обычного. Я молча налил ему двойную порцию "Старого белья" и поставил рядом бутылку. Он выпил и налил по новой.

Я протер стойку.

— Ну как, по-прежнему выгодно быть матерью-одиночкой?

Пальцы Матери-Одиночки стиснули стакан — казалось, он сейчас бросит им в меня. Я опустил руку под стойку, нащупывая дубинку. При темпоральной манипуляции стараешься учесть все, но при таком количестве факторов зря рисковать не стоит.

Он едва заметно расслабился, точнее, едва заметно — для не прошедших спецподготовку на курсах Темпорального Бюро.

— Не злись. Я всего лишь спросил, как бизнес. Если не нравится, считай, что я спросил о погоде.

Он кисло посмотрел на меня.

— Бизнес в порядке. Я строчу, они публикуют, я ем.

Я налил и себе, наклонился к нему через стойку.

— Между нами говоря, ты неплохо сочиняешь — я читал эти "признания". Тебе просто здорово удается понять женскую точку зрения.

Это был риск — он никогда не называл своих псевдонимов. Но он достаточно завелся, чтобы услышать только конец фразы.

— "Женская точка зрения!" — фыркнул он.— Да, кто-кто, а уж я ее знаю! Кому как не мне знать...

— Да?.. — с некоторым сомнением спросил я.— Сестры?..

— Нет. И если я расскажу, ты не поверишь.

— Ну-ну,— кротко сказал я,— бармены и психиатры знают, что нет ничего более диковинного, чем правда. Если б ты, сынок, слышал истории, какие довелось выслушать здесь мне,— ты бы разбогател. Невероятные дела случаются, знаешь...

— Ты даже представить себе не можешь, что такое "невероятно".

— Да ну? Нет, сынок. Меня ничем не удивишь — что бы ты ни рассказал, я скажу, что слыхал истории и почище.

Он опять фыркнул.

— Хочешь поспорить на все, что осталось в бутылке?

— На целую.— Я поставил на стойку полную бутылку.

— Ну...

Я махнул своему помощнику — мол, поработай за двоих. Мы были на самом конце стойки; тут у меня уединенный уголок с одним только табуретом, а чтобы никто не мешал, я заставляю стойку возле этого места банками пикулей и прочим. Несколько клиентов у другого конца стойки смотрели бокс по телевизору, один выбирал пластинку в музыкальном автомате. Нам никто не мешал — полный интим, как в постели.

— Ладно,— начал он.— Начать с того, что я ублюдок. Выражаясь культурно (он что, ожидал, что я усмехнусь?) — внебрачный ребенок. Мои родители не были женаты.

— Ну и что? — пожал я плечами.— Мои тоже.

— Когда... — он замолк и впервые посмотрел на меня по-человечески.— Правда?

— Правда. На все сто процентов. И кстати,— добавил я,— в моей семье никто никогда не женился. И все поголовно — внебрачные дети, ублюдки, если угодно.

— Не пытайся меня переиграть. Ты-то сам женат! — Он показал на мое кольцо.

— А, это... — Я показал кольцо поближе.— Оно только похоже на обручальное; я ношу его, чтобы отваживать бабцов. (Колечко это я купил по случаю у коллеги-оперативника. Антикварная вещь: он привез ее из дохристианского Крита.) Видишь — это Уроборос... Мировой Змей, пожирающий свой хвост вечно и без конца. Символ Великого Парадокса.

Он едва удостоил колечко взглядом.

— Ну, если ты правда незаконнорожденный — ты знаешь, каково это. Когда я был маленькой девочкой...

— Эй,— перебил я,— я не ослышался?

— Кто из нас двоих рассказывает?.. Так вот, когда я был маленькой девочкой... Слушай, тебе когда-нибудь приходилось слышать о Кристине Йоргенсон? Или о Роберте Коуэлл?

— Э-э... изменение пола? Ты что, хочешь сказать...

— Не перебивай, не то не стану рассказывать. Я был подкидышем, меня оставили в кливлендском приюте, когда мне был всего месяц от роду. В тысяча девятьсот

сорок пятом. И когда я был... я была маленькой девочкой, я все время завидовала детям, у которых есть родители. Позже, когда я узнала, что такое секс... а в приюте, можешь мне поверить, такие вещи узнают рано...

— Я знаю.

— ...Я поклялась, что у *моих* детей будут и папа, и мама. Благодаря этой клятве я осталась нетронутой — для приюта это почти подвиг. Мне пришлось научиться драться. Когда я стала старше, то поняла, что шансов выйти замуж у меня очень немного, по тем же причинам, по каким меня никто не удочерил. Лошадиное лицо, кроличьи зубы, плоская грудь, волосы сосульками.

— Ты выглядишь не хуже меня.

— Да кого волнует внешность бармена? Или писателя? Но когда берут ребенка из приюта, то выбирают маленьких голубоглазых, золотоволосых дурочек. Позже ребятам нужны груди буфером, смазливая мордашка и манеры типа "о, какой ты классный, крепкий парень!" — Он пожал плечами.— Я не могла тягаться с такими девицами. И потому решила идти в ДЕВКИ-КИСКИ.

— А?

— Добровольческий Естественнотехнический Военизированный Корпус Исполнительниц — Команда Индивидуального Содействия Космонавтам-Истребителям. Теперь это называется Армейская Нестроевая Группа Евгеники и Лечебной Обработки Чинов Космического Истребительного Легиона... как-то так. "Космические Ангелы", знаешь?

Я знал оба названия. Правда, в мое время эта элитная космическая военная служба зовется иначе — Боевой Легион Ясельной Дестрессизации Истощенных Космонавтов-Истребителей. В темпоральном прыжке изменение значения слов и появление новых терминов — это главная головная боль. Вот, например, знаете ли вы, что словами "станция обслуживания" когда-то обозначалось место продажи нефтяных фракций? Помнится, как-то, когда у меня было задание в Эре Черчилля, одна дама сказала мне: "Я буду ждать вас на станции обслуживания за углом". Это значило вовсе не то, о чем вы подумали; на тогдашних станциях обслуживания кроватей не было.

Он продолжал:

— Как раз тогда пришли к заключению, что нельзя отправлять мужчину в космос на месяцы и годы без возможности расслабиться, сбросить напряжение. Пом-

нишь, может, как голосили тогда пуритане? Мало кто отважился вступить в Корпус, и это здорово повысило мои шансы. Девицы должны были быть порядочными, желательно — именно девицами, поскольку с нуля учить всегда проще, чем переучивать; они должны были быть умственно выше среднего уровня и эмоционально уравновешенны. Но большинство волонтерок были старыми потаскухами или невротичками, которым грозило сумасшествие после десяти дней в космосе. Внешность моя была ни при чем: если меня принимали на службу, то поправляли мои зубы, делали волосы волнистыми и пышными, учили походке, танцам, умению внимательно и ласково выслушивать мужчину и многому другому — плюс, естественно, основной специальности. При необходимости в ход шла пластическая хирургия — "Ничего не пожалеем для наших храбрых парней!".

И это еще не все: они заботились, чтобы сотрудница не забеременела во время срока службы, а после увольнения замужество было гарантировано почти на сто процентов. У "ангелочков" сейчас то же самое, они выходят за космонавтов — им легко найти общий язык.

Восемнадцати лет меня определили на должность "помощницы матери-хозяйки". Разумеется, я была нужна как почти дармовая прислуга, но я не возражала — все равно на службу принимали только с двадцати одного года. Я работала по дому и посещала вечернюю школу, говорила, что продолжаю изучать машинопись и стенографию, а на самом деле записалась на курс "Обаяние" — чтобы повысить шансы на вступление в корпус.

А потом я встретила этого мошенника. Сотенными бумажками карман у него был просто набит.— Мать-Одиночка скривился.— Я говорю буквально: как-то он показал мне толстенную пачку сотенных и сказал: бери, мол, сколько надо. А я не взяла, потому что он мне понравился. Это был первый мужчина, который был со мною ласков и притом не пытался стянуть с меня трусики. Чтобы чаще с ним встречаться, я бросила вечернюю школу. И это были самые счастливые дни моей жизни!.. Ну а потом... Однажды ночью, в парке, я и сняла трусики.

Он умолк.

— И что потом? — осторожно спросил я.

— И потом *ничего*! Больше я его не видела. Он проводил меня домой, сказал, что любит, поцеловал на про-

щание... и больше не появлялся.— Мать-Одиночка помрачнел.— Если б нашел — ей-богу, убил бы мерзавца!

— Да,— с сочувствием сказал я,— я хорошо представляю, каково тебе было. Но убивать его... В общем дело-то житейское, естественное. Хм-м... ты ему сопротивля...лся?

— А?.. При чем здесь это?

— Очень даже при чем. Может быть, он и заслуживает, чтобы ему сломали одно-два ребра — за то, что он тебя бросил, но...

— Он заслуживает, чтобы ему все кости переломали! Погоди вот, сейчас расскажу. Короче, никто не узнал, а я решила, что все к лучшему. Я его не любила по-настоящему и, думаю, никого уже не полюблю. А после этой истории я еще больше захотела вступить в ДЕВКИ-КИСКИ; девственность там была не обязательна, хотя и желательна, так что я не особо расстроилась. Но скоро юбки стали мне жать.

— Забеременела?

— И еще как! Мои скряги делали вид, что ничего не замечают, пока я могла работать, а потом вышвырнули, и обратно в приют меня уже не взяли. И я приземлилась в палате благотворительной больницы и таскала горшки, пока мне не пришло время рожать. И в один прекрасный вечер уснула на столе — "расслабьтесь и глубоко дышите: раз, два..." — а проснулась в кровати, и ниже груди у меня была точно сплошная деревяшка. Тут входит мой хирург и весело так, сволочь, спрашивает: "Ну-с, как мы себя чувствуем?"

"Как египетская мумия",— говорю.

"Естественно: вы в бинтах, действительно, не хуже мумии, и нашпигованы лекарствами, чтобы не болело. Все будет в норме, но кесарево — это вам не заусеницу обрезать".

"Кесарево?! Док... мой ребенок погиб?!"

"О, нет. С ним все прекрасно".

"Фу. Мальчик, девочка?"

"Девочка, здоровая крепкая девочка. Пять фунтов и три унции".

Тут я маленько расслабилась: родить ребенка — это, скажу тебе, кое-что значит. Ну, думаю, как-нибудь устроюсь: перееду, назовусь "миссис", а малышка пусть думает, что папочка помер. *Моя* дочь в приюте не окажется!

Но хирург еще не все сказал, оказывается.

"Скажите,— говорит,— э-э... — Гляжу, замялся и по имени меня не назвал.— Скажите, у вас никогда не было проблем с железами внутренней секреции? Ничего странного?"

"А? — спрашиваю.— Ничего конечно. Куда это вы клоните?"

Он помялся, помялся...

"Ладно,— говорит,— вывалю на вас все разом, а потом сделаю укольчик; поспите — придете в себя. Это вам понадобится".

"В чем дело?"

"Приходилось вам слышать о шотландском враче, который до тридцати пяти лет был женщиной, а потом его прооперировали, и он стал мужчиной — с юридической и медицинской точки зрения? Он даже женился, и все было в порядке".

"А при чем здесь я?"

"Вот я же и говорю — вы теперь мужчина".

Я попыталась сесть в постели.

"ЧТО?!!"

"Ну только не волнуйтесь. В общем, вскрыл я полость, смотрю — просто черт ногу сломит. Велел позвать главного, а сам пока извлек ребенка; потом устроили прямо у стола консилиум, все обсудили и принялись за дело. Несколько часов возились, старались спасти что можно. У вас оказалось два полных набора половых органов, оба недоразвиты, хотя женские созрели достаточно, чтобы вы забеременели. Но это их доконало, больше они бы вам не пригодились — вот мы их и убрали и сделали так, что теперь вы сможете развиться в настоящего мужчину.— Тут он меня осторожненько так похлопывает по плечу, утешает: — Не беспокойтесь. Вы молоды, скелет перестроится, за железами вашими мы посмотрим, гормончиков подкинем — и сделаем из вас парня на заглядение".

А я заревела.

"А как же,— плачу,— моя девочка?"

"Ну, кормить ее вы все равно не можете — у вас молока и для котенка не хватит. На вашем месте я бы не стал даже смотреть на нее, чтобы не мучиться, а отдал бы на удочерение..."

"НЕТ!.."

Он плечами пожал.

"Нет так нет, дело ваше. Вы мать... то есть, родитель. Но пока не думайте об этом — сперва вас на ноги поставим..."

Назавтра выносят мне девочку, показывают, и каждый день так: я к ней хотела привыкнуть. До того я детей никогда не видел...ла и не представляла, как они жутко выглядят. Моя дочка походила на оранжевую мартышку. Но я твердо решила... решил, что не брошу ее, а воспитаю и все такое. Только четыре недели спустя это уже ничего не значило.

— То есть?

— Ее украли.

— Украли?

Мать-Одиночка чуть не сбил со стойки бутылку, на которую мы поспорили.

— Похитили! Украли прямо из больничных ясель! — Он тяжело дышал.— Как это называется — отнять у человека последнее, ради чего он живет?!

— Скверное дело,— согласился я.— На, выпей еще. Так что, и никаких следов?

— Ничего, что могло бы помочь полиции. Пришел человек, назвался ее дядей, нянька отвернулась на минутку, а он схватил ребенка и был таков.

— Она его лицо запомнила?

— Человек как человек, лицо как лицо — запросто спутаешь с тобой или со мной.— Он нахмурился.— Я-то думаю, это был сам папаша, который меня бросил. Нянька, правда, клянется, что он гораздо старше, но он, наверно, загримировался. Кто еще стал бы красть моего ребенка? Бездетные матери, бывает, устраивают такие штуки. Но чтобы мужчина?..

— А с тобой что было?

— Со мной... Ничего. Еще одиннадцать месяцев в этой больничной дыре, три операции. Через четыре месяца у меня начала расти борода; перед выпиской я уже брился ежедневно и больше не сомневался, что я — мужчина.— Он криво ухмыльнулся.— Я даже начал пялиться на груди медсестер...

— Ну,— заметил я,— по-моему, все обошлось. Ты нормальный мужик, хорошо зарабатываешь, особых проблем вроде у тебя нет. А у женщин, знаешь, жизнь непростая.

Он сердито уставился на меня.

— Ты-то много об этом знаешь!

— А что?

— Слыхал такое выражение — "погибшая женщина"?

— М-мм... да, но уже много лет назад. Сейчас это ничего не значит.

— Так вот, этот мерзавец меня действительно погубил. Я был самой погибшей из всех женщин: ведь я и женщиной-то быть перестал... а мужчиной быть не умел.

— Наверно, действительно нужна привычка.

— Ты и представить не можешь. Я не говорю о привычке к новой одежде или о том, чтобы отвыкнуть заходить в женский туалет; всему этому я научился еще в больнице. А вот как *жить*? Чем зарабатывать? Какую работу я мог найти? Черт, я ведь даже машину водить не умел! У меня не было профессии, а к неквалифицированному физическому труду я был негоден — слишком много шрамов и соединительной ткани, я бы не выдержал.

Я ненавидел его и за то, что из-за него я не попал в Корпус... но *как* я его ненавидел, я понял только когда попробовал записаться в Военно-Космические силы. Один взгляд на мой живот — и все: "к военной службе негоден". Медик из комиссии потратил на меня полчаса из чистого любопытства — он где-то читал отчет о моем случае.

Так вот, я изменил имя и переехал в Нью-Йорк. Сначала работал младшим поваром — жарил картошку; потом купил пишущую машинку и попробовал зарабатывать машинописью и стенографией — один смех! За четыре месяца я перепечатал четыре письма и одну рукопись. Рукопись предназначалась для "Жизни, как она есть". Чистой воды перевод бумаги — но ведь напечатали же ее! Это и навело меня на мысль; я купил целую пачку журналов, где публикуются все эти "исповеди", и проштудировал ее.— Он скривился.— Ну вот, теперь тебе ясно, откуда у меня подлинно женский взгляд на жизнь матери-одиночки... хотя единственный вариант истории, который я не написал,— это подлинный. Так как, бутылка моя?

Я подвинул бутылку к нему. Его рассказ выбил из колеи и меня, но работа есть работа.

— Сынок,— промолвил я,— ты все еще хочешь встретить того типа?

Его глаза загорелись хищным огнем.

— Тихо-тихо,— придержал я его.— Ты ведь его не убьешь, а?

Он нехорошо усмехнулся:

— Проверь.

— Главное — спокойно. Видишь ли, я знаю об этой истории больше, чем ты думаешь. Я могу тебе помочь. Я знаю, где его искать.

Он дернулся через стойку.

— *Где он?!*

— Сначала отпусти мою рубашку,— мягко сказал я,— не то ненароком вылетишь на улицу, а полицейским скажем, что это просто обморок.— Я показал ему дубинку.

Он отпустил меня.

— Извини. Но все-таки где он? — Он пристально взглянул на меня.— И откуда тебе столько известно?

— Всему свое время. Существуют записи — в архивах больницы, приюта, и все такое. Матрону в вашем приюте звали миссис Феверидж — так? Когда ты был девочкой, тебя звали Джейн — так? И ты мне ничего этого не говорил — так?

Это его озадачило и слегка напугало.

— Что все это значит? Ты хочешь сделать мне какую-нибудь гадость?

— Ни в коем случае. Я искренне хочу тебе добра. И этого типа могу выдать тебе прямо на руки. Поступай с ним как знаешь — и я гарантирую, что тебе все сойдет с рук. Не думаю, правда, что ты его убьешь. Тебе надо быть психом, чтобы убить его, а ты не псих. Не совсем псих, во всяком случае.

Он отмахнулся.

— Ближе к делу. *Где он?*

Я плеснул ему немного виски; он уже изрядно набрался, но злость его поддерживала в бодром состоянии.

— Не спеши так. Давай договоримся: я — тебе, ты — мне.

— Э-э... что?

— Ты не любишь свою работу. Ну а что ты скажешь, если я предложу постоянную высокооплачиваемую работу с неограниченными накладными и представительскими расходами, причем ты будешь, в общем, сам себе хозяин и не станешь чувствовать недостатка в разнообразии и приключениях?

Он вытаращился на меня.

— Скажу: "Убери своего чертова оленя с моей крыши, дед, Рождество еще далеко!" Брось, Папаша — не бывает такой работы.

— Ладно, договоримся так: я тебе его нахожу, ты с ним разбираешься, а затем пробуешь мою работу. Если я соврал и она не такая, как я описал,— что ж, держать не стану.

У него уже немного начал заплетаться язык — подействовала последняя порция.

— Когда т' его д'ставишь? — спросил он.

— Если ты согласен на мое предложение — *прямо сейчас*!

Он протянул руку.

— Согласен!

Я кивнул помощнику, чтобы тот пока присматривал за баром, отметил время (23.00) и уже нагнулся, чтобы пролезть под стойкой, но тут музыкальный ящик грянул: "Я сам себе был дедом!.." Я сам заказал зарядить проигрыватель только старой американской музыкой, поскольку не в состоянии был переваривать то, что считалось "музыкой" в 1970 году. Но я понятия не имел, что там есть и эта пластинка.

— Выключи это! И верни клиенту деньги! — рявкнул я и добавил: — Я на склад, на минуту.

И мы с Матерью-Одиночкой пошли на склад. Он у меня находится в конце коридора, напротив туалетов, за железной дверью, ключ от которой есть только у меня и у моего дневного менеджера; а со склада еще одна дверь ведет в комнату, ключ от которой есть только у меня. Туда мы и вошли.

Он пьяно оглядел стены без окон.

— И-игде он?

— Секундочку.

Я открыл чемоданчик — единственный предмет в комнате; а в чемоданчике помещался портативный преобразователь координат ТК США, выпуск 1992 года, модель 2. Любо-дорого посмотреть: никаких движущихся частей, вес при полном заряде 23 кг, оформлен под обыкновенный "дипломат". Я настроил его заранее, самым точным образом, и оставалось только раскрыть металлическую сеть, которая ограничивает область действия преобразующего поля. Что я и сделал.

— Что это? — озадаченно спросил он.

— Машина времени,— объяснил я, набрасывая сеть на нас.

— Эй! — крикнул он, отступая на шаг.

Тут нужен расчет: сеть надо бросить так, чтобы объ-

ект при инстинктивном движении наступил на нее; остается задернуть сеть, внутри которой находитесь вы оба,— не то можно запросто оставить в покидаемом времени подметки, а то и кусок ноги или, наоборот, прихватить с собой кусок пола. Но этим вся хитрость в обращении с преобразователем и заканчивается. Некоторые агенты просто заманивают объект в сеть; я предпочитаю сказать правду и, воспользовавшись затем мигом удивления, нажать выключатель.

Что я и сделал.

10.30 — V — 3 апреля 1963 — Кливленд, Огайо-Апекс-Билдинг.

— Эй! — повторил он.— Сними с меня эту дрянь сейчас же!

— Извини,— покладисто сказал я, снял сеть, сложил ее, убрал в чемоданчик и закрыл его.— Но ты же сказал, что хочешь его встретить.

— Но... ты сказал, что это машина времени!

Я указал на окно.

— Это похоже на ноябрь? Или вообще на Нью-Йорк?

Пока он таращился на молодые почки и весеннюю погоду, я вновь открыл чемоданчик, вынул пачку стодолларовых билетов и проверил, чтобы номера и подписи соответствовали деньгам, имевшим хождение в 1963 году. Темпоральное Бюро не волнует, сколько ты тратишь (ему-то это ничего не стоит), но излишних анахронизмов оно не любит. Слишком много ошибок — и трибунал сошлет тебя на год в какое-нибудь особенно мерзкое время, скажем, в 1974-й, с ограниченными пайками и принудительным трудом. Ну да я таких ошибок не делаю. Деньги были в порядке. Он обернулся и спросил:

— Что это было?

— Он здесь. Иди и найди его. Это тебе на расходы,— я сунул ему деньги и добавил: — Разберешься с ним, потом я тебя заберу.

Стодолларовые купюры гипнотически действуют на человека, который не привык их видеть. Он, не веря своим глазам, крутил пачку в руках, а я выставил его в коридор и запер дверь. Следующий прыжок был совсем легким — только во времени, причем недалеко.

17.00 — V — 10 марта 1964 — Кливленд, Огайо-Апекс-Билдинг. Под дверью белела бумажка, извещавшая, что срок аренды помещения истекает на следующей неделе; в остальном комната выглядела так же, как и

мгновение назад. Деревья за окном были еще голыми, лежал снег; я задержался только чтобы проверить свои деньги и надеть пиджак, шляпу и плащ, которые я оставил в комнате, когда снимал ее. Затем я взял напрокат машину и поехал в больницу. Двадцати минут болтовни хватило, чтобы надоесть дежурной сестре в яслях так, что она отошла и я смог без помех унести ребенка. С ним я поехал обратно, в Апекс-Билдинг. На этот раз с настройкой пришлось повозиться чуть дольше — в 1945 году это здание еще не построили. Но у меня все было рассчитано заранее.

01.00 — V — 20 сентября 1945 — мотель "Кливленд-Скайвью". Я с ребенком и преобразователем прибыл в загородный мотель. Я заранее снял здесь комнату, зарегистрировавшись как "Грегори Джонсон, Уоррен, Огайо", так что мы оказались в комнате с задернутыми шторами, запертыми окнами и дверями на засове; все отодвинуто, чтобы очистить место на случай возможного отклонения. Оказавшийся не на месте стул запросто может наградить вас здоровенным синяком — то есть, конечно, не сам стул, а вызванный им люфт преобразующего поля.

Разумеется, все прошло благополучно. Джейн крепко спала, я вынес ее на улицу и пристроил в коробке из бакалейного магазина на сиденье заранее взятой машины. Затем отвез ее к приюту, положил перед дверью, отъехал на два квартала, до "станции обслуживания" (в которой, напомню, тогда продавались нефтепродукты вроде бензина, масел и прочего), позвонил в приют, вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как коробку с Джейн вносят внутрь, но не остановился, а доехал до мотеля, бросил там машину, вернулся в номер и прыгнул вперед, в Апекс-Билдинг, в 1963 год.

22.00 — V — 24 апреля 1963 — Кливленд, Огайо-Апекс-Билдинг. Я прибыл почти точно — а точность попадания зависит от дальности прыжка, кроме возвращения в исходную точку. Если я верно рассчитал, Джейн как раз в этот момент в парке душистой весенней ночью обнаруживает, что она все же не такая "добронравная", как думала раньше.

Я взял такси, доехал до дома, где жили те скряги, велел водителю ждать за углом, а сам спрятался в тени напротив дома.

Скоро показалась моя парочка — не спеша, в обнимочку шли по улице. Он довел ее до самых дверей, на

крыльце подарил ей долгий прощальный поцелуй — куда дольше, чем я представлял. Потом она вошла в дом, он сошел с крыльца и зашагал прочь. Я догнал его, взял под руку.

— Все, сынок,— тихо сказал я.— Я за тобой.

— *Ты!* — Он чуть не задохнулся.

— Я. Ну вот, теперь ты знаешь, кто *он*,— а если подумаешь, сообразишь и кто такой ты... а если подумаешь как следует, поймешь и *кто* у *нее* родится... а заодно — и кто *я* такой.

Он не ответил, слишком уж был потрясен. И правда, кого не потрясет открытие того, что ты, оказывается, не устоял перед искушением соблазнить сам себя?..

Я отвел его в Апекс-Билдинг, и мы снова прыгнули.

23.00 — VII — 12 августа 1985 — подземная база "Скалистые Горы". Я разбудил дежурного сержанта, предъявил свой пропуск, велел сержанту дать новичку успокоительное и уложить спать, а утром направить для поступления на службу. Сержант смотрел на нас кисло, но звание есть звание вне зависимости от эпохи; он выполнил приказ — без сомнения, думая при этом, что в следующий раз полковником может оказаться он, а сержантом — я. Что ж, в нашем Корпусе и такое бывает.

— Как его зовут? — осведомился он.

Я написал. Он вздернул брови.

— Даже так? Хм-м...

— Делайте свое дело, сержант.— Я повернулся к своему спутнику.— Ну, сынок, твои беды позади. Ты поступаешь на лучшую работу, какую только может получить человек, и ты многого в ней добьешься. Я это *знаю*.

— Но...

— Никаких "но". Ложись, а утром соглашайся на эту работу. Она тебе придется по душе.

— Это точно! — кивнул сержант.— Вот посмотри на меня: родился в тысяча девятьсот семнадцатом, а все еще жив-здоров, молод и наслаждаюсь жизнью.

А я вернулся в зал переброски и поставил наводку на нужный момент.

23.01 — V — 7 ноября 1970 — Нью-Йорк — "У Папаши". Я вышел со склада с бутылкой апельсинового ликера "Драмбуи", чтобы она объяснила цель моего минутного отсутствия. Мой помощник спорил с клиентом, который завел "Я сам себе был дедом".

— Да пусть его играет,— сказал я.— Доиграет — выключишь эту штуку.

Я зверски устал.

Дело нелегкое и не всегда приятное, а завербовать человека в последнее время стало весьма нелегко, особенно после Ошибки 1972 года. Можно ли придумать лучший источник кадров, чем люди, у которых все в их времени складывается неудачно? Предлагаешь им хорошо оплачиваемую и очень интересную (пусть и небезопасную порой) работу, да еще и во имя хорошего дела... Сейчас всякий знает, почему не удалась Неудачная война 1963 года: просто не взорвалась бомба, сброшенная на Нью-Йорк, да и многое другое пошло не так, как планировалось,— и все благодаря таким, как я.

А вот с Ошибкой 1972 года вышло не так; то была наша вина, и с этим уже ничего не поделать; парадокса нет, изменить ничего невозможно. Событие, или объект, или человек либо есть, либо его нет, ныне и присно и во веки веков, аминь. Но Ошибка не повторится — приказ от 1992 года гарантирует это, в любом году оставаясь Приказом Номер Один.

Я закрыл заведение на пять минут раньше обычного, а в кассе оставил письмо, в котором сообщал своему дневному менеджеру, что принимаю его предложение о продаже,— пусть зайдет к моему юристу, так как сам я уезжаю на длительный отдых. Может быть, Бюро снимет деньги, которые он заплатит, может, нет — но оно требует, чтобы агенты оставляли свои дела в порядке.

Затем я снова пошел в комнату за складом и проследовал из нее прямо в 1993 год.

22.00 — VII — 12 января 1993 — "Скалистые Горы", Вспомогательный штаб Темпорального Корпуса. Я отметился у дежурного офицера и направился в свою комнату, намереваясь проспать как минимум неделю подряд. Бутылку виски, на которую мы спорили, я взял с собой (выиграл-то все же я) и перед тем как приступить к составлению отчета, плеснул себе немного. Вкус показался мне мерзким — странно, почему это мне всегда нравилось "Старое белье"?.. Но сейчас это лучше чем ничего; я не люблю, когда я трезвый,— тогда я слишком много думаю. Но я и не пью чересчур много: кому мерещатся змеи, а *мне* — люди.

Я надиктовал машинке свой рапорт: сорок человек завербованы и благополучно прошли освидетельствова-

ние Психологической службы. Это считая меня, поскольку я наверняка знал, что пройду комиссию. Ведь я уже тут, верно?.. Потом я напечатал рапорт о переводе на оперативную работу; вербовка у меня уже вот где сидела. Сунул оба рапорта в щель доставки и пошел к кровати.

Мой взгляд упал на "Правила Работы со Временем", висящие над ней:

- Никогда не откладывай на вчера то, что надо было сделать завтра.
- Если у тебя все наконец получилось, не пробуй еще раз.
- Во времени стежок девять миллиардов сбережет.
- На каждый парадокс есть свой парадоктор.
- Думать надо прежде.
- Предки тоже люди.

Сейчас шутливый плакатик уже не воодушевлял меня так, как в мою бытность новичком-рекрутом; тридцать субъективных лет прыжков во времени дают себя знать. Я разделся догола, глянул на свой живот. После кесарева сечения остается шрам, но я теперь так зарос волосами, что не замечаю его, если не вспомню специально.

Потом я посмотрел на кольцо на своем пальце.

Змей, вечно пожирающий свой хвост, знак бесконечности... Я *знаю*, откуда появился *я*,— *но откуда явились все вы, зомби?..*

Начала болеть голова — но порошков от головной боли я не принимаю никогда. Как-то попробовал — и все вы пропали.

Поэтому я лег и свистнул автомату, чтобы тот погасил свет.

Вас на самом деле здесь нет. Здесь нет никого, кроме меня — Джейн — и я один и одна в темноте!

Мне так одиноко без вас!..

Эдвин Табб
НОВЕНЬКИЙ

Сэмми играл сам с собой в костяшки, сидя на Могильном Камне, когда появился вампир. Впрочем, вампиром он был еще никудышным. Сэмми услышал, распознал и отбросил его как возможную опасность задолго до того как незнакомец неуверенно подошел к разведенному Сэмми костерку. Даже когда он наконец притащился и встал рядом, Сэмми демонстративно продолжал игру — с ловкостью, выработанной долгой практикой, он бросал пять кусочков кости.

Сэмми действительно хорошо играл — следствие избытка свободного времени, посвященного упражнениям с костяшками,— и втихую гордился искусством, с которым подбрасывал, ловил и удерживал костяшки. Он закончил игру, высоко подкинув бабки и поймав их на тыльную сторону ладони. Руки у него были широкие, похожие на лопаты, с короткими и крепкими, как толстые узловатые корни, пальцами, толстыми и необычайно прочными ногтями, сильными мышцами.

— Недурно, а?

Сэмми снова подбросил костяшки, дал им прокатиться по тыльной стороне ладони и ловко поймал, зажав между пальцев. Поднял глаза и ухмыльнулся незнакомцу.

— Что?

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

Вампир — бледный растерянный парень — явно чувствовал себя не в своей тарелке. Он был в выцветшей рубахе и брюках цвета хаки, в траченных плесенью ботинках и в совершенной растерянности.

— Что вы сказали?

— Я сказал: "Недурно, а?" — Сэмми снова любовно покатал костяшки между ладоней.— Держу пари, тебе с ними так не управиться.

— Пожалуй, не управиться,— признал незнакомец и облизнул губы кончиком языка.— Можно я тут пристроюсь?

— Валяй,— Сэмми кивком указал на местечко напротив, по ту сторону костра.— Буду рад обществу...

Он еще раз покатал бабки и угрюмо уставился в огонь.

Незнакомец тоже смотрел на костер. Похоже, его что-то беспокоило: пару раз он собирался заговорить и в последний миг сдерживал себя. Он покосился на Сэмми, но костерок почти погас, света было мало, и он мог разглядеть лишь неясные очертания. Наконец новичок прокашлялся и приступил к волновавшему его предмету.

— Послушайте,— начал он,— меня зовут Смит, Эдвард Смит, и я, похоже, попал в какую-то странную историю. У меня трудности... Вы мне не поможете?

— У каждого из нас есть свои трудности,— заметил Сэмми.— Что там у тебя?

— Ну,— начал Смит,— со мной случилось что-то странное.— Он неуверенно провел рукой по лбу.— Может быть, вам это покажется бредом, но я и правда живу словно в каком-то дурном сне.

— Выкладывай,— Сэмми заинтересовался. Он рассеянно сунул костяшки в карман своей поношенной драной куртки.— И что навело тебя на такую мысль?

— Да всё,— Смит нахмурился, пытаясь собраться с мыслями.— Я болел; помню, как дядюшка орал про счет от врача,— медицина, мол, подорожала, а он со сбором урожая не справляется, потому что я не могу ему помочь, и ему придется нанимать работника, а кто платить будет? — Смит со свистом втянул воздух.

Сэмми кивнул, между делом ковыряя в зубах.

— Так.

— Я не просто болел — мне правда было здорово погано,— внес поправку Смит.— Я бы, наверное, помер, если бы не этот плешивый доктор, которого дядюшка

где-то откопал. Он, видно, особо не запрашивал, не то мне бы его не видать. А пах он — ну как если бы попал под дождь и толком не высох.

— А пришел он только с наступлением темноты,— отметил Сэмми.— Верно?

— Откуда вы знаете? — Смит изумленно заморгал.— Вы что, знакомы с ним?

— Я мог и угадать,— ответил Сэмми и снова занялся своими зубами.— Что дальше?

— Не знаю...— Смит, похоже, был здорово озадачен.— Я, наверно, совсем отключился, потому что следующее, что я помню,— это какая-то яма или нора на склоне холма, в которой я как-то оказался. У меня было что-то вроде судорог, и я звал на помощь. Но, похоже, меня никто не слышал, потому что никто не появился, чтобы узнать, в чем дело.— Он снова наморщил лоб.— Да, и вот еще что: когда я в конце концов сумел выкарабкаться из этой ямы и огляделся, то вокруг ничего не было. Фермы нет, дорога заросла... все изменилось.

Он потряс головой и уныло уставился в огонь.

— Короче, я или сплю, или тронулся. Стал психом.

— Тронулся — возможно,— кивнул Сэмми,— тут я спорить не могу, поскольку слишком мало тебя знаю. Но ты не спишь, это уж точно.

— Нет, все-таки сплю, наверное, — упорствовал Смит, которому, похоже, не по вкусу пришлась мысль о сумасшествии.— Все это какой-то идиотский запутанный сон...

Сэмми не спорил. Он просто протянул руку и не слишком сильно ущипнул Смита за ногу. Смит вскрикнул и повалился на бок, схватившись за травмированное бедро и скуля от боли.

— Ну так что, все еще считаешь, что ты спишь? — спросил Сэмми любезно.

— Нет,— испуганно согласился Смит.— Но раз я не сплю, значит, я псих. Просто несчастный человек, у которого мозги свихнулись...

— Ничего не знаю про твои мозги. Может, и свихнулись. Но то, что ты не человек, знаю наверняка,— сказал Сэмми. Смит вскинул голову.

— Не человек? — голос его слегка изменился.— Тогда кто я такой?

— Вампир.

— Кто?!

— Вампир.

— Ну, теперь я знаю, кто тут сумасшедший.— Смит даже забыл о своей ноге.— Эту чушь оставь для девчонок. Бред, предрассудки! Бабушкины сказки! Бред собачий!

Сэмми пожал плечами.

— Конечно бред,— продолжал настаивать Смит. Затем он замолчал и некоторое время размышлял.

— Хорошо,— сказал он наконец,— пускай я вампир.— Он наклонился к Сэмми с торжествующим блеском в глазах.— Но раз я вампир, то как насчет вас, а? Вы-то...

— Я вурдалак*,— просто сказал Сэмми и подкинул в костер немного хвороста, прижмурившись в неожиданно ярком свете.

— Убедился?

Пламя опало, и Смит рефлекторно произвел сосательный звук.

— Н-не знаю...— То, что Смит увидел, потрясло его.— Вы или самый уродливый человек из всех, кого я видел, или вовсе не человек.

— Я вовсе не человек,— терпеливо кивнул Сэмми.— Я ведь уже сказал. Я — вурдалак.

— Невероятно! — Смит потряс головой.— Просто не могу поверить.

Сэмми хмыкнул и откинулся на спину. Его уши шевельнулись — он прислушивался к звукам. Довольно далеко в лесу кто-то шел.

— Я совсем не хочу сказать, что вы лжете,— поспешно добавил Смит.— Вовсе нет, просто все это какое-то безумие...— Он снова потряс головой, словно она его беспокоила.— И потом, вот что еще: я прошел довольно много миль и, не заметь я ваш костер, бродил бы всю ночь. И я никого не видел и не слышал. Даже собаки. Где все?

— Да кто где...— ответил Сэмми. Вдруг он понял, о чем говорит Смит.— А, да ты о людях!

Он ткнул пальцем в поросшую травой плиту Могильного Камня под ними.

— Они, я думаю, на глубине около полумили.

— Что, все?

---

* Словом "вурдалак" переведен не имеющий точного русского соответствия термин "ghoul" — "живой мертвец", поедающий трупы и живых людей. В славянской традиции "вурдалак" — то же, что вампир (упырь), и поэтому в стихотворении А. С. Пушкина "Вурдалак" ошибка.

— Все, кто остался. По крайней мере в этой части света. Не знаю, что там делается по ту сторону океана...— Он посмотрел в потрясенное лицо молодого вампира.— А ты что, не знал?

— Нет,— Смит часто и неглубоко дышал.— А что случилось?

— Большой Взрыв,— Сэмми состроил гримасу.— Все знали, что это может случиться, говорили, что не хотят, чтобы оно случилось, и тем не менее довели до него.— В раздумье Сэмми сузил глаза.— Слушай, тебя когда похоронили?

— Я... заболел в 1960 году,— ответил Смит, уходя от прямого ответа. Сэмми вытянул губы, словно собираясь свистнуть.

— М-мм... все сходится. Бабахнуло года через два после этого, и, смею заверить, они постарались. Во всяком случае они сработали лучше, чем твой бальзамировщик, не то тебя бы тут не было.

— Бальзамировщик? — Смит был растерян.— Боюсь, я не совсем понял. Вы уверены, что знаете, о чем говорите?

— Слушай,— оборвал его Сэмми, которого это уже начало раздражать.— Я, возможно, выгляжу несколько странно, для тебя по крайней мере. Но я не дурак. Я читаю на пятнадцати языках, говорю еще на двадцати и в свое время учился в колледже. Безвылазно там сидел, пока мне не пришлось уйти.

— Почему?

— Это был медицинский колледж,— коротко ответил Сэмми.— Так вот, я это к тому, что знаю, что с тобой было. Если бы бальзамировщик сделал свое дело как следует, ты бы помер по-настоящему. Тебе повезло еще больше: твои родственники, видно, решили сэкономить на похоронах и зарыли тебя кое-как. Не то твою могилу не размыло бы вовремя.

— Да, дядюшка Сайлас всегда был порядочным скупердяем,— признал Смит.— И воображал себя мастером плотницкого дела...— Он помолчал, раздумывая.— Выходит, это все правда! — Смит захихикал.— Я — вампир! Ничего себе!

Внезапно какая-то мысль согнала улыбку с его лица.

— Стойте! Ведь раз вы вурдалак... (он сглотнул)... Я хочу сказать, вурдалаки ведь питаются... ну, в общем, это правда?

— Оставим это,— отмахнулся Сэмми.— У нас — Джентльменское Соглашение. Мы друг друга не трогаем.

— Ага,— Смит вытер лоб.— Ну, вы меня успокоили. Я, признаться, перетрусил.

Сэмми не ответил — он внимательно вслушивался в то, как кто-то крадется к ним. Смит — шаги теперь приблизились настолько, что даже его пока еще нечуткое ухо уловило их,— напряженно замер.

— Что это там?

— Можешь расслабиться,— ответил Сэмми, первым подавая пример.— Всего лишь один из наших.

— Кто? — Смит, похоже, волновался.

— Кто? — Сэмми ухмыльнулся.— Ну, скорее всего,— объяснил он неторопливо,— скорее всего это твой папочка. Как я думаю.— Сэмми всегда был шутником.

Борис был вампиром старой школы и свято блюл традиции. Высокий, худой, мертвенно-бледный, он появился из леса по всем правилам. Черный плащ вился вокруг него, монокль в глазу сверкал мрачноватым отраженным светом. Борис уселся у костра и, протянув к огню бледные, почти прозрачные руки, кивнул в сторону Смита:

— Кто этот новенький?

Сэмми хохотнул. Он видел выражение на лице Смита и теперь с нетерпением ждал развития сюжета.

— А я вас знаю,— неожиданно бухнул Смит.— Вы доктор, лечили меня.

— Точно,— кивнул Сэмми.— Борис, позволь представить тебе твоего сына. Смит, познакомься с папочкой.

— Никакой он мне не отец,— возразил Смит.— Да мой старик помер давно. Погиб в автокатастрофе.

— Борис — твой новый отец, для твоего второго рождения,— объяснил Сэмми.— Он тебя заразил, когда воспользовался твоей кровью. Если бы не Борис, тебя бы тут не было, так что он в определенном смысле приходится тебе отцом.— Сэмми посерьезнел.— Это ведь единственный способ размножения вампиров. Существование вашей расы зависит от ваших жертв...

— А как насчет вурдалаков? — задал практический вопрос Смит.— Как они размножаются?

— Как люди,— коротко ответил Сэмми. Он не хотел развивать эту тему. Борис, похоже, тоже был не в настроении говорить о своем новоявленном отпрыске.

— Люпус уже здесь? — Бориса слегка знобило, он пододвинулся поближе к огню. Сэмми покачал головой.

— Вот-вот должен появиться.

— Надеюсь, в этот раз повезет больше.— Борис задумчиво пососал бескровную губу.— Ждем уже семь лет, и до сих пор никакого намека на то, что они собираются выходить.

Ему вдруг пришла в голову страшная мысль.

— А что, если они уже все умерли?

— Люпус в тот раз говорил, что расслышал что-то,— напомнил Сэмми.— И они наверняка хорошо позаботились о припасах.

— Но могло что-нибудь случиться.— Борис был пессимист от природы.— Может, что-то случилось с запасами воды или они прихватили с собой какой-нибудь микроб и он их уничтожил...— с этими словами он помрачнел еще больше и принялся кусать ногти.— А они здесь — единственные, о которых мы знаем.

— Не паникуй.— Сэмми и сам, кажется, заразился сомнениями Бориса.— Они выживут, я уверен...

Чтобы переменить тему, он спросил:

— Скажи лучше, что нового?

— Ничего.— Борис еще ближе наклонился к огню, его вечерний костюм, запятнанный грязью, но все еще сохранявший традиционную чопорность, придавал ему вид старого, слегка побитого молью аристократа.— Я был сегодня дальше обычного и никого не видел. Мы, наверное, последние, Сэмми,— ты, я и Люпус, да и нас ненадолго хватит, если они не выйдут из-под Камня в самое ближайшее время.

— Ты забыл меня сосчитать, папаша,— вмешался Смит.— Я теперь один из вас.— Он ухмыльнулся, увидев, как изменилось лицо Бориса.— В чем дело, папочка? Задел твою любимую мозоль?

— Я не привык, чтобы меня называли папашей или папочкой,— ответил Борис со скромным достоинством.— И не воображай, пожалуйста, что ты представляешь собой нечто особенное. Было время, когда такие щенята шли по пенни за дюжину. А хлопот с ними было!.. Жизнь из-за них была довольно суматошной.

— Это все потому, что вы плохо организованы,— бесцеремонно заявил Смит.— Вот я, например, человек современный и знаю, как делаются дела в современном мире. Чтобы чего-то добиться, надо прежде всего орга-

низоваться.— Смит с пренебрежением оглядел костюм Бориса.— А теперь возьмем тебя: один к одному граф из Старого Света, который играет эпизодическую роль в дрянном фильме.

— Между прочим, я действительно граф,— уязвленно сказал Борис.

— Был им — возможно,— легкомысленно отмахнулся Смит,— только кому теперь нужны графы? В наши дни главное — вид. Одевайся, как богач, говори, как богач — и станешь богачом, так-то, братец,— он самодовольно улыбнулся.— Поверь, уж я-то знаю.

— Богач... К чему теперь деньги? — заметил из темноты Сэмми.— На них ничего не купишь в наши дни.

— Ничего, скоро все изменится,— Смит говорил с уверенностью знатока людской породы.— И кто поумнее, тот сядет в лифт уже на первом этаже, иначе может не хватить места.

Борис с отвращением фыркнул; это был тихий старый вампир, уверенный в том, что лучшая политика — это держаться самому по себе и не наживать врагов. Эта политика ни разу еще не подводила его в прошлом, и он не считал появление какого-то нахального юнца, который-де лучше знает, достаточной причиной для того, чтобы отказаться от нее. Он уже предвкушал, как сейчас пункт за пунктом разобьет утверждения этого свежевылупившегося вампира, но Сэмми испортил ему все удовольствие.

— Расскажи лучше парнишке, что ему надо знать,— вмешался он.— В конце концов, ты ему в каком-то смысле задолжал...

— Ничего я ему не должен,— фыркнул старый вампир.— Что он для меня такого сделал?

— Хочешь, чтобы я на это ответил? — Смит рассердился. Не то чтобы он был очень уж недоволен своим новым положением, но сам принцип, сделавший это положение возможным, был ему не по душе. Он твердо верил в свободу предпринимательства и святость собственности, в особенности частной. А Борис ловко украл у него весьма частную, чрезвычайно личную собственность. И он, Смит, ничего не мог тут поделать.

— Да ладно, Борис, расскажи ему,— снова сказал Сэмми.— Ты должен.

— Не нужно мне ничего рассказывать,— заявил Смит, выпятив грудь.— Я достаточно читал и знаю пра-

вила. Я знаю, что надо есть, и знаю, что до рассвета надо успеть вернуться в свою могилу.— Внезапно он испугался.— Моя могила! Черт возьми, мне ж ее и за год не отыскать!

Борис снова фыркнул — презрительно и удовлетворенно.

— Это все для книжек с картинками,— сказал он.— Я имею в виду всю эту чушь насчет необходимости спать в могиле. Нужно просто укрыться от прямых солнечных лучей. Они вызывают фотохимические реакции — можно получить рак кожи... Искусственное же освещение безвредно, но никакого ультрафиолета!

— Правда? — у Смита явно камень с души свалился.— Будут еще советы?

— Разве только уважать старших,— отрезал Борис.— И не быть легкомысленным, не то как раз получишь кол в сердце или пулю в грудь. Причем вовсе не обязательно серебряную пулю.— Борис замолчал, потому что из темноты послышался вой зверя.

— Вот и Люпус,— радостно сказал Сэмми и подбросил в огонь еще веток.

Крупный гладкий пес, похожий на восточноевропейскую овчарку, впрыгнул в круг света, уселся и почти мгновенно превратился в человека. Впрочем, и в человеческом виде Люпус сохранял какие-то трудноуловимые волчьи черты. Он кивком поздоровался с собравшимися.

— Привет! Как делишки?

— Я лично голодаю,— буркнул Борис.

— И я,— Сэмми рыгнул и погладил живот.— Я уже так давно живу только собственными жировыми запасами, что скоро не смогу подкормиться как следует, даже если представится случай — сил не хватит.— Он с надеждой посмотрел на вервольфа.— Есть новости?

— Жена снова ощенилась,— гордо сообщил Люпус.— Три мальчика и две девочки.— Он так и сиял, пока товарищи поздравляли его.— Конечно, дела могли бы идти и лучше, но концы с концами я кое-как свожу,— Люпус поднял ногу и поскреб ею за ухом. Заметив вытаращенные глаза Смита, оборотень спросил:

— Что, новенький?

— Только что вылупился,— кивнул Сэмми.— Работа Бориса.

— Прими мои поздравления,— вежливо сказал Люпус старому вампиру.— Как он, входит в форму?

— Пока вроде все более или менее в норме,— сказал Сэмми осторожно. Борис, видимо, решил поменять неприятную для него тему:

— Еще какие новости?

— Кролики вроде бы расплодились неплохо,— сказал Люпус.

— Кролики! — Бориса передернуло. Сэмми, как зеркало, скопировал его гримасу.— Кролики, может, хороши для тебя, но для нас это не еда. Другие новости есть?

— Да вроде всё...— Вервольф нахмурился.— Было, впрочем, еще что-то, да вот выскочило из головы.— Он махнул рукой.— Ну ничего, если это было что-то важное, я вспомню.— Люпус вернулся к теме, которая явно интересовала его больше, чем что-либо другое.— Хотел бы я, чтобы вы взглянули на моих ребятишек. Такие славные малыши!

— Быстро вы плодитесь,— Сэмми не скрывал зависти.— Не чересчур?

— По-моему, нет,— Люпус почесал другое ухо.— Я как могу сдерживаю темпы, но тут тоже нельзя впадать в крайность. Впрочем, когда люди выйдут на поверхность, нашим бедам придет конец.

— Да уж,— с надеждой сказал Сэмми и причмокнул губами.— Черт возьми, никогда бы не подумал, что можно так скучать по людям!

— И я,— с жаром подхватил Борис.— Да что говорить, было время — я чуму призывал на их головы. Это когда меня было совсем прижали.— Он вздохнул.— А теперь, пожалуй, я бы как-нибудь примирился со старыми добрыми порядками, несмотря на осиновые колья, чеснок, серебряные пули и прочую мерзость. Конечно, двадцатое столетие было для нашего брата поистине золотым веком, но посмотрите, во что это вылилось в конце концов...

Все покивали, даже Смит, соглашаясь, что род человеческий никогда не играл по-честному.

— Когда они выйдут,— задумчиво сказал Сэмми,— придется какое-то время потерпеть. Не налегать, обращаться с ними помягче — словом, дать им расплодиться.

— Конечно,— согласился Люпус.— Сначала создай запасы, а потом можно развязывать спрос. Ну я-то, признаться, не особенно беспокоюсь. Вряд ли они взяли с собой под Могильный Камень собак; а если и взяли, то им наверняка пришлось ограничивать их число. В любом случае они, я думаю, будут рады новой собаке...

Он оскалил зубы, сосредоточился и превратился в красивую псевдоовчарку. Вернувшись в человеческий облик, он ухмылялся.

— Понимаете?

— Люди всегда были помешаны на собаках,— с завистью сказал Борис.— Я все удивляюсь, почему вы попросту не спуститесь туда и не овладеете положением. Или почему не сделали этого с самого начала.

— Зачем? — Люпус, удивленный несообразительностью вампира, покачал головой.— Зачем резать курицу, которая несет золотые яйца? Они со времен средневековья никогда нас не подозревали. Пуще того, многие из них из кожи вон лезли, чтобы мы жили в свое удовольствие.— Он нахмурился.— Когда я думаю о том, сколько наших попало под Большой Взрыв!..

— Мы все под него попали,— Сэмми поддел ногой горящий хворост.

Все кивнули. Смит промолчал: он все еще был не в своей тарелке, и происходящее казалось ему сном. Но каким бы безумным ни представлялось ему окружающее, в безумии этом была своя, пусть и диковинная, логика. Вурдалаки, вампиры и вервольфы были вполне реальны. Возможно, какие-то мутанты, постепенно ставшие совершенно зависимыми от людей. Люпус и его сородичи приспособились лучше прочих, но в конечном счете все они были паразитами. Как и он, впрочем, если разобраться. Смит неожиданно почувствовал, что полностью разделяет тревогу остальных о судьбе тех немногих людей, что укрылись под Могильным Камнем.

Паразит ведь не может существовать без хозяина.

Люпус потянулся, зевнул и поднялся.

— Ладно,— сказал он.— Начну, пожалуй.

Вновь превратившись в зверя, он принялся кружить возле поросшей травой и кустиками потрескавшейся плиты кадмиевого бетона — Могильного Камня. Он держал нос у самой земли, помахивал хвостом и являл собой великолепный образчик породистого пса. Смит поборол в себе желание подозвать Люпуса и потрепать его по загривку.

— Что он делает? — спросил он.

— Проверяет,— ответил Сэмми.— У Люпуса и чутье, и слух, и зрение куда острее наших. Он пробует определить, живы ли еще они там...— Он поднял руку.— Тихо! Смотри...

Люпус оглянулся и нырнул за густой кустарник. Вернулся он уже в человеческом облике.

— По-моему, я что-то уловил,— начал он, еще не подойдя к костру.— У вентилятора запах довольно силен.

— Они выходят? — Сэмми вскочил, бросился навстречу человековолку.— Выходят?

— Не знаю,— Люпус снова изменил облик и принюхался, затем приложил мохнатое ухо к довольно заметной трещине в бетоне, сосредоточившись так, что даже хвост его замер.

— Скоро рассветет,— прошептал Борис. Он вздрогнул и поплотнее запахнул поношенный плащ.— Еще один день в грязи...

— Как вы укрываетесь? — спросил Смит. Он тоже говорил шепотом.— Наверно, ты можешь просто завернуться в плащ? Ты его поэтому носишь?

— Полезная вещь,— ответил Борис туманно. Он с явной неприязнью взглянул на молодого вампира.— Слушай,— предупредил он,— не воображай, что раз я причастен к твоему рождению, то должен пеленки за тобой менять. Жизнь и без того не сахар.

— Я в твоих заботах не нуждаюсь! — Смит метнул на Бориса ничуть не более любезный взгляд.— Насколько я могу судить, ты просто старомодная рухлядь. Вырядился в свой допотопный плащ и шляется тут, изображает дурацкого графа. Взял бы да и приспособил пластиковый чехол для машины. Днем ставишь его, как палатку, а ночью свернул потуже — и носи.

— Умник нашелся,— насмешливо хмыкнул Борис.— Вот так всегда с вами, щенками: думаете, что вы умнее старших. Как бы я, по-твоему, выглядел с этой твоей палаткой за плечами? Пора тебе усвоить, что камуфляж для нас — главное. Мы ошибаемся один раз... Ошибешься — и...— Борис жестом изобразил вбиваемый кол.— Такое бывало, и не раз.

— В комиксах,— согласился Смит.— Но в наши-то дни кто верит в вампиров?

— Правильно, никто,— кивнул Борис и растянул тонкие губы.— А почему? Маскировка! Конечно, в таких, как Сэмми, люди не верят, но сколько времени бы им понадобилось, чтобы того же Сэмми вычислить?.. И даже если тебя сочтут за обыкновенного сумасшедшего и запрут в желтый дом — что тогда? Тебя, конечно, никто не станет кормить тем, что тебе необходимо. А держать взаперти

будут долго. И не сомневайся, ты там попросту умрешь.— Его передернуло.— Так было с моим другом.

— Все потому, что вы старомодны,— Смит обращался теперь к Сэмми.— Ты-то это видишь? Ты же хорошо образован, и...

— Умолкни,— перебил Сэмми. Он нервничал, как всегда к концу очередной инспекции Люпуса. Голод огнем горел в его желудке, нервы натянулись как струны. Он снова поднялся, не находя себе места, и подошел к вервольфу, который все еще обнюхивал землю.

— Пока живы,— объявил Люпус. Он опять изменил форму и стоял теперь перед ними, весь в поту, грудь ходит ходуном.— Ну и умаялся же я!

— Да ты садись,— Сэмми повернулся и пошел к огню. Он-то знал, каких сил стоили Люпусу его превращения. Вервольф рухнул у костра и устало сгорбился.

— Я их учуял,— проговорил он наконец.— Запах стал гораздо сильнее. По-моему, они решили выбираться наружу.

— Выбираться? — В глазах старого вампира сверкнула надежда.— В самом деле? Ты не ошибся, Люпус?

— Думаю, не ошибся.— Люпус расслабился.— Судя по звукам, они сейчас поднимают наверх тяжелое оборудование. Может быть, у них засыпало один из тоннелей и они расчищают завал. Или не знают наверняка, какие наверху условия, и не хотят рисковать.— Он хмыкнул.— Во всяком случае, пока они живы и, надеюсь, здоровы.

Компания обменялась ухмылками.

— Послушайте,— глубокомысленно сказал Смит,— тут нужно все хорошенько продумать.— Он подбросил в огонь еще одну ветку.— Очень тщательно продумать.

— Ты о чем? — Сэмми не отводил глаз от огня. Люпус уже исчез; малость отдохнув, он снова принял удобную для бега форму зверя и умчался к жене и отпрыскам. В этот раз уход Люпуса особенно сильно подействовал на Сэмми. Как, должно быть, хорошо иметь возможность пойти домой, к ожидающей тебя семье!..

— Ну,— сказал Смит,— если Люпус знает что говорит, то люди собираются выйти. А когда они в конце концов выйдут, мы должны будем как-то вступить с ними в контакт, верно?

— Ну, верно...— Сэмми пытался подавить приступ голода, всегда одолевавший его при мысли о всех этих

людях, живших и умиравших в подземных галереях. Как-то он даже пытался прокопаться туда, но вскоре отчаялся. Это было в особенно тяжелые времена.

— А кто станет вступать в этот контакт? — Смит оглядел Сэмми.— Ты?

— А почему бы и нет? — вступился за друга Борис.

— Почему нет? — Смит пожал плечами.— А ты взгляни на него.

— Сэмми и раньше не раз имел дело с людьми...

— В прежние времена — возможно. Но тогда и без него уродов хватало. И прежние времена прошли.

— Не надо переходить на личности,— буркнул Сэмми.— Лучше выкладывай, что у тебя на уме.

— Я — человек современный,— ответил Смит.— Во всяком случае, был современным человеком и знаю, как они думают. Люди там, внизу, знают, что поверхность здорово обожгло радиацией. Если они увидят Сэмми, они примут его за мутанта или что-нибудь в этом роде. Внизу они, конечно, позаботились о своей наследственности и ни за что не потерпят возле себя мутантов. Так что они его пристрелят и все дела.— Смит развел руками.— Вы ведь не станете с этим спорить? Разве Сэмми похож на человека?

— Валяй дальше,— Сэмми сжал зубы, впервые почувствовав ненависть к Смиту. Зеленый новичок!

— Значит, Сэмми отпадает,— продолжал Смит. Было ясно, что он успел кое-что прикинуть.— Остаемся мы с Борисом.— Он пожал плечами.— Вряд ли надо говорить, что Бориса тоже считать не стоит.

— Это почему же? — оскорбился ветеран.

— Да потому, что и ты с виду урод, вот почему.— Смит был беспардонно прямолинеен.— Надо смотреть правде в глаза. Никто из вас, друзья, и начать дела не сможет.

— А ты, надо полагать, сможешь? — саркастически осведомился Сэмми.

— Я — да.— У Смита поистине была непробиваемая для сарказма шкура.— Я молод, я знаю правила игры. Я мог бы завоевать их доверие, они меня приняли бы.

— А как насчет нас?

— Ну... я бы о вас как-нибудь позаботился,— Смит отвел глаза.— Я бы время от времени устраивал бы для Бориса возможность напиться, ну и тебе помог бы прокормиться. Ясное дело, поначалу может быть трудновато, но я постараюсь.

— Ах ты щенок! — Борис скрипнул зубами.— Никакого уважения к старшим! Почему только я...

— Тихо! — Сэмми вскочил, но увидев Люпуса, расслабился.— Что-нибудь стряслось?

— Нет...— ответил Люпус, с кряхтеньем заставив усталое тело вновь принять человеческий облик.— Если бы не приходилось всякий раз проделывать это, чтобы поговорить!..— Он посмотрел на Сэмми.— Вот, вспомнил, что я тебе хотел сказать. Я тут недавно встретил коекого, кто мог бы тебя заинтересовать. Она живет в пещере к югу отсюда. Там, где они, то есть люди, раньше прятали своих покойников. Знаешь?

— Знаю...— Сэмми почувствовал, как его кровь потеплела от волнения.— А я думал, что те места давно вычистили...

— Возможно, и вычистили, но она там и, судя по всему, устроилась неплохо.— Люпус подмигнул.— Я ей рассказал про тебя, и она заинтересовалась. Молоденькая! — Он встал на четвереньки.— И одинокая.— Уже начав превращаться, Люпус добавил: — Просто я решил, что это тебя может заинтересовать.

И он исчез, только мелькнула в подлеске тень холеного зверя.

Сэмми смотрел ему вслед. От волнения он не сумел даже поблагодарить вервольфа. Девушка-вурдалак! Он уже почти простился с надеждой отыскать женщину своего рода, но если Люпус говорил правду — а он, несомненно, говорил правду,— жить еще стоило. Но тут неожиданная мысль поразила его.

Пещеры далеко, а он слишком давно не ел. Поход потребует сил, а у него их нет.

Смит с завистью взглянул на вурдалака.

— Счастливчик,— протянул он.— Мне бы сейчас девочку...

— Придется тебе соорудить для себя девочку самому...— невыразительно пробормотал Сэмми. Борис нахмурился:

— Что с тобой, Сэмми? Новость как будто хорошая. Ты ведь идешь конечно?

— Да как я могу? — горестно вздохнул Сэмми.— Ты же знаешь, что радиация стерилизует. А я не могу есть стерильную... еду. Здесь-то радиация была не такой сильной, поэтому я и продержался так долго. Но раздобыть

что-нибудь существенное на дорогу — об этом и думать не стоит! — Сэмми сгорбился еще сильнее.— У меня не хватит сил.— Он снова вздохнул.— Один, всего один плотный обед — и я бы стрелой помчался. Только один хороший обед!..

— Не везет тебе,— легкомысленно заметил Смит.— Ну да ничего. Может, она подождет.

— Придержи язык! — рявкнул Борис. Он посмотрел на Сэмми, потом на Смита. Потом снова на Сэмми. Нервно провел языком по губам.

— У нас есть одна возможность...— проговорил он.

— Не забывай о Соглашении,— напомнил Сэмми. Ему явно пришла та же мысль, что и Борису, и он отверг ее именно из-за Соглашения.

— Но мы составляем кворум,— заметил Борис.— Мы могли бы временно приостановить действие Соглашения. Только на этот раз! — Он уже настаивал.— Рассуди здраво, Сэмми! При настоящем положении дел ни ты, ни я не протянем до их выхода на поверхность. Судя по тому, что говорит Люпус, они могут затянуть еще на год. А банки на складе Красного Креста почти все разбиты. И еще: что будет, когда они выйдут?

— Понимаю,— кивнул Сэмми.— Вам стоит только начать, а там — геометрическая прогрессия. Два, четыре, восемь...

— Он слишком молодой,— сказал Борис.— У него будет зверский аппетит. Он не сумеет быть осторожным — у него совершенно нет опыта. А ты слышал, что он говорил о контакте с теми, кто выйдет на поверхность? Сколько, по-твоему, шансов за то, что он нас попросту не выбросит за борт?

— Вы это о чем? — Смит переводил взгляд с Сэмми на Бориса и обратно. Те словно не заметили вопроса.

— Не знаю, не знаю,— медленно проговорил Сэмми.— Мы должны держаться друг за друга, чтобы не пойти ко дну.

— Мы и так пойдем ко дну,— сказал Борис.— Он все изгадит. Наверняка.— Он умоляюще сжал руку Сэмми.— Ну пожалуйста, Сэмми! Только один раз!

— О чем это вы говорите, образины? — взорвался Смит. Молодость и уверенность в своем превосходстве вызывали у него презрение к этим огрызкам прошлого. Он уже строил собственные планы, и в эти планы не входили ни Борис, ни Сэмми. Но и самоуверенность, и

презрение слетели с него, когда он увидел выражение лица Сэмми.

— Нет! — закричал он, как громом пораженный внезапным осознанием того, что должно было произойти.— Нет! Вы не сможете! Вы не посмеете! Вы...

Он и Сэмми вскочили одновременно. Смит повернулся и бросился под защиту леса. Но далеко он не ушел.

Наглым зеленым юнцам редко удается обойти ветеранов.

Джером Биксби
БЕЛА

Старина Бастер, который только что мирно дремал в тенечке, вдруг вскочил, напружинил лапы, прижал уши и глубоко, хоть и негромко, зарычал. Так, как обычно рычал на гремучек.

Джонни Стивенс удивленно поднял голову.

Футах в десяти посреди дороги стоял незнакомый мальчик. Он подошел так тихо, что Джонни не замечал его, пока старина Бастер не зарычал.

Джонни перестал строгать. (Он сидел на траве в тени большого вяза возле дома Стивенсов и своим прекрасным большим охотничьим ножом с серебряными поясками на рукоятке оструживал палку, поглядывая на старину Бастера.)

Пес пригнул голову, пристально глядя на нового мальчика, оскалил зубы и рычал.

Джонни хотел было придержать Бастера за шкирку — ему показалось, что тот хочет броситься на чужака; но Бастер скосил на него испуганный глаз, и Джонни убрал руку — он знал свою собаку. А Бастер заскулил, поджал хвост и начал пятиться назад. Он вышел из-под вяза и продолжал медленно отступать, пока между ним и вязом не оказалось футов двадцать лужайки перед домом. Тут он остановился и поднял голову, точно хотел завыть, но не завыл, а постоял так секунду, по-прежнему глядя на

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

нового мальчика (с поднятой мордой это было не так просто!), а потом повернулся и убежал за угол дома.

А ведь старина Бастер и медведя не боялся. Джонни пришлось как-то его оттаскивать от медвежьего следа.

Джонни повернулся к мальчику, чувствуя злость — и любопытство.

Мальчик выглядел дружелюбно, смотрел с интересом — и как-то потерянно. Он был темноволосый, худой, стройный, с большими глазами; черные жесткие волосы лежали на голове, точно шапка. Когда он заговорил, оказалось, что у него странный акцент; и он говорил как-то неуверенно, будто боялся или стеснялся.

— Привет,— сказал он.

Джонни Стивенс встал, и стружки с его колен упали в траву.

— Ты чего с Бастером сделал, а? — сурово спросил он.

— Я... я не знаю. Просто собаки меня не любят. Я не хотел его пугать, извини.

Джонни сердито свел брови.

— Ничего ты его не напугал,— проформы ради возразил он.— Просто он увидел что-то на дороге.

— Меня,— тихо объяснил новичок.

Джонни повернулся к дому. Бастер, наклонив морду до земли, по-прежнему прижав уши, осторожно выглядывал из-за угла. Новый мальчик тоже взглянул туда, и Бастер исчез, словно его дернули за задние лапы. Через секунду Джонни услышал, как когти пса протарахтели по крышке погреба на той стороне дома — значит, Бастер побежал в поле позади, где он всегда прятался, когда получал трепку.

Джонни нахмурился еще сильнее.

— Ты кто?

— Ковач. Привет.

Джонни не ответил — только подозрительно изучал новичка.

— Что ты делаешь? — минуту спустя спросил Ковач.

— Не знаю,— ответил Джонни. Ответ прозвучал довольно глупо, и он добавил: — Может, тросточку. Или удочку. Значит, Ковач? А дальше?

— Бела.

— Чудно́е имя.

— А как тебя зовут?

— Джонни Стивенс.

— Привет, Джонни,— с надеждой повторил Ковач.

— Привет,— кисло ответил Джонни.

Ковач Бела подошел к краю дороги — тут был небольшой откос из камня и пронизанной корнями земли, а за ним — лужайка фермы Стивенсов. Тут он остановился, точно ждал приглашения. Тень его, такая же тощая, легла на откос.

Джонни опять сел, продолжая хмуриться. Он ничего не сказал.

Ковач, полуобернувшись, через плечо посмотрел на дорогу. Похоже, он жалел, что остановился.

Потом оба мальчика перевели взгляд на двух малиновок — они гонялись друг за другом, прыгая по ограде на той стороне дороги. Летняя жара качалась на золотых головках колосьев в поле за оградой и лоснилась на буро-зеленых боках пригорков, обступивших ложбинку, бывшую когда-то дном заводи.

Джонни вновь взялся за нож и палку.

— Ты что, из семьи, которая купила старую ферму Бурманов? — спросил он.

— Да.

— Вы на той неделе переехали, да? Я про это слыхал.

— Да.

Малиновкам надоело скакать по ограде, и они, мелькая крылышками, над самыми усиками колосьев полетели через поле.

— Мы там играли,— пробурчал Джонни.— На ферме Бурманов. Теперь, наверно, нельзя будет... раз вы туда переехали.

Ковач Бела промолчал.

— В силосной башне у нас было разбойничье логово,— обвиняющим тоном добавил Джонни.

— В силосной?..

— Ты что, не знаешь, что́ это?

Ковач помотал черной головой.

— Круглая такая, большая, похожая на здоровенную жестяную банку. Ты, похоже, глупый, а?

Ковач прикусил губу и молча посмотрел на Джонни грустными темными глазищами.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — спросил он наконец.

— Конечно, — Джонни все еще был сердит.

Ковач повернулся с таким видом, что было ясно — он не идет куда-то, а просто уходит.

Джонни слегка смягчился.

— Ладно, я пошутил. Иди сюда, садись.

Ковач Бела помедлил, неуверенно улыбнулся и нако-

нец поднялся по откосу в тень вяза. Странно изящным движением он опустился на траву, подобрав под себя ноги.

— Благодарю.

Джонни острым как бритва ножом снял с палки длинную полоску коры.

— Слушай, чего ты сделал с Бастером? Ну как заставил его вот так... убежать?

— Просто я не нравлюсь животным.

— Почему?

— Папа как-то сказал, что это всё из-за нашего запа... — на полуслове он замолчал и немного погодя добавил: — Не знаю. Они нас не любят.

— "Нас"? Что, всю семью?

— Я... да.

— Чудной ты, ей-богу. Что, там, откуда ты приехал, правда нет силосных башен? И говоришь по-чудному.

— Я из Венгрии.

Джонни еще раз внимательно оглядел Ковача Белу: смуглая кожа, темные волосы, большие глаза, мягкая линия рта. Правда, что-то в его лице казалось немного странным, но что — Джонни еще не понял.

— Это где —...Внегрия? — спросил он.

— В Европе.

— А... иностранец, значит. Наверно, дело в том, что Бастер никогда не видел иностранцев.

Две малиновки — те же самые, а может, и другие — прилетели из пшеничного поля и, перепорхнув ограду и дорогу, опустились на ветку вяза прямо над мальчиками, принялись пересвистываться и скакать с ветки на ветку.

— А ты откуда? — спросил Ковач Бела.

— Я отсюда. Из Мичигана.— Джонни задумался, балансируя ножом на одном пальце: тяжелое лезвие с одной стороны, окованная серебряными поясками рукоять — с другой.— А, вспомнил. Актер такой есть в кино — Бела Лугоши. Он все разных монстров играет. Только Бела — это его имя, а не фамилия.

— Мое имя тоже Бела. Просто в Венгрии имя идет после фамилии. Надо было сказать — Бела Ковач... чтобы по-вашему.

Джонни покачал головой, удивляясь ненормальности иностранцев. Говорят ненормально, зовутся не по-людски и даже пахнут не как нормальные люди... это как же пахнуть надо, чтоб не только разбудить старину Бастера, но и напугать его до потери совести!

Мальчик осторожно потянул носом, пытаясь почувствовать запах Белы Ковача,— но ничего особенного не почуял. Ну, у собак-то нюх, конечно, куда лучше, чем у людей. Особенно у старины Бастера.

Бела Ковач заметил, как Джонни покрутил головой, и спросил, словно защищаясь:

— Я ведь хорошо говорю по-английски, правда?

Джонни хотел было подразнить его, но затем честно признал:

— Ага, да. По правде хорошо.

— Мы уже почти год живем в Америке. Мы жили в Нью-Йорке. И еще папа учил нас английскому до того как мы приехали — меня и маму.

Джонни успел уже как следует заинтересоваться первым в его жизни иностранцем.

— То есть твой отец англичанин?

— Нет, венгр. Сначала ему пришлось самому учиться. Долго. Но он сказал, что нам придется уехать, и лучше Америки для нас места не найти. Мы привезли с собой несколько картин, и папа их продал, чтобы купить ферму.

— Он у тебя что, картины рисует?

— Это дедушка. Он в Венгрии считался знаменитым художником.

— А как это — вам *пришлось* уехать?

— Мы... Ну, просто пришлось. Надо было уехать в другую страну. Так сказал папа.— Бела Ковач оглядел синее небо, дрожащий над пригорками горячий воздух, рощицы, зелеными подушками разбросанные вокруг, пыльную дорогу, которая, петляя среди холмов, вела в Гаррисвиль в тридцати милях на восток отсюда.— Хорошо, что мы сюда переехали. Нью-Йорк мне не понравился. И в Венгрии мы тоже жили на ферме.

Малиновки, перелетая с ветки на ветку, спустились совсем низко и наконец спорхнули на лужайку, где тут же принялись искать в траве букашек.

Одна из них подскакала совсем близко к Беле Ковачу, который по-прежнему сидел подобрав ноги: в позе одновременно спокойной — и странно напоминающей о сжатой стальной пружине.

Вдруг малиновка замерла, склонила головку и уставилась на мальчика ярким глазом-бусинкой. Потом она тревожно свистнула, и обе птички что есть духу помчались прочь.

Джонни смотрел на все это широко раскрытыми глазами.

— А мне птицы всякие нравятся,— задумчиво и немного грустно сказал Бела Ковач.— Я бы их не тронул. Я бы хотел, чтобы и я им нравился. Чтобы вообще животные нас не боя... чтобы мы им нравились.

Первый иностранец Джонни Стивенса становился все занятнее и занятнее. И похоже, его запах был ни при чем.

Потому что птицы запаха почти не чувствуют.

Тут Джонни заметил кое-что еще. Бела Ковач все еще смотрел вслед улетевшим птицам, и Джонни понял наконец, что в лице Белы казалось ему странным с самого начала.

— Ну и чудные у тебя брови,— сказал он.— Густые и посередке срослись. Прямо через весь лоб растут.

Бела не повернулся к нему — казалось, замечание Джонни вернуло все его стеснение. Он опустил голову и поднял к щеке тонкую руку, словно пытался загородить от Джонни свои брови.

Джонни уже жалел, что не промолчал.

— Да ладно тебе,— сказал он.— Смотри — вот у меня так полпальца нет! — И он продемонстрировал Беле палец, первая фаланга которого два года назад угодила в колодезное колесо.

Бела Ковач взглянул на гладкий розовый конец пальца, и края его чудных бровей приподнялись.

— Мы просто разные,— сказал Джонни. И вдруг осознал, что пытается утешить паренька, хотя раньше дразнил его. И опять подивился — что не так с этим Белой Ковачем? Почему он себя так странно ведет? Почти виновато — будто он чего-то стыдится и опасается, что кто-нибудь обнаружит это "что-то".

Бела сидел все в той же позе, но казался как-то меньше, точно съежился. И все еще прикрывал лицо рукой.

— Мы просто разные,— повторил Джонни.— Папа все время мне говорит, что все люди разные... и что это ничего не значит. Он мне говорит — неважно, откуда человек, неважно, как он странно выглядит, и вообще. Так что мне все равно, что ты иностранец. И мне жаль, что Бастер так себя вел.

Бела Ковач глухо сказал:

— Но я *совсем* другой.

— Не-а.

— Да.— Бела опять посмотрел на палец Джонни.— Я *родился* другим.

— Не-а,— повторил Джонни, потому что не знал, что еще сказать. Черт, он же видел, что Бела и в самом деле другой,— это любой бы увидел. И у него прямо все чесалось внутри от любопытства.

Наконец он неловко предложил:

— Пошли пошатаемся?

— Пошатаемся?..

— Ну, погуляем.— Джонни встал и засунул нож в ножны на поясе.— Пошли, Бела. Тут много классных мест, где здорово играть,— я тебе их все покажу. И дерево с дуплом, и индейский форт, и...

— Настоящий индейский форт? — темные глаза Белы широко раскрылись.

— Не. Мы его сами из камней построили. А еще есть пещеры в холмах... там их целые мили! Входишь в такусенькую щелочку, просто не скажешь, что там что-то есть, а потом светишь фонариком, а стены там как вот флаг на ветру, все в складках, волнами — розовые, зеленые, голубые; и тайные проходы, и стулоктиты, и столомиты, и колодцы, где и дна не видать, сколько ни свети.

— Здорово,— проговорил Бела.— И ты меня туда отведешь, Джонни?

— Ага, ясное дело. Пошли, только фонарик захвачу.— Джонни направился по лужайке к дому.

Бела грациозно вскочил на ноги — стальная пружина распрямилась — и пошел следом за Джонни. Вдруг он остановился и посмотрел на высокое летнее солнце.

— Сколько времени? — спросил он.

— О... часа три, наверно.

— А далеко до пещер?

— Мили две-три.

Бела опустил взгляд на траву под ногами.

— Я должен быть дома к семи.

— Запросто. Ну, пошли.— Джонни опять повернулся к дому.

Бела последовал за ним.

— Джонни...

— Ну?

— Мне по правде обязательно надо вернуться до семи.

— Зачем?

— Я... мне просто надо. И родители станут очень сердиться. Мы ведь не заблудимся и не уйдем слишком далеко, правда?

— Тьфу, да нет же! Я пещеры лучше всех знаю.— Джонни искоса взглянул на Белу.— А что, твои тебя не пускают гулять, если поздно? *Мои* меня отпускают.

— А я... я не всегда не могу поздно гулять. Только в некоторые дни.

— Почему?

— Я не могу рассказать. Но я обязательно должен прийти домой до семи.

Джонни был окончательно заинтригован. Вот новая странность!

— Не бойся. Все будет в порядке.

Они подошли к крыльцу.

— Подожди тут,— велел Джонни.

Он поднялся в дом, прошел в кухню — мама уже готовила ужин, потому что должны были приехать на бридж Янги, а для гостей на ужин всегда готовили что-нибудь особенное.

Джонни выудил из-под раковины фонарик.

Мама оторвалась от цыпленка, которого начиняла рисом.

— Куда ты собрался, сынок?

— В пещеры.

Мама нахмурилась.

— Лучше бы тебе все-таки держаться от них подальше, Джонни. Отец бы тебе это запретил, что ли! Там слишком опасно... они ведь тянутся на мили и мили. Не дай Бог, заблудишься!

— Я — заблужусь? — задрал нос Джонни.— Да я в них каждый дюйм знаю!

— А если фонарик сломается?

— Ой, мама, ну чего ты... не волнуйся. Я только покажу пещеры новому мальчику.

— Новому мальчику?

— Его зовут Бела Ковач... они купили старую ферму Бурманов.

Мама, похоже, удивилась. Приятно удивилась.

— Значит, у них есть сын! Это хорошо — будет у тебя новый товарищ. Он тебе понравился?

Джонни подкинул в руке фонарик.

— Ну... чудной только вроде. Он иностранец, из Негрии. Это в Европе где-то. А так вроде ничего.

— Ты меня с ним познакомишь?

— Ага, он снаружи ждет. Пошли, я тебя ему приставлю...

Джонни повернулся и побежал на крыльцо, где оста-

вил Белу. Мама улыбнулась, вытерла руки полотенцем и пошла за ним.

Они были уже в передней, когда услышали, как Бастер лает и рычит как сумасшедший.

Он прижал Белу к самому крыльцу и наскакивал на него, точно хотел напасть,— хотел, как никогда еще не рвался напасть на кого-нибудь,— хотел, но боялся. Бросался и отскакивал.

Смуглое лицо Белы побледнело, он пригнулся, став сам похож на какое-то животное, готовое в любой миг рвануться в любую сторону — в том числе и вперед, на Бастера.

Джонни перемахнул через перила крыльца, загородил собой Белу и крикнул:

— Бастер! Фу! Назад! Сейчас же прекрати!..

Старина Бастер взглянул на него горящими красными глазами — ни дать ни взять бешеный пес. С оскаленной пасти капала пена. Хвост не просто поджат — прижат к брюху. Он так дрожал, что непонятно было, как он стоит,— но Джонни-то знал, что Бастер, испуганный или нет, готов к атаке.

Джонни издал громкое "ш-ш-ш" и несколько раз быстро, резко хлопнул в ладоши. Это значило, что Бастеру лучше уняться, если он не хочет получить взбучку.

Но Бастер, словно не обращая на него внимания, двинулся вперед, пригнув голову к земле и оскалясь так, что казалось,— большую часть его головы составляют именно зубы.

— Джонни, уйди! — крикнула с крыльца мама. Джонни повернулся на голос, а Бастер именно в это мгновение бросился на Белу Ковача.

Дальнейшее произошло едва ли не быстрее, чем это можно было увидеть.

Джонни почувствовал рывок за ремень — и увидел, как Бела Ковач замахивается выхваченным у него тяжелым ножом, целясь в голову Бастера.

Пес не выдержал, повернулся и дал деру, завывая на бегу так, что, казалось, его сердце вот-вот выскочит через пасть.

Бела Ковач закричал:

— Серебро... в ноже серебро!.. — уронил нож и побежал прочь, плача и тряся рукой, которой схватился за нож. Он бежал очень быстро — Джонни и представить не мог, что мальчишка его лет может так бегать.

Мама уже стояла перед Джонни на коленях, оглядывая сына со всех сторон, чтобы убедиться, что Бастер не покусал его; а папа как раз в эту минуту въехал на своем фургоне во двор. Он, вытянув шею, посмотрел через плечо на убегающего Белу и спросил, что, черт возьми, происходит.

После ужина, перед бриджем, взрослые говорили о новых соседях.

Все, кто встречался уже с мистером и миссис Ковач, находили единодушно, что это весьма приятные люди. Миссис Янг рассказала, что бакалейщик Мак-Интайр, считавшийся мастером распознавать людей с первого взгляда, говорил, что мистер Ковач ему сразу понравился; он заезжал к Мак-Интайру за продуктами и кое-какими инструментами, бакалейщик постарался разговорить его, и мистер Ковач на одни вопросы толково отвечал, другие — вежливо обходил, и это Мак-Интайру особенно понравилось. Миссис Ковач ждала в это время снаружи, в "додже" Ковачей сорок второго года выпуска, и три дамы, видевшие ее, сошлись на том, что она выглядит очень мило, хотя иностранку в ней все же видно.

А Мэрдок с бензоколонки сообщил, что "додж" Ковачей в прекрасной форме, учитывая его возраст, и сразу видно, что машину недавно самым тщательным образом перебрали детальку за деталькой. Мэрдоку всегда нравились люди, заботливо относящиеся к своим машинам, особенно к старым, какие кое-кто счел бы непрестижными. Мэрдок утверждал, что машина многое говорит о своем хозяине.

Короче, никто не счел Ковачей "чужаками". Ну иностранцы — это видно; но не чужаки.

А посему миссис Янг и мама Джонни на основании имеющихся свидетельских показаний пришли к соглашению о необходимости на ближайшем заседании Женского клуба внести предложение о приглашении миссис Ковач вступить в означенный клуб.

Затем разговор перешел на случившееся сегодня.

Старина Бастер приплелся домой часов в пять, покинув укрытие в поле. На каждом шагу он настороженно оглядывался.

Мама и Джонни ждали в доме и смотрели в окно — Джонни часто моргал, пытаясь смахнуть слезы беспокойства,— а папа с пистолетом в руке вышел во двор, подозвал Бастера, приставил дуло к его уху и произвел самый тщательный осмотр. Папа хорошо знал животных.

Но Бастер исправно вилял хвостом и охотно полакал воды из миски, которую папа тоже вынес с собой.

— Он в порядке,— вернувшись, сказал папа.— Не знаю, что на него нашло. Есть, вообще-то говоря, люди, которых животные терпеть не могут. Видно, этот паренек из них. Он-то не виноват... судя по словам Джонни, этот Ковач животных любит, а вот они его — нет.

— Но он хотел убить Бастера,— угрюмо возразил Джонни, который весь день был не в себе из-за этого.— Он схватил мой нож и хотел убить Бастера!

— Ты не должен на него сердиться, Джонни,— ответил папа.— Парнишка, видно, перепугался до смерти и инстинктивно защищался. Бастер-то его просто в клочки разорвать хотел, уж Бог знает почему — вот Бела и схватил нож, просто что под руку подвернулось: отмахнуться. Я думаю, он жалеет сейчас об этом.

— Мне все равно,— сдвинув брови, отрезал Джонни.— Он хотел убить Бастера!

Папа вздохнул.

— Все ведь обошлось. Бастер, к счастью, увидел нож и убежал, а Бела, к счастью, промахнулся. И оба целы.

— При чем тут нож! — закричал Джонни.— Бастер моего ножа не боится! Он *Белы* испугался... и убежал он раньше, чем Бела схватил нож!

— Н-ну,— сказал папа,— может, и так. В любом случае, все хорошо кончилось. Не случилось никакой беды.— Он помолчал.— Знаешь, мне жаль парнишку... что вот животные его не терпят. Чего и удивляться, что он немного странный. Куда ж это годится, что мальчишка и завести себе никого не может — ни кошку, ни собаку или там хоть хомяка. Наверно, ему кажется, будто он чем-то хуже остальных ребят.

Но Джонни все еще злился. Правда, после папиных слов уже меньше, чем раньше, но все равно, как простить того, кто замахивается твоим же ножом на твою собаку! Пусть даже Бастер первый начал.

— Интересно, почему он потом бросил нож и убежал? — спросила мама.— Он еще крикнул: "Серебро!"— и махал рукой, словно обжегся о рукоятку.

— А,— пожал плечами папа,— может, схватил нож за лезвие, а крикнул: "За ребро!". Оговорился, он ведь иностранец. Или вообще кричал по-своему. А рукой махал — порезался или занозу посадил.

Джонни хотел было возразить, но смолчал. Занозы

были ни при чем — рукоять у ножа гладкая, отполированная руками, с гладкими серебряными поясками, какие там занозы! Да и за лезвие не схватишься, если выдергиваешь нож с перекладинкой из ножен. Да ладно. Он разберется и без родителей.

Потом папа предложил — пусть завтра Джонни пойдет к Ковачам, извинится за поведение Бастера и скажет, что Белу никто и ни в чем не винит. Джонни сказал — ладно.

Потому что, хотя он понимал, что папа прав и Белу винить не за что, он хотел проучить его за то, что тот хотел убить Бастера,— и уже придумал как.

Он напугает парня до позеленения — а может быть, узнает заодно, по каким таким таинственным причинам ему надо возвращаться домой в определенное время и не позже. "В некоторые дни"...

Наконец взрослые занялись своим бриджем, и Джонни оставил их — вышел на крыльцо и сел там рядом с Бастером, и они сидели и вместе смотрели на огромную желтую полную луну, горевшую в ночном небе, как прожектор. Бастер, похоже, устал. Последние два часа он бродил по лужайке, обнюхивал каждую травинку, какой касался Бела, тихо рычал — а время от времени издавал вдруг довольно испуганный вой. Сейчас, однако, он сидел смирно, а Джонни чесал его за ушами и думал про завтрашний день.

Хорошая идея. Так он и сделает — напугает Белу как следует, а потом объяснит, за что, и помирится с ним, потому что Бела все-таки вроде хороший парень... чудной только немножко.

На другой день Джонни взял фонарик и часам к трем явился на бывшую ферму Бурманов. Он пошел не по дороге, а прямо через поросшее сорняками кукурузное поле, которое старик Бурман когда-то так любовно лелеял. Выйдя из редкой кукурузы, Джонни увидел Белу Ковача, игравшего во дворе возле ветряной мельницы.

Увидев Джонни, Бела замер, широко открыв глаза, и в его облике опять мелькнуло что-то от животного, готового в любой миг рвануться и убежать.

— Я пришел извиниться. Мне жаль, что Бастер хотел тебя покусать.

— Ну... — Бела вдруг замигал. Его руки были сложены коробочкой на высоте пояса.

Джонни ждал, что Бела скажет еще что-нибудь, но тот молчал. Джонни с любопытством посмотрел на руки Белы.

— Что там у тебя?

Губы Белы дрогнули. Он поднял руку, и Джонни увидел на его ладошке мышь. Она свернулась в комок, широко открыв рот,— но, заметил Джонни, даже не пробовала укусить. В крохотных черных глазках блестел ужас.

— Я ее поймал,— объяснил Бела.— В амбаре.

— Зачем тебе понадобилось ловить *мышь*? — с некоторым отвращением спросил Джонни.— Кошки-то на что?

Бела опять мигнул, и Джонни вдруг показалось, что Бела собирался плакать перед его появлением, да и теперь сдерживает слезы.

— Я хотел с ней подружиться,— тихо сказал Бела.— Но в Америке всё как дома. Все животные меня боятся и не любят.

— Ха, еще бы ей не испугаться — раз ты ее поймал и держишь. Всякая мышь тут испугается.

— Но не *так*.

Бела встал на колени и осторожно опустил мышь на землю. Секунду она серым мячиком лежала на земле — затем развернулась и кинулась наутек, да так быстро, что на полпути к амбару споткнулась и дважды кувыркнулась через голову, а добравшись наконец до заветной щели между досок амбара, промахнулась и с разбегу ударилась о доски. В следующий миг, отчаянно работая лапками, мышь исчезла.

— Видишь? — сказал Бела.— До смерти пугается и бежит. Кошка сделала бы то же самое. Не будет у меня никаких ручных зверей... — Он поднялся на ноги и улыбнулся своей странной, застенчивой и одинокой улыбкой.— Я тоже жалею о вчерашнем, Джонни. Мне жаль, что я пытался ударить твою собаку. Я не хотел...

— О... — неловко пробормотал Джонни, вспомнив, как папа пожалел Белу — и вспомнив о том, что он задумал.— О... забудем это. Ага?

Потом Бела привел его в дом — познакомить с родителями.

Мистер Ковач оказался высоким, крепким и красивым человеком средних лет, и двигался он так же плавно, как Бела. И миссис Ковач тоже — Джонни заметил это, как только вошел в гостиную. Родители Белы как раз заканчивали обедать и, когда Джонни вошел, оба встали. Манеры Старого Света — и это удивительное плавное изящество движений, напоминающее о движениях животных.

— Мама, папа,— сказал Бела,— вот Джонни Стивенс, с которым мы вчера познакомились.

Мистер Ковач крепко, но осторожно пожал Джонни руку — судя по величине ладони и ее твердости, папа Белы был очень-очень сильным.

Забавно: когда Джонни отпустил его руку, кончики его пальцев скользнули по чему-то колкому — точь-в-точь папина щека после бритья, только жестче. Точно короткая щетинка.

Глупости, конечно. На *ладонях* волос ни у кого не бывает. Наверно, у мистера Ковача просто мозоли на руках шелушатся...

Миссис Ковач — красивая, тонкая женщина — вежливо склонила голову и поздоровалась (у нее акцент был куда заметнее, чем у Белы):

— Здравствуйте, мистер Стивенс, рада вас видеть.

Джонни показалось, что он стал немножко выше ростом: его еще никто никогда не величал "мистер Стивенс".

— Очень рад с вами познакомиться,— ответил он.

— Бела рассказал нам, что случилось вчера,— продолжила миссис Ковач.— Я тоже прошу у вас извинения. Увы, животные просто не любят нас. Как ни жаль, но это наша фамильная черта.

— Чего там,— помотал головой Джонни.— Это я пришел прощения просить. И чтобы поиграть с Белой.

Миссис Ковач улыбнулась и сказала почти то же, что накануне сказала мама Джонни:

— Как хорошо... что у Белы есть теперь такой хороший товарищ.

Настал черед Джонни смущенно улыбнуться. Он отвел взгляд и наконец-то осмотрелся.

Когда он был в этом доме в последний раз, недели три назад, здесь были только голые стены да мусор на полу. Теперь в комнате стояла мебель — по большей части самая обыкновенная; но кое-что — например круглый стол посреди комнаты, большое бюро-секретер с книгами у стены — выглядело вполне по-иностранному. И картины — почти все в рамах, тяжелее и пышнее которых Джонни видеть не приходилось; и почти все изображали чудные иностранные здания. А еще "не по-нашему", решил Джонни, выглядели скатерть, подсвечники, лампы, коврик... целая куча вещей там и тут. У всех них был солидный, уютный, старинный вид.

Заметив интерес Джонни, мистер Ковач сказал (у него оказался глубокий бас):

— Мы привезли много вещей из Венгрии.

— У вас очень красиво,— улыбнулся Джонни.

— Благодарю,— серьезно кивнул мистер Ковач.

Миссис Ковач начала убирать со стола, Джонни мельком глянул на тарелки... и когда он увидел, что́ было у Ковачей на обед, рот у него сам собой раскрылся, и он, не веря своим глазам, посмотрел еще раз.

Сырое мясо. Как ростбиф — только не жареный. И больше ничего! Большое блюдо красной, сочащейся кровавым соком говядины посреди стола, три тарелки со следами этого сока да кувшин с водой. И все.

Мистер Ковач и на этот раз заметил любопытство Джонни. Вернее, его потрясение.

— Сырое мясо,— с некоторым нажимом сказал он,— полезно для крови. Мы едим сырой бифштекс один или даже два раза в неделю, молодой человек.

— О... — пробормотал Джонни, пытаясь не слишком таращиться на стол, а еще лучше — отвести от него глаза.— Я, кажется, тоже где-то про это читал... что сырое мясо полезно. Но я не думаю... — он умолк.

— Вы не думаете, что оно пришлось бы вам по вкусу,— улыбнулась миссис Ковач, собирая тарелки.— Но вы слишком хорошо воспитаны, чтобы сказать это.

Джонни кивнул, чувствуя себя ужасно неловко.

— Ну,— сказал мистер Ковач,— подойдите-ка сюда, молодой человек.

Джонни встал перед его стулом. Почему-то он чувствовал, что мистер Ковач — хороший человек и дружелюбно настроен.

Мистер Ковач одобрительно — даже как-то оценивающе — взглянул на крепкие руки Джонни, его прямую шею, ясные глаза.

— У вас отменное здоровье,— заключил он.

— Я... да, наверное.

— Вы будете прекрасным товарищем для Белы,— сказал мистер Ковач.— Он у нас мальчик подвижный. Вы знаете здешние места?

— Да я в них всю жизнь прожил!

— Прекрасно. Разумеется, вы предостережете Белу относительно всех возможных опасностей.

— Ясное дело.

— Прекрасно. Ну а теперь, Бела, почему бы тебе не показать гостю наш дом?

Миссис Ковач взяла со стола блюдо с сырым мясом;

мистер Ковач потянулся, прихватил с блюда ломтик и впился в него зубами — а зубы у него, когда он открыл рот, оказались удивительно длинными, белыми и, судя по тому, как легко они рвали мясо, очень острыми.

Прожевывая мясо, он как-то задумчиво посмотрел на Джонни. В это время мальчики стояли у книжного шкафа — Бела показывал Джонни, как пишут в Венгрии.

Миссис Ковач тоже взглянула на Джонни, и ее большие светлые глаза — сейчас могло показаться, что они даже как будто светятся,— прошлись по телу Джонни: мускулистые руки и ноги, загорелая шея... Она провела языком по губам.

— Дома, там... — со вздохом сказала она по-венгерски.

— Эва... — мягко остерег ее мистер Ковач.

— Ах, imadot* Ференц, я просто думаю. Но ты только взгляни на него...

Мистер Ковач, глядя на выражение ее лица, понимающе улыбнулся.

— Ш-ш!.. Полно, Эва. Мы оставили все это дома... лучше даже *не думать.*

— Sajnos...** — Миссис Ковач тоже взяла маленький ломтик мяса. И ее зубы оказались не менее острыми и длинными, чем зубы ее мужа. Она вновь вздохнула.— Новая страна, новая жизнь... Я понимаю, милый.

— Ты несчастлива, Эва?

— Несчастлива!.. — Эва Ковач улыбнулась ему (поскольку нижняя губа скрыла острые края ее зубов, улыбка получилась очень милой).— Несчастлив мой желудок. Но сама я счастлива, что мы наконец в безопасности, Ференц.

Он взял ее руку и прижал к своему плечу.

— Старый Свет, старый дом, старая жизнь... мы больше не могли так жить, Эва. Нас знают. Пусть не тебя, не меня и не Белу — *нас...* всех нас... узнает любой ребенок, ибо любому самому маленькому ребенку известны наши приметы. А здесь — здесь нас не знают. В нас даже *не верят.* И мы должны сделать все, чтобы так оно оставалось и впредь — значит, мы должны навсегда распроститься с прошлым.

— То есть тебя Америка не разочаровала.

Он покачал массивной головой.

---

* Обожаемый (*венг.*).

** Увы (*венг.*).

— Америка — лучшее место во всех отношениях. Здесь нет даже сказок, которые намекали бы на нашу сущность. Политическая ситуация в стране стабильная. Условия жизни, возможности... Нет, мамочка, я всем здесь доволен... кроме... — Он положил свои огромные руки с чисто выбритыми ладонями на стол и сжал их в кулаки. — Кроме разве как в эти дни месяца, когда Луна полностью открывает нам свое лицо...

— Да,— тихо сказала миссис Ковач.— Да.

— Но говядина, дорогая, все-таки не так уж плоха на вкус и во всяком случае куда лучше, чем серебряные пули.

Миссис Ковач бросила в рот остаток ломтика, прожевала, проглотила. Казалось, она внимательно следит за мясом, изучая его вкус и прочие свойства на всем его пути к желудку.

— Нет,— медленно проговорила она.— Когда привыкаешь, она не так плоха. Но...

— Даже *не думай* об этом, Эва.

— Мы не можем даже сами поймать корову,— грустно продолжала она.— Приходится покупать, а...

— Я знаю.

Миссис Ковач опять посмотрела через гостиную на Джонни, и ее большие глаза стали еще немного больше.

— Эва! — уже суровее сказал мистер Ковач.— Эва, не смей и думать...

— Нет-нет,— ответила она и облизнула кровь с пальцев (волоски на которых стали самую чуточку длиннее и гуще, а ногти — чуточку острее).— Конечно же нет, imadot Ференц. Просто когда я вспоминаю...

— Надо забыть.

— И они здесь все такие здоровые, крепкие...

— Мы больше *никогда* не должны *изменяться*, Эва. Никогда.

— А Бела?

Ференц Ковач вздрогнул.

— Он еще слишком мал — слишком мал, чтобы знать... придется пока просто сделать так, чтобы он был с нами всякий раз, когда придет время *изменяться*. Скоро он достаточно вырастет, чтобы, как мы, уметь контролировать *изменение*, — и тогда нам не о чем больше будет беспокоиться в нашем новом доме, на нашей новой родине.

А Бела в это время показывал Джонни свою комнату: старая кровать со столбиками, старинное кленовое бюро

и резной сундук, набитый потрясающими игрушками,— Джонни таких еще не видел. Вскоре мальчики вышли в гостиную, и Бела объявил:

— Мама, мы идем играть.

— Хорошо, Бела. Но помни — ты должен быть дома до семи вечера!

— Да, мама.

— Ты ведь знаешь, какие это дни.

— Да, мама.— Бела неловко покосился на Джонни.— Я приду вовремя.

— Ты *должен*,— сказал мистер Ковач.— Как в Нью-Йорке. Ты знаешь почему.— Он повернулся к Джонни.— Надеюсь, вы не задержите его. Видите ли... он не вполне здоров... поэтому крайне важно, чтобы он вернулся домой до вечера.

— О,— сказал Джонни.— Я буду осторожно... то есть, я хочу сказать... я не буду... — и смущенно отвел взгляд, думая о том, что собирался сделать в пещере.

Когда он поднял взгляд, мистер Ковач все еще смотрел прямо ему в лицо, и Джонни показалось, что он смотрит сквозь его глаза прямо в мозг.

— Думаю,— проговорил мистер Ковач,— что тебе действительно следует быть осторожным в этом отношении.

Родители Белы вышли на крыльцо. У края кукурузного поля Бела и Джонни обернулись помахать им, и Джонни только тут заметил, что у обоих брови такие же, как у Белы: густые прямые полоски через весь лоб и переносье.

Вход в пещеры был снаружи всего лишь темной щелью в камне на склоне холма. Они, прыгая с уступа на уступ, взобрались к этой щели. Сверху припекало солнце, но из черного провала тянуло прохладой.

Джонни хотел уже лезть внутрь, но Бела задержал его.

— Джонни...

— А?

— Не забудь... я *должен* быть дома до семи.

Джонни расставил ноги, упер руки в бедра.

— Да гос-споди! Да! В сотый раз уже слышу! Да что с тобой такое стрясется, если ты опоздаешь? Тебе чего, лекарство надо пить какое-нибудь?

Бела потряс головой.

— Я не могу сказать. Но... ты не заблудишься, нет?

— Нет, конечно! — заверил Джонни, скрестив за спиной пальцы.

— Ты же слышал, что сказали мои родители... Я должен быть дома до того как взойдет луна.

— *Луна!..* При чем тут какая-то луна?!

Бела только нервно взглянул в темноту пещеры.

Джонни не стал переспрашивать, только засопел.

— Луна, это надо ж придумать! — и решил, что ладно, Бог с ней, с луной. О чем только не беспокоятся эти ненормальные иностранцы. Особенно венгры.

Он все равно все об этом выяснит.

— Джонни... может быть, мне лучше не ходить туда? Пока.

Джонни с насмешкой спросил:

— Боишься?

— Не того, о чем ты думаешь,— глаза Белы вспыхнули.— Ты не поймешь.

— Ну ладно, пойдем... я обещаю,— он опять скрестил пальцы,— я не заблужусь.

Он повернулся и полез в щель. Бела помедлил секунду и последовал за ним.

Вообще-то, подумал Джонни, пробираясь на четвереньках по проходу, и пальцы скрещивать незачем было. Я ведь не заблужусь по-настоящему, просто *притворюсь*, что заблудился.

А может, он и притворяться не станет — если Бела правда болен. Это совсем другое дело. Может, болезнь Белы многое объясняет, даже поведение старины Бастера. Собаки иногда странно ведут себя с больными людьми.

Впрочем, он не был уверен, что все дело в болезни. Что-то тут не так. Если Бела действительно болен, зачем разводить вокруг этого такие секреты? Или это какая-нибудь чертовски плохая болезнь? Но если так — почему Беле позволяют играть на улице и, может, заражать других людей? А мистер Ковач еще говорил, что Бела "подвижный". Что-то непохоже это на больного. И уж точно Бела не выглядит больным.

Джонни решил подождать и действовать по обстоятельствам.

Пол хода ушел вниз, сам ход повернул под прямым углом — и они оказались в пещере. Джонни включил фонарик. Бела ахнул.

Со всех сторон были занавеси, каскады и фонтаны из камня — серого, розового, голубого, зеленого, лавандового. Эти украшения начинались у входа и тянулись дальше вдоль шестидесятифутового склона, спускавше-

гося к полу пещеры, а там исчезали в чернильно-черной тени, которая казалась чем-то твердым.

Джонни поводил лучом фонарика, чтобы Бела рассмотрел все, что было интересного у входа. Затем он показал лучом на склон.

— Пошли туда, вниз.

Через пастельные складки камня они пробрались к началу склона. Здесь их шаги сразу стали отдаваться гулким эхом; воздух был сухой и прохладный.

Темнота, казалось, старается раздавить яркий, твердый луч фонарика — но он носился как молния и ножом рассекал темноту, выхватывая чудеса формы и цвета.

— Смотри,— показал Джонни,— вон те волны на склоне — как ступеньки, видишь? Мы можем спуститься по ним. Ну, как тебе?

— Тут прекрасно,— прошептал Бела.

Они начали спуск. Джонни все время светил под ноги, выбирая путь по знакомым складкам камня и их цвету. Наконец они добрались до дна, и Джонни скомандовал:

— Вон туда.

Шагая по неровному полу пещеры, Бела озабоченно спросил:

— Ты знаешь, который сейчас час, Джонни?

— Около четырех... У тебя еще куча времени.

Скоро перед мальчиками открылись такие потрясающе красивые места, что Бела совсем забыл о времени.

Они проходили мимо фонтанов, каскадов, завес, колонн из камня, мимо удивительных каменных музеев; все светилось такими чистыми и мягкими цветами, каких не найти на поверхности земли. Они проходили мимо рядов зеленых, синих, ярко-оранжевых сталагмитов, навстречу которым с потолка спускались не менее красивые сталактиты; когда они смыкались, получались арки или лес колонн. Над ними нависали складчатые стены — точно застыл в одно мгновение поток голубой, розовой и пурпурной лавы.

Они проходили озера с иссиня-черной водой — такие гладкие и неподвижные, что хотелось коснуться воды и убедиться, что это не стекло.

Они поднимались по колоссальным склонам цветного камня — точно букашки среди гигантских елочных игрушек; а когда они достигали верха, Джонни выбирал какой-нибудь темный проход, который приводил мальчиков в королевские палаты из пурпура и слоновой кости, а из них витая алая лестница вела на коралловый балкон с

зеленой и розовой отделкой, а с него новые коридоры звали к новым чудесам и тайнам.

Они пробирались по краю провалов — таких глубоких, что брошенная в них монетка исчезала без единого звука, даже отзвук эха падения не говорил об их глубине.

Один раз Джонни выключил фонарик и велел Беле стоять тихо — и мальчики замерли во мраке, вслушиваясь в тишину, которую не с чем сравнить, в ту абсолютную тишину, какая возможна лишь под землей.

Так тихо, что слышно тревожное биение сердца.

Наконец, когда Джонни решил, что уже около шести, он сказал Беле:

— Пожалуй, пора возвращаться. Если тебе надо домой к семи. Сюда.

Он провел Белу к самому выходу и там притворился, что потерял дорогу.

Это было нетрудно: Бела был в пещерах впервые и, наверно, не узнал бы место, где они вошли, даже если бы Джонни осветил фонариком склон, который вел к проходу наружу.

Джонни так и не решил еще, хочет ли он притворяться, что заблудился, дольше нескольких минут. Может, довольно будет только слегка напугать Белу, а потом вывести его из пещеры, чтобы он успел домой к семи. В конце концов, если он правда болен...

Озабоченным тоном Джонни произнес:

— Бела... я... я что-то никак не соображу, куда нам идти отсюда. Я боюсь — похоже, я немного заблудился...

И направил свет на Белу, чтобы посмотреть, какое впечатление его слова произвели на венгерского мальчика.

У Белы испуганно распахнулись глаза:

— О, *нет*... Джонни, ты не можешь! Ты же *обещал*!..

Джонни притворился, что смущен — даже испуган.

— Я... мне жаль... — запинаясь, пробормотал он.— Я просто потерял дорогу. Мне было так интересно все тебе показывать... Господи, Бела...

— Но, Джонни, я *должен* выйти отсюда! Я должен попасть домой до...

— Идем,— Джонни старательно изображал беспокойство.— Может быть... может быть, сюда?..

И он по широкому кругу провел Белу мимо колонн и каменных занавесей, по проходам, окружавшим вход. Эта прогулка заняла с полчаса и закончилась там же, где и началась,— меньше чем в сотне футов от входа.

— Я не знаю, где мы! — с отчаянием сказал Джонни.

— Сколько сейчас может быть времени? — спросил Бела. В его голосе дрожал ужас.

— Примерно полседьмого.

Бела вздрогнул и необыкновенно ярко блестевшими в свете фонарика глазами посмотрел в лицо Джонни.

— Джонни, я должен *выйти* отсюда...

Джонни услышал в его голосе истерические нотки.

— Ну что *я* могу сделать? Мне очень жаль, извини! Я тоже боюсь! Может, мы вообще *никогда* не выйдем отсюда!..

— Постарайся, — взмолился Бела. — Постарайся, Джонни... неужели ты совсем не помнишь дорогу?!

Джонни еще раз в свете фонарика оглядел Белу: большие глаза, гладкая смуглая кожа, ровные белоснежные зубы, тонкое гибкое тело — и уверился в том, что все разговоры о болезни Белы — сказки. Тут что-то *другое*... какая-то совсем иная причина, заставлявшая Белу так рваться домой к семи, а его родителей — так настаивать на этом. Причина наверняка очень странная и диковинная — и Джонни хотел ее знать.

Поэтому он решил следовать первоначальному плану: оставить Белу тут и посмотреть, что из этого получится.

Он повернулся, словно в нерешительности.

— Кажется... кажется, надо идти сюда. Идем!

И он провел Белу по кругу в обратном направлении, почти по тем же проходам,— и опять вывел его на то же место у выхода.

По прикидкам Джонни, было уже почти семь. Не отводя глаз от Белы, он продолжал притворяться, что ищет выход,— который был в ста футах выше по склону.

Интересно, узнает Бела как-нибудь, что уже семь? И что тогда случится такое, чего он боится? Но откуда ему знать время... и что может случиться здесь, в пещере? Или все дело в наказании, которое ждет Белу за опоздание?..

— Джонни! — с дрожью в голосе сказал вдруг Бела в темноте над самым его ухом.

Джонни перестал притворяться, что ищет дорогу, и направил фонарик на Белу.

— А?

Бела, весь дрожа, смотрел на свод пещеры. Он не то сгорбился, не то съежился, а лицо его напряглось, точно он увидел что-то ужасное, надвигавшееся на него сверху сквозь тьму и камень.

— Почти семь... Джонни... сделай *что-нибудь... это* сейчас случится!..

— Да что случится? Что "это"? И что я могу сделать?..

— Не знаю! — вскрикнул Бела, и эхо принесло отражение его крика: "не знаю... не знаю..."

— Ты не знаешь, что я должен сделать?

— Не знаю!.. — "не знаю... не знаю..."

— Ты не знаешь, что сейчас случится?

— Не знаю! Я боюсь... *Это* никогда еще не случалось со мной, когда я был не дома... Джонни, ты же *обещал*... ой, мама, мама, *мама*... — и Бела заплакал. Он упал на колени на цветной камень пола; слезы градом катились по его щекам, и там, где они падали на камень, краски камня становились ярче. Бела причитал что-то по-венгерски, а потом, когда слезы задушили его и он не мог уже говорить, просто рыдал.

— Ты *не знаешь*, что случится? — переспросил пораженный Джонни.

Бела попытался ответить, но подавился слезами и закашлялся — эхо прозвучало подобно тяжелым шагам, перекрывая срывающийся голос:

— Да, знаю... но я не знаю, что́ это и почему... это просто *случается*... ой, мама, *мамочка*...

Вдруг его спина напряглась, а руки со скрюченными пальцами замерли перед грудью. Мокрые глаза поднялись к лицу Джонни. Бела заскулил, как звереныш.

— Джонни... уже семь... встает луна... я ее чувствую...

— *Чувствуешь* луну?! *Здесь?!* Но как...

— Все равно где... я ее чувствую... я чувствую... мама, мамочка-а-а-а!..

И лицо Белы исказила такая гримаса ужаса и боли, что Джонни похолодел — и понял, что шутка зашла слишком далеко. Он был уже сам напуган, и здорово напуган,— ничего подобного он и не представлял. Господи, а если Бела и правда все-таки болен?..

Он наклонился к скорчившейся фигурке и направил луч фонарика вверх.

— Бела, гляди! — крикнул он.— Вон, видишь — наверху... там мы входили! Пойдем, мы вышли!..

Бела не ответил.

— Бела... *идем*!..

Бела пошевелился, и его ногти проскребли по камню так громко, что, казалось, они сорвутся с пальцев.

Джонни вдруг затрясло. Все еще держа луч фонарика направленным вверх, он опустил взгляд.

Прямо на него с пола смотрели глаза Белы — в отраженном свете они казались невероятно желтыми, блестящими и даже злобными.

Джонни почудилось даже, что эти глаза становятся еще более яркими, желтыми и сближаются друг с другом.

Перетрусив, он выронил фонарик. Тот стукнулся о камень, стекло разбилось, и фонарик погас.

В темноте — абсолютной, непроницаемой, плотной — Джонни услышал у ног шорох и низкое, тихое рычание.

Он заорал и отпрыгнул в сторону. При этом его нога задела фонарик, и Джонни, падая, схватил его; другой рукой он выдернул свой охотничий нож и ударил наугад, никуда, правда, не попав. Он нажал кнопку, молясь, чтобы фонарик зажегся.

И он зажегся.

Белы не было.

Широко открыв глаза, Джонни перекатился, встал на одно колено и повел лучом вокруг. Наконец голос вернулся к нему.

— Б-Бела... — выдавил он.

Ничего.

Он поднялся на ноги и дрожа повторил:

— Бела?..

Во тьме за спиной послышался звук, похожий на стук когтей по камням.

Джонни резко развернулся, чувствуя, как заледенела и напряглась шея, и полоснул лучом фонарика по темноте. Он выставил нож перед собой, крепко сжимая рукоять, готовый ударить в любом направлении.

Сначала он не увидел ничего. Камни. Занавеси и колонны из разноцветного камня. Черные тени, которые, кажется, нависают над ним, готовые рухнуть.

Затем уголком глаза он заметил, как метнулась в сторону низкая тень.

Он резко повел лучом.

Пара желтых глаз почти над самым полом смотрела на Джонни, сверкая отраженным светом.

— Б-Бела?.. — прошептал Джонни и поднял фонарик, чтобы осветить самого владельца глаз.

Существо прищурило глаза, зарычало, обнажив острые белые клыки, и прыгнуло.

* * *

Мистер и миссис Ковач выглядели одновременно разъяренными и испуганными. Они стояли у большого стола в гостиной, за которым играли во что-то большими цветными картами, когда в дом ворвался Джонни.

— Мне очень жаль!.. — в десятый раз повторил он, опять пытаясь вытереть мокрые щеки.

— Я не хотел... это была просто шутка! Пожалуйста, пожалуйста, позовите шерифа Морриса, пусть соберет людей — они найдут Белу, правда найдут!..

Большие глаза мистера Ковача горели гневом — а бас звучал совсем как рычание:

— Я *сам* пойду его искать, молодой человек — а вам лучше отправляться домой! Не думаю, чтобы мы хотели когда-либо еще видеть вас в нашем доме!

Джонни, чувствуя себя глубоко несчастным, повернулся к выходу.

Из темноты за открытой дверью раздалось злобное ворчание.

Миссис Ковач ахнула.

— *Бела...*

Существо ворвалось в дом и бросилось вперед, нацелившись точно на ногу Джонни.

— Нет, это не Бела,— вздохнул Джонни,— это опять тот чертов волчонок...

Он увернулся, быстро опустился на одно колено и дал волчонку шутливую оплеуху. Тот огрызнулся — точь-в-точь бойцовый пес,— отскочил и прижался брюхом к полу. Уши волчонок прижал к голове — точно как старина Бастер, когда он впервые увидел Белу,— а его желтые глаза голодно целились в горло Джонни.

Потом он кинулся снова, изо всех сил отталкиваясь короткими толстыми лапами.

Джонни ловко поймал его за шкирку и осторожно встряхнул. Звереныш щелкал зубами, рычал и бил лапами воздух.

— Надо же, черт возьми! — сказал Джонни, забыв на минуту, что мистер Ковач совершенно недвусмысленно велел ему убираться. — Эта мелочь пузатая, значит, за мной шла!..

— А вы что, уже видели этого волчонка сегодня? — резко спросил мистер Ковач. Его глаза расширились и стали чуточку ярче.

— Ну да. В пещере. Сразу после того, как убежал Бе-

ла. Он и тогда хотел меня укусить, а потом вот выследил — бежал за мной до самого вашего дома.— Джонни слабо ухмыльнулся, переводя взгляд с мрачного лица мистера Ковача на лицо его жены, которое стало чуточку менее встревоженным.— Похоже, он меня сожрать хочет, а?..

— Полагаю,— угрюмо ответил мистер Ковач,— хочет.

— Я его унесу и опять выпущу,— сказал Джонни.

— Опять?..

Волчонок извернулся в руках Джонни, голодно кося желтым глазом на ближайший палец. Джонни кивнул.

— Да, я вынес его из пещеры, когда увидел, что Бела не откликается. Я решил, что нехорошо будет дать ему там погибнуть. Может быть, потом, когда он вырастет, я его застрелю, если увижу... а пока я решил дать ему шанс. Он совсем маленький еще.

— О, отдайте его мне, молодой человек,— попросила миссис Ковач.— Он такой милый!

Она взяла волчонка у Джонни прежде чем тот успел возразить, что это опасно, и прижала к себе. Волчонок заскулил, поднял на миссис Ковач большие желтые глаза и, похоже, вовсе не собирался сопротивляться, прекратив всякие попытки вырваться.

Впрочем, Джонни был слишком несчастен, чтобы удивиться — *или хотя бы заметить это.*

— А теперь ступайте домой, молодой человек,— сказал мистер Ковач.

Джонни опять повернулся к двери.

— Но вы его выпустите потом, мистер Ковач? Ведь вы его не убьете?

— Не убью.

— И пожалуйста, попросите все-таки шерифа помочь вам искать Белу. Я тоже пойду, если... если вы разрешите. Я ведь знаю пещеры, как...

— С Белой все будет в порядке,— остановил его мистер Ковач.

— Когда вы его найдете... скажите, пожалуйста, что я прошу у него прощения, ладно?

— Ладно.

Джонни уже взялся за ручку двери, и тогда миссис Ковач мягко сказала что-то по-венгерски. Мистер Ковач хмыкнул и позвал:

— Минуточку, молодой человек.

Джонни повернулся.

— Да, сэр?

Волчонок уже сидел на столе, и миссис Ковач задумчиво почесывала ему загривок.

— *Молодой человек,*— медленно сказал мистер Ковач,— мне бы не хотелось быть излишне строгим. То, что вы сделали, было не слишком хорошим поступком, но, я полагаю, вас можно понять. И думаю, вас можно также и простить. Вы сразу же пришли к нам и все рассказали — и были готовы помочь исправить сделанное вами.

— Да, сэр?..

— Итак, вы можете впредь приходить к нам так часто, как пожелаете, и играть с Белой.

Джонни просиял.

— Да, сэр! Спасибо!

— Естественно, при условии, что вы более никогда не сделаете ничего подобного.

— Да, сэр! То есть, конечно нет, сэр!

— А теперь,— с некоторым нажимом сказал мистер Ковач,— я хочу еще раз убедиться, что правильно понял все случившееся в пещерах. Итак: нашему Беле стало плохо; вы уронили фонарик; когда же вы нашли его и вновь включили, Белы уже не было.

— Все так, сэр.

— И вы *не видели*, куда и как исчез Бела.

— Нет, сэр, не видел.

— А потом вы заметили волчонка.

— Ага,— Джонни ухмыльнулся.— Надо ж куда залез, дурачок! Хорошо еще, я его нашел.

— Хм-м... — произнес мистер Ковач.— Да.

Его глаза, которые стали еще чуточку больше и ярче, пока он расспрашивал Джонни, теперь блестели не так сильно; а пальцы, которые стали было чуточку еще более волосатыми, расслабились.

— А теперь вам лучше действительно идти домой. Я... найду Белу. Спокойной ночи, молодой человек.

— Спокойной ночи, мистер Ковач. Спокойной ночи, миссис Ковач.

Но когда Джонни в третий раз повернулся к двери, мистер Ковач опять задержал его:

— Еще одно, молодой человек...

Джонни остановился.

— Я был не вполне правдив с вами. Наш Бела на самом деле не то чтобы болен. Просто в определенные дни месяца он обязательно должен быть дома до наступ-

ления ночи, потому что... ну, я полагаю, это можно назвать традицией. Да, это такой венгерский обычай. Наш старинный родовой, семейный обычай. И его надо соблю ть — понимаете?

— Да, сэр.

— И мы не расскажем Беле о том, что вы не заблудились на самом деле, а зло над ним пошутили... если, в свою очередь, вы дадите слово тоже никому не рассказывать о том, что произошло этой ночью.

— Да, сэр.

— Право, нам не хотелось бы выглядеть странными в глазах соседей. Обычаи у всех разные, молодой человек. И мы — все мы — тоже разные.

— Да, сэр. Папа меня тоже этому учил.

— А он учил вас всегда держать свое слово?

Джонни ухмыльнулся.

— Он меня порет, если я не выполняю обещаний.

— Итак — вы даете слово?

— Да.

— Вы будете хорошим товарищем для Белы, как я уже сказал. Итак — до свидания, молодой человек, спокойной ночи!

Улыбаясь, Джонни Стивенс пошел домой. Войдя в кукурузное поле, он начал насвистывать, поглядывая на большую полную луну. Интересно — в Венгрии она что, всегда в семь восходит?..

Да нет, конечно. Просто, наверно, они так рассчитали время, чтобы Бела был дома до ее восхода и выполнил этот самый обычай — что бы это за штука ни была. Хотя, хм, очень часто луна встает и намного раньше. Даже полная луна, как сегодня,— она обычно всходила с заходом солнца. Зимой так и в четыре часа.

А может,— Джонни кивнул сам себе, вспоминая школьные уроки,— может, Ковачи рассчитывали время возвращения Белы по сезонам, по месяцам. Может, даже по... по... как ее... широте. И длинноте.

Чудной обычай. Может, Бела когда-нибудь расскажет...

* * *

Мистер Ковач задумчиво посмотрел на сына.

— Мы могли потерять все,— сказал он жене,— если бы мальчишка не уронил свой фонарик. Наша новая страна добра к нам... А теперь — теперь, Эва, пришла пора рассказать Беле, кто он...

Питер Филлипс
ГРЕЗЫ — ДЕЛО СВЯТОЕ

В семь лет мне попалась книжка о привидениях. Наутро я в слезах прибежал к отцу.

— Они гнались за мной, па,— всхлипывал я.— А я не мог бежать, и остановить их нельзя было, у них клыки и когти, как в книжке, а проснуться я тоже не мог, па, хотел и не мог!

Папа пробурчал пару теплых слов о любителях забывать разные книжки там, где бегает малышня, потом взял мою ручонку в свою большую лапу и повел меня на пастбище (в нем было гектаров двадцать пять — самое подходящее место для такого разговора).

Отец мой был человек умный, всю жизнь проработал на земле и потому многое понимал в людях. Те, кто близок к природе, мудры — ведь все человечество, в конце-то концов, обязано своим существованием хорошей земле.

Папа уселся на пень и показал мне большой револьвер. Теперь я знаю, что это был тяжелый служебный кольт 45-го калибра. Тогда он мне показался огромным. Я видел раньше дробовики и спортивные ружья, но из ЭТОГО надо было стрелять одной рукой. Тяжелый он был — жуть! Он мне всю руку оттянул, пока папа учил меня, как его держать.

Папа сказал:

— Он убивает, Пит. Он может все остановить — и на этом, и на том свете. Он убивал львов, и тигров, и людей. Если правильно прицелиться, он уложит взбесив-

шегося слона. Поверь мне, сын, ты и во сне не встретишь ничего, с чем бы мой Билли не справился. С сегодняшнего дня он будет приходить в твои сны, так что тебе больше нечего бояться.

И он сумел сделать так, что эти слова впечатались в мое подсознание. Отдача у кольта была такая, что за полчаса стрельбы рука у меня разболелась до самого плеча, зато я видел, как тяжелые пули пробивают двухдюймовую тиковую доску и стальной лист. Я смотрел в прицел, нажимал курок, меня отшвыривало отдачей, и в мешке пшеницы появлялась дыра размером с кулак!

В ту ночь Билли спал у меня под подушкой. Засыпая, я гладил прохладный и такой надежный курок...

Когда появились страшилища, я почти обрадовался: я их ждал. Билли был со мной — полегче, чем днем (может, во сне моя рука выросла), но такой же мощный. Грохнул выстрел, и сразу два страшилища упали, а остальные бросились наутек.

Потом я гонялся за ними, хохотал и стрелял от бедра.

Папа не был психиатром, но он нашел отличное средство от страха: загнать в подсознание кусочек здравого смысла, подтвержденного опытом.

Двадцать лет спустя тот же принцип был применен вполне научно, чтобы спасти разум (и, вероятно, жизнь) Маршема Красвелла.

— Ты о нем слышал, конечно? — спросил Стивен Блэкистон, мой бывший товарищ по колледжу, а ныне психиатр.

— Более или менее,— сказал я.— Фантастика научная, ненаучная, заумная... Читал кое-что. Чушь.

— Не все. Эта — первый сорт,— он кивнул на свои книжные полки. У Стива личный офис в новеньком Госпитале ментальной терапии, Пентагон, округ Колумбия. И все полки заставлены фантастическими журналами: сотни и сотни ярких корешков.

— Я ее коллекционирую,— пояснил Стив.— Похож я на любителя чуши?

В такие тонкости я не стал вдаваться. Я-то так и не поднялся выше простого спортивного репортера, а Блэкистон — уже ведущий специалист в двух областях: психиатрии и электронной терапии.

— Конечно, и Красвелл клепал космические оперы,— продолжал Стив.— Но писал почти всегда на уров-

не, и идеи у него бывают отличные. Последние десять лет Маршем был в своем жанре чуть ли не самым плодовитым и популярным автором.

Два года назад он серьезно заболел, не вылечился толком и снова накинулся на работу. Хотел все успеть и ударился в чистую фэнтези. Кое-что получалось красиво, но по большей части — муть.

Понимаешь, он себя насиловал — гнал листаж. Ну и перегрелся. Что-то в мозгу отключилось, вот и загремел к нам.

Стив встал и вывел меня из офиса.

— Я тебе его покажу. Сам он тебя не увидит. Понимаешь, у него отказал контроль над воображением. Фантазия пошла вразнос. Сейчас он уже не пишет свои романы — он в них просто живет. С его точки зрения, разумеется.

Далекие миры, пришельцы, невероятные приключения — вся эта детализированная фантасмагория загнала его в настоящее безумие. Он сбежал из реальности в выдуманный мир. Там у него нет здешних проблем, но для него тот мир настолько реален, что он может в нем погибнуть.

Он, конечно же, там главный герой,— продолжал Стив, открывая дверь в отдельную палату.— Но и герои иногда гибнут. Боюсь, что его фантазия рано или поздно дойдет до такого сюжета, где герой должен умереть,— и тогда Маршем умрет на самом деле.

Ты, наверное, знаешь, что симпатическая магия часто действует через воображение. Колдун говорит: "Ты умрешь",— и человек действительно умирает. Если Маршем Красвелл вообразит, что одно из его фантастических созданий убивает его... он больше не проснется. Лекарства на него не действуют. Вот послушай.

Стив показал на лежавшего. Я наклонился и прислушался. Бескровные губы писателя шептали: — Суждено нам обойти все равнины Истака и отыскать Камень могущества — Алмаз. И я, Мултан, владеющий ныне Мечом, поведу тебя... ибо Змей должен быть повержен, и одному лишь Алмазу подвластна тайна жизни его и смерти... Идем же!

Рука Красвелла, безвольно лежавшая на одеяле, шевельнулась — он указывал путь.

— Все еще Алмаз и Змей? — поинтересовался Стив.— Это у него уже два дня. Кое-что из его монологов мы

разбираем, но большей частью ничего нельзя понять. Иногда он как будто пытается очнуться, жутко смотреть, как мучается — и не может прийти в себя. Ты когда-нибудь пробовал вырваться из кошмарного сна?

Тут-то я и вспомнил Билли — кольт 45-го калибра. И рассказал о нем Стиву, как только мы ушли из палаты.

— Вот-вот,— улыбнулся он.— Твой старик здорово придумал. В сущности, я надеюсь спасти Маршема с помощью того же трюка. Для этого мне нужен человек, у которого найдется живое воображение, практическая жилка, здравый смысл и чувство юмора. Короче говоря, мне нужен ты.

— Что-что?! Я-то зачем могу понадобиться? Я же его почти не знаю...

— Понадобишься,— сказал Стив так решительно, что у меня мурашки по спине забегали.— И узнаешь его так близко, как еще никто никого на свете не знал!

Я, видишь ли, собираюсь внедрить твою сущность — ну, твой разум и личность — в мозг Маршема.

В ответ я выразительно покрутил пальцем у виска и покосился на книжные полки:

— Зачитался ты, приятель! Переходи-ка лучше на виски, пока не поздно!

Стив закурил трубку, перекинул длинные ноги через подлокотник кресла:

— Чудеса и колдовство отпадают. Я тебя прошу сделать то же, что сделал твой родитель, когда дал тебе револьвер. Только здесь будет посложнее технически.

Слыхал когда-нибудь об энцефалографе? Он фиксирует деятельность мозга и выявляет степень мозговой активности — в общих чертах, конечно. Запустив записи биотоков в компьютер, можно в некоторых случаях установить диагноз. На этом уровне мы и начинали работать. Потом удалось настолько усовершенствовать методику, что появилась возможность изучать любой участок мозга. Мы хотели выявить среди миллионов слабых электрических импульсов те, что возникают при определенной мысли. Например, если субъект вспоминает некое число, возникает импульс. Точно такой же импульс должен возникать всякий раз, когда вспоминается именно это число.

Конечно у нас ничего не вышло. Бóльшая часть мозга действует как одно целое, и нет какого-то определенного участка, который бы отвечал за тот или иной акт вооб-

ражения. Исследовать надо было весь мозг, а не отдельные участки. Иначе выходило так, словно мы пытались понять узор вязаного свитера, рассматривая под микроскопом одну-единственную петлю.

Получился парадокс: наш аппарат действовал слишком избирательно, а нам нужна была возможность изучать все переплетения мыслей. И мы нашли такую возможность. Правда, толку из этого получилось немного — пусть мы могли усиливать действие мыслей на мозг, но анализировать их не успевали.

Существует только один инструмент, достаточно чувствительный и сложный, чтобы с этим справиться,— другой человеческий мозг.

— Понял! — наконец-то врубился я.— Вы сделали машину, читающую мысли!

— Больше того! Во время опыта один из ассистентов ошибся, включая прибор, и получилось, что я сам оказался анализатором. А испытуемый был под наркозом.

И вместо того, чтобы "слышать" сплошной шум его мыслей, я стал их частью. Я оказался внутри мозга этого человека, но и свое сознание сохранил. Вот был кошмар! Думать отчетливо этот тип совсем не умел. А когда пришел в себя, так еще и обвинил меня, что я влез ему в голову.

Но с Маршемом будет по-другому. У него мысли очень четкие: он же привык их записывать.

— Стоп! — сказал я.— Ты что, в них еще не заглядывал?

Стив Блэкистон улыбнулся, включив все свое неотразимое обаяние:

— По трем серьезным причинам. Во-первых, я до того напичкан фантастикой, что боюсь оказаться в мире Красвелла без обратного билета. Его мир станет моим. Что сейчас ему, бедняге, нужно? Хорошая доза здравого смысла. Вот у тебя, старого пьянчуги и газетного циника, этого хоть отбавляй!

Во-вторых, если я утону в его фантазиях, меня-то вытаскивать будет просто некому. А в-третьих, если все получится, Маршем готов будет убить человека, который залезал в его сны и путался в голове. Ты всегда можешь смотаться, а мне надо все видеть и оценить результаты.

— Стало быть, шанс угодить на койку в соседней палате ты предлагаешь мне?

— Нет, если не пойдешь у него на поводу. А уж ты-то не пойдешь! У тебя железобетонный комплекс не-

внушаемости. Держись в своей обычной нахальной манере, и никакая фантастика против тебя не устоит! Да у тебя и самого неплохое воображение, судя по твоим репортажам.

Я встал, церемонно раскланялся и заявил:

— Благодарю, друг мой, ты мне напомнил — завтра я пишу отчет о матче в Гардене, и мне надо как следует выспаться. Пока!

Стив успел выбраться из кресла и оказаться у двери раньше меня.

— Ну пожалуйста! — сказал он и принялся меня уговаривать. На уговоры он мастер. К тому же мы с ним однокашники — хоть и бывшие. Он расписывал, как быстро все это проделает (прямо зубной врач!), и на каждое мое "а если..." у него находилось убедительное "нет".

Короче, через десять минут я уже лежал на койке бок о бок с несчастным Красвеллом, а Стив прилаживал на голову писателя хромированный колпак, сильно смахивающий на сушилку для волос. Ассистент проделывал то же самое со мной.

Провода соединяли колпак с какой-то фантастической машиной на колесиках. Вид у нее был такой, словно ее приволокли из фильма о безумном профессоре.

Тут мне пришло в голову, что, пожалуй, неплохо было бы уточнить кое-какие мелочи:

— И что я ему скажу? "Здрасьте, как ваши комплексы?" Я что, должен представиться?

— Просто скажи, что ты — Пит Парнелл, а дальше действуй по обстановке. На месте увидишь, о чем я говорю,— ответил Стив.

"На месте" — это меня добило. Ничего себе затея — попасть в мозги к психу! И чем больше я размышлял, тем меньше мне все это нравилось.

— А как одеваются для такого визита? В выходной костюм?

— Как хочешь, так и одевайся.

— Угу. А как я узнаю, когда закругляться?

Стив подошел ко мне:

— Если ты не вытащишь Красвелла за час, я выключу ток.

Приятных грез! — добавил он и наклонился над машиной.

Кто-то застонал. Кажется, я...

Жара страшная — как два знойных лета сразу. Нет, это просто два солнца, кроваво-красных на бронзовом небе. Под ногами что-то зеленое — мягкий мох, зеленая равнина до самого горизонта. Только это не мох. Это пыль, раскаленная зеленая пыль.

В десяти шагах от меня стоит гладиатор, таращит изумленные глаза. Рост под два метра, мышцы буграми, крепкие бронзовые руки и ноги, в правой руке — длинный сверкающий меч.

Но лицо очень знакомое.

Тут-то я вполне овладел собой и чуть не хихикнул.

— Ого! Ну ты здоров загорать. Пару минут назад ты был белый как простыня.

Гладиатор заслонился рукой от обоих солнц.

— Ты ли это, коварная Гарор, новым обличьем своим хочешь свести меня с ума? Откуда быть человеку Земли здесь, на Равнинах Истака? Или и вправду я безумен?

Голос у него был совсем не гладиаторский — звучный и хорошо поставленный.

Мой собственный голос к этому времени вполне окреп. Я успел освоиться и чувствовал себя довольно сносно; если б еще не жара!

— Там, откуда меня прислали,— с невинным видом сообщил я,— тоже начали думать, что у тебя крыша поехала.

Знаете, как бывает, когда только-только засыпаешь и видишь себя не в постели, а в другом месте — но еще можешь усилием воли вмешаться в свой сон? Вот такое у меня было чувство. Я уже понял, что значит "действуй по обстановке". Но жарища-то, жарища... И я тоже хорош: твидовый костюм, тяжелые башмаки... Ну конечно! Все это я надел, собираясь к Стиву, и с тех пор мне о своей одежде вспоминать было незачем, а значит не с чего ей было и меняться. Но Маршем Красвелл придумал слишком жаркое местечко — надо бы и мне измыслить себе что-нибудь полегче.

Пожалуй, тоже что-то в гладиаторском стиле?..

Сандалии? Годится! Вот я уже в сандалиях.

Туника...

Тут до меня дошло: надо же, чуть не попался! Так бы и шел на поводу у его фантазии — а ведь предупреждал же меня Стив...

— Ты не против, если я уберу одно солнце? — поинтересовался я как можно вежливее.— Что-то здесь жарковато!

Я посмотрел на солнце с максимальной неприязнью. После некоторого колебания оно исчезло.

— Ты — Гарор! — загремел гладиатор.— Но чарам твоим не спасти тебя от Меча!

С этими словами он бросился вперед, размахивая над головой сверкающим лезвием.

Думать пришлось очень быстро. Меч с лязгом отскочил от солдатской каски. Мне в свое время приходилось носить этот славный головной убор, и уж кто-кто, а я-то точно знаю, что никаким мечом его не прошибешь.

— Теперь послушай меня, Маршем Красвелл! — сказал я, стаскивая каску.— Я Пит Парнелл из "Санди Стар", и мне...

Красвелл, тяжело дыша, перевел взгляд с меча на мое лицо. Глаза у него вдруг заблестели — узнал меня, что ли?

— Постой! — воскликнул он.— Я узнаю тебя! Ты — Нельпар Ретреп, Магистр Семи Лун, пришедший биться со мною против зловещего Змея и его нечестивой ученицы, колдуньи и заклинательницы Гарор. Приветствую тебя, друг!

Он протянул могучую загорелую руку, и я ее пожал.

Так... Красвелл не может ни осмыслить мое появление, ни пренебречь им, вот и пытается включить меня в свою сказку. Ну, пока это даже забавно — попробую поиграть на его поле. Он еще не знает, какое у меня воображение!

— Мои верные союзники,— говорил тем временем Красвелл,— великодушные Доки с Синих Холмов, все полегли в кровавой битве. Мы вместе должны были одолеть неисчислимые опасности на Равнинах Истака и вместе обрести великую славу, обретая Алмаз, но увы... Хотя все это тебе, конечно же, ведомо?..

— Еще бы,— согласился я.— И что дальше?

Красвелл, словно прислушавшись к чему-то, резко повернулся и взмахнул рукой.

— Взгляни, Магистр,— пробормотал он.— Ибо это зрелище вселяет страх даже в мое сердце — Гарор возвращается в битву, ведя свой ужасный легион Лакросов, чудовищных порождений Сверхмира, вступивших в противоестественный союз с Темным разумом. Они неуязвимы для смертного, но им возможно противостоять Мечом и волшебным оружием Нельпара Семилунного. Мы сразимся с ними вдвоем!

По широкой зеленой равнине мчалась орда... как бы это сказать... порождений Сверхмира. Рассказать о них как следует я не берусь: не тот у меня словарный запас, чтобы живописать красвелловские фантазии.

Здоровенные, трясущиеся, словно студень, твари, истекающие гноем, они частью летели, частью скакали прямехонько к нам. Одно скажу: мне как-то сразу потребовалась плевательница. Она сейчас же явилась — вместе с умывальником, полотенцем и всем прочим,— но я опрокинул ее и изо всех сил попытался сосредоточиться.

...Телефонная будка получилась немного расплывчатой, но когда я влетел в нее и набрал короткий номер, там ответили сразу же.

— Полиция? Патрульную группу ко мне, и побыстрее!

Я вышел из будки. Красвелл все это время вертел мечом над головой и испускал воинственный клич, готовясь встретить нападающих.

За моей спиной взвыла полицейская сирена. Полдюжины мощных патрульных машин с визгом затормозили возле нас, взметнув зеленую пыль. Я могу без всякого напряжения представить себе нью-йоркский полицейский отряд — эти были что надо. Подбежавший ко мне сержант тоже был что надо: Майкл О'Фаллин — самый дюжий, самый славный и самый рыжий полисмен, какого я только знаю.

— Майк,— сказал я,— займись!

— Работенка не из самых приятных, но ребята управятся,— ухмыльнулся он и пошел командовать.

Красвелл растерянно смотрел, как полицейские растягиваются в цепь; потом пошатнулся и закрыл лицо руками.

— Безумие! — вскричал он.— Что за безумие! Что вы делаете?..

Вся сцена вдруг дрогнула. Единственное красное солнце мигнуло, зеленая равнина побледнела, и на миг сквозь нее проступили контуры двух больничных коек с лежащими на них телами. Но тут Красвелл открыл глаза.

Метрах в двадцати от блюстителей порядка чудища начали уменьшаться в размерах. Докатившись до полицейских, они уже были не выше человеческого роста и вполне поддавались обычному для таких случаев обращению. Когда удары дубинок посыпались на их рогатые головы, они без дальнейших сложностей позволили за-

толкать себя в машины. Взревели моторы — и равнина опустела.

Майкл О'Фаллин, однако, не исчез. Я сказал ему:

— Спасибо, дружище. Ты как насчет пары бесплатных билетов на завтрашний матч? Загляни ко мне попозже!

— Самое что надо, Пит. Завтра я как раз выходной. Э, а как я домой-то доберусь?

Я открыл дверь телефонной будки.

— Давай сюда!

Сержант вошел и благополучно растворился. Я повернулся к Красвеллу.

— Велико же твое колдовство, о Семилунный! Дьявольские творения Гарор ты ниспроверг творениями собственного разума!

Он уже и это пристроил к своему роману.

— Теперь вперед, о Нельпар, вперед, к Твердыне Змея, что лежит в тысяче локспанов отсюда, за зеленопламенными Равнинами Истака!

— А как насчет Алмаза?

— Алмаза?..

Он, верно, столько сил потратил, приплетая меня к сюжету, что начисто забыл об Алмазе, который должен был повергнуть Змея. Ну я больше и не стал напоминать.

Однако тысяча локспанов по зеленопламенным Равнинам — это меня не вдохновляло, за сколько бы он ни считал свой локспан.

Я сказал:

— Ну что ты все себе усложняешь, Красвелл?

— Имя мое Мултан,— уточнил он с неимоверной гордостью.

— Мултан, Султан... да хоть Бифштекс-с-Луком, если у тебя страсть к такой абракадабре. Придумывай себе хоть десятиэтажные клички, только скажи: почему ты вечно все усложняешь? Надо тебе ехать — для этого есть такси. Трудно свистнуть, что ли?

И я свистнул. Тут же подкатил потрепанный желтый "форд" — словно только что с какой-нибудь нью-йоркской улицы. И мешковатый небритый шофер — копия того угрюмого хмыря, что вез меня сегодня утром.

Вряд ли найдется на свете что-либо прозаичнее нью-йоркского такси с этаким водилой. Лицо Красвелла приобрело цвет равнин Истака, а сами зеленопламенные

равнины затряслись, словно в неисправном телевизоре — так он старался загнать это такси в свои фантазии.

— Что за новые чары? Велико твое могущество, Нельпар! Воистину ты...

Он поперхнулся и полез в машину. Бедняга прямо дрожал от усилий удержаться в своей волшебной стране, нелегко ему было — я ведь прямо в нос ему совал реалии нашего здравого, хоть и бесцветного мира.

Мне даже жалко его стало, но жалей-не жалей, а единственный способ вытащить его упирающееся "я" назад в действительность — это дать ему развернуть всю свою фантазию, а потом окатить, как холодной водой, непобедимыми фактами.

Опасная это была мысль — для меня опасная.

Тысяча красвелловских локспанов кончилась кварталов через десять: может, ему просто не терпелось расстаться с несуразным для его мира средством передвижения. Он протянул бронзовую руку над плечом шофера:

— Смотри же — перед тобой оплот Змея!

Оплот подозрительно смахивал на гигантский свадебный торт, выпеченный Сальвадором Дали из ярко-красной пластмассы: десяток ярусов в полмили толщиной каждый, верхние уже нижних — и все это спиралью ввинчивается в желтое небо.

Такси въехало в широкую тень и затормозило у бездонной пропасти, окружавшей нижний слой торта. Поперечник этого бесподобного сооружения был не меньше двух миль. А может, и трех. Или четырех. Что нам, сновидцам, миля-другая?

Красвелл встрепенулся и поспешно выскочил из машины. Меня что-то вслед за ним не тянуло.

Шофер повернулся и буркнул:

— Полтора доллара.

Квадратная небритая челюсть, низкий лоб, грязно-рыжие волосы из-под фуражки.

Я сказал:

— Больно много хочешь. Ехали-то всего ничего!

— Счетчик видишь? — процедил он, нависая над спинкой сиденья.— Или, может, ты такой непонятливый, так я объясню.

— Да чтоб ты провалился! — пожелал я от души.

Он и провалился. Вместе со своим "фордом" (бывали в моей жизни минуты, когда этого так не хватало!). Зеленый песок мигом сомкнулся.

Мой гладиатор только рот раскрыл.

— Извини,— сказал я ему,— видишь ли, и у меня бывают приступы эскапизма. Валяй дальше!

Красвелл пробормотал что-то невразумительное и зашагал к алой стене, в которой уже появлялась вертикальная щель. Через секунду вокруг нее наметились громадные ворота. Красвелл вскинул меч:

— Открывай, Гарор! Конец твой близок. Мултан и Нельпар пришли бросить вызов ужасам Твердыни и избавить мир от господства Змея! — Он загрохотал по воротам рукоятью меча.

— Ну что ты шумишь? — вмешался я.— Соседей разбудишь! Звонок для чего придуман?

Я нажал на услужливо возникшую кнопку, и ворота медленно растворились.

— Ты... ты был здесь?..

— Был как-то раз... когда напился до чертиков.— Я вежливо пропустил его вперед.— После вас, сэр!

За ним я и прошел в высокий гулкий тоннель со светящимися стенами. Ворота позади нас захлопнулись с громовым треском. Красвелл помедлил и как-то странно посмотрел на меня — нехорошим таким взглядом, трезвым... Рот у него перекосило от злобы, и было ясно, что злится он на меня, а не на Гарор со Змеем.

Я бы на его месте тоже не шибко радовался — кому охота, чтобы в твоих снах ошивался посторонний? Гордость — штука обидчивая, даже в подсознании. Ну а подсознание, как толковал мне Стив, есть функция всего мозга, а не какой-то части. Хозяйничая в придуманном Красвеллом мире, я оскорбил не только его фантазию, но весь мозг, все его представления о себе и вдобавок еще авторское самолюбие.

Пожалуй, в ту минуту он осознавал это не хуже меня.

— И твоей силе есть предел, Нельпар,— заговорил он тихо.— Твой взор, обращенный вовне, слеп к мукам созидания. Для тебя и кристальные звезды — лишь блестки на платье блудницы; ты глумишься над божественным безрассудством, которое одно отличает стезю человеческую от жалкого существования меж утробой и могилой. Срывая покров с тайны, ты губишь не тайну, ибо много есть тайн и множество покровов, и есть миры внутри и вне зримого мира,— нет, ты губишь красоту. А убивая красоту, ты губишь свою душу.

И эти негромкие слова вдруг эхом заметались от стены к стене в пульсирующем призрачном свете, внушая с гипнотической силой:

ГУБИШЬ свою душу, губишь свою ДУШУ, душу... душу...

Но тут Красвелл вскричал ликующе, указывая мечом в темноту:

— Вот покров, Нельпар, и ты должен сорвать его или он станет твоим саваном! Туман, мыслящий туман, темный разум Твердыни...

Скажу по правде — я оторопел. На какой-то момент ему удалось меня осилить: впервые я почувствовал, как он может опутывать паутиной слов...

Если я сейчас с ним не справлюсь — мне конец.

Серый густой туман, клубясь, накатывался на нас, заполняя тоннель снизу доверху, выпуская толстые хищные щупальца.

— Он высасывает саму жизнь! — кричал Красвелл.— Пища его не плоть, но сама суть жизни, одушевляющая всякую плоть. Меня он не коснется, Нельпар,— я защищен Мечом. А тебя — спасут ли твои чары?

— При чем тут чары,— огрызнулся я.— Армейский противогаз — вот тебе средство от любого мыслящего тумана!

Газовая атака: маску надеть — раз, завязки за уши — два! Все помню, оказывается.

— А если это не газ,— добавил я уже из-под маски,— мы его вот такой штукой!

Действовать ручным огнеметом мне пришлось всего раз в жизни — на учениях, но впечатление осталось сильнейшее.

У меня за плечами уже висела самая шикарная модель. Десятиметровый язык жирного пламени ударил в Туман — зловредный разум сразу свернулся и откатился туда, откуда выполз. Теперь он передвигался куда быстрее!

Я опустил огнемет.

— А ты ведь тоже был в армии, Красвелл. Ну вспомни!

Призрачное свечение стен вдруг померкло, и сквозь него на мгновение проступило напряженное лицо Стива Блэкистона. Но стены тотчас восстановились, и мы опять остались вдвоем с Красвеллом — все тем же полуголым смуглым гигантом, только теперь он был хмур и расстроен.

— Темны твои слова, о Нельпар! Ты, видно, владеешь тайнами, превосходящими даже мое понимание!

Я придал своей физиономии то обиженно-настойчивое выражение, которым пользуюсь, когда редактор пытается оспорить мои служебные расходы.

— Твоя беда, Красвелл, в том, что ты не хочешь ЗНАТЬ, ты просто отказываешься ПОМНИТЬ. Потому ты и здесь. А ведь жизнь, ей-ей, не так уж плоха, стоит лишь иной раз промочить горло. Ну хватит, давай выберемся отсюда и сходим пропустим по стаканчику, а?

— Не понимаю,— задумчиво пробормотал Красвелл.— Но цель наша ждет нас. За мной! — и он устремился дальше.

Вовремя это я вспомнил про выпивку. Память у меня на сей предмет замечательная, а жара в тоннеле стояла такая же, как в зеленой пустыне. Я живо вспомнил уютный паб на задах автобусного парка у Сочихолл-стрит в Глазго. Как я там восторженно распинался о местном виски и как смеялся старый горец с рыжими бакенбардами и жутким акцентом:

— Это, по-твоему, доброе виски, паренек? А хочешь попробовать моего? Подставляй-ка стакан!

Тут он вытащил допотопную серебряную фляжку и щедро плеснул мне золотистой жидкости. В жизни не пробовал такого нектара — ни до того, ни после! Вплоть до той самой минуты, как вспомнил о нем в светящемся тоннеле Красвелла.

Я уже было вообразил стакан, но спохватился и заменил его старинной фляжкой. Поглощая божественный напиток, я размышлял о том, какая все-таки замечательная штука — воображение!

За этим занятием я чуть было не забыл о Красвелле, а он все вещал:

— ...У Залы Безумия, где музыка тьмы сковывает разум, где дьявольские мелодии лишают силы и убивают, разрывая мозг. Внемли!

Тоннель наконец кончился — мы стояли перед гигантской лестницей, плавно уходившей вниз. Она вела в огромный круглый зал, затянутый голубоватой дымкой, словно там разом собрались миллионы курильщиков. Дымка колыхалась, закручивалась, и сквозь нее в дальнем конце зала просматривалось сложное переплетение тускло поблескивающих труб,— тоже, надо полагать, непомерной величины.

Если это была музыкальная машина, то самый большой орган рядом с ней выглядел бы скромнее губной гармошки. Из этого дикого переплетения вырастали десятки клавиатур, за которыми бесновались существа с множеством конечностей, похожие одновременно на пауков и на каракатиц. Я не стал слушать, как Красвелл их называет,— меня больше интересовала музыка.

Первые аккорды были действительно странными, но, по-моему, вполне безобидными. Потом звуки стали нарастать и усложняться. Я различал непривычно вкрадчивое звучание фаготов и гобоев, отчаянный плач сотен скрипок, пронзительные стоны флейт, горестные рыдания виолончелей... Нет, хватит! Музыка — мое хобби, и я не хочу рассказывать о том, как эта бредовая симфония чуть меня не угробила.

Но если Красвелл когда-нибудь это прочтет, пусть знает: упустил он свое призвание! Ему бы музыкантом стать — с такими-то способностями к оркестровке! Если бы он мог сочинять подобное не в подсознании, а в реальности — быть бы ему великим композитором!

А может, и нет: его музыка действовала именно так, как он говорил. Коварный ритм и безумные мелодии завертелись в моей голове — я уже чувствовал, как в этом вихре начинаю терять разум.

Вообразите "Recondita Armonia" Пуччини в оркестровке Стравинского* и аранжировке Онеггера**, исполненную сразу сотней симфонических оркестров в самой большой студии Голливуда,— это будет немножко похоже.

Но я уже был сыт по горло. Говорил я вам, что музыка — мое хобби? Так вот: единственный инструмент, на котором я играю,— это губная гармошка. Неплохо, кстати, играю. А если меня пустить к микрофону — так даже очень громко.

Микрофон — и побольше усилителей! Я выхватил из кармана гармошку, набрал полную грудь воздуха и завел свою коронную "Тигровую шкуру".

Оглушительная волна развеселого джаза с присвистом и тигриным рычанием вырвалась из динамиков, которыми я обвешал весь зал, и начисто забила музыку Красвелла.

---

* Стравинский И. Ф. (1882—1971) — русский композитор и дирижер. С 1939 г. жил в США.

** Онеггер Артюр (1892—1955) — французский композитор.

Но даже сквозь эту какофонию я различил его возмущенный крик: он явно не разделял моих пристрастий. Джаз ему пришелся не по нутру.

Его музыкальная машина закачалась, многоногие органисты панически забегали, съеживаясь на ходу, превращаясь в простых жуков; исходившее от машины сияние, озарявшее зал неземными отсветами, перешло в тусклый полумрак; и вот все сооружение, словно не выдержав напора бушующих в зале музыкальных волн, распалось и растеклось звуковыми водоворотами.

Красвелл опять что-то выкрикнул — и вдруг вся сцена сменилась. Должно быть, он, то ли пытаясь избавиться от несносного джаза, то ли бессознательно надеясь сбить меня с толку, пропустил несколько глав в своем повествовании, и мы попали в другой кусок сюжета.

Я ли вызвал у него комплекс неполноценности, или он второпях забыл, какой рост сочинил себе поначалу,— только теперь в нем было не больше пяти с половиной футов. Мы с ним почти сравнялись.

И голос у него был такой, что я чуть снова не предложил ему промочить горло.

— Я... я оставил тебя в Зале Безумия. Твое волшебство сокрушило Залу, но ты был погребен под обломками. Я думал, ты... погиб!

Значит, он меня не просто хотел сбить с толку. Думал от меня избавиться, вычеркнуть из своего романа!

Я покачал головой и сказал с укором:

— Не принимай желаемое за действительное, старик! Не можешь ты меня вычеркнуть. Я же не твой персонаж — как до тебя еще не дошло? Если хочешь от меня отделаться — просыпайся!

— Опять ты говоришь загадками,— протянул он неуверенно. Но стены вокруг нас не дрогнули.

До этих стен было далеко — мы вновь стояли в громадном и очень высоком зале. Освещение и здесь было на редкость замысловатое: множество цветных лучей, возникающих неизвестно откуда, встречались в дальнем конце зала и сливались в белое пятно, зависшее над чем-то вроде трона.

Красвелл явно был одержим гигантизмом: то ли он изучал величайшие готические соборы Европы, то ли просто его детство прошло преимущественно на нью-йоркском Центральном вокзале. До трона было не меньше полумили пустого пространства — гладкого и блес-

тящего пола. Мы не двигались, но, взглянув на стены, я догадался, что сам пол, словно гигантский транспортер, плавно несет нас вперед.

Это медленное безостановочное движение впечатляло. Я заметил, что Красвелл искоса поглядывает на меня: уж очень ему хотелось произвести впечатление. Я в ответ слегка ускорил ход механизма — он сделал вид, что ничего не заметил.

— Мы приближаемся,— торжественно возгласил он,— к Трону Змея, хранимому его нечестивой ученицей — чародейкой Гарор, против которой понадобятся нам все твои странные силы, Нельпар, ибо пребывает она неуязвимой под незримым щитом могущественных заклинаний.

И должен ты разбить этот щит, дабы мог я сразиться с ней Мечом. Без нее Змей, господин ее и самозваный властитель этого мира, утратит всю силу свою и падет бездыханный...

Пол под нами вдруг вздрогнул и остановился. Мы были у подножия широченной лестницы, ведущей к трону — массивной платформе из чистого золота, на которой под ярким кругом света грелся Змей.

Змей был как змей: здоровенный питон, свернувшийся кольцами, голова размером с футбольный мяч медленно раскачивается, глаза злющие.

Я его не стал рассматривать — в террариуме таких властителей навидался. Я сразу засек куда более интересный объект — чуть в стороне от трона.

Да, что касается женщин — тут у Красвелла вкус безупречный. Возможно, я опасался увидеть злобную старушенцию — куда там! Первый же голливудский продюсер, увидавший эту кошечку, прорвался бы сквозь любые заклинания, размахивая контрактом, сшибая конкурентов — и быстрее, чем вы успели бы свистнуть!

Это была высокая зеленоглазая брюнетка, и все у нее было в самый раз, и все хорошо обозримо: носила она только скромные металлические чашечки на груди и полупрозрачную изумрудную мини-юбочку.

В голосе Красвелла звучала позабавившая меня воинственность, когда он без особой надобности сообщил: "Мы здесь, коварная Гарор!" и посмотрел на меня выжидательно.

Коварная Гарор откликнулась сразу же:

— Дерзкие безумцы, вы здесь, чтобы умереть!

Мм-м-м, какой голосок!.. Прямо виолончель Пятигорского!*

Я готов был восхищаться фантазией Красвелла. Но неужели он может сочинить такое целиком из головы? Скорее — рисовал портрет с натуры. Какая-то из его знакомых (мне бы такую знакомую!) всплыла из запасников его памяти, как Майкл О'Фаллин и тот мордатый шоферюга — из моей.

— Лакомый кусочек! — прокомментировал я.— Не забыть бы мне, Красвелл, спросить у тебя потом телефон оригинала!

И тут я повел себя не по-джентльменски (до сих пор об этом жалею!). Я взял и ляпнул:

— Разве вы не знаете, что в этом сезоне мини уже не носят?

Я уставился на ее ножки. Юбка тут же удлинилась до щиколоток, как положено вечернему платью.

Красвелл метнул яростный взор на свою приятельницу — и подол подскочил до колен. Я опять довел его до модной длины. И тут юбка запрыгала вверх-вниз, как взбесившиеся жалюзи: этакое состязание воображений, где полем битвы служила пара превосходных ножек! Зрелище было волнующее — при том, что зеленые глаза Гарор вспыхнули негодованием. Похоже, она чувствовала малоприличную суть происходящего.

Вдруг Красвелл испустил отчаянный вопль, одновременно яростный и жалобный, словно у дюжины горластых младенцев сразу отняли любимые погремушки,— и пикантная сцена исчезла в черном дыму.

Когда дым рассеялся, Красвелл стоял в той же позе, но без меча. Одежда его была прожжена и разорвана, на руках запеклась кровь.

Мне сильно не понравился его взгляд. На этот раз я уж очень больно наступил на любимую мозоль его подсознания.

— Что, не выдержал? — миролюбиво поинтересовался я.— Небось опять пропустил главу? Ты хоть расскажи, что там было.— Почему-то это прозвучало не так небрежно, как мне хотелось бы.

Он ответил резко:

— Мы схвачены и приговорены к смерти, Нельпар.

---

* Пятигорский Г. П. (1903—1976) — выдающийся американский виолончелист.

Мы узники Змея, и ничто не может нас спасти, ибо я лишен Меча, а ты — своей волшебной силы. И заключены мы в Яму Зверя, где ничто не оградит нас от его пасти. Это конец, Нельпар! Это конец...

Его пронзительные глаза смотрели на меня не отрываясь. Я сам попытался отвести взгляд — и не смог.

Довел я Красвелла своим кривляньем! Его оскорбленное подсознание собрало все наличные ресурсы и подчинило их одной цели — расправиться со мной. Желание это оставалось неосознанным — он мог и не знать, за что меня ненавидит, — но эффект вышел чертовски сильный.

Впервые с той минуты, как я вломился к нему в мозги, мне пришлось задуматься: а насколько это, в сущности, порядочно?

Я, конечно, желал ему только добра, но... грезы — дело святое.

Сомнения подтачивают уверенность. Где нет уверенности — там открыта дверь страху.

Совсем другой голос — тихий, шелестящий голос Стива Блэкистона: "...нет, если не пойдешь у него на поводу..." Мой голос: "...так шанс угодить на койку в соседней палате ты предлагаешь мне?" — "...нет, если..." — "...если не пойдешь у него на поводу..." А сам-то Стив побоялся сюда лезть, так ведь? Ну скажу я ему пару ласковых, когда выберусь... Если выберусь... если...

Эта история уже потеряла для меня всякую привлекательность.

— Брось, Красвелл,— сказал я хрипло.— Хватит ломать комедию... а то, ей-богу, дам в морду — и ты это почувствуешь, в сознании ты или в подсознании!

— Это слова глупца,— ответствовал он холодно,— а мы оба на пороге смерти!

Голос Стива: "...симпатическая магия... воображение... если Маршем вообразит, что одно из его фантастических созданий убьет его — он больше не проснется..."

Так и есть. Сюжет, где герой будет убит. И он хочет, чтобы мы оба были убиты. Но меня-то он не может убить! Или может? Мог ли Блэкистон знать, на что способен инстинкт смерти в двух противоестественно соединенных разумах?

Говорят же психиатры, что этот инстинкт есть у каждого, только глубоко запрятан в подсознании... Но здесь-

то до него докапываться не надо — вот он, так и сверкает в глазах Маршема Красвелла.

Человек сбежал от реальности в мир грез, а его и там достали. И единственное место, где он может еще по-настоящему укрыться,— это в смерти.

Красвелл, наверно, почувствовал мои сомнения и растерянность — они ведь делали меня беззащитным перед его свирепым, распаленным, жаждущим покончить со мной воображением! Величественным жестом шекспировского героя, предваряющего последний акт, он представил мне своего монстра.

Это был действительно шедевр жутких подробностей и немыслимого правдоподобия. Такого я у него еще не видел. Красвелл чувствовал, что это его лебединая песня, и вложил в нее все свои творческие способности.

Я увидел, что мы стоим в центре громадного амфитеатра. Зрителей не было: Красвелл не любил массовых сцен. Он предпочитал странную пустоту безвременья и минимальное количество персонажей.

Только мы двое — в яростном свете множества красных солнц, колышущихся в раскаленном небе. Я не считал, сколько их,— я видел только чудовище.

Чувствовал я себя, как муравей в миске, которую обнюхивает собака. Вот только чудовище не имело ничего общего с собакой. Оно вообще ни с чем не имело ничего общего.

Это было нечто размером с десяток слонов: неповоротливая, гнусно шевелящаяся гора пурпурного просвечивающего мяса с зияющей двухметровой пастью, утыканной изнутри острыми, покрытыми слизью клыками, а снаружи усеянная десятками глаз.

Даже если бы эта тварь не шевелилась, она была бы воплощением невыразимого кошмара, но самым невыносимым был ее омерзительный способ передвижения. Конечностей у нее не было; она ползла, конвульсивно содрогаясь и при каждом толчке извергая из пасти вязкую зеленоватую жижу.

И надвигалась она с поразительной быстротой: 30 метров... 25...

Я сжался в смертельном ужасе — 20 метров... 15... Я отчаянно пытался думать: огнемет?.. как же его... не помню! — мой разум отказывал при виде этой наползающей жути... Сперва зеленая слизь, потом клыки... необъятная пасть... не убежать, не остановить...

Новый голос — спокойный, неторопливый, добрый голос из давнего детства: "...Он может все остановить — и на этом и на том свете. Ты и во сне не встретишь ничего, с чем бы мой Билли не справился. С сегодняшнего дня он будет приходить в твои сны, так что тебе больше нечего бояться..."

Холодная твердая рукоятка в руке, грохот выстрела, рывок отдачи — из самых дальних глубин подсознания...

— Папа! — ахнул я.— Спасибо, па!

Монстр уже навис надо мной. Но Билли был в моей руке, нацеленный прямо в зияющую пасть. Я нажал курок.

Чудище дернулось, поползло назад, скользя по собственной слизи, и стало на глазах съеживаться. А я стрелял и стрелял.

Не сразу я вспомнил о Красвелле.

Он стоял и молча смотрел — на корчившееся чудовище (оно уже заметно убавилось в размерах и продолжало уменьшаться), на тускло поблескивающий кольт в моей руке, на дымок, вьющийся из его дула...

И вдруг он расхохотался.

Громкий, бурный хохот, но было в нем что-то истерическое.

Все еще хохоча, он стал таять, красные солнца покатились с неба, угасая на ходу, превращаясь в тусклые точки,— и вот небо стало пустым, белым и гладким, как потолок.

В сущности (какие приятные слова — "в сущности"!) это и был потолок.

И вот уже Стив Блэкистон, улыбаясь, снимает хромированный колпак с моей головы.

— Ну спасибо, Пит! Полчаса — минута в минуту. Ты на него подействовал быстрей, чем инсулиновый шок!

Я сел, пытаясь прийти в себя. Стив ущипнул меня за руку:

— Ну-ну, ты уже проснулся. Я хочу, чтобы ты мне рассказал все, что делал,— только не сейчас. Я тебе позвоню на работу.

Ассистент как раз стащил колпак с Красвелла. Тот заморгал, повернул голову — и увидел меня. На лице у него вмиг сменилось с десяток выражений — и хоть бы одно было приветливым!

Он резко сел, оттолкнув ассистента.

— Ах ты сволочь! Ну, я тебя!..

Я вскочил, а Стив и кто-то из его помощников вцепились в Красвелла.

— Пустите, черт подери! Я с ним потолкую!..

— Я же говорил,— сокрушенно выдохнул Стив.— Сматывайся быстрей!

В этот момент я уже несся по лестнице. Маршем Красвелл в пижаме не производил того впечатления, что бронзовый гладиатор его грез,— но мускулатура у него осталась вполне приличная.

Это все случилось вчера. Стив позвонил мне сегодня утром.

— Вылечился начисто,— сообщил он торжествующе.— Здоровей тебя! Сказал, что малость переутомился и собирается дать себе отдых от фантастики — займется чем-нибудь другим. Ровно ничего не помнит, но у него сохраняется странное чувство, что он должен сделать что-то нехорошее с парнем, лежавшим на соседней койке. Почему — не имеет понятия, а я ему не объяснял. Но ты на всякий случай держись подальше.

— Я бы сам с ним сделал что-то нехорошее,— фыркнул я.— Мне не нравится его страсть к чудовищам. Что он теперь намерен сочинять — любовные романы?

— Нет,— фыркнул Стив,— его вдруг потянуло к вестернам. Сегодня завел рассуждения об исторической роли револьвера "кольт". Даже выбрал название для нового романа: "Закон шестизарядного". Кстати, не ты ли навел его на эти мысли?

Ну я ему и рассказал.

Стало быть, Маршем Красвелл здоровей меня? Так для этого, похоже, не много надо.

Три часа назад собираюсь я на матч тяжеловесов в Мэдисон-Сквер-Гардене, и вдруг берет меня за пуговицу полисмен. Да не какой-нибудь, а Майкл О'Фаллин — самый дюжий, славный и рыжий полисмен, какого я знаю.

— Пит, дружище,— говорит мне Майкл.— Знаешь, какая мне чудная штука нынче приснилась? Будто я тебя выволок из одной заварушки, а ты мне и говоришь — поблагодарить, что ли, хотел — мол, подойди, Майк, завтра ко мне насчет билетов на матч. Так вот я никак в толк не возьму: или это такая телепатия, или...

Я покачнулся и уцепился за дверь бара. Майк еще бубнил, когда я вытащил из кармана собственный билет и сказал:

— Знаешь, что-то мне не по себе сегодня. Ты сходи, а я, пожалуй, спишу отчет из других газет. Ты в это, Майк, не вдумывайся; считай, что это твоя ирландская везуха!

Я вернулся в бар, взял двойное виски и уставился в него: когда надо сосредоточиться, это помогает не хуже хрустального шара.

Телепатия. Ничего себе?!

Нет, сказало виски, совпадение. Не бери в голову.

А все-таки телепатия — в этом что-то есть. Подсознательная телепатия — два спящих мозга один внутри другого. Да, но я же не спал! Я только ошивался в чужом сне. А мозг во сне особенно восприимчивый. Предвидение и всякое такое... Но я-то не спал! Шестью восемь — сорок восемь, стакан, лимон — выйди вон...

Совсем сдурел, сказало виски.

Надо бы найти себе хрустальный шар почище. К примеру, скотч в хрустальном стакане в Чевали-клубе.

Я остановил такси. Шоферский затылок показался мне подозрительно знакомым. Не желаю я об этом думать! Пока не довезет.

— Полтора доллара,— пробурчал затылок и обернулся.— Э, где это я тебя недавно видел?

— Я тут часто езжу,— произнес я не без труда.— Не ты меня вчера утром вез?

— Ага, точно,— подтвердил он.— Только не в этом закавыка: что-то мне твоя карточка очень уж знакома. Во! Меня вчера сморило в кабине, и приснилась чертовщина какая-то. Так ты там тоже вроде был... И у меня с тех пор засело в голове, что ты мне уже должен полтора доллара!

Секунду я колебался: не послать ли его еще раз подальше. Но мостовая мало походила на зеленый песок, вид у нее был уж очень надежный. Я сунул шоферу пятерку и ввалился к Чевали.

Я консультировался со здешним виски, пока в мозгах не стало проясняться; потом позвонил Стиву Блэкистону и кое-что добавил к своему рассказу.

— Как они все сюда впутались? — поинтересовался я напоследок.— С ума можно сойти, если подсчитать, что бы случилось, сумей я вообразить побольше своих

знакомых. Допустим, они бы спали, так что — все видели бы один и тот же сон?

— Слишком большой разброс,— ответил Стив. Слышно было, как он откусил от бутерброда.— Это все равно что пытаться одновременно передавать что-то на десятках волн через один радиопередатчик. Твой мозг был частью нашей машины, занимая то же положение в сети, что и регистрирующие датчики, настроенные на красвелловский мозг. Ну а дальше, я думаю, начался просто индукционный процесс, то есть...

Я больше не мог слышать это чавканье.

— Проглоти,— посоветовал я,— а то подавишься (Стив живет на одних бутербродах).

Стив глотнул и заговорил разборчивее:

— Ты понял, что получилось? Процесс усиления мозговых токов оказался обратимым, и машина заработала как передатчик. Эти двое, о ком ты рассказывал, спали. Их подсознание было доступно, вот они и смогли принять твою передачу. А ты видел их днем, хорошо представлял, вот и настроил на определенный сон. Слыхал когда-нибудь о симпатических снах? Бывало с тобой, что приснился человек, с которым ты много лет не виделся, а назавтра он тут как тут? Теперь мы сможем осуществлять это намеренно: передача снов через электронику, представляешь?! Так что давай ко мне — надо еще поэкспериментировать!

— Иногда я, знаешь ли, сплю, причем без всякой электроники,— осадил я его.— Вот этим я сейчас и займусь. Пока!

Сказал и пошел в клубный бар (лучше бы домой поехал!).

...Она прошла к микрофону, покачивая бедрами,— воплощенная мечта, ростом под 170 сантиметров, в облегающем, как перчатка, искрящемся платье. Неповторимая брюнетка с зелеными глазами и восхитительными ножками. Платье было не таким откровенным, как наряд, который придумал ей Красвелл, но столь же волнующим.

Пробравшись за сцену, я встретил самый холодный прием. Да, она немного знает мистера Красвелла. Нет, она не спала вчера около полуночи; и не буду ли я так любезен объяснить, каким образом это меня касается?

Я со всей любезностью поинтересовался причинами ее неприязни и получил исчерпывающий ответ:

— Просто у меня нет никакого желания с вами знакомиться, мистер Парнелл.

— Ну почему же?

— Едва ли этот вопрос входит в вашу компетенцию.— Тут она слегка нахмурилась, словно что-то припоминая, и добавила: — Вообще-то я сама не знаю. Вы мне не нравитесь и всё. А теперь мне, с вашего позволения, пора на сцену.

— Еще минутку, пожалуйста! Я объясню...

— Что вы объясните?

Действительно — что? Пока я соображал, она повернулась, и мне осталось только оценить ее достоинства с тыла.

Ну как будешь извиняться перед девушкой, если ей еще надо объяснить, за что ты будешь извиняться? Она не спала — значит, не могла видеть во сне конфуз с юбкой. А если даже так — снилась-то она Красвеллу, а не мне! Но блэкистоновская машина каким-то образом ухитрилась всадить в ее подсознание отвращение ко мне, Питу Парнеллу. Теперь без психиатра его оттуда не вытащишь. Или все-таки...

Стиву я позвонил тут же, из клуба. Он все еще жевал. Я ему и объявил без предисловий:

— Слушай, мне надо как следует подумать... в эту твою машину. Сейчас буду!

Когда я бежал к выходу, моя мечта как раз спускалась с эстрады. Я так и впился в нее взглядом, стараясь запомнить каждую черточку. Потом поинтересовался:

— Вы когда сегодня ляжете?

От пощечины я успел увернуться.

— Ничего, мне не к спеху. Еще увидимся! Приятных вам снов!

Рэй Брэдбери
НОЧЬ СЕМЬИ

— Они идут,— сказала Сеси, лежа неподвижно в своей постели.

— Где они? — выпалил Тимоти от дверей.

— Одни над Европой, другие над Азией, третьи над Исландией, четвертые над Южной Америкой! — ответила Сеси, и длинные карие ресницы закрытых глаз вздрогнули.

Тимоти подошел поближе, ступая по голым доскам пола.

— А кто идет?

— Дядя Эйнар, и дядя Фрай, и кузен Вильям, и еще я вижу Фрульду и Хельгара, и тетю Моргиану, и кузину Вивьен, и я вижу дядю Иоганна! Как они спешат!

— Они летят? — возбужденно спросил Тимоти. Его серые глаза сверкали. Он выглядел нисколько не старше своих четырнадцати лет. А снаружи завывал ветер, и темный дом озарялся лишь светом звезд.

— Они летят и они бегут, и каждый в своем облике,— не просыпаясь, рассказывала Сеси. Она не шевелилась, но ее разум бодрствовал, и Сеси рассказывала, что видит.— Вот я вижу, как огромный волк перебегает вброд речку над самым водопадом и в свете звезд его мех серебрится. А вот ветер несет высоко в небе бурый дубовый лист. И летит маленький нетопырь. И еще многие

© Перевод на русский язык, Вязников П. А., 1994

другие — скользят сквозь чащу леса, и мчатся среди самых верхних ветвей, и все они спешат сюда!

— Они успеют к завтрашней ночи? — спросил Тимоти, взволнованно комкая уголок простыни. Паук, сидевший у него на воротнике, выпустил паутинку и закачался, как черная подвеска, перебирая лапками: он тоже был взволнован.

Тимоти склонился к сестре.

— Они все успеют на Ночь Семьи?

— Да, да, Тимоти, да,— выдохнула Сеси и застыла.— И не спрашивай меня больше. Уходи. Я хочу теперь странствовать в тех местах, которые мне больше по душе.

— Благодарю, Сеси,— тихо сказал мальчик. Он вышел в коридор и помчался в свою комнату, заправить постель: он только несколько минут назад, на закате, проснулся и с первыми звездами побежал, чтобы поделиться с Сеси своим волнением.

Сейчас Сеси спала совсем тихо — ни звука.

Пока Тимоти умывался, паучок висел на своем серебристом лассо, обвивавшем тонкую шею.

— Подумать только, Чок-паучок — завтра канун Всех Святых! Хэллоуин!

Мальчик посмотрел в зеркало. Это было единственное зеркало в доме, разумеется. Мама делала ему поблажки, потому что понимала, каково ему с его болезнью. Ну за что его так?! Он открыл рот и грустно посмотрел на отражение жалких и таких непрочных зубов — природа поскупилась. Тоже мне зубы,— не зубы, а просто кукурузные зерна. Чуть ли не круглые, тупые, мягкие, белые... Это зрелище даже пригасило праздничное настроение.

Уже совсем стемнело — пришлось зажечь свечу. Мальчик ощутил навалившуюся усталость: всю последнюю неделю семья жила по обычаям Старого Света. Они спали днем и вставали с последними лучами солнца. Тимоти посмотрел на темные круги под глазами.

— Никуда я не гожусь, Чок,— тихо прошептал он своему маленькому другу.— Даже не могу привыкнуть спать днем, как все наши...

Он поднял подсвечник. Ну почему у него нет настоящих сильных зубов — резцов и клыков как стальные ножи! Или, скажем, сильных рук. Или — сильной воли. Хотя бы уметь посылать свои мысли по всему свету, как Сеси... Но он — урод. Больной. Калека. Он даже (Тимоти вздрогнул и придвинул свечку поближе) боится тем-

ноты. Братья над ним смеются — и Бион, и Леонард, и Сэм... Они дразнят его, потому что он спит в постели. Сеси — другое дело, постель ей нужна, чтобы удобнее было посылать свой разум на охоту. А Тимоти? Разве он может, как вся семья, спать в прекрасном полированном ящике? Нет! Не может! И вот мама разрешила ему иметь постель, свечу и даже зеркало. Ничего странного, что родня сторонится его, как креста. Ну что бы крыльям на спине прорезаться!

Мальчик снял рубашку и, извернувшись, посмотрел на голые лопатки. И снова вздохнул. Не растут. И не вырастут.

А снизу доносились таинственные волнующие звуки. С шорохом разворачивался черный креп, закрывая стены, потолки, двери. Вдоль перил лестницы вился запах горящих черных свечей. Слышался высокий и твердый мамин голос, ему гулко отвечал из сырого подвала голос папы. А вот входит в дом Бион — тащит большие двухгаллонные банки.

— Но я должен праздновать со всеми, Чок,— сказал Тимоти. Паучок крутнулся на своей серебряной нити, и Тимоти вдруг почувствовал себя одиноким. Да, он будет полировать деревянные ящики, носить поганки и пауков, развешивать креп... но когда праздник начнется, о нем забудут. Чем меньше будут видеть сына-урода, чем меньше будут говорить о нем, тем лучше.

Через дом пробежала Лаура.

— Ночь Семьи! — весело кричала она, и ее шаги звучали со всех сторон разом.— Ночь Семьи!

Тимоти снова прошел мимо комнаты Сеси — та тихо спала. Сеси спускалась из своей комнаты не чаще раза в месяц, а остальное время проводила в постели. Красавица Сеси. Тимоти хотелось спросить — где ты сейчас, Сеси? И *в ком*? И что делается вокруг тебя? Ты за холмами? И как там?.. Но мальчик миновал комнату Сеси и пошел к Элен.

Элен сидела за столом, разбирая всевозможные волосы — белые, рыжие, черные — и маленькие серпики ногтей. Она работала маникюршей в салоне красоты в Мелин-Вилидж в пятнадцати милях отсюда. В углу стоял крепкий ящик черного дерева с ее именем.

— Пошел вон,— проговорила Элен, даже не поднимая глаз.— Я не могу работать, пока ты на меня пялишься.

— Да ведь Хэллоуин же, Элен. Ты подумай только! — сказал мальчик, пытаясь говорить дружелюбно.

— Хм! — Она бросила несколько обрезков ногтей в белый пакетик и надписала его.— Да разве для тебя это что-то значит? Разве ты знаешь что-нибудь об этом? Ты же там просто перепугаешься до смерти! Отправляйся к себе в кроватку, малыш.

Щеки мальчика вспыхнули.

— Я должен помочь полировать... накрывать на стол...

— Если сейчас же не уйдешь — завтра обнаружишь в своей постели дюжину живых устриц,— спокойно пообещала Элен.— Так что спокойной ночи, Тимоти.

Горя обидой, Тимоти сбежал по лестнице вниз — и с разбегу врезался в Лауру.

— Смотри куда идешь! — прошипела она сквозь зубы и исчезла.

Тимоти подбежал к открытой двери подвала, вдохнул струю густо пахнущего землей воздуха.

— Папа?

— Опаздываешь! — крикнул снизу отец.— Бегом сюда, не то мы не закончим к их появлению!

Тимоти секунду задержался на пороге, слушая тысячи звуков дома. Приходили и уходили братья, точно поезда на вокзале. Они говорили, спорили о чем-то. Стóит постоять на одном месте подольше, и их бледные руки пронесут мимо тебя все, что есть в доме. Вот Леонард со своим черным докторским саквояжем; вот Самуэль с большой черной книгой под мышкой несет еще рулон крепа; вот Бион опять, в который уже раз, несет из машины очередные банки.

Папа на секунду оторвался от полировки — сунул сыну тряпку и, нахмурясь, постучал пальцем по черному дереву.

— Давай-ка, соня, быстренько заканчивай с этим, и перейдем к следующему.

Натирая дерево воском, Тимоти заглянул внутрь.

— Дядя Эйнар большой, правда, папа?

— Угу.

— А сколько в нем росту?

— Посмотри на ящик, увидишь.

— Я просто спросил. Семь футов?

— Много болтаешь.

Около девяти Тимоти вышел из дома в октябрьскую ночь. Два часа он бродил по полям, собирая поганки и

пауков. Дул ветер — то теплый, то холодный. Его сердце вновь забилось от волнения. Сколько, сказала мама, будет в гостях родственников? Семьдесят? Сто?

Он прошел мимо спящей фермы.

— Знали бы вы, какой у нас сегодня праздник,— сказал он мягко светящимся окнам. Он поднялся на холм и посмотрел на засыпающий городок в нескольких милях отсюда. Виднелся белеющий циферблат часов над мэрией. В городке тоже ничего не знали.

Тимоти принес домой множество банок с поганками и пауками.

В маленькой часовне в подвале отслужили короткую службу. Все было как обычно: папа читал черные заклинания, прекрасные мамины руки, точно вырезанные из слоновой кости, творили оборотные знамения, а все дети стояли перед алтарем — кроме Сеси, которая лежала в постели наверху. Но Сеси тоже была здесь — можно было заметить ее в глазах то Биона, то Самуэля, то в маминых... а вот она в тебе, раз — и исчезла.

Тимоти горячо молился Черному Повелителю, чувствуя, как все в нем сжимается от волнения.

— Пожалуйста, пожалуйста, помоги мне вырасти, и пусть я буду такой же, как мои сестры и братья. Я не хочу быть другим. Если бы я умел вкладывать волосы в восковые фигурки, как Элен, или заставлять людей влюбляться в себя, как Лаура, или читать странные книги, как Сэм, или иметь уважаемую работу — как Леонард и Бион. Или даже, может, завести семью, как мама с папой...

В полночь на дом навалилась гроза. Ослепительными белыми стрелами вонзались в землю молнии. Слышно было, как приближается, осторожно нащупывая дорогу, торнадо, и его воронка жадно вгрызается в сырую землю. А потом парадная дверь наполовину слетела с петель, распахнулась и криво повисла — и вошли дедушка с бабушкой, только что из Старого Света!

И после этого стали собираться гости, один за другим. То постучат с парадного крыльца, то поскребутся с черного хода, то захлопают крылья у окна. Шорох в подвале; посвист осеннего ветра, залетевшего в трубу... Мама наливала в огромную хрустальную чашу для пунша алую жидкость, которую привез Бион. Папа скользил из комнаты в комнату, зажигая черные свечи. Лаура и Элен развешивали на стенах гирлянды из ветвей волчьего

лыка. А Тимоти стоял среди всей этой суеты — руки дрожат, на лице — никакого выражения — смотрел то туда, то сюда. Хлопают двери, звучит смех, льется со звоном алая жидкость, темнота, гудит ветер, гулко хлопают крылья, шлепают ноги и лапы, кого-то приветствуют у дверей, слышно, как гремят полированные ящики, скользят мимо тени — подходят, проходят, колышутся, нависают.

— Ого, ну а *это*, конечно, Тимоти?

— Что?..

Ледяная ладонь сжимает его руку, длинное, заросшее лицо склоняется над ним.

— Славный, славный паренек,— говорит незнакомец.

— Тимоти,— это уже мама,— Тимоти, это дядя Ясон.

— Здравствуйте, дядя Ясон.

— А это... — Мама увела от него дядю Ясона. А тот оглянулся на Тимоти поверх наброшенного на плечи плаща и подмигнул.

Тимоти остался один.

Откуда-то издалека, из-за горящих во тьме черных свечей, послышался высокий звонкий голос — Элен.

— ...А вот мои братики — они действительно умные. Угадайте, чем они занимаются, тетя Моргиана!

— Куда мне угадать.

— Они держат похоронное бюро в городе!

— Что?! — и изумленный вздох.

— Представьте себе! — и пронзительный смех.— Разве это не здорово?

Тимоти стоял совершенно неподвижно.

Смех затих.

— Они привозят еду для мамы, папы и всех нас,— продолжила Лаура за сестру.— Кроме, конечно, Тимоти...

Неловкая пауза. Голос дяди Ясона:

— Ну? Говори уж. Что такое насчет Тимоти?

— Ох, Лаура, твой язык... — вздохнула мама.

Лауре пришлось продолжить. Тимоти зажмурился.

— Тимоти не... ну... он *не любит* кровь. Он у нас неженка.

— Он еще научится,— поспешно сказала мама и повторила уже более твердо: — Он научится. Он мой сын — он научится. Ему еще только четырнадцать лет!

— *Я* вырос на этой пище.— Голос дяди Ясона отдавался по комнатам, ветер за окном играл на ветвях де-

ревьев, как на струнах арфы; дождик простучал в окно — "вы-рос-на-э-той-пище..." — и исчез.

Тимоти прикусил губу и открыл глаза.

— Я сама виновата,— теперь мама вела их в кухню.— Я пыталась его заставить. А разве можно насильно кормить детей — их стошнит, и они навсегда потеряют вкус к этой еде. А Бион, например, только в тринадцать лет...

— Понимаю... — пробурчал дядя Ясон.— Конечно, Тимоти поправится...

— Я не сомневаюсь в этом,— с вызовом ответила мама.

Пламя свечей вздрагивало, когда тени скользили из одной затхлой комнаты в другую по всей дюжине комнат дома. Тимоти чувствовал, что замерз. Почувствовав запах тающего жира, он не глядя схватил свечу и пошел по дому, делая вид, будто расправляет креп на стенах.

— Тимоти,— прошептал кто-то за разрисованной стеной, шипя и со свистом выдыхая слова, — Тимоти боится темноты!..

Голос Леонарда. Гад этот Леонард!

— Просто мне нравится эта свечка, и все,— укоризненно прошептал Тимоти.

Снова шум, смех, гром. Каскады гулкого смеха! Стук, щелканье, возгласы, шуршание одежд. Сырой туман ползет сквозь парадную дверь. Из тумана, складывая крылья, вышел высокий человек.

— Дядя Эйнар!

Тимоти бросился к нему — тонкие быстрые ноги пронесли мальчика сквозь туман, под зеленые колышущиеся тени крыльев. Он кинулся на руки дяди Эйнара, и тот подхватил его.

— У тебя есть крылья! — Он подбросил мальчика под потолок — легко, будто шарик репейника.— Крылья, Тимоти,— лети!

Внизу кружились лица. Кружилась тьма. Шел колесом, улетая вдаль, дом. Тимоти был легким, как ветер. Он взмахнул руками. Руки Эйнара поймали его и вновь подбросили к потолку. Потолок, похожий сейчас на обгоревшую стену из-за черного крепа, помчался вниз.

— Лети, Тимоти! — громко, звучно кричал Эйнар.— У тебя крылья! Крылья!..

Он ощутил в экстазе, как прорастают на лопатках крылья, как они прорывают кожу, как разворачиваются

молодые, еще влажные перепонки. Он закричал что-то, сам не зная что, и дядя Эйнар снова подкинул его.

Осенний ветер ударился о дом, и тут же обрушился дождь — да так, что вздрогнули балки, а люстры взмахнули злыми огненными язычками свечей. И все сто родичей выглянули из темных зачарованных комнат, окружавших холл, туда, где дядюшка Эйнар крутил мальчика, как цирковой жезл.

— Ну, хватит! — сказал наконец дядя Эйнар.

Тимоти опустили на пол. Он взволнованно и устало обнял дядю Эйнара, счастливо всхлипывая.

— Дядя, дядя, дядя!..

— Что, понравилось летать? А, Тимоти? — спросил дядя Эйнар, нагнувшись и потрепав мальчика по голове.— То-то что хорошо!..

Приближался рассвет. Уже почти все родичи прибыли и собирались укладываться на день — собирались спать без движения, без звука до следующего заката, когда они выйдут из своих лож-ящиков из черного дерева на семейный пир.

Дядя Эйнар направился в подвал, за ним потянулись все остальные. Мама проводила их туда, где рядами вплотную стояли безукоризненно отполированные ящики. Эйнар, подняв за спиной крылья на манер брезентового тента цвета морской волны, посвистывая, шел по проходу, и когда его крылья касались чего-нибудь, они гудели, словно кто-то несильно стукнул в барабан.

А Тимоти устало лежал наверху. Он думал. Он пытался полюбить темноту. Например, в темноте можно делать разные вещи, за которые тебя не станут ругать — потому что не увидят. Да, он все-таки любил ночь, но у этой любви были свои границы. Иногда ночи было так много, что он просто не выдерживал.

А в подвале бледные руки плотно закрывали полированные черные крышки. По углам кое-кто из родни кружился на месте, прежде чем лечь, опустить голову на лапы и закрыть глаза. Встало солнце, и дом уснул.

Закат. Вот когда пошло веселье — точно кто-то вспугнул гнездовье нетопырей, и те с писком и хлопаньем крыльев разлетаются во все стороны. Со стуком откидываются деревянные крышки. Стучат шаги по подвальной лестнице. Прибывают запоздалые гости, стучат-

ся во все двери. Их впускают, а снаружи идет дождь, и промокшие гости скидывают плащи и усыпанные каплями дождя шляпы и накидки на руки Тимоти, а тот бегом таскает их в шкаф. В комнатах уже не протолкнуться. Засмеялась какая-то двоюродная... ее смех вылетел из одной комнаты, отразился во второй, рикошетом ушел в третью и вернулся к Тимоти из четвертой — циничный, деланный смех.

По полу бежит мышка.

— Я вас узнал, племянница Лейбершраутер! — восклицает папа.

Мышка обогнула ноги женщин и скрылась в углу. Через мгновение из пустого темного угла вышла, улыбаясь, белозубая красавица.

Что-то прижалось снаружи к кухонному окну, вздыхает, плачет и стучит. Но Тимоти ничего не замечает. Он представляет снаружи себя — дождь, ветер, а внутри за окном заманчиво колышется пронизанная огоньками черных свечей темнота. Под звуки чужеземной музыки высокие тонкие силуэты кружатся в вальсе. Звездочки света отражаются в поднятых бутылках; иногда падают на пол комочки земли, а вот повис, дергая лапками, паук.

Тимоти вздрогнул. Он снова был в доме. Мама звала его — беги туда, беги сюда, помоги, подай, сбегай на кухню, принеси это, принеси то, а теперь тарелки, и раскладывай угощение; праздник был вокруг него, но не для него. Мимо проходили огромные люди, толкали его, задевали — и даже не замечали.

Наконец он повернулся и тихо поднялся на второй этаж.

— Сеси,— шепотом позвал он.— Где ты сейчас, Сеси?

После долгой-долгой паузы она едва слышно ответила:

— В Империал-Вэлли, возле Солтонского озера... где кипит в фумаролах грязь и клубится пар... где тишина. Я — в жене фермера. Я сижу на крыльце. Я могу заставить ее полюбить, если захочу. Или сделать что угодно. Или подумать что угодно. Солнце клонится к закату...

— Как там, Сеси?

— Я слышу, как шипят фумаролы,— негромко и размеренно, как в церкви, произнесла Сеси.— Небольшие пузыри пара поднимаются из грязи — точно безволосые люди всплывают из густого сиропа, плывут головой впе-

ред, выбираясь из раскаленных подземных ходов. Пузыри надуваются и лопаются, точно резиновые, а звук — словно шлепают мокрые губы. Пахнет горячей серой и старой известью... Там, в глубине, уже десять миллионов лет варится динозавр.

— И он еще не готов, Сеси?!

— Готов, совсем готов... — Губы Сеси, до того спокойно расслабленные, как у спящей, дрогнули и изогнулись в улыбке, а вялый голос продолжал: — Я — в этой женщине; я выглядываю из ее глаз и вижу неподвижные воды — такие спокойные, что это пугает. Я сижу на крыльце и жду возвращения мужа. Иногда из воды выпрыгивает рыба, и звездный свет блестит на ее чешуе. Выпрыгивает и вновь падает в воду. Долина, озеро, несколько машин, деревянное крыльцо, мое кресло-качалка, я, тишина...

— А что теперь, Сеси?

— Я встаю из кресла-качалки,— сообщила она.

— А дальше?

— Я схожу с крыльца и иду к фумаролам, к кипящим грязью котлам. Как птицы, пролетают самолеты. А когда пролетят — наступает тишина. Так тихо!

— Как долго ты останешься в ней, Сеси?

— Пока не наслушаюсь, не насмотрюсь, не начувствуюсь вдоволь: пока я не изменю как-нибудь ее жизнь. Я схожу с крыльца и иду по доскам, и мои ноги устало и медленно шагают по ним...

— А теперь?

— Теперь серный пар окружает меня. Я смотрю, как поднимаются из кипящей грязи пузыри. Вдруг надо мной пролетает птица. Она кричит. Раз! — и я в птице, и лечу прочь. Я улетаю и, глядя из своих новых глаз-бусинок, вижу внизу на мостках женщину. Она шагает — шаг, два, три — прямо в фумарол. И я слышу — точно камень упал в кипящую грязь. Я делаю круг. Я вижу руку — она корчится, точно белый паук, и исчезает в котле серой лавы. И лава смыкается над ней. А я лечу домой — быстрее, быстрее, быстрее!

Что-то забилось в оконное стекло. Тимоти вздрогнул.

Сеси распахнула яркие, счастливые, взволнованные глаза.

— Я *дома*! — воскликнула она.

Тимоти собрался с духом и наконец начал:

— Сейчас Ночь Семьи, все в сборе...

— Тогда что ты здесь делаешь?.. Ну хорошо, хорошо,— она лукаво улыбнулась.— Давай говори, чего ты хотел.

— Я ничего не хотел,— ответил он.— Ну... почти ничего. То есть... ох, Сеси! — и слова сами полились из него.— Я хочу сделать на празднике что-нибудь такое, чтобы они на меня посмотрели, чтобы они увидели, что я не хуже их, чтобы я не был им чужим... но я не могу ничего сделать, и мне не по себе, и... ну... я думал, ты могла бы...

— Могла бы,— ответила она, закрывая глаза и улыбаясь про себя.— Встань прямо. Не шевелись.— Он повиновался.— А теперь закрой глаза и ни о чем не думай.

Он стоял прямо и неподвижно и ни о чем не думал — или, вернее, думал о том, что ни о чем не должен думать.

Она вздохнула.

— Ну что, Тимоти? Пойдем вниз?

Она вошла в него, как рука в перчатку.

— Смотрите все! — Тимоти поднял стакан горячей алой жидкости, подождал, пока все к нему обернутся. Тетки, дядья, кузины, братья и сестры!

И он выпил все до дна.

И протянул руку в сторону своей сестры Лауры. Поймал ее взгляд и, тихо шепча, заставил ее замолчать и застыть. Он шел к ней и чувствовал себя огромным, как деревья.

Гости замолкли и теперь все смотрели на него. Из темных дверных проемов уставились на него бледные лица. Никто не смеялся. На мамином лице было написано изумление. Папа выглядел озадаченным, но довольным — и с каждым мигом все более гордым.

Он нежно прихватил ее яремную вену. Пьяно качались огоньки свечей. Ветер играл на крыше. Родня таращилась на него. А он набил полный рот поганками, проглотил; потом хлопнул по бедрам руками и закружился.

— Смотри, дядя Эйнар! Наконец-то!..

Машут руки. Бьют ноги. Несутся мимо лица.

Не успев понять, что происходит, Тимоти оказался на верхней площадке лестницы. Тут он услышал мамин крик далеко снизу.

— Тимоти, стой!

— Эгей! — закричал мальчик и кинулся вниз, молотя руками по воздуху.

На полпути вниз крылья, которые, как ему казалось, несли его, исчезли. Он закричал. Дядя Эйнар подхватил его.

Тимоти, белый как мел, упал на протянутые руки. А его губы сами собой выталкивали слова:

— Это Сеси! Это Сеси! — пронзительно кричал, не повинуясь мальчику, его рот.— Сеси! Приходите взглянуть на меня все, это наверху, первая комната налево!

И долгий звонкий смех. Тимоти пытался совладать со своими губами и языком, заставить смех замолкнуть — и не мог.

Смеялись все. Эйнар опустил мальчика на пол. Он побежал, проталкиваясь в темноте мимо родни, которая поднималась к Сеси,— поздравить ее. Тимоти с грохотом распахнул дверь на улицу. Сзади обеспокоенно звала мама.

— Сеси, я тебя ненавижу, ненавижу!

В глубокой тени под старой сикоморой Тимоти стошнило. Избавившись от ужина, он упал и, рыдая, колотил по опавшей листве. Потом затих. Из кармашка рубашки из спичечного коробка вылез паучок, спрятавшийся туда от суеты. Чок прошелся по руке мальчика. Пробежал по шее, залез в ухо пощекотать. Тимоти покачал головой.

— Не надо, Чок. Отстань.

Как будто перышко коснулось барабанной перепонки — это Чок погладил ее щупальцем. Тимоти дернулся.

— Чок, прекрати!

Но всхлипывал он уже не так горько.

Паучок сбежал по его щеке, замер под носом, заглянул в ноздри, словно пытаясь разглядеть мозг, а потом вскарабкался на кончик носа и уставился на Тимоти зелеными бусинками глаз. Наконец Тимоти не выдержал и засмеялся.

— Убирайся, Чок!

Тимоти сел, шурша листвой. Земля была ярко освещена луной. Из дома доносился приглушенный гул голосов — играли в "зеркало". Гости пытались узнать себя — хотя, конечно, им никогда не приходилось видеть себя в зеркале. Они в нем попросту не отражались.

— Тимоти... — Крылья дяди Эйнара распахнулись, дрогнули и закрылись с литавренным гулом. Сильные руки подняли мальчика как пушинку и посадили на плечо.— Не огорчайся, племянник Тимоти. Каждому

свое, и дорога своя у каждого. Подумай, как тебе повезло. Какой ты богатый. Ведь для нас мир мертв. Мы слишком много видели — поверь. Жизнь всего прекраснее для тех, кто живет меньше других. Это тот случай, когда унция стоит дороже фунта, Тимоти. Помни это.

Весь остаток ночи, от полуночи до рассвета, дядя Эйнар сам водил его по дому из комнаты в комнату и пел. Опоздавшие гости опять подняли суету. Тимоти увидел пра-пра-пра-пра... и еще тысячу раз пра-прабабушку, закутанную в египетские погребальные пелены. Она молча лежала у стены, точно прожженная утюгом гладильная доска, и в пустых темных глазницах мерцали далекие, полные мудрости огоньки. За завтраком, в четыре утра, тысячу-раз-прабабушка неподвижно сидела во главе самого длинного стола.

Многочисленные молодые кузены и кузины вовсю веселились вокруг хрустальной пуншевой чаши. Блестели оливковые глаза, кружили вокруг стола вытянутые дьявольские лица, увенчанные шапками бронзовых кудрей; потом они неприлично перепились допьяна и затеяли возню — их полуюношеские-полудевичьи тела сплелись в борьбе.

Ветер окреп, звезды сияли и пламенели, шум усилился, пляски ускорились, да и пить стали больше. Тимоти слышал и видел тысячи разных вещей разом. Темнота клубилась и роилась, пролетали и возвращались бесконечные лица...

— Слушайте!

Гости затаили дыхание. Далеко отсюда, в городке, шесть раз пробили часы. Праздник кончался. Как по сигналу — и в такт бою часов — сотня голосов затянула песню, которую пели еще четыре века назад. Этой песни Тимоти никогда не слышал. Гости пели, обняв друг друга, медленно раскачиваясь в хороводе; и вот где-то в холодном далеке утра часы закончили вызванивать мелодию и замолкли.

Начали прощаться; зашуршала одежда; мама с папой, братья и сестры выстроились в ряд, чтобы пожать руку каждому гостю, поцеловаться с ним. Небо за открытой дверью порозовело и осветилось у горизонта, и холодный ветерок вбежал в дом.

Мало-помалу затихали смех и крики, удалялись приветственные возгласы. Заря наступала. Все обнимались, и плакали, и думали о том, что в мире для них остается

все меньше места. Когда-то они встречались каждый год, а теперь целыми десятилетиями родня не видела друг друга.

— Не забудьте — встречаемся в Салеме, в тысяча девятьсот семидесятом! — крикнул кто-то.

Салем. Тимоти устало считал про себя. Салем, 1970. Там будет и дядя Фрай, и дедушка с бабушкой, и тысячу-раз-прабабушка в ее ветхих пеленах. И мама с папой, и Элен, и Лаура, и Сеси, и Леонард, и Бион, и Сэм, и все остальные. А он? Доживет ли он? Может ли он надеяться прожить столько?..

С последним порывом холодного ветра улетели последние гости — развевающиеся шарфы, хлопающие крылья нетопырей, сухие листья, стремительные волки; негромкий вой, и суета, и чьи-то полуночные видения, и чье-то безумие.

Мама закрыла дверь; Лаура взялась было за метлу.

— Нет,— сказала мама,— приберемся ночью. А сейчас всем нам надо поспать.

Папа спустился в погреб, за ним — Лаура, Бион и Сэм. Элен и Леонард поднялись наверх.

Тимоти побрел к себе по затянутому крепом холлу. Проходя мимо зеркала, с которым играли гости, он увидел в нем себя. Бледное лицо. Лицо того, кому суждено умереть. Ему было холодно, он дрожал.

— Тимоти... — позвала мама.

Он остановился под лестницей. Мама подошла, дотронулась до его лица.

— Сыночек,— сказала она.— Мы любим тебя. Помни это. Мы все тебя любим. И неважно, что ты не такой, как мы; и неважно, что однажды ты уйдешь от нас.— Она поцеловала его в щеку.— А если и когда ты умрешь, твое тело будет покоиться в мире, и никто тебя не потревожит — мы присмотрим за ним. Ты будешь вечно лежать в покое, а я каждый год в канун Всех Святых буду приходить к тебе и укладывать тебя поудобнее.

Дом молчал. Далеко, над холмами, ветер уносил последних весело болтающих между собой нетопырей.

Тимоти пошел к себе, медленно поднимаясь со ступеньки на ступеньку. Он неслышно плакал.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 5

Филип Ж. Фармер. ВРАТА ВРЕМЕНИ (роман)
Перевод Н. Башлаковой 9

Джеймс Блиш. ЗЕМЛЯНИН, ВОЙДИ В СВОЙ ДОМ
(повесть) *Перевод А. Денисова* 147

Филип Ж. Фармер. БОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОМЫСЕЛ
(повесть) *Перевод Ш. Куртишвили* 189

ВЗЛЕТЕВШИЕ ИЗ ТЬМЫ (рассказы)

Фред Сейберхаген. Взлетевшие из тьмы
Перевод Н. Башлаковой 259

Альфред Э. Ван-Вогт. Черный разрушитель
Перевод В. Кормилицына 281

Кит Ломер. Гибрид
Перевод Е. Гаркави 313

Льюис Педжетт. Идеальный тайник
Перевод Л. Рыжовой 328

Теодор Старджон. Торговля тутылками
Перевод П. Вязникова 352

Томас Диш. Спуск
Перевод П. Вязникова 380

Кэрролл Маккап. Сила действия равна...
Перевод А. Прохорова 392

Авраам Дэвидсон. О всех морях с устрицами
Перевод П. Вязникова 400

Филип Ж. Фармер. Плыви! Плыви!
Перевод Ш. Куртишвили 412

Артур Цирул. Прекрасные вещи
Перевод П. Вязникова 424

Тед Томас. Вторжение
Перевод П. Вязникова 429

Кит Ломер. В очереди
Перевод П. Вязникова 438

Филип Ж. Фармер. Царь зверей
Перевод Ш. Куртишвили 448

Говард Лавкрафт. Модель Пикмана
Перевод М. Денисова 450

Теодор Когсвелл. Костер
Перевод П. Вязникова 465

Рог Филлипс. Желтая пилюля
Перевод П. Вязникова 471

П. Шайлер Миллер. Нож ниоткуда
Перевод Ш. Куртишвили 486

Роберт Хайнлайн. Уроборос
Перевод П. Вязникова 504

Эдвин Табб. Новенький
Перевод П. Вязникова 520

Джером Биксби. Бела
Перевод П. Вязникова 537

Питер Филлипс. Грезы — дело святое
Перевод Е. Гаркави 565

Рэй Брэдбери. Ночь семьи
Перевод П. Вязникова 590

Литературно-художественное издание
Серия «ХРОНОС»

ВРАТА ВРЕМЕНИ
Сборник англо-американской фантастики

Составитель и главный редактор серии *О. П. Пуля*
Литературные редакторы *О. П. Пуля, С. Н. Петропавлов, Е. В. Приказчикова, И. Г. Безденежных*
Художник *В. Ю. Мартыненко*
Технический редактор *Т. И. Шеленкова*
Корректоры *Е. В. Тарариева, Е. А. Самолетова, Л. В. Хохлова*
Оператор компьютерной верстки *Е. Р. Данилов*

ЛР № 061591 от 07.09.92.
Подписано в печать 15.09.94. Формат 84×108/32.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 32,42. Тираж 30 000. Заказ 137

Издательство «АРГУС»
127018, Россия, Москва, Октябрьский пер., д. 32

Отпечатано с оригинал-макета
в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати.
198052, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

* * *

БАГРЯНАЯ ИГРА

**СБОРНИК
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

Более 500 увлекательнейших страниц с иллюстрациями — необычное и изысканное в изысканных переводах!!!

М. Муркок	«БАГРЯНАЯ ИГРА»
К. Ломер	«ИСПЫТАНИЕ НА РАЗРУШЕНИЕ»
М. Пик	«МАЛЬЧИК И ТЬМА»
У. Ле Гуин	«БЕЗБРЕЖНЕЙ И МЕДЛИТЕЛЬНЕЙ ИМПЕРИЙ...»
С. Дилэни	«Время как спираль из самоцветных камней»
Д. Баллард	«Облачные скульпторы Коралла D»
Х. Эллисон	«Мне нужно крикнуть, а у меня нет рта»
Г. Диксон	«Достойная смерть»
Л. Нивен	«Незадолго до конца»
Х. Эллисон	«Крошка Мегги — Денежные Глазки»
У. Ле Гуин	«Вещи»
С. Корнблат	«Слова Гуру»
Х. Эллисон	«Покайся, Арлекин»
Д. Вулф	«УЖОСы войны»
Ф. Лейбер	«Побросаю-ка я кости»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРГУС»

продолжает выпуск СЕРИИ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС» — это великолепные переводы, выполненные специально для наших изданий, и множество самых фантастических иллюстраций.

Серию продолжат лучшие произведения мировой и отечественной фантастики,

а также — очередные тома блистательного американского фантаста РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ!

В СЕРИИ ВЫХОДЯТ:

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 1: «СОЗДАНИЯ СВЕТА — СОЗДАНИЯ ТЬМЫ»

сборник: «ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК»
(антология французской фантастики)

сборник: «ВРАТА ВРЕМЕНИ»
(англо-американская фантастика)

сборник: «БАГРЯНАЯ ИГРА»
(англо-американская фантастика)

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 2: «ДЖЕК ИЗ ТЕНИ»

Л. ВЕРШИНИН: «ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА»

Р. СИЛВЕРБЕРГ: «БАШНЯ ИЗ СТЕКЛА»

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 3: «БОГ СВЕТА»

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 4: «ОСТРОВ МЕРТВЫХ»

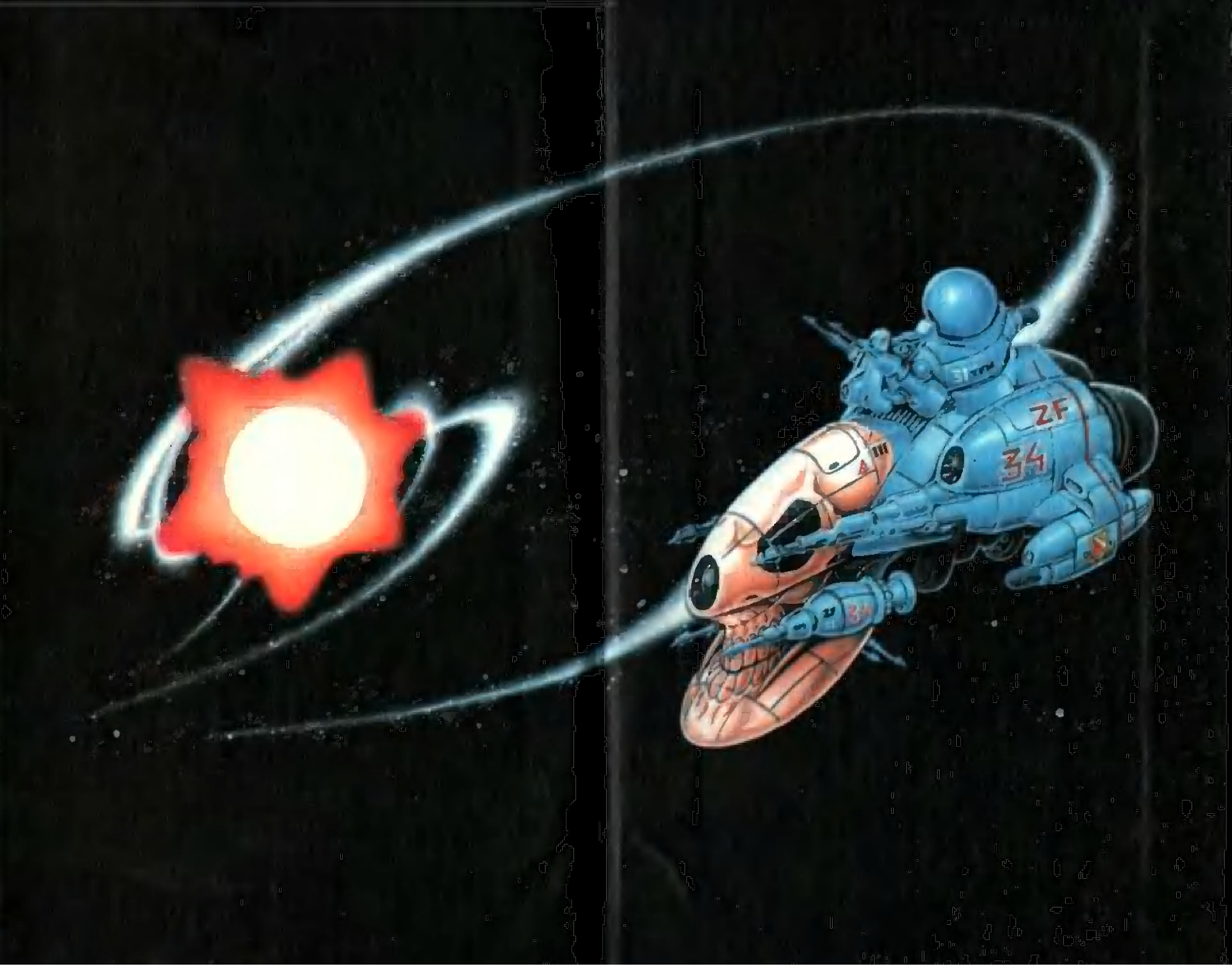
Ф. ГЕРБЕРТ: «ДЮНА»

Дополнительно в серию включаются два тома остросюжетной фантастики СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО:

«ЛОРД С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ»

«РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ»

Объем каждой книги серии от 500 до 850 страниц.


ZF
34